Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/russkaya-mysl-1880_1880_2

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by

C. H. VAN SCHOONEVELD

Indiana University

171/2

1969

MOUTON

THE HAGUE · PARIS

IN COOPERATION WITH EUROPE PRINTING, VADUZ

Russkaia Mysl'

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Godpervii Kniga

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА II.

Редакція и контора Русской Мысли: Малая Дмитровка, д. Роледеръ.

МОСКВА.

1880.

Типографія Е. И. Погодиной, у Больш. Каменнаго моста, д. Котельниковой.

Printed in Germany

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. 5 Февраля.

II. Маргеръ. Поэма В. Сырокомли. пер. Л. Пальмина. (Окончаніе). . 3

III. Великій расколъ. Истор. повѣсть. Д. Мордовцева VI—XI. (Продолженіе) 54

IV. Ничьи деньги. Повѣсть. М. Ремезова. VII—XII. (Окончаніе) . . 105

V. Въ сорочкѣ родилась. Разсказъ. А. Коваленской. 136

VI. Лже-богъ. Стихотвореніе. А. Ч. 158

Русская жизнь.

VII. Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго пѣсеннаго творчества. Н. Костомарова. (Продолженіе) 1

VIII. Голосъ къ Земству. С. Кап—на. (Окончаніе) 61

IX. Дѣти неба. Стихотвореніе. Л. Пальмина 113

Науки и искусства.

X. Синтезъ ученій объ экономической политикѣ. Ив. Иванюкова. . 1

XI. Результаты новѣйшихъ изслѣдованій живаго вещества. Д. . . 35

Славянскіе народы.

XII. Причины созванія Свято-Андреевской скупштины и ея дѣятельность. М. С. Протича.. 1

XIII. Suum cuique. Стихотвореніе. Я. Полонскаго 18

XIV. **Библіографія** . . . . . 1—23

Ф. Мартенсъ. Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878 г. Спб. 1879 г. VIII+596+46. В. Лаценскаго

Сборникъ Государственныхъ Знаній, издан. подъ редакціею В. П. Безобразова. Т. VII. Д. Н.

Sociale Ueberstände zweier Confessionen. Ein psychologisch-religiöses Zeitbild von. Prof. J. J. Hoppe. Leipzig. 1879. Н. Аксакова.

Земство.

XV. Земское обозрѣніе 1

XVI. Одно изъ земствъ Приволжскаго края. Очеркъ. Б. Н. Н. . . 16

XVII. Внутреннее обозрѣніе 29

XVIII. Политическое обозрѣніе. 42

XIX. Письмо къ редактору. А. И. Кошелева 64

Объявленія.

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Роледеръ находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина—Сны на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва 1879 г. Цѣна 2 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20%.

Правительственное сообщеніе.

5-го сего февраля, въ седьмомъ часу пополудни, въ подвальномъ этажѣ Зимняго Дворца, подъ помѣщеніемъ Главнаго караула, произошелъ взрывъ. При этомъ убито восемь и ранено 45 нижнихъ чиновъ караула отъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка; попорчены: полъ въ караульномъ помѣщеніи и нѣсколько газовыхъ трубъ. Приступлено къ выясненію причины взрыва.

Приказъ по войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

(6-го февраля 1880 года, № 11)

Вчера, въ 7-мъ часу пополудни, подъ помѣщеніемъ главнаго караула Зимняго Дворца, отъ воспламененія значительнаго заряда динамита произошелъ взрывъ.

Избравъ время обычнаго Высочайшаго обѣденнаго стола и направивъ ударъ къ разрушенію столовой Его Величества, дерзкій злоумышленникъ, очевидно, обнаружилъ тѣмъ адскій замыселъ на Священную Особу Государя.

Богъ спасъ драгоцѣнную жизнь Своего Помазанника, вновь проявивъ неизреченную и великую ко всѣмъ намъ милость, за которую поспѣшимъ возблагодарить Господа въ горячей и единодушной молитвѣ.

Подписалъ: Временно-Командующій войсками,
генералъ-адъютантъ **Гурко.**

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Послѣ взрыва, бывшаго 5-го текущаго Февраля въ Зимнемъ Дворцѣ, произведенъ былъ осмотръ помѣщеній, пострадавшихъ отъ взрыва. Осмотрѣны: помѣщеніе для старшаго караула, въ первомъ этажѣ, подъ нимъ, въ подвальномъ этажѣ—жилое помѣщеніе и корридоры, съ кирпичнымъ сводомъ, и во второмъ этажѣ, надъ караульнымъ помѣщеніемъ для нижнихъ чиновъ, столовыя комнаты Его Императорскаго Величества. Взрывъ произошелъ въ подвальномъ этажѣ, въ которомъ значительная часть сводовъ и печь въ жиломъ помѣщеніи разрушены, двери всѣ вырваны, деревянная обшивка трубъ оторвана и тамбуръ у входа уничтоженъ; въ первомъ этажѣ. гдѣ помѣщались нижніе чины караула, оказались въ нижнемъ сводѣ потолка, имѣющемъ поверхъ еще вторые, легкіе своды, двѣ пробоины и большая часть пола провалилась во второмъ же этажѣ, въ столовой комнатѣ,

съ настоятельною просьбою спокойно и съ достоинствомъ отнестись къ будущему и не смущаться злонамѣренными или легкомысленными внушеніями, толками и слухами.

«Въ разумномъ и твердомъ отношеніи населенія къ настоящему тягостному положенію вижу прочный залогъ успѣха въ достиженіи цѣли, равно для всѣхъ дорогой: возстановленія потрясеннаго порядка и возвращенія отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣнія, указаннаго благими предначертаніями Августѣйшаго его Вождя».

Генералъ-адъютантъ графъ **Лорисъ-Меликовъ.**

14-го февраля 1880 года.
Санктпетербургъ.

Снова раздался призывъ къ обществу—сомкнуть свои силы въ борьбѣ съ преступными проявленіями, разрушающими основныя начала гражданскаго порядка, и высказана увѣренность, что этотъ призывъ встрѣтитъ поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ родину; что въ этой поддержкѣ общества заключается *главная* сила, могущая содѣйствовать возобновленію правильнаго теченія жизни!—Снова воскресаютъ надежды русскаго народа, снова укрѣпляется энергія его нравственныхъ силъ. Земство и общество готовы на важное и святое дѣло очищенія русской жизни отъ чуждыхъ ей плевелъ и обновленія ея силъ въ ихъ здоровой самодѣятельности подъ верховнымъ предводительствомъ ихъ Верховнаго Вождя, лишь бы ясно и точно были указаны пути для ихъ совокупной дѣятельности и открытъ просторъ для нравственной борьбы съ ложью, воспитываемой тайной и молчаніемъ. Русскій народъ ждетъ такихъ указаній, какъ зари свѣтлаго, радостнаго утра, появленіе котораго заставитъ исчезнуть безъ слѣда всѣхъ дѣятелей мрака и ночи, какую бы кличку они не носили и чѣмъ бы не прикрывали свою зловредную дѣятельность, направленную противъ самыхъ дорогихъ интересовъ общества и государства.

Необманчивы надежды, возбужденныя Высочайшимъ указомъ, учредившимъ верховную распорядительную коммиссію и воззваніемъ ея начальника; что будутъ разрушены послѣдніе притоны крамолы; что среди самой глубины поражающаго насъ зла возникнетъ обновленіе русской жизни довѣріемъ правительства къ здоровымъ земскимъ и общественнымъ силамъ и подъемомъ ихъ духа само-

дѣятельности и энергіи: въ томъ ручается высокодоблестная личность героя Кавказа, покорителя Карса, твердаго, мудраго и исполненнаго любви къ человѣку государственнаго дѣятеля, привлекшаго къ себѣ сердца всѣхъ на Поволжьѣ и въ Харьковѣ, талантливаго графа Лорисъ-Меликова, избраннаго сердцемъ Царя-Освободителя милліоновъ на совершеніе труднаго и святаго дѣла.

Не останется у него втунѣ право Высочайше дарованное ему: *призывать въ коммиссію всѣхъ лицъ, которыя будутъ признаны имъ полезными.*

Предъ соединенной работой здоровыхъ и просвѣщенныхъ нравственныхъ силъ русскаго земства и общества, подъ предводительствомъ облеченнаго царскимъ довѣріемъ и укрѣпляемаго народною любовью лица, не устоитъ никакая крамола. Она исчезнетъ, какъ дымъ, и русская жизнь воскреснетъ, исполненная силъ для мирнаго *дальнѣйшаго преуспѣянія.*

МАРГЕРЪ.

ПОЭМА

ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ

Переводъ Л. И. Пальмина.

Пѣснь третья.

I.

Въ большой Мальбургской залѣ сбирается совѣтъ:
Сквозь рядъ широкихъ оконъ струится солнца свѣтъ
На каменныя плиты, на фрески по стѣнамъ,
На сонмы крестоносцевъ, собравшіеся тамъ,
Играетъ и златится на рыцарскихъ плащахъ,
На свѣтлой стали шлемовъ, на блещущихъ броняхъ.
Всѣ рыцари, какъ братья, одинъ костюмъ у нихъ,
По одному покрою плащи и латы ихъ;
Со шлемовъ вьются перья на всѣхъ, какъ на одномъ,
Не сходны только лица въ характерѣ своемъ:
Тутъ загорѣлый обликъ съ сѣдою бородой,
Румянцемъ богатырскимъ облитый, какъ зарей;
Тамъ блѣдныя ланиты и мягкія черты,
Распущенность и нѣга въ нихъ ярко разлиты,—
Легко жрецовъ разврата и Вакха въ нихъ узнать;
Тамъ строго сжаты губы, суровости печать
Видна въ поникшемъ взорѣ, на ликѣ испитомъ;
Кто дышетъ фанатизмомъ, кто ярымъ ханжествомъ;
Но ни одно лицо здѣсь и ни однѣ черты
Не носятъ христіанской любви и чистоты.
Нѣтъ, рыцари остыли давно уже душой
Къ примѣрамъ патріарховъ, что встарь въ землѣ Святой
Къ болящимъ поспѣшали на первый ихъ призывъ;
Святой Маріи Дѣвѣ оружье посвятивъ
И о Христѣ ревнуя, на хлѣбѣ—на водѣ,
Хранили пилигримовъ, спасали ихъ въ бѣдѣ;
Къ безпомощнымъ и слабымъ съ рукой спасенья шли,
Съ Арабами воюя въ степяхъ Святой земли.

Теперь Господня гроба монахъ не стережетъ,
Но въ княжеской столицѣ спокойно жизнь ведетъ;
Въ служеніи священномъ свой мечъ онъ закалилъ
И съ жадностію когти въ чужое запустилъ,
Надъ Пруссіей и Польшей и смежною Литвой,
Съ угрозою подъявши и мечъ, и крестъ святой.
Тщеславіе безъ мѣры и жадность безъ конца
Привольно свили гнѣзда подъ рясой чернеца.
Кто долженъ по обѣту уничиженнымъ быть,
Тотъ хочетъ гордой силой царей превосходить;
И къ золоту и власти объялъ его порывъ,
Въ немъ сердце жгучей жаждой и страстью распаливъ.

II.

По залу льются волны нестройныхъ голосовъ:
Изъ отдаленныхъ замковъ, земель и городовъ,
Епископы, комтуры, собрались безъ числа
И ждутъ сюда изъ Польши монаршаго посла.
Пріѣхалъ папскій нунцій, съ апостольскимъ письмомъ,
И цезарскій посланникъ, чтобъ съ польскимъ королемъ
Уладить несогласья изъ-за границъ земли,
Что въ рыцарствѣ не мало хлопотъ произвели.
По залу крестоносцы толпятся и снуютъ,
Комтуры межъ собою вполголоса ведутъ
Бесѣду о трактатахъ, о разныхъ ихъ статьяхъ,
О силѣ правъ церковныхъ, о цезарскихъ правахъ,
О томъ, какіе сроки опредѣлилъ законъ
Для права на владѣнье по давности временъ;
Теперь съ монархомъ Польскимъ есть важный споръ одинъ:
Кому должны достаться Куява и Добжинъ?
Другіе разговоры идутъ у молодыхъ —
О рыцарскихъ турнирахъ кипитъ бесѣда ихъ;
Одинъ хвастливо кажетъ венеціанскій мечъ,
Другой про очи дѣвы ведетъ съ восторгомъ рѣчь.
О первенствѣ въ безстыдствѣ тамъ жаркій споръ у всѣхъ,
И вслѣдъ разгульной пѣсни звучитъ нахальный смѣхъ.

III.

Тѣмъ временемъ герольды уже вступили въ залъ —
Прибытія магистра торжественный сигналъ.

Открылись настежъ двери, затихнулъ шумъ кругомъ,
И старецъ, удрученный боями и трудомъ,
Вошелъ, какъ скромный рыцарь, подъ панцыремъ простымъ;
Магистра аттрибуты возносятъ передъ нимъ:
И мечъ, и крестъ великій! Всѣмъ поклонился онъ,
Отвѣтивши на общій почтительный поклонъ.
Магистерское кресло онъ занялъ за столомъ,
Колѣна преклонили комтуры всѣ кругомъ.
Монахъ, раскрывши требникъ, сталъ медленно читать
Молитвы, призывая Господню благодать,
Прося Святаго Духа, чтобъ откровенья свѣтъ
Излилъ Онъ благотворно на рыцарскій совѣтъ.
О, горькое глумленье! у рыцарей въ сердцахъ
Давно ужъ и безслѣдно исчезъ Господень страхъ.
Нѣтъ! благодати неба въ убійствахъ и въ крови
Безбожными устами напрасно не зови!
Теодоръ Альтенбургскій магистромъ восемь лѣтъ;
Съ тѣхъ поръ какъ въ санъ верховный избралъ его совѣтъ,
Онъ больше духомъ браннымъ, чѣмъ Божьимъ, вдохновленъ.
И орденскую славу въ бояхъ возвысилъ онъ.
Но тщетенъ блескъ побѣды надъ головой того,
Кто славныя скрижали правленья своего
Передъ лицемъ потомства и сверстниковъ своихъ
Кропитъ невинной кровью, клеймитъ измѣной ихъ.
Могучій графъ Теодоръ! воинственной герой!
Угаснетъ и померкнетъ вѣнецъ блестящій твой!
Кѣмъ кровь дѣтей жестоко подъ Гнѣзномъ пролита,
Кто въ Калишѣ расхитилъ сокровища Христа,
Кто для корысти имя Господне осквернилъ,
Кто съ Шамотульскимъ въ сдѣлку коварную вступилъ,
Кто возбудилъ Сарматовъ (неслыханный злодѣй!)
Продать и господина, и миръ земли своей—
Воинскимъ лавромъ тщетно украситъ онъ чело,
Проклятіе навѣки надъ нимъ уже легло...
Ни цезарь, ни собранье имперскихъ всѣхъ князей,
Ни папа самъ не снимутъ его съ главы твоей!

IV.

Но вотъ обрядъ молитвы обычный совершенъ,
Уже магистръ великій возсѣлъ на княжій тронъ;

Вкругъ на скамьяхъ дубовыхъ совѣтники сидятъ,
А рыцарство за ними въ обширный стало рядъ,
Съ толпой оруженосцевъ и свитою пажей.
Отъ польскаго монарха всѣ ждутъ они вѣстей:
Съ войной иль съ миромъ посланъ властителемъ своимъ
Мельштынскій славный рыцарь Янъ Леливита къ нимъ?
У входной двери стражи парадные стоятъ;
По манію магистра всѣ стройно стали въ рядъ:
Снаружи конскій топотъ, гулъ по мосту идетъ,
И гости пріѣзжаютъ, сбираясь у воротъ.
Вотъ звукъ трубы герольда раздался громовой,
И славный Леливита разубранъ, какъ на бой,
Толпой пажей и юныхъ Сарматовъ окруженъ,
Со спущеннымъ забраломъ вступаетъ; тихо онъ
Торжественной походкой чрезъ цѣлый залъ идетъ
И грамату монарха магистру подаетъ.
Поднявъ забрало, гордо склонился онъ челомъ.
Свободы благородной печать лежитъ на немъ:
По смѣлымъ взорамъ видно, по облику чела,
Что мужественно сердце у гордаго посла;
Страна-жъ его богата, король его силенъ,
И не съ мольбой покорной сюда явился онъ.
На мечъ спокойно руку посланникъ положилъ,
Обвелъ собранье взглядомъ, въ раздумьи закрутилъ
Свои усы густые и, молча, въ сторонѣ
Сталъ ожидать отвѣта въ глубокой тишинѣ.

V.

Почти два года въ Польшѣ на тронѣ Казиміръ,
Котораго Великимъ по смерти назвалъ міръ.
Родъ доблестный Локетка стяжалъ почетъ людской,
Держа бразды правленья надъ Пястовой страной.
Онъ, при отцѣ, ребенкомъ, съ войною сталъ знакомъ,
Въ Добжинѣ отличился, Косцяны взялъ потомъ,
Съ тѣхъ поръ и крестоносцы знакомы были съ нимъ,
И былъ герой сарматскій не мало ими чтимъ.
Но зная, что Локетокъ въ могилѣ опочилъ,
У юнаго-жъ орленка еще немного силъ,
Монахи, вѣроломно чело свое поднявъ,
Возстали: кто-жъ отмститъ имъ за нарушенье правъ?

Кто? Въ Краковѣ лишь мальчикъ да женщина; совѣтъ
Изъ дряхлыхъ собранъ старцевъ, весьма преклонныхъ лѣтъ;
Сосѣдніе князья же, завистливо и зло
Ликуя, что у Польши растетъ враговъ число,
Примкнули къ крестоносцамъ, съ враждою къ Полякамъ;
Король Венгерскій, Чешскій и съ ними цезарь самъ,
Все христіанство словомъ, въ лицѣ вождей своихъ,
Возстало на Сарматовъ — и кто же былъ за нихъ?
Какой ихъ ждалъ союзникъ съ пріязненной рукой?
Одинъ Господь лишь въ небѣ да мечъ ихъ боевой!

VI.

Магистръ, окончивъ чтенье, посланіе сложилъ,
И къ старцу рѣчь такую посланникъ обратилъ:
«Магистръ высокомощный и рыцарство! со мной
«Король мой и владыка привѣтъ прислалъ вамъ свой,
«И Господа онъ молитъ, чтобъ щедро Царь царей
«Васъ надѣлилъ и счастьемъ, и милостью Своей!
«Причемъ напоминаетъ недавній вамъ трактатъ,
«Что Добжинъ и Куява не вамъ принадлежатъ.
«Подъ Пловцами разбиты при старомъ королѣ —
«Не сами ль предложили вы миръ моей землѣ?
«Не тысячу ли гривенъ серебряныхъ тогда
«Намъ обѣщалъ вашъ орденъ? И что же? Ни слѣда
«Отъ этихъ обѣщаній и не было, и нѣтъ...
«Гдѣ-жъ рыцарское слово? Гдѣ рыцарскій обѣтъ?
«Когда же вами будетъ исполненъ долгъ святой,
«Что̀ требуетъ и нунцій, что собственной рукой
«Въ апостольскомъ посланьи самъ папа подтвердилъ?
«Рѣшительно спросить васъ король мнѣ поручилъ.
«Къ тому-жъ солдаты ваши свирѣпою ордой
«Границы наши грабятъ, смущаютъ ихъ покой.
«И въ городахъ, и въ селахъ тревожно все вокругъ:
«Оставлены ремесла, бросаетъ пахарь плугъ,
«На нивахъ запустѣнье, разогнаны стада,
«А развѣ скорбь народа для короля чужда?
«Не даромъ же корона горитъ надъ нимъ свѣтло,
«Не даромъ же, вѣнчая монаршее чело,
«Архіепископъ мѵромъ священнымъ умастилъ
«И мечъ, покрытый славой, властителю вручилъ.

«Мечъ Хрòбрыхъ, Кшивоустыхъ... Еще недавно онъ
«Въ десницѣ у Локетка такъ храбро закаленъ
«И такъ побѣдоносно подъ Пловцами блестѣлъ...
«О, рыцари! онъ, вѣрно, заржавѣть не успѣлъ!
«Но, санъ вашъ уважая, король державный мой
«Тогда надѣнетъ только свой панцырь боевой,
«Когда вы, явной спѣсью заставивъ вынуть мечъ,
«Апостольскимъ велѣньемъ рѣшитесь пренебречь.
«Поэтому, недавно, принявъ посольскій санъ,
«Нашъ Краковскій епископъ, изъ Слупца, славный Янъ,
«Къ апостольскому трону былъ посланъ королемъ
«И жалобы на муки, гоненья и погромъ,
«На все, чѣмъ вы терзали Поляковъ безъ конца,
«Повергъ владыкѣ церкви, какъ сынъ къ стопамъ отца.
«Отецъ же христіанства къ намъ благосклоненъ былъ
«И къ стонамъ угнетенныхъ вниманіе склонилъ.
«Онъ на гоненья наши съ участіемъ воззрѣлъ
«И шлетъ своихъ прелатовъ въ полуночный предѣлъ.
«Посланники же папы, въ достоинствѣ судей,—
«Прелатъ Петръ Аниценьскій, Герардъ изъ Титулей,
«Отъ папы должной властью вполнѣ облечены,
«По жалобамъ законнымъ рѣшенье дать должны,
«И, защитивши Польшу, отдать въ ея удѣлъ,
«Чѣмъ орденъ крестоносцевъ неправо завладѣлъ.
«Уже легаты въ Польшѣ и въ настоящій часъ
«Провозглашаютъ папой объявленный приказъ:
«Для выслушанья тяжбы на судъ явиться вамъ
«Въ Мазурскую столицу, въ Варшаву, чтобы тамъ
«Рѣшенье состояться законное могло.
«Судъ въ Августѣ назначенъ на первое число.
«И такъ монархъ со мною привѣтствіе вамъ шлетъ
«И къ сказанному сроку на папскій судъ зоветъ,
«Чтобъ самъ магистръ великій явился предъ судомъ,
«Иль выслалъ полномочье съ довѣреннымъ лицомъ.
«Нашъ споръ пускай разсудитъ самъ Богъ на небесахъ;
«Бартольдъ же Рациборскій, мужъ свѣдущій въ правахъ,
«Изложитъ нашу тяжбу, какъ требуетъ законъ,
«Обсудитъ за и противъ ее со всѣхъ сторонъ,
«И примемъ нерушимо, съ покорною главой,
«Мы всякое рѣшенье, что дастъ Отецъ Святой.»

VII.

Окончилъ рыцарь, старецъ въ отвѣтъ сказалъ ему:
«Шляхетный Леливита! монарху своему
«Скажи, что судъ единый нашъ орденъ признаетъ,
«Гдѣ только мечъ судьею, куда труба зоветъ;
«А тщетнымъ пререканьемъ, безъ мѣры и конца
«Мы утруждать не любимъ святѣйшаго отца.
«Но если это нужно, то пусть на этотъ зовъ
«Два доблестныхъ народа, какъ двое мужиковъ,
«Изъ-за пустаго слова или клочка полей,
«Въ ихъ мелкой тяжбѣ просятъ вниманія судей.
«Признаемъ и исполнимъ мы папскій приговоръ,
«Пусть баккалавры ладятъ межъ рыцарями споръ!
«Покорнымъ сыномъ церкви нашъ орденъ былъ всегда,
«И онъ не отречется отъ папскаго суда.
«Глубоко знаетъ Божій и цезарскій законъ
«Іаковъ изъ Арнольда, и пусть изложитъ онъ
«Права на обладанье всей нашею землей,
«Что лживо вы зовете насильемъ отнятой.
«Не думайте-жъ, однако, что судъ какой-нибудь
«Вамъ на владѣнья церкви дастъ право посягнуть.
«Что отдано намъ Богомъ, иль доблестнымъ мечемъ, —
«И цезарь намъ, и церковь порукой служатъ въ томъ.
«Надъ христіанскимъ міромъ во всѣхъ его странахъ
«Глава — Нѣмецкій цезарь въ святыхъ своихъ правахъ;
«И я, монахъ смиренный, и славный твой король
«Покорныхъ лишь вассаловъ предъ нимъ играемъ роль.
«А Пруссія, Поморье, Куява и Добжинъ,
«Что взялъ въ Литвѣ нашъ орденъ, какъ церкви вѣрный сынъ,
«Все добытое вновѣ, иль въ давней старинѣ,
«Не наше достоянье, а цезаря вполнѣ.
«А такъ какъ онъ владѣнья, добытыя войной,
«Всегда Господней церкви приноситъ въ даръ святой,
«То мы, подобно слугамъ иль ключникамъ простымъ,
«Церковныя имѣнья заботливо хранимъ.
«Кто-жъ посягнуть на эти владѣнія дерзнетъ,
«Проклятіе Господне пусть на того падетъ!
«Проклятье-жъ это, грянувъ надъ чымъ-нибудь челомъ,
«Не разрѣшится даже самимъ святымъ Петромъ....
«Хотѣлъ бы съ вами въ мирѣ остаться я вполнѣ,

«Но собственная совѣсть еще дороже мнѣ,
«Обременять проклятьемъ души не стану я.
«Достойный Леливита! рѣчь кончена моя.»
Умолкъ; посланникъ смѣлый и гордый, то блѣднѣлъ
Отъ сдержаннаго гнѣва, то снова весь горѣлъ.
За мечъ все это время держась, рука посла
Его сжимала гнѣвно, какъ будто приросла
Къ чеканной рукояти, какъ будто мечъ стальной
Мгновенно засверкаетъ въ рукѣ могучей той.
Но рыцарь, посѣдѣвшій въ совѣтѣ и войнѣ,
Зналъ мирный долгъ посольства и сознавалъ вполнѣ,
Что гнѣвъ тому мятежный оказывать нейдетъ,
Кто мирно вѣтвь оливы въ рукѣ своей несетъ.
И такъ, скрывая бурю въ душевной глубинѣ,
Хотя сверкали очи, и ликъ пылалъ въ огнѣ,
Съ привѣтливой улыбкой онъ тихо далъ отвѣтъ:
«Магистръ великомощный! для насъ различья нѣтъ,
«Оружьемъ или мирно свершится правый судъ;
«Зачѣмъ же Божье имя мѣшать коварно тутъ?
«Ужели вѣроломствомъ и алчнымъ грабежемъ
«Служить пристойно церкви, завѣщанной Христомъ?
«Король могучій польскій, что доблестно царитъ,
«У цезаря въ вассалахъ, какъ вы, не состоитъ.
«А если же стучится, почтивъ Христа законъ,
«Въ апостольскія двери благочестиво онъ,
«То вы не возымѣйте пустыхъ, напрасныхъ грезъ,
«Что мечъ его на вѣки къ ножнамъ своимъ приросъ....
«Теперь позвать къ суду васъ—обязанность моя,
«И вамъ перчатку бросить пока не воленъ я;
«Но если сами вызвать хотите вы грозу,
«То скоро я иное посольство привезу»....

VIII.

«Согласны, храбрый рыцарь, согласны мы во всемъ,
«На вызовъ королевскій охотно мы идемъ;
«На судъ святой, церковный весь орденъ нашъ готовъ
«Съ перомъ или съ оружьемъ предстать на первый зовъ.
«Повсюду Божій рыцарь пойдетъ не трепеща,
«Нигдѣ не убоится ни права, ни меча».
Сказалъ Рудольфъ Саксонскій: изъ всѣхъ комтуровъ онъ

Старѣйшій былъ и славой воинской вознесенъ;
Онъ отъ монаршей крови велъ родъ старинный свой
И звался Альтенбурга могучею главой;
Но духомъ зла враждебнымъ его бы звать скорѣй,
Что раздуваетъ пламя раздора межъ людей.
«Богъ—Лелівита молвилъ—судья всѣхъ дѣлъ людскихъ
«И истинныхъ укажетъ онъ рыцарей своихъ:
«Кѣмъ воля пресвятая усерднѣй почтена,
«Кто ревностнѣе вѣры сажаетъ сѣмена.
«Великому магистру, вождю и старшинѣ,
«Я съ миромъ и пріязнью все передалъ вполнѣ.
«Творите, какъ угодно! свободны вы во всемъ!
«Король хоть жаждетъ мира—не молитъ васъ объ немъ.
«Когда-жъ войны хотите, вина на васъ падетъ;
«Прощайте крестоносцы!»
И славный Янъ идетъ
Съ толпой оруженосцевъ, со свитою своей,
Забрало опустивши, среди своихъ пажей.
По залу смутный говоръ во слѣдъ за нимъ ростетъ,
Къ нему и въ непріязни невольный скрытъ почетъ:
Чтитъ преступникъ самый величіе готовъ,
А честь и благородство смиряютъ и враговъ;
Со знаменемъ ли мира, съ воинскимъ ли мечемъ,
Почтится доблесть даже отъявленнымъ врагомъ.

IX.

Ушли и крестоносцы за рыцаремъ вослѣдъ;
Магистръ великій началъ съ комтурами совѣтъ.
«Извѣстія плохія! подумавъ, онъ сказалъ;
«Какой, Рудольфъ достойный, ты мнѣ совѣтъ бы далъ?
«Ужель предъ цѣлымъ свѣтомъ мнѣ слабость оказать!
«Отдать Добжинъ съ Куявой, да къ нимъ приплату дать!
«Что скажетъ христіанство? что скажутъ всѣ князья,
«Когда рѣшенье папы попру небрежно я?
«Куда ни обратимся, куда ни бросимъ взглядъ,—
«Всѣ къ нашей славѣ злобой и завистью кипятъ.
«Что намъ пришлось колосья, имъ плевелы срывать;
«И стоитъ Бенедикту Двѣнадцатому дать
«Лишь знакъ, чтобы Британцевъ и Галловъ хищный рой
«И всѣ народы въ мірѣ на насъ пошли войной.

«Смѣшно проклятье папы, но наша гибель въ немъ....
«Скажи мнѣ, князь, какого ты мнѣнія о томъ?»
«Отецъ, Рудольфъ отвѣтилъ, простой совѣтъ я дамъ:
«Подъ сѣнью стѣнъ церковныхъ должно укрыться намъ,
«И чрезъ отца Арнольда дать королю отвѣтъ,
«Что достоянье церкви нарушить власти нѣтъ;
«Что Добжинъ и Куява ужъ въ Божіихъ рукахъ,
«Что ихъ вернуть мѣшаетъ намъ преступленья страхъ.
«Пускай беретъ ихъ силой—виновенъ будетъ самъ....
«А если папа въ гнѣвѣ,—и тутъ есть выходъ намъ:
«Поступки наши полны святою чистотой:
«Мы служимъ христіанству съ невѣрными борьбой;
«Проститъ охотно папа намъ всякую вину,
«Лишь поскорѣй съ Литвою ты объяви войну.
«Прекрасныя тамъ земли, ихъ скоро покоримъ,
«Въ замѣнъ земель, быть можетъ, что Ляхамъ отдадимъ,
«Не мало крестоносцы въ Литвѣ пріобрѣтутъ.
«Когда-жъ легаты папы насъ вызовутъ на судъ,—
«При всемъ желаньи нашемъ, не можемъ мы предстать,
«Въ святомъ бою смиряя языческую рать;
«А въ жалобахъ Поляковъ увидитъ папа вздоръ
«И къ намъ еще съ престола привѣтный кинетъ взоръ.
«Вотъ все».
— «Отецъ! прекрасный намъ князь совѣтъ даетъ»,
Тутъ Фридрихъ изъ Эльблонга замѣтилъ въ свой чередъ,—
«Съ правдивымъ мнѣньемъ князя согласенъ я вполнѣ:
«Намъ нужно утвердиться въ литовской сторонѣ;
«О, чтобъ Сарматамъ спѣси убавить, я клянусь—
«Не пощажу и крови, мечемъ не поскуплюсь!
«Быть можетъ, дѣлу много и самъ я помогу,—
«Я о Литвѣ извѣстья дать важныя могу.
«Когда весной прошедшей я край литовскій жегъ
«Съ несмѣтнымъ нашимъ войскомъ и вдоль, и поперегъ,
«Когда почти подъ Вильномъ стояла наша рать,
«Мы маленькую крѣпость не въ силахъ были взять.
«Когда, стоптавши нивы, мы села пережгли
«И все опустошили, гдѣ только ни прошли;
«Когда весь край предъ нами отъ страха трепеталъ,—
«Одинъ лишь замокъ Пулленъ преградою возсталъ
«На берегахъ Пунялы и Нѣмана; врагамъ
«Тѣла бойцевъ безъ счета оставили мы тамъ;

«А на поляхъ прибрежныхъ, бѣлѣя, кости ихъ
«И до сихъ поръ напрасно ждутъ мстителей своихъ.
«Но Маргеръ, предводитель языческой орды,
«Вкушать не долго будетъ побѣдъ своихъ плоды:
«На дняхъ, бѣжавъ изъ плѣна литовскаго домой,
«Вернулся Рансдорфъ Варнеръ, мой рыцарь молодой
«Весь въ ранахъ, полумертвый: на полѣ битвы онъ
«Былъ Маргера стараньемъ отъ смерти воскрешонъ;
«Былъ осужденъ къ закланью на жертвенникъ боговъ,
«Но спасся, будто чудомъ, изъ западни враговъ;
«У Маргера въ неволѣ онъ цѣлый мѣсяцъ жилъ,
«И всѣ дорожки въ замкѣ и ходы изучилъ.
«Хотятъ иль нѣтъ Литвины, а замокъ ихъ падетъ,
«Когда къ побѣдѣ вѣрной Рансдорфъ насъ поведетъ.
«Надъ Нѣманомъ же ставши тамъ твердою ногой,
«Легко мы завладѣемъ и остальной Литвой;
«Наврядъ Ольгердъ изъ Вильна, изъ Троцка князь Кейстутъ
«Отъ нашего вторженья тогда её спасутъ.
«Вотъ—съ Нѣмана извѣстья. Вели, отецъ святой,
«Чтобъ возгласили трубы сигналъ войны съ Литвой!
«Ручаюсь я, лишь только достигнетъ онъ до ней, —
«Обильна будетъ жатва для рыцарскихъ мечей.
«Тамъ почву солнце съ неба давно уже печетъ,
«А перезрѣвшій колосъ жнецовъ крестовыхъ ждетъ.»

X.

Воинственный Рудольфа и Фридриха совѣтъ
Въ душѣ магистра встрѣтилъ сочувственный отвѣтъ.
Подумавши немного, онъ знакъ рукою далъ,
И вотъ, хоружій главный къ стопамъ его припалъ.
«Пускай сейчасъ объявятъ воззваніе къ войнѣ,
«А знамя боевое пусть вывѣсятъ въ окнѣ!
«Негодованье папы мы этимъ усыпимъ,
«И пусть враги не скажутъ, что мы лѣниво спимъ.
«Когда же край литовскій къ намъ въ руки попадетъ,
«Дитя—король сарматскій другое запоетъ,—
«Забудетъ про побѣды и прежніе года,
«А Добжинъ и Куяву оставитъ навсегда....
«Теперь идите съ Богомъ!»
Совѣтъ выходитъ вонъ,—
Исамъ магистръ великій оставилъ свѣтлый тронъ.

Уже пустѣетъ зала, а боевой сигналъ
Торжественно на башнѣ Мальбургской прозвучалъ.
Солдаты жадно ловятъ извѣстіе войны,
А граждане и церкви маститые сыны
Толпятся съ любопытствомъ; вопросъ на всѣхъ устахъ:
Что значитъ трубный призывъ? И носится въ толпахъ
Извѣстье, съ быстротою проникшее въ народъ,
Что снова на невѣрныхъ провозглашенъ походъ.

XI.

Три рыцаря крестовыхъ полночною порой
Ждутъ смѣны караула у башни угловой;
Смолистый факелъ свѣтитъ, мерцая по стѣнамъ,
На шлемы и оружье, развѣшанные тамъ,
На лица крестоносцевъ, сидящихъ за столомъ,
И на рога воловьи, налитые виномъ.
Здѣсь изъ роговъ воловьихъ иль турьихъ пить вино
Обычай у Литвиновъ заимствованъ давно.
Межъ рыцарей ведется веселый разговоръ:
«Рансдорфъ! замѣтилъ старшій,—очей невѣрныхъ взоръ
«Тебя должно быть сглазилъ,—такъ смутенъ и угрюмъ,
«Среди бесѣды нашей ты полонъ мрачныхъ думъ;
«Какъ Гарпократъ безмолвенъ, ни словъ, ни рѣчи нѣтъ,
«Какъ будто на Литвѣ ты далъ святости обѣтъ....
«Конечно, плѣнъ въ чужбинѣ не веселитъ людей —
«И голодно, и скучно жить между дикарей....
«Однако же.... быть можетъ, ты находилъ у нихъ
«Медъ ковенскій старинный, красотокъ молодыхъ;
«А при такихъ утѣхахъ и сердцу веселѣй,
«И даже на чужбинѣ проходятъ дни быстрѣй.
«Притомъ, не все же дурно, я думаю, въ Литвѣ!
«Хотя въ святомъ писаньи, въ какой-то тамъ главѣ
«И сказано, что будто обилье благъ земныхъ
«Назначено отъ Бога для христіанъ однихъ.
«Литвинъ, однако-жъ, дикій, не вѣрящій въ Христа,
«Пьетъ медъ, который годенъ и рыцарямъ въ уста.
«Въ краю же, окруженномъ лѣсами и водой,
«Сторитъ отъ чернобровой красавицы иной....
«А ты, Рансдорфъ, я знаю, не отвернешься ты
«Отъ полнаго бокала и женской красоты....

«Пусть грянетъ громъ Перкуна надъ головой моей,
«Дай Богъ лишь воду Вислы мнѣ пить до гроба дней,
«Когда не отгадалъ я, что ты на сердцѣ скрылъ,
«И если на Литвѣ ты проказъ не натворилъ....
«Ну, не стыдись.... все это плодъ юности живой....»
«Вильгельмъ, его ты понялъ, замѣтилъ тутъ другой,—
«Его поймала въ сѣти литовская краса;
«Но на Литвѣ сыграла любовь съ нимъ чудеса:
«Онъ полонъ чувствъ небесныхъ къ владычицѣ своей,
«Готовъ Перкуномъ клясться и чтить святыхъ ужей;
«Изъ всѣхъ богинь и смертныхъ, со всей ихъ красотой,
«Лишь Маргерову дочку онъ любитъ всей душой:
«Алтарь богинѣ Эгле въ Мальбургѣ хочетъ онъ
«Вознесть, благоговѣйнымъ къ ней чувствомъ увлеченъ.
«Подъ кровлею одною онъ мѣсяцъ съ нею жилъ,
«Но не сказалъ ей слова, любви ей не открылъ.
«Лишь издали предъ нею благоговѣлъ онъ тамъ,
«А тутъ ей въ честь возноситъ хвалебный фиміамъ.
«И слушай: для Рансдорфа костеръ ужъ былъ готовъ,
«И чуть не сталъ онъ жертвой языческихъ боговъ;
«Какъ вдругъ явилась Эгле, взволнована, блѣдна,
«И, за руку схвативши, влечетъ его она
«Подземнымъ, тайнымъ ходомъ чрезъ горы за собой,
«Отъ гибели спасая; а рыцарь скромный мой
«Такъ сердцемъ былъ взволнованъ, что въ робости своей
«Лишь четырьмя словами пораспрощался съ ней
«И въ челнокѣ литовскомъ отправился домой.»
«Ее не обнялъ даже?»—«Ахъ, что ты! грѣхъ какой!...
Сказалъ Вильгельмъ со смѣхомъ, — «о, юноша! ей, ей!
«Тамъ вдоволь насмѣются учтивости твоей....
«А если бы объ этомъ саксонскій князь узналъ,—
«Его благоволенье на вѣкъ ты потерялъ....
«Команду-жъ надъ стрѣлками, которой ты достигъ,
«Повѣрь мнѣ, юный Рансдорфъ, отнимутъ въ тотъ же мигъ....
«Надулъ комтуръ Эльблонгскій магистра не шутя,
«Что ты отважный рыцарь.... нѣтъ, ты еще дитя!
«Съ подобною любовью немного ты найдешь....
«Не дурны трубадуры, и самъ Платонъ хорошъ;
«Но въ жизни эта святость нелѣпа и смѣшна,
«Точь въ точь копье безъ стали, иль кубокъ безъ вина....»

XII.

«О, братья! вскликнулъ Рансдорфъ, горящій бросивъ взглядъ,
«Не оскверняйте чувства, которымъ я объятъ!
«Мнѣ-ль, голову покрывши монашескимъ вѣнцомъ,
«Святой обѣтъ изрекши предъ Божьимъ алтаремъ,—
«Мнѣ-ль о любви взаимной язычницу молить
«И сердце съ некрещеной литвинкою дѣлить?
«Не знаю я.... но сердце отрадно бьется вновь,
«И душу освящаетъ та чистая любовь...
«Но въ тяжкое злодѣйство, въ ужасную вину
«Мнѣ Богъ поставитъ, если пойду я на войну,
«Командуя стрѣлками... Чистъ буду я душой,
«Неся пожаровъ пламя и грозный мечъ съ собой,
«Неся туда погибель и разрушенья адъ,
«Гдѣ—плѣнный непріятель—я принятъ былъ, какъ братъ!?
«Гдѣ, будто какъ роднаго, народъ меня любилъ,
«Гдѣ Лютасъ пѣлъ мнѣ пѣсни, а храбрый князь кормилъ;
«Гдѣ крестоносца Эгле прекрасная спасла,
«Ему открыла сердце и руку подала?
«Не человѣкъ, а демонъ пролить рѣшится кровь
«За лучшій даръ на свѣтѣ: хлѣбъ, пѣсни и любовь!
«Нѣтъ, воевать съ Литвою я, нѣмцы, не хочу!
«Мой лукъ я изломаю, мой панцырь истончу...
«Но для Литвы не буду предатель и злодѣй,—
«Хотя и избранъ княземъ въ число его вождей...
«Боюсь я... но не смерти, не голову сложить;
«Но Маргеръ можетъ взглядомъ предателя убить;
«Иль разорвется сердце, что такъ въ груди горитъ,
«Иль Богъ небеснымъ громомъ злодѣя поразитъ!..
«Скажите же магистру: я смертной казни жду...
«Онъ властенъ... на Литву же измѣной не пойду!»
Такъ молвилъ юный Рансдорфъ, со вспыхнувшимъ лицомъ,
И взоръ его орлиный заискрился огнемъ;
Вздымалась грудь подобно клокочущей волнѣ...
«Вильгельмъ! страшись глумиться надъ тѣмъ, что свято мнѣ:
«Пускай стократно выше и умъ, и возрастъ твой,
«Тебѣ перчатку брошу я съ вызовомъ на бой;
«Пускай стократно ловче владѣешь ты мечомъ,—
«Извѣдаешь ты силу въ порывѣ огневомъ!»

XIII.

Тутъ всталъ Вильгельмъ и выпилъ бокалъ спокойно свой.
«Безумецъ благородный! не горячись, постой!
«Есть предъ тобой дорога; ты путь найдешь одинъ,
«Какъ рыцарь, и влюбленный, и церкви вѣрный сынъ:
«Веди стрѣлковъ нѣмецкихъ въ литовскіе лѣса;
«Крестъ или мечъ тамъ, вѣрно, окажутъ чудеса.
«Когда ты любишь Эгле, устрой, чтобы она
«Крещеніемъ Христовымъ была осѣнена.
«Возьмите замокъ Пулленъ, и надо всей Литвой
«Пусть мощно вознесется Господень крестъ святой.
«Тебя магистръ великій тамъ княземъ утвердитъ,
«А папа отъ обѣтовъ охотно разрѣшитъ.
«Тамъ со своею Эгле счастливо заживешь,
«И именемъ Христовымъ ты душу ей спасешь,—
«Какъ ранѣе отъ смерти спасла тебя она.»
Вильгельмъ окончилъ, выпилъ еще бокалъ вина
И вышелъ, такъ какъ смѣны урочный часъ пробилъ:
А Рансдорфъ впалъ въ раздумье и голову склонилъ.
Чело его то меркнетъ, то ясно и свѣтло:
Знать сердце то воскреснетъ, то дрогнетъ тяжело;
Знать въ немъ надежды небо, или сомнѣній адъ;
Надъ нимъ то ангелъ вѣетъ, то демоны парятъ.
И молвилъ онъ, въ ладоняхъ сжавъ лобъ горящій свой:
«Господь иль адскій демонъ ведутъ меня на бой?
«Несу Литвѣ я счастье иль гибель и бѣду?
«Воспряну ли до неба иль въ бездну упаду?»

Пѣснь четвертая.

I.

Рожденная въ туманахъ въ приморской сторонѣ.
Грозна порою туча въ небесной вышинѣ,
Когда неукротимый полетъ свершая свой,
Рокочетъ въ страшномъ гнѣвѣ съ угрозой роковой,
Змѣящимся перуномъ въ лѣсную чащу бьетъ
И молніи потоки изъ грозной пасти льетъ;
Куда-жъ крыломъ повѣетъ, сверкнувъ очами, тамъ

Зловѣщій дымъ пожара встаетъ ужъ къ небесамъ.
Она въ безумномъ бѣгѣ все низвергаетъ въ прахъ,
Что встрѣтитъ—Божью церковь и хаты въ деревняхъ.
Предъ ней бѣгутъ и звѣри, и стаи вольныхъ птицъ,
А человѣкъ трепещетъ, распростираясь ницъ.
Но взоръ къ странамъ балтійскимъ Литвинъ тревожный шлетъ,
Когда чернѣе тучи толпа враговъ идетъ.
Сіянье ихъ оружья небесныхъ стрѣлъ грознѣй,
Не такъ ужасны вихри съ ихъ яростію всей:
Отъ нихъ ни хлѣбъ на нивахъ, ни села, ни лѣса,
Ни старецъ сѣдовласый, ни дѣвица-краса,
Ни въ пеленахъ младенецъ, ни мужъ, подъявшій щитъ,
Не скроется, предъ ними ничто не устоитъ...
Есть ножъ у нихъ для старцевъ, огонь для мирныхъ хатъ,
Для дѣвъ, во имя Божье, крещенье и развратъ.
А для бойца-Литвина, что въ битвѣ съ ними смѣлъ,—
Змѣиное лукавство и градъ горючихъ стрѣлъ.
Они во имя Божье льютъ кровь людей рѣкой...
Спаситель христіанскій! Какъ полонъ Ты враждой!

II.

Съ крышъ деревенскихъ слышенъ зловѣщій крикъ совы.
Вотъ, войско крестоносцевъ уже въ поляхъ Литвы!
Для смерти будетъ жатва богата и легка:
Безчисленны, громадны нѣмецкія войска.
Дружинъ ужасныхъ десять проходятъ чередой,
Знаменъ великихъ десять надъ каждою толпой;
Ихъ панцыри за милю сверкаютъ и горятъ,
Блестящія ихъ копья и молнію затмятъ.
Гудятъ, какъ громъ далекій, копыта ихъ коней,
А трубы адскихъ стоновъ ужаснѣй и звучнѣй.
Когда-жъ умолкнутъ трубы, смѣшавшись пополамъ,
Звучитъ псаломъ Давида съ разгульной пѣсней тамъ.
А алчности безбожной нечистый демонъ злой
Соединилъ кощунство съ молитвою святой.
Плащъ бѣлый у магистра весь золотомъ обшитъ,
Его сопровождаетъ начальниковъ синклитъ.
Предъ нимъ знаменоносецъ съ хоругвью боевой;
На ней, на бѣломъ полѣ, крестъ вышитъ золотой.
Онъ на конѣ ретивомъ предъ свитою своей,

Изъ рыцарей пріѣзжихъ за нимъ толпа гостей;
Нѣмецкіе бароны и графы, и князья
Сюда стеклись; покинувъ далекіе края,
Для счастія и выгодъ, для славы боевой,
Иной изъ-за добычи готовъ идти на бой,
Иль совѣсти нечистой чтобъ голосъ заглушить,
Обѣты покаянья здѣсь хочетъ совершить.
Въ земляхъ—Германской, Галльской, въ Британской сторонѣ
Монахи возбуждаютъ съ невѣрными къ войнѣ,
Охотно разрѣшая того во всѣхъ грѣхахъ,
Кто насаждаетъ вѣру въ языческихъ краяхъ.
А тотъ, кто пламя Знича угаситъ,—вѣрно тотъ
И полное прощенье, и небо обрѣтетъ.
Язычниковъ же сотню убивъ иль взявъ въ полонъ,
Христа и Богоматерь къ себѣ преклонитъ онъ.
И такъ въ рядахъ крестовыхъ становятся князья,
Надежду на спасенье въ душѣ своей тая.
Теперь Бельгійскій Немуръ стоитъ въ рядахъ бойцовъ
И храбрый Ганнебергеръ, князь съ рейнскихъ береговъ,
И Людвигъ Бранденбургскій, удѣльный князь, съ собой
Ведутъ войска большія, идя въ Литву войной.
Гостей желанныхъ орденъ радъ отъ души принять
И вороновъ сзываетъ грудь у Литвы терзать;
Въ нее ихъ клювы скоро вонзятся глубоко,
Но скалы этой груди пробить имъ не легко.

III.

Валятъ громады войска, нигдѣ конца имъ нѣтъ,
Вонъ конныя дружины одна другой во слѣдъ;
Эльблонга и Торуни и Гданьска силы тутъ,
Швейцарцы и Славяне наемные идутъ;
Стрѣлковъ нѣмецкихъ быстрый проносится отрядъ,
Здѣсь и таранъ могучій, и мѣдныхъ пушекъ рядъ.
Недавно новый способъ нашли стрѣлять огнемъ,
Литва недавно только провѣдала о немъ,
А нѣмцы, взявъ на помощь могущество громовъ,
Увѣрены въ побѣдѣ надъ воинствомъ враговъ.
Межъ воиновъ магистра найдутся у иныхъ
Ручные самопалы съ сокрытымъ громомъ въ нихъ;
Но мало огнестрѣльный снарядъ пока знакомъ.

А лучше управляютъ стрѣлою и копьемъ;
И общимъ уваженьемъ окружены пока
Стрѣлковъ Эльблонгскихъ бравыхъ старинныя войска.

IV.

Рансдорфъ, ихъ предводитель, тѣмъ саномъ облеченъ
Въ надеждѣ, что Литвиновъ разбить сумѣетъ онъ;
Что, зная и языкъ ихъ, и весь литовскій бытъ,
Онъ Пуллена твердыни вѣрнѣе покоритъ.
Оставшись вѣренъ клятвѣ, что Лютасу онъ далъ,
Онъ никому о ходахъ подземныхъ не сказалъ.
Хранилъ онъ, какъ святыню, обязанность свою—
Довѣрію Литвиновъ не измѣнить въ бою;
Поклялся въ благодарность за ихъ радушный кровъ,
Что нивы ихъ не стопчетъ, не тронетъ ихъ домовъ,
Что поселянъ не тронетъ средь мирныхъ ихъ полей,
Что пощадитъ и старцевъ, и женщинъ, и дѣтей.
Онъ свершилъ предъ Богомъ въ душѣ обѣтъ такой,
Святое причащенье принявъ передъ войной.
Но не смотря, что душу молитвой укрѣпилъ,
Что на войну онъ посланъ по волѣ старшихъ былъ,
И хоть война за вѣру всѣхъ войнъ была святѣй,
Но чувствовалъ онъ бремя на совѣсти своей.
Когда-жъ его дружина, развеселясь порой,
Затянетъ пѣсню хоромъ, съ отвагой удалой,
Когда веселый говоръ межъ бравыхъ удальцовъ,
Онъ, головой поникши, безмолвенъ и суровъ...
Какъ предъ судомъ преступникъ, онъ блѣденъ и угрюмъ,
А на челѣ уныломъ печать сокрытыхъ думъ.
Коня лишь въ нетерпѣньи онъ шпорою кольнетъ,
Какъ будто вихремъ въ поле умчался бы впередъ;
И лишь одна надежда тайкомъ паритъ надъ нимъ,
Что съ Эгле онъ подышетъ хоть воздухомъ однимъ.
Но съ радостью сердечной едва-ли тотъ знакомъ,
Кто ѣдетъ къ дому милой не другомъ, а врагомъ:
Кто, вмѣсто дружелюбныхъ подарковъ и цвѣтовъ,
Зажечь надъ нею пламя ужасное готовъ;
Кто изготовилъ стрѣлы каленыя свои
На гибель и на горе родной ея семьи;
Кто надъ ея святыней и отчею главой

Занесъ топоръ кровавый и мечъ свой роковой..
Такой любовникъ—извергъ, позорище людей;
Онъ не любовь—кощунство таитъ въ груди своей...
Въ сознаніи, что ѣдетъ какъ будто на разбой,
Рансдорфъ свой мечъ хватаетъ отчаянной рукой,
Чтобъ имъ злодѣя сердце пронзить въ себѣ самомъ;
Но вѣра, что отъ дѣтства хранится свято въ немъ,
Надеждой озаряетъ отчаянія тьму,
Что къ вѣчному спасенью путь предстоитъ ему,
Что онъ, какъ рыцарь Божій, за вѣру въ бой идетъ,
Что онъ враговъ Христовыхъ, язычниковъ попретъ,
И чрезъ него увидѣть предвѣчный свѣтъ должны
Враги Твои, Спаситель, кромѣшной тьмы сыны!
Что въ идолахъ литовскихъ нечистый духъ вселенъ,
Что Зничъ изъ адской искры въ Литвѣ воспламененъ.
А кто во имя Божье кумировъ посрамитъ,
Ихъ капища низвергнетъ и въ прахъ испепелитъ,
Тотъ будетъ святъ, низринувъ исчадья адскихъ силъ,
Какъ встарь святый Георгій, что змія побѣдилъ.
Но мысль одна святая всѣхъ мыслей въ немъ сильнѣй,
Какъ рыцарь, какъ влюбленный, онъ весь отдался ей,—
Чтобъ ликъ прекрасной Эгле крестомъ былъ осѣненъ....
Тогда въ сіяньи чистомъ достоинъ будетъ онъ
Небесъ, что видитъ нынѣ она въ одной мечтѣ
И ангеловъ, которымъ сестра по красотѣ....
О, это будетъ счастья блаженная пора!
Обѣтъ расторгнетъ папа ему мечемъ Петра;
Она же—христіанка, причастна небесамъ,
Ему такъ точно ручку подастъ, идя во храмъ,
Какъ нѣкогда въ тотъ страшный и вмѣстѣ сладкій мигъ,
Когда костеръ кровавый литовскій жрецъ воздвигъ;
Но на лицѣ прекрасномъ не блѣдность и не страхъ,
А радость разольется, зардѣвшись на щекахъ....
Тогда начнется счастья блаженная весна!

V.

Въ такихъ мечтаньяхъ Рансдорфъ пришпорилъ скакуна
И вскрикнулъ: «Эй, дружина! подъ Пулленъ поспѣшимъ!»
Но конь, уколоть шпорой, подъ всадникомъ лихимъ
Всталъ на дыбы, споткнулся и на землю упалъ;

Но стремя подъ ногою наѣздникъ удержалъ,
Всей силой вздернулъ трензель—и конь ужъ на ногахъ.
Дружина поздравляетъ, столпившись впопыхахъ,
Что такъ благополучно ихъ вождь спасенъ судьбой;
Но старые солдаты качаютъ головой.
Сѣдой Вильгельмъ тихонько товарищу шепнулъ:
«Глотка вина два года я лучше-бъ не хлебнулъ,
«Чѣмъ увидать предъ битвой паденіе коня....
«Не доброе предвѣстье! страшитъ оно меня....
«Вождь юный, на погибель онъ избранъ, можетъ быть;
«И самъ погибнуть можетъ, и войско погубить!
«Что на Литвѣ мы встрѣтимъ — кровь или старый медъ?
«Эй, выпьемъ-ка, дружина, и веселѣй впередъ!»
Изъ кожанаго мѣха наполнивъ рогъ виномъ,
Онъ выпилъ и понесся, запѣвши съ удальствомъ.
Дружина, также выпивъ, за нимъ запѣла вслѣдъ;
Но и въ винѣ, какъ видно, веселья что-то нѣтъ....
А пѣсня замираетъ все тише и слабѣй,
И эхо горъ литовскихъ угрюмо вторитъ ей.

VI.

Литва, какъ муравейникъ, среди полей кишитъ,
По нивамъ пѣсня жницы веселая звучитъ;
Въ лѣсахъ повсюду звуки охотничьихъ роговъ.
Въ священной рощѣ гимны и пѣніе жрецовъ;
Щебечутъ пташки рѣзво въ небесной синевѣ,
А боевые кони пасутся на травѣ.
Взнуздайте же не медля, сѣдлайте ихъ скорѣй,
Кто дорожитъ свободой и жизнію своей!
Кто чтитъ святыню храмовъ, хранитъ дѣтей покой,
Пускай приложитъ ухо скорѣй къ землѣ сырой....
Пускай отвѣтитъ вѣтеръ и черный дымъ вдали,
Что значитъ гулъ далекій изъ глубины земли?...
Зачѣмъ, какъ будто туча, затмили свѣтъ дневной
Тьмы вороновъ, отвсюду слетѣвшись надъ Литвой?
Пускай скорѣй бросаютъ покой лѣсовъ и хатъ,
И мирный рогъ охоты воинскимъ замѣнятъ.
Пускай осмотрятъ луки, натянутъ тетивы,
Пускай отточатъ копья скорѣй сыны Литвы,
И поспѣшатъ отважно, сомкнувшись въ дружный рядъ,

Въ ту сторону, откуда тьмы вороновъ летятъ!
Тамъ, можетъ быть, въ засадѣ иль въ битвѣ—съ грудью грудь—
Удастся вражью силу прогнать иль покачнуть.
О, не пускайте только враговъ въ свой край родной,
Гдѣ беззащитно хатки стоятъ въ глуши лѣсной,
Гдѣ скрыты ваши боги лишь зеленью дубовъ,
Лишь подъ защитой женщинъ, да слабыхъ стариковъ;
Гдѣ безмятежны семьи въ безпечности своей,
Гдѣ въ колыбелькахъ дѣти, да жницы средь полей!...
Литвинъ! Литвинъ! погибнутъ твой отчій домъ и родъ,
И не копьемъ, такъ горемъ твой врагъ тебя убьетъ!
Когда на полѣ брани не сложишь рукъ своихъ,
То скоро обезсилитъ отчаяніе ихъ....
Исчадья Вельзевула въ понятьяхъ Нѣмцевъ вы,
Для нихъ святое дѣло избить народъ Литвы.
Въ плащахъ, съ крестами, гости у васъ въ родномъ краю
На вѣкъ оставятъ память ужасную свою.
На смерть и на погибель будь, селянинъ, готовъ
И мечъ, и пламя скоро траву твоихъ луговъ
Обрызнутъ кровью старцевъ, и женщинъ, и дѣтей:
И пчелка въ мирномъ ульѣ, и конь среди полей,
Все ляжетъ отъ пожара, стрѣлы или меча!
Все, все до мелкой пташки, что вьется, щебеча!

VII.

Ужъ край литовскій грабятъ нѣмецкіе бойцы,
А бѣдные селяне, какъ слабые птенцы,
Что коршуна завидѣвъ высоко въ небесахъ,
Подъ крылышко родимой ютятся второпяхъ,
Спѣшатъ, бѣгутъ отвсюду, миль на десять кругомъ,
Стекаясь въ замокъ Пулленъ, пріюта ищутъ въ немъ;
Гостепріимно Маргеръ впускаетъ въ замокъ ихъ.
Рыбацкихъ лодокъ десять и челноковъ большихъ,
Вдоль Нѣмана роднаго пустились въ рыбный ловъ,
Чтобъ прокормить пришельцевъ и женщинъ, и жрецовъ;
Намолотили хлѣба для нихъ запасъ большой,
Воловъ полсотню тучныхъ пригнали на убой;
Заваренъ крѣпкій алусъ и наготовленъ медъ.
Князь Маргеръ точно также готовъ кормить народъ.
Какъ, по словамъ пріѣзжихъ изъ отдаленныхъ странъ,

Та птица за морями,—извѣстный пеликанъ,—
Что грудь свою нерѣдко расклевываетъ самъ
И отдаетъ на пищу ее своимъ птенцамъ.
Такъ точно храбрый Маргеръ хотѣлъ бы накормить
Народъ своею грудью, и кровью напоить;
Съ нимъ радъ онъ подѣлиться и хлѣбомъ, и душой,
Для счастья и спасенья Литвы своей родной.
Пускай же къ замку Пулленъ стремится вражья рать!
Давно ужъ крестоносцевъ готовы тамъ принять;
Тамъ много натесали изъ камня топоровъ,
Давно тамъ острыхъ копій запасъ уже готовъ;
Уже каменьевъ кучи тамъ на стѣнахъ лежатъ
Для раздробленья грудей, закрытыхъ сталью латъ.
Тамъ выѣзжаны кони, и бѣгъ извѣданъ ихъ,
Да и героевъ также не мало удалыхъ....
А если Нѣмцы въ полѣ Литвиновъ побѣдятъ,
То въ Пулленской твердынѣ высокихъ башенъ рядъ
Защитой остается да потаенный ходъ;
Ни хитростью, ни силой ихъ Нѣмецъ не возьметъ;
Дозоры вѣрной стражи не дремлютъ по стѣнамъ,
И чутокъ, словно соколъ, отважный Маргеръ самъ.
А подъ землею Марти и страшный богъ живутъ;
И если силъ не хватитъ — найдутъ спасенье тутъ;
Возьметъ и самый замокъ пусть вражая орда,—
Съ Поклюсомъ и Церкуномъ поборется тогда....
На божіи перуны, на градъ литовскихъ стрѣлъ
Пусть врагъ идти рѣшится, когда настолько смѣлъ!
И если мужъ литовскій сробѣетъ предъ врагомъ,
То женщина пришельцевъ забрызжетъ кипяткомъ!...

VIII.

Такъ Маргеръ замокъ Пулленъ заранѣ укрѣпилъ;
Но, какъ отецъ, мученья онъ страшныя таилъ!
Когда нѣмецкій рыцарь изъ плѣна убѣжалъ,
Что было въ сердце Эгле—все Маргеръ отгадалъ....
И мысль отцу и князю ужасная пришла,
Что дочь его родная измѣнницей была.
Онъ вспыхнулъ, будто къ Нѣмцамъ, къ ней местью огневой,
И, грозный мечъ поднявши дрожащею рукой,
Уже пролить рѣшился свою родную кровь,

И вмѣстѣ съ сердцемъ вырвать преступную любовь....
Но опустились руки едва увидѣлъ онъ,
Какъ взоръ безмолвной Эгле былъ грустью омраченъ:
Въ отцовскомъ сердцѣ жалость проснулась въ тотъ же мигъ,
Когда мученья Эгле онъ тайныя постигъ,
Несчастную съ любовью прижалъ къ груди своей,
Простилъ ей скорбь, и самъ же скорбѣлъ душою съ ней.
«Бѣдняжка ты, бѣдняжка! подумалъ онъ; грозна
«Боговъ литовскихъ кара, и ждетъ тебя она;
«Земли и неба кара скопилась надъ тобой,
«О, Эгле! я, отецъ твой, я собственной рукой
«Тебя вести обязанъ на жертвенный костеръ,
«Когда тебя постигнетъ небесный приговоръ!»

IX.

А приговоръ небесный, какъ громъ, внезапно палъ:
Воочію предъ Марти богъ грозный ада всталъ;
Какъ спасся крестоносецъ, вѣщуньѣ онъ открылъ,
И грозное рѣшенье ей гнѣвно объявилъ;
Когда же крови дѣвы, покорна божеству,
Возжаждала вѣщунья, чтобы спасти Литву,
И смывъ ея безчестье, избавить отъ грозы,—
Не дрогнулъ Маргеръ, даже не проронилъ слезы;
Взялъ за руку онъ Эгле и молвилъ: «дочь моя!
«Увы, тебя отъ смерти спасти не въ силахъ я!
«Похитила ты жерту изъ подъ ножа жрецовъ,
«И Поклюсъ, въ лютомъ гнѣвѣ, ко всей Литвѣ суровъ;
«Не навлекай же горя и бѣдъ на край родной!
«Я знаю, что страдаешь ты юною душой;
«Но ты вооружила боговъ на небесахъ,
«А воля ихъ священна,—отчизна въ ихъ рукахъ.
«Тобою жертва смерти преступно спасена,
«Сама за то въ возмездье ты умереть должна....
«Я вождь Литвы,—отецъ твой,—не отвращу я взоръ,
«Самъ отточу топоръ я, самъ разожгу костеръ.
«И такъ, да совершится велѣніе боговъ,
«Чтобъ на Литвѣ подобныхъ не вѣдали грѣховъ!
«Ужаснѣй нѣтъ злодѣйства предъ небомъ и землей,
«Какъ связь литовской дѣвы съ врагомъ страны родной!...
«При томъ же врагъ на горе и гибель намъ спасенъ:

«Вернется онъ для мщенья, придетъ глумиться онъ....
«Литвины! вотъ приказъ мой неотмѣнимый вамъ:
«Хотя бы самъ рыдалъ я, ломалъ бы руки самъ,
«Вы Эгле отведете въ темницу подъ запоръ,
«Пока не совершится надъ нею приговоръ;
«И къ ней не дозволяйте входить вы никому,
«Хотя-бъ и я молилъ васъ.... мнѣ даже самому!
«И горе, если, сжалясь, допуститъ кто-нибудь
«Къ ней хоть отца роднаго на мигъ одинъ взглянуть!»...
Такъ молвилъ Маргеръ, грозенъ въ рѣшеніи своемъ,
Какъ будто не болѣло стальное сердце въ немъ;
Чело нахмуривъ, мрачно онъ опустилъ глаза,
И изъ очей орлиныхъ не брызнула слеза.

X.

И шумъ, и говоръ въ замкѣ, гдѣ прежде былъ покой;
Едва вмѣститься можетъ гостей несмѣтный рой;
И всадниковъ, и пѣшихъ вездѣ толпы снуютъ,
Обтесываютъ камни Литвины тамъ и тутъ,
Для топоровъ и копій, для стрѣлъ и молотковъ:
Оружіе древнѣйшихъ и варварскихъ вѣковъ.
Почтенные же старцы, сбираясь на совѣтъ,
Припоминаютъ войны и битвы давнихъ лѣтъ;
Обстругиваютъ древки для бердышей стальныхъ,
Владѣть оружьемъ учатъ героевъ молодыхъ;
А сѣдовласый Лютасъ, всѣхъ старше по годамъ,
Какъ юноша—повсюду летаетъ здѣсь и тамъ;
Не смолкнетъ на минуту его громовый кликъ.
Накинулъ волчью шкуру навыворотъ старикъ,
Онъ шапкою мохнатой, медвѣжьею прикрылъ
Свою главу сѣдую и крѣпко закалилъ
Топоръ свой позабытый, извѣданный въ бояхъ;
И точитъ мечъ, отерши на сталь насѣвшій прахъ.
Усы его сѣдые, съ косматой бородой,
Надъ мѣхомъ отливаютъ сребристою волной;
Его руки изсохшей, въ безсиліи на дняхъ
Надъ гуслями дрожавшей, теперь могучъ размахъ;
Теперь онъ тяжкій камень подниметъ безъ труда,
И горе лбу, въ который намѣтится тогда!
Въ оцѣпенѣвшемъ старцѣ проснулся юный пылъ,

Звукъ трубный въ немъ отвагу былую разбудилъ;
Подъ броней распрямилась согнутая спина,
А къ сердцу теплой крови прихлынула волна.
Такъ Нѣманъ, обмеревшій подъ ледяной корой,
Воскреснувъ къ новой жизни весеннею порой,
Съ кипящей пѣной воды крутитъ въ водоворотъ
И о песчаный берегъ волной гремучей бьетъ.
А старца прежде мутный и потускнѣвшій взглядъ.—
Теперь Перкуна будто въ немъ молніи горятъ,—
Сверкаетъ издалека и, словно полный чаръ,
Вселяетъ въ самыхъ робкихъ энергію и жаръ.
—«Впередъ, Литва! кричитъ онъ,—по башнямъ, по валамъ!
«Чтобъ не послали предки своихъ проклятій вамъ;
«Чтобъ цѣло, невредимо спасти дѣтей своихъ!
«Ужъ вражій мечъ, смотрите, надъ колыбелью ихъ....
«Чу!... вотъ псаломъ нѣмецкій донесся по рѣкѣ..
«Вонъ дымъ уже пожарный чернѣетъ вдалекѣ....
«Взгляните-ка налѣво, къ Пуняльскимъ берегамъ:
«Уже штандартъ магистра, бѣлѣя, вьется тамъ!
«Смотрите, за штандартомъ полковъ несмѣтный рядъ;
«Какъ золотыя искры, щиты у нихъ горятъ....
«Литва! Литва! къ оружью! встрѣчай своихъ гостей!
«Все Нѣмана прибрежье ихъ трупами усѣй!
«Къ оружію! пусть каждый хоть одного сразитъ:
«Въ нѣмецкой каждой груди змѣиный ядъ сокрыть!.

XI.

Раздался этотъ призывъ, звуча какъ будто громъ,
И десять трубъ воинскихъ отвѣтило кругомъ;
А по оврагамъ всюду и по раздолью нивъ
Ихъ эхо огласило, угрюмо повторивъ.
За Нѣманомъ же слышенъ уже напѣвъ другой:
Гармоніи церковной звучитъ тамъ мѣрный строй,
И, въ тактъ латинской пѣсни, несмѣтные полки
Изъ лѣса выступаютъ къ прибрежію рѣки;
Штандартъ магистра бѣлый всѣхъ впереди, потомъ
Ганнебергера знамя, и гербъ его на немъ;
Вонъ изъ-за темныхъ сосенъ и елей, и дубовъ
Дружины замелькали, какъ пестрый рядъ цвѣтовъ,
Шеломами сверкая и сталью боевой,

И стали передъ замкомъ, какъ бы стальной стѣной,
Исписанной крестами: у каждаго бойца
Со знаменіемъ крестнымъ плащъ бѣлый. Безъ конца
Раскинулся широко враговъ воинскій станъ;
Тамъ всюду, какъ на старомъ кладбищѣ христіанъ,
Читаютъ смерть Литвины и цѣлятся, стрѣлой
Кресты пронзать стараясь и въ битвѣ роковой
О помощи взывая къ богамъ своимъ роднымъ,
Съ глумленьемъ, о, Спаситель, надъ знаменьемъ Твоимъ!

XII.

Но отъ бойницъ литовскихъ, отъ башенныхъ вершинъ
Несется къ крестоносцамъ украдкой вздохъ одинъ:
То Эгле передъ казнью, на смерть осуждена,
Еще надежды смутной и призрачной полна,
Сквозь узкое окошко изъ башни видѣнъ ей
Станъ рыцарей въ просторѣ наднѣманскихъ полей,
Съ пеленокъ ненавидѣть она привыкла ихъ;
Проклясть бы ихъ хотѣла... но молится за нихъ....
Напрасно хочетъ сердце къ своимъ богамъ вознесть:
Крестъ—божество Рансдорфа... въ немъ вѣрно сила есть....
И простонала Эгле, свободу давъ слезамъ:
«О, боги наши! слишкомъ жестоки вы къ людямъ!
«Въ вѣнцѣ своемъ терновомъ, и на крестѣ распятъ,
«Богъ крестоносцевъ броситъ мнѣ милостивый взглядъ;
«Спасетъ меня отъ смерти и башни сокрушитъ;
«Моей души страданья отрадно исцѣлитъ...
«Да будетъ крестоносцевъ благословенъ приходъ!
«Увижу я Рансдорфа, и онъ меня спасетъ!..
«О, да! чѣмъ мнѣ погибнуть, какъ травкѣ подъ косой,
«Я убѣгу съ Рансдорфомъ далеко въ край другой,
«Подъ власть Христову—къ Нѣмцамъ, въ заморскіе края,—
«Боговъ Литвы забуду, отца оставлю я...
«Безумье! что сказала!.. О, боги! что же вы
«Перуномъ не сразите преступной головы?
«Не прекратите жизни, что для меня мила,
«И сердце съ грѣшнымъ чувствомъ не вызжете до тла?
«Я—дочь твоя, отецъ мой! Гдѣ-жъ духъ отважный мой?
«Ужели трепещу я предъ жертвою святой
«Для счастія отчизны? Чтожъ возроптала я!

«Зачѣмъ сама съ собою въ борьбѣ душа моя?
«Рансдорфъ! Ты врагъ отчизны! скорѣй же погибай...
«Нѣтъ! лучше сгибнетъ Эгле и весь Литовскій край!
«Литовскіе ли боги, иль тѣ, что Нѣмцы чтутъ, —
«Которые сильнѣе, — Рансдорфа да спасутъ!
«Въ комъ милосердья мало, да будетъ проклятъ тотъ:
«Того признаю богомъ, кто счастье намъ пошлетъ!..»
Такъ Эгле вся борьбою мучительной полна:
То дико проклинаетъ, то молится она;
То броситъ на-земь крестикъ, то вдругъ къ устамъ прижметъ,
Пока въ изнеможеньи безъ чувства упадетъ.

XIII.

А за рѣкой, изъ чащи, гулъ раздается; тамъ
Стучитъ топоръ нѣмецкій по соснамъ и дубамъ:
Валятся, какъ герои, сраженные мечемъ,
Съ угрюмымъ шумомъ ели столѣтнія кругомъ;
Гудитъ лѣсное эхо; какъ туча надъ рѣкой,
Испуганныя птички, покинувъ кровъ лѣсной,
Надъ замкомъ съ громкимъ крикомъ кружатся въ небесахъ,
Спѣша Литвѣ повѣдать и скорбь свою, и страхъ.
А боги, оставляя священный свой пріютъ,
Проклятія глухія злодѣямъ съ вѣтромъ шлютъ.
Вкругъ замка, гдѣ бывало царилъ святой покой,
Тысячезвучный говоръ, зловѣщій, роковой.
Тревожно стадо птичекъ испуганныхъ летитъ;
Валясь, грохочутъ сосны, топоръ по пнямъ стучитъ;
Ржутъ кони крестоносцевъ, трубитъ сигнальный рогъ,
И шумный, слитный говоръ надъ вражьимъ станомъ легъ.
Въ поляхъ и надъ рѣкою, и въ сумракѣ лѣсовъ,
Едва поспѣетъ эхо за тьмою голосовъ,
Въ нестройный гулъ слагая ихъ наскоро, бѣгомъ;
Одно лишь повторяетъ: разгромъ! разгромъ! разгромъ!
За каждой павшей елью, вездѣ встрѣчаетъ взглядъ
Толпящихся нестройно враговъ, или отрядъ
Уже готовый къ бою, вооруженный весь.
Ряды палатокъ бѣлыхъ встаютъ то тамъ, то здѣсь;
По зелени цвѣтами пестрѣетъ рядъ знаменъ;
Зоветъ уже къ обѣдни походной церкви звонъ;
И колокольчикъ мѣдный лишь зазвонилъ, кругомъ

Мгновенно все замолкло: шумъ, голоса и громъ,
И звуки трубъ воинскихъ, и въ станѣ за рѣкой
Повсюду воцарились молчанье и покой.
А птички, ободрившись при полной тишинѣ,
Надъ самыми шатрами кружатся въ вышинѣ,
И жалобно щебечутъ, и ищутъ тамъ и тутъ
Знакомыя деревья и гнѣздъ родной пріютъ.

Съ вершины вала Маргеръ бросаетъ гнѣвный взглядъ:
Предъ нимъ вдали знамена мелькаютъ, и блестятъ
Надъ Нѣманомъ и копья, и латы, и щиты;
Уже тамъ бревна тешутъ, и вяжутъ ихъ въ плоты,
Чтобъ въ замокъ перебраться по нѣманскимъ волнамъ.
А встрѣча ужъ готова непрошенымъ гостямъ —
Имъ кипятокъ наваренъ, и пѣнится давно;
Немало и каменьевъ для нихъ припасено.
Враговъ ни ихъ шеломы, ни латы не спасутъ;
Ихъ кипятокъ обваритъ, ихъ камни расшибутъ.
Топоръ же изощренный литовскаго бойца
Размахомъ богатырскимъ ударитъ въ ихъ сердца.
Уже нацѣливъ луки, Литвины по валамъ
Лишь знака ожидаютъ; межъ ними Маргеръ самъ:
Глазами измѣряетъ онъ Нѣманъ предъ собой.

«А! какъ злодѣи близко разбили лагерь свой!..
«Пустите-ка въ гостинецъ имъ стрѣлъ пернатыхъ градъ;
«До нихъ подарки наши, навѣрно, долетятъ...»
Самъ натянулъ при этомъ онъ свой дубовый лукъ,
Когда вдали раздался вдругъ колокола звукъ,
И все въ мгновенье ока притихло за рѣкой;
Отрядъ передній Нѣмцевъ, уже готовый въ бой,
Склонился... знать молитва. Вотъ, посреди вождей,
Идетъ магистръ великій, со свитою своей,
Въ походный храмъ, что выше другихъ палатокъ всталъ;
Магистра въ ту жъ минуту Литовскій князь узналъ;
Нацѣлился, навѣрно, въ мгновенье бы убилъ,
Но дрогнуло въ немъ сердце, и лукъ онъ опустилъ.

«Нѣтъ! вскрикнулъ онъ,—постойте! Нѣтъ, не стрѣляйте въ нихъ,
«Покамѣстъ не окончатъ они молитвъ своихъ...
«Они къ землѣ припали, но небо насъ храни:
«Не бьемся мы съ ихъ Богомъ, какъ съ нашими они....
«Надѣясь, что дружина внѣ выстрѣловъ, отъ насъ
«Враги не ожидаютъ удара въ этотъ часъ;

«Нѣтъ, было бы безчестно—напасть на нихъ!..» И вотъ
Князь Маргеръ съ этимъ словомъ лукъ на землю кладетъ
И, преклонивъ колѣна, благоговѣйно самъ
Возноситъ онъ молитву усердную къ богамъ.
И стала на мгновенье такая тишь кругомъ,
Что слышенъ звукъ малѣйшій въ молчаніи нѣмомъ.
А вотъ и солнце ярко блеснуло изъ-за тучъ,
Знать, Богъ, молитвамъ внемля, шлетъ благовѣстный лучъ.

XIV.

Вотъ эхомъ отозвался вокругъ, въ лѣсной глуши,
Нѣмецкій рогъ нежданно въ торжественной тиши;
Во-слѣдъ другой завторилъ, и сто роговъ потомъ,
Зарокотавши разомъ, издали дикій громъ.
Вотъ двинулись къ прибрежью всѣ полчища враговъ,
Уже спустили десять по Нѣману плотовъ;
Ихъ чуть не затопляя, спѣшатъ на нихъ войска.
На каждомъ вьется знамя. Спокойная рѣка
Запѣнилась отъ веселъ, въ волненіе пришла
И быстро крестоносцевъ несмѣтныхъ понесла.
Нацѣлились Литвины и, подъ дождемъ ихъ стрѣлъ,
Глубокій Нѣманъ кровью нѣмецкой заалѣлъ;
Стонъ пораженныхъ Нѣмцевъ до Пуллена достигъ,
И въ Нѣманъ сотни труповъ свалились въ тотъ же мигъ.
Гребцы спѣшатъ всей силой и веселъ, и багровъ;
Рѣка кипитъ; плоты ихъ у самыхъ береговъ.
Съ проклятьемъ крестоносцы пустили тучу стрѣлъ:
Литвиновъ крикъ ужасный надъ валомъ пролетѣлъ;
Посыпались ихъ трупы съ Пуняльской стороны,
Свалились въ глубь рѣчную съ высокой крутизны;
И закипѣвшій Нѣманъ угрюмо заплескалъ,
Какъ будто бы низверглись въ него обломки скалъ.

XV.

Плоты уже подплыли къ прибрежіямъ крутымъ;
Но берега высоки, и труденъ доступъ къ нимъ.
А на верху Литвины грозятъ съ своихъ валовъ,
И градъ каменьевъ тяжкихъ обрушиться готовъ;
Но князь Саксонскій храбро взбирается впередъ,

Неустрашимо смерти на встрѣчу онъ идетъ.
За нимъ дружины лезутъ отважно по валамъ;
Разносятся ихъ крики далеко по лѣсамъ.
Уже до половины взошли на крутизны;
Уже отъ стрѣлъ литовскихъ они защищены;
Но вотъ на скользкомъ камнѣ, насколько было силъ,
Въ объятья смерти Лютасъ — Рудольфа охватилъ
И такъ объ землю бросилъ могучею рукой,
Что словно застонала сталь брони боевой,
И молотомъ такъ сильно ударилъ князя онъ,
Что панцырь у Рудольфа издалъ дрожащій звонъ.
Но, съ ловкостью змѣиной вскочивши въ мигъ одинъ,
Воспрянулъ князь отважный и, прежде чѣмъ Литвинъ
Могъ ожидать, такъ страшно мечемъ его хватилъ,
Что Лютасъ палъ, лишившись сознанія и силъ.
Въ усиліи послѣднемъ еще рванулся онъ;
Друзья къ нему на помощь спѣшатъ со всѣхъ сторонъ;
Но тутъ Рудольфъ Саксонскій далъ знакъ своимъ стрѣлкамъ—
«Взять старика,—быть можетъ, онъ пригодится намъ;
«Извѣстны ходы въ замкѣ ему навѣрняка,
«Пусть Рансдорфъ хорошенько распроситъ старика,
«Пока совсѣмъ у дѣда не помутился взглядъ,
«Покамѣстъ душу черти не потащили въ адъ.
«Пускай онъ тамъ подъ пыткой разскажетъ предъ вождемъ
«О ходахъ, о лазейкахъ, ну, словомъ, обо всемъ...»
Лишь княжеской команды раздался громкій крикъ,
Какъ въ ту-жъ минуту схваченъ солдатами старикъ;
Они бѣгутъ съ добычей, кладутъ ее въ челнокъ,
Хотя струями крови старикъ почти истекъ;
Но словно ястребъ когти, онъ руки протянулъ;
И одного изъ Нѣмцевъ въ глубь Нѣмана швырнулъ.
Сознанія лишившись, палъ на руки гребцовъ,
И что-то шепчетъ, бредя, про бой и про враговъ.

XVI.

Ужъ валъ во власти вражьей; и вотъ уже на немъ
Зіяютъ жерла пушекъ и грозный стѣноломъ:
Ужасный громъ раздался, и гулъ пошелъ въ горахъ,
Хотя отважный Маргеръ враговъ приводитъ въ страхъ
Со стѣнъ воинскимъ кликомъ; но въ грохотѣ громовъ

Неслышимо смолкаетъ его могучій зовъ.
А что-жъ бойцы Литвины?.. О, ихъ немного тутъ...
Притомъ все это мирный, къ сохѣ привыкшій людъ:
Онъ наобумъ стрѣляетъ, роняетъ онъ копье,
И грудью кроетъ стѣну,—но не спасетъ ее...
Вотъ грянулъ залпъ изъ пушекъ, какъ адскій страшный громъ,
И полстѣны упало, разсыпавшись кругомъ...
Еще минута... если не дать отпоръ теперь,
То къ беззащитнымъ дѣтямъ врагамъ открыта дверь.
Весь ужасъ этой мысли и къ родинѣ любовь
Упавшую отвагу въ Литвинахъ будятъ вновь.
Пусть падаетъ въ обломки и рушится стѣна,
Грудь крѣпче стѣнъ твердыни и, новыхъ силъ полна,
Она стократно тверже всѣхъ крѣпостныхъ камней:
Отчаянье придало избытокъ мощи ей.
Какъ будто дивной силы ей самъ Перкунъ придалъ,
Какъ будто бы самъ Поклюсъ изъ нѣдръ подземныхъ всталъ,
И гибели на встрѣчу отвага безъ конца
Зажглась неудержимо у каждаго бойца.
Отчаянно Литвины, въ лохмотьяхъ и въ пыли,
Рванулись на защиту родной своей земли.
Ужасенъ хриплый голосъ въ запекшихся губахъ,
Ужасна сила мести въ отчаянныхъ сердцахъ.
Марію призывая на языкѣ своемъ,
Ихъ отбиваютъ Нѣмцы, бросаясь на-проломъ.
Вотъ въ рукопашной схваткѣ ужъ стрѣлы не нужны;
Войска, садясь на грудахъ разрушенной стѣны,
Слились въ хаосъ кипящій, въ ужасный смертный бой,
Клокочущей и грозно сверкающей волной.
Порой съ обрыва въ Нѣманъ тяжелый трупъ слетитъ,
Кровь свищетъ, рогъ взываетъ, и сталь о сталь звенитъ.
И стонъ, и гулъ далеко несутся по полямъ,
А вѣтеръ пыль густую вздымаетъ къ небесамъ.
И такъ ужасно битвы кипитъ кровавый адъ,
Что ничего не схватитъ вокругъ, ни слухъ, ни взглядъ.
Взобрались крестоносцы наверхъ, и по валамъ
Ихъ панцыри и латы мелькаютъ здѣсь и тамъ;
То раненыхъ уносятъ, то трупы съ вышины;
А кто въ живыхъ остался, тѣ, силы лишены,
Хватаютъ шлемъ погнутый, изрубленный свой мечъ
И поспѣшаютъ въ бѣгство. Да не легко убѣчь:

Но торжество побѣды имъ видно впереди.
Безъ пѣсенъ и безъ звона, такъ тихо, какъ могли,
Монахи павшихъ братій украдкой погребли:
Чтобъ, хоръ надгробный слыша изъ крѣпости своей,
Язычникъ, ободрившись, не сдѣлался смѣлѣй,
Иль святотатнымъ смѣхомъ, враждой воспламененъ,
Надъ христіанскимъ прахомъ не наглумился онъ.
Костры передъ шатрами блестятъ во тьмѣ ночной;
Вокругъ ихъ крестоносцы сбираются толпой.
Священникъ въ облаченьи, при каждомъ изъ костровъ,
Одушевляетъ словомъ отеческимъ бойцовъ,
Отвагу разжигаетъ, убитымъ рай сулитъ,
Изъ библіи примѣры приводитъ имъ на видъ,—
Какъ подвиги свершали, въ дали былыхъ временъ,
Юдифь и Маккавеи, Деввора и Самсонъ.
Языческой Литвы же онъ сравниваетъ станъ
Съ войсками Амореянъ, съ толпой Филистимлянъ,
И, къ случаю писанье стараясь примѣнять,
Взываетъ съ Моисеемъ: «Вожди! ведите рать,
«Миръ Божій возвѣщая, къ языческимъ стѣнамъ;
«А если же покорно вратъ не отворятъ вамъ —
«Нарушенъ миръ, и долженъ невѣрный городъ пасть.
«Когда-жъ Господь безбожныхъ повергнетъ въ вашу власть, —
«Да воцарится грозно опустошенья мечъ:
«Мужей и женщинъ главы должны во прахѣ лечь!
«Да гибнутъ нечестивцы, да гибнутъ въ тотъ же часъ, —
«Чтобы на путь грѣховный не совратили васъ!
«Разрушьте, Божью кару неся въ своихъ рукахъ,
«И алтари ихъ въ пепелъ, и домы ихъ во прахъ!!...
Такъ ярый проповѣдникъ взываетъ, вдохновленъ,
И пламя фанатизма разбрасываетъ онъ;
Глаза налиты кровью, ротъ пѣнится, и вотъ,
Юдифи подражая, онъ пѣснь ея поетъ:
«Воззри на Ассиріянъ, Господь отцовъ моихъ!
«Въ ничто да обратятся, да сгибнутъ силы ихъ!
«Они кичатся мощью, и въ гордости своей
«Побѣды ждутъ отъ копій, отъ стрѣлъ и отъ мечей.
«Не знаютъ, что выходятъ на святотатный бой,
«Что мечъ ихъ сокрушишь Ты, что борятся съ Тобой!»
Такъ духъ упавшій въ войскѣ монахъ живитъ опять,
И проповѣди внемлетъ благоговѣйно рать.

Надеждой на побѣду одушевленъ солдатъ
И мыслью о добычѣ ужъ сладостно объятъ.
Монахъ въ другой палаткѣ, опершійся на щитъ,
Врачуетъ души грѣшныхъ и съ Господомъ миритъ.
Въ монашескомъ статутѣ включенъ уставъ такой:
«Готовьтесь съ покаяньемъ, съ смиреніемъ на бой,
«Вооружитесь вѣрой и чистотой сердецъ, —
«Да осѣнитъ вамъ главы невинности вѣнецъ!»
Всѣ рыцари уставу послушны заурядъ
И каются, — покамѣстъ опять не согрѣшатъ;
Былыя прегрѣшенья стремятся искупить,
Чтобы удобнѣй новымъ кратчайшій путь открыть.
При пламени смолистомъ, трепещущемъ сквозь дымъ,
Всѣхъ инокъ обдѣляетъ причастіемъ святымъ:
И рыцарей, и съ жаромъ склонившуюся рать.
«Вотъ Агнецъ Божій, въ немъ же святая благодать!»
Монахъ взываетъ къ Богу въ безмолвіи ночномъ,
И, преклонивъ колѣна, всѣ молятся кругомъ,
А изъ дубовой чащи и сумрачныхъ вѣтвей
Таинственно сверкаетъ блескъ смоляныхъ огней.

II.

Шатры вождей, бѣлѣя изъ чащи здѣсь и тамъ,
Сверкаютъ огоньками, подобно фонарямъ.
Тамъ набожное чувство въ сердцахъ не разлито.
Тамъ съ сокрушеньемъ духа не кается никто:
Тамъ слышны не молитвы, не сердца скорбный стонъ,
Но съ пѣснею разгульной бокаловъ буйный звонъ;
И старый миннезингеръ, пѣвецъ походный, тамъ
Съ напѣвомъ непристойнымъ бряцаетъ по струнамъ.
Забывъ, какъ свято въ мірѣ призваніе пѣвца,
Онъ похоть воспѣваетъ съ нахальствомъ безъ конца.
Сердца же подъ бронею упившихся вождей
Въ ладъ грѣшной пѣсни бьются, вполнѣ отдавшись ей.
А рыцари въ ихъ тогахъ, въ монашескихъ плащахъ,
Безстыдно рукоплещутъ со смѣхомъ на устахъ..
Князья и полководцы нѣмецкой стороны
Всѣ къ пѣсни скомороха вниманія полны;
Бокалы поднимаютъ, наполнивъ ихъ виномъ,
И запѣваютъ хоромъ, всѣ вмѣстѣ за пѣвцомъ.

Но торжество побѣды имъ видно впереди.
Безъ пѣсенъ и безъ звона, такъ тихо, какъ могли,
Монахи павшихъ братій украдкой погребли:
Чтобъ, хоръ надгробный слыша изъ крѣпости своей,
Язычникъ, ободрившись, не сдѣлался смѣлѣй,
Иль святотатнымъ смѣхомъ, враждой воспламененъ,
Надъ христіанскимъ прахомъ не наглумился онъ.
Костры передъ шатрами блестятъ во тьмѣ ночной;
Вокругъ ихъ крестоносцы сбираются толпой.
Священникъ въ облаченьи, при каждомъ изъ костровъ,
Одушевляетъ словомъ отеческимъ бойцовъ,
Отвагу разжигаетъ, убитымъ рай сулитъ,
Изъ библіи примѣры приводитъ имъ на видъ,—
Какъ подвиги свершали, въ дали былыхъ временъ,
Юдифь и Маккавеи, Деввора и Самсонъ.
Языческой Литвы же онъ сравниваетъ станъ
Съ войсками Амореянъ, съ толпой Филистимлянъ,
И, къ случаю писанье стараясь примѣнять,
Взываетъ съ Моисеемъ: «Вожди! ведите рать,
«Миръ Божій возвѣщая, къ языческимъ стѣнамъ;
«А если же покорно вратъ не отворятъ вамъ —
«Нарушенъ миръ, и долженъ невѣрный городъ пасть.
«Когда-жъ Господь безбожныхъ повергнетъ въ вашу власть, —
«Да воцарится грозно опустошенья мечъ:
«Мужей и женщинъ главы должны во прахѣ лечь!
«Да гибнутъ нечестивцы, да гибнутъ въ тотъ же часъ, —
«Чтобы на путь грѣховный не совратили васъ!
«Разрушьте, Божью кару неся въ своихъ рукахъ,
«И алтари ихъ въ пепелъ, и домы ихъ во прахъ!!...
Такъ ярый проповѣдникъ взываетъ, вдохновленъ,
И пламя фанатизма разбрасываетъ онъ;
Глаза налиты кровью, ротъ пѣнится, и вотъ,
Юдифи подражая, онъ пѣснь ея поетъ:
«Воззри на Ассиріянъ, Господь отцовъ моихъ!
«Въ ничто да обратятся, да сгибнутъ силы ихъ!
«Они кичатся мощью, и въ гордости своей
«Побѣды ждутъ отъ копій, отъ стрѣлъ и отъ мечей.
«Не знаютъ, что выходятъ на святотатный бой,
«Что мечъ ихъ сокрушишь Ты, что борятся съ Тобой!»
Такъ духъ упавшій въ войскѣ монахъ живитъ опять,
И проповѣди внемлетъ благоговѣйно рать.

Надеждой на побѣду одушевленъ солдатъ
И мыслью о добычѣ ужъ сладостно объятъ.
Монахъ въ другой палаткѣ, опершійся на щитъ,
Врачуетъ души грѣшныхъ и съ Господомъ миритъ.
Въ монашескомъ статутѣ включенъ уставъ такой:
«Готовьтесь съ покаяньемъ, съ смиреніемъ на бой,
«Вооружитесь вѣрой и чистотой сердецъ, —
«Да осѣнитъ вамъ главы невинности вѣнецъ!»
Всѣ рыцари уставу послушны заурядъ
И каются,—покамѣстъ опять не согрѣшатъ;
Былыя прегрѣшенья стремятся искупить,
Чтобы удобнѣй новымъ кратчайшій путь открыть.
При пламени смолистомъ, трепещущемъ сквозь дымъ,
Всѣхъ инокъ обдѣляетъ причастіемъ святымъ:
И рыцарей, и съ жаромъ склонившуюся рать.
«Вотъ Агнецъ Божій, въ немъ же святая благодать!»
Монахъ взываетъ къ Богу въ безмолвіи ночномъ,
И, преклонивъ колѣна, всѣ молятся кругомъ,
А изъ дубовой чащи и сумрачныхъ вѣтвей
Таинственно сверкаетъ блескъ смоляныхъ огней.

II.

Шатры вождей, бѣлѣя изъ чащи здѣсь и тамъ,
Сверкаютъ огоньками, подобно фонарямъ.
Тамъ набожное чувство въ сердцахъ не разлито.
Тамъ съ сокрушеньемъ духа не кается никто:
Тамъ слышны не молитвы, не сердца скорбный стонъ,
Но съ пѣснею разгульной бокаловъ буйный звонъ;
И старый миннезингеръ, пѣвецъ походный, тамъ
Съ напѣвомъ непристойнымъ бряцаетъ по струнамъ.
Забывъ, какъ свято въ мірѣ призваніе пѣвца,
Онъ похоть воспѣваетъ съ нахальствомъ безъ конца.
Сердца же подъ бронею упившихся вождей
Въ ладъ грѣшной пѣсни бьются, вполнѣ отдавшись ей.
А рыцари въ ихъ тогахъ, въ монашескихъ плащахъ,
Безстыдно рукоплещутъ со смѣхомъ на устахъ..
Князья и полководцы нѣмецкой стороны
Всѣ къ пѣсни скомороха вниманія полны;
Бокалы поднимаютъ, наполнивъ ихъ виномъ,
И запѣваютъ хоромъ, всѣ вмѣстѣ за пѣвцомъ.

Молитвы, пѣсни, говоръ, и пьяный смѣхъ шальной
Надъ лагеремъ нѣмецкимъ встаютъ въ тиши ночной;
А дѣвственное эхо въ глуши лѣсовъ густыхъ
Какъ будто съ отвращеньемъ чуть повторяетъ ихъ.

III.

Отшельникомъ сокрылся Рансдорфъ вдали отъ всѣхъ,
Въ шатрѣ своемъ; съ друзьями не дѣлитъ онъ утѣхъ.
Въ немъ съ самаго побѣга объ Эгле мысль одна;
Спасаетъ отъ разврата съ тѣхъ поръ его она.
Ни звукъ разгульныхъ пѣсенъ, ни хохотъ, ни развратъ
Отчаянья и скорби въ душѣ не исцѣлятъ....
Нѣтъ, жгучихъ угрызеній не затопить виномъ!
Нѣтъ, не залить имъ сердца, объятаго огнемъ!
Онъ каждый день молился въ слезахъ тоски своей,
На исповѣди съ жаромъ винился, какъ злодѣй;
Тамъ въ самомъ страшномъ видѣ поступокъ свой чертилъ,
Что пламенемъ Литвинамъ за хлѣбъ и соль платилъ.
Напрасно раны сердца ему отецъ святой
Уврачевать старался, дать совѣсти покой
И подвигомъ великимъ измѣну представлялъ;
Нѣтъ, не цѣлилъ онъ рану, но больше раздражалъ.
Да, слыша, что для Бога шли на Литву войной,
Что клятвопреступленье не грѣхъ, а долгъ святой, —
Сомнѣньемъ въ прежней вѣрѣ Рансдорфъ былъ омраченъ;
Ему такъ тяжко было, когда молился онъ:
У мысли отягченной не стало прежнихъ силъ,
А душу словно камень могильный придавилъ.

IV.

Рансдорфъ въ своей палаткѣ вдали отъ всѣхъ мечталъ,
Когда шаги внезапно за дверью услыхалъ;
И вотъ стрѣлокъ нѣмецкій въ шатеръ къ нему спѣшитъ.
Покрытъ густою пылью и кровью весь облитъ.
—«Вождь!—молвилъ онъ,—пришли мы съ добычей боевой.
«Здѣсь раненный язычникъ, старикъ полуживой.
«Князь доблестный саксонскій (сильна его рука
«Какъ будто у Сампсона) сбилъ черта старика.
«Покамѣстъ онъ не умеръ, и въ немъ сознанье есть,
«Вы выпытать подробно могли бы, ваша честь,

«О тайныхъ ходахъ въ замокъ, сокрытыхъ подъ землей,
«Чтобъ въ логовищѣ самомъ управиться съ змѣей....
«Не взять на приступъ замка.... нѣтъ, намъ не влезть туда....
«Твердыня недоступнѣй орлинаго гнѣзда....
«Но намъ старикъ, быть можетъ, укажетъ подъ ножемъ
«Лазейки, по которымъ спокойно мы пройдемъ.
«Его къ палаткѣ самой мы принесли сейчасъ.
«О, въ силачѣ Литвинѣ сто дьяволовъ за-разъ!...
«Сажень земли, пожалуй, онъ завалилъ собой,
«Я бороды длиннѣйшей не видывалъ такой....
«Хоть истекаетъ кровью, и смерть надъ нимъ виситъ,—
«Въ груди могучій голосъ какъ будто громъ гудитъ»....
Такъ воинъ разболтался о плѣнникѣ своемъ,
А Рансдорфъ, поблѣднѣвши, съ померкнувшимъ челомъ,
И какъ злодѣй преступникъ предъ казнью роковой
Выходитъ изъ палатки.

V.

Съ повисшею главой,
Веревкой связанъ, съ кровью на мертвенномъ челѣ,
Подъ волчьей шкурой Лютасъ поверженъ на землѣ.
Все отнято—и молотъ, и мечъ его, и щитъ,
Съ устъ почернѣлыхъ смутно проклятіе хрипитъ,
Онъ тщетно рвется въ узахъ затекшею рукой,
Сочатся капли крови по бородѣ сѣдой....
Рансдорфъ далъ знакъ рукою, и, черезъ мигъ одинъ,
Отъ впившейся веревки освобожденъ Литвинъ.
И словно трупъ изъ гроба, иль выходецъ могилъ,
Всталъ Лютасъ.... зашатался.... и вновь упалъ безъ силъ....
А мощь души и тѣла, какъ будто вся за-разъ,
Сверкнула въ дикомъ блескѣ налитыхъ кровью глазъ....
Старикъ, на Нѣмца бросивъ свой грозный, гордый взоръ,
Презрѣньемъ безконечнымъ пронзилъ вождя въ упоръ....
И простоналъ онъ:—«Здравствуй! въ часъ смертный, роковой,
«Христіанинъ и рыцарь, встрѣчаюсь я съ тобой....
«Теперь ты предводитель.... завиденъ твой удѣлъ....
«Съ собой гостей желанныхъ привелъ ты въ нашъ предѣлъ....
«Привѣтствую тебя я проклятьемъ всей страны,
«Съ которымъ будутъ кости мои погребены....
«Я въ низкомъ состраданьи тебѣ спасенье далъ,
«Такъ, значитъ, на отчизну я саранчу созвалъ,

«Что нивы истребляетъ!... О, гдѣ же честь моя?
«Гдѣ кровь, что въ столькихъ битвахъ лилъ такъ отважно я?
«Проклятье, о, проклятье останется по мнѣ!...
«Ты-жъ, рыцарь, вѣроломенъ.... какъ всѣ у васъ въ странѣ....
«Васъ такъ пророки учатъ и вашъ законъ святой:
«За хлѣбъ гостепріимства отплачивать враждой
«И ножъ вонзать за ласку.... ты сынъ страны своей,—
«Звѣрь лютый не виновенъ, что лижетъ кровь людей.
«Но тотъ подземной кары стократно заслужилъ,
«Кто на свободу звѣря голоднаго пустилъ....
«Вонъ братьевъ кровь струится.... вонъ пламя нашихъ хатъ....
«Чу, какъ его порывы и свищутъ и гудятъ....
«Оно мнѣ къ сердцу льется кипящею рѣкой,
«Кровавой алой лентой трепещетъ предо мной....
«Конецъ злодѣя скоро увидишь ты и самъ....
«Слухъ тонкій угрызенья даютъ предъ смертью намъ:
«Я слышу, какъ мнѣ съ неба Перкунъ проклятье шлетъ,
«Какъ матери рыдаютъ, какъ плачутъ тьмы сиротъ,
«Я слышу бѣдной Эгле изъ замка слабый стонъ,
«Уже топоръ священный жрецами занесенъ
«Надъ головой несчастной, взамѣнъ главы твоей!...
«И въ этомъ я виновникъ, и въ этомъ я злодѣй!...
«Зачѣмъ я былъ безсиленъ, когда, какъ бы въ огнѣ,
«Несчастная Литвинка призналась въ чувствахъ мнѣ?
«Тогда однимъ ударомъ, топоръ подъявши мой,
«Я родинѣ, и Эгле могъ даровать покой!
«Зачѣмъ же въ жертву аду тебя я не принесъ?
«Зачѣмъ же далъ я волю потокамъ грѣшныхъ слезъ»?
Такъ Лютасъ съ слабымъ стономъ и съ смертью на челѣ
И мечется, и рвется, простертый на землѣ;
То выпрямляетъ руки, то сложитъ ихъ съ мольбой:
«Еще одну измѣну, о, рыцарь молодой,
«Тебѣ свершить осталось—ходъ тайный указать....
«Тебя, крестовый рыцарь, рѣшаюсь умолять
«Отчизною моею, припавъ къ ногамъ твоимъ,
«Не говори, предатель, про тайный ходъ своимъ!
«Когда они не сыщутъ тотъ потаенный ходъ,
«Литва себѣ, быть можетъ, спасеніе найдетъ....
«Безумный!... Что я грежу? Мнѣ въ мысль могло придти,
«Что удержать злодѣя могу на полъ-пути?!..
«О, нѣтъ, ты не отступишь, предатель, ни предъ чѣмъ....

«Пускай, какъ волкъ въ овчарню, взойдутъ подкопомъ тѣмъ!...
«Пусть Маргера жилище врагъ пламени предастъ!...
«Но ты предъ Богомъ клялся.... и Богъ тебѣ воздастъ,
«Что ты нарушилъ клятву торжественную ту....
«Спаситель христіанскій, прибитый ко кресту!
«Тебя язычникъ молитъ,—о, грянь съ креста грозой,
«За кровь Литвы въ возмездье, за ложь передъ Тобой!
«Иль возвратите силы!... мой мечъ сюда скорѣй!
«Я отомщу!... къ оружью!... мечи берите! Эй!
«Входъ въ замокъ защищайте!... Враги уже идутъ!...
«Скорѣй вождю скажите.... что есть измѣнникъ тутъ....
«Что старый Лютасъ.... предалъ»!... Тутъ зарыдалъ старикъ....
Какъ львиный ревъ ужасный, его послѣдній крикъ
Разнесся по пустынѣ.... Хотя Рансдорфъ одинъ
Могъ понимать межъ Нѣмцевъ, что говорилъ Литвинъ,
Но всѣмъ въ груди дыханье стѣснилъ невольный страхъ....
Лишь бородатый инокъ у старика въ устахъ
Христово имя слыша, въ тотъ мигъ проговорилъ:
— «Крещенія святаго язычникъ запросилъ....
«Знать, плачетъ, исповѣдавъ грѣхи души своей....
«Спасти его отъ ада намъ надо поскорѣй»!...
Уже онъ, взявши въ руку ковшъ съ нѣманской водой,
Хотѣлъ надъ умиравшимъ свершить обрядъ святой,
Приблизился тихонько, къ лицу его пришикъ,—
«Ликуйте, силы ада! уже не живъ старикъ!»

VI.

Разсвѣтъ уже яснѣетъ сквозь утренній туманъ,
Рансдорфъ, какъ столбъ недвижный, какъ будто истуканъ,
Стоитъ надъ трупомъ.... Чѣмъ же душа его полна?
Отчаянія мука въ его лицѣ видна.
Морщины угрызеній мрачатъ его чело,
Какъ буря волны моря.... а на душу легло
Ужасныхъ мыслей бремя, какъ тяжкій страшный гнётъ,
И цѣлый адъ мученій въ груди его встаетъ.
— «О, да, старикъ зловѣщій! ты правъ, ты правъ стократъ!
«Злодѣю съ полъ-дороги не повернуть назадъ!
«Кто вихремъ преступленья хоть разъ былъ унесенъ—
«Въ когтяхъ судьбы ужасной уже навѣки онъ...
«Его влекутъ злодѣйства, и на пути такомъ,

«Зла одного не сдѣлать—горчайшимъ будетъ зломъ.
«Позоръ—нарушить клятву, что надъ крестомъ я далъ....
«Магистру выдать тайну.... о, я-бъ не указалъ
«Ходъ потаенный въ замокъ.... Но это значитъ, тамъ
«Оставить Эгле въ жертву литовскимъ палачамъ....
«Покамѣстъ крестоносцы высокій валъ возьмутъ,
«Кровь въ это время Эгле невинную прольютъ,
«Изъ персей вырвутъ сердце.... О, нѣтъ, злодѣи, нѣтъ!
«Пускай мнѣ вѣчной мукой грозитъ загробный свѣтъ,
«Я измѣню вамъ.... тайно я проведу стрѣлковъ
«И вырву жертву вашихъ кровавыхъ топоровъ,
«Блокаду крѣпостную магистру облегчу
«И пламенемъ за ваше радушье заплачу....
«Пускай же съ дымомъ кровель и съ воплями дѣтей
«Возносится проклятье надъ головой моей,
«Сзывая надо мною грозу небесныхъ стрѣлъ....
«Безъ ропота приму я заслуженный удѣлъ....
«Спасти бы только Эгле!... О, измѣню я вамъ»!...
Схватилъ онъ рогъ воловій и приложилъ къ устамъ.
Стрѣлецкую дружину къ сраженію будя...
И быстро звучнымъ эхомъ разнесся кликъ вождя,
Хоръ отголосковъ вызвавъ вокругъ въ глуши лѣсной....
Кишитъ нѣмецкій лагерь, какъ пчелъ слетѣвшій рой.
А пташки, что встрѣчали блескъ утреннихъ лучей.
Предъ новымъ шумомъ робко притихли межъ вѣтвей....
Уже звонятъ къ обѣднѣ.... гулъ жизни надъ рѣкой;
Ржутъ кони крестоносцевъ, идя на водопой;
Вотъ изъ-за чащи лѣса и солнышко взошло,
Блеснувши ярко людямъ—на благо иль на зло.

VII.

Литвины ужъ готовы—они ночной порой
Возстановили башню и обвели стѣной;
Бойцовъ распредѣлили по башнямъ и валамъ,
Надежныхъ, вѣрныхъ стражей поставивъ къ воротамъ,
И въ подземелье къ Марти собрались, гдѣ она
Въ огонь бросаетъ сучья, предвидѣнья полна,
И тамъ, подъемля къ своду свой потускнѣвшій взоръ,
Съ подземными богами заводитъ разговоръ.
На этотъ женскій образъ, какъ будто неземной,

Глядитъ народъ безмолвно съ тревожною душой.
Румянецъ ли играетъ, иль блѣдность на щекахъ. —
Свою судьбу читаетъ Литва въ ея чертахъ.
Огонь разводитъ Марти на алтарѣ святомъ,
Трикраты вкругъ обходитъ, склоняясь надъ огнемъ,
И, жертвенною кровью то пламя оросивъ,
Свершаетъ къ силамъ неба таинственный призывъ,
Моля боговъ различныхъ; поклоны въ свой чередъ
Она имъ то съ востока, то съ запада кладетъ,
И то къ однимъ съ мольбою приникнувъ, то къ другимъ,
Какъ будто ихъ пытаетъ, прислушиваясь къ нимъ.
Знать боги объявили свое рѣшенье ей:
Вотъ глухо заструился потокъ ея рѣчей;
А въ черныхъ клубахъ дыма, какъ въ тучѣ громовой,
Трепещетъ отголосокъ зловѣщій и глухой:
«Я у боговъ пытала, гдѣ жребій нашъ сокрытъ.
«Но безотвѣтно небо молчаніе хранитъ....
«Хотѣла я у ада спросить про тайный рокъ,
«Но тамъ вездѣ мерцаетъ лишь синій огонекъ....
«У тучъ пытала,—тучи своимъ путемъ плывутъ,
«У вороновъ—тѣ трупы въ безмолвіи клюютъ,
«Одно лишь пламя Знича.... о, какъ оно шипитъ!...
«Какой въ немъ шумъ особый, таинственный сокрытъ!
«Слышна въ подземныхъ нѣдрахъ невѣдомая дрожь,
«А со стѣны спадаетъ жреца священный ножъ,
«Срываясь самъ собою!... О, будь народъ готовъ
«Свершить безпрекословно велѣніе боговъ!
«Да, легче ввергнуть въ волны вотъ эти горы здѣсь,
«Огонь замерзнетъ прежде, иль вспыхнетъ Нѣманъ весь,
«Чѣмъ въ приговорахъ неба, сокрытыхъ отъ земли,
«Одно бы только слово нарушить мы могли....
«Столѣтія промчались надъ старою Литвой,
«Но до сихъ поръ въ ней жертвы не видано такой,
«Какая ждетъ отчизну.... да будетъ проклятъ тотъ,
«Кто, встрѣтивъ смерть застонетъ, кто духомъ упадетъ,
«Кто до конца средь боя не выдержитъ грозу,
«Иль если кто изъ женщинъ проронитъ хоть слезу!»
Такъ провѣщала Марти, повергнувшись безъ силъ,
Съ валовъ же рогъ воинскій ужъ битву возвѣстилъ.
«На стѣны! крикнулъ Маргеръ,—узнаетъ вражья рать,
Какъ мы умѣемъ биться, какъ можемъ умирать!

VIII.

Опять, какъ наканунѣ, всѣ полчища враговъ
Причалили съ плотами къ подножію валовъ.
Три мощныя дружины разсыпались вокругъ:
Отъ Нѣмана, съ Пунялы и съ запада; лишь югъ,
Поросшій старымъ лѣсомъ, гдѣ не было путей,
Не занятъ былъ съ листвою дремучею своей.
Стрѣлковъ Рудольфъ Саксонскій, хотя онъ раненъ былъ,
Со стороны Пунялы въ оврагахъ размѣстилъ;
Въ главѣ дружины конной, князь Немуръ отъ рѣки
Подъ западную башню ведетъ свои полки,
И надъ широкимъ яромъ ихъ строитъ здѣсь и тамъ.
Вотъ подъ штандартомъ бѣлымъ магистръ великій самъ,
Въ челѣ пѣхоты, всходитъ по берегамъ крутымъ,
Примѣръ отваги бранной давъ ратникамъ своимъ.
Народъ Литовскій, сжатый осадою тройной,
На трехъ окопахъ храбро ведетъ горячій бой;
Ряды бойцевъ пустѣютъ, отвага-жъ все сильнѣй,
И женщины рукою безсильною своей
То щебня, то каменьевъ пускаютъ цѣлый градъ,
И, въ Нѣмцевъ попадая, смертельно ихъ разятъ.
Но только та работа для слабыхъ рукъ трудна!
И ни плота сегодня, ни одного челна
Не затопили камнемъ онѣ въ пучину водъ,
И рѣдко трупъ нѣмецкій гладь Нѣмана всплеснетъ....
Вотъ смѣло, безъ урона, взлѣзаютъ тьмы враговъ,
Все съ каждымъ мигомъ выше по крутизнамъ валовъ,
Карабкаясь по камнямъ, уступамъ и скаламъ,
Ударами тарановъ грохочутъ по стѣнамъ.
Литвины грудью стали и въ рукопашный бой
Отчаянно вступили съ трехтысячной толпой.
Неистовые клики, звонъ латъ и стукъ мечей
Далеко огласили вокругъ просторъ полей;
Кровопролитной сѣчи кипитъ водоворотъ,
Вкругъ замка пыль, какъ туча, клубится и встаетъ
И стелется все гуще, сіянье солнца тмитъ,
То пламя самопала перуномъ загремитъ,
То камень грохнетъ съ башни, запрыгавъ по валамъ,
И пыль на мигъ разсѣетъ, сгустившуюся тамъ;

Но снова прахъ сольется клубящеюся мглой,
И свищетъ кровь, какъ ливень изъ тучи громовой;
Скользя, валятся трупы въ рѣчную глубину,
А стоны женщинъ съ башенъ несутся въ вышину.
Что мигъ, то, прибывая все вновь изъ-за рѣки,
Идутъ по грудамъ труповъ нѣмецкіе полки;
Что мигъ—магистру въ помощь идутъ ряды дружинъ;
Отрядъ приходитъ новый, когда усталъ одинъ;
Литва-жъ одна, какъ прежде, среди своихъ враговъ,
Отъ ѣдкой пыли очи тускнѣютъ у бойцовъ.
Въ рукахъ же онѣмѣвшихъ слабъ молота размахъ;
Чуть бьетъ по латамъ бердышъ, что былъ грозой въ бояхъ....
И съ грустью видитъ Маргеръ, что храбрая Литва
Утомлена, и въ битвѣ стоитъ едва, едва;
Охрипъ гремѣвшій голосъ, въ очахъ же темнота,
Они залиты кровью, и пѣнятся уста.
И вотъ онъ къ отступленью уже сигналъ даетъ
И подъ защиту замка своихъ бойцовъ зоветъ;
Но вотъ подъ самымъ валомъ знамена увидалъ,
Взглянулъ Литвинамъ въ очи и руки заломалъ:
Напрасно звать ихъ къ бою.... напрасно все.... увы!
Послѣдній лучъ отваги погасъ въ очахъ Литвы!
Но все-жъ въ немъ не порвалась надежды слабой нить:
«Эй, сильный градъ каменьевъ на всадниковъ пустить!»
И всѣ: толпы героевъ, и женщинъ, и дѣтей
Пустили цѣлый ливень безчисленныхъ камней,
Ударами безъ счета враговъ онъ оросилъ....
Отчаянія сила—она грознѣй всѣхъ силъ!
И страхъ уже колеблетъ духъ вражіихъ дружинъ,
Какъ будто бы сторукій грозитъ имъ исполинъ.

IX.

Отъ западной, восточной и сѣверной сторонъ
Литвою непріятель отважно отраженъ;
Но лишь взглянули къ югу,— Перкунъ помилуй!—тамъ
Подъ знаменемъ крестовымъ уже идетъ къ стѣнамъ
Изъ недоступныхъ дебрей, заросшихъ ольшнякомъ,
Гдѣ сѣть подземныхъ ходовъ расходится кругомъ,
Отрядъ стрѣлковъ нѣмецкихъ.... вождь юный передъ нимъ,
И факеломъ смолистымъ пылающимъ своимъ

Онъ зажигаетъ кровлю и далѣе идетъ:
Вдоль стѣнъ огонь пожара уже змѣей ползетъ.
Узналъ Рансдорфа Маргеръ, орлиный взоръ кругомъ
Онъ бросилъ и воскликнулъ: «Литва! теперь умремъ!
«Пропало все!... намъ замка уже нельзя сберечь!
«Молитва не поможетъ и не спасетъ насъ мечъ!
«Намъ смерть одна осталась.... О, если-бъ у враговъ
«Была хоть къ дѣтямъ жалость! Литвины! я готовъ,
«Я, князь вашъ, на колѣна передъ врагами стать
«И ихъ о дѣтяхъ нашихъ и семьяхъ умолять....
«Но что-жъ для крестоносцевъ о жалости мольбы?
«Умремъ же, какъ герои—не жалкіе рабы!
«Чтобъ на послѣднихъ трупахъ литовскихъ сыновей
«Врагъ не зарѣзалъ женщинъ и старцевъ, и дѣтей!
«Чтобы на грудахъ пепла низверженныхъ домовъ
«Онъ женъ не обезчестилъ, не посрамилъ боговъ!...
«Перкунъ! не оскверни насъ безчестіемъ такимъ!
«Врагамъ одни лишь трупы на жертву отдадимъ!
«Воздвигните-жъ скорѣе здѣсь жертвенный костеръ—
«Хотя на мигъ сверхъ силы врагамъ дадимъ отпоръ,
«Чтобы они, ворвавшись, не помѣшали намъ
«Исполнить то, что должно отчизнѣ и богамъ....
«Низвергните на Нѣмцевъ камней послѣдній градъ!
«Отцы! дѣтей убейте и—брата кровный братъ!
«Не лучше ль, чѣмъ погибнуть во власти палачей?»
Сказалъ, и тяжкій камень всей силою своей
Швырнулъ онъ.... дождь каменьевъ на Нѣмцевъ полетѣлъ,
И черезъ мигъ въ пучину упала сотня тѣлъ.
Сильнѣй пожара пламя... сильнѣй врагамъ отпоръ...
Литвины съ наслажденьемъ возносятъ свой костеръ.
До подземелья вопли достигли, наконецъ,
И вотъ съ богами Марти выходитъ, какъ мертвецъ,
Зничъ угасивъ священный и, надрывая грудь,
Она стремится искру послѣднюю раздуть.
На плодъ своей измѣны Рансдорфъ вдали глядитъ;
Топоръ ужасный Марти Литвиновъ въ грудь разитъ;
Подъ жертвенною сталью валятся груды тѣлъ;
Ихъ складываетъ Марти; Литвою овладѣлъ
Отчаянія страшный, безумно-дикій пылъ...
Въ огонь Литвины скачутъ... Вонъ тамъ отецъ схватилъ
Дитя изъ колыбельки и въ пламя бросилъ... мать

Спаленнаго младенца вновь начала качать
И прижимаетъ къ груди... но вотъ уже ее
Отчаянье сражаетъ быстрѣй, чѣмъ лезвіе.
Жрецамъ скорѣе Маргеръ велитъ въ рога трубить,
Чтобы сердца Литвиновъ еще воспламенить;
И съ горстью храбрыхъ, смѣло, самъ руша замокъ свой,
Бросая въ Нѣмцевъ балки, чтобъ жертвѣ роковой
Они не помѣшали, удерживаетъ ихъ...
Смотри, магистръ! любуйся на дѣло рукъ твоихъ!

X.

Межъ тѣмъ какъ овладѣло отчаянье Литвой,
Всѣ позабыли Эгле въ темницѣ подъ землей.
Рансдорфъ, съ мечемъ кровавымъ, какъ яростный злодѣй,
Обходитъ цѣлый замокъ, съ дружиною своей;
По комнатамъ знакомымъ проходитъ взадъ—впередъ,
И всюду громко Эгле по имени зоветъ.
Хотя и пламя пышетъ, и бой кипитъ кругомъ,
Хотя разноситъ эхо въ пустыхъ покояхъ громъ
Оружія и вопли и матерей, и жонъ,
Но, различить надѣясь знакомый голосъ, онъ
Вбѣгаетъ въ подземелье, гдѣ Зничъ горѣлъ святой,
И то кумировъ топчетъ, то падаетъ съ мольбой...
И вотъ въ забытыхъ норахъ онъ, наконецъ, во тьмѣ
Находитъ дверь, гдѣ Эгле заключена въ тюрьмѣ.

XI.

Погружена въ раздумье, она сидитъ въ углу,
Разлитъ недугъ тяжелый по блѣдному челу;
Лучъ солнечный украдкой лицо ей золотитъ,
Отъ сырости румянецъ сбѣжалъ съ ея ланитъ;
Глава ея поникла, уныніе въ чертахъ,
И гробовая блѣдность почила на устахъ;
Какъ будто все застыло, окаменѣло въ ней,
И только искра жизни сверкаетъ изъ очей.
Когда съ дверей упали желѣзные замки,
Послушные усильямъ Рансдорфовой руки,—
Затрепетала Эгле, издавши слабый крикъ,
Какъ будто страшный призракъ въ ея тюрьмѣ возникъ.

Весь обагренный кровью, Рансдорфъ предъ нею палъ:
«О, дочь Литвы!—онъ молвилъ—послѣдній день насталъ
«Для твоего жилища! все въ пламени оно...
«Тебя спасти пришелъ я... ужъ все раззорено...
«Горятъ остатки кровли у твоего гнѣзда...
«Уже ворвалась въ замокъ свирѣпая орда;
«Литвины же толпою отчаянною тамъ
«Себя приносятъ въ жертву ужасную богамъ,
«Чтобы не стать живыми добычею враговъ...
«Бѣжимъ скорѣй, о, Эгле! для бѣгства путь готовъ!
«Чу, жертвенныя трубы!... О, страшный день!... бѣжимъ!...
«Ты слышешь трескъ пожара? Ты видишъ черный дымъ?
«Какъ стѣны раскалились! какъ пышетъ отъ камней!
«Длинна дорога наша! бѣжимъ, бѣжимъ скорѣй!
«Знакомымъ тайнымъ ходомъ тебя я унесу!
«Отъ пламени пожара и отъ враговъ спасу!»
Такъ говоря, онъ страстно на милый ликъ смотрѣлъ
И дорогое бремя въ объятья взять хотѣлъ;
Но Эгле кроткимъ взглядомъ, движеніемъ однимъ
Рансдорфа отстранила... и полонъ былъ такимъ
Величіемъ и силой спокойный этотъ взоръ,
Что, будто встрѣтивъ мощный, воинственный отпоръ,
Рансдорфъ остановился...—«Стой, дерзкій рыцарь! стой!
«Ты думаешь—слаба я? слаба въ борьбѣ съ собой?
«Пусть домъ мой грудой пепла разсыплется во прахъ!
«Твой мечъ обрызганъ кровью! огонь въ твоихъ рукахъ!
«Послушай, крестоносецъ! еще недавно мнѣ
«Мечталось такъ отрадно въ сердечномъ сладкомъ снѣ,
«Что въ край чужой, далекій умчусь я за тобой,
«Моихъ боговъ оставлю, покину край родной,
«Домъ и отца... что счастіе найду, унесшись вдаль...
«И никого не будетъ въ родной Литвѣ мнѣ жаль!
«Твой домъ мнѣ часто снился на берегу морскомъ,
«Дворцы и храмы ваши въ ихъ блескѣ золотомъ,
«Гдѣ всѣхъ боговъ оставивъ для бога твоего,
«Я предалась бы сердцемъ ученію его...
«Но все перемѣнилось теперь въ душѣ моей:
«Съ собой привелъ ты въ Пулленъ крестовыхъ палачей...
«Мой домъ родной ты предалъ разгрому и огню...
«И я отъ общей жертвы главы не отклоню!...
«Мой долгъ—отца и братьевъ теперь сопровождать

«И, умирая, съ ними одну судьбу принять!
«Возьми же этотъ крестикъ... возьми назадъ... а мнѣ
«Съ литовскими богами сгорѣть въ одномъ огнѣ!
«Тебѣ меня не вырвать ни силой, ни мечемъ:
«Не вывѣдать—молитва послѣдняя о чемъ,
«Кому...»

XII.

Такъ голосъ Эгле, не дрогнувъ, прозвучалъ.
О, духъ отца геройскій! зачѣмъ же ты избралъ
Жилище въ слабомъ тѣлѣ? Зачѣмъ слеза бѣжитъ?
Зачѣмъ ея головку пожарный дымъ мрачитъ?
Зачѣмъ же это пламя, пробившись изъ щелей,
Послѣднее дыханье тѣснитъ въ груди у ней?
Безъ чувствъ упала Эгле, лишась послѣднихъ силъ;
Уже огонь пожарный темничный сводъ пробилъ;
А въ подземелье, съ дымомъ, ворвавшимся столбомъ,
И головни, и камни посыпались кругомъ;
Въ огнѣ, въ дыму, по грудамъ осыпанной земли
Стрѣлки схватили Эгле и быстро понесли.
Дорогу предводитель указываетъ имъ
И разгребаетъ пепелъ; когда жъ они сквозь дымъ
Изъ подземелья вышли,—съ пылающимъ челомъ,
Имъ путь онъ прорубаетъ среди Литвы мечемъ.
Съ валовъ уже и стража послѣдняя сошла,
И догораетъ Пулленъ, весь въ пламени, до-тла;
Тамъ рыщутъ крестоносцы свирѣпою толпой,
Труба ихъ возвѣщаетъ часъ грозный, роковой:
То дьявольски хохочетъ, то, какъ змѣя, шипитъ,
Литва-жъ въ остервенѣньи сама себя разитъ;
Братъ убиваетъ брата кровавымъ топоромъ,
Отецъ малютку рубитъ въ безуміи мечемъ;
Неистовая Марти надъ грудой жертвъ своихъ
Послѣдній похоронный поетъ напѣвъ для нихъ;
Святой сѣкирой машетъ и шлетъ мольбы богамъ,
Препоручая души сгорѣвшихъ небесамъ.
Рансдорфъ идетъ отважно съ добычею своей
Средь пламени и дыма, средь блещущихъ ножей;
Съ ужасной, дикой силой все рубитъ онъ мечемъ;
А панцырь на Рансдорфѣ и кованый шеломъ,

Въ пожарѣ раскалившись, чело и грудь палятъ.
О, въ той главѣ, въ той груди сильнѣе зной стократъ!
Кипятъ и пышутъ въ сердцѣ, какъ пламени потокъ,
И муки, и надежда, и совѣсти упрекъ.

XIII.

Безчувственную Эгле Рансдорфовы стрѣлки
Несутъ за стѣны замка къ прибрежію рѣки,
Подъ тѣнью старой ольхи начало гдѣ беретъ,
Въ глуши, прикрытый камнемъ, подземный тайный ходъ,
Что для Литвы спасенье послѣднее хранилъ.
О, сколько думъ въ Рансдорфѣ онъ живо пробудилъ!
Воспоминаньямъ рыцарь отдался всей душой:
Любовь, потомъ измѣна шли по дорогѣ той...
Здѣсь онъ бѣжалъ, когда то неволи сбросивъ гнетъ...
Какъ счастливый любовникъ, теперь онъ здѣсь идетъ...
Но славой и успѣхомъ хотя увѣнчанъ онъ,
Что-жъ ликъ его угрюмый печалью омраченъ?
Что-жъ сердце не играетъ съ избыткѣ полноты,
Когда осуществились завѣтныя мечты?
И, вотъ, уже спокойно, внѣ битвы и мечей,
Водой чело онъ прыщетъ возлюбленной своей.
Очнулась Эгле, хочетъ припомнить что-нибудь,
Свободнѣе вздохнула измученная грудь...
Вотъ, и глаза открыла, и ясный взоръ очей
Блеснулъ Рансдорфу ярче божественныхъ лучей,
Старается припомнить: что съ нею? гдѣ она?
Что въ замкѣ? и желаньемъ томительнымъ полна
Спросить у провожатыхъ, но страшно... силы нѣтъ...
Въ очахъ у нихъ читаетъ безмолвный лишь отвѣтъ...
Въ лицѣ видна тревога у каждаго стрѣлка,
Ихъ голосъ можетъ выдать, и смерть еще близка...
«Скорѣй! скорѣй, какъ можно!..» всѣ шепчутъ второпяхъ,
И Эгле спѣшнымъ шагомъ уносятъ на рукахъ;
Неся зажженный факелъ, Рансдорфъ идетъ впередъ
И свой отрядъ путями знакомыми ведетъ;
Въ молчаньи осторожно идутъ за нимъ стрѣлки,
И, наконецъ, выходятъ къ прибрежію рѣки.
А тамъ распоряженьемъ Рансдорфовымъ готовъ
Уже челнокъ нѣмецкій и нѣсколько гребцовъ;

Полуживую Эгле кладутъ на дно челна...
Туда, гдѣ слышны крики, бросаетъ взоръ она;
А тамъ родимый замокъ въ огнѣ со всѣхъ сторонъ...
И, вырвавшись у Эгле, отчаянія стонъ
Пронзилъ Рансдорфу сердце, какъ острымъ лезвіёмъ:
—«Скорѣй, скорѣй пустите сгорѣть съ моимъ отцомъ!
«Тамъ передъ смертной жертвой безъ страха стану я,
«Какъ братья и какъ сестры, какъ вся Литва моя!»
Такъ Эгле простонала, заплакавъ горячо,
И вновь безъ чувствъ головка повисла на плечо.
Безмолвно на колѣнахъ Рансдорфъ стоитъ предъ ней,
И, по его приказу, всей силою своей
Гребцы, отчаливъ дружно, на весла налегли;
А волны съ тихимъ плескомъ ихъ лодку понесли.

XIV.

На пепелищѣ замка кипитъ кровавый бой;
Во прахъ упали стѣны, разсыпавшись золой.
До Нѣманскихъ прибрежій струится кровь ручьемъ,
А трупы все валятся подъ грознымъ топоромъ;
Въ огонь Литвины скачутъ, и стонутъ, и поютъ;
И, опьянѣвъ въ безумьи, потоки крови льютъ.
Спокоенъ только Маргеръ среди своихъ дѣтей;
Лицо его не дрогнетъ, и ясенъ взоръ очей,
Когда сквозь ходъ подземный проникла вражья рать,
Лишь трупы да обломки поклялся онъ отдать;
Свершая волю неба, въ сознаніи святомъ,
Онъ братьевъ умерщвляетъ съ торжественнымъ лицомъ,
Не какъ убійца низкій, не съ злобой, не смѣясь;
Но долгъ свой исполняетъ онъ, какъ отецъ и князь,
Чтобы народъ геройскій, любимый жарко имъ,
Въ цѣпяхъ поруганъ не былъ мучителемъ своимъ.
Ища добычи въ пеплѣ, враги поражены,
Смотря какъ жаждутъ смерти литовскіе сыны;
И, утоливши ярость, пресыщенная рать
Не смѣетъ на Литвиновъ уже руки поднять.
Невольнымъ уваженьемъ враги къ Литвѣ полны,
Хотя въ той жертвѣ видятъ лишь силу сатаны;
Костеръ ужъ догораетъ чуть тлѣющимъ огнемъ;
Уже скончалась Марти, сама сгорѣвъ на немъ.

Едва, едва лишь слышенъ звукъ рѣдкій топоровъ;
И Маргеръ эту жертву кровавую готовъ
Самимъ собой дополнить....

XV.

Но, вотъ, онъ вдалекѣ
Челнокъ нѣмецкій видитъ, плывущій по рѣкѣ;
Онъ вмигъ узналъ Рансдорфа, орлиный бросивъ взглядъ,
Узналъ и дочь.... заплакалъ.... въ груди зажегся адъ....
«О, боги! мы тутъ всходимъ на жертвенный костеръ,
«А кровь моя родная Литвѣ несетъ позоръ!
«Кровь Маргера!... О, чадо несчастное мое!
«Съ Литвой расторгнувъ узы, спѣшитъ забыть ее!...
«И съ гадиной нѣмецкой, съ проклятою змѣей
«Бѣжитъ отъ общей жертвы, бросаетъ край родной!
«О, укрѣпи мнѣ руку, Перкунъ!... Стрѣлой моей
«Спасу отъ осквернѣнья я непорочность ей!«
Сказалъ—и мѣткимъ лукомъ прицѣлился въ челнокъ,
Но померкаютъ очи—затмилъ ихъ слезъ потокъ....
Стрѣла свистя сорвалась, а Нѣмана волна
Затрепетала, словно смятенія полна....
Отцу сдавила сердце могильная тоска,
И что-то въ бѣломъ въ воду упало съ челнока....
Еще стрѣла взвилася въ полетѣ роковомъ...
Челнокъ заколебался, накренился потомъ,
И, словно камень, съ плескомъ исчезнулъ въ глубинѣ
Тяжелый трупъ Рансдорфа, въ сверкающей бронѣ.
Гребцы засуетились, встревожены бѣдой;
Вотъ, плахта забѣлѣвши мелькнула разъ—другой
Надъ Нѣманомъ, и скрылась въ пучинѣ темныхъ волнъ....
Гребцы, причаливъ, вышли и бросили свой челнъ;
И, жертвы чудной силы принявши въ глубину,
Вновь Нѣманъ мирно катитъ спокойную волну,
При солнцѣ блещетъ, зыблясь, и искрится вода,
А въ ней могилы свѣжей не сыщешь и слѣда.

XVI.

«Свершилось!—молвилъ Маргеръ,—теперь и мой чередъ!»
Вотъ онъ къ костру подходитъ и мечъ свой достаетъ.

Тамъ всѣ уже Литвины почили вѣчнымъ сномъ;
Бѣлѣютъ кости, трупы валяются кругомъ;
Порою стонъ послѣдній раздастся чей-нибудь,
А надъ костромъ угасшимъ курится дымъ чуть-чуть.
Соболью шапку Маргеръ снялъ съ рыцарской главы:
«Привѣтъ въ могильной безднѣ вамъ, сыновья Литвы!
«Литва! повѣдай небу ты въ этотъ день святой,
«Что честь твою сберегъ я и самъ погибъ съ тобой!
«Несчастна ты,—но врагъ твой тебя не посрамилъ!...»
Сказалъ, и мечъ широкій онъ въ грудь свою вонзилъ,
Вперилъ на небо очи, на вѣки замолчалъ....
Герой Литвы послѣдній на братнемъ пеплѣ палъ.

ЭПИЛОГЪ.

Въ золѣ и грудахъ пепла, гдѣ былъ погромъ войны,
Искали долго нѣмцы сокровищъ и казны;
Солдаты долго рылись въ развалинахъ пустыхъ,
Ища медовъ старинныхъ и слитковъ золотыхъ;
Лѣса Литвы святые срубили и пожгли,
Стада скотины тучной съ собою увели;
Снесли остатки замка, сравняли ихъ съ землей,
Воздвигли крестъ, а сами ушли къ себѣ домой;
Тамъ совы свили гнѣзда въ тиши глухихъ лѣсовъ,
Развалины-жъ остались наслѣдіемъ вѣковъ.
По рыцарскимъ могиламъ крапива и трава
Зазеленѣли густо, а поле, гдѣ Литва
Со славой билась,—пахарь сравнялъ своей сохой,
И хлѣбъ заколосился на нивѣ золотой.

Когда ложится сумракъ, надъ Нѣманомъ не разъ
Видали—чья то плахта бѣлѣетъ въ поздній часъ;
Кто вѣритъ, кто не вѣритъ,—престранный родъ людей:
Преданье есть, что это съ давно-минувшихъ дней,—
Еще съ вѣковъ служенья языческимъ богамъ,—
Утопленница Эгле выходитъ по ночамъ.
Да, впрочемъ, о минувшемъ что спорить наугадъ:
Объ этомъ въ старыхъ книжкахъ есть гдѣ-то, говорятъ....
Спроси у лѣтописца—онъ древность озаритъ;
Объ остальномъ же сердце пускай договоритъ!

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ.

Историческое повѣствованіе.

VI.

Морозова проснулась поздно, но пробужденіе это было какое-то радостное, свѣтлое, точно въ эту самую ночь она нашла, наконецъ, то, чего такъ долго и напрасно искала. Она припоминала и переживала опять весь вчерашній день и въ особенности вечеръ, проведенный съ Аввакумомъ. Мысли ея уже не витали въ далекой Даурiи, но воротились къ Москвѣ, ко всему, что ее окружало до сихъ поръ — и во всемъ этомъ она находила теперь смыслъ, котораго прежде понять не могла. Пустота, въ которой она томилась, теперь казалась заполненною чѣмъ-то, — чѣмъ — она сама не знала; но ей было свѣтло и радостно. Ей тотчасъ же захотѣлось видѣть людей, родныхъ и близкихъ. Ей казалось, что и съ ними ей теперь будетъ легче — они стали какъ-бы еще ближе къ ней.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія по дому, поигравъ съ своимъ Ванюшкой, который со вчерашняго вечера сталъ для нея еще милѣе и дороже, она велѣла заложить карету, чтобы ѣхать къ Ртищевымъ, съ которыми находилась въ родствѣ, и домъ которыхъ былъ оживленнѣе всѣхъ другихъ боярскихъ домовъ въ Москвѣ. У Ртищевыхъ сходились и никоніанцы, приверженцы западныхъ новшествъ, и сами западники—черкаскіе хохлы въ родѣ Симеона Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго, и, наконецъ, приверженцы *аза* — сторонники Аввакума и его товарищей по двуперстному сложенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ по гоненіямъ и по ссылкамъ. Ртищевы и имъ подобные, которые какъ-бы начали самозарождаться въ Москвѣ, конечно, не безъ вліянія Запада, были первые сѣятели, бросившіе въ русскую почву зерно, изъ котораго выросла

гигантская личность Петра. Ртищевы вызвали въ Москву первую партію ученыхъ «хохловъ», заводчиковъ всѣхъ будущихъ новшествъ. Но Ртищевы, въ то же время, любили и свою родную старину. Въ нихъ была какая-то мягкость, терпимость, которая старалась сблизить между собою людей двухъ враждебныхъ лагерей, и оттого и «хохлы», и аввакумцы, и никоновцы находили радушный пріемъ въ ихъ домѣ, а сами хозяева—и старый Ртищевъ—Михайло, и молодой—Ѳедоръ—готовы были ночи просиживать въ бесѣдахъ и спорахъ съ людьми обѣихъ партій: сюда и Аввакумъ приходилъ «браниться съ отступниками» и «кричать» о сугубой аллилуіи, и Симеонъ Полоцкій—потолковать о «космографіонѣ», о «комидійныхъ дѣйствахъ» и о «планидахъ».

Хотя весь обиходъ жизни въ домѣ Ртищевыхъ покоился на старинѣ, но новшества нѣтъ-нѣтъ да и проглядывали то въ томъ, то въ другомъ углу—въ одѣяніи хозяевъ, въ ихъ словахъ, въ ихъ обхожденіи съ людьми. Даже молодая Аннушка Ртищева не боялась разсуждать объ «опрѣснокахъ» и о «кентрѣ» вселенной.

Къ этимъ-то Ртищевымъ и собралась ѣхать Морозова. Когда карета была подана, сѣнныя дѣвушки надѣли на свою молодую боярыню бархатную, опушенную горностаями шубку, а на голову ей—такую же горностаевую шапочку.—«Ужъ и что у насъ за красавица, боярынька наша—лазоревый цвѣтъ!» ахали онѣ, когда боярынька, ихъ, помолившись на иконы, проходила между двухъ рядовъ челяди — сѣнныхъ дѣвушекъ, разныхъ благочестивыхъ черничекъ и бѣличекъ приживалокъ, разныхъ странницъ, карлицъ, дурокъ и юродивыхъ. При этомъ старая няня повѣсила ей на руку шитую золотомъ калиту, наполненную мелочью для раздачи милостыни.

Когда она появилась на крыльцѣ, выходившемъ на обширный дворъ, то весь дворъ и вся улица передъ домомъ были уже наполнены народомъ: на дворѣ—это ея «слуги, рабы и рабыни», которые дорогою должны были «оберегать честь и здоровье» своей госпожи, а на улицѣ—нищіе, ждавшіе подачекъ, и любопытствующіе, желавшіе поглазѣть, какъ поѣдетъ пышная Морозиха. На запяткахъ кареты и на длинныхъ подножкахъ у окошекъ ея стояли уже разряженные холопы. Тутъ же у самой кареты, на послѣдней ступенькѣ крыльца сидѣлъ знакомый уже намъ Ѳедоръ-юродивый и заливался горькими слезами. Обыкновенно оборванный, безъ шапки, часто босикомъ и въ одной рубахѣ, онъ теперь былъ одѣтъ въ новенькую однорядку и въ плисовые штаны; на ногахъ у него были новые козловые сапоги, на рукахъ—

зеленыя мѣховыя рукавички, а на головѣ—лисья шапка съ краснымъ верхомъ. Это его приказала нарядить сама Морозова, когда утромъ онъ явился къ ней и держалъ что-то крѣпко зажатое обѣими руками, которыя онъ, при трескучемъ морозѣ, не разжималъ во все время пути отъ подворья Новодѣвичья, гдѣ онъ ночевалъ, до дома Морозовой. Оказалось, что это у него крѣпко зажато было въ рукахъ благословеніе, посланное черезъ него Аввакумомъ молодой боярынѣ. Обыкновенно, когда у юродиваго бывала шапка, то, подходя подъ благословеніе къ какому-либо уважаемому имъ попу, въ родѣ Аввакума или Никиты Пустосвята, онъ снималъ шапку, принималъ въ эту шапку благословеніе, зажималъ его въ шапкѣ, какъ нѣчто осязательное и носился такъ съ шапкою цѣлый день, и когда случайно, въ забывчивости или съ умысломъ надѣвалъ шапку, то начиналъ плакать, что «потерялъ благословеніе», что «обронилъ духа свята», что «улетѣлъ-де духъ святъ» и т. п.

— Ты что, Ѳедюшка, плачешь? ласково обратилась къ нему Морозова, положивъ руку на плечо.

— О-о! какъ же мнѣ не плакать! шапку на меня красну надѣли, что̀ на дурака, плакался юродивый, мотая своею нечесаною бородою съ просѣдью.

— Ничего, Ѳедюша-свѣтъ, — какъ же безъ шапки-то?— морозно гораздо.

— Лучше морозно здѣсь, чѣмъ жарко тамъ, въ аду.

— Ну-ну, добро, милый.

И Морозова, снявъ съ него шапку, бросила въ нее изъ своей калиты нѣсколько горстей денегъ.

— На, милый, раздавай бѣдненькимъ.

Затѣмъ взяла его за руку и вмѣстѣ съ собой посадила въ карету. И на дворѣ, и на улицѣ народъ привѣтствовалъ такой поступокъ боярыни громкимъ одобреніемъ.—«Ай свѣтъ наша матушка, Ѳедосья Прокопьевна! буди здорова на многая лѣта!—О-о!»

Сѣдобородый, въ высокой шапкѣ съ голубымъ верхомъ, кучеръ крикнулъ «гисъ!» Постромки всѣхъ шести паръ бѣлыхъ лошадей, запряженныхъ цугомъ, быстро натянулись. Двѣнадцать молоденькихъ вершниковъ, въ шапкахъ съ голубыми же верхами, сидѣвшихъ на каждой упряжной лошади, пріосанились, тронули, прокричали тоже «гисъ!» Загремѣли «чѣпи» и дорогая упряжь, завизжали по снѣгу полозья — и карета двинулась. Она ѣхала шагомъ. По обѣимъ сторонамъ ея рядами шли «рабы и рабыни», но такъ, что всякій изъ нищихъ, желавшій подойти къ окну ка-

реты, могъ свободно пройти между рядами челяди. И впереди, и по бокамъ валили толпы народа, тискаясь ближе къ каретѣ, къ окнамъ ея. А изъ этихъ оконъ постоянно высовывалась—то бѣлая, какъ комочекъ снѣгу, пухлая ручка боярыни и опускала въ протянутыя руки нищихъ либо алтынъ, либо денежку, то—изъ другаго окна—корявая и жилистая, словно витая изъ ремней, рука юродиваго и тоже звякала мѣдью по протянутымъ ладонямъ нищихъ.

Шествіе было очень продолжительно. И бѣлая ручка, успѣвшая покраснѣть отъ мороза, и корявая рука, которую не бралъ никакой морозъ, продолжали мелькать то изъ одного, то изъ другаго окна кареты и звякать мѣдью. Но, наконецъ, одно окно отворилось, и оттуда, бормоча что-то и мотая головою, быстро вылѣзъ юродивый. Онъ остановился на боковомъ отводѣ кареты, продолжая мотать головою и комкать въ рукахъ шапку. Всѣ ждали, что̀ онъ намѣренъ дѣлать. А онъ, увидавъ стоявшаго въ сторонѣ у забора нищаго, у котораго, за неимѣніемъ шапки, сѣдая, почти безволосая голова была повязана тряпицею, бросилъ ему свою шапку, закричавъ—«лови, дѣдушко!» Нищій поймалъ шапку и началъ креститься. Народъ криками выразилъ свое одобреніе. Потомъ юродивый, распоясавшись и увидавъ бабу съ сумою, бросилъ ей поясъ. Затѣмъ онъ снялъ съ себя свою новую однорядку и также бросилъ въ толпу, говоря: «подуваньте, братцы!» Восторженнымъ крикамъ не было конца. Наконецъ, онъ снялъ съ себя и сапоги, и онучи—и остался босикомъ и въ одной рубахѣ.... «Го-го-го! стонала толпа: ѳедюшкѣ жарко! божій человѣкъ!»

Скоро карета Морозовой въѣхала на дворъ къ Ртищевымъ. Дворъ былъ обширный. За домомъ начинался садъ. Высокія, вѣковыя деревья были окутаны инеемъ. Звонъ «чѣпей», которыми особенно щеголяла упряжъ Морозихи, былъ такъ пронзителенъ, что вороны, сидѣвшія на деревьяхъ, испуганно послетали съ нихъ и стряхнули цѣлыя облака инею.

На крыльцо выбѣжали стаи холоповъ и холопокъ встрѣчать знатную, богатую боярыню. Оглянувшись, Морозова увидѣла, что юродивый уже роздалъ всю свою одежу и, въ одной рубахѣ и босикомъ, игралъ съ ртищевскими дворовыми собаками, съ которыми онъ былъ, повидимому, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Она только покачала головой и, сопровождаемая своею и ртищевскою челядью, вошла въ домъ. Навстрѣчу ей вышла молодая Ртищева, боярышня Аннушка, та, что уже интересова-

лась новшествами и «кентромъ» вселенной, и поцѣловалась съ гостьей.

— Ахъ, сестрица-голубушка! у насъ тутъ такая война идетъ, словно Литва Москву громитъ, сказала она, улыбаясь.

— Какая война, сестрица миленькая? спросила гостья.

— А протопопъ Аввакумъ ратоборствуетъ.

При словѣ Аввакумъ, Морозова зардѣлась.—«Съ кѣмъ это онъ, сестрица?»

А со всѣми:—и съ Симеономъ Ситіановичемъ, и съ батюшкой, и съ братцемъ Ѳедоромъ.

Дѣйствительно, изъ другой комнаты доносились голоса спорщиковъ, и всѣхъ покрывалъ голосъ Аввакума. Морозова остановилась было въ нерѣшительности, какъ вдругъ на порогѣ той комнаты, гдѣ происходили споры, показалась сѣдая голова.

— Ба-ба-ба! слыхомъ не слыхано, видомъ не видано! матушка, Ѳедосья Прокопьевна! привѣтливо заговорилъ высокій, съ орлинымъ носомъ старикъ.

Вошедшему было лѣтъ подъ семьдесятъ, но смотрѣлъ онъ еще довольно молодцовато. Лицо его, нѣсколько румяное, опушенное бѣлою бородою, которая спадала на грудь косицами, каріе, живые и смѣющіеся глаза и улыбка выражали привѣтливость и добродушіе.

Это и былъ глава дома, бояринъ Михайло Алексѣевичъ Ртищевъ—москвичъ, одною ногою стоявшій въ древней Руси, а другую занесшій уже въ Русь новую.

— Добро пожаловать, дорогая гостья, говорилъ старикъ и взялъ Морозову за обѣ руки.—Что тебя давно не видать у насъ?

— Да недосужилось, дядюшка: на-Верху *), въ мастерскихъ палатахъ, дѣловъ было много, отвѣчала молодая женщина.

— Знаю-знаю.... Матушка-царица, поди, горы съ вами наготовила къ святкамъ всякаго одѣянія: всю нищую братію пріодѣнете и пріобуете.

— Да, точно, дядюшка: государыня царица наготовила-таки милостыни не мало.

— О, подлинно! она у насъ, матушка, великая радѣтельница.... Пошли ей Господи.... Что-жъ мы тутъ-то стоимъ? Иди, Прокопьевна, къ нашимъ гостямъ....

— Да какъ же это, дядюшка? затруднилась было молодая боярыня.

---

*) Т. е. во дворцѣ.

— Ничего,—все свои люди—не мужчины, а попы.... Иди-иди —посмотришь наши словесные кулачки, какъ Аввакумъ протопопъ съ Симеономъ Полоцкимъ на-кулачки дерутся изъ-за аллилуіи.

Морозова вошла въ слѣдующую комнату. По срединѣ стоялъ Аввакумъ въ позѣ гладіатора и, поднявъ вверхъ правую руку, запальчиво кричалъ.

— На, смотри! когда Мелетій, патріархъ антіохійскій, ругался съ проклятыми аріанами насчетъ перстнаго сложенія, то подъ руку и показа имъ три перста, щепотью, какъ вотъ вы, никоніанцы и табашники, показываете и креститесь—и тогда не бысть ничто же. А какъ онъ, святитель, сложилъ два перста, вотъ такъ (и Аввакумъ вытянулъ вверхъ сложенные вмѣстѣ указательный и средній пальцы), и сей перстъ, пригнулъ вотъ такъ— и тогда бысть знаменіе: огнь изыде.... На—смотри!

И Аввакумъ съ азартомъ подносилъ пальцы къ сухощавому, невысокому, еще нестарому монаху, съ крючковатымъ носомъ, большими еврейскими губами и еврейски-умными, лукавыми глазами. Это былъ Симеонъ Полоцкій, недавно приглашенный царемъ изъ Малороссіи для книжнаго дѣла. Ему было не болѣе тридцати-пяти лѣтъ, но онъ былъ очень худъ. Блѣдное, безцвѣтное лицо изобличало, что его больше освѣщала лампада, чѣмъ солнце, и что глаза его больше глядѣли на пергаментъ, да на бумагу, чѣмъ на зелень и на весь божій міръ.

— Ты, протопопъ, ложно толкуешь Мелетія, мягко отвѣчалъ Полоцкій: онъ сложилъ вотъ такъ два перста и къ *онымъ*, а не просто пригнулъ большой палецъ — и вышло знаменіе отъ троеперстія, а не двуперстія.

Аввакумъ даже подпрыгнулъ было, какъ ужаленный; но увидавъ Морозову, такъ и остановился съ открытымъ ртомъ, собравшимся было энергически выругаться.

Низко наклонивъ голову, Морозова подошла къ нему подъ благословеніе. Аввакумъ съ чувствомъ благословилъ ее. Потомъ она въ поясъ поклонилась Симеону Полоцкому и поцѣловалась съ молодымъ Ртищевымъ, съ Ѳедоромъ.

— Вотъ, сестрица, сказалъ улыбаясь Ѳедоръ,—отецъ протопопъ поражаетъ насъ, словно Мамая.

— Да вы злѣе Мамая! по-прежнему горячо заговорилъ задѣтый Аввакумъ:—всѣ вы, *двуперстники*!... А не въ вашихъ ли еретическихъ книгахъ (снова обратился онъ къ Полоцкому) написано, будто жиды пригвоздили Христа *до* креста? а?

— Что-жъ, коли написано? спокойно отвѣчалъ Полоцкій.

— Какъ что-жъ! Али крестъ—живой человѣкъ! Вотъ ежели бы *до* тебя пригвоздили жиды разбойника, такъ оно было бы такъ; а то на! Христа—*до* креста!

— А не все ли равно *до* креста, или ко кресту?

— Это для васъ, хохловъ, все равно, а не для насъ.... О! да я въ огонь пойду за наше *ко*—оно истинное, и за него я умру.

Аввакумъ говорилъ горячо, страстно. Присутствіе слушателей, и въ особенности Морозовой, подмывало его еще болѣе, придавало ему крылья. Онъ былъ ораторъ и пропагандистъ по призванію. Онъ «кричалъ слово божіе» вездѣ, гдѣ только были слушатели, и чѣмъ больше была его аудиторія, его паства, тѣмъ онъ охотнѣе выкрикивалъ слово божіе. Въ Сибири ему не передъ кѣмъ было развернуться. А Москва—о! это великая аудиторія для оратора. Въ Москвѣ Аввакумъ не сходилъ съ своего боеваго коня.

— А не вы ли, новщики, разлучили Господа съ Исусомъ! напалъ онъ съ другой стороны на Полоцкаго.

— Какъ разлучили? спросилъ тотъ улыбаясь своими еврейскими глазами.

— Такъ и разлучили—разрѣзали Господа нашего Исуса Христа надвое.

— Я не разумѣю тебя, отвѣчалъ Полоцкій.

— Да не вы ли на литургіи возглашаете: «святъ, святъ, единъ Господь *и* Исусъ Христосъ!» Для чего вы прибавили *и*, *иже*? Это все едино, что «протопопъ *и* Аввакумъ»: точно протопопъ особо, а Аввакумъ особо.

— А! съ нѣсколько злою улыбкою протянулъ Симеонъ: мы не говоримъ—«Господь *и* Исусъ Христосъ», а возглашаемъ — «Господь Іисусъ Христосъ».

— Для чего тутъ *и*? новшество для чего!

— Это не новшество...

— Какъ не новшество!

— Не горячись, протопопъ, выслушай меня... Ты не знаешь по-еллински, и оттого споришь...

— И знать не хочу! — Вить святители московскіе Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ не по-еллински молились, и въ ихъ книгахъ значится — «Господь Исусъ Христосъ», а не «Господь *и* Исусъ Христосъ»...

— Да постой, потерпи, протопопъ! уговаривалъ его Полоцкій: по-еллински не Исусъ пишется, а Іисусъ.

— Знать ничего не хочу! Намъ еллины не указъ!

— Какъ не указъ! вмѣшался было старикъ Ртищевъ. -Мы отъ еллинъ вѣру взяли...

— А теперь ее хотимъ испортить, огрызнулся Аввакумъ.

— Да какъ же это такъ! удивлялся Ртищевъ.

— А вотъ какъ, миленькой, ласково обратился онъ къ старому боярину: —мы изъ-начала вѣку пѣли на Пасху: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи»... А они какъ поютъ! срамъ и говорить-то!

— Какъ срамъ!

— Да вотъ какъ: «смертію смерть *поправъ*»... А! не срамота ли сіе! Точно смерть порты али рубахи прала... «Поправъ»! ишь выдумали! «Прать«—«прать» и есть, сирѣчь «мыть».

— А попирать ногами? вступился было Полоцкій.

— Да что ты смыслишь, съ своимъ хохлацкимъ языкомъ! снова накинулся на него неудержимый протопопъ. — Суйся съ своимъ еллинскимъ языкомъ, куда тамъ знаешь, а въ нашъ россійскій языкъ съ хохлацкимъ не суйся! Ишь выдумочка какая: смерть сдѣлали прачкой, портомоей... «поправъ»... эко словечко! Да вы разрѣжьте меня на кусочки, а я по-вашему пѣть не стану—срамота одна!

— Ну, и крѣпокъ же ты, протопопъ, задумчиво сказалъ молодой Ртищевъ.

— Крѣпонекъ Божіею помощію.

Морозова и Аннушка Ртищева сидѣли въ сторонѣ и слушали молча. Аввакумъ, чувствуя себя побѣдителемъ, съ торжествующимъ видомъ обратился къ нимъ.

— Такъ-то Михайловна, сказалъ онъ съ снисходительною улыбкою Аннушкѣ:—слушаете насъ, буеслововъ? — Слушаете— хлѣбецъ словесный кушаете... Не о хлѣбѣ единомъ...

— А что, отецъ протопопъ,—разнствуетъ хлѣбъ съ опрѣснокомъ? перебила его Аннушка.

— Вижу, Михайловна—и ты половина ляховки, строго замѣтилъ протопопъ.

Аннушка покраснѣла и закрыла лицо рукавомъ. Морозова также вспыхнула—ей стыдно стало за свою пріятельницу: ей казалось, что та сдѣлала ужасный, непростительный еретическій промахъ.

— А еще царскихъ дѣтей учатъ, чу, укоризненно обратился неугомонный протопопъ къ старику Ртищеву, намекая на Полоцкаго.

Полоцкій былъ задѣтъ за живое, и поблѣднѣлъ. До сихъ

поръ онъ говорилъ тихо, голосъ не возвышалъ, а отвѣчалъ съ улыбкой, мягко, чувствуя свое превосходство и сознавая, что съ нимъ состязается мужикъ, не знающій даже русской грамматики. Что-жъ съ него и спрашивать! Но послѣднія слова Аввакума показались для него злой выходкой. Полоцкій, дѣйствительно, училъ царскихъ дѣтей, и Алексѣй Михайловичъ былъ имъ доволенъ, даже самъ разспрашивалъ его о «планидахъ» да о разныхъ «комидійныхъ дѣйствахъ».

— Такъ не тебѣ ли съ Никитою Пустосвятомъ да съ Лазаремъ поручить обученіе дѣтей пресвѣтлаго царскаго величества? сказалъ онъ, сверкнувъ глазами.

— А хоть бы и намъ—ересямъ бы не научили, огрызнулся Аввакумъ.

— Да вы, невѣжды, запятой отъ кавыки не отличите, «ерокъ» примите за «оксію», «ису» за «варію»...

— Зато смерть портомоей—прачкой не сдѣлаемъ, какъ вы, вѣжды, дѣлаете то! Сидѣли бы въ своей хохлатчинѣ да вареники съ галушками ѣли! снова оборвалъ протопопъ.—А то на! Лазарь, чу... Лазарь крѣпокъ въ вѣрѣ—онъ истинный учитель.

— Лазарь ругатель, а не учитель.

— Нѣтъ, учитель! Лазарь—истинный вертоградарь церковный, а не суется царскихъ дѣтей портить... Вотъ что!

Симеонъ Полоцкій не вытерпѣлъ. Какъ онъ не былъ сдержанъ, но и его, наконецъ, взворвало. Онъ вскочилъ и задыхаясь сказалъ:

— Да какіе вы вертоградари! Вы свиньи, кои весь церковный вертоградъ своими пятачками изрыли.

Оба Ртищева невольно засмѣялись. Старикъ такъ и покатился, даже за бока ухватился.

— Ха-ха-ха! Ну, отецъ протопопъ, наскочилъ же ты на тихоню!.. Ха-ха! пятачками весь вертоградъ изрыли... Нну сказалъ! говорилъ онъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣху.

Морозова и молодая Ртищева скромно потупились.

Аввакумъ не сразу нашелся что отвѣчать—такъ неожиданно было нападеніе со стороны «тихони» Полоцкаго, и притомъ нападеніе въ духѣ самого Аввакума.

— Что-жъ! бормоталъ онъ, озадаченный нечаянностью: ругатели-то не мы съ Лазаремъ, а онъ, песъ лающій, ему же подобаетъ уста заградить жезломъ...

— Ну, и ты, отецъ протопопъ, скоръ на отвѣтъ, засмѣялся молодой Ртищевъ:—нерѣстеѣ на отмѣстку

— Не бойся, миленькой, въ карманъ за словомъ не полѣзу: въ карманѣ-то пусто, такъ на языкѣ густо, самодовольно проговорилъ нѣсколько опомнившійся протопопъ.

— Я не съ вѣтру говорю, началъ въ свою очередь Симеонъ Полоцкій, подходя къ старику Ртищеву.—Вонъ его другъ, Лазарь, подалъ царю челобитную, и въ ней гнилостными словесы говоритъ, якобы въ церкви, на ектеніяхъ, поминаючи пресвѣтлое царское величество *тишайшимъ* и *кротчайшимъ*, симъ якобы ругаются ему, а «о всей палатѣ и воинствѣ» онъ, Лазарь, въ челобитной своей гнилословитъ, якобы здѣсь говорится не о здравіи и спасеніи царя, его бояръ и воинства, а о нѣкіихъ каменныхъ палатахъ...

— А какъ же! палата—палата и есть! снова накинулся на него Аввакумъ:—палата всегда и бываетъ каменная!

— О, невѣжда протопопъ! невольно вокликнулъ Полоцкій:—«палата» означаетъ всѣхъ бояръ и близкихъ къ царскому величеству особъ: се есть образъ грамматическій и риторскій, именуемый *синекдоxе*, еже различными образы бываетъ, егда едино изъ другаго коемъ либо обычаемъ познавается.

— Толкуй! знаемъ мы ваши *синекдохи*...

И потомъ, неожиданно обратясь къ Морозовой, которая не спускала глазъ съ спорящихъ и даже поблѣднѣла отъ волненія, Аввакумъ сказалъ:

— Видишь, Ѳедосья Прокопьевна: они молятся какими-то *синекдохами*, а я молюсь моему Господу поклонами да кровавыми слезами,—и мнѣ съ ними кое общеніе? — яко свѣту со тьмою, Христу съ Веліаромъ!

Морозова потупилась, и краска вновь разлилась по ея нѣжному лицу.

— Ахъ, Дунюшка милая! говорила она потомъ вечеромъ своей сестрѣ, Урусовой: какъ страшно они спорили! И разошлись, яко пьяни...

VII.

Послѣдняя неудачная попытка Никона воротить себѣ имъ же самимъ брошенный высокій постъ патріарха и утраченную любовь царя, а вмѣстѣ съ нею полную почти автократическую власть надъ нимъ, надъ его боярами и надъ всею Россіею,—шибко надломила этого гранитнаго человѣка, но однако не сломила окончательно. Какъ голодный тигръ, который, сквозь не плотно притво-

ренную дверь своей желѣзной клѣтки просунувъ лапу за добычей и получивъ по ней ударъ раскаленной желѣзной полосы, глухо рычитъ, забившись въ дальній уголъ своей тюрьмы, и силится разшатать ея связи,—такъ и Никонъ, изгнанный изъ Успенскаго собора, какъ оглашенный, какъ простой попъ, затесавшійся не на свое мѣсто, лишенный даже посоха, чувствуя, что онъ получилъ ударъ отъ раскаленнаго царскаго скипетра прямо въ сердце,—силился не только расшатать основы имъ же самимъ созданной для себя тюрьмы, но тряхнуть и всею русскою землею.

— Я тряхну ими, тряхну этими бояришками такъ, что они посыпятся у меня, яко листъ желтый съ осенняго древа, часто бормоталъ онъ, ходя по пустымъ кельямъ своихъ монастырскихъ покоевъ.

По цѣлымъ днямъ иногда сидѣлъ онъ запершись въ своей молельнѣ, которая служила ему и библіотекой, и, постоянно роясь въ книгахъ, писалъ по цѣлымъ часамъ, глухо бормоча кому-то угрозы или обрывки изъ текстовъ священнаго писанія. Часто исписывалъ онъ цѣлыя кучи бумаги, откидывая въ сторону листъ за листомъ; но потомъ, на другой день, перечитывая исписанные листы, сердито трясъ головою, рвалъ написанное и бросалъ въ печку.

— Не то—не то, шепталъ онъ, глядя на чернѣющіеся и испепеляющіеся листы.—Кому озеро Лачь, а мнѣ горькій плачъ... Али и я не сподобился острова Патмоса?.. Нѣтъ, не хочу! не быть тому!

И онъ снова ходилъ по кельямъ, стуча посохомъ и поглядывая въ окна, словно бы онъ кого-то ждалъ. Иногда онъ останавливался передъ образами, беззвучно шепча молитвы, иногда со стономъ повергаясь на полъ и колотясь объ полъ головою. Но потомъ снова вскакивалъ и начиналъ писать до утомленія.

Дни шли за днями однообразно, мучительно, медленно; но, когда онъ начиналъ оглядываться назадъ, то невольно шепталъ съ ужасомъ: «годы прошли, яко дни... жизнь прошла яко мигъ... о, Владыка Всемилостиве!»...

Ежедневно посѣщалъ онъ службу, почти не вмѣшиваясь въ ходъ богослуженія, только иногда развѣ загремитъ съ своего возвышенія: «не торопись!—читай внятно!»—и снова опирается на посохъ, и снова задумывается.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Прежде онъ наблюдалъ за всѣми работами какъ въ монастырѣ, такъ и внѣ его стѣнъ, а

теперь, когда и весна пришла, зазеленѣлъ лѣсъ, покрылись зеленымъ бархатомъ молодыхъ всходовъ поля, запѣли птицы, зажужжали пчелы монастырскихъ бортей, безумно кричали грачи въ монастырской рощѣ,—онъ все оставался въ кельяхъ и повидимому, не находилъ себѣ мѣста... Онъ ждалъ — вся жизнь его, сонъ, бодрствованіе, молитва—все для него превратилось въ ожиданіе—ожиданіе острое, саднящее, горькое. Лицо его изъ блѣднаго стало блѣдно-восковымъ.

Часто въ городъ ѣздили его монахи и по возвращеніи оттуда, непремѣнно обязаны были заходить къ нему, чтобъ доложить о томъ, что тамъ видѣли и слышали. А онъ, слушая эти доклады, молчалъ, и только иногда переспрашивалъ или требовалъ поясненія того, что казалось ему неяснымъ.

Потомъ снова начиналъ рыться въ книгахъ, читалъ, дѣлалъ отмѣтки и писалъ по цѣлымъ часамъ. Въ это время онъ не впускалъ къ себѣ никого, и даже любимецъ его Иванушка Шушера, его крестоноситель, входилъ къ нему не иначе какъ по зову—когда слышалъ стукъ костыля въ стѣну сосѣдней кельи, въ которой Шушера помѣщался. Если съ наступленіемъ весны, могло что-либо нарушить однообразіе его отшельнической жизни. такъ это ласточка, свившая гнѣздо въ одной изъ нишъ на внѣшнихъ переходахъ его келій. Разъ какъ-то, въ хорошій весенній день, сидѣлъ онъ на этихъ переходахъ, переносясь мыслью въ бурное прошлое своей необыкновенной жизни, вспоминая свое дѣтство, когда, мальчикомъ, онъ жилъ въ монастырѣ Макарія Желтоводскаго, и когда кудесникъ предсказалъ ему, что онъ будетъ «великимъ государемъ надъ царствомъ россійскимъ», припоминая и послѣдующее затѣмъ житіе свое въ Анзерскомъ скитѣ, съ его суровою, почти могильною обстановкою, и пустынножительство свое въ Кожеозерскомъ скитѣ, и потомъ славную и свѣтлую жизнь въ Москвѣ, въ Новгородѣ, переносъ въ Москву мощей митрополита Филиппа, свое всемогущее патріаршество... Ласточка, озабоченно попискивая, летала мимо него и въ углубленіи невысокой стѣны лѣпила свое маленькое гнѣздышко. Сначала онъ хотѣлъ было костылемъ своимъ уничтожить всю многодневную работу птички; но потомъ почему-то на мысль ему пришло сравненіе—что и онъ подобенъ этой жалкой ласточкѣ, что и у него всѣ его труды, всѣ начинанія цѣлой жизни разметалъ по вѣтру чей-то костыль—и онъ пощадилъ ласточкину работу. Когда затѣмъ гнѣздо было свито, онъ каждый день выходилъ на переходы, смотрѣлъ, какъ изъ гнѣздышка робко вы-

совывалася блестящая, черная головка птички съ маленькими черными глазками, — и ему какъ-бы становилось легче. Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что это было первое существо, которое онъ первый разъ въ жизни пощадилъ, не растоптalъ ногами, не раздавилъ своимъ посохомъ... А онъ такъ много жертвъ раздавилъ на своемъ вѣку, такъ много проходило въ памяти его суроваго прошлаго растоптанныхъ, сосланныхъ, замученныхъ, такъ много слезъ людскихъ пролито по его непреклонной, безжалостной волѣ... Когда въ гнѣздѣ вывелись дѣти, онъ выходилъ смотрѣть, какъ мать кормила ихъ отъ зари до зари, таская то червячковъ, то мушекъ, и долго сидѣлъ неподвижно, наблюдая за этою страдою маленькой матери... И—странное, невиданное дѣло!—монахи иногда замѣчали издали съ глубокимъ удивленіемъ, какъ суровый патріархъ, въ отсутствіе ласточки, выносилъ изъ своей кельи мухъ въ горсти и кормилъ ими птенцовъ.... Даже Иванушка Шушера замѣтилъ, что въ это время патріархъ сталъ какъ будто нѣсколько добрѣе, мягче, смотрѣлъ менѣе мрачно. Затѣмъ, когда ласточки оперились и улетѣли изъ гнѣзда, Шушера видѣлъ, что патріархъ сталъ скучать, по цѣлымъ часамъ безмолвно сидѣлъ на переходахъ или забирался въ свою келью и шуршалъ бумагою.

Особенную озабоченность сталъ проявлять Никонъ въ концѣ лѣта, когда получилъ изъ Москвы какое-то извѣстіе. Онъ нѣсколько дней писалъ и уже не рвалъ и не жегъ написанное, а пряталъ за образъ Богородицы— «утоли моя печали», перенесенный имъ изъ церкви въ свою домашнюю божницу. Въ это время Шушера иногда слышалъ, какъ патріархъ разговаривалъ самъ съ собою:— «Одиннадцатое сентемврія... память преподобной Ѳеодоры и Димитрія мученика... одиннадцатое — одиннадцатое... подожду одиннадцатаго»...

Что же такое могло быть 11-го сентября, и почему Никонъ разсчитывалъ на этотъ день?

А 11-го сентября 1665 года, и вся Москва ждала чего-то. Съ ранняго утра, отъ Серпуховскихъ воротъ вдоль землянаго города до самой заставы и далѣе по серпуховской дорогѣ толпились москвичи, ожидая чего-то необыкновеннаго. Сидѣльцы разныхъ торговыхъ рядовъ и линій, Охотный и Юхотный рядъ, Лоскутный и Сундучный, мясники и ножевщики, шапочники и картузники, рѣзники и свѣжерыбники, уличные разнощики и торговцы, суконные фабричники и зипунники всевозможныхъ черныхъ работъ—все это валма валило за городъ, шурша зи-

нупами и сермягами, толкаясь и бранясь, спотыкаясь и падая. По всему этому пространству, гдѣ валили сѣрые волны двуногой Москвы, гулъ стоялъ невообразимый, особенно же, когда къ серпуховской заставѣ прослѣдовало нѣсколько сотенъ нарядныхъ стрѣльцовъ съ своими головами и полуголовами, а также нѣсколько взводовъ дѣтей боярскихъ и за ними царскіе конюхи, которые вели подъ-устцы царскаго коня—сѣраго, нѣмецкаго, въ серебряномъ вызолоченномъ нарядѣ съ изумрудами и бирюзою, чепракъ турецкій, щитъ золотомъ волоченымъ по серебряной землѣ, сѣдло--бархатъ золотный, ушми прядетъ по аеру. Скоро туда же прослѣдовали на нарядныхъ коняхъ царскій ясельничій Иванъ Желябужскій и дьякъ Григорій Богдановъ, а за ними дворовые люди и подъячіе изъ приказовъ, а также конюхи — нѣсколько сотъ человѣкъ.

Толпы москвичей особенно кучились за земляным городомъ на разстояніи перестрѣла. Тамъ по обѣимъ сторонамъ дороги, чисто выметенной и подровненной, шпалерами выстроились стрѣльцы, отливая на солнцѣ пурпуромъ своихъ кафтановъ и блестя вычищенными, какъ стекло, бердышами. Народъ напиралъ на это мѣсто колыхающеюся стѣною, но стѣна эта мѣстами прорывалась и какъ-бы падала назадъ, когда. бодрясь на конѣ и покрикивая—«назадъ! осади назадъ, черти!» — проѣзжалъ какой-либо окольничій или сынъ боярскій, и колотилъ палкою по головамъ, по плечамъ и по лицу выдававшихся впередъ, или просто топталъ лошадью, бросая въ воздухъ крѣпкія, узловатыя московскія слова, словно бы у него за зубами былъ ихъ цѣлый складъ. Въ толпѣ при этомъ слышались крики и стоны, а рядомъ—взрывы хохота тѣхъ, кому еще не досталось по лбу или досталось раньше да зажило, забылось.

Когда къ этому мѣсту подъѣхали Желябужскій и Богдановъ съ подъячими, конюхами и нарядным царскимъ конемъ, вдали, по дорогѣ отъ Серпухова, показались двигающіяся толпы всадниковъ, огромный обозъ изъ каретъ и повозокъ, множество конныхъ и пѣшихъ, а въ хвостѣ, страшно поднимая пыль, медленно двигались кучи рослыхъ, красивыхъ воловъ, какихъ на Москвѣ и не видано.

Выждавъ сближеніе этой встрѣчной толпы, Желябужскій пріосанился на сѣдлѣ и махнулъ шитой шпинкой. Толпа остановилась, а къ ней отъ Желябужскаго поскакалъ вершникъ съ бѣлою перевязью черезъ плечо. Здѣшняя толпа понаперла такъ, что дрогнули было шпалеры стрѣльцовъ, но Желябужскій сыпа-

нулъ на обѣ стороны, грузно поворачиваясь на сѣдлѣ, такія крупныя, какъ кнутъ плетеныя изъ междометій слова, что толпа, словно поражаемая картечью, шарахнулась назадъ.

Встрѣчная толпа подъѣзжала все ближе и ближе. Впереди, на ворономъ росломъ и широкогрудомъ аргамакѣ, гремя серебрянымъ уборомъ, ѣхалъ статный, дородный мужчина уже немолодыхъ лѣтъ, съ черными висячими къ низу усами и въ шапочкѣ съ перомъ, унизаннымъ каменьями, которые горѣли, какъ жаръ. Южный татарковатый типъ лица и лоснившаяся изъ-подъ богатой шапочки, гладко подбритая голова, кунтушъ съ расшитою золотомъ грудью и пурпуровыми отворотами, въ рукѣ—серебряная палочка съ огромнымъ на концѣ золотымъ яблокомъ, утыканнымъ дорогими камнями и острыми серебрянными шипами, словно зубьями огромной щуки,—вотъ что прежде всего бросилось въ глаза народу. За нимъ — три въ-рядъ, потомъ два, далѣе четыре и нѣсколько другихъ рядовъ на коняхъ—въ такихъ же, какъ передній, но въ менѣе богатыхъ кунтушахъ, въ шапкахъ съ разноцвѣтными верхами, съ саблями и перначами въ рукахъ—всѣ съ усами, а иные съ длинными хохлами, закинутыми за ухо. Далѣе коляска съ попомъ и монахомъ. А тамъ—толпы пѣшихъ и конныхъ, на возахъ и при возахъ, и въ заключеніе—волы съ рогами, перевитыми разноцвѣтными лентами.

Народъ замеръ на мѣстѣ, дивуясь на невиданныхъ людей и на воловъ въ лентахъ.

Когда самый передній, что съ булавой въ рукѣ, приблизился къ Желябужскому, плотный и румяный съ русою бородою окольничій, медленно сошелъ съ своего коня, снялъ шапку и крякнулъ.

— Есть до тебя, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича съ старшиною, рѣчь отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и вы бы съ лошадей ссѣли и шапки сняли, произнесъ Желябужскій по наказу, медленно, громко, внятно, какъ на ектеньѣ въ церкви.

Всѣ сошли съ лошадей и сняли шапки. Попъ и монахъ вышли изъ коляски и вышли въ передъ. Народъ также обнажилъ головы.

— Божіею милостію—продолжалъ Желябужскій тѣмъ же церковнымъ тономъ—великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и государь,

и обладатель, жалуя тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, велѣлъ встрѣтить и о здоровьѣ спросить: здорово ли есте дорогою ѣхали?—Бей челомъ о̀ земь, тихо подсказалъ онъ.

Брюховецкій поклонился до земли. За нимъ припала головою къ землѣ вся его огромная свита.

— Божіимъ произволеніемъ здоровы есмы, отвѣчалъ Брюховецкій, подымаясь съ колѣнъ и встряхивая чубомъ, который перевѣсился было на лицо. Поднялись съ земли и встряхнули чубами всѣ остальные.

— Кланяйся въ другоредь и благодари! подшепнулъ Желябужскій.

Брюховецкій поклонился вторично до земли. За нимъ поклонилась вся старшина: слышно было, какъ болѣе тучные изъ нихъ сопѣли—непривычно имъ было это московское кланянье—«вотъ земелька!»

— За спросъ о здоровьѣ благодаримъ премного его пресвѣтлое царское величество, снова сказалъ Брюховецкій, вставая на ноги.

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ—снова наладилъ Желябужскій, входя окончательно въ роль—всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель, его царское пресвѣтлое величество, жалуя тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго, изволилъ къ тебѣ прислать съ своей царскаго величества конюшни коня, на коемъ тебѣ ѣхать на подворье.

По знаку дьяка стремянной конюхъ подвелъ сѣраго нѣмецкаго коня. Конь было зартачился, когда къ нему подступилъ Брюховецкій, фыркнулъ и поднялся на дыбы; но гетманъ сразу осадилъ его и очутился на сѣдлѣ, словно прикованный къ нему.

Совершивъ встрѣчную церемонію, поѣздъ Брюховецкаго двинулся въ городъ. По правую руку гетмана ѣхалъ Желябужскій, по лѣвую—Богдановъ, всѣ трое въ рядъ, только конь гетмана выступалъ впередъ на полголовы. Впереди, топча копытами и разгоняя палками толпу, словно непріятеля, пролагали путь, иногда по трупамъ москвичей, окольничіе и дѣти боярскіе со стрѣльцами. За гетманомъ слѣдовали, кромѣ переяславскаго про-

топопа и гетманскаго духовника, атаманъ гетманскаго куреня, генеральный обозный, генеральный судья, два генеральныхъ писаря, пять писарей канцелярскихъ, атаманъ писарскаго куреня, два генеральныхъ есаула и посланцы разныхъ полковъ, съ прислугою 313 человѣкъ. Подъ всѣми ими и подъ обозомъ было 670 лошадей—цѣлый огромный табунище. Тутъ же особо везли въ даръ царю пушку полковую мѣдную, взятую у казаковъ измѣнниковъ, вели дорогаго арабскаго жеребца, покрытаго дорогою попоною, и гнали 40 воловъ чебанскихъ, красоты неописанной, съ развѣвающимися лентами на рогахъ. Толпы москвичей особенно тѣснились тамъ, гдѣ ѣхалъ самъ гетманъ, и въ хвостѣ—гдѣ, поднимая облака пыли и меланхолически пережовывая жвачку, «ремешя», шли красивые волы, словно «дѣвчата» украшенные «стрѣчками». Поѣздъ такъ же замыкали стрѣльцы, дивуясь на воловъ и оттѣсняя толпы. Знакомый уже намъ стрѣлецъ со шрамомъ во всю щеку, только руками объ полы бился, любуясь волами.

— Ужъ и волы же, братцы, знатные, степенные, словно сами хохлы, говорилъ онъ товарищамъ.

— Что и говорить! — и они, хохлы-тѣ, какъ-есть волами смотрятъ — ишь увальни черномазые! — ну, народецъ! подтверждали другіе.

Въ такомъ порядкѣ и сопутствуемый москвичами, толпы которыхъ прибывали, какъ морскія волны въ бурю, поѣздъ прослѣдовалъ на посольскій дворъ, который и былъ оцѣпленъ стрѣлецкими караулами. Не смотря на то, что любопытныхъ не только не впускали никого на дворъ, но даже гнали и колотили на улицѣ, москвичи, за неимѣніемъ въ то время другихъ общественныхъ зрѣлищъ, кромѣ крестныхъ ходовъ и кулачныхъ боевъ, не отходили отъ посольскаго двора, стараясь заглянуть въ ворота, въ окна или просто глазѣя на крыши, а иногда—что удавалось не всѣмъ— на усатую и хохлатую фигуру, показывавшуюся у котораго-либо изъ оконъ посольскаго дома.

А въ посольскомъ домѣ и на посольскомъ дворѣ шла необыкновенная возня съ размѣщеніемъ гостей, ихъ прислуги, пожитковъ, экипажей, лошадей и скота.

Не успѣли они разобраться, какъ Желябужскій, успѣвшій побывать во дворцѣ, явился оттуда съ цѣлою стаею дворской челяди, которая притащила изъ дворца отъ государева стола цѣлыя горы судковъ и блюдъ съ «ествою и питьемъ государевыми». Войдя въ главную палату, куда вышелъ гетманъ съ старшиною, Желябужскій поклонился и началъ заученную рѣчь:

— Великій государь, царь—великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель, тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, жалуя, прислалъ къ вамъ отъ своего государскаго стола ѣству и питье.

Гетманъ и старшина низко поклонились и благодарили, а дворская челядь тотчасъ же поставила столъ, накрыла его скатертью и стала ставить на столъ яствы и питья по росписи. Золото и серебро такъ и ломило огромный дубовый столъ.

Желябужскій, подойдя къ столу, налилъ большой серебряный ковшъ заморскимъ виномъ и обратился къ гетману и старшинѣ, держа передъ собою ковшъ, какъ словно сосудъ съ дарами.

— Чаша великаго государя—царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчича и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и обладателя! Дай, Господи, великій государь—царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель, здравъ былъ на многія лѣта! провозгласилъ онъ и выпилъ ковшъ.

Гетманъ и старшина, повторивъ «многая лѣта», также пили изъ рукъ Желябужскаго и потомъ сѣли за столъ. А Желябужскій, сѣвъ особо и вынувъ изъ-за пазухи бумагу, развернулъ ее и, подавъ стоявшему около него дьяку, сказалъ: «Вычти вслухъ»!

— Великій государь—царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ—началъ дьякъ все съ того-же утомительнаго титула—всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и государь, и обладатель, жалуя подданнаго своего, сее стороны Днѣпра войска запорожскаго гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, изволилъ указать поденнаго корму и питья къ выдачѣ, противъ посольскаго, съ надбавкою: гетману по хлѣбу грошевому да по два калача грошевыхъ на день. А старшинѣ по хлѣбу грошевому да по три калача двухденежныхъ. А людемъ ихъ по хлѣбу грошевому да по калачу трехденежному человѣку на день. Да гетману же и

старшинѣ—по три гуся живыхъ, по семи гусей битыхъ, по трое утятъ живыхъ, по семи утятъ же битыхъ, по десяти зайцовъ, по десяти тетеревей, по пятидесяти куровъ живыхъ на день.

Гетманъ и старшины ѣли, молча переглядывались и серьезно слушали. Только нѣтъ-нѣтъ да и дернется у инаго усъ отъ сдержанной улыбки.

— Да имъ же съ людьми—продолжалъ дьякъ—по яловицѣ живой, по пяти яловицъ да по четыре стяга битыхъ, по пяти барановъ живыхъ, да по двудесяти-пяти барановъ тушами, по два полтя ветчины на день, по три ведра безъ полутрети сметаны, по триста-пятьдесять штукъ яицъ, по пуду безъ полутрети масла коровья, по четыре ведра уксусу, по два пуда соли, по чети крупъ гречневыхъ, по чети гороху, по осминѣ муки пшеничной, а буде мало—давать по чети; по три ведра молока прѣснаго; на всякую мелочь по четыре гривны на день, а буде мало—ино давать по полтинѣ. А питья давать имъ указано....

При словѣ питья генеральный судья Петръ Забѣла, чорный, коренастый мужчина, многознаменательно переглянулся съ сидѣвшимъ противъ него переяславскимъ протопопомъ Григоріемъ Бутовичемъ и моргнулъ усомъ и лѣвымъ глазомъ по направленію къ генеральному писарю Захару Шійкевичу, красномордому, съ выпуклыми, красными же глазами субъекту. Протопопъ лукаво улыбнулся. Шійкевичъ замѣтилъ эту улыбку и насупился.

— А питья давать имъ указано, продолжалъ дьякъ: по шести чарокъ вина двойнаго на день, да гетману же вобче: по десяти кружекъ меду паточнаго, да по ведру меду сладкаго, да по ведру меду крѣпкого, да по ведру пива доброго на день. А старшинѣ: по пяти чарокъ пива доброго, по двѣ кружки меду сладкаго, по двѣ кружки меду крѣпкаго, по четыре кружки пива добраго человѣку на день. А людемъ ихъ—по три чарки вина человѣку, а лучшимъ людемъ—по двѣ кружки меду да по двѣ кружки пива человѣку, а достальнымъ по двѣ кружки пива человѣку на день.

Дьякъ остановился. Всѣ думали, что онъ уже кончилъ, а онъ только передохнулъ, высморкался и продолжалъ:

— А въ постные дни рыбные ѣствы указано: гетману вопче—по щукѣ живой на паръ, по одному лещу, по одному язю на паръ, по одной щукѣ колодкѣ, по щукѣ ушной спечей, по полузвену осетрины, по полузвену бѣлужины, по шти гривенокъ икры на день и съ старшиною. Старшинѣ же—по лещику, по невеликому, по двѣ щуки въ ухи, по два звена осетрины, по два

звена бѣлужины человѣку на день. Людемъ же ихъ: на триста блюдъ рыбы всякія свѣжія, щукъ, окуней, язей, плотицъ, по два человѣка въ блюдо....

Въ это время въ палату, гдѣ кушали гетманъ съ старшиною, вошелъ сѣдой высокій бояринъ, а за нимъ степенные ключники внесли что-то на огромномъ серебрянномъ подносѣ, покрытое тафтою.

— Есть до тебя, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, рѣчь отъ великой государыни—царицы и великой княгини Марьи Ильишны, и вы-бъ съ мѣстовъ встали, провозгласилъ сѣдой бояринъ.

Всѣ встали. Всѣ невольно съ любопытствомъ косились на это что-то, покрытое тафтою.

— Великая государыня—царица и великая княгиня Марья Ильишна, ея царское пресвѣтлое величество—продолжалъ сѣдой бояринъ, возвышая голосъ и поднимая голову—жалуя тебя, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, изволила прислать вамъ отъ своего государскаго стола сладкаго—лебедя сахаръ леденецъ, и вы-бъ того лебедя рушили и на здоровье кушали.

И по мановенію его ключники сняли тафту съ подноса. На подносѣ оказался бѣлый сахарный лебедь, граціозно изогнувшій свою длинную шею. Лебедя поставили передъ гетманомъ.

Церемоніи съ обѣдомъ тянулись очень долго, потому что кушаньевъ было необыкновенное количество. Когда, наконецъ, украинцы встали изъ-за стола, генеральный судья Забѣла, вообще большой охотникъ до «жартъ», показывая переяславскому протопопу на свой почтенный животъ, сдѣлалъ такой жестъ руками, что дескать теперь у меня послѣ московскаго угощенья хоть желѣзо на брюхѣ куй.

На это протопопъ отвѣчалъ изъ писанія: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»—и перекрестилъ свой ротъ, памятуя другое писаніе, что «не сквернитъ во уста, сквернитъ изъ устъ».

VIII.

Черезъ день послѣ пріѣзда гетмана съ старшиною въ Москву, былъ назначенъ пріемъ ихъ у великаго государя. Пріемъ былъ большой, почетный—посольскій: это—небывалая честь для подданныхъ.

Когда украинцы шли отъ благовѣщенской паперти къ Грановитой палатѣ, то передъ сѣнями Грановитой, по красному крыльцу, уступами по обѣ стороны, стояли жильцы въ терликахъ бархатныхъ и объеринныхъ, человѣкъ съ шестьдесять. А когда они подошли къ самымъ сѣнямъ Грановитой палаты, подъ шатеръ, то въ сѣнныхъ дверяхъ ихъ встрѣтили наряженные къ тому стольникъ и дьякъ.

Государь принималъ своихъ чубатыхъ гостей въ Грановитой палатѣ, сидя на своемъ «царскомъ большомъ мѣстѣ», на возвышеніи. Алексѣй Михайловичъ былъ въ царскомъ вѣнцѣ, въ діадемѣ и со скипетромъ въ рукѣ. По бокамъ его стояли рынды, юныя, свѣжія лица которыхъ, не затемненныя даже юношескимъ пушкомъ на подбородкахъ и надъ верхними губами, представляли что-то смягчающее, привѣтливое среди собранія сѣдобородыхъ и просто бородатыхъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, сидѣвшихъ на длинныхъ скамьяхъ неподвижно, угрюмо, словно истуканы, въ своихъ золотныхъ ферезяхъ.

Гости были спрошены про здоровье съ тѣми же церемоніями, какъ и при встрѣчѣ; но еще съ большею торжественностью.

— Здорово ли есте живете? прогремѣло послѣ царскаго титула, такъ что нѣкоторые изъ украинцевъ вздрогнули, а веселый и жартливый Забѣла, если-бъ его лично спросили, здоровъ ли онъ въ этотъ моментъ, едва ли бы не сказалъ, что онъ нездоровъ—такъ что-то стало ему не-по-себѣ отъ этой пышной, подавляющей обстановки.

Затѣмъ повели ихъ къ цѣлованію руки. Неровно, неувѣренно двигались по ковру, словно бы ступали по горячимъ угольямъ, казацкія ноги въ красныхъ, голубыхъ и желтыхъ «сапьянцахъ», подходя къ «большому мѣсту»; одна за другой, припадая на колѣно, нагибались бритыя, отливавшія синевой и сивизной, головы съ хохлами и робко, пересохшими губами, прикладывались къ лежавшей на бархатной подушкѣ бѣлой, мягкой и пухлой рукѣ, на которой не замѣтно было даже жилъ. Забѣла, прикладываясь и боясь уколоть эту нѣжную руку своими щетинистыми усами, которыми онъ когда-то безжалостно кололъ розовыя губки своей Гали, одно замѣтилъ на этой нѣжной рукѣ—чернильное пятнышко сбоку перваго сустава средняго пальца.... «Это слѣды новаго закона либо смертнаго приговора», промелькнуло въ бритой головѣ генеральнаго судьи.

Потомъ являли гетманскіе поминки—представляли привезенные царю подарки: пушку полковую мѣдную, отбитую у измѣн-

никовъ казаковъ, булаву серебряную измѣнника наказнаго гетмана Яненка, жеребца арабскаго и сорокъ воловъ чебанскихъ въ лентахъ.

А потомъ откланивались, проходили по рядамъ новыхъ бородачей, спускались съ лѣстницъ среди какихъ-то живыхъ статуй—и только тогда опомнились, когда на площади ярко блеснуло солнце, и показалась синяя даль, тянувшаяся туда, на югъ, гдѣ цвѣтетъ красная Украина....

Въ это время мимо нихъ проѣзжала богатая карета, запряженная шестеркою цугомъ. Окна кареты были завѣшены пунцовою тафтою. Когда карета поровнялась съ гетманомъ, тафта немножко отодвинулась скраю, и изъ-за нея выглянуло женское личико съ розовыми щеками и вздернутымъ носикомъ. Чорные глаза гетмана встрѣтились съ глазами—не то сѣрыми, не то чорными, смотрѣвшими изъ-за тафты, но такими глазами, что гетманъ невольно попятился....

— Ахъ, матыньки! ахнуло это что-то за тафтой—и спряталось.

Гетману весь день потомъ мерещились эти глаза и слышалось это «ахъ матыньки». Мерещилось и на другой день и на третій, не смотря на то, что дѣла у него было по горло. Такъ что, наконецъ, Желябужскій, состоявшій въ приставахъ при украинскихъ гостяхъ, замѣтилъ задумчивость гетмана и спросилъ о ея причинахъ. Они были наединѣ.

— Надумалъ я бить челомъ великому государю,—только-бъ кто мое челобитье государю донесъ? нерѣшительно отвѣчалъ Брюховецкій, не глядя въ глаза своему собесѣднику.

— А о чемъ твое челобитье? спросилъ Желябужскій.

— Пожаловалъ бы меня великій государь—велѣлъ жениться на московской дѣвкѣ.... пожаловалъ бы государь—не отпускалъ меня, не женя, отвѣчалъ потупясь.

У Желябужскаго дрогнули углы губъ, и голубые глаза его прищурились, чтобы скрыть ненужный и излишній блескъ.

— А есть ли у тебя на примѣтѣ невѣста? спросилъ онъ.

Гетманъ вскинулъ на него глазами, хотѣлъ было отвѣчать, но какъ-бы не рѣшался, потому что въ это время у него такъ и пропѣло въ ушахъ: «ахъ матыньки»!

— Такъ нѣтъ на примѣтѣ? переспросилъ приставъ.

— На примѣтѣ у меня невѣсты нѣтъ, отвѣчалъ, наконецъ, застѣнчивый женихъ, глядя въ окно.

— А какую невѣсту тебѣ наводно—дѣвку или вдову?

— На вдовѣ у меня мысли нѣтъ жениться.... Пожаловалъ бы меня великій государь—указалъ, гдѣ жениться на дѣвкѣ.

Гетманъ замолчалъ. Ему, повидимому, хотѣлось что-то высказать, но не хватало рѣшительности, а Желябужскій упорно молчалъ.

— Видѣлъ я одну—не знаю дѣвка, не знаю мужняя жена—когда выходилъ намедни изъ дворца, началъ, наконецъ, Брюховецкій.—Изъ кареты глядѣла....

— А! занавѣсь лазоревая тафта? спросилъ приставъ.

— Лазоревая.

— Знаю. То ѣхала сѣнная царицына дѣвка, князя Димитрія Алексѣича Долгорукова дочка.... Глазаста гораздо?

— Точно—глазаста.

— Такъ она. Что жъ—дѣвка хорошая и роду честнаго. Али приглянулась? улыбнулся хитрый москаль.

— Приглянулась—лицомъ бѣла и румяна, говорилъ гетманъ застѣнчиво.

— Что-жъ доложусь великому государю: попытка не пытка, а спросъ не кнутъ.

«Эка! подумалъ гетманъ: и пословицы-то у нихъ, у москалей, страшныя какія—кнутъ да пытка».

— А женясь—продолжалъ онъ вслухъ—стану я бить челомъ великому государю, чтобъ пожаловалъ меня на прокормленье вѣчными вотчинами поближе къ московскому государству, чтобъ тутъ женѣ моей жить, и по смерти бы моей эти вотчины женѣ и дѣтямъ моимъ были прочны.

Желябужскій обѣщалъ доложить.

— А ты почемъ знаешь, что то была Долгорукова дочка? спросилъ гетманъ.

— А на-верху у царицы сказывали: испужалась, говоритъ.

— А чего насъ пужаться? (Брюховецкій старался подлаживаться подъ московскую рѣчь).

— Ужъ такое ихнее дѣвичье дѣло: коли дѣвка испужалась добра молодца, ахнула—это знакъ, что онъ ей приглянулся: вотъ схватитъ-де да унесетъ, улыбался приставъ.

Гетману, видимо, нравились эти слова и онъ съ удовольствіемъ крутилъ свой чорный усъ, сожалѣя только, что въ немъ пробивалась проклятая сѣдина.

Но у Желябужскаго въ умѣ было еще и другое. Онъ не зналъ только, какъ приступить къ тому, зачѣмъ пришелъ и о чемъ хотѣлъ выпытать у Брюховецкаго. Дѣло въ томъ, что сегодня

утромъ въ малороссійскій приказъ привели одного человѣка, взятаго караульными стрѣльцами въ то самое время, когда онъ старался тайкомъ уйти изъ посольскаго двора, гдѣ помѣщался гетманъ съ своею огромною свитою. Въ то время въ Москвѣ изъ политической предосторожности наистрожайше было соблюдаемо, чтобы въ бытность пословъ или другихъ иноземныхъ гостей на Москвѣ никто изъ москвичей не ходилъ на посольскій дворъ кромѣ приставленныхъ къ тому приставовъ. Это дѣлалось, конечно, изъ ложнаго страха, что эти посѣтители могутъ выболтать иноземцамъ какія-нибудь государственныя тайны или же, скорѣе, нагородить всякаго вздору, или, въ свою очередь, могутъ наслушаться отъ иноземцевъ какого-нибудь «дурня», а то и будутъ подкуплены ими для какихъ-либо интригъ и всякой «не подобной вещи». Для этого въ наказахъ приставамъ весьма пространно объяснялось, какъ они должны были вести себя съ иноземцами, что̀ дѣлать, что̀ отвѣчать на всѣ ихъ вопросы. И Желябужскому вмѣнено было между прочимъ въ обязанность:

«А буде гетманъ и старшина учнутъ тебя, Ивана, спрашивать: какъ-де нонѣ великій государь съ цесаремъ римскимъ и съ турскимъ салтаномъ, и съ шахомъ персицкимъ, и съ крымскимъ ханомъ, и съ аглицкимъ, и со францовскимъ, и съ дацкимъ, и со свейскимъ короли, и съ галанскими владѣтели? И тебѣ, Ивану, говорити: цесарь-де римской, и турской салтанъ, и персицкой шахъ съ царскимъ величествомъ въ ссылкѣ, послыде и посланники межъ ими великими государи ходятъ. А съ крымскимъ-де ханомъ нынѣ царское величество въ миру-жъ и въ ссылкѣ; только бусурманы-де николи въ своей правдѣ не стоятъ.

«А буде спросятъ: есть-ли-де у царскаго величества ссылка съ папою римскимъ? И тебѣ, Ивану, говорить: съ папою-де римскимъ у царскаго величества ссылки не бывало и ссылатца-де съ нимъ не о чемъ.

«А буде учнутъ спрашивать о иныхъ какихъ дѣлехъ, чего въ наказѣ не написано, и тебѣ, Ивану, отвѣтъ держати, смотря по дѣлу, и говорить остерегательно, чтобъ государеву имени было къ чести и къ повышенью, а въ большія рѣчи съ ними не входить».

О всѣхъ приходящихъ на посольскій дворъ Желябужскому было наказано: «А того беречь тебѣ, Ивану, накрѣпко, съ большимъ остереганіемъ: буде которые боярскіе люди или чьи-нибудь, русскіе, или полоненники, или нѣмцы, или кто изъ русскихъ людей

придутъ къ посольскому двору и похотятъ итти на посольской дворъ, или кто съ гетманомъ или его людьми тайно учнетъ о чемъ говорить, и тебѣ тѣхъ людей пождавъ, какъ отъ двора пойдутъ, велѣть поимать тайно и присылать въ малороссійской приказъ».

На этомъ основаніи утромъ и взятъ былъ одинъ человѣкъ, который приходилъ зачѣмъ-то на посольскій дворъ, и отведенъ въ малороссійскій приказъ для допроса. Въ приказѣ онъ, повидимому, показалъ не все, а говорилъ, что просился у гетмана, чтобъ гетманъ взялъ его съ собою въ Малороссію, что оттуда онъ хочетъ пройти къ святымъ мѣстамъ; но что гетманъ безъ царскаго указа взять его съ собой не рѣшается. Задержанный тѣмъ болѣе показался подозрительною личностью, что называлъ себя патріаршимъ человѣкомъ и, въ качествѣ родственника Никона, жилъ у него въ монастырѣ въ числѣ другихъ дѣтей боярскихъ. Вообще дѣло это казалось слишкомъ серьезнымъ—дѣломъ большой государственной важности, чтобъ не обратить на него вниманія.

Вотъ это-то обстоятельство и нужно было выяснить Желябужскому. Своимъ полицейскимъ нюхомъ онъ угадывалъ, что тутъ крылся подвохъ, тайна, что тутъ была подсылка со стороны страшнаго Никона, а для чего—этого отъ задержаннаго человѣка не могли добиться. Въ руки властей попалась ниточка отъ какого-то большаго клубка, и всѣ убѣждены были, что клубокъ этотъ—тамъ, за стѣнами Воскресенскаго монастыря и прикрытъ патріаршимъ клобукомъ; но ниточка обрывалась въ самомъ началѣ и до клубка по ней никакъ нельзя было добраться: обрывалась эта ниточка на посольскомъ дворѣ, въ палатѣ самого гетмана.

И вотъ Желябужскій пришелъ ловить у гетмана кончикъ проклятой нитки.

— А не докучаютъ ли тебѣ, Иванъ Мартыновичъ, московскіе люди? заговорилъ онъ издалека.

— Чѣмъ они мнѣ докучать могутъ? съ удивленіемъ посмотрѣлъ гетманъ.

— А вонъ все глазѣютъ на васъ, черкаскихъ людей.

— А нехай ихъ глазѣютъ, равнодушно отвѣчалъ Брюховецкій, глядя въ окно на улицу, на которой дѣйствительно толкались москвичи и, не смотря на то, что стрѣльцы колотили ихъ то кулаками, то прямо алебардами, пялили глаза на посольскія окна.

— А то и къ вамъ на дворъ лѣзутъ, дальше закидывалъ приставъ.

— А коли, что сворують?

— Нѣтъ, мои хлопцы не дадутъ.

— Гдѣ не дать! Вонъ нонѣ взяли одного:—сказываетъ, патріаршей человѣкъ—къ тебѣ-де, гетману, приходилъ.... А кто его вѣдаетъ, съ чѣмъ онъ приходилъ.

— Это точно—приходилъ одинъ: сказывалъ, что у святѣйшаго патріарха живетъ, и просился со мной; а я ему сказалъ, что безъ указу великаго государя того мнѣ сдѣлать немочно.

— И то ты, гетманъ, Иванъ Мартыновичъ, учинилъ хорошо, остерегательно, и за то тебя великій государь похвалитъ, сказалъ Желябужскій одобрительно.—А за какимъ дѣломъ онъ просился съ тобой?

— Сказывалъ—на Аѳонъ гору похотѣлъ идти молиться да въ Царьградъ, да къ гробу Господню.

— А не сказывалъ, что отъ патріарха?

— Не сказывалъ.

— Воровское онъ затѣялъ дѣло, сказалъ, помолчавъ, Желябужскій: не своей онъ волей пришелъ, а патріархъ его подослалъ подъ тебя.

— А для чего? На что я ему?

— Богъ его вѣдаетъ: у великаго государя съ патріархомъ остуда учинилася, и патріархъ съ Москвы сшелъ самовольно, и того дѣлать ему не довелось.

Гетманъ задумался. Онъ тоже сообразилъ, что Никонъ подсылалъ къ нему своего родственника не даромъ; но съ какою цѣлью—онъ рѣшительно не могъ понять. Желябужскій понималъ болѣе: онъ видѣлъ, что не въ гетманѣ нуждался Никонъ, что главная цѣль патріархова посланца—выбраться подъ покровомъ гетмана изъ Москвы; слѣдовательно, у патріарха составился какой-то планъ, осуществленіе котораго возможно было внѣ предѣловъ московскаго государства. Желябужскій, такимъ образомъ, нападалъ на слѣдъ—и по этому слѣду онъ надѣялся рано ли, поздно ли, найти то, чего онъ искалъ: это-то и должно было совершиться посредствомъ разматыванья клубка, который всѣхъ безпокоилъ.

— Такъ испужалъ дѣвку? улыбаясь спросилъ онъ, докончивъ нить своихъ размышленій.

— Испужалась, точно—такъ и ахнула, отвѣчалъ гетманъ, тоже улыбаясь.

Въ тотъ же вечеръ во дворцѣ, на царицыной половинѣ, говорили, что гетманъ сватается за Оленушку, княжну Долгорукую, дочь князь Дмитрій Алексѣича. Сватовство это произвело необыкновенный переполохъ на женской половинѣ. Видано ли, чтобы московская боярышня выходила замужъ за черкашенина! Да этого не бывало, какъ и свѣтъ стоитъ. Между тѣмъ, слышно, что самъ царь былъ сватомъ, и что отецъ невѣсты далъ свое согласіе.

— А что она, голубушка, спрашивала Морозова, ученица и поклонница Аввакума, находившаяся въ то время въ своей мастерской палатѣ вмѣстѣ съ неразлучною своею сестрою, княгинею Урусовою.—Что Оленушка? волновалась хорошенькая боярыня, обращаясь къ уткоподобной Авдѣвнѣ, мамушкѣ царевны Софьи.

— Поплакала маленько, родная,—нельзя же, отвѣчала мамушка.

Въ это время вошла въ палату, гдѣ работала Морозова съ сестрой, та самая хорошенькая рожица, что во время шествія гетмана съ старшиною изъ дворца выглядывала въ окно кареты изъ-за пунцовой тафты. Рожица казалась заплаканною. Большіе, свѣтлые, не то совсѣмъ чорные, не то сѣрые глаза нѣсколько попришухли. Морозова бросилась къ ней и обняла ее.

— Здравствуй, моя глазунья дорогая! нѣжно сказала она.—Что-й-то они у тебя, камни-то самоцвѣты, кажись, заплаканы? спрашивала она, цѣлуя въ глаза пришедшую.—Асиньки?

Пришедшая снова заплакала, уткнувшись носомъ въ плечо Морозовой.

— Ну, полно же, полно, свѣтикъ! утѣшала она.—Мы слыхали судьбу твою.... Что-жъ—суженой!—А ты только, Оленушка, Богу молись....

— Стерпится—слюбится.... На то хмель, чтобъ по дубу виться, философствовала мамушка, на то дубъ, чтобъ хмелинушку держать.

Заплаканная дѣвушка, утирѣвъ рукавомъ бѣлой сорочки слезы, улыбнулась.

— Да ты-то его, Оленушка, видала? спросила Урусова, подходя къ ней.

— Видала, сестрица, отвѣчала та.

— Ой-ли! гдѣ? когда?

— Онамедни.... ѣхала я отъ батюшки сюда, начала было дѣвушка и остановилась, потому что на глазахъ ея опять показались слезы.

— Ну, ѣхала? подсказывала ей Морозова.

— Ѣхала это я.... а они идутъ.... отъ великаго государя шли.... руку цѣловали.... А я ѣхала.

Оленушка опять остановилась.

— Да сказывай же, глазунья! настаивала Морозова:—ѣхала да ѣхала!

— Ѣхала я, а они идутъ....

— Слыхали ужъ это!

— А я выглянула.... а онъ на меня....

— Охъ батюшки! испуганно шептала Урусова.

— Ну-ну! не мѣшай ты, Дуня! волновалась Морозова.

— Онъ и увидалъ меня.

— А ты ево?

— И я ево.

— Ну, какой же онъ изъ себя?

— Я со страху и не разглядѣла.... чорный.... бритый.... глаза....

— А сказываютъ, онъ своей землѣ, у черкасъ, все едино, что царь, замѣтила Урусова.

— И батюшка сказывалъ, подтвердила Оленушка.

— А какимъ крестомъ онъ крестится, милая? спросила серьезно Морозова.

— Батюшка сказывалъ, что по нашему, отвѣчала невѣста.

— Ой-ли, свѣтикъ! усомнилась Морозова.—Вонъ протопопъ Аввакумъ сказывалъ, что они, черкасы-то, щепотью крестятся.

— А какъ же у нихъ, въ Кеивѣ, угодники-то печерскіе почиваютъ? усомнилась съ своей стороны Урусова.—Коли бы они были не нашей вѣры, у нихъ бы угоднички не почивали.

— Такъ и батюшка сказывалъ, подтвердила Оленушка.

Видно, что «батюшка» для нея былъ авторитетъ неоспоримый: что сказалъ отецъ—то свято и вѣрно. Притомъ же и само сердце подсказывало ей, что не въ щепоти дѣло. Оно билось и страхомъ чего-то невѣдомаго и какою-то тайною радостью. Да и то сказать: гетманъ былъ и не страшенъ, какъ сразу ей показалось; она ахнула отъ печаянности и стыда: шутка-ли, мужчина, да еще черкашенинъ, увидалъ дѣвку на улицѣ! и дѣвка глазѣла на него—срамъ да и только! А она успѣла замѣтить, что этотъ черкашенинъ молодцомъ смотритъ—такіе усы, да и бороды нѣтъ; а то всѣ бояре, которыхъ она видѣла—всѣ бородатые, и всѣ на батюшку похожи.... Только одно страшно—сторона далекая, незнакомая....

И въ головѣ Оленушки сама собой заныла горькая мелодія свадебнаго причитанья по русой косѣ:

Ужъ вставайте-ко, мои подруженьки,
Ужъ вставайте-ко, мои лебедушки,
Заплетите-ко мнѣ русу косыньку,
Русу косыньку, мелку-трубчату,
Не во 'сто мнѣ прядей и не въ тысячу,
Заплетите мелку-трубчату
Ужъ впервые ли и въ остаточки....

И Оленушка снова заплакала, закрывъ лицо бѣлымъ рукавомъ.

Въ комнату вбѣжала маленькая царевна и бросилась къ Морозовой.

— А я всѣ урки выучила, и больше выучила, какъ Симеонъ Ситіановичъ мнѣ задалъ, радостно говорила она.—Завтрѣе онъ меня похвалитъ.

— Вотъ и хорошо, государыня-царевна, отвѣчала Морозова, лаская бойкую дѣвочку.

— Ну, такъ теперь и постилы можно дать.

— Можно, можно.

Увидавъ заплаканные глаза у Оленушки, царевна бросилась къ ней.

— Ты объ чемъ, Оленушка, плакала? спросила дѣвочка.

Оленушка не отвѣчала, а только смущенно опустила голову. Маленькая царевна вопросительно посмотрѣла на свою мамушку.

— Это ты ее? спросила она.

— Что-й-то, царевнушка! все я да я! защищалась толстуха.—Оленушку замужъ отдаютъ.

— Замужъ! за кого?

— Вонъ за того гетмана, что онамедни у батюшки царя ручку цѣловалъ.

— А! я его видала съ переходовъ—точно ляхъ.

И дѣвочка съ участіемъ подошла къ Оленушкѣ..., «Не плачь, Оленушка, сказала она: вонъ Симеонъ Ситіановичъ сказываетъ—у нихъ, у черкасовъ, говоритъ, лучше жить—веселѣй»....

Въ это время кто-то торопливо говорилъ у дверей: «Государыня-царица, государыня-царица идетъ»....

IX.

Такимъ образомъ, ни 11-е сентября, ни послѣдующіе затѣмъ дни, на которые Никонъ возлагалъ тайныя надежды, не оправ-

дали этихъ надеждъ. Подосланный имъ къ гетману вѣрный человѣкъ, Ѳедотка Марисовъ, двоюродный племянникъ патріарха, воротился ни съ чѣмъ. Ѳедотка не только не убѣдилъ гетмана взять его съ собою, но своимъ появленіемъ на посольскомъ дворѣ возбудилъ серьезныя подозрѣнія властей, и хотя ничего лишняго не сказалъ на допросѣ въ малороссійскомъ приказѣ, однако накинулъ сильную тѣнь на самое поведеніе патріарха. При всемъ томъ Никонъ не падалъ духомъ и не терялъ надежды. Природа надѣлила его слишкомъ большою живучестью—живучестью мощнаго духа, а желѣзная воля закалилась съ дѣтства, крѣпчая годъ-отъ-году съ того самаго момента, когда его, голоднаго, холоднаго и босаго ребенка, злая мачиха столкнула въ погребъ, и когда онъ, наэлектризованный фанатическою проповѣдью желтоводскаго старца, наложилъ на себя обѣтъ суроваго подвижничества. Дойдя потомъ на своихъ собственныхъ ногахъ до высочайшей ступени человѣческой власти, онъ самъ увѣровалъ въ провиденціальность своей судьбы надъ русскою землею и глубоко вѣровалъ, что не люди, а только Богъ, возведшій его на эту превысочайшую ступень, и можетъ свести его оттуда своею десницею, или возвести еще выше. Онъ ждалъ только указанія свыше—и указаніемъ этимъ онъ считалъ перстъ Божій, который прошлую зиму въ видѣ звѣзды хвостатой грозился на кого-то съ неба. Но на кого? Никонъ глубоко вѣрилъ, что не на него, а на его враговъ.

Поэтому и неудача у гетмана не отняла у него надежды. Онъ понялъ только, что провидѣніе повелѣваетъ ему ждать. И онъ ждалъ, но ждалъ не пассивно, что было не въ его натурѣ. День-заднемъ, при посредствѣ своихъ монаховъ и тайныхъ друзей, онъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ. Онъ видѣлъ, что тамъ ждали чего-то, и въ ожиданіи занимались текущими дѣлами. Гетманъ все оставался въ Москвѣ, сватался, а потомъ собирался жениться. Слѣдовательно, раньше слѣдующаго года или раньше святокъ нельзя было и думать о его выѣздѣ въ Малороссію.

Дни тянулись за днями, какъ тѣ тяжелыя, свинцовыя и холодныя тучи, которыя ползли на востокѣ, и которыя созерцалъ патріархъ, ходя по переходамъ своихъ келій и поглядывая иногда на пустое ласточкино гнѣздо. «Придетъ снова весна, и оно будетъ не пустое», думалось ему, и при этомъ само собой это черненькое птичье гнѣздышко сопоставлялось съ покинутымъ въ Москвѣ патріаршимъ престоломъ, который теперь тоже пустъ,

но для котораго, какъ и для гнѣзда ласточки, снова наступитъ весна, и онъ не будетъ сиротствовать.

Непріятно волновали его другія вѣсти, приходившія изъ Москвы. По этимъ вѣстямъ можно было думать, что тамъ опять начинаютъ поднимать голову тѣ силы, которыя Никонъ считалъ давно сломанными его мощною рукою, далеко разсѣянными и присыпанными морозною пылью далекой Сибири:—поднимали голову эти Аввакумы, Лазари, эти Никиты-пустосвяты, которые плевали на труды цѣлой жизни Никона, отрепьями старины забрасывали работу рукъ его, кричали на всю Москву о возвратѣ къ старому. И Москва, повидимому, возвращалась къ старому, отворачиваясь отъ дѣла Никона и отъ него самого. За Аввакумомъ уже ходили толпы народа, жадно слушая его неистовые кричанья и лай на Никона. Голосъ Аввакума доходилъ до палатъ боярскихъ. Боярскія и княжескія жены шли за Аввакумомъ, какъ за пророкомъ. Морозова и Урусова—царицыны любимицы—стали духовными дочерьми Аввакума. А Никонъ забывается...

И не одна Москва съ голоса Аввакума лаетъ на Никона и на его работу: во всей русской землѣ завелись свои Аввакумы. Аввакумы проникли и въ Соловки: и тамъ не хотятъ принимать новыхъ книгъ, напечатанныхъ Никономъ. А Соловки—это вѣчевой колоколъ всей старой Руси.

Возвращавшіеся изъ Соловокъ богомольцы сказывали, что соловецкіе старцы въ одинъ голосъ кричатъ:

— По святой Руси ходитъ ересь пестрозвѣриная: опестрилъ тою ересью Никона Арсентій грекъ, а Никонъ опестрилъ ересью всѣ книги, всю русскую землю. Онъ-де самъ въ Успенскомъ соборѣ каялся народу: окоростовѣлъ-де я коростою ереси, и та короста отъ меня паде на васъ, и вы всѣ окоростовѣли отъ меня.

Дѣйствительно, въ Соловкахъ было далеко не спокойно. Волненія начались тамъ еще въ 1657 году, когда Никонъ былъ на патріаршествѣ. Въ Соловки присланы были новыя богослужебныя книги никоновскаго изданія. Слухи о присылкѣ «новыхъ» книгъ произвели такое смятеніе въ стѣнахъ монастыря и по всѣмъ его усольямъ, какъ будто бы на святую обитель напала орда и хочетъ монастырь разрушить до камня, а братію истребить до послѣдней ноги. Въ виду такого страшнаго дѣла архимандритъ созвалъ «черный соборъ». У всѣхъ на лицахъ выражались ожиданіе и страхъ.

Вынесли книги, положили на столъ.—«Смотрите отцы и бра-

тія, каковы книги, взывалъ архимандритъ, а я уже старъ и слѣпъ—можетъ чего не догляжу».

Заскрипѣли и защелкали мѣдныя застежки книгъ подъ грубыми ладонями иноковъ, болѣе привыкшихъ рыбу солить да дрова рубить, чѣмъ книги перелистывать. Зашуршала новая толстая бумага подъ непривычными пальцами. Роются старцы, усердно, до поту роются—и литеры-то новыя, безъ загогулинъ и завитковъ, и титлы-то кривобоки, и заставки-то съ киноварью не тѣ, и все не на своемъ какъ-будто мѣстѣ—не знаешь, гдѣ его и искать, какъ и читать: то «Отче нашъ» не на своемъ мѣстѣ, то въ «Богородицѣ» *буки* не съ такою заставкою, то «Помилуй мя Боже» не отыщешь—застряло гдѣ-то. Бѣда да и только! Въ старыхъ книгахъ знаешь, гдѣ что искать — листы сами открываются тамъ, гдѣ захочешь: нужно тебѣ «Блаженъ-мужа»—онъ тутъ какъ тутъ, понадобилось «Вскую шаташася»—и оно подъ рукой. А тутъ ищи его, а коли найдешь, такъ не прочтешь—литеры не тѣ, новыя, и *ижица* не та, и *ѳита* съ какими-то лапками...

— Отцы и братія! кричитъ одинъ инокъ: въ символѣ вѣры, чу, *изъ* выкинули!

— Этого нельзя! эти книги не годятся—латынскія онѣ! кричитъ другой.

Черный соборъ заволновался. Выступили ученые старцы, попы и дьякона.

— Отцы и братія! стойте на старыхъ книгахъ — по нимъ мы учены и къ нимъ привыкли, а къ новымъ поздно привыкать.

— Поздно! поздно! — Мы, старики слѣпые, и по старымъ книгамъ очередей своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ-то на старости лѣтъ, учиться не можемъ да и некогда: что учено было, и того мало видимъ, а по новымъ книгамъ намъ, чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ и грамотѣ ненавычнымъ, сколько ни учиться, не навыкнуть.

— Долой новыя книги! кричала братія.

— Въ огонь ихъ! въ море!

— Помолчите, отцы и братія! завопилъ новый ораторъ, выступая изъ толпы:—дайте слово сказать. Послушайте вы меня, стараго: коли попы станутъ читать и пѣть по новымъ книгамъ, и мы отъ нихъ причащаться не будемъ — помремъ и такъ, а вѣрѣ не измѣнимъ. А коли на отца нашего, на архимандрита, придетъ какая кручина либо жестокое повелѣніе, и намъ всею

братьею бить за него челомъ своими головами, стоять всѣмъ за одно до смерти.

— Ладно! стоять до смерти! заревѣлъ черный соборъ.—Не выдавать архимандрита!

Архимандритъ стоялъ у стола, положивъ дрожащую руку на книгу новой печати. По впалымъ и сморщеннымъ щекамъ его катились слезы.

— Братія и всѣ православные христіане! говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Видите, братья, послѣднее время: встали новые учители и отъ вѣры православной, и отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ [служебникамъ. Помолитесь братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, какъ и отцы наши! А я на то пошелъ—умру за святой *азъ*.

Черный соборъ заревѣлъ почти въ одинъ голосъ:

— Намъ латынской службы и еретицкаго чина не надо!—не принимаемъ!—причащаться отъ еретицкой службы не хотимъ и тебя, отца нашего, не выдадимъ!

Два-три голоса возвылись было въ пользу новыхъ книгъ.

— А! застонялъ черный соборъ: — хотите латынскую еретицкую службу служить!—живыхъ изъ трапезы не выпустимъ!

Новыя книги такъ и не были приняты. Въ 1666 году, когда Никонъ, сидя въ Воскресенскомъ монастырѣ, томился ожиданіемъ и неизвѣстностью, изъ Москвы посланъ былъ въ Соловки спасскаго ярославскаго монастыря архимандритъ Сергій съ царскимъ указомъ, грамотами и наказомъ архіерейскаго собора—привести соловецкую братію къ повиновенію. Сергій собралъ черный соборъ, предъявилъ указъ и грамоты. Невообразимый шумъ и крики заглушили его слабый голосъ.

— Указу великаго государя мы послушны и во всемъ ему повинуемся! выдѣлились отдѣльные голоса изъ толпы:—а повелѣнія о символѣ вѣры, о сложеніи перстовъ, о аллилуіи и новоизданныхъ печатныхъ книгъ не пріемлемъ.

На скамью встаетъ самъ архимандритъ соловецкій, старый Никаноръ. Его поддерживаютъ чернецы, чтобъ онъ не упалъ. Никаноръ поднимаетъ руку высоко надъ своею головой, складываетъ три первые пальца и кричитъ неистово:

— Смотрите! это ученіе и преданіе латынское, преданіе антихристово! За два перста я готовъ пострадать! Ведите меня на муку! Да у васъ теперь и главы нѣтъ — патріарха, и безъ него вы не крѣпки! Горе вамъ! послѣднія времена пришли!

Голосъ его оборвался. Онъ задрожалъ и съ трудомъ былъ снятъ со скамьи. Онъ дико озирался по сторонамъ, какъ пьяный, бормоча: «умру за два перста.... умру за святой *азъ*»....

Сергій, ошеломленный воплемъ стараго фанатика, обращается къ собору и проситъ выбрать кого-нибудь одного.

— Со всѣми разомъ говорить нельзя — меня закричатъ.

— Геронтій! Геронтій! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Выступилъ Геронтій, высокій, сухой чернецъ. Глаза его искрились, въ широкихъ скулахъ и въ прикушенной бородѣ видѣлось что-то упрямое, задорное. Выступилъ онъ съ такимъ угрожающимъ лицомъ и съ такими жестами, словно бы шелъ на кулачки.

— Зачѣмъ вы у насъ Сына Божія отняли! сразу накинулся онъ на Сергія.

Сергій испуганно отступилъ назадъ, не понимая о чемъ его спрашиваютъ.

— Зачѣмъ вы въ молитвѣ «Господи Исусе» отъемлете «Сына Божія?» продолжалъ ораторъ, наступая на оторопѣвшаго посланца царскаго.—Зачѣмъ вы....

Но толпа не дала оратору продолжать: она одно поняла—что съ ними дѣлаютъ что-то странное, «Сына Божія» отнимаютъ....

— Охъ! охъ! горе намъ! послышался страшный вопль дикарей: — охъ, горе! отымаютъ у насъ «Сына Божія!»... Гдѣ вы дѣвали «Сына Божія?»

Когда крики нѣсколько утихли, Сергій хотѣлъ было подойти къ Геронтію, но тотъ неистово закричалъ:

— Не подходи!... покажи прежде, какимъ крестомъ крестишься, и тогда ужъ и учи насъ!... Допрежъ сего отъ соловецкой обители вся русская земля всякимъ благочестіемъ свѣтилась, и ни подъ какимъ зазоромъ соловецкій монастырь допрежъ сего не бывывалъ, но яко столпъ и утвержденіе и свѣтило сіялъ. А вы теперь отъ грековъ новой вѣрѣ учитесь, а греческихъ архіереевъ самихъ къ намъ въ монастырь подъ началъ присылаютъ: они и креститься-то не умѣютъ,—мы ихъ самихъ учимъ какъ креститься.

По собору пронесся гулъ одобренія. Сергій видѣлъ, что почва подъ нимъ колеблется, что не сломить ему суроваго противника—и онъ прибѣгъ къ страшному средству, послѣ котораго должны уже были заговорить трики, а не люди.

— Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ ли,

благочестивъ ли, и православенъ ли, и христіанскій ли царь? спросилъ онъ.

Въ свою очередь Геронтій передъ этими страшными словами отшатнулся было назадъ, но, увидѣвъ устремленный на него взглядъ стараго Никанора, выпрямился и тряхнулъ волосами.

— Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ, благочестивъ и православенъ, отвѣчалъ онъ, обводя собраніе глазами.

— А повелѣнія его, которыя къ вамъ присланы, православны ли? настаивалъ неумолимый посланецъ.

Даже Геронтій на эти страшныя слова не зналъ, что отвѣчать: какъ волкъ, прижатый къ стѣнѣ, онъ растерянно оглядывался, ища взгляда Никанора. Но Никаноръ смотрѣлъ въ землю и упрямо моталъ головою.

— Освященный соборъ православенъ ли? продолжалъ пытать Сергій.

— Допрежъ сего патріархи были православны, а нынѣ, Богъ вѣсть—потому живутъ въ неволѣ, а россійскіе архіереи православны, съ трудомъ отвѣчалъ Геронтій.

— А которое къ вамъ прислано соборное повелѣніе — и оно православно ли?

— Повелѣнія соборнаго не хулимъ, а новой вѣры и ученія не пріемлемъ—держимся преданія святыхъ чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умереть, былъ послѣдній отвѣтъ старцевъ.

Сергій вышелъ изъ собора, окруженный монастырскимъ карауломъ, словно арестантъ. Ему не позволяли даже въ монастырѣ ночевать, а вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ изъ Москвы посланцами вывели на островъ и посадили подъ стражу. Когда его выводили изъ монастырскихъ воротъ, то собравшіеся тамъ изъ окрестныхъ усольевъ и поселковъ мужики громко говорили:

— Которые московскіе стрѣльцы теперь здѣсь въ монастырѣ, и тѣмъ мы свой указъ учинимъ — перебьемъ и перетопимъ, и которые за монастыремъ въ лодьяхъ, и тѣхъ перетопимъ, будто моремъ разбило.... Всѣхъ побьемъ каменьемъ — потому посланы они отъ антихриста прельщать насъ.

На соборѣ, между тѣмъ, въ трапезѣ, готовилось челобитье къ царю. Когда оно было кончено, Геронтій всталъ на скамью и началъ громко читать:

— Бьютъ челомъ богомольцы твои государевы: соловецкаго монастыря келарь Азарій, бывшій Саввина монастыря архимандритъ Никаноръ, казначей Ворсонофей, священники, дьяконы, всѣ

соборные чернецы и вся братія рядовая и больнишная, и служки и трудники всѣ. Присланъ съ Москвы къ намъ архимандритъ Сергій съ товарищи учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ, и во всемъ велятъ послѣдовать и творить по новому преданію, и преданіе великихъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ, въ коемъ прародители твои государевы и начальники преподобные отцы Зосима и Савватей и Германъ, и преосвященный Филиппъ митрополитъ пребывали, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраняютъ. И мы, худые богомольцы твои и холопишки, чрезъ преданія святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ священные уставы и церковные чины премѣнять не смѣемъ, понеже въ новыхъ книгахъ выходу Никона патріарха, по которымъ насъ учатъ новому преданію, вмѣсто Іисуса нашего съ приложеніемъ лишней литеры Іисусъ, чего страшно намъ грѣшнымъ неточію приложити, но и помыслити....

— Охъ! послышалось въ толпѣ: *иже* приложили ко Іисусу.... Охъ страшно....

— Охъ! *ижемъ* Христа прободали въ ребра: *иже* есть копіе! провозгласилъ Никаноръ.

— Милосердый государь! продолжалъ, воодушевляясь и потресая въ воздухѣ челобитною, Геронтій.—Помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ и холопишекъ—не вели архимандриту Сергію прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, преподобныхъ Зосимы, Саввatея, Германа и Филиппа преданія нарушать, и вели, государь, намъ въ томъ же преданіи быть, чтобъ намъ врозь не разбрестись и твоему богомолію украйному и порубежному мѣсту отъ безлюдства не запустѣть.

— Припиши, кричалъ Никаноръ: за преданіе-де великихъ чудотворцевъ готовы мы съ радостію наглую смерть принять, и многіе-де старцы, готовясь на тотъ вѣчный путь, посхимились....

— Припиши! припиши! подтвердили десятки голосовъ.

— Еще припиши, наистаивалъ упрямый Никаноръ: вели-де, государь, на насъ свой царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе!

Въ такомъ положеніи стояли дѣла на далекомъ сѣверѣ, когда Никонъ, котораго считали виновникомъ всѣхъ этихъ небывалыхъ и неслыханныхъ дотолѣ церковныхъ смутъ, охватившихъ не только соловецкое поморье, но и Москву, гдѣ народъ, торговые люди и бояре почти всѣ отшатнулись отъ духовныхъ властей своихъ, а Аввакумъ до ослѣпленія разжигалъ народныя страсти

своею жгучею проповѣдью,—когда Никонъ вдругъ узналъ, что въ Москву прибыли гости, которыхъ онъ всего болѣе боялся. Это были вселенскіе патріархи.—Макарій антіохійскій и Паисій александрійскій, онъ же и «судія вселенной».

Наступалъ судъ надъ Никономъ.

X.

1-го декабря 1666 года, едва лишь багровое солнце сквозь искристую морозную мглу освѣтило островерхія крыши кремлевскаго дворца и брызнуло золотомъ по маковкамъ церквей и по разрисованному морозомъ стеклу дворцовыхъ оконъ и стеклянныхъ переходовъ, какъ ужъ во дворцѣ, въ столовой избѣ, собрался небывалый дотолѣ и послѣ того въ Россіи вселенскій соборъ—царь, два патріарха, митрополиты, архіереи и весь синклитъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Алексѣй Михайловичъ сидѣлъ на своемъ государевомъ мѣстѣ, на небольшомъ возвышеніи, подъ сѣнію золотаго двуглаваго орла, на крыльяхъ котораго игралo пробившееся сквозь льдистые кристаллы окна утреннее солнышко, золотя въ тоже время лѣвый, уже посеребренный рѣдкою сѣдью високъ и часть заиндевѣвшей тою же назойливою сѣдью русой, мягкой, какъ шемахинскій шелкъ, бороды. Тишайшій царь сидѣлъ задумчиво, глубоко сосредоточенно и такъ неподвижно, что его можно было принять за иконописное изображеніе, если-бъ тихое, равномѣрное поднятіе и опусканіе висѣвшаго на его груди большаго золотаго креста не изобличало, что эта грудь дышетъ. Подлѣ него, по лѣвую руку, въ глубокихъ съ высокими рѣзными спинками креслахъ сидѣли патріархи. У ближайшаго къ царю, высокаго, худаго и согбеннаго годами, темно-пергаментное лицо смотрѣло изъ-подъ надвинутаго до бровей клобука не какъ лицо, а какъ ликъ на старомъ полотнѣ, выцвѣтшій отъ времени, тронутый непогодью и копотью отъ свѣчей и ладона. Неровныя пряди волосъ желтоватой сѣдины и бѣлая борода, освѣщенныя косыми лучами солнца, нѣсколько дрожали на черномъ фонѣ клобука и панагіи, производя странное впечатлѣніе—какъ будто бы волосы эти дрожали на мертвомъ тѣлѣ отъ посторонняго дыханія, тѣмъ болѣе что и глаза сидящаго, глубоко опущенные, казались закрытыми тонкою, синеватою кожицею вѣкъ, съ которыхъ, казалось, только что сняты были мѣдные гроши—принадлежность новопреставленнаго. Это былъ Паисій, патріархъ Александріи и всего Египта—нѣкогда земли фараоновъ. Рядомъ

съ нимъ въ такомъ же креслѣ возсѣдалъ антіохійскій патріархъ Макарій. Черные, курчавые, перевитые сѣдыми прорѣзями, какъ серебряною тонкою битью, волосы, черная, курчавая, какъ давно нестриженная баранья шерсть, съ просѣдью борода, большіе синеватые бѣлки черныхъ, подвижныхъ глазъ, съ длиннѣйшими рѣсницами, темно-оливковый цвѣтъ лица—все изобличало въ немъ восточнаго человѣка, котораго какъ-то странно было видѣть не на берегу Іордана гдѣ-нибудь или Мертваго моря, а на берегахъ Яузы, среди чисто-московскихъ лицъ и въ этой типичной обстановкѣ.

Съ правой стороны царя, на застланныхъ сукнами скамьяхъ сидѣли митрополиты, архіереи и весь освященный соборъ. Черные клобуки, надвинутые на худыя и строгія лица, черныя рясы, кресты и четки—все это смотрѣло мрачно и внушительно, какъ картина страшнаго суда. Тутъ и Сергій спасо-ярославскій, котораго мы недавно видѣли на черномъ соборѣ въ Соловкахъ, и Павелъ суздальскій, и Павелъ сарскій и Питиримъ новгородскій.

По лѣвую сторону отъ царя, на скамьяхъ же, бояре, окольничіе и думные люди—все, что заправляло московскою землею отъ Пскова до Албазина на Амурѣ, отъ Соловокъ до южнаго рубежа русской, все шире и шире разлегавшейся территоріи. Тутъ были лица, большею частью, хорошо упитанныя, гладкія, бородатыя.

За особымъ столомъ—дьякъ Алмазъ Ивановъ. Горы бумагъ, книгъ и потемнѣвшихъ отъ времени свитковъ почти всего его закрываютъ собой. И лицо его—такое же жолтое, какъ эти свитки—смотритъ спокойно, только изрѣдка щурятся его усталые глаза, перечитавшіе всѣ эти горы бумаги и перенесшіе въ его глубокую, какъ бездонная пропасть, память тысячи мельчайшихъ подробностей дѣлъ, статей разныхъ уложеній, указовъ, отписокъ, справокъ, памятей. Худыми привычными пальцами онъ держитъ бѣлое, какъ снѣгъ, гусиное перо и неслышно водитъ имъ по бумагѣ.

Тихо въ избѣ. Соборъ ждетъ кого-то. Кого же больше ждать, какъ не того, кого собрались судить вселенне! Въ полночь онъ въѣхалъ въ Москву и прослѣдовалъ въ Кремль Никольскими воротами, которыя тотчасъ же за нимъ и заперли, поставивъ сильную стражу и разобравъ даже мостъ, соединявшій эти ворота съ городомъ. Такъ вотъ, какого страшнаго подсудимаго ждетъ вселенскій соборъ!

Скоро за дверями столовой избы послышались чьи-то ровные, сильные шаги. Звякнули алебарды стрѣльцовъ, стоявшихъ у вхо-

да. Какое-то невольное движеніе, словно дрожь, прошло по собору, какъ будто бы въ тихій, ясный день по безоблачному небу пронеслось облачко и провело бѣгучую тѣнь по высокой травѣ. Глаза всего собора обратились къ входнымъ дверямъ—обратились съ какимъ-то страхомъ, полные ожиданія. И глаза царя блеснули неуловимымъ свѣтомъ, и закрытые вѣками глаза Паисія патріарха открылись, словно бы икона глянула съ темнаго полотна человѣческими глазами, и глаза дьяка Алмаза Иванова поднялись отъ бумаги.

Двери распахнулись широко, на обѣ половинки, чтобы пропустить что-то большое. Это было распятіе, несомое передъ патріархомъ. За распятіемъ вошелъ и тотъ, кого звали на судъ. Невольная дрожь прошла по собору, когда увидали того, кто вошелъ. Это все былъ тотъ же прямой, суровый на видъ, массивный человѣкъ, котораго такъ часто когда-то, около десяти лѣтъ назадъ, видѣла Москва на всѣхъ торжественныхъ служеніяхъ, въ церковныхъ ходахъ и въ царской думѣ, и передъ взоромъ котораго все склонялось и трепетало; тотъ же повелительный видъ, тѣ же повелѣвающіе глаза;—только по всему этому прошло что-то разрушительное, пригибающее къ землѣ, вытравляющее живой цвѣтъ лица, задувающее огонь глазъ, обезцвѣтившее до сѣдины вороненый волосъ головы и бороды.

Въ добрыхъ глазахъ царя блеснула жалость—вѣки задрожали... Это ли его бывшій «собинный» другъ, его любовь и гордость!...

При видѣ распятія и вошедшаго за нимъ подсудимаго, весь соборъ всталъ на ноги.

— Владыко Господи Боже нашъ! благослови входъ раба твоего и отверзи уста его, да возвѣстятъ хвалу твою—всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! громко возгласилъ вошедшій.

Потомъ, оборотясь лицомъ къ царю, онъ поклонился ему до земли. Царь испустилъ глубокій вздохъ, увидавъ, какъ у поклонившагося ему разметались по полу посѣдѣвшіе волосы. Поклонившійся всталъ и, откинувъ назадъ упавшіе ему на лицо волосы, вторично припалъ клобукомъ къ царскому подножію. Царь крѣпко стиснулъ челюсти, чтобы не заплакать. Поклонившійся, приподнявшись вторично отъ полу, въ третій разъ поклонился.

Сдѣлавъ полуоборотъ къ патріархамъ, онъ и имъ поклонился до земли дважды. За всѣми его движеніями жадно слѣдили глаза всего собора, а узкіе сѣрые глазки Питирима, митрополита нов-

городскаго, каждый поклонъ Никона сопровождали злораднымъ блескомъ.

Когда Никонъ поднялся, наконецъ, отъ полу, расправляя волосы, на лицо его, блѣдное и безцвѣтное, какъ у арестанта, набѣжала краска Патріархи въ свою очередь глубоко нагнули головы, а потомъ глазами указали на лавку, по правую сторону государева мѣста.

Глянувъ въ ту сторону, Никонъ сразу понялъ, что его приравниваютъ къ простымъ архіереямъ, что особаго мѣста для него не приготовили. Зловѣщая искра блеснула въ его глазахъ.

— Я мѣста себѣ, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ... Развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою, сказалъ онъ хрипло, съ дрожью въ голосѣ, и оперся на свой посохъ, глядя прямо въ глаза государю.

И добрые глаза послѣдняго блеснули: та искра, что зажглась въ глазахъ у Никона, зажглась и у царя. Питиримъ незамѣтно толкнулъ локтемъ сосѣда своего, Павла, митрополита сарскаго, и указалъ глазами на то, что происходило впереди. Перо дьяка Алмаза Иванова заскрипѣло по бумагѣ, спѣша запечатлѣть чернилами на вѣки этотъ историческій моментъ.

— Пришелъ я узнать, для чего вселенскіе патріархи меня звали? —продолжалъ подсудимый тономъ допрашивающаго, тономъ судьи, и снова вопрошающе посмотрѣлъ на государя.

Алексѣй Михайловичъ порывисто сошелъ съ своего мѣста, путаясь ногами въ своемъ длинномъ одѣяніи, и сталъ передъ патріархами, какъ бы ища укрыться подъ ихъ святынею.

— Святая и пречестная двоице! великіе вселенстіи патріарси! заговорилъ царь дрожащимъ голосомъ, нервно, торопливо.— Отъ начала московскаго государства соборной и апостольской церкви такого безчестья не бывало, какъ учинилъ сей *бывшій* патріархъ Никонъ: для своихъ прихотей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта церковь оставилъ, патріаршества отрекся никѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многіе смуты и мятежи учинились, церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ... Допросите бывшаго патріарха Никона— для чего онъ престолъ оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь?

Царь стоялъ, какъ подсудимый, и ждалъ отвѣта. Пока патріархи черезъ переводчика хотѣли только было обратиться къ Никону за этимъ отвѣтомъ, какъ онъ оборвалъ ихъ:

— А есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ константинополь-

скимъ и ерусалимскимъ патріархами, что меня судить?—А безъ ихъ совѣта я вамъ отвѣчать не буду, потому—хиротонисанъ я отъ константинопольскаго патріарха.

Изъ-за груды бумагъ выдвинулась тощая фигура дьяка Алмаза Иванова и неслышными шагами приблизилась къ патріархамъ. Въ рукахъ у Алмаза было два свитка, перевитые черными лентами, какъ двѣ погребальныя свѣчи.

— Вотъ полномочіе остальныхъ вселенскихъ патріарховъ, сказалъ Макарій, дотронувшись до одного изъ свитковъ.

Тогда Никонъ попятился назадъ и въ первый разъ оглянулъ судилище, подобно тому, какъ застигнутый врасплохъ ищетъ, куда ему скрыться. Глаза его остановились на Питиримѣ новгородскомъ и на его сосѣдѣ, Павлѣ сарскомъ:—глаза послѣднихъ смотрѣли съ вызывающимъ торжествомъ... Никонъ задрожалъ...

— Великій государь и святѣйшіе патріархи! быстро повернулся онъ: бью челомъ—пожалуйте меня, вышлите изъ собора недруговъ моихъ Питирима и Павла: они мыслили зло на меня, хотѣли меня отравить либо удавить, и для того съ чаровствомъ присылали чернеца Ѳедоса.

— И то онъ говоритъ ложь безлѣпично, возразилъ Питиримъ, вставая разомъ съ Павломъ: — у великаго государя о чернецѣ Ѳедосѣ есть дѣло.

И опять изъ-за бумагъ выдѣляется фигура дьяка Алмаза Иванова. Онъ подноситъ къ государю дѣло и съ глубокимъ поклономъ подаетъ его. Царь показываетъ это дѣло патріархамъ.

— Отвѣтствуй, повторили патріархи:—для чего ты отрекся отъ патріаршества?

— Я не отрекался, а сшелъ съ престола своею волею, не стерпя обидъ: царевъ слуга, Хитрово, билъ моего человѣка безъ вины, и того ему, Хитрово, дѣлать не довелось — то мнѣ безчестье, потому—человѣка своего я посылалъ по дѣлу, для строенія церковныхъ вещей. А когда я просилъ у великаго государя обороны—и великій государь обороны мнѣ не далъ, защищался подсудимый, все болѣе и болѣе возвышая голосъ.

— Никонъ писалъ ко мнѣ и просилъ обороны отъ Хитрово не во время: въ ту пору обѣдалъ у меня грузинскій царь, и въ ту пору розыскивать и оборону давать было некогда былъ отвѣтъ царя.

Странный, небывалый видъ представляли эти судебныя пренія. Высшая власть въ государствѣ, царь и патріархъ, стояли среди многочисленнаго собора, раздѣляемые распятіемъ и кресто-

носителемъ, а весь соборъ сидѣлъ, безмолвно слѣдя за словами и движеніями царя и подсудимаго: послѣдній былъ блѣденъ, какъ полотно, у перваго—краска не то стыда, не то негодованія заливала щеки.

Царь чувствовалъ, что отвѣтъ его слабъ.

— Никонъ патріархъ говоритъ,—поспѣшилъ онъ поправиться, будто человѣка своего присылалъ для строенія церковныхъ вещей, ино въ ту пору на красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего, и Хитрово зашибъ его человѣка за невѣжество, что пришелъ не во время и учинилъ смятеніе, и то безчестье къ Никону патріарху не относится и та обида ему не въ обиду. А что не было моего выходу въ праздники, и то учинилось такъ за многими государственными дѣлами. А когда онъ сшелъ съ престола, и я посылалъ къ нему боярина князя Трубецкаго и Родіона Стрѣшнева, чтобъ онъ на свой патріаршій столъ возвратился, ино онъ отъ патріаршества отрекался—сказывалъ: какъ-де его на патріаршество обирали, и онъ-де на себя клятву положилъ—быть-де на патріаршествѣ токмо три года. А что посылалъ я князя Юрія Ромадоновсково, чтобъ онъ напредки великимъ государемъ не писался, и то я учинилъ для того, что прежніе патріархи такъ не писывались, ино того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ.

Услыхавъ свое имя, Ромодановскій, тучный и красный, какъ кумачъ, бояринъ, торопливо поднялся съ лавки и, не спуская глазъ съ царя, быстро выпалилъ: «Это точно—о государевомъ гнѣвѣ я не говаривалъ».

Никонъ въ полуоборотъ глянулъ на него, но ничего не сказалъ.

— Говорилъ ты про обиды—какія обиды тебѣ отъ великаго государя были? продолжалъ допрашивать Макарій, тогда какъ Паисій безмолвно перебиралъ свои четки.—Какія обиды?

— Никакихъ обидъ не бывало; но когда онъ (и Никонъ спохватился, и тотчасъ же поправился)—когда великій государь началъ гнѣваться и въ церковь ходить пересталъ, въ ту пору я патріаршество и оставилъ.

Царь нетерпѣливо пожалъ плечами, не глядя на подсудимаго.

— Онъ писалъ ко мнѣ по уходѣ, началъ онъ снова:—«будешь-де ты, великій государь, одинъ, а я-де, Никонъ, какъ одинъ отъ простыхъ».

— Я такъ не писывалъ, былъ отрывистый отвѣтъ.

Тогда Макарій, обратясь къ архіереямъ, спросилъ: «Какія обиды были Никону отъ великаго государя»?

— Никакихъ обидъ не было, отвѣчалъ Питиримъ за всѣхъ.

— Я не объ обидахъ говорю! огрызнулся на него Никонъ, медленно, какъ волкъ, полуоборачивая свою не гнущуюся, какъ у волка же, шею.—Я говорю о государевѣ гнѣвѣ!—И прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали—Аѳонасей Александрійской и Григорей-Богословъ....

— Другіе патріархи—перебилъ его Макарій—оставляли престолъ, ино не такъ, какъ ты: ты отрекся, что впредь не быть тебѣ патріархомъ: если-де будешь патріархомъ, то анаѳема будешь.

— Я такъ не говаривалъ, защищался подсудимый:—а говорилъ я, что за недостоинство свое иду; а коли-бъ я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, и я не взялъ бы съ собою святительской одежды.

— Когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ: «достоинъ». А ты, какъ святительскую одежду снималъ, то говорилъ: «недостоинъ», настаивалъ Макарій.

— Это на меня выдумали, былъ отвѣтъ.

— Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ святѣйшимъ патріархамъ, на меня многія безчестья и укоризны, а я на него ни малаго безчестья и укоризны не писывалъ, продолжалъ царь:—допросите его—все ли онъ истину, безо всякаго прилога, писалъ? за церковные ли догматы онъ стоялъ? Іосифа патріарха святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ ли?

Что я въ грамотахъ писалъ—то писалъ! нетерпѣливо отвѣчалъ подсудимый:—а стоялъ я за церковные догматы.... Іосифа патріарха почитаю за патріарха, а святъ ли онъ—того не вѣдаю; а церковныя вещи продавалъ я, по государеву указу.

Царь обвелъ взоромъ все собраніе и остановился на Алмазѣ Ивановѣ.

— Поставь предъ соборъ колодника, сказалъ онъ тихо, но такъ, что весь соборъ слышалъ его слова.

Алмазъ Ивановъ поднялся и неслышными шагами вышелъ въ сѣни. Всѣ смотрѣли ему вслѣдъ въ нѣмомъ ожиданіи и страхѣ. Никонъ ближе подвинулся къ распятію и поднялъ на него глаза. Питиримъ что-то шепталъ своему сосѣду, показывая глазами на подсудимаго.

Въ сѣняхъ послышались шаги, сопровождаемые глухимъ звяканьемъ кандаловъ. Всѣ въ недоумѣніи переглядывались.

Скоро дверь растворилась, и въ соборную избу вошелъ кто-то, закованный въ желѣза по рукамъ и по ногамъ. Лицо его

носило слѣды тяжкаго изнуренія. Увидавъ Никона и распятіе, онъ упалъ ницъ, зазвенѣвъ кандалами. Никонъ вздрогнулъ и пошатнулся: онъ узналъ колодника.

То былъ племянникъ его—Ѳедотъ Марисовъ.

XI.

Когда гетманъ Брюховецкій отказался взять Марисова съ собою въ Малороссію, откуда этотъ тайный посланецъ Никона долженъ былъ пробраться въ Константинополь, къ тамошнему патріарху Діонисію, съ грамотою Никона и съ воззваніемъ ко всѣмъ патріархамъ о разборѣ его распри съ царемъ, любимецъ Никоновъ и его ставрофоръ, Ивашко Шушера, подкупилъ одного казака за 50 рублей и за пятьдесять золотыхъ—взять съ собою Марисова въ число прочей свиты гетмана, якобы своего родственника, взятаго москалями въ плѣнъ во время похода воеводы Бутурлина на Львовъ. Марисовъ, никѣмъ не узнанный, въ январѣ 1666 года, выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Брюховецкимъ, и благополучно достигъ Малороссіи; но въ Москвѣ скоро провѣдали объ этомъ тайномъ агентѣ Никона, и къ Брюховецкому посланъ былъ гонецъ съ наказомъ—схватить Марисова. Марисовъ былъ схваченъ и пересланъ подъ карауломъ въ Москву, вмѣстѣ съ грамотами Никона.

Все это сдѣлано было въ глубочайшей тайнѣ и Никонъ ничего не зналъ, какая судьба постигла его посланца и его грамоты. А въ грамотахъ этихъ онъ не поскупился на сильныя выраженія, на серьезныя обвиненія, падавшія лично на царя и на его управленіе.

Вотъ почему, появленіе Марисова въ соборной избѣ такъ поразило Никона. Ему казалось, что онъ видитъ передъ собою призракъ. Да, Марисовъ, изнуренный заключеніемъ, пытками и душевными страданіями, и смотрѣлъ призракомъ.

Царь сдѣлалъ знакъ Алмазу Иванову. Тотъ подошелъ и подалъ какія-то бумаги.

— Твои это грамоты? спросилъ царь, показывая ихъ Никону.

— Мои, мрачно отвѣчалъ тотъ.

Марисовъ поднялся съ полу и, снова припавъ къ землѣ, поцѣловалъ край одежды Никона.

— Грамоты эти ты отъ Никона получилъ? спросилъ царь Марисова. Тотъ молчалъ.—«Говори»! повторилъ царь.

— Прикажи меня казнить, великій государь, а на святѣй-

шаго патріарха я свидѣтельствовать не стану, сказалъ Марисовъ съ силой.—Отсохни мой языкъ!

— Скажи одно: кто тебѣ далъ эти грамоты? настаивалъ царь.—Скажешь—я тебя помилую.

— Не скажу! Заради, Господи, уста моя! какъ-то выкрикнулъ упрямецъ, сокруши гортань мою!

Никонъ широко перекрестилъ его и снова оперся на посохъ. Царь сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Уведите его! сказалъ онъ, ни на кого не глядя.

Марисова увели. Царь передалъ бумаги Алмазу Иванову, который, сѣвъ на свое мѣсто, снова заскрипѣлъ перомъ.

— Чти Никоновы писанія! громко сказалъ Алексѣй Михайловичъ.

Алмазъ Ивановъ, заткнувъ перо за ухо, сталъ читать. Трудно было ожидать, чтобы въ такомъ тщедушномъ тѣлѣ сидѣлъ такой здоровый голосъ. Онъ читалъ грамоту Никона къ константинопольскому патріарху. Въ грамотѣ подробно описывалось, какъ его, Никона, силою избрали на патріаршество, какъ насильно привели въ соборъ, какъ царь вмѣстѣ со всѣмъ московскимъ народомъ, кланяясь до земли и слезно плача, умолялъ его, Никона, принять патріаршество, какъ онъ, наконецъ, рѣшился принять посохъ Петра митрополита съ условіемъ, чтобы всѣ его слушались, какъ начальника и пастыря, какъ царь сначала былъ благоговѣенъ и милостивъ и во всѣмъ заповѣдей божьихъ искатель, а потомъ началъ гордиться и выситься.

Соборъ безмолствовалъ. Гремѣлъ только ровный, звучный голосъ Алмаза Иванова. Царь стоялъ, потупившись, а Никонъ держалъ голову прямо, не спуская глазъ съ распятія. По лицу Питирима, какъ змѣйка, пробѣгала злая усмѣшка.

— «Посыланъ я—звучалъ голосъ Алмаза Иванова—въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ неправедно....

— Постой! перебилъ чтеніе государь.

Алмазъ Ивановъ умолкъ. Всѣ взоры обратились на царя.

— Для чего онъ—обратился послѣдній къ патріархамъ—для чего онъ такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ, безъ собора, Павла, епископа коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ въ Хутынскій монастырь, гдѣ его не стало безвѣстно.... Допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ?

— По какимъ правиламъ я его низвергъ и сослалъ—того не

помню, и гдѣ онъ пропалъ—того не вѣдаю.... Есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло, поторопился подсудимый.

— На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало—отлученъ епископъ Павелъ безъ собора, съ своей стороны поторопился Павелъ, митрополитъ сарскій.

Никонъ ничего не возражалъ. Онъ только сильнѣе налегъ на посохъ, какъ бы желая имъ пронзить помостъ соборной избы.

А Алмазъ Ивановъ продолжалъ вычитывать, какъ по покойникѣ:... «и учалъ царь вступаться въ архіерейскія дѣла»....

— Допросите—въ какія архіерейскія дѣла я вступался? снова прервалъ чтеніе Алексѣй Михайловичъ, обращаясь къ патріархамъ.

— Что я писалъ—того не помню, отвѣчалъ Никонъ.

...«Оставилъ патріаршество, не стерпя гнѣва и обиды», вычитывалъ дьякъ Алмазъ.

— Допросите—какой гнѣвъ и обида? прерывалъ царь.

— На Хитрово не далъ обороны, въ церковь ходить пересталъ.... Государевъ гнѣвъ объявленъ небу и землѣ, уже начиналъ кричать подсудимый.

Патріархи остановили его движеніемъ.

— Хотя-бъ Хитрово человѣка твоего и зашибъ, и тебѣ то терпѣть бы и послѣдовать Іоанну Милостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ, наставительно сказалъ Макарій (Паисій все молчалъ и изрѣдка взглядывалъ то на царя, то на Никона).—А если-бъ государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, и тебѣ бы о томъ съ архіереями посовѣтываться слѣдовало, и къ великому государю посылать—бить челомъ о прощеніи, а не сердиться.

Раздался чей-то голосъ съ дальней скамьи. Всѣ оглянулись, и увидѣли рыжую голову, которая усиленно моргала.

— Въ ту пору я царскій чинъ исполнялъ, говорила, заикаясь, рыжая голова (это былъ Хитрово), и въ ту пору пришелъ патріарховъ человѣкъ и учинилъ мятежъ, и я его зашибъ не знаючи, я въ томъ у Никона патріарха просилъ прощенія, и онъ меня простилъ.

За Хитрово осмѣлились и другіе. Разомъ послышалось нѣсколько голосовъ со всѣхъ сторонъ.

— Отъ великаго государя Никону патріарху обиды никакой не бывало, пошелъ онъ не отъ обиды—съ сердца! кричали съ боярской стороны.

— Когда онъ снималъ панагію и ризы, то говорилъ: «аще помыслю въ патріархи, анаѳема да буду»! Панагію и посохъ

оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего не говорилъ! кричала архіерейская сторона.

Всѣ кричали, всѣ усердствовали. Никонъ, какъ затравленный волкъ, только озирался. Но не въ его характерѣ было молчать, когда кричали другіе.

— Я васъ перекричу! раздался вдругъ его рѣзкій, какъ ударъ хлыста, голосъ.

Паисій, сидѣвшій съ опущенными глазами, быстро вскинулъ ими на подсудимаго и тихо сказалъ: «Никонъ»!—Никонъ опомнился.

...«написана книга уложеніе—продолжалъ вычитывать Алмазъ Ивановъ изъ письма Никона къ константинопольскому патріарху—книга, святому евангелію, правиламъ святыхъ апостолъ, святыхъ отецъ и законамъ греческихъ царей во всемъ противная.... всѣхъ беззаконій, написанной въ этой книгѣ, не могу описать—такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить, но, окромѣ уничиженія, ничего не получилъ, и меня же хотѣли убить»...

— Постой! остановилъ чтеца Алексѣй Михайловичъ.—Къ сей книгѣ—обратился онъ потомъ къ Никону—приложили руки патріархъ Іосифъ и весь священный соборъ, и твоя рука приложена....

— Я руку приложилъ по неволѣ, огрызнулся подсудимый.

...«боярин Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ—читалъ Алмазъ—научилъ собаку сидѣть и передними лапами благословлять, ругаясь благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ: мы, услыхавъ о такомъ безчиніи, клятвѣ Семена предали»....

Тонкая улыбка скользнула по губамъ Макарія.

— И того тебѣ, Никонъ, дѣлать не довелось, сказалъ онъ.—Еслибъ мышь сгрызла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что она причастилась: такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе.... Шутить святыми дѣлами не подобаетъ, но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятіе, понеже считаютъ его за ничто.

Когда Алмазъ Ивановъ дочелъ до того мѣста письма, гдѣ говорилось о пріѣздѣ къ Никону князя Одоевскаго и Паисія Лигарида, царь остановилъ чтеніе.

— Митрополитъ и князь—сказалъ онъ—посланы были выговаривать ему его неправды, что писалъ ко мнѣ со многимъ безчестьемъ и съ клятвою, мои грамоты клалъ подъ евангеліе, позорилъ газскаго митрополита, а тотъ свидѣтельствованъ отцемъ духовнымъ, и ставленная грамота у него есть.

— Я за обидящаго молился, а не клялъ, отвѣчалъ Никонъ.— Газскому митрополиту, по правиламъ, служить не слѣдуетъ, потому—онъ епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ долгое время.... Слышалъ я; что онъ ерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ—у меня много такихъ мужиковъ шляется.... Мнѣ говорилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій государевымъ словомъ, что меня зарѣжутъ....

При этихъ словахъ Одоевскій вскочилъ съ мѣста.—«Такихъ рѣчей я не говаривалъ!» протестовалъ онъ.—А Никонъ мнѣ говорилъ: «коли-де хотите меня зарѣзать—то рѣжьте—и грудь обнажалъ».

Вмѣшался въ споръ и Алмазъ Ивановъ, но осторожно.

— Когда Никонъ, по вѣстямъ о непріятелѣ, пріѣзжалъ въ Москву, то мнѣ говорилъ, что отъ престола своего отрекся.

— Никогда не говорилъ! огрызнулся на него Никонъ.

Алмазъ Ивановъ опять уткнулся въ бумагу и читалъ изъ письма Никона, будто царь посылалъ къ патріархамъ многіе дары.

— Я никакихъ даровъ не посылывалъ, прервалъ его царь:— писалъ, чтобъ пришли въ Москву для усмиренія церкви; а ты (это къ Никону) посылалъ къ нимъ съ грамотами племянника своего и далъ черкашенину много золотыхъ.

— Я черкашенину не давалъ, а далъ племяннику на дорогу.

По знаку царя Алмазъ Ивановъ опять сталъ читать. Дочелъ до того мѣста, гдѣ Никонъ говоритъ о своемъ неудачномъ ночномъ пріѣздѣ въ Москву и о высылкѣ его изъ Успенскаго собора.

— Никонъ приходилъ въ Москву никѣмъ не званный -пояснилъ царь—и изъ соборной церкви увезъ было Петра митрополита посохъ, а ребята его отрясали прахъ отъ ногъ своихъ: и то онъ какое добро учинилъ? и ребята его какіе учители, что такъ учинили?

— Ребята прахъ отъ ногъ своихъ какъ отрясали—того я не видалъ; а какъ пріѣзжали за посохомъ въ Черпево, то меня томили, а иныхъ хотѣли побить до смерти.

— До смерти побивать никого не было велѣно и не биты, защищался царь.

И снова возобновлялось утомительное чтеніе Алмаза Иванова. А царь и Никонъ все стояли—царь видимо былъ утомленъ. Патріархъ Паисій, по-временамъ, какъ-бы задремывалъ, и только сухіе пальцы его, тихо ходившіе по чоткамъ, изобличали, что онъ не спитъ.

... которые люди за меня доброе слово молвятъ или какія письма объявятъ—читалъ Алмазъ—и тѣ въ заточеніе посланы и мукамъ преданы: поддьяконъ Никита умеръ въ оковахъ, попъ Сысой погубленъ, строитель Ааронъ сосланъ въ Соловецкій монастырь»...

— Никита—оправдывался царь—ѣздилъ отъ Никона къ Зюзину съ ссорными письмами, сидѣлъ за карауломъ и умеръ своею смертію отъ болѣзни. Сысой, вѣдомый воръ и ссорщикъ, и сосланъ за многія плутовства.... Ааронъ говорилъ про меня непристойныя слова и за то сосланъ.... Допросите—кто былъ мученъ?

— Мнѣ о томъ сказывали....

Ссорнымъ рѣчамъ вѣрить было ненадобно и ко вселенскимъ патріархамъ ложно не писать.

Никонъ смолчалъ. Дьякъ Алмазъ продолжалъ:... архіереи по епархіямъ поставлены мимо правилъ святыхъ отцевъ, воспрещающихъ переводить изъ епархіи въ епархію...»

— Когда Никонъ былъ на патріаршествѣ, опять прервалъ царь,—то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ.

— Я то дѣлалъ не по правиламъ—по невѣдѣнію.

— Ты и самъ на новгородскую митрополію возведенъ на мѣсто живово митрополита Авфонія, не кстати вмѣшался Питиримъ.

— Авфоній былъ безъ ума.... чтобъ и тебѣ также обезумѣть! громыхнулъ его Никонъ, какъ бы наотмашь.

Многіе такъ и подпрыгнули на скамьяхъ отъ этого окрика. Паисій глянулъ строго и зачастилъ чотками. Питиримъ, какъ ошпаренный, не нашелся, что отвѣчать и только бормоталъ: «это кабанъ бѣшенный.... Мамай въ рясѣ.... Господи!...» Царь покраснѣлъ, и краска все болѣе и болѣе заливала его щеки, по мѣрѣ того, какъ Алмазъ Ивановъ читалъ далѣе. А онъ читалъ: «отъ сего беззаконнаго собора престало на Руси соединеніе съ восточными церквами, и отъ благословенія вашего отлучились, отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими...»

— Стой! стой! погоди! порывисто заговорилъ царь, повелительно поднимая руку.—Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія святѣйшихъ патріарховъ отчелъ, и къ католицкой вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками! Что жъ это такое?!... Только бы его, Никоново письмо до святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ дошло, и намъ бы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть подъ клятвою, и за то его ложное и затѣй-

ное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать, и отъ того очиститься!

Голосъ царя сорвался. Самъ онъ дрожалъ. Весь соборъ заколыхался сдержаннымъ, глухимъ ропотомъ. Многіе испуганно крестились словно бы передъ ударомъ страшнаго грома послѣ молніи. Даже у Паисія, все время сидѣвшаго неподвижно, статуйно, ходенемъ заходила сѣдая голова подъ высокимъ клобукомъ.

— Чѣмъ Русь отъ соборной церкви отлучилась? спросилъ онъ строго.

— Тѣмъ—закричалъ подсудимый запальчиво—что Паисій газскій перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другово митрополита! и другихъ архиереевъ съ мѣста на мѣсто переводилъ же! А ему то дѣлать не довелось, понеже онъ отъ ерусалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ... Да хотя бъ онъ и не еретикъ былъ, а ему на Москвѣ долго быть не для чего: я его митрополитомъ не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ... Всякой мужикъ надѣнетъ на себя монатью—такъ онъ и митрополитъ! Я писалъ все объ немъ, а не о православныхъ христіанахъ.

Онъ самъ чувствовалъ, что слишкомъ далеко зашелъ — это былъ конь, закусившій удила... Онъ спохватился было, хотѣлъ увильнуть, но было уже поздно: вырвавшіяся изъ устъ сильныя выраженія—обвиненіе въ еретичествѣ всей страны—нельзя было поймать и воротить назадъ—они потрясли весь соборъ и погубили неосторожнаго.

Послѣдовалъ всеобщій взрывъ негодованія. Москвичи точно забыли о присутствіи царя и патріарховъ; они одно помнили—что всѣ они оскорблены и опозорены, что имъ, самому православному подъ солнцемъ народу, бросили въ глаза укоръ въ неправославіи, въ еретичествѣ, въ латынствѣ!... Эти ли не обиды?! Да за одинъ намекъ на похлебство и на потачку со стороны Лжедимитрія ляцкой вѣрѣ, латынству—Москва сама себя вверхъ дномъ опрокинула, въ золу обратила этого Лжедимитрія и золою выстрѣлила на вѣтеръ, перетрясла потомъ, какъ запыленныя онучи, всю русскую землю—и изъ-за одного только слова «латынство»... А тутъ вся земля и церковь якобы облатынились! Да послѣ этого жить нельзя! Москву осрамили передъ всѣмъ свѣтомъ!...

Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, замахали руками. Послышались крики.

— Онъ отчелъ всю Россею! всѣхъ насъ! этого нельзя!

— Онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ, православные! что жъ это будетъ!

— Указъ учинить! Али мы собаки латынскія!

Никонъ стоялъ, ошеломленный общимъ взрывомъ и только оглядывался по сторонамъ. Царь молчалъ—онъ едва держался на ногахъ отъ усталости и волненія.

Съ трудомъ патріархамъ удалось утишить бурю; но дальнѣйшее чтеніе грамоты Никона—этого поличнаго—шло уже вяло. Всѣ утомились. Даже у привычнаго Алмаза Иванова пересохло въ горлѣ.

Наконецъ, грамота кончена. Алмазъ Ивановъ умолкъ и поклонился. Наступила тишина.

—Богъ тебя судитъ! горько сказалъ Никонъ, обращаясь къ царю:—я узналъ еще на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавидѣнъ и мученъ.

Слова эти передернули царя.

— Святые отцы! допросите его, какъ онъ узналъ это на избраніи своемъ?

Никонъ не отвѣчалъ, а только вздыхалъ, глядя на распятіе.

— Онъ же, Никонъ, сказывалъ, что видѣлъ метлу звѣздою, и отъ того будетъ московскому государству погибель: пусть скажетъ, отъ какого духа онъ то увѣдалъ? заговорилъ одинъ архіерей.

— И въ прежнемъ законѣ такія знаменія бывали—на Москвѣ это и сбудется, мрачно отвѣчалъ подсудимый: — Господь пророчествовалъ на горѣ Елеонской о разореніи Ерусалима за четыреста лѣтъ.

Паисій всталъ: онъ видѣлъ, что царь не въ силахъ больше стоять, и потому, благословивъ его, указалъ рукою на его мѣсто. Никону же показалъ знакомъ, чтобъ онъ уходилъ.

Поклонившись до земли и проговоривъ глухимъ, упавшимъ голосомъ— «простите меня, православные!» подсудимый вышелъ вслѣдъ за распятіемъ, глубоко поникнувъ головою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. Мордовцевъ.

VII.

Катя осталась круглой сиротой, безъ родныхъ, безъ друзей, почти безъ знакомыхъ; живя съ дѣтства въ домѣ старухи Ожерельевой, она совершенно отстала отъ сослуживцевъ и знакомыхъ отца, сдѣлалась для нихъ чужой, барышней. Ея туалетъ, прическа, манеры, разговоръ и образъ жизни не подходили подъ обычаи и порядки сельскаго духовенства, дѣлали ее нисколько не похожей на дочь дьячка и возбуждали завистливыя насмѣшки сверстницъ. При жизни своей воспитательницы Катя почти не замѣчала ихъ и не обращала вниманія на косые взгляды матушекъ и дочекъ. Со смертью старухи положеніе измѣнилось. Въ первое время, Катя тоже ничего особеннаго не замѣтила; только на сороковой день при выходѣ изъ церковной ограды ее смутилъ и взволновалъ разговоръ дьяконицы и просвирни. Онѣ подошли къ ней, пособолѣзновали, попричитали, какъ приличествуетъ времени, похвалили покойницу, похвалили ея сынка и Катю, за тѣмъ дьяконица замѣтила:

— Да, Катерина Павловна, твое дѣло теперь уже и вовсе... Сирота ты, какъ есть, стала горькая, одинокая... ни родныхъ у тебя, ни кого... Кабы упокойница пожила, все бы при себѣ устроила, а теперь и—ихъ!...

— И куды теперь, и куды теперь!—вступилась просвирня.—Головушка бѣдная! И куды только теперь головушку приклонить... Ну сорокоустъ такъ, ну и порядокъ такой, ранѣе сорокоуста тоже не водится.... Сейчасъ духъ вонъ, и разбѣжались всѣ врозь,—не порядокъ. А и куды только теперь!

— Ихъ и бѣды наши, и бѣды наши,—причитала дьяконица.—Онъ, конечно, что говорить, уже человѣкъ на что луч-

ше, вотъ четвертый годъ живетъ, хоть бы слово кто худое молвилъ: а все же оно того... холостой. И, Господи, бѣды только!

— И куды ты, Катюшенька, головку свою побѣдную приклонишь?—подхватывала просвирня.

Катя въ первый разъ поняла, что ставится вопросъ о томъ, можетъ ли она по-старому жить въ домѣ Ожерельева, и вспыхнула яркимъ румянцемъ. Дьяконица значительно переглянулась съ просвирней. Катя замѣтила это и зардѣлась еще сильнѣе, изъ глазъ полились слезы; она круто повернула назадъ на церковный погостъ и съ глухимъ рыданьемъ припала къ свѣжей могилѣ. Тамъ нашла ее старая горничная покойницы и увезла домой.

Всю ночь Катя не сомкнула глазъ, тяжолая дума не давала покоя. Теперь ей ясно стало, что нельзя оставаться въ домѣ Антона Васильевича, что это было бы неприлично для нея и для него.

«Что заговорятъ, Господи, Господи! Что наплетутъ!—думала она въ тиши душной лѣтней ночи, сидя у отвореннаго окна своей комнаты.—Наплетутъ... уже плетутъ, можетъ быть. Добраго то не скоро дождемся. Дьяконица съ просвирней при мнѣ какъ переглядывались; а за глаза онѣ же первыя, Богъ знаетъ, что говорятъ и всѣ, всѣ... И правы, совершенно правы. Что я тутъ такое, при чемъ я? При холостомъ баринѣ! Агафья Самойловна, Знобиловская Ганька! Господи, что же это такое... что дѣлать мнѣ? Куда голову приклонить? «Головушка твоя побѣдная,» говорила просвирня. Побѣдная, побѣдная! Куда дѣну я эту головушку? Некуда идти мнѣ... Работать, въ поле, въ поденщину... что я умѣю?—шью плохо, чулки вяжетъ просвирня, ей отдаютъ въ родѣ милостыни. Въ горничныя идти... Господи! неужели въ услуженье, неужели ходить за барыней, раздѣвать, убирать комнату... Уходили, видѣла я; ушла въ Покровскомъ у отца дьякона дочь куда-то учиться... что вышло! Учиться, чему? Чтобы учиться, надо что-нибудь знать, нужны средства;—даромъ нигдѣ учить, кормить не станутъ. Жить своимъ трудомъ... хорошо тому, кто что-нибудь умѣетъ дѣлать, знаетъ что-нибудь. Что я знаю, что я могу? Книжки читаю, много ихъ перечитала, да развѣ это знанье, развѣ такое знанье дастъ хлѣбъ... Вонъ Лукерья идетъ съ ведрами, она идетъ коровъ доить,—она умѣетъ, а я и этого не умѣю... Марья кушанье готовитъ... Анна скликаетъ куръ... умѣетъ за птицей ходить. А я, что я умѣю, что я могу?.. Я, я даже...—Катя вздрогнула всѣмъ тѣломъ, всѣмъ

существомъ своимъ не отъ утренней свѣжести, а отъ послѣдней, оборвавшейся мысли.—Да я не знаю даже, въ силахъ ли я уйти отъ него!.. Я безумная, я гадкая, подлая!... Я себя обманываю... я все могу—и коровъ доить, и стряпать, и шить, и горничной быть не позорно, не стыдно... все могу... уйти не могу! Подлая, подлая, мерзкая! Ганька — Катька! Я.... я могу быть только Катькой! Боже мой, Боже мой! вскую мя оставилъ еси!...»

Яркая заря охватила небо, горячимъ полымемъ румянила бѣлые, неподвижные клубы облаковъ, искрилась и играла жемчужными переливами въ капляхъ росы на листахъ и травѣ, все сильнѣй разгоралась на востокѣ, выше и выше захватывала голубую лазурь лѣтняго неба, будила рабочій людъ. Погромыхивая косами, прошла бодрымъ, тяжелымъ шагомъ толпа мужиковъ и скрылась за гумномъ въ неподвижномъ морѣ склоненныхъ колосьевъ спѣлой ржи; высоко закинутыя на плечи косы сверкнули раза два подъ лучами зари и тоже утонули въ этомъ морѣ; за ними въ разбродъ и артелями спѣшили на работу жницы, треща безтолковымъ говоромъ и бездѣльной перебранкой; у конюшни заржала осѣдланная лошадь, кучеръ повелъ ее на водопой; испуганная насѣдка сзывала свой выводокъ и бѣжала съ громкимъ кудахтаньемъ въ кусты крапивы; изъ скотнаго двора поднялся ястребъ, неспѣшно покачиваясь на неподвижныхъ крыльяхъ и высматривая добычу; съ поселка несся шумъ и топотъ стада, хлопанье пастушечьяго кнута, крики ребятъ, выгоняющихъ скотину; въ саду заливались пташки, привѣтствуя готовое появиться солнце; стая воронъ пролетѣла надъ дворомъ и исчезла въ лучахъ красной зари; за кухней увѣсисто тяпалъ топоръ. Вставалъ день, оживала природа, просыпалась мать—земля, кормилица, поднимался человѣкъ и съ нимъ его вѣчная забота, вѣчная борьба съ этой природой, непрестанный трудъ созиданья и разрушенья.

— Катя, вы уже встали?—раздался близко, у самаго окна голосъ Ожерельева.

Со смерти матери онъ пересталъ говорить ей ты и незамѣтно перешолъ на вы. Катя только теперь сообразила это и поняла.

— Я.... не ложилась.

— Всю ночь не спали. Что съ вами? Вы блѣдны, нездоровы Катя?—заботливо спрашивалъ онъ, облокачиваясь на подоконникъ.

— Нѣтъ, я здорова. Только.... Антонъ Васильевичъ, мнѣ надо поговорить съ вами....

У нея оборвался голосъ.

— Говорите, Катя, или зайти къ вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Вонъ вамъ ведутъ лошадь ѣхать въ поле, берите ее и идите мимо сада, я догоню васъ.

Катя накинула на голову платокъ и выбѣжала изъ комнаты.

«Да, это всего лучше, проще, честнѣе.... все, все скажу ему.... Онъ не любитъ.... если не любитъ, не сдѣлаетъ нечестнаго дѣла.... а если.... нѣтъ, нѣтъ, я знаю вѣрно, не любитъ! Но, Господи Боже мой! Если даже любитъ....—Катя схватилась за сердце, безъ удержу прыгавшее въ ея молодой груди.—Если любитъ, тогда что? Тогда еще хуже, тогда не миновать, не миновать!...»

Такъ думала Катя, такъ проносились въ ея головѣ безсвязные обрывки мысли.

На границѣ ржанаго и яроваго полей ее ждалъ Ожерельевъ. Хлыстъ, сѣрая шляпа и поводъ были зажаты въ лѣвой рукѣ, правой онъ проводилъ по своимъ густымъ, рыжимъ волосамъ, какъ жаръ горѣвшимъ подъ первымъ лучомъ встающаго солнца. Онъ тоже думалъ о Катѣ, задавалъ себѣ вопросъ, о чемъ она хочетъ говорить съ нимъ, зачѣмъ не стала говорить тамъ, въ домѣ, а убѣжала въ поле. «Не спроста это,—думалъ онъ.—Навѣрное станетъ говорить о себѣ, о своемъ положеньи въ моемъ домѣ. Да, положенье странное... Мнѣ уже намекали и Знобиловъ, и Анна Михайловна, даже этотъ.... Трипольцевъ; даже этому франту до меня, до нея дѣло.... Всѣмъ дѣло, хорошимъ и дурнымъ, всѣмъ нужно знать что-то тамъ, гдѣ и знать ровно нечего.... Жила тутъ Катя при матери, что же измѣнилось? Старушки моей хорошей нѣтъ; это—наше горе, наше несчастье, общее, мое и Катино. Мы вмѣстѣ плакали надъ ней. Катя, какъ дитя, рыдала, припавши къ моей груди, обвиваясь вокругъ моей шеи руками, прижимаясь ко мнѣ, какъ сестра къ брату....— Мысль Ожерельева вдругъ метнулась куда-то въ сторону,— ей не понравилось это сравненье.—Какъ сестра.... почему непремѣнно сестра? А тамъ, тогда на балконѣ, что такое было? А послѣ, почему при воспоминаньи о Жени всегда неуклонно являлся на смѣну образъ Кати то веселый, то грустный, но всегда прелестный?... О чемъ она будетъ говорить? Что, если она скажетъ тоже, что всѣ, что ей нельзя жить здѣсь, что она должна уйти? Куда пойдетъ она? Возможно ли отпустить ее на всѣ четыре

стороны, на произволъ всѣхъ жизненныхъ случайностей... свой хлѣбъ, свой трудъ! Легко сказать! Знаю я, что такое этотъ трудъ, знаю, какъ достается, чего стоитъ этотъ хлѣбъ. Интересна, поучительна была бы статистика этого труда; — какой процентъ уносится чахоткой, тифомъ, голоднымъ и подвальнымъ тифомъ, простудой, разными анеміями, самоубійствомъ и, наконецъ... наконецъ, паденьемъ,—физическимъ—голоднымъ паденьемъ, или роскошью и нравственной гибелью, и какой процентъ выходитъ побѣдителемъ? Побѣдителемъ ли еще? Побѣда ли превратиться изъ работницы въ хозяйку, изъ стригомыхъ въ стригущихъ? Горе побѣжденнымъ и побѣдителямъ горе!

Изъ-за горизонта вырвался лучъ восходящаго солнца, волшебный, дивный лучъ! За нимъ еще и еще, и полными волнами полились потоки ослѣпительнаго свѣта, разгоняя на землѣ послѣднія тѣни, остатки ночнаго мрака. Ожерельевъ взглянулъ навстрѣчу восходящему солнцу, и въ его головѣ зажогся лучъ животворнаго свѣта. «Горе побѣдителямъ, одержавшимъ побѣду неправдой!... Но есть же свѣтъ и правда на землѣ, есть торжествующій свѣтъ, торжествующая правда!» выговорилъ онъ вслухъ.

Вся облитая золотыми лучами, между темной листвой сирени встала передъ нимъ на валу садовой канавы запыхавшаяся Катя.

— Перепрыгнешь, Катя?—невзначай проговорилъ Ожерельевъ, забывая говорить ей «вы».

Она смѣло и легко перескочила черезъ канаву и обѣими руками схватила протянутую ей руку.

— Антонъ Васильевичъ! — Ея ясный довѣрчивый взглядъ близко сверкнулъ передъ молодымъ человѣкомъ.

— Антонъ Васильевичъ, что мнѣ дѣлать? Уходить?..

— Нѣтъ, Катя, оставайся... Я не хочу, чтобы ты уходила, я не могу... я не отпущу тебя.

— Такъ правда? И вы...—Она крѣпко сжала на мгновенье его руку, потомъ быстро отвернулась, перебѣжала канаву и исчезла въ кустахъ сирени.

— Я люблю тебя, Катя!—крикнулъ ей вслѣдъ Ожерельевъ.

Выше и выше всплывалъ надъ землею шаръ, источникъ свѣта. День окончательно торжествовалъ побѣду надъ мракомъ, веселый день, счастливый, ясный день, день труда, день тяжолой деревенской страды. Звенитъ коса, подрѣзывая крупные стебли спѣлой ржи; гнется крюкъ и ровнымъ рядомъ кладетъ ихъ колосомъ вверхъ на гребешокъ подрядья: ея звуку вторитъ мѣр-

ный вздохъ широкой груди. Капли росы исчезаютъ на жнивѣ и уносятся въ пространство, подхваченныя лучами солнца; имъ на смѣну со лба косца, перевязаннаго вѣнкомъ соломы, катится другая роса, роса великаго труда. За плотной стѣной хлѣба слышится лихорадочный хрускъ серповъ; высоко надъ колосьями взмахиваются горсти срѣзанной ржи, слышится частое дыханье согнутыхъ надъ жнивомъ женщинъ; ихъ спины тоже увлажились, липнутъ къ тѣлу бѣлыя рубахи, съ загорѣлыхъ лицъ также падаютъ капли пота и орошаютъ родную землю. На межникѣ подъ треногой въ люлькѣ кричитъ ребенокъ; мать слышитъ крикъ его, она знаетъ, чего проситъ дитя, ей сердце сказываетъ, — нѣтъ, не одно сердце, ея полная грудь говоритъ, громче сердца, привыкшаго къ отказу, взросшаго на лишеніяхъ; ей некогда оторваться отъ недожатой полосы, до завтрака недолго осталось, потерпитъ мальчонка, потерпитъ ноющая грудь, надо хрестецъ дожать; сквозь распахнувшуюся рубашку вмѣстѣ съ потомъ бѣжитъ и пропадаетъ въ жнивѣ святая влага матери. Спѣшно идетъ работа, не до усталости, не до себя, не до дѣтей,—день годъ кормитъ,—ведро послалъ Господь, рожь спѣла и наливна, снопы не подъемные, того гляди, потечетъ она—матушка. Гнутся, трещатъ русскія спины, тупо, безъ мысли смотрятъ воспаленные глаза на примелькавшіеся золотистые стебли, мокнутъ и высыхаютъ на солнцѣ рубахи; а поле голѣетъ, снопы становятся безпорядочными толпами по жнивамъ, сложатся они въ копны, порадуютъ сердце хозяина, и изъ усталыхъ грудей загремитъ по вечерней зарѣ родимая пѣсня.

VIII.

Прошло пять лѣтъ. Было хмурое декабрьское утро. Въ роскошномъ кабинетѣ передъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ Трипольцевъ. На немъ былъ теперь не блестящій гусарскій мундиръ, а болѣе скромный; но онъ также ловко и красиво обхватывалъ его стройную фигуру. Владиміръ Андреевичъ измѣнился мало; по-прежнему его щеки дышали румянцемъ, по-прежнему безукоризненно торчали шильца черныхъ усовъ, темные глаза быстро и зорко всматривались, бойко перебѣгали съ одного предмета на другой, искрились, прятались и опять сверкали, на лбу появились легкія черточки, зародыши будущихъ морщинъ, насмѣшливо-презрительная улыбка сдѣлалась немного рѣзче, наглѣе, появлялась чаще, вся фигура дышала

силой и энергіей. Трипольцевъ былъ все тѣмъ же красавцемъ, что пять лѣтъ тому назадъ. Передъ нимъ на столѣ лежало только что полученное и уже прочитанное письмо. Онъ нагнулся и перечиталъ фразу: «къ 20 декабря благоволите уплатить по закладной 4,000 руб., такъ какъ долѣе ждать для меня невозможно въ виду, вѣроятно, извѣстной вамъ публикаціи о продажѣ съ торговъ имѣнья вашей супруги за долгъ банку. Обращаюсь къ вамъ, дабы не безпокоить и не тревожить напрасно Евгенію Александровну.

— Ишь-ты, какая деликатность! — злобно выговорилъ Трипольцевъ. —Скотина! Прихватилъ, какъ ужа вилами, да еще деликатничаетъ. «Въ виду, вѣроятно, извѣстной вамъ публикаціи»... Чертъ бы ихъ взялъ! Очень извѣстной, кажется, всему міру извѣстной... Всѣ поднялись, проклятые! Даже каналья Знобиловъ и тотъ за своихъ клячъ требуетъ... денегъ-то много, какихъ-то 350 рублей,—держи карманъ! Тьфу, дьявольщина какая! Тамъ продажа еще въ апрѣлѣ, а эти гады уже всѣ полѣзли... У, жизнь поганая!..

Трипольцевъ захватилъ лобъ холодными пальцами и задумался. Кто-то тихо постучался въ дверь.

— Кто тамъ?—нетерпѣливо спросилъ хозяинъ.

— Макаръ Ивановичъ,—отозвался голосъ.

— Войдите.

Трипольцевъ смялъ письмо и сунулъ его въ карманъ. Въ комнату вошелъ Макаръ Ивановичъ Крючниковъ, комерсантъ, изъ власть имѣющихъ, худой, длинный человѣкъ съ ястребинымъ носомъ, тонкими, синеватыми губами, хищными свѣтлыми зрачками и чисто выбритымъ, желтоватымъ, морщинистымъ лицомъ.

— Здраствуйте, Владиміръ Андреевичъ, — заговорилъ онъ сладчайшимъ голосомъ съ наилюбезнѣйшей гримасой, долженствовавшей изобразить улыбку.—Здоровьице ваше-съ? Евгенія Александровна, дѣтки-съ, все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Садитесь, Макаръ Ивановичъ, что хорошенькаго скажете?—спросилъ Трипольцевъ и ногой подвинулъ гостю кресло у стола.

— Что хорошенькаго-съ. Хорошенькаго маловато-съ, а нехорошенькаго сколько хочешь.

— Старая пѣсня; нельзя-ли повеселѣе спѣть?

— Докудова веселаго не предвидится; нѣшто вы разскажете, а у насъ не слыхать. Вотъ, ночью, отъ сына Ивана нароч-

ный пріѣхалъ; пишетъ, въ субботу, либо въ воскресенье голова вернется... Чаяли его продержать до послѣ Крещенья, анъ вотъ онъ ѣдетъ... Сами изволите знать, теперича въ банкъ хоть не суйся, одинъ конфузъ будетъ. Послѣ новаго года все-бы какъ-ни-какъ обдѣлали, а теперь и ходить нечего. А уже вамъ извѣстно, какой онъ аспидъ, только и ждетъ, только и ждетъ...

— Гмъ! Въ воскресенье,—проговорилъ Трипольцевъ сквозь стиснутые зубы.—Надо достать и вложить, а то.... сколько ихъ тамъ?

— Да не Богъ вѣсть сколько, 1,650 всего-то... а гдѣ ихъ теперь возьмешь. Наше мѣсто какое.

— Гдѣ, гдѣ?.. Въ воскресенье... пять дней... — Трипольцевъ всталъ и заходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

— А можетъ, въ субботу,—договорилъ Крючниковъ.

— Да, въ субботу... — машинально повторилъ Владиміръ Андреевичъ; по голосу замѣтно было, что онъ не слыхалъ даже словъ гостя,—усиленная дума работала въ его головѣ. Макаръ Ивановичъ тоже задумался.

— Владиміръ Андреевичъ,—нерѣшительно началъ онъ послѣ недолгой паузы.

— Ну-съ.

— Оно бы можно и довольно, то есть, просто...

— Это какъ-же?

Трипольцевъ остановился среди комнаты.

— Да по вашему положенью только слово скажите... наши всѣ не только чтобы пикнуть, а даже съ особеннымъ удовольствіемъ... Вамъ самимъ и надобности нѣтъ... Помилуйте-съ, что вы за господинъ такой! Былъ у насъ, изволите знать, Сергѣй Сергѣевичъ, такъ очень просто—только въ залѣ столикъ отодвинуть, а тамъ уже всякій свое дѣло знаетъ... Такъ состоянье хорошее нажилъ, да и пожилъ, можно сказать. У васъ, Владиміръ Андреевичъ, тоже семейство, супруга, двое дѣтокъ... надо подумать. А дѣла-то ваши, извините-съ, тонки, тонки,—тоньше волоса дѣвичьяго...

— Такъ, по-вашему, мнѣ тренницами собирать? Брать взятки

— Помилуйте-съ, какія же это взятки? Усердіе-съ....

— Эхъ, вы!... Знаете Сквозника-Дмухановскаго, какъ онъ звалъ вашу братію?

— Это все равно-съ, какъ ни зови—только хлѣбомъ корми.

— И зуботычинами, только взятки бери?

— Нѣтъ-съ, зуботычины можно отложить по нынѣшнему времени; а на счетъ....

— Вотъ что, Макаръ Ивановичъ, салотопня-то у васъ сгорѣла?—зорко глядя прямо въ глаза Крючникову, проговорилъ Трипольцевъ не то насмѣшливо, не то грозно.

— Салотопня.... что же салотопня.... и сгорѣла. Что же, что̀.... комерсантъ поперхнулся и закашлялся.

— То-то, я ничего. Къ слову пришлось.

— Къ какому же это такому слову-съ?—заговорилъ Макаръ Ивановичъ, быстро преодолѣвая волненье.—Никакихъ такихъ словъ говорено, кажется, не было.

— Все равно, можетъ быть, говорено. Вотъ теперь стоитъ мнѣ сказать слово, и я думать забуду и о субботѣ, и о воскресеньи, а думать станете вы. Поняли вы меня?

Макара Ивановича бросило въ жаръ, потомъ въ холодъ, крупныя капли пота проступили на его морщинистомъ лицѣ.

— Владиміръ Андреевичъ, помилосердуйте!—жалобно завопилъ комерсантъ.—Что же это такое-съ! Я всегда, то-есть, все, все для васъ готовъ.... Вѣдь, она и застрахована-то была всего....

— Къ завтраму, слышишь, къ завтраму, а не къ субботѣ чтобы были,—грозно говорилъ Трипольцевъ наступая на гостя.

— Батюшка, Владиміръ Андреевичъ! Гдѣ же я.... вамъ извѣстно все, и безъ того только слава, что человѣкъ.... чуть не плакалъ Крючниковъ.

Трипольцевъ расхохотался.

— То-то, Макаръ Ивановичъ, ты меня трешницами-то не угощай. Если бы я захотѣлъ объ васъ руки марать, я бы могъ брать не мелкой монетой. Ты вотъ сказалъ, что мои дѣла плохи. Твои-то, Макаръ Ивановичъ, хороши, не нынче—завтра лавки запечатаютъ. Теперь уже не съ тебя брать, а тебя по пріятельски выручать надо. Хочешь выручу, разомъ все смахну и напередъ хватитъ. Что скажешь?

— Шутникъ вы, Владиміръ Андреевичъ, вотъ что̀! Душа у васъ веселая. Другой бы при вашихъ обстоятельствахъ голову повѣсилъ, а вы еще потѣшаетесь да посмѣиваетесь.

— Это потому, что всѣ вы очень забавны съ вашимъ нытьемъ. Однако время проводить нечего. Слушай, Макаръ Ивановичъ, чтобы было схоронено, какъ въ могилѣ, а не то помни салотопню....

— Повѣрьте, Владиміръ Андреевичъ....

— Ладно, ладно. Къ семи часамъ вечера залучи къ себѣ, какъ

бы невзначай,—понимаешь, чтобы догадаться никто не могъ,— во-первыхъ Степана Бодряшкина, подпой его до втораго взвода.... всего лучше разыщи его сейчасъ, напой за завтракомъ, напой за обѣдомъ, а къ вечеру я подъѣду, и самъ его настрою, какъ нужно. Еще забери.... кого бы понадежнѣе?—раздумывалъ Трипольцевъ.

— Да кого, Лышника Ѳедота. Малый ухачъ и точно что могила.

— Пожалуй, Ѳедота. Этотъ подходящій.... третій ты. Ничего, сойдетъ.... И жди меня въ семь или въ восемь Теперь прощай, за дѣло нужно приниматься.

— А какое же это дѣло-то будетъ, Владиміръ Андреевичъ?

— Изволь, скажу. Не струсишь? Хочу съ вами троими казначейство ограбить. Нравится это тебѣ?

— Охъ, шутникъ ты, баринъ, все бы тебѣ смѣшки одни.... Тамъ солдатъ съ ружьемъ ходитъ, штыкомъ заколетъ.

— Ну, прощай, прощай, Макаръ Ивановичъ! На разбой и ты съ голыми руками не пойдешь.

Трипольцевъ выпроводилъ гостя, прошелся еще нѣсколько разъ по комнатѣ, провелъ рукой по лбу, потомъ рѣшительно махнулъ рукой, подошелъ къ конторкѣ, досталъ бланкъ и, захвативши голову обѣими руками крѣпко, мучительно задумался.

— Э, да не все ли равно,—нервно и громко проговорилъ онъ.—Не все ли равно, что сума, что тюрьма. А мнѣ теперь и сума и тюрьма вмѣстѣ.... выхода нѣтъ, все равно. Удастся-панъ, не удастся.... револьверъ, и все кончено.

Онъ встряхнулъ головой, твердой рукой взялъ перо и четкимъ, красивымъ почеркомъ написалъ на верху листа: «совершенно секретно».

IX.

Въ маленькой столовой предъ самоваромъ сидѣла Евгенія Александровна. За пять лѣтъ замужества она очень измѣнилась. Лицо изъ полнаго и круглаго сдѣлалось худымъ, нѣсколько продолговатымъ; темные глаза смотрѣли также мягко, какъ прежде, но теперь они были задумчивы, грустны; также мила и кротка была ея улыбка; только рѣдко слышался звонкій смѣхъ, невесело глядѣла эта улыбка; голубоватыя жилки на вискахъ и на рукахъ, нѣжный румянецъ, особеннаго, болѣзненнаго колорита, указывали на ея некрѣпкое здоровье. Она стала выше ростомъ,

худѣе, но была все также стройна и граціозна, также мила и симпатична и сдѣлалась лучше, почти красавицей той странной красотой, въ которой сила, здоровье и свѣжесть не играютъ никакой роли, а вся прелесть заключается въ нѣжности и прозрачности, въ тонкости и хрупкости. Она не была больна, не была даже болѣзненна, но и давно уже не была по-настоящему здорова. Сжигавшій ее недугъ былъ чисто психическій, — потеря вѣры,—потеря вѣры въ мужа и... въ себя. Съ первыхъ мѣсяцевъ замужества она начала разочаровываться въ своемъ Владимірѣ и скоро поняла, что онъ далеко не то совершенство, какимъ она представляла его себѣ въ своемъ влюбленномъ воображеньи; его постоянная фальшь, похвальба собой, ею, несуществующимъ богатствомъ, беззастѣнчивая ложь всѣмъ и всегда, мучали, волновали ее, вызывали съ ея стороны нерѣдко страстные протесты, никогда ни къ чему не приводившіе, поднимали все ея негодованье, презрѣнье къ мужу, отвращенье отъ этой въ конецъ испорченной личности, какъ ей это казалось въ минуты раздраженья. Но стоило только подойти къ ней Владиміру, красивому, стройному, беззаботно-веселому, съ блестящимъ взглядомъ, полнымъ ласки, стоило взять ее за руку и сказать нѣсколько словъ любви, и раздраженья какъ не бывало; она опять любила его, опять нѣжно припадала къ его груди, обвивалась вокругъ него руками.... Ей опять было хорошо и покойно; все забывалось, всему находилась причина и извиненье; лучше, краше и милѣе Владиміра никого не было. Уходилъ Владиміръ, и въ ея сердцѣ поднималось новое чувство, жгучее, мучительное, безобразное и безотчетное чувство презрѣнья къ себѣ. Изнывала и болѣла ея чистая, правдивая душа, страдалъ ея умъ, воспитанный на идеалахъ нравственной красоты, смущался и отступалъ въ страхѣ передъ анализомъ собственнаго чувства, путался въ изворотахъ самооправданья и доходилъ до самообмана, до внутренней лжи. Жени со стономъ хваталась за голову, бросалась, куда попало, за что попало, чтобы уйти отъ самой себя, чаще всего бѣжала къ дѣтямъ. Они сдѣлались ея спасеньемъ и надеждой. Въ нихъ думала она вдохнуть свои идеалы, въ ихъ дѣтскихъ душахъ зажечь святое пламя всеобъемлющей любви къ Богу и ближнему, воспитать чувства долга, чести и добра. Пять лѣтъ такой жизни, такихъ душевныхъ терзаній сдѣлали Жени хилой, измученной, безъ болѣзни больной.

За чайнымъ столомъ по обѣ стороны Жени сидѣли два ея сына, старшій Андрюша четырехъ лѣтъ и меньшой Саша трехъ; они

были похожи другъ на друга, какъ близнецы, и на отца, какъ фотографіи его дѣтства. Чай разливала ихъ бонна Эмма Карловна, молоденькая нѣмочка съ херувимскимъ личикомъ, съ вѣчно удивленнымъ взглядомъ свѣтло-голубыхъ глазъ и нероскошнымъ запасомъ свѣтло-чухонскихъ волосъ. Всѣ пили чай молча, хозяйка была не въ духѣ; ее разстроило только что полученное письмо отъ Наташи изъ Петербурга. Невеселое это было письмо. Сбылись всѣ мечты красавицы Наташи, сбылись, какъ въ сказкѣ сказывается, — знатность, почести, богатство, роскошь, все о чемъ когда-то грезило полудѣтское воображенье, все имѣла она теперь въ замужествѣ за графомъ de la Tour-Tonnante, — не имѣла только счастья. Ничего особеннаго въ письмѣ не было; мужъ, какъ мужъ, не хуже и не лучше всей толпы графовъ и князей, не молодъ и не старъ, считается всѣми за недюжиннаго. умнаго человѣка, занимаетъ видное мѣсто, бойко и вѣрно дѣлаетъ блестящую дипломатическую карьеру, безукоризненно приличенъ съ Наташей, всегда веселъ, безконечно остроуменъ, всегда доволенъ собой, своей прелестной, отлично дрессированной женой; — въ четыре года супружества ему рѣдко приходилось давать ей кое-какія указанія и то легкимъ, шутливымъ намекомъ, — дочь Лидіи Аркадіевны чутьемъ все угадывала, породистымъ инстинктомъ попадала въ настоящій тонъ и мѣру. Повидимому, все обстояло, какъ нельзя лучше; а между тѣмъ сквозь каждую строчку письма проглядывало такое отчаяніе, что Жени страшно становилось за любимую подругу дѣтства. Низко опустила она голову и задумалась. Въ комнату вошелъ Трипольцевъ. Дѣти бросились ему на встрѣчу. Однимъ ловкимъ движеніемъ онъ подхватилъ ихъ обоихъ подъ мышки и подошелъ къ женѣ. Мальчуганы взвизгнули и залились звонкимъ смѣхомъ, имъ вторила Эмма, давно скучавшая молчаніемъ.

— Что ты, Женичка, нездорова или не въ духѣ?—заботливо спросилъ Трипольцевъ, сваливая Сашу на колѣни матери и поднимая рукой голову жены для поцѣлуя.

— Скорѣе не въ духѣ. Володя. Я получила грустное письмо отъ Наташи. Вотъ на, прочти.

— Freulein Emma, ich bitte um ein Schnäpschen и закусить. Давай письмо! Странные люди,—говорилъ Трипольцевъ, усаживаясь къ столу рядомъ съ женой. —Ея сіятельство тоже грустныя посланья пишетъ. Ей-то грустить! Я бы на ея мѣстѣ иначе всю жизнь не ходилъ, какъ колесомъ; — деньжищъ дею, въ нашъ соляной магазинъ не покладешь, живетъ, какъ

царица Савская, чего не достало? Что же послѣ этого намъ-то, горемыкамъ, остается?—Повѣсить на шею жерновъ осельный да и бултыхнуть.

— Въ деньгахъ ли счастье, Володя?

— Не въ деньгахъ счастье, это извѣстно. На святки намъ эту истину хотятъ доказывать любители. Слышала? за Островскаго принимаются, умора будетъ.

Трипольцевъ пробѣгалъ глазами мелко исписанный листокъ.

— Ровно ничего тутъ нѣтъ ни ужаснаго, ни необыкновеннаго,— сказалъ онъ, возвращая недочитанное письмо.—Вы съ Анной Михайловной всегда видите что-то такое таинственное тамъ, гдѣ въ сущности ничего нѣтъ. Наталья Петровна счастливѣйшая женщина. Конечно, ея графъ де ла Туртерель можетъ быть отличнымъ дипломатомъ, но.... для молодой женщины, въ особенности для такой, какъ Natalie, нужна не одна дипломатія, а кое-что, кое-что.... Впрочемъ....

Легкая краска и укоризненный взглядъ жены остановили Трипольцева.

— Впрочемъ, впрочемъ и такъ далѣе. Ты поняла. Бѣдъ я никакихъ не вижу и отъ этихъ «*впрочемъ*» тоже не предвижу. Natalie очень умная женщина, и я убѣжденъ въ ненарушимости счастья ея Туртереля. Не въ томъ дѣло, Женичка! Хочешь сегодня поѣхать въ Боровое?

— Въ Боровое, къ maman?... конечно, хочу. Развѣ что случилось?

— Ничего ровно. Я получилъ сегодня письмо отъ Знобилова; старуха хандритъ, скучаетъ и, по обыкновенію, воображаетъ, что больна....

— Володя, Бога ради, скажи правду,—умоляю тебя,—больна maman?

— Да нѣтъ же, честное слово! Онъ такъ и пишетъ—хандритъ. Ты развѣ ее не знаешь?

— Покажи мнѣ письмо, Володя.

— Я изорвалъ его, разозлился. Онъ тамъ опять о своихъ клячахъ напоминаетъ. Клянусь тебѣ, нѣтъ ничего особеннаго. Ну, развѣ я не сказалъ бы.

— Я поѣду, Володя, сейчасъ. Еще не опоздаю, только одинадцать, поѣздъ отходитъ въ двѣнадцать.

— Увѣряю тебя, нѣтъ ничего. Если бы что было, я гораздо раньше сказалъ бы тебѣ. Теперь навѣрное опоздаешь, поѣздъ уходитъ въ половинѣ двѣнадцатаго. Поѣзжай вечеромъ, въ часъ

отходитъ, по утру будешь въ Боровомъ. А теперь съѣзди къ Варварѣ Ивановнѣ, она завтра имянинница, извинись, что не будешь, объясни, что должна ѣхать къ maman. Сдѣлай это, Женичка.

— Ахъ, Володя, съ какой стати я поѣду къ ней извиняться?! Ты завтра будешь и объяснишь тамъ все.

— Жени, я прошу тебя, милая, съѣзди. Чего тебѣ стоитъ? Старуха будетъ въ восторгѣ, завтра всѣмъ и каждому разскажетъ, что Евгенія Александровна пріѣзжала, молъ, вчера и такъ далѣе, воспоетъ тебѣ хвалебный гимнъ. Уважь старуху для меня, Женичка.

— На что мнѣ нуженъ ея гимнъ? На что все это?

— Милая моя, съ людьми жить—по волчьи выть. Я прошу тебя, мнѣ нужно такъ, Женичка.

Онъ нѣжно заглянулъ ей въ глаза, погладилъ ея волосы и поцѣловалъ въ лобъ. Противъ этого Жени не могла устоять и черезъ часъ поѣхала къ старухѣ, не смотря на поднимавшуюся мятель.

Отъ Варвары Ивановны она заѣхала къ доктору и предупредила его о болѣзни Анны Михайловны, прося немедленно по полученьи телеграммы ѣхать, хотя бы съ товарнымъ поѣздомъ; домой вернулась только къ обѣду и не застала мужа: онъ по дѣламъ былъ въ городѣ и приказалъ сказать, что не вернется до поздней ночи, быть можетъ до утра.

Пробило 11 часовъ. Трипольцевъ не возвращался. Чемоданъ и сакъ-вояжъ Жени давно были уложены; сама она то вставала и ходила, нетерпѣливо поглядывая на часы, то садилась и напряженно прислушивалась къ каждому шуму, къ каждому шороху, ожидая возвращенья мужа. Въ домѣ было пусто; Эмма и дѣти давно спали; прислуга ушла ужинать внизъ въ кухню. Все было тихо; только на улицѣ завывалъ вѣтеръ и шуршалъ по окнамъ поднятой мятелью. Евгенія Александровна рѣшилась, наконецъ, ѣхать, не дождавшись мужа и пошла въ дѣвичью, чтобы дернуть звонокъ, проведенный въ кухню; на порогѣ гостиной она вскрикнула отъ удивленья и неожиданности: передъ ней стоялъ Владиміръ въ фуражкѣ и шинели.

— Тише, не кричи,—шепотомъ проговорилъ онъ и не раздѣваясь вошелъ въ ея комнату.

— Володя, что съ тобой?—встревоженно спрашивала Жени, увидавши блѣдное лицо мужа, его посинѣвшія губы, его стран-

ный взглядъ.—Володя, милый, что случилось? Ради Бога, говори скорѣй...

— Сакъ-вояжъ... скорѣй давай сакъ-вояжъ.—Онъ плотно притворилъ дверь.—Люди гдѣ? Внизу ужинаютъ?... Жени, да давай же скорѣй!

Онъ осмотрѣлъ комнату, увидалъ у стола кожаный еще не запертой сакъ, быстро подошелъ къ нему, присѣлъ на корточки и началъ безъ разбору все изъ него выкидывать, платки, кофточки, полотенца, коробочки и пр.

— Володя, Володя! да скажи мнѣ, наконецъ, что съ тобой, милый мой? Господи, что же это такое!

— Ничего, ничего, Жени... Видишь ли, нужно такъ.... скорѣй.... чтобы никто не видалъ.... не засталъ....

Онъ оглянулся еще разъ кругомъ; кромѣ блѣдной, трепещущей отъ волненья и страха Жени никого не было; въ домѣ не слышалось ни одного звука. Трипольцевъ вынулъ изъ-подъ шинели связанный узломъ платокъ и дрожащими руками развязалъ его. Передъ изумленной и еще болѣе испуганной женщиной упали на коверъ толстыя пачки ассигнацій, перевязанныя бичевками.

— Володя! Деньги!...

— Да, да, Женичка....—Онъ спѣшно началъ совать пачку за пачкой на дно опорожненнаго сакъ-вояжа. — Да, деньги.... Ха-ха-ха, деньги и довольно таки.... Теперь, теперь мы будемъ богаты, будемъ счастливы.... Не въ деньгахъ счастье! Какъ-же! не въ деньгахъ!... Жени, помогай, помогай скорѣй! Каждая минута дорога.

Евгенія Александровна машинально опустилась на колѣни, взяла въ руки пачку грязноватыхъ ассигнацій и начала ее разсматривать, не видя ни мужа, ни денегъ, ни раскрытаго сака, не сознавая даже ясно, что такое передъ ней происходитъ. Между тѣмъ, всѣ пачки были уложены; Трипольцевъ взялъ послѣднюю изъ рукъ жены, сунулъ ее въ сакъ, потомъ безъ разбора, комкая кучей глаженное и гофрированное, заколачивая и уминая кулаками, уложилъ все выкинутое изъ мѣшка.

— Ключъ, Жени.

Она подала ключъ; замокъ щолкнулъ. Трипольцевъ поднялся и шумно вздохнулъ. Жени продолжала сидѣть на полу.

— Жени,—позвалъ онъ жену, поднимая ее за руки.—Теперь взгляни, нѣтъ ли кого въ комнатахъ. Если тамъ кто-нибудь есть, вышли, пошли сказать, чтобы запрягали тебѣ лошадь, а

меня проводи черезъ парадный подъѣздъ. Нужно, чтобы ни одна душа въ мірѣ не знала, что я заѣзжалъ домой. Понимаешь?

— Володя, чьи это деньги?

— Женичка, не время теперь. Послѣ, послѣ все разскажу...

— Но вѣдь это чужія.... Ты ихъ взялъ.... зачѣмъ?

— Жени, ты погубить насъ хочешь что-ли? — Дрожа отъ волненья шепталъ Трипольцевъ. — Неужели ты не понимаешь, что стоитъ только, чтобы меня здѣсь застали кто-нибудь, лакей, горничная.... и мнѣ остается только одно, вотъ это.—Онъ выдвинулъ изъ кармана ручку револьвера.

Жени вздрогнула.

— Пойдемъ,—глухо сказала она и вышла изъ комнаты.

Крадясь и прислушиваясь, опережая жену, почти выбѣжалъ Трипольцевъ въ прихожую, безшумно отворилъ дверь, сбѣжалъ съ лѣстницы и отперъ подъѣздъ.

— Женичка, поѣзжай сейчасъ въ Боровое, увози сакъ-вояжъ и помни, никто въ мірѣ, ни Анна Михайловна.... никто не долженъ знать.... иначе я погибъ, всѣ мы погибли, и ты и дѣти....

— Ты укралъ!—отчетливо выговорила Жени.

— Отъ тебя зависитъ спасти, сдѣлать счастливыми или всѣхъ погубить....

Трипольцевъ сбѣжалъ съ подъѣзда, сѣлъ въ ожидавшіе его сани и исчезъ въ снѣжномъ туманѣ бушующей вьюги. Жени безъ чувствъ упала передъ раскрытой на улицу дверью.

X.

Судорожной дробью прозвонилъ колоколъ, смолкъ, потомъ ударилъ разъ, два, опять смолкъ;—второй звонокъ. Задыхаясь, едва держась на ногахъ прошла Евгенія Александровна опустѣвшій воксалъ и вышла на платформу.

— Вамъ первый классъ? Пожалуйте,—встрѣтилъ её знакомый оберъ-кондукторъ.

— Да, билетъ тамъ, я человѣку приказала; принесите пожалуйста. Есть купе?

— Пожалуйте, купе есть. Вы въ Боровое, Евгенія Александровна? Теперь извините, я приду сдвинуть вамъ кресла. Какая погода,—говорилъ оберъ-кондукторъ, помогая Трипольцевой взобраться на неуклюжія подножки вагона.—Позвольте вашъ сакъ-вояжъ, я внесу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!... Благодарю.

Жени вскарабкалась въ узкій коридорчикъ, волоча непривычной, усталой рукой свою ношу, съ которой не смѣла разстаться.

— А, Евгенія Александровна,—раскланивался съ ней въ вагонѣ военный врачъ.—Куда это вы—въ такую погоду? Въ Боровое? Я сегодня слышалъ въ городѣ, что Анна Михайловна нездорова; что съ ней? Надѣюсь, нѣтъ ничего опаснаго?

— Не знаю, Иванъ Ивановичъ. Мнѣ мужъ сказалъ, ему писали.

— Боже мой, да что съ вами? Вы сами больнѣй больнаго. Дайте пульсъ.—Докторъ, почти насильно, взялъ ея руку.—Ну, можно ли быть такой нервной! Вы едва дышете, едва на ногахъ стоите. Садитесь, я сейчасъ принесу вамъ лѣкарство.

Докторъ вышелъ. Жени безсильно опустилась въ кресло; круглый колпакъ свѣчи, золоченыя багеты, дверь, окно, бѣлая обивка вагона, зеленый бархатъ креселъ проносились передъ ней въ какомъ-то дикомъ вихрѣ, голова ея кружилась, ноги и руки отказывались повиноваться, обморокъ готовъ былъ повториться. На платформѣ слышался говоръ, суета, топотъ пробѣгающихъ людей, хлопанье дверей, завыванье вѣтра. Прогремѣлъ багажный вагончикъ, прозвонилъ третій звонокъ, раздался свистокъ кондуктора, свистъ локомотива, заскрипѣли колеса, громыхнули буфера, поѣздъ тронулся.

— Евгенія Александровна, выпейте,—говорилъ докторъ.

Жени взяла рюмку и выпила ее до дна, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ. Какой-то огонь пробѣжалъ по ея горлу, захватилъ на мгновенье дыханіе и разлился по всему тѣлу.

— Что это? Чего вы мнѣ дали?—приходя въ себя спросила Трипольцева.

— Портвейнъ. Что, хорошо? Все пройдетъ. Ложитесь, успокойтесь и спите. Въ Коневѣ я васъ разбужу. Экая вы нервная! Если нужно будетъ, постучите вотъ тутъ въ стѣнку, я услышу и приду.

Докторъ вышелъ, раздался еще свистокъ локомотива, и поѣздъ понесся по ровной степи въ вихрѣ снѣжной мятели.

Залпомъ выпитая рюмка крѣпкаго вина подѣйствовала благотворно Трипольцева совсѣмъ опомнилась и начала соображать, что съ ней случилось въ этотъ вечеръ. Въ ея головѣ повторилась сцена съ мужемъ, промелькнуло его искаженное, чѣмъ-то

обезображенное лицо;—она никогда не видала его такимъ.—«Деньги! много, много денегъ.... Откуда? Да, укралъ.... Я сказала: ты укралъ. Онъ выбѣжалъ и скрылся. Наступилъ какой-то перерывъ; сдѣлалось мнѣ дурно у двери подъѣзда. Тамъ нашли меня лакей и горничная..... Не проговорилась ли я?!»...

Жени быстро приподнялась при этой мысли; ей вдругъ стало невыразимо душно, тошно.—«Фу, какая духота въ этомъ вагонѣ,—подумала она, откидывая шубку и платокъ съ головы.—Нѣтъ, не проговорилась; все, все помню. Сказала, что послышался звонокъ, подумала, не мужъ-ли вернулся, вышла, чтобы скорѣй отпереть, не заставить его ждать, испугалась чего-то, и сдѣлалось дурно.... Все очень естественно, никто не усумнился... да и не могъ усумниться, она никогда не говорила неправды, даже въ шутку. А теперь! Лгала, лгала передъ лакеями! Нагло, самоувѣренно, не запинаясь, не краснѣя.... Лгала! И опять буду лгать, должна лгать, всѣмъ, всегда, *maman*.... Вотъ онѣ, эти деньги здѣсь, подъ ногами.... Каждый рубль въ этихъ толстыхъ пачкахъ, каждая копѣйка этого рубля должна быть цѣною лжи; придется столько разъ солгать, сколько здѣсь копѣекъ; лгать, покупая, передъ продавцомъ, давая дѣтямъ на лакомство, передъ дѣтьми,—передъ нищимъ, подавая милостыню,—подавая въ церковь на свѣчку.... передъ нѣмъ?—Передъ церковью, передъ Богомъ!...» Жени вскочила, задыхаясь, и съ легкимъ стономъ опять упала на диванъ. Въ дверяхъ показался докторъ. Она встрѣтила его испуганнымъ, блуждающимъ взглядомъ.

— Что съ вами, Евгенія Александровна? Вамъ въ серьёзъ нездоровится.

Онъ заглянулъ ей въ лицо и взялъ пульсъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Здѣсь душно, угарно, можетъ быть.... потомъ ваше вино.... Откройте окно, я задыхаюсь...

Докторъ попробовалъ опустить стекло, оно не поддавалось его усиліямъ; — примерзло. Онъ открылъ винтиляторъ, поѣздъ пошелъ тише.

— Сейчасъ станція, я выведу васъ на площадку вагона, вы освѣжитесь. Здѣсь, дѣйствительно, душно. Разстегните лифъ и надѣньте шубку. Пойдемте, поѣздъ стоитъ только двѣ минуты.

Онъ подалъ руку и вывелъ Жени изъ вагона. Тормоза завизжали, поѣздъ остановился.

— Закройте голову, посмотрите какая вьюга,—говорилъ докторъ, закутываясь въ мѣховую шинель и заслоняя собой Трипольцеву отъ вѣтра.

— Телеграфируйте въ Конево, тамъ и обыщетъ жандармъ,— послышался чей-то голосъ у самаго вагона.

— Конечно, не задерживать же здѣсь, поѣздъ и такъ опоздаетъ А вы присматривайте! Не знаете, сколько она украла?

Жени не дослушала и бросилась въ вагонъ, отталкивая съ своей дороги недоумѣвающаго Ивана Ивановича.

Поѣздъ двинулся дальше. Трипольцева затворила дверь купе и припала пылающимъ лбомъ къ обледенѣвшему стеклу. Мимо ея глазъ мелькали вереницы искръ, вырывавшихся изъ трубы локомотива, и исчезали въ облакахъ розоватаго дыма, въ серебристой пыли быстро несущагося снѣга; мелькали и исчезали фонари сторожей; изрѣдка раздавались короткіе свистки локомотива, предупреждавшіе рабочихъ, счищавшихъ снѣгъ съ линіи; начинались заносы, это чувствовалось по ходу поѣзда то бодро гремѣвшаго по обмерзшимъ рельсамъ, то врѣзывавшагося въ сугробы и пробивавшаго ихъ мощнымъ усиліемъ желѣзной груди. Молодецъ машинистъ зналъ дѣло, зналъ дорогу и своего коня, не жалѣлъ дровъ и пара и смѣло велъ поѣздъ впередъ и впередъ подъ сумракомъ бурной, зимней ночи.

Холодъ стекла освѣжилъ Жени. Она откинулась на подушку и отерла платкомъ мокрое лицо. Лобъ ломило, разбаливалась голова, а мысли нестройнымъ роемъ проходили въ возбужденномъ мозгу, проходили и исчезали, какъ искры тамъ наружѣ, мучали, терзали сердце и не давали покоя. Вспоминалось ей счастье первыхъ дней, восторги первой любви и горечь первыхъ разочарованій. Первыхъ.... да, тяжелые они были, а теперь, теперь! «Это послѣднее»—громко говорила мысль. — «Что же дальше, что же еще будетъ, что можетъ еще быть? Да, можетъ, можетъ... Телеграфировать въ Конево!... уже телеграфировали. Тамъ знаютъ и ждутъ, всѣ ждутъ, стоятъ на платформѣ. Первый узналъ телеграфистъ. Вотъ онъ бѣжитъ къ начальнику станціи. Въ телеграммѣ написано: арестуйте Трипольцеву, обыщите, она украла.... Зовутъ жандарма. Поѣздъ останавливается.... Всѣ лѣзутъ въ вагонъ, жандармъ, въ каскѣ, съ шашкой, съ револьверомъ на красномъ снуркѣ; за нимъ толпа, толпа.... Вотъ ее ведутъ по платформѣ, всѣ смотрятъ.—Что такое?—Воровку поймали!...—Вырваться, убѣжать.... Она вырывается, бѣжитъ, за ней топотъ и крикъ: лови, лови, держи воровку!... Чьи-то руки хватаютъ ее за растрепавшіеся волосы, за шею, душатъ ее.... Она упала.... хохотъ, крики.... «Кандалы давайте!» — гремятъ цѣпи....»

Жени вскочила и вскрикнула, она ясно слышитъ звукъ цѣпей. Поѣздъ остановился, загремѣли скрѣпки вагоновъ. Передъ ней стоитъ докторъ.

— Что вамъ, что вамъ отъ меня нужно? Пустите меня!...

— Евгенія Александровна, постойте, что съ вами? Это я, докторъ, Иванъ Ивановичъ.

— Ахъ, да, да, Иванъ Ивановичъ, докторъ... Ради Бога, дайте мнѣ чего нибудь... воды глотокъ... мнѣ дурно...

Докторъ вышелъ изъ вагона и черезъ минуту вернулся съ водой.

— Вы бредили, Евгенія Александровна. Съ вами жарокъ.

— Бредила!—испугалась Трипольцева.—Вы слышали? Что я бредила?

— Вамъ должно быть казалось, что васъ кто-то обокралъ; вы кричали, чтобы ловили воровку.

— да, да, кажется. Я говорю иногда во снѣ; вѣроятно, я во снѣ увидала... Я ужасно боюсь... воровъ,—едва могла она выговорить. Ей опять сжало горло и она протянула руку къ недопитому стакану.

— Я бы вамъ посовѣтовалъ отложить поѣздку въ Боровое, дождаться въ Коневѣ встрѣчнаго поѣзда и вернуться въ городъ. Теперь, конечно, это все пустяки, немного покоя, пріемъ хинина, и все пройдетъ. А, вѣдь, вамъ еще ѣхать почти 20 верстъ на лошадяхъ въ такую погоду. Какъ бы хуже не простудиться. Послушайтесь меня. Я бы остался съ вами, но меня вызываютъ телеграммой по службѣ, необходимо поспѣть къ утру.

— Да я можетъ останусь... по неволѣ,—договаривала она про себя и вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Непремѣнно останьтесь и примите хины, я вамъ дамъ на станціи. У васъ положительно лихорадочка; видите ознобъ, начинается.—Докторъ держалъ ее за руку.

— Вамъ и прождать придется не болѣе двухъ часовъ. Уляжетесь въ дамской комнатѣ, хины примите и, быть можетъ, вернетесь домой здоровой. Кстати, я не спросилъ васъ, что Владиміръ Андреевичъ? Я заѣзжалъ вечеромъ въ 9, его обыкновенный часъ, и не засталъ дома.

— Я не видала его цѣлый день, съ утра не видала... Онъ до моего отъѣзда не былъ дома... ни на минуту... совсѣмъ не былъ...

Жени опять бросило въ жаръ, а въ головѣ проносилось:

«Ложь, ложь! Теперь это вѣчно вѣчно!.. Я никогда не могу сказать ни слова правды!»

Поѣздъ еще разъ остановился.

— Что это?—спросила Жени.

— Станція... слѣдующая будетъ Конево. Половина четвертаго. Мы ѣдемъ, почти не опаздываемъ, не смотря на заносы.

Докторъ вышелъ; Трипольцева затворила дверь. Когда на предыдущей станціи онъ сѣлъ съ ней, она была очень довольна, её не такъ мучали думы, ей лучше было въ обществѣ; теперь она не знала, какъ спровадить доктора, ей необходимо было остаться одной, присутствіе посторонняго человѣка казалось ей невыносимымъ. И опять заработала больная фантазія.

«Давича это было сонъ, не бредъ, какъ думаетъ докторъ. Почемъ знать, можетъ быть, и все это сонъ, тяжелый, ужасный сонъ! Но вотъ я проснусь, не здѣсь въ вагонѣ... нѣтъ никакого вагона... проснусь у себя дома. Володя со мной, дѣти... все по-старому. Онъ, конечно, не то, чѣмъ я его считала, но всетаки онъ хорошій человѣкъ; его всѣ любятъ, всѣ хороши съ нимъ. Я слишкомъ требовательна, и maman не разъ говорила. Всѣ, вѣдь, такіе же, какъ Володя... положимъ, есть въ немъ недостатки, да въ комъ же ихъ нѣтъ? Онъ не хуже всѣхъ... Вотъ онъ подходитъ ко мнѣ, статный, красивый и ловкій, вотъ его нѣжная, сильная рука обхватываетъ мою талію, его глаза смотрятъ на меня...» —Жени вдругъ закрыла глаза рукой, передъ ней сверкнулъ его послѣдній взглядъ, тусклый и блестящій въ тоже время, какой-то точно потерянный, безумный.—«Тише, тише, Жени. Сакъ-вояжъ... Какъ бы не увидалъ кто... Жени помогай... никто не долженъ знать... Мы богаты, счастье въ деньгахъ... тутъ счастье, въ этомъ сакъ-вояжѣ...» «Да, въ сакъ-вояжѣ»,—прошептала Жени.—«Что такое? Нѣтъ не сонъ это, не бредъ,—она руками ощупываетъ свой мѣшокъ, ей кажется, что сквозь плотную кожу она чувствуетъ пачки положенныхъ въ него ассигнацій.—Все не сонъ. И тамъ говорили про воровку,—не сонъ... Все будетъ въ Коневѣ. Сейчасъ Конево. А если... если взять этотъ сакъ и выкинуть его, бросить подъ колеса, чтобы его переѣхало поѣздомъ. Тогда все кончено, ничего не найдутъ, ничего не будетъ... Нѣтъ, на дорогѣ найдутъ. Его видѣли у меня въ рукахъ, лакей скажетъ... Гдѣ сакъ, чей сакъ, чьи деньги?.. Жандармъ, жандармъ, ищи, гдѣ она... Окружный судъ... сидятъ за краснымъ сукномъ Добровольскій, Пороховъ... прокуроръ Алексѣй Николаевичъ... «Г-жа Трипольцева, признае-

есть ли вы томъ, что украли?.. Вашъ сакъ?.. Чьи деньги?»— «Да, виновна! — звучитъ чей то голосъ. Ведите ее въ тюрьму»... Солдаты съ ружьями, рѣшотка, удушливый воздухъ, знакомый,—она тамъ бывала, какъ директрисса,—сѣрыи халатъ... Этапъ ведутъ... вонъ и Володя... Дѣти, дѣти!»

— Вашъ сакъ-вояжъ прикажете вынести?—раздается надъ соннымъ ухомъ чей-то незнакомый голосъ.

— А, а! — вскрикиваетъ Жени и опрометью бросается въ дверь; ее остановилъ докторъ.

— Пойдемте, Евгенія Александровна,—мягко говоритъ онъ, подавая ей руку.—Конево, вы пріѣхали. Пойдемте, вашъ мѣшокъ вынесутъ.

— Мѣшокъ... не мой... нѣтъ... докторъ помогите, спасите меня, докторъ!—безсвязно бормочитъ Трипольцева.

— Пойдемте, пойдемте. Вотъ шубку накиньте, платокъ.

— Господи! ведите, дѣлайте что хотите...

Иванъ Ивановичъ кое-какъ укуталъ Жени, провелъ ее въ дамскую комнату, спросилъ для нея чаю и побѣжалъ въ контору станціи разыскивать хину. Тамъ жандармъ составлялъ актъ о заарестованіи какой-то солдатки, вытащившей изъ кармана у пьянаго мѣщанина портъ-моне съ 5 рублями 56 копѣйками

XI.

Жени пріѣхала въ Боровое рано утромъ, когда еще спала Анна Михайловна; не безпокоя ее, прошла въ свою комнату и не раздѣваясь легла въ постель. Усталость физическая и нравственная, быть можетъ, повторенный, по совѣту доктора, пріемъ хинина сдѣлали свое дѣло: она моментально уснула, какъ убитая. Солнце прямо свѣтило въ окна и веселымъ свѣтомъ заливало всю комнату сквозь неспущенныя сторы и филейныя драпировки; было за полдень. Жени открыла глаза и тотчасъ же опять закрыла ихъ отъ яркаго свѣта, потянулась, расправила немного онѣмѣвшіе отъ неподвижности члены, полу-прищуренными глазами окинула комнату, и улыбка счастья пробѣжала по усталому лицу. Все было на своемъ мѣстѣ, точь-въ-точь такъ, какъ было пять и шесть и болѣе лѣтъ назадъ, когда она жила въ этой комнатѣ дѣвушкой;—въ углу иконы Казанской Божіей Матери, Спаса Нерукотвореннаго, подъ ними угольникъ, покрытый бѣлой скатертью, у стѣны старинный комодъ съ рѣзьбой и бронзой, рядомъ съ нимъ шкафъ съ книгами, у другой стѣны ди-

ванчикъ со столомъ, четыре кресла, на столѣ лампа съ зеленымъ абажуромъ, цвѣты на окнахъ, туалетный столикъ въ простѣнкѣ; рядомъ комната m-me Ларошъ, за ней Наташина, въ нихъ тоже все по-старому; во всемъ домѣ тоже; съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ, ни одинъ стулъ, ни одно кресло не перемѣнили своего мѣста, смѣняются только цвѣты, выносятся отцвѣтающіе и на ихъ мѣсто ставятся зацвѣтающіе. Неизъяснимое чувство нѣги, покоя и довольства охватило Жени. Вставать не хотѣлось, лѣнь было, голова была свѣжа, безъ мысли, безъ воспоминаній, безъ волненій:—вѣкъ бы лежать такъ. Въ корридорѣ послышались шаги. Жени прислушалась, не maman ли идетъ къ ней, повернула голову и вскочила, какъ ужаленная,—она увидала свой сакъ-вояжъ. Покоя, довольства какъ не бывало; все вспомнилось съ поразительной ясностью.

«Что дѣлать? Куда дѣвать этотъ мѣшокъ и то, что въ немъ?—спѣшно обдумывала она, хватаясь за голову.—Спрятать, скорѣй надо спрятать, чтобы не нашли. Отдать maman... А если обыскъ.... тогда и она будетъ виновата.... Сказать ей.... да развѣ это можно?! — «Maman, спрячьте краденыя деньги!» Ха-ха-ха! Краденыя! Я украла....я съ мужемъ украла! Ха-ха-ха! Воровка, жена вора!... Ха-ха-ха!

Хохотъ душилъ Жени. Она хотѣла подойти къ комоду, на которомъ стоялъ графинъ съ водой, и не могла, хотѣла сѣсть на кресло и опустилась на полъ рядомъ съ сакъ-вояжемъ. Хохотъ разрастался, сдавливалъ ей горло, билъ ея грудь, гремѣлъ въ ушахъ и въ головѣ, хотя въ комнатѣ не раздавалось ни единаго звука. Жени хохотала неудержимо и беззвучно. Рядомъ съ ней раздался чей-то хохотъ, потомъ другой, третій... Она выпрямилась и оглянулась.—Въ дверяхъ стоитъ и хохочетъ Анна Михайловна, ея покойный мужъ, генералъ Дороховъ, m-me Ларошъ, Наташа, Ожерельевъ, батюшка, отецъ Степанъ, старикъ отецъ Анатолій, Знобиловъ, Ярминъ, Вадловскіе, всѣ, всѣ знакомые, всѣ когда либо видѣнныя лица, всѣ тутъ, всѣ хохочутъ, всѣ протягиваютъ къ ней руки, указываютъ на нее пальцами... Выдѣляются двѣ крошечныя фигурки—дѣти—Андрюша, Саша,—тихо, молча крадутся къ ней; ихъ живые глазенки бѣгаютъ и горятъ; Андрюша чѣмъ то взламываетъ замокъ сакъ-вояжа, оба выхватываютъ изъ него пачки ассигнацій, одну за другой, прячутъ ихъ въ свои крошечные карманы. «Всѣ, всѣ тащи»—шепчетъ голосъ сзади Жени, голосъ Владиміра.—Дѣти! что вы дѣлаете!—вырывается изъ сердца стонъ Жени.—Вы кра-

дете, вы воры!—Тоже, что папа съ мамой! Ха-ха-ха!—Хохочутъ дѣти.—Счастье въ деньгахъ, счастье въ деньгахъ!

Жени вскрикнула и опомнилась.

«Господи! Что же это!»

Въ комнатѣ было тихо; солнце ярко свѣтило и ласкало Жени своими короткими, зимними лучами.

— Господи, Господи! Неужели и дѣти... Владиміръ мой! Что мы сдѣлали! Счастье, счастье! Мы спрятали наше счастье въ этотъ мѣшокъ и не вынемъ его... вмѣсто счастья вынемъ грязныя деньги!... Да, деньги... спрятать ихъ надо, да, спрятать... Иначе погибли всѣ, Владиміръ... у него есть револьверъ, смерть... Когда? Когда поймаютъ... смерть вора, смерть труса, боящагося послѣдствій своего поступка! Дѣти вора живы останутся,—нищими, ворами будутъ! Я... что мнѣ дѣлать? Да, прятать, прятать, концы хоронить... Съ мѣшкомъ нельзя, могутъ спросить—гдѣ сакъ?—Его всѣ знаютъ, всѣ видѣли... Если бы лѣто, зарыть въ саду...

Въ дверь постучались!

— Кто тамъ?—чуть слышно отозвалась оторопѣвшая Жени.

— Я, Жени. Пора, другъ мой, скоро два часа. У тебя голова разболится,—говорилъ ласковый голосъ Анны Михайловны.

— Сейчасъ, maman, сейчасъ.

— Отопри дверь, Женичка.

— Maman, я приду скоро... я не могу отпереть... я въ постели, раздѣта...

«Вотъ оно, вотъ оно начинается!»—шептала Жени, ломая руки.

— Хорошо, мой другъ, я пришлю къ тебѣ Маланью.

«Да, прятать, прятать... Можно такъ...»

Жени быстро оправилась, отодвинула пустой ящикъ комода, выкидала въ него свои вещи изъ сакъ-вояжа, подумала съ минуту, потомъ подошла къ книжному шкафу и открыла его; она знала, что на верхней полкѣ сзади книгъ есть пустое пространство,—знала, что книгъ этихъ никто никогда не трогаетъ: то была коллекція старыхъ учебниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ кожаный мѣшокъ опустѣлъ, грамматики и ариѳметики закрыли собой роковыя пачки денегъ и стояли опять какъ ни въ чемъ не бывало. Шкафъ затворился, щелкнулъ замокъ.

— Барышня, отопритесь, я умываться вамъ принесла,—говорила Маланья, потрогивая дверную ручку.

— Сейчасъ, Маланьюшка!

Жени еще разъ осмотрѣла шкафъ; все въ порядкѣ; ничего не замѣтно,—неслышно отставила стулъ и отперла дверь.

Мученія Жени только что начинались; она чувствовала и сознавала это; чувствовала постоянно, безпрерывно, напрягала всѣ силы ума и воли, чтобы забыть, хотя на короткое время, все случившееся, хотя на нѣсколько минутъ выгнать изъ головы гнетущую мысль, сама себя подбадривала, чуть не шепча губами:—«ну, что же дѣлать,—несчастье, и все тутъ. Стало быть суждено такъ, стало быть Богу угодно было наказать меня за что-нибудь, за гордость, за мое презрѣніе къ дурнымъ людямъ... Я теперь стала хуже всѣхъ, Владиміръ сталъ... тоже хуже... Я должна была не то сдѣлать. Но, Господи, что же должна было? Выдать его... крикнуть: «вотъ онъ, смотрите, хватайте!..» Его! мужа, отца дѣтей моихъ... У него въ рукахъ былъ револьверъ. Я выдала бы его... выстрѣлъ, и кончено... нѣтъ его... я бы убила его... — Жени вздрагивала и холодѣла, ей слышался выстрѣлъ, она видѣла, переживала всю сцену. Въ присутствіи Анны Михайловны и ея компаньонки, при яркомъ свѣтѣ дня, она чувствовала себя жертвой галлюцинацій, не слыхала, что ей говорятъ, или слышала и не понимала, отвѣчала не впопадъ, дѣлала надъ собой невѣроятныя усилія, а неотвязная мысль опять работала помимо воли, вопреки ей.—«Нѣтъ, не вернешь сдѣланнаго, не передѣлаешь случившагося. Что было, то было. Ко всему, говорятъ, привыкаютъ; все можно перенести, должно... наконецъ, вѣдь, нѣтъ выхода... Нѣтъ! А что если онъ есть, да я его не знаю? Да нѣтъ же, наконецъ, я это знаю... Онъ сдѣлалъ такое дѣло... воръ! Вора нельзя любить... я должна навсегда разстаться съ нимъ. А дѣти, дѣти! Дѣтей не отдастъ, или одного... котораго? Андрюша, Саша... Я не могу, оба, оба мои!.. Выбирать, да развѣ это можно, развѣ можно разорвать чувства, сердце... Развѣ я могу разлюбить, забыть, бросить моего Андрюшку, бросить моего Сашку ему... Развѣ я могу его бросить?! Онъ мой мужъ, мой Владиміръ! Я не могу разлюбить его. Я не знаю, что со мной!..»

Анна Михайловна видѣла, что съ племянницей творится что-то неладное, ее сильно тревожила непонятная разсѣянность Жени, ея блуждающій взглядъ, какой-то испуганный, потерянный, безпрерывно мѣняющійся цвѣтъ лица, то блѣдный до синевы, то пылающій до слезъ, обрывающіяся на полусловѣ рѣчи, ихъ странный иногда смыслъ.

— Ты, Жени, нездорова, другъ мой. Не послать ли за док-

торомъ?—заботливо спрашивала Дорохова.—Вѣроятно, ты дорогой простудилась.

— Нѣтъ, maman, не надо, никого не надо. Пройдетъ, вѣдь, все проходитъ. Не надо никого. Если-бы.... нѣтъ, не надо.

— Да что съ тобой, Женичка? Случилось что ли дома у васъ что-нибудь? Мнѣ, своей старой maman, ты скажи, дитя мое....

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не случилось, увѣряю васъ, ничего ровно.... Я, вы знаете, вамъ бы.... Ахъ, maman, умоляю васъ не спрашивайте.... я просто простудилась. Да, вьюга была, вагонъ этотъ.... ужасный вагонъ!

Жени закрыла глаза рукой и дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Анна Михайловна не настаивала, надѣясь, что Жени сама выскажетъ, а за докторомъ всетаки послала.

Къ обѣду подъѣхали обычные гости, Вадловскіе, Ярминъ и Знобиловъ. За обѣдомъ и за послѣобѣденнымъ кофе Жени почти не принимала участія въ общемъ разговорѣ и, ссылаясь на нездоровье, старалась уединиться.

— Это все равно, что въ лошадяхъ, что въ человѣкѣ,—разслышала она слова Знобилова.—Отъ рысистыхъ никто не ждетъ верховыхъ, отъ водовозокъ не родится кровныхъ. И удивляться нечему, княгиня, что вашъ любимчикъ, Петька, оказался воришкой: у него отецъ и сейчасъ въ арестантскихъ ротахъ за кражу, да и мать-то раза два уже сидѣла въ острогѣ. Вся порода воровская.

Жени схватилась за голову и не помня себя выбѣжала изъ комнаты.

На другой день пріѣхалъ докторъ, нашелъ у Евгеніи Александровны лихорадочку, разстройство нервовъ, объяснилъ, что лихорадка, конечно, простудная, а нервы, кто ихъ знаетъ отчего они разстраиваются у барынь, иногда безъ всякой причины, просто отъ малокровія и мало-ли отчего, прописалъ капли изъ хинина и бромистый кали, получилъ за визитъ и уѣхалъ. Но ни желтая бурда въ маленькомъ пузырькѣ, ни безцвѣтная гадость въ огромной синей скляницѣ не помогали больной. Лихорадка знать не хотѣла, что обязана пройдти отъ tinctura chinini composita; солоноватой водицей нельзя было успокоить несчастную женщину.

Между тѣмъ, Жени едва передвигала ноги отъ изнуренья,—она почти не могла спать и ничего не ѣла, кромѣ насильно проглатываемой чашки бульона, по настоянію Анны Михайловны.

XII.

Восьмую ночь проводила Евгенія Александровна въ тревожномъ забытьѣ, полномъ страшныхъ видѣній; едва-ли можно было назвать сномъ такое состояніе: оно не давало покоя,—мудрено было назвать сновидѣніями мучившіе ее кошмары. Одна доходила до той границы, за которой человѣкъ теряетъ способность отличать дѣйствительность отъ грезъ. Въ комнатѣ чуть теплилась лампадка передъ образомъ, не разгоняя сумрака. Дверь отворилась, кто-то подошелъ къ постели. Жени открыла глаза: передъ ней стоялъ Трипольцевъ.

— Женичка, не спишь, милая?

Онъ присѣлъ на край кровати, обнялъ жену и крѣпко припалъ губами къ ея похудѣлой щекѣ.

— Владиміръ? Это вправду ты? Я думала опять....—Она приподнялась, привычнымъ движеніемъ обвила его шею руками, готова была опять покрыть поцѣлуями его губы, глаза и волосы и вдругъ отшатнулась, отодвинулась въ уголъ кровати;—въ полупотемкахъ ей почудился его страшный взглядъ, взглядъ того вечера, когда онъ въ фуражкѣ и шинели вбѣжалъ въ ея комнату.

— Женичка, что съ тобой?—нѣжно говорилъ онъ, обхватывая ее руками и стараясь привлечь къ себѣ.

— Ты за деньгами?... Да? Онѣ цѣлы,—шептала она, отслоняя его.—Я спрятала.... никто не видалъ.... тамъ, вонъ въ шкафу. Запри дверь!

— Женичка, милая, да что же это съ тобой?

Трипольцевъ зажегъ свѣчу и испугался, разглядѣвши, что передъ нимъ не та Жени, какой онъ оставилъ ее восемь дней тому назадъ. На впалыхъ щекахъ пылалъ рѣзко-обрѣзанный румянецъ; ввалившіеся глаза были широко раскрыты и сверкали неестественнымъ блескомъ; яркія, пунцовыя губы кривились и вздрагивали.

— Ничего, ничего, Владиміръ.... запри скорѣй дверь! Эти деньги.... возьми ихъ! Я не могу больше, я умру такъ, Владиміръ.... Да, говорю же тебѣ, запри,—раздражительно повторила она.

Трипольцевъ повиновался.

— Вотъ ключъ, бери! Тамъ подъ туалетомъ мѣшокъ.... Боже мой, да что же ты ничего не дѣлаешь?!

Жени быстро надѣла туфли и юбку, вытащила кожаный сакъ-вояжъ, открыла шкафъ, забралась на стулъ и начала выкидывать изъ-за книгъ пачки ассигнацій.

— Прячь, прячь скорѣй.... вотъ они, всѣ тутъ.... вотъ наше счастье.... прячь его и уноси отсюда. Всѣ.

Она захлопнула шкафъ и соскочила со стула. Трипольцевъ уложилъ деньги и подошелъ къ женѣ.

— Женичка, радость моя, успокойся, ради Бога! Эти деньги совсѣмъ не такія, какъ ты думаешь. Они просто ничьи, и я ихъ взялъ себѣ, какъ взялъ бы всякій на моемъ мѣстѣ. Понимаешь, имъ нѣтъ хозяина, слѣдовательно хозяинъ тотъ, кто имѣетъ ихъ въ рукахъ....

— Кто взялъ ихъ ночью, крадучи, боясь, чтобы не увидалъ лакей. Развѣ бываютъ деньги ничьи?... развѣ валяются безъ хозяина десятки, можетъ быть, сотни тысячъ ничьихъ?...

— Женичка, честью моей увѣряю тебя....

— Хорошо ручательство!

— Жени, это, наконецъ, ни на что не похоже! Честью клянусь тебѣ, что если бы эти деньги не были взяты мною, то ихъ взяли бы другіе, и я былъ бы дуракомъ....

— Ты былъ бы честнымъ человѣкомъ. Зачѣмъ ты сдѣлалъ это?

— Да говорю же тебѣ, я ровно ничего не сдѣлалъ. Какъ это дико и глупо, Жени. Пойми, радость моя,—онъ обнялъ ее и тихо усадилъ рядомъ съ собой на кровать, цѣлуя ея волосы и шею.—Пойми, прелесть моя, вѣдь мы были раззорены,—намъ исхода не было. И ты, и дѣти пошли бы по міру безъ куска хлѣба. Я не могъ помочь дѣлу. Ты знаешь меня, знаешь положеніе; если бы я хотѣлъ, то могъ бы брать взятки;—не дѣлалъ я этого. Другіе наживались, мы все прожили. Исхода не было, Жени. Неужели ты предпочла бы нищету и голодъ. Если я воспользовался случаемъ, не пропустилъ его, то вѣдь это для тебя же, для дѣтей.... Теперь мы богаты!... Можно ли такъ волноваться изъ-за пустяковъ, изъ-за слова? Посуди сама, имѣетъ ли еще это слово какой-нибудь человѣческій смыслъ?—Ты терзаешься изъ-за того, что это украдено. Хорошо, пусть будетъ по-твоему. А Тараторниковъ, получая 10 тысячъ жалованья, крадетъ еще по 30—40 ежегодно, крадетъ завѣдомо у компаніи. Всѣ до единаго человѣка знаютъ это, знаютъ, что четыре года тому назадъ онъ явился чуть не нищимъ, а теперь имѣетъ нѣсколько тысячъ десятинъ,—и никто не говоритъ, что это наворовано. Да

развѣ одинъ онъ? А Шибинковъ, Сладковъ, Чубринскій, мало-ли ихъ.... просто всѣ. Или будь нищимъ, или.... отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. Нельзя же, Женичка, всю жизнь прожить на какихъ-то заоблачныхъ фантазіяхъ. Надо, хорошая моя, брать жизнь такою, какова она въ дѣйствительности, и брать отъ жизни то, что можно взять. La propriété est un vol,—слыхала?—Идеально можно жить въ пустынѣ Ѳиваидской, а не у насъ. Въ нашемъ обществѣ будь хоть разчестнѣйшій—безъ сапогъ находишься, съ голоду умрешь.... А какъ заполучишь кушъ, такъ и самъ живи паномъ, и дѣти....

— И дѣти красть будутъ! Господи—Боже! И дѣти будутъ ворами.... по породѣ! Ничьи деньги... да развѣ я повѣрю, что такія бываютъ, развѣ я тебѣ въ чемъ-нибудь могу вѣрить! Ты... ты....—Жени вырвалась изъ объятій мужа и стояла передъ нимъ блѣдная, какъ полотно; ее била лихорадка. Сжатые пальцы хрустѣли; грудь высоко поднималась и опускалась; горячее дыханье было прерывисто.

— Ты лгунъ! Ты все лжешь, ты укралъ! Уйди съ этимъ мѣшкомъ, уйди отъ меня.... Ты пять лѣтъ лгалъ всѣмъ, всегда, мнѣ лгалъ въ каждомъ словѣ! Если ты не могъ не украсть, если для тебя пачки денегъ дороже чести, ты долженъ былъ теперь, именно теперь солгать; не говорить мнѣ... А ты меня сдѣлалъ участницей.... Ты воръ! Ты меня сдѣлалъ воровкой!... Подлецъ!...

Судорожный кашель остановилъ ее.

— Ты, кажется, совсѣмъ съ ума сошла, Жени.

— Вонъ, вонъ!... Я ненавижу тебя!... Вонъ отсюда, воръ... или я позову, покажу!... Уйди, уйди!

— Ну, хорошо, хорошо, уйду.

Трипольцевъ струсилъ не на шутку и тихо вышелъ изъ комнаты, унося съ собой сакъ-вояжъ. Жени почти безъ чувствъ упала на подушку, хватаясь за грудь; на ея губахъ показалась алая пѣна, бѣлая наволочка окрасилась кровянымъ пятномъ.

На утро Жени не встала съ постели;-ночное свиданіе съ мужемъ, только что пріѣхавшимъ въ Боровое, окончательно подорвало остатокъ силъ,—послѣ энергическаго возбужденія настала апатія. Ее не могли побѣдить ни ухаживанья Анны Михайловны и Трипольцева, ни пріѣздъ дѣтей, ни разставаніе съ мужемъ, спѣшившимъ возвратиться въ городъ. Присланные имъ врачи только руками разводили, да учеными головами покачивали,—такъ удивительно и непонятно казалось имъ состояніе больной. Наконецъ,

военный врачъ, знакомый уже намъ, Иванъ Ивановичъ, откровенно объяснилъ Дороховой, что ровно ничего тутъ не понимаетъ и совѣтовалъ везти Жени въ Москву.

— Владиміру Андреевичу едва-ли возможно будетъ теперь ѣхать,—говорилъ онъ Аннѣ Михайловнѣ.—У него тамъ затѣялось огромное дѣло. Вы, вѣроятно, знаете: изловили цѣлую фабрику фальшивыхъ ассигнацій и отлично организованную систему ихъ сбыта. Во главѣ всей шайки былъ нашъ тузъ, Ерзуновъ, скотопромышленникъ. Его захватили, что называется, съ поличнымъ и засадили за семь замковъ; кое-кого изъ помощниковъ тоже перехватали. Такъ Ерзуновъ-то видитъ, что уже выскочить некуда и давай теперь путать Богъ знаетъ что̀, подалъ, говорятъ, заявленіе, что у него при обыскѣ кромѣ фальшивыхъ денегъ отобрали настоящія на огромную сумму и скрыли, попросту украли. Старается всячески запутать Владиміра Андреевича и старика Крючникова. Такъ въ настоящее время ему и неудобно уѣхать, надо довести дѣло до конца. А между тѣмъ Евгенію Александровну надо скорѣй везти въ Москву.

— Да что же съ ней можетъ быть, докторъ?—тоскливо спрашивала Дорохова.—Кровь идетъ горломъ, кашляетъ.... Послушайте, неужели чахотка?

— Мы, Анна Михайловна, чахотки не знаемъ; у насъ такой болѣзни не полагается. Это народный терминъ,—чахнетъ человѣкъ, вотъ и чахотка. Наша больная, конечно, чахнетъ, но легкія у нея, кажется, здоровы, хотя очень слабы. Слышится какой-то шумокъ въ верхней долѣ лѣваго легкаго; но ручаюсь чѣмъ хотите, что нѣтъ ни каверенъ, ни бугорковъ. Сердце, повидимому, не совсѣмъ въ порядкѣ, и опять-таки могу завѣрить, что пока незамѣтно никакого порока. Повторяю, везите скорѣй въ Москву, обратитесь къ нашимъ знаменитостямъ.

— Я боюсь теперь ѣхать, морозы страшные, какъ бы не простудить хуже.

— Закутаться можно, въ возкѣ. Тутъ всего два часа ѣзды до станціи. Мой совѣтъ ѣхать не откладывая. Иногда, знаете, перемѣна мѣста, обстановка, хорошо дѣйствуютъ на такихъ нервныхъ субъектовъ. Богъ дастъ, поправится. Я особенно страшнаго съ своей стороны не вижу.

На предложенье Анны Михайловны ѣхать въ Москву, Жени отвѣтила просто:—Везите, maman, куда хотите, все равно гдѣ не умирать.

Предчувствіе не обмануло Жени: она не дожила до весны.

Трипольцевъ отвертѣлся отъ суда и слѣдствія, но службу принужденъ былъ оставить, пустился въ аферы и... чужое добро не пошло въ прокъ,—теперь онъ изощряетъ всѣ силы своего изворотливаго ума на то, чтобы избѣжать личнаго задержанія. Многіе его знакомые, не безъ основанія, думаютъ, что скамьи подсудимыхъ онъ всетаки не избѣгнетъ рано или поздно.

Ожерельевъ еще разъ вернулся изъ-за границы, защищалъ диссертацію, получилъ степень магистра правъ и опять уѣхалъ въ деревню.

— Антоша, а какъ же профессура-то?

— И, Катюша, что за профессура. Ну посуди сама, какой я профессоръ. Поѣдемъ-ка, жонка, домой. Опять баллотироваться въ судьи буду.

Прошлой осенью кончилось трехлѣтіе, и его опять выбрали.

Наташа... Ея мужъ добился желаннаго поста и вполнѣ доволенъ своей отлично дрессированной женой.

Сынъ Толпѣги и Тамбурина взялъ первый призъ. Знобилова теперь рукой не достанешь.

М. Ремезовъ.

ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛАСЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Дождь лилъ какъ изъ ведра, съ упорствомъ и послѣдовательностью, достойной лучшей цѣли. Жители Москвы приходили въ уныніе и предсказывали послѣ ненастнаго апрѣля ясный и превосходный май; но ожиданія не сбылись; въ маѣ дождь полилъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, и хотя нужно было сознаться, что это обыкновенная наша московская весна, но мы почему-то изумлялись, негодовали на климатъ, порицали нашихъ праотцевъ, поселившихся въ такомъ болотѣ, доставалось уже кстати и всему нашему обширному отечеству,—обыкновенное утѣшеніе русскаго человѣка,—словомъ срывали зло на всѣхъ и на всемъ, спорили, раздражались; а дождь, какъ бы издѣваясь надъ нами, лилъ да поливалъ.

Въ деревняхъ, куда понемногу разъѣхалось населеніе города, оказалось не только не лучше, но даже еще хуже. Земля разступилась; съ деревьевъ падалъ вторичный, застоявшійся въ листвѣ ливень; въ жилыхъ строеніяхъ стояла холодная, отдающая гнилью сырость; каждый предметъ казался распухшимъ; двери не отворялись, окна не раскрывались, все какъ-то осѣло и озябло. Ощущеніе томительной безнадежности овладѣвало всѣми. Понятно послѣ этого, какое впечатлѣніе производилъ первый, настоящій лѣтній день.

Перваго іюня взошло, наконецъ, солнце въ ясномъ безоблачномъ небѣ. Далекія бѣлыя облака, въ видѣ безчисленныхъ дѣтскихъ головокъ, съ лучистыми крыльями, кудрявыми массами уходили куда-то въ неизъяснимую даль небесной синевы. Отяжелѣвшая отъ бывшихъ дождей листва близкой рощи струилась крупной зыбью, перебѣгая волнами съ вершины до корня; высокая и уже цвѣтущая трава колыхалась, сверкая на солнцѣ, и отовсюду изъ-подъ кустовъ и деревьевъ слышался неугомонный,

ликующій звонъ и трепетанье. Вся глушь и дичь давно задичавшаго сада явила вдругъ, озаренная солнцемъ, безчисленныя красоты своихъ перепутанныхъ растительностью, свѣжихъ уголковъ; даже сѣрая деревянная скамья, покрытая желтымъ лишайникомъ, кокетливо выглядывала изъ-подъ цвѣтущей путаницы высокихъ травъ, обступившихъ ее. Одинъ только взглядъ, брошенный на всю эту свѣжую прелесть—и кислое настроеніе духа исчезало; въ душу вливалось какое-то безотчетное веселье. Но подъ окномъ, въ которое я выглянула, раздался голосъ.

— Пожалуйте, больные давно дожидаются.

— Гдѣ?

— Подъ ёлками-съ.

Краткій этотъ разговоръ внезапно умѣрилъ мои идиллическіе восторги.

Подъ елками, т.-е. у крыльца моего дома, съ задней его стороны, подъ навѣсомъ склонившихся вѣтвей, находилось пріемное мѣсто для больныхъ. Тамъ собиралась моя обширная деревенская практика, и, да проститъ мнѣ Богъ, я лѣчила все окрестное населеніе. Научныхъ знаній по части медицины я не имѣла ни малѣйшихъ и лѣчила почти по вдохновенію, придерживаясь самыхъ невинныхъ домашнихъ средствъ, что однако не составляло ни малѣйшей разницы для довѣрчивыхъ деревенскихъ паціентовъ. Мое полнѣйшее въ этомъ отношеніи невѣжество, и по истинѣ диковинныя предписанія, вѣроятно, сконфузили бы любаго, мало-мальски смышленаго врача, но ни мало не смущали добродушныхъ посѣтителей, которые вѣрили въ мою аптеку безусловно, и всѣ надежды возлагали на мое знаніе. Объяснить это можно только тѣмъ, что ближайшая больница находилась отъ насъ въ 25 верстахъ и хотя она была земская, но докторъ по праздникамъ больныхъ не принималъ, а всякому извѣстно, что иначе какъ въ праздникъ крестьянинъ не можетъ приходить за совѣтомъ, будучи заваленъ работой во всѣ остальные дни недѣли, особенно за 25 верстъ, и по нашимъ непроходимымъ, во всякое время года, дорогамъ.

Могу сказать въ свое оправданіе, что, не смотря на мои мучительныя недоумѣнія, паціенты мои почти всегда выздоравливали, что, какъ нельзя лучше, доказываетъ необыкновенную живучесть русскаго деревенскаго организма.

Итакъ «подъ елками» находилась сущая Голгофа, какъ для моихъ довѣрчивыхъ посѣтителей, такъ и для меня, и да не посѣтуетъ терпѣливый читатель, если я поведу его „подъ сѣнь струй“,

какъ говорилъ Хлестаковъ, такъ какъ елки эти послѣ продолжительныхъ дождей, дѣйствительно, представляли идеалъ Хлестаковской идилліи.

Въ большинствѣ случаевъ, бабы составляли мою главнѣйшую практику и нерѣдко въ праздничный день приходили толпами; иныя дѣйствительно больныя, другія же, какъ мнѣ казалось, подъ предлогомъ болѣзни являлись единственно для того, чтобы побесѣдовать по душѣ о своей бабьей участи. Изъ этихъ-то многочисленныхъ, и, признаюсь, иногда нѣсколько докучливыхъ бесѣдъ, почерпнула я нѣкоторыя свѣдѣнія, сильно заинтересовавшія меня. Не имѣю ни малѣйшей претензіи выводить цѣльные типы или характеристики, я рѣшаюсь однако записать слышанное мною, предоставляя другимъ, болѣе свѣдущимъ, вывести изъ сказаннаго какое угодно заключеніе. Пускай героиня моя, баба, предстанетъ на судъ читателя во всей своей наивной, ничѣмъ неприкрашенной простотѣ.

И такъ, я вышла подъ елки и нашла тамъ двухъ ожидающихъ меня паціентокъ. Одна изъ нихъ дѣвочка лѣтъ 12, худощавая, съ бѣлокурыми, желтоватыми волосами, робко выглядывала большими, вопросительными сѣрыми глазками изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ. На головѣ ея былъ накинутъ пестрый ситцевый платокъ съ крупными разводами, а на худощавомъ еще не сложившемся тѣлѣ болтался старенькій линялый сарафанъ. Она сидѣла на ступенькѣ крыльца и поддерживала рукой свою босую, сухенькую ногу. Нога оказалась стертой и слегка болѣла. Другая посѣтительница сразу привлекла мое вниманіе. Это была высокая, худощавая, прямая, какъ дерево, и очень бодрая старуха. Темнокоричневая сморщенная кожа ея лица, рукъ и шеи имѣла какой-то бронзовый оттѣнокъ, и изъ-подъ синяго, очень коротkаго сарафана виднѣлись сухія, мускулистыя и еще болѣе темнаго цвѣта коричневыя ноги. Вся фигура ея носила на себѣ отпечатокъ глубочайшей старости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то неукротимой, веселой энергіи. Большіе черные глаза, не смотря на сѣдыя брови и множество мельчайшихъ морщинокъ, сверкали добродушнымъ, почти дѣтскимъ весельемъ; маленькій ввалившійся ротъ, совершенно лишенный зубовъ, улыбался, какъ улыбалось все ея радостное, какъ бы озаренное внутреннимъ свѣтомъ, лицо. Сѣдые волосы выбивались изъ-подъ бѣлаго митбалеваго платка, небрежно завязаннаго у подбородка. Она опиралась на толстую, сучковатую дубинку, но, казалось, не нуждалась ни въ какой опорѣ, до такой степени все ея прочно вылитое въ тонкую фор-

му тѣло имѣло крѣпкій, мускулистый и бодрый видъ. За спиной ея болталась небольшая берестовая котомка, сверху тщательно увязанная бѣлой тряпицей.

Въ ту минуту, какъ я отворила дверь, старуха, лукаво поглядывая на маленькую спутницу, потянула внизъ опустившуюся надъ головой ея вѣтку ели, съ которой посыпался цѣлый каскадъ крупныхъ и частыхъ капель какъ на ея собственныя согнувшіяся плечи, такъ и на сидѣвшую у ногъ ея маленькую спутницу.

— Не балуй, бабушка, что баловаться-то! Услышала я звонкій дѣтскій голосокъ.

— Не бось, не сахарная, не растаешь, отвѣтилъ веселый голосъ старухи.

Появленіе мое положило конецъ баловству бабушки, которая, мгновенно преобразившись, старалась принять почтительный видъ и сдѣлала обычное вступленіе въ разговоръ. Это было что-то въ родѣ общепринятой формулы, безъ которой не обходилась ни одна консультація.

— Здравствуй, бабушка.

— Здравствуй, голубь наша бѣлая, я къ твоей милости.

— Вижу, вижу, больна ты что-ли?

— Э, нѣтъ, касатка, Богъ миловалъ, а только вотъ *нездоровая*.... послѣ чего начинался длиннѣйшій перечень всего, что болѣло, ломило, а иногда и просто было поломано отъ сильныхъ побоевъ или отъ жестокихъ ушибовъ.

И такъ неизбѣжное вступленіе было сдѣлано, и на этотъ разъ оказалось, что дѣйствительно старуха здорова. Всматриваясь въ нее ближе, я все болѣе приходила въ изумленіе,—подобной древности мнѣ еще никогда не приходилось видѣть, особенно въ соединеніи съ такой юркостью и неудержимымъ весельемъ, которое такъ и вырывалось наружу, не смотря на всѣ старанія держаться съ надлежащей степенностью.

Мы занялись дѣвочкой; оказалось, что посѣтительницы мои прошли въ это утро уже болѣе 20 верстъ, и по дорогѣ дѣвочка стерла себѣ ногу. Употребивъ что слѣдовало, я думала, что консультація уже кончилась; но тутъ-то она и началась.

— Помоги ты ужъ и мнѣ, родимая, неожиданно заговорила старуха. Что-то стала я словно какъ плохо видѣть! День-то хожу ничего, а пуще всего утромъ, какъ встану, застилаетъ мнѣ глаза да и все тутъ. Учили меня добрые люди солью ихъ натереть, возьму это я горсть соли, да и засыплю, слеза такъ

и польетъ, а толку все нѣтъ. Маюсь, маюсь, а тамъ и ничего, расхожусь и къ полудню пройдетъ. Только ужъ очень она жжется,—соль-то. Боюсь, какъ бы глаза не выкатились.

Да не подумаетъ читатель, что это шаржъ; выкатыванье глазъ отъ деревенскаго леченья,—случай совсѣмъ не рѣдкій.

Я вывела старуху изъ-подъ тѣни ели и разсмотрѣла ея глаза: когда-то они были совершенно черные, теперь же покрылись бѣловатымъ налетомъ, какъ нерѣдко бываетъ у очень старыхъ людей.

— Ты отъ старости слѣпнешь, бабушка, тебя ужъ никто не вылечитъ, рѣшила я и, чтобъ испытать ея зрѣніе, спросила:

— Ты меня теперь видишь?

— Вижу, вижу, какъ не видать.

— Ну, скажи, какая я, что ты видишь? недовѣрчиво спросила я, желая узнать, отличитъ ли она цвѣтъ моего платья.

— Ты-то, охъ, голубка, лицо-то у тебя словно тряпочка бѣлая.... жалостно протянула она послѣднія слова.

Комплиментъ былъ не лестный, но опредѣленіе не только вѣрное, но даже нелишенное извѣстной доли остроумія. Въ сравненіи съ этой бодрой старухой, я была точно совершенная тряпочка, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, хотя и годилась ей во внучки.

— А все таки ты отъ старости слѣпнешь; ты, должно быть, очень стара?

— Да нѣтъ, не то чтобъ очень; конечно, не молода, а я еще въ силѣ.

— Сколько же тебѣ лѣтъ?

— А кто-жъ ее знаетъ, родимая, нешто кто считалъ, и считать некому: давно всѣ примерли.

— А Француза помнишь, какъ онъ на Москву приходилъ? спросила я наугадъ.

— Француза? да кто-жъ Француза не помнитъ, небось недавно еще онъ, окаянный, былъ, а я при Французѣ давно ужъ своимъ домомъ безъ свекрови жила; а какъ зятя на войну угнали, Кузька-то мой, царство ему небесное, ужъ округъ лавочки похаживать сталъ, по другому годочку былъ.

— Кто-жъ этотъ Кузька тебѣ былъ, какъ доводился?

— Да внучекъ родной, Аленушкинъ сынокъ, дочки моей Аленушки, внушительно проговорила старуха.

Въ то время, какъ происходилъ этотъ разговоръ, по моимъ исчисленіямъ, Кузькѣ было бы уже 60 лѣтъ.

— Ты, вѣрно, молода замужъ отдана? спросила я.

— Нѣтъ, голубушка, я ужъ на возрастѣ была, годовъ, поди, двадцати.

Короче, изслѣдованія мои привели къ заключенію, что передо мной столѣтняя старуха. Бодрость ея, необычайная сила мускуловъ и, главное, неистощимое веселье, все это было просто изумительно. Но я замѣтила, что собесѣдница моя съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ поглядываетъ въ сторону и какъ будто заинтересована чѣмъ-то совсѣмъ постороннимъ.

— Не осуди старуху глупую, родимая, вдругъ прервала она мои разспросы,— гляжу я, цвѣтъ тамъ какой-то у тебя распустился, и что за цвѣтъ такой, просто диво?

Я оглянулась, это былъ большеголовый, красный піонъ; я сорвала его и подала ей. Лицо старухи мгновенно озарилось самой дѣтской радостью, и, взявъ своей коричневой, костлявой горстью огромный цвѣтокъ прямо за голову, она поспѣшно всадила его за воротъ своей толстой бѣлой рубахи.

— Ишь ты, барыня, наладила что—стара я, а какое стара, погляди-ка, красавица какая, словно какъ невѣститься стала. Такъ вотъ во всемъ въ нарядѣ и на богомолье пойду.

Она назвала очень отдаленный монастырь, куда отправлялась въ сопровожденіи дѣвочки, приходившейся ей, какъ оказалось, внучкой въ пятомъ колѣнѣ и единственнымъ уцѣлѣвшимъ остаткомъ огромной семьи.

— Ну-ка, Грушенька, хошь и рай здѣсь, а все идти пора, посидѣла, да и будетъ, обратилась она къ дѣвочкѣ.

Грушенька встала, но лицо ея приняло плаксивое выраженіе.

— Нога болитъ, пролепетала она, боязливо поглядывая на меня.

— Какъ же намъ теперь быть-то, можетъ разойдешься и легче станетъ, сказала старуха. Но я уговорила ее обождать, и, послѣ краткаго совѣщанія, посѣтительницы мои рѣшили отдохнуть передъ длинной дорогой.

Измученная продолжительной ходьбой дѣвочка свернулась, какъ котенокъ, тутъ же на ступенькѣ крыльца, и, положивъ себѣ подъ голову котомку, мгновенно заснула. Старуха же казалась неутомимой, безъ малѣйшаго признака усталости, сѣла она на скамью и съ любопытствомъ оглядывала все окружающее. Незатѣйливая обстановка деревенскаго двора, посрединѣ котораго раскидывался обширный, очень пестрый цвѣтникъ, приводила ее въ восхищеніе; нельзя было не подивиться живучести въ ней самыхъ младенческихъ впечатлѣній.

— Что у тебя дѣвочка-то какая невеселая, а сама-то ты, какъ маковъ цвѣтъ? усмѣхнулась я.

— Не *обтерпѣлась* еще, знамо дитя, сказала старуха, — вишь, устала, нога болитъ, дѣло ребячье, ей это въ диковинку. Я что! я дѣло другое, чего-чего въ мои-то года перевидала на свѣтѣ, ишь, какая стала, словно дерево. А что веселая я, ты на меня дивуешься, я тебѣ скажу отчего: въ сорочкѣ родилась я, вотъ отъ того и есть! И послалъ мнѣ Господь милостивый счастье, ужъ за что только, и не придумаю, очень я съ молоду блажная была, и ужъ такая блажная, не приведи Господи! Что только покойникъ мой, царство небесное, со мной маю принялъ, того и разсказать нельзя!

— Разскажи, бабушка, какъ же ты блажила, изъ-за чего? Полюбопытствовала я, подсаживаясь на скамью.

— Да что разсказывать-то, всего не перескажешь, не упомню. А изъ-за чего блажила, ужъ и сказать не знаю, изъ-за чего; извѣстно— «баба что горшокъ, что ни влей, все кипитъ!»

— А какъ ты замужъ шла, волей или неволей?

При этомъ вопросѣ на лицо старухи какъ-будто набѣжала тѣнь; она вдругъ замолкла, уставивъ въ пространство какой-то внезапно потухшій взоръ. Крѣпко сложенныя руки упали на колѣни, прямая фигура вдругъ сгорбилась. Въ этомъ согнутомъ положеніи, она казалась ветхой развалиной. Но это продолжалось недолго. Опущенная на грудь голова вдругъ выпрямилась, лицо освѣтилось прежней свѣтлой улыбкой.

— Въ сорочкѣ родилась, да и все тутъ, начала она; люди сказывали, что счастлива буду, такъ оно и вышло, по правдѣ истинной, благословилъ Господь; да только сама-то я не смысленная, ничего того не понимала, а тамъ еще, должно быть, и испортили лихіе люди; а свекровь-то у меня была баба лютая, злющая-презлющая, царство ей небесное.

— Покуда жила я у родителей во младенчествѣ, не знала я горя, не вѣдала: росла себѣ на всей Божьей волѣ, какъ птица поднебесная, только и знала, что смѣхъ да игры ребячьи, а тамъ какъ подрастать стала, и работа тяжелая крестьянская нипочемъ, охоча я до всякаго дѣла была, за двухъ, бывало, день-то деньской работаю, а вечеромъ пѣсни пѣть, и горя мало, здоровенная дѣвка, кровь съ молокомъ. Родителямъ ни въ чемъ не перечила, все и шло, какъ подъ горку, пока не пришла бѣда, слюбилась я съ парнемъ, вотъ какъ слюбилась!... Тутъ разска-

щица глубоко вздохнула, и, придвинувшись ко мнѣ, заговорила внушительнымъ шепотомъ.

— Парень у насъ былъ безродный, сирота на деревнѣ; всѣ у него примерли, не помнилъ даже отца съ матерью, и за великое горе, сиротство его, Господь ему разумъ открылъ, и ужъ такой-то молодецъ: изъ себя пригожій, пригожѣе, кажись, отродясь и не видывала. Кудри черныя и въ правду хмѣлемъ завивались! При этомъ воспоминаніи, она снова уставилась въ пространство; въ глазахъ ея промелькнулъ какой-то внутренній блескъ, казалось, она видѣла что-то невидимое.—Какъ вотъ сейчасъ гляжу я: у самаго у родника; родникъ у насъ тамъ въ лѣсу былъ, въ самой чащѣ, въ оврагѣ глубокомъ, что весь кустами оросъ. И какъ пришла я за водой, гляжу, вода-то гремитъ-погромыхиваетъ, а онъ на меня изъ-за дерева выглядываетъ и голосъ даже боится подать; такъ у меня сердце и ёкнуло, словно оборвалось что въ груди. И надъ тѣмъ ключикомъ студенымъ березка росла кудрявая, развѣсистая... все болѣе всматриваясь въ недвижимую даль, говорила она... и кругомъ, кругомъ-то, у самыхъ корней, все засѣли цвѣтики лазоревые, мелкіе, такіе ясные, словно вотъ глазами глядятъ на тебя и все видятъ, и цвѣтиковъ этихъ видимо-невидимо. Выкрался онъ изъ-за дерева, связалъ пучечекъ, да и подаетъ мнѣ; а я гляжу, молчу и сердце унять не могу, сама ужъ забыла, зачѣмъ и пришла; ведро рядомъ стоитъ пустехонько; а я и не вижу ничего, свѣтъ божій помутился, вижу только цвѣтики въ глазахъ словно прыгаютъ и береза надо мной качается, а сердце-то у меня такъ и стучитъ, словно выскочить хочетъ. Ну, да что тутъ!... Старуха махнула рукой и умолкла. Глаза ея, устремленные вдаль, горѣли, ввалившіяся губы подергивало.

— Долго ли, коротко ли, послѣ продолжительнаго молчанія, вдругъ быстро заговоривъ, продолжала она,—пришла солдатчина, собрались православные, и порѣшилъ міръ, —сдать сироту на службу царскую. Сдали и угнали его далеко, далеко.... Послѣднее было сказано быстрой скороговоркой.

— Угнали, и осталась я одна во всемъ свѣтѣ, даромъ что жила при отцѣ съ матерью. Много я тутъ грѣха на душу приняла, какъ есть несмысленная. Съ того часа на меня и блажь вся нашла; да Господь-то ко мнѣ милостивъ былъ, а я, блажная, того и не чуяла. Ну, ладно! Угнали его, моего сокола яснаго, повыли чужія бабы для примѣру, что, молъ, сирота онъ: проводить-то его некому; ну, повыли да и бросили; а я и не выла совсѣмъ, а только, бывало, съ дѣломъ и безъ дѣла уйду я на тотъ самый род-

никъ, что въ чащѣ лѣсной схоронился, да какъ увижу березу кудрявую,—осенью ужъ дѣло-то было,—и грянусь я на сыру землю, и думается мнѣ все такое нехорошее. Сердце мое, кажись, на куски разрывается. Такъ-то лежала я разъ; ужъ и смеркаться стало, въ лѣсу вѣтеръ завываетъ, словно стонетъ надъ покойникомъ; береза-то скрипитъ, да хлещетъ голыми вѣтками, а цвѣтиковъ тѣхъ лазоревыхъ и знаку нѣтъ, и на томъ мѣстѣ одна лужа стоитъ и вода въ ней чернехонька. Вдругъ, какъ вскочу это я, словно ошалѣлая, схватила поясъ свой, распутала, и ну къ той березѣ привязывать; петлю дѣлаю, а сама боязно такъ поглядываю, не увидалъ бы кто. Ну петлю затянула, попробовала—крѣпкая, рада такъ, что и руки трясутся, а сама даже и не думаю, что грѣхъ великій—руки на себя наложить; перекрестилась я и стала ту петлю на голову натягивать; какъ вдругъ слышу, хрустнулъ сучекъ, и чья-то рука хвать меня; крѣпко держитъ, не выпускаетъ. Затряслась я вся, на землю упала, свѣтъ въ глазахъ помутился; сколько времени прошло и не знаю, только гляжу я, а матушка стоитъ надо мной, молитву читаетъ, сама бѣлая, трясется вся. Думала я, она бить меня станетъ, хоть и сроду пальцемъ не трогала; ну,а она ничего, только помогла встать, сарафанъ одернула, волосы оправила, гляжу — ужъ и поясъ на мнѣ, тотъ, что на березѣ петлей висѣлъ. Встала я на ноги, какъ пьяная, шатаюся; матушка меня поддерживаетъ и таково ласково со мной разговариваетъ. Пришли домой; я, какъ была, одѣтая на лавкѣ и легла, зубы у меня стучатъ, а молитву боюсь читать, потому знаю, что грѣшное задумала.

— Что потомъ было, и не помню; только словно, какъ мать-то стала за мной слѣдомъ ходить, и не урвусь я никакъ въ лѣсъ, къ тому роднику сбѣгать, а вотъ такъ меня и тянетъ; въ избѣ ли на лавкѣ сижу, на улицу ли выду, словно ничего и не вижу, вотъ стоитъ передо мной березонька, раскачивается, цвѣтутъ цвѣтики лазоревые; а на сердцѣ-то словно змѣя лютая и грызетъ, и сосетъ, и нѣтъ мнѣ спокою ни днемъ, ни ночью. Мать извелась сердечная, на меня глядючи, вся-то высохла, какъ былиночка, а мнѣ и все равно, словно какъ и нѣтъ ея. А отецъ тѣмъ временемъ грозенъ сталъ, я его такого и не видывала: что ни пройдетъ таково строго на меня глянетъ, а мнѣ и горя мало. Хоть и вижу я все, да сердце мое изсохло, какъ камень стало, и нѣтъ мнѣ до того дѣла, хоть бей меня; да что, побои-то, кажись, легче бы; а какъ, бывало, погляжу мать убивается, такое меня на нее зло беретъ, и сказать не могу,—ну, не глядѣли бы мои глаза. постыла

она мнѣ совсѣмъ. Вотъ вѣдь какъ Господь-то накажетъ,—разумъ отниметъ. И не приведи ты, Господи!

— Разъ это было, какъ теперь гляжу, праздникъ у насъ, напекла мать блиновъ, сѣли за столъ всей семьей. Сижу и я, гляжу, какой отецъ грозный сидитъ, словно вотъ бить кого собирается, и такъ-то мнѣ это любо стало! Какъ закричалъ онъ на мать, что-то не такъ подала, у меня и сердце взыграло, и гляжу я, что̀ еще будетъ, а она, мать-то, потихонечку, крадучись, горячихъ блиновъ изъ печки вынула, да мнѣ подъ руку и сунула, а сама боязно такъ на меня глядитъ, — и такое-то меня тутъ зло взяло, вскочила я, да какъ двину скамейку, чуть не опрокинула, и сама вонъ изъ избы, да и сѣла на крылечкѣ простоволосая. Снѣгъ хлопьями валитъ, на голую шею мнѣ сыплется, а мнѣ и любо, — на, молъ, съѣшь! Это я объ матери-то думаю. Не любила она, какъ я, раздѣвшись, на морозѣ сижу. И слышно мнѣ въ избѣ голосъ отца и плачъ матери; такая тамъ пошла пыль столбомъ; знаю я, что отецъ осерчалъ; изъ-за меня на мать лютуетъ, мнѣ и отъ сердца отлегло. Выбѣжала ко мнѣ маленькая сестренка, — иди, говоритъ, въ избу, отецъ — что твой лютый звѣрь, покорись — онъ смилуется.

Я только усмѣхнулась, до того сердце у меня одеревенѣло: — Очень мнѣ нужно! говорю. Постояла она и ушла.

— Ну, ладно, стало проходить время, что ни день, то хуже. У насъ въ избѣ-то содомъ стоитъ. И порѣшилъ отецъ замужъ меня отдать, и чтобъ къ веснѣ и свадьбу сыграть непремѣнно. Нечего, молъ, на нее глядѣть, будь на то моя родительская воля, не охочъ я много-то разговаривать.

— Домъ у насъ былъ хорошій, не то чтобы богатый, а жили не нуждались. Вотъ и слышу я, стали отецъ съ матерью разговаривать про свадьбу; я слушаю, а сама молчу, словно и не обо мнѣ дѣло идетъ. Что они тамъ ни толкуй, мнѣ и дѣла нѣтъ; представляется мнѣ тотъ ключикъ въ лѣсу и березонька кудрявая, и цвѣтики лазоревые.

— И много ужъ зимы-то прошло; только разъ стала мать избу прибирать, пирогъ испекла, пошелъ отецъ за виномъ. Мать вынула мнѣ сарафанъ красный праздничный, взяла гребень и стала косу мою расчесывать. Я сижу какъ истуканъ. Одѣла она меня, причесала; я молчу, ни словечка не говорю. Встала она это насупротивъ меня, тяжелехонько вздохнула, пригорюнилась; глянула я на нее и вижу, заливается она, плачетъ. Не вспомнилась я, словно ужаленная, какъ вскочу, схватила гребень да какъ пущу

его по полу! Ну ужъ тутъ и ее зло взяло. Закричала она на меня, дверью хлопнула, да и ушла изъ избы.

— Бѣжитъ Машка, сестрица, говоритъ: сваты ѣдутъ, гляди и женихъ съ ними! Я какъ была, такъ тутъ же на лавку и присѣла, въ ушахъ у меня звонъ пошелъ, въ умѣ словно что помутилось. Гляжу я прямо передъ собой и ничего не вижу.

— Долго ли, коротко ли, въ избѣ ужъ перетолковали, мать меня изъ-за перегородки вывела. И словно какъ я вдругъ проснулась, вижу: стою я передъ лавкой, подносъ со штофомъ въ рукахъ держу, гостей угощаю, а мать сзади, потихонечку меня подъ локоть поддерживаетъ,—боится, вино уроню, и вдругъ это словно меня кто толкнулъ,—гляди, молъ; подняла я глаза и вижу: сидитъ мужикъ, и глаза у него до того жалостные, смотритъ на меня и словно вотъ заплакать хочетъ. Самъ молодой, изъ себя видный; я его и прежде видала, къ обѣдни въ наше село хаживалъ, и кафтанъ на немъ синій хорошій, мужикъ богатый былъ, самый завидный женихъ во всемъ околодкѣ. И какъ глянула я на него—батюшки! Свѣтъ божій помутился въ глазахъ, до того онъ мнѣ противенъ сталъ; дрогнули мои рученьки, покачнулся подносъ, зазвенѣла посуда, а я, какъ шальная, такъ со всѣхъ ногъ изъ избы и кинулась!

— Вышелъ отецъ за мной слѣдомъ въ сѣни, видитъ, прижалась я въ уголъ, волкомъ гляжу. Схватилъ онъ меня за косу, выволокъ; встала я; стою передъ нимъ, какъ пень какой, и ничего-то не боюсь, хоть и вижу,—грозенъ родитель.

— Ты это что выдумала дурить, изъ воли родительской выходить! загремѣлъ батюшка, ахъ ты такая-этакая, да я тебѣ дурь-то выбью, даромъ что мать потатчица! А замужъ ты у меня пойдешь, убью, а слово мое вѣрное, ты такъ и знай!

Гляжу я на него, и видитъ онъ, что ничего какъ есть не боюсь; зло такое-то его взяло, даже затрясся весь,—схватилъ меня за плечи, да какъ швырнетъ съ крыльца, такъ я кубаремъ и покатилась; а онъ хлопнулъ дверью и въ избу пошелъ.

— Что тутъ было, всего не пересказать; только послѣ этого раза, стала я сама какъ не въ себѣ и словно какъ забыла все, и стала пуще того несмысленная.

— Много толковала женихова родня; говорили, что я порченая, и отецъ хоть бей, хоть нѣтъ, мнѣ все едино. И женихъ приходилъ, сядетъ бывало на лавку рядомъ со мной, за руку возьметъ, жалѣлъ онъ меня очень; а мнѣ и то все равно: онъ ли, или Машка сестренка около меня убивается, сижу какъ каменная, слышу,

какъ обо мнѣ разговариваютъ: стерпится—слюбится;—молчу, да и полно.

— Тѣмъ временемъ стали все къ свадьбѣ готовить, чтобъ до поста великаго перевѣнчать насъ. Все это какъ во снѣ мнѣ представлялось, и забыла я обо всемъ. Только, бывало, какъ ночью полягутъ всѣ спать, въ избѣ темно станетъ, не спится мнѣ, встану съ постели и сейчасъ къ окну, сяду на лавку, уставлюсь въ окошко; снѣгъ чуть-чуть по дорогѣ бѣлѣется, на дворѣ стужа, вѣтеръ въ трубѣ гудитъ; и думается мнѣ, какъ тамъ родничекъ по камушкамъ гремитъ, и березонька по вѣтру качается, а онъ будто изъ-за дерева на меня глядитъ, и слышу я его рѣчи ласковыя, и сердце мое сосетъ, сосетъ тоска-кручинушка, и, кажись, вотъ бы заплакала, а слезъ нѣту, только въ глазахъ словно огонь горитъ, голова горячая, и легче мнѣ станетъ какъ къ мерзлому окну лбомъ прижмусь. Такъ до пѣтуховъ и сижу. Мать ужъ вставать станетъ, огня вздуетъ, поглядитъ на меня только, вздохнетъ, да и пойдетъ прочь.

— Приходила къ намъ и знахарка, баба умная, изъ дальняго села, умывала меня на зарѣ, приговаривала и на воду шептала, и сказала она матери, что послѣ вѣнца все какъ рукой сниметъ; только наказывала матери со мной построже быть, чтобы, оборони Боже, до свадьбы чего надъ собой не сдѣлала; а послѣ, сказывала, какъ вѣнцы снимутъ, все и пройдетъ съ Божьей помощью. Ну хорошо. Началась въ избѣ стряпня; мать наряды мнѣ приготовила, стали ужъ и гости собираться. Одѣли меня все равно какъ покойницу, вывели, посадили въ передній уголъ и голову платкомъ покрыли. Сваха наказывала мнѣ выть погромче для народа, потому безъ этого ужъ дѣвицѣ никакъ нельзя. А я не то что погромче, а и вовсе не выла; подъ платкомъ-то мнѣ словно какъ и легче, сижу я и кажется мнѣ, что одна я во всемъ бѣломъ свѣтѣ, и только про свое все и думаю.

— Повезли меня въ церковь Божію, поставили передъ налой. Я смотрю, какъ на ризахъ у попа золото переливается, а сама точно чужая; вотъ ужъ и женихъ меня за руку взялъ, вѣнцы на головы надѣли и повели кругомъ. Хожу это я, все подъ ноги смотрю,—думается мнѣ:—какой полъ въ церкви каменный, и плиты всѣ словно изгрызенныя, и ни о чемъ я не думаю. Кончилось вѣнчанье, священникъ и говоритъ:—«Поцѣлуйтесь!» и вдругъ сердце мое словно огнемъ запалило, подняла я голову и чую, наклонился ко мнѣ чужой мужикъ, да какъ чмокнетъ, въ самыя губы! Затряслась я вся, какъ осиновый листъ, глянула на него,

какъ на ворога лютаго,—до того противенъ; я изо всей силы какъ ткну его локтемъ въ грудь, закричала благимъ матомъ на весь народъ, да такъ, какъ трава подкошенная, на полъ и грохнулась. Подхватили меня дружки на руки и поволокли изъ церкви все равно, какъ мертвое тѣло; ничего ужъ тутъ я и не чуяла. Только какъ опомнилась, лежу я въ чужой избѣ, и за перегородкой пированье идетъ, и Господи, ты Боже мой! Тутъ ужъ я все и вспомнила, и легче бы меня живую въ землю закопали; какъ вздумала я, что теперь мужняя жена, да, кажись, будь тутъ прорубь, такъ бы я въ нее и кинулась!

— Отпировали гости и разъѣхались. Пришла матушка, благословила меня, и осталась я въ чужой избѣ съ постылымъ мужемъ вѣкъ вѣковать.

Старуха замолкла. Она сидѣла неподвижно, вся склонившись впередъ и, упершись локтями въ колѣни, поддерживала свою отяжелѣвшую голову. Глаза ея были устремлены въ землю, на тощей груди вздрагивалъ воротъ рубахи, въ которомъ все еще торчалъ до половины осыпавшійся, посинѣвшій піонъ.

— Господи, прости Ты мои согрѣшенія! вдругъ проговорила она и, выпрямившись, продолжала:

— Ну, касатка моя, тутъ-то и началось мое грѣшное житье. Блажь такая нашла, что я и Бога забыла, и законъ свой, что въ святой церкви Господь благословилъ, я, окаянная, ни во что ставила. И стала я какъ не въ себѣ, не то, что прежде, какъ дерево была. Тутъ на меня нашло такое, что и сказать нельзя. Вѣдь мужъ онъ мнѣ законный передъ Богомъ и передъ людьми, а постылъ до того, что, кажется, поглядѣла бы я, какъ бы его казнью лютой мучить стали, и было бы это мнѣ въ сласть великую. А онъ-то, человѣкъ жалостливый, царство небесное, жалѣлъ меня, какъ дитя малое, и ужъ любилъ, Господи, какъ любилъ блажную, супротивную да непокорную. И мать у него, баба строгая, стыдила, корила; а онъ и мать на меня промѣнялъ. Вѣдь что я дѣлала-то! Бывало, день деньской по угламъ да по задворкамъ прячусь, чтобъ и не видать мнѣ его постылаго, а какъ смеркнется, я заднимъ дворомъ прокрадусь и убѣгу въ поле либо въ лѣсъ. На другой день послѣ свадьбы укралась я, и какъ стало смеркаться, накинула шубенку и прямо цѣликомъ по полю, снѣгъ глубокій, сугробы дорогу перемели, а я бѣгу безъ оглядки и прямо, версты четыре будетъ, прибѣжала назадъ въ родительскій домъ; стучусь въ окно, ужъ поздно, всѣ у насъ спятъ. Выглянулъ отецъ, калитку отворилъ, впотьмахъ не видитъ;

я ему въ ноги:—батюшка родимый, это я, хоть убей, а спрячь, чтобы постылый не нашелъ меня, охъ, спрячь поскорѣе! Погонится онъ—утоплюсь, ей-богу, въ проруби утоплюсь!

— Да съ чего ты взяла, ахъ, ты такая-этакая, осерчалъ отецъ,—виданное ли дѣло отъ мужа бѣгать; да я тебѣ всѣ кости переломаю!

Валяюсь я въ ногахъ у отца; а онъ выхватилъ изъ плетня хворостину, да какъ началъ меня учить! А я ничего, любо мнѣ, что онъ меня бьетъ, во сто разъ лучше это, чѣмъ въ домъ свой постылый воротиться. Выбѣжала мать, отнимаетъ меня, а я кричу,—не трогай, матушка, убейте меня, только къ нему не посылайте!

— Вдругъ слышу заскрипѣли по дорогѣ сани и остановились у нашего двора. Въ саняхъ свекровь сидитъ. Гамъ поднялся, шумъ страшный, мать реветъ, отецъ лютуетъ, а свекровь такъ и заливается; подхватила меня, да какъ мѣшокъ какой и свалила въ дровни. Повернула она лошадь и погнала ко двору; по лошади кнутомъ стегнетъ и меня прихватитъ, да такъ всю дорогу и постегивала. Привезла домой; отъ побоевъ у меня все тѣло посинѣло, и какъ увидѣлъ меня въ сѣняхъ мужъ, растрепанную, избитую, взялъ онъ меня за руку, потащилъ въ свѣтелку, гдѣ мы жили съ нимъ; я прижалась въ уголъ и, какъ звѣрь, на него гляжу,—убить готова. Постоялъ онъ, посмотрѣлъ на меня таково жалостливо, махнулъ рукой, сѣлъ на лавку и заплакалъ словно дитя малое. Не понимала я тогда, не чуяла великаго смиренія его и смотрѣла все равно, какъ на гадину какую. Что бы онъ ни сдѣлалъ, все мнѣ противно; глядѣла я на его лицо, глазъ не могу оторвать, и гадко мнѣ, и страшно, и такое ужъ зло беретъ! Пошло съ этого дня мое житье хуже прежняго. Свекровь проходу не даетъ, и ругаетъ, и колотитъ; а мужъ день ото дня ласковѣе, и что ласковѣе, то противнѣе. Вѣдь вотъ какъ человѣкъ ожесточиться можетъ. Не открывалъ мнѣ Господь разума, и блажила я страсти какъ, не понимала я того, что Господь мнѣ послалъ человѣка добраго, и душа у него была праведная, справедливая. Видала я, какъ другіе-то живутъ: мужья пьянствуютъ, женъ колотятъ, все изъ дому тащатъ; а мой-то смиренникъ, никто отъ него слова дурнаго не слыхалъ. И стала я думать несмысленная, что легче бы мнѣ, кабы онъ, какъ другіе мужики, былъ: колотилъ бы меня, бранилъ, а не бабой ревѣлъ, на меня, непокорную, глядючи. И все въ этихъ мысляхъ злыхъ да неприглядныхъ шло время. Какъ весна пришла, стала я уходить

да прятаться по лѣсамъ и по оврагамъ. Бывало, залягу куда-нибудь въ лѣсную чащу, и любо мнѣ подумать, что волкъ придетъ, растерзаетъ меня звѣрь лѣсной, и не видать мнѣ ласки постылаго мужа.

— Такъ-то время ужъ почти съ полгода прошло. Работу я всякую работаю и свекрови ни въ чемъ не перечу; въ работѣ тяжелой мнѣ словно легче станетъ, иной разъ и забуду, что замужняя. Вотъ ужъ лѣсъ сталъ одѣваться, черемуха въ цвѣтъ пошла. И давно-таки я дома не была, свекровь не пускала, думала, что меня мать научаетъ противъ мужа идти; и правда, разъ меня мать, потихоньку отъ отца, въ сарай заперла, спрятала. Свекровь и прознала; съ тѣхъ поръ меня въ родительскій домъ ни ногой.

— Только разъ, стали бабы въ деревнѣ собираться въ лѣсъ, вѣники вязать; деревья ужъ всѣ листомъ одѣлись, и меня свекровь посылаетъ. Пришли мы всѣ въ лѣсъ, анъ березоньки ужъ распустились, въ лѣсу сущій рай, отъ смолы духъ идетъ. Взяла я ножикъ и полѣзла на дерево, рѣжу вѣтки и внизъ бросаю, внизу всѣ порѣзала, наверхъ полѣзла. Взобралась я высоко, высоко, уцѣпилась за вѣтки, чуть держусь. Вдругъ взмахнулъ вѣтеръ, гляжу я, подо мной лѣсъ шумитъ, и тамъ, гдѣ-то невдалекѣ, словно вода по камушкамъ погромыхиваетъ, небо ясное надъ головой стелится, въ лѣсу кукушечка тоскуетъ, а ключикъ гдѣ-то такъ и гремитъ, такъ и гремитъ, словно манитъ къ себѣ. Сердце мое перевернулось, дыханіе сперлось, глянула я внизъ, а цвѣтики лазоревые, я ихъ и не запримѣтила, тѣ самые цвѣтики у воды стелются; и вижу я, глазами вижу, подъ березой изъ-за вѣтокъ, внизу подо мной, курчавая голова: самъ Ванюша стоитъ! Закричала я не своимъ голосомъ и, какъ была, разставила руки, и съ самой-то верхушки дерева кинулась къ милому. Долго лежала я безъ памяти, сбѣжались бабы. Какъ мужъ мой поймалъ меня, а это онъ стоялъ подъ деревомъ, и его курчавую голову приняла я за Ванюшину; но только не сдержалъ онъ меня, я сшибла его и ударилась объ дерево, переломила себѣ ногу; но ничего-то я не чуяла: и какъ принесли меня въ избу на рукахъ, какъ меня положили, позвали костоправку, я ничего того не помнила. И приключилась со мной послѣ того раза болѣзнь-горячка. Шесть недѣль провалялась я безъ памяти, бредила, кричала, головой объ стѣну билась, никого не узнавала. Мужъ извелся, ни днемъ, ни ночью не отходилъ отъ меня. Я въ бреду-то все кричала, звала Ванюшку, и бывало, мужъ, по-

дойдетъ и наклонится надо мной, а я какъ увижу его курчавую-то голову и схвачу ее, да и припаду горячимъ лицомъ.

— Долго такъ я лежала, все хворая, ничего не смыслила. Вдругъ это разъ на зарѣ, ночи были короткія, лѣтнія, сталъ свѣтъ брезжиться, очнулась я, гляжу по сторонамъ, тряхнула головой,—не болитъ и не жжетъ меня, не палитъ; а въ окно-то зорька красная заглядываетъ, и такъ-то мнѣ вдругъ легко стало да радостно, хочу приподняться,—не могу, нога у меня связана сломанная и руки, какъ плети, а всей мнѣ такъ-то хорошо и на душѣ весело, словно я опять на свѣтъ родилась. Оглядѣлась я кругомъ, вижу—все та же изба чужая, а у самой постели моей, на полу, лежитъ мужъ, и таково крѣпко спитъ. Свѣсила я съ подушки голову, гляжу на него. Сталъ онъ такой-то бѣлый да худой, краше въ гробъ кладутъ, и лицо у него измученное, да такое-то строгое, я его такимъ и не видывала. Волосы курчавые отросли, всѣ въ кольца завились; и до того мнѣ вдругъ стало жалко его, до того жалко, стѣснилось у меня что-то въ груди, даже духъ захватило, и слезы такъ и хлынули. А я и не помню, когда плакала, и отъ тѣхъ слезъ стало мнѣ такъ-то хорошо, такъ легко на сердцѣ. Опустила я руку и своего-то постылаго взяла за кудри, да такъ украдкой, чуть-чуть, сама робѣю, и погладила. Гляжу я, сердце у меня такъ и колотится, пошевелился онъ, а я сейчасъ и защурилась, словно сплю, и хорошо-то мнѣ, и боязно, и сама не знаю, что со мной. Всталъ онъ, умылся, Богу помолился, поглядѣлъ на меня, видитъ сплю, взялъ топоръ и вышелъ въ сѣни, и слышно мнѣ, какъ на дворѣ застучалъ, стройка у насъ въ то время была. Лежу я, глаза ужъ открыла, и думается мнѣ,—вотъ сейчасъ, какъ взойдетъ онъ, и скажу я ему, что мнѣ полегче стало. Только распахнулась дверь, и вижу я, входитъ въ избу купецъ съ товаромъ, коробку большую на полъ со спины спустилъ, на святыхъ перекрестился, и глядитъ на меня, руки въ боки подперъ, самъ усмѣхается. А этотъ самый купецъ часто въ деревню къ намъ хаживалъ, и такой балагуръ, я и сказать не могу, самъ рыжій, изъ лица красный, настоящій, какъ слѣдуетъ быть, купецъ, и все бывало съ прибаутками, слова спроста не скажетъ, станетъ товаръ свой выхвалять, а самъ все на бабъ да на дѣвокъ поглядываетъ, лукавый такой человѣкъ.

— Ну вошелъ онъ въ избу, видитъ я не сплю, онъ сейчасъ это ко мнѣ подошелъ, во всѣ углы боязно такъ оглянулся, да и говоритъ:—Слушай ты, молодица, давно ужъ я случая такого

улучаю, чтобы съ тобой, значитъ, перетолковать, и на счетъ мужа твоего постылаго я давно примѣчаю. Меня ты знаешь, что я есть за человѣкъ богатый, и всякаго то-есть товару у насъ вдоволь будетъ; а что ежели что,—я не то что чего прочаго,— а на что самый лучшій платокъ французскій или тамъ сережки какія, онѣ можетъ рупь стоятъ, и того, кажись, для тебя не пожалѣю....

Испугалась я этихъ его словъ лукавыхъ, вотъ какъ испугалась. Отстань, говорю, — и съ чего ты это взялъ, образина такая!

А онъ тѣмъ временемъ, хвать меня за руку; я рвусь, а онъ не пускаетъ. Закричала я тутъ благимъ матомъ, и на этотъ мой крикъ растворилась дверь, и вбѣжалъ въ избу мужъ; да какъ увидѣлъ онъ, какъ купецъ-то меня за руку хватаетъ, распалился онъ, свѣту не взвидѣлъ, да какъ однимъ махомъ вскинулъ топоръ надъ головой:—А этого хочешь? загремѣлъ онъ не своимъ голосомъ. Затряслась я вся, гляжу, купецъ на сажень отскочилъ, изъ лица весь почернѣлъ; а хозяинъ-то мой какъ взмахнулъ топоромъ, такъ надъ головой его и держитъ, и такой-то страшный сталъ: самъ бѣлый, волоса дыбомъ стоятъ, зубы изъ-подъ усовъ сверкаютъ, а глаза, словно уголья, горятъ, страсти Господни! Батюшки свѣты, я его такимъ и не видывала, и тотъ ли это мужикъ, что надо мной непокорной бабой ревѣлъ! Ну, тутъ мое и сердце взыграло, такъ бы, кажись, тутъ ему на шею кинулась.

Оторопѣлъ купецъ, самъ коробъ на спину вздѣваетъ, а руки трясутся.

— Проваливай вонъ отсюда! кричитъ мужъ, да какъ съ размаха опустилъ топоръ то на лавку, анъ лавка-то дубовая надвое разсѣлась. Выскочилъ купецъ изъ избы вонъ, какъ ошпаренный. А я ужъ и не знаю, откуда сила взялась, сѣла на постели и до того рада, гляжу на мужа и смѣюсь, и плачу, слова вымолвить не могу.

Взмахнула это я руками, наклонился онъ ко мнѣ, я ухватила его за голову, притянула къ себѣ и только выговорила:— Желанный мой, прости ты меня грѣшную, непокорную! Онъ такъ и затрясся весь, подкосились у него колѣни, такъ онъ и припалъ ко мнѣ. А я держу его за голову, выпустить боюсь и вижу, зорька красная все больше разгорается, и на душѣ у меня словно праздникъ Господенъ!... Тутъ мнѣ Господь и весь разумъ открылъ. По истинѣ, велика милость Его!... Сказано, въ

сорочкѣ родилась я грѣшная. И послѣ того, стала я все смыслить, и какой у меня мужъ, и какъ Господь все велъ къ лучшему, и что только было со мной, все на благо вышло, и не стоющая я тварь на свѣтѣ, потому что Бога гнѣвила своимъ непокорствомъ, изъ родительской воли выходила, и грѣхи мои тяжкіе не покаралъ Господь.

— И какъ стали мы жить по-христіански, свекровь, царство ей небесное, перестала лютовать надо мной, и родитель мой смиловался; а ужъ про мужа не говорю, душа его кроткая вся мнѣ открылась, и я передъ нимъ, какъ свѣчка передъ иконой горѣла, и прегрѣшенія мои тяжкія и по сю пору все замаливаю. А я и потомъ все передъ Господомъ непокорна была, все по глупости своей, потому покуда молода не обтерпѣлась на свѣтѣ, и думала, что такъ не надобно, какъ Богъ посылалъ. Было дѣтей у меня много, и всѣхъ ихъ почти я похоронила. Вотъ тужила, вотъ убивалась, и Господи!—Находила на меня такая-то тоска, печаль лютая, что снова готова была на себя руки наложить. И все-то онъ покойникъ меня унималъ, уговаривалъ. И удалось мнѣ, наконецъ, троихъ вырастить. Что были за дѣтки, людямъ на удивленье и намъ на радость, два мальчика, ужъ большинькихъ, да и дѣвочка порядочная. Какъ теперь гляжу, пойдемъ въ лѣтній день къ матушкѣ, цвѣтики въ поляхъ всѣ пораспустилися, рожь въ полѣ ужъ въ колосъ пошла, солнышко на небѣ пригрѣваетъ, и дѣтки мои веселые, да сытые, бѣгутъ себѣ впереди, забавляются,—кто грибокъ нашелъ — смѣется, кто пучечекъ щавлю связалъ, бѣгутъ не нарадуются. А у меня на нихъ сердце такъ и рвется, и кажется мнѣ, что краше моей Анютки на свѣтѣ нѣтъ, вся въ отца, такая голова курчавая, и глазенки ясные свѣтятся. А ужъ ласковая какая, да покорная, вся въ него, моя голубушка.

— Ну, хорошо, а бѣда не за горами, тутъ за плечами стоитъ нежданная, невѣдомая, и не чуяло материнское сердце, не вѣдало....

— Коротко сказать, прилетѣла къ намъ на деревню, словно птица зловѣщая, немочь ребячья, и такая-то немочь, захватитъ глотку, помается, покричитъ ребенокъ, и задушитъ его окаянная. Воютъ матери, убиваются, да ничего не подѣлаешь. Ребятъ въ тотъ годъ много примерло, и все я Бога молила: пронеси, Господи, да, видно, не услышалъ онъ молитвы моей грѣшной; на одной недѣлькѣ всѣхъ трехъ и похоронила. Сначала мальчики мои померли, а черезъ три денька, по веснѣ дѣло было, и до-

чушка моя, свѣтикъ Аннушка; какъ захворала, я надъ ней день и ночь убивалась, съ рукъ не спускала, извелась она въ одни сутки, да такъ и кончилась. Ну ужъ тутъ что говорить, я словно ума рѣшилась, и горше того горя лютаго нѣту на свѣтѣ!... Сердце материнское изсохло въ груди, тоска меня одолѣла. Ходила ко мнѣ мать, плакалась вмѣстѣ со мной, уговаривала, нѣту мнѣ спокою, такъ и надрывается душа моя непокорная! Мужъ ничего, онъ не разговорчивъ былъ, извѣстно, мужчина—стерпѣлъ, только обо мнѣ все больше убивался. А тутъ захворала и матушка моя и скорехонько отдала Богу душу. Какъ я ее похоронила, тамъ же, около моихъ могилокъ махонькихъ, народъ разошелся, а я сѣла подъ кусточкомъ, и Господи! все-то кругомъ веселехонько, весь міръ божій въ вешній день красуется, радуется,—а мнѣ-то—пустъ свѣтъ божій, пустехонекъ. Да что говорить, тужила я крѣпко, извѣстно сердце материнское неспокойное. Да вѣдь не я одна, мало-ли матерей горькихъ въ ту весну осталось; другія бабы покорныя, потужитъ она, да и покорится, и сама я себя карю, браню, а все сладу нѣтъ. Отбило меня отъ ѣды, и сонъ на умъ не идетъ. Бывало, выйду, какъ только зорька забрежжится, и гляжу, гдѣ тотъ кустъ стоялъ, что цвѣтомъ алымъ изукрашенный, моихъ дѣтокъ радовалъ, и стоитъ онъ передо мной краше прежняго, и не глядѣли бы глаза мои на Божій свѣтъ, сердце-то пуще того надрывается... И стала я сохнуть, къ землѣ меня такъ вотъ и тянетъ, и пригибаетъ.

— Ужъ и осень на дворѣ, пошла я къ святымъ мѣстамъ на поклоненіе, замолить Владычицу, Пресвятую Богородицу, чтобы преложила гнѣвъ на милость, послала-бы мнѣ дитятко милое, чтобъ не однимъ намъ старикамъ вѣкъ вѣковать. И услышала Пречистая. Прибрела я домой, и послѣ молитвы моей на душѣ у меня словно полегчало. А черезъ годъ съ небольшимъ, родилась у меня дочка Аленушка прошенная, моленная у Господа. И такое ужъ у меня было сердце неотходчивое: младенецъ на рукахъ, а самой все думается: зачѣмъ Господь взялъ моихъ дѣтушекъ, веселѣй бы имъ рости вмѣстѣ, и не надо тому быть что сталось.

— Такъ-то я жила да грѣшила передъ Господомъ, а все не прогнѣвался Онъ на меня: Аленушку выростила. Расцвѣла она, какъ маковъ цвѣтъ. Мы на нее не нарадовались. Выросла большая, выше меня ростомъ, изъ себя видная, нѣжная да тонкая. Вышла она замужъ за парня хорошаго, ни въ чемъ мы ей не перечили, сама себѣ и жениха выглядѣла. И что же бы ты думала,

участь-то родительская: за непокорство мое наказалъ Господь, мужа-то ея въ солдаты взяли, все равно какъ моего Ванюшку. Убивалась она шибко, съ дѣтками малыми осталась; а я-то вдовѣла ужъ тогда, въ тотъ же годъ Господь и мужа моего прибралъ. И остались мы, двѣ бабы безпомощныя, горе горевать съ дѣтьми малыми. Завалилась изба, забѣдняла семья, корову продали; стала чахнуть моя Аленушка, на глазахъ моихъ, какъ свѣчка, таяла; а бѣдность покою не даетъ: ребята кричатъ голодные, все прахомъ пошло,—она хворая, а я старая.

— Пришлось ей тошнехонько; она и зоветъ меня ночью, будитъ. Встала я; лежитъ она, голубушка, глаза у ней такіе ясные, хочетъ мнѣ что-то сказать, а кашель бьетъ, и кровь алая на губахъ запеклась. И говоритъ она мнѣ:—матушка, возьми ты чулки мои да сходи на прудъ, постирай ихъ, потому помираю, и до утра не доживу...

— А мы ужъ и соборовали голубушку мою.—Ну такъ вотъ что, матушка, говоритъ она, какъ помру я, тошно тебѣ будетъ, только ты не тужи обо мнѣ. Умирать-то легче, чѣмъ жить. Постояла я около нея, взяла чулки и пошла полоскать. Ночь была мѣсячная, звѣзды по небу повысыпали, я взошла на мостки, сама стираю, а слезы у меня градомъ катятся. Пришла я домой, гляжу жива, а она и говоритъ: — Ну повѣсь чулки посушить, да и зажги свѣчу передъ образомъ, я сейчасъ отойду...

— Затеплила я свѣчку, подошла къ ней. — Ну что жъ говоритъ, матушка, попрощаемся. Стали мы съ ней прощаться, я какъ къ ногамъ ея припала и встать не могу; а она и говоритъ, тихо такъ да внятно:—не убивайся ты, матушка родимая, жалко мнѣ тебя, что на свѣтѣ маяться останешься, а я отойду съ миромъ ко Господу, въ селенія Его праведныя, гдѣ и батюшка, и сестры, и братья, и весь божій людъ у Господа о грѣхахъ нашихъ молится. И благодари ты Пресвятую Богородицу, родимая, что взяла Она къ себѣ твоихъ дѣтушекъ во младенчествѣ, и въ раю ихъ душки неповинныя не знаютъ ни горя, ни голода. И буду я на томъ свѣтѣ молить Ее Пречистую, чтобы взяла и моихъ въ свои райскія обители... Сказала эти слова моя Аленушка, перекрестилась, сложила руки и умолкла, закатились ясныя очеиьки...

— И что жъ, касатка моя, я поплакала да скорехонько и утѣшилась. Попомнились мнѣ эти ея слова предсмертныя, разумъ мнѣ она, умирая, открыла. И съ тѣхъ поръ много я еще и внучатъ перехоронила, и, бывало, радуюсь, что младенческая душка

уходитъ къ матери. Тутъ мнѣ все открылось, какъ Господь-то милостивъ, всѣхъ взялъ въ Свои святыя обители, а вотъ меня, старую грѣшницу, земля не беретъ, потому неправедная я на свѣтѣ жила, не покорствовала волѣ Божіей, ужъ истинно въ сорочкѣ родилась, а все сердце мое рвалось, не покорялась я. А теперь вотъ хожу по богомольямъ, и думается мнѣ, услышитъ Господь молитву мою грѣшную, и умру на пути подъ березкой развѣсистой, и стара я, стара; а что старше становлюсь, то на душѣ у меня спокойнѣе, все думается: недалеко конецъ.

— Ишь ты міръ-то Божій красуется, и сколько я на свѣтѣ всего наглядѣлась, сколько милостей извѣдала. Сказано, въ сорочкѣ родилась. И какъ нынѣче на зарѣ, передъ богомольемъ, пришла я на погостъ въ нашемъ селѣ, гляжу кругомъ: могилкамъ-то моимъ роднымъ и счету нѣтъ: гдѣ еще кустикъ чуть отъ земли подымается, а гдѣ ужъ и дерево кудрявое наклонилося. Листья шумятъ, къ землѣ клонятся, старуху старую, грѣшную, къ себѣ зовутъ на вѣчный покой, гдѣ нѣтъ печалей и воздыханій;—небось въ церкви-то слышала ты, родимая?

— Баушка, баушка, ужъ солнце вона гдѣ! раздался звонкій голосокъ подъ елками.

— И то, касатка, заболталась я, поспѣшно поднявшись, сказала старуха. Она выпрямилась во весь свой высокій ростъ, бодрымъ движеніемъ вскинула себѣ котомку на плечо и, взявъ посохъ, съ прежнимъ веселымъ и бодрымъ видомъ обратилась къ дѣвочкѣ, которая украдкой выглядывала изъ-за еловой вѣтки. Прежней усталости и плаксиваго выраженія и въ поминѣ не было.

— А нога?

— Зажила, звонко закричала малютка.

— Ну зажила, такъ и слава тебѣ Господи!

— Баушка, я поѣсть хочу.

— А поѣшь и то дитятко, дѣло ребячье, проголодалась ты, вотъ сейчасъ и хлѣбца поѣшь.

И совершенно для меня неожиданно, старуха вдругъ подошла ко мнѣ, протянула руку и какимъ-то страннымъ напѣвомъ произнесла:—Подайте ради Христа Спасителя на пропитаніе, идемъ на богомолье, Христовымъ именемъ пропитываемся. —

— Что жъ у тебя въ котомкѣ? Полюбопытствовала я, когда дѣвочка принялась за завтракъ.

— А все смертное—и башмаки, и рубашка, и саванъ на

смерть, совершенно равнодушно произнесла старуха. Неравно смертный часъ въ дорогѣ найдетъ, вотъ все тутъ и готово.

Она приподняла тряпицу, который былъ обвязанъ берестовый коробокъ, и тамъ, не безъ нѣкотораго содроганія, увидѣла я, дѣйствительно, всѣ эти предметы тщательно сложенные, и даже саванъ, то-есть, кусокъ бѣлаго полотна, тщательно обшитый по всѣмъ сторонамъ чѣмъ-то вродѣ узкой полоски вязанныхъ кружевъ.

— Сама сшила, замѣтила съ нѣкоторымъ самодовольствомъ старуха, ишь, говоришь слѣпая я, какое слѣпая, — вонъ какъ разукрасила!

Дѣвочка тоже съ видимымъ удовольствіемъ разглядывала бабушкинъ саванъ, укладывая его обратно въ катомку.

— Она у меня все знаетъ, дѣвчонка вострая, — помретъ бабушка, она сейчасъ разодѣнетъ. Разодѣнешь, Грунюшка?

— Я тебя прежде вымою; я видѣла, какъ покойниковъ моютъ, довольная своимъ знаніемъ произнесла Грунюшка.

— Ну, что за дѣвка-кòзырь! воскликнула восхищенная бабушка.

Долго еще смотрѣла я, какъ мимо ограды моего сада мелькала прямая и бодрая фигура высокой старухи, и съ нею рядомъ, мелкими шажками бѣжала дѣвочка, а изъ-за вѣтокъ густо засѣвшаго у ограды орѣшника, отчетливо долетали до меня обрывки разговора: покойниковъ обряжаютъ, могилу копать глубокую, не то водой захлещетъ... разносилось въ сыромъ, напоенномъ весенними ароматами воздухѣ.

А. Коваленская.

ЛЖЕ-БОГЪ

Свѣтильникъ мой уныло и убого
Предъ алтаремъ забытымъ трепеталъ,
Печальный жрецъ покинутаго бога,
Все вѣрилъ я и все чего-то ждалъ.
Они-же съ гикомъ, хохотомъ и свистомъ
Вломились въ храмъ какъ на безумный пиръ
И, волю давъ рукамъ своимъ нечистымъ,
Повергли въ прахъ божественный кумиръ.
И онъ мой богъ безсиленъ, безсловесенъ,
Влачимъ въ пыли кощунственной толпой,
Въ нестройный тактъ ихъ богохульныхъ пѣсенъ
О камни билъ расколотой главой.

. . . . . .

И новый богъ на прежнемъ пьедесталѣ
Вознесъ главу, могущественъ и гордъ;
Опять огни въ лампадахъ заблистали,
И загремѣлъ молитвенный аккордъ.
Внималъ народъ, склонясь въ молчаньи строгомъ
Лишь я стоялъ угрюмъ и одинокъ:
Мой прежній богъ, ужъ не былъ больше богомъ,
А новому молиться я не могъ.—

А. Ч.

Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

До сихъ поръ, въ ряду народныхъ произведеній, касающихся морскихъ походовъ козацкихъ, мы приводили только думы. Къ такимъ произведеніямъ, которыя слѣдуетъ означать собственно названіемъ пѣсенъ, принадлежитъ пѣсня о взятіи Варны, напечатанная въ Сборникѣ галицко-русскихъ пѣсенъ Жеготы Паули. Она не записана изъ устъ народа, а выписана изъ стараго рукописнаго собранія XVII вѣка, хранившагося въ Старосамборскомъ замкѣ и писаннаго какимъ-то Юріемъ Ковалемъ Грушатицкимъ вмѣстѣ съ другими малорусскими памятниками. Пѣсня эта разбивается на двѣ части, почти не имѣющія между собою связи: это, должно быть, два пѣсенныхъ отрывка, попавшіе случайно въ одну пѣсню, можетъ быть, по сходству мотивовъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ народныхъ пѣсняхъ.

Въ первой части какая-то царица проклинаетъ Чорное море за то, что оно взяло къ себѣ ея единственнаго сына. Развѣ бы я—говоритъ потомъ эта царица—не заплатила войску золотыми червонцами и бѣлыми талерами, развѣ бы не одѣла его красною китайкою за козацкую услугу [64]).

[64]) Кляла цариця, вельможна панѣ,
Чорнее море проклинала:
Богдай же море не процвѣтало,
Вѣчными часы высыхало,
Да що мого сынка единачка,
Единачка у себе взяло!
Ци бы я вôйску не заплатила
Червоными золотыми
Да бѣленькими талярами?
Ци бы я вôйско не пріодѣла
Червоною китайкою,
За услужейку козацькую?

Затѣмъ уже начинается собственно пѣсня о взятіи Варны. Козаки въ раздумьи, съ какого конца брать имъ Варну: съ моря ли или съ поля, или съ небольшой рѣчки. Они поймали турка, стараго знахоря, который сказалъ имъ, что надобно приступить къ Варнѣ не съ моря, не съ поля, а съ небольшой рѣчки.

И такъ поступили козаки: поплыли челнами по рѣчкѣ, ударили изъ ружей и пушекъ: турки покинули Варну, убѣжали и проклинали рѣку, надѣлавшую имъ бѣды. Пѣсня оканчивается словами: была Варна издавна славною, но славнѣе ея козаки, которые взяли Варну и забрали въ ней турокъ [63]).

Событіе, воспѣваемое въ этой пѣснѣ, Жегота Паули отнесъ къ 1605 году.

То же принимаютъ и издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа гг. Драгомановъ и Антоновичъ, (т. I. стр. 248) ссылаясь на Исторію Малой Россіи Бантыша-Каменскаго (т. I. стр. 182).

А въ недѣленьку поранейку
Зебрали ся громадойки
До козацькой порадойки,
Стали рады додавати;
Отколь Варны мѣста достати:
Ой чи съ моря, чили съ поля,
Чили съ той рѣчки невелички?
Послали посла ажъ подъ Варну,
Поймавъ же посевъ турчанина,
Старейкого ворожбита.
Стали ёго выпытовати:
Отколь Варны мѣста достати.
Ой ци съ поля, цили съ моря,
Цили съ той рѣчки невелички?
А нѣ съ поля, а нѣ съ моря,
Ино съ той рѣчки невелички.

[65]) А въ недѣлейку поранейку
Бѣгнуть, плынуть човенцями,
Поблискують веселцями.
Вдарили разомъ зъ самопаловъ
Въ седми пятдесятъ запаловъ,
Якъ полсоткою зъ гарматы,
Стали козаки до ней ся добувати,
Стали турки утѣкати,
Тую рѣчку проклинати:
Богдай рѣчка не процвѣтала
Вѣчными часы высыхала,
Що насъ турковъ у себе взяла!
Була Варна здавну славна,
Славнѣйшіи козаки,
Що той Варны мѣста достали
И въ ней турковъ достали.
(Zeg. Pauli Pieśni ludu Ruskiego I. 134—136)

Въ «Исторіи о козакахъ Запорожскихъ», составленной въ 1739—1740 годахъ, по изъисканіямъ Бодянскаго, инженеръ-подпоручикомъ княземъ Мышецкимъ и напечатанной въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ 1847 году, объ этомъ событіи сказано, что неизвѣстно, за давностію времени, въ какомъ году оно происходило, а въ «Краткомъ описаніи о козацкомъ малороссійскомъ народѣ Симоновскаго», напечатанномъ въ тѣхъ Чтеніяхъ того же 1847 года, время взятія Варны, какъ и Трапезунта, указано около 1620 года, и по поводу этихъ козацкихъ подвиговъ возгорѣлась война между Портою и Польшею (стр. 11). Также и польскій историкъ Шайноха къ этому послѣднему времени относитъ это событіе. (Dwa lata Dziejow naszych т. I. 85).

б) Сухопутные козацкіе походы противъ мусульманъ.

Байда. Козакъ Голота. Атаманъ Матьяшъ. Иванъ Коновченко. Козакъ Михайло. Козакъ Василь. Козакъ и конь. Атаманъ Ѳедоръ Безродный. Самарскіе братья. Азовскіе братья. Морозенко. Дѣти Сѣркà. Долина Кодына. Супрунъ. Чупрунъ. Головатый. Послѣдняя борьба Сѣчи съ мусульманами.

Самою старинною пѣснею въ этой области можно признать пѣсню о козакѣ Байдѣ, подъ именемъ котораго справедливо усматриваютъ князя Димитрія Вишневецкаго. О немъ составилось преданіе, записанное у польскихъ историковъ, будто онъ, взятый въ плѣнъ турками и привезенный въ Царьградъ, за то, что отказался принять мусульманство, какъ ему тогда предложили, по приказанію турецкаго султана Селима II, былъ сброшенъ съ высокой башни, зацѣпился за крюкъ ребромъ и въ такомъ положеніи провисѣлъ два дня, прославляя Христа и проклиная Мугамеда. Другіе прибавляютъ, что онъ просилъ лукъ со стрѣлами и убилъ нѣсколькихъ турокъ, пустивши стрѣлы, одну вслѣдъ за другою, въ собравшуюся глазѣть на него народную толпу. Султанъ Селимъ, услыхавши объ этомъ, самъ пріѣхалъ посмотрѣть на него. Вишневецкій пустилъ въ него оставшуюся еще стрѣлу, но промахнулся отъ изнеможенія, и тогда султанъ приказалъ разстрѣлять его стрѣлами. (M. Bielski kron. str. 614. Starowolski Bellatores Sarmatorum. stron. 188. Stanisl. Temberski Chronologia synoptica palmitis Coributei.) Это преданіе, зашедшее въ польско-латинскія книги, было народнымъ, и оно-то послужило основою для настоящей пѣсни.

Турецкій царь подговариваетъ козака Байду, чтобъ онъ взялъ за себя его дочь, а козакъ Байда отвѣчаетъ, что его, султана,

вѣра проклятая, а дочь поганая (по иному варіанту дочь хорошая, да вѣра проклятая) [1]). Турецкій царь приказалъ схватить козака Байду и повѣсить ребромъ на крюкъ [2]).

Байда виситъ и говоритъ своему цюрѣ (правильнѣе джурѣ—оруженосцу): подай мнѣ лукъ и стрѣлы; убью я три голубки на ужинъ для царя и для его дочери. Какъ выстрѣлилъ Байда, такъ и попалъ въ царя, а царицѣ попалъ въ затылокъ, дочери же его, царевнѣ, въ головку. Вотъ тебѣ царь—произнесъ тогда Байда:—за кару надъ Байдою. Было-бъ тебѣ знать—какъ его карать: снять бы съ него голову, на ворономъ конѣ его самому бы ѣздить, а его слугу приголубить къ себѣ [3]).

---

1) Въ Царѣградѣ да на рыночку
(поютъ еще вмѣсто «въ Цареградѣ»: «въ Берестечку» и «въ Кіевѣ»)
Да пьеть Байда да горѣлочку,
Да пьеть Байда да кивается,
На свого цюру (или на свого хлопця) поглядается:
Ой цюро жъ мой молодесенькій,
Да чи будешъ менѣ вѣрнесенькій?
Да турецкій царь заѣзжае,
Либонь Байду пѣдмовляе:
Возьми въ мене доньку царѣвноньку,
Да будешъ мати за жѣноньку.
(или: «будешъ паномъ на всю Украиноньку».
Твоя, царю, вѣра проклятая,
Твоя, царю, дочка поганая!
(или: твоя, царю, дочка хорошая,
твоя, царю, вѣра поганая!)

2) Ой, крикнувъ царь на гайдуки,
«Возмѣть Байду добре въ руки,
Возмѣть Байду, извяжѣте,
На гакъ ребромъ зачепѣте».

3) Ой висить Байда да не день не два,
Да не одну нѣчку да годиночку,
Ой висить Байда да и гадае,
Да на свого хлопця (или цюру) поглядае:
Ой ты хлопче (или цюро) молодесенькій,
Подай менѣ лучокъ да тугесенькій,
Подай менѣ лучокъ и три стрѣлочки,
(или: подай менѣ лучокъ и стрѣлочокъ пучокъ)
«Ой бачу я три голубочки,
Хочу я убити для ёго дочки,
Нехай же я убью царю,
Да на славную вечерю.
Где я вмѣрю, тамъ я вцѣлю,
Где я ввижу, тамъ я врѣжу!
Якъ стрѣливъ — царя уцѣливъ,
А царицю у потылицю,
А ёго дочку въ головочку.
«Отъ тобѣ, царю, за Байдину кару!
Було тобѣ знати, якъ Байду карати:
Було Байдѣ голову изтяти,

Замѣчательно, что эта пѣсня о событіи XVI вѣка, раннихъ временъ козачества одна только уцѣлѣла и дошла до насъ, по крайней мѣрѣ, если не считать такихъ, которыхъ подлинность народнаго происхожденія можетъ быть оспариваема. Много, вѣроятно, содѣйствовала тому затѣйливость разсказа, но, должно быть, память о Вишневецкомъ (оставшимся подъ кличкою Байды) надолго врѣзалась въ народное сердце. Это былъ одинъ изъ раннихъ предводителей козацкихъ, положившій починъ поступательному движенію козачества на югъ и, такъ сказать, указавшій на грядущіе вѣка козакамъ дорогу въ турецкія области. Не смотря на его знатное происхожденіе, въ этомъ человѣкѣ было то, что всегда могло нравиться козакамъ: онъ не слишкомъ слушался верховной власти и не слишкомъ дорожилъ ея милостью къ себѣ, самовольно ходилъ воевать, самовольно поступалъ на службу московскому государю и самовольно оставилъ ее. Войско козацкое, состоявшее подъ его начальствомъ, не было княжескою или панскою дружиною, а скорѣе было оно вольною шайкою, добровольно признававшею князя Вишневецкаго своимъ излюбленнымъ предводителемъ. Онъ не долюбливалъ ни пановъ литовскихъ, ни Великаго Княжества Литовскаго, а тѣмъ паче польскихъ пановъ и Польши. Уклоняясь отъ польскаго и отъ литовскаго, онъ сталъ самъ по себѣ въ своей Украинѣ, и если признавалъ надъ собою первенство короля польскаго и великаго князя литовскаго, то только уступая необходимости. Что-то его какъ будто тянуло прочь изъ государственныхъ предѣловъ, и слѣдствіемъ такой тяги былъ его походъ въ Молдавію, гдѣ онъ попался въ плѣнъ туркамъ, для того чтобъ быть отправленнымъ въ Царьградъ на мучительную расправу. Димитрій Вишневецкій былъ болѣе козакъ, нежели панъ, и ужъ никакъ не походилъ онъ на такого пана, какого типъ сталъ козакамъ ненавистенъ въ образѣ пана-ляха. По этимъ-то признакамъ, личность Вишневецкаго-Байды оставалась долго въ свѣтломъ воспоминаніи у козачества, а его трагическая кончина сдѣлалась предметомъ пѣснопѣнія, удержавшагося даже и тогда, когда память о Вишневецкомъ совершенно испарилась.

Въ малорусской народной поэзіи есть цѣлая группа думъ и

Ёго тѣло поховати,
Воронымъ конемъ ѣздити,
Хлопця (или: цюру) собѣ зголубити.
(Zegot. Pauli. I. 132).
Максимов. Укр. пѣсни 107.
Драгом. и Антон. I. (145—153).

пѣсенъ, изображающихъ степныя битвы и схватки козаковъ съ татарами, и гибель козаковъ въ степи. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣснопѣній—съ собственными именами козацкихъ богатырей, другія же безъ собственныхъ именъ, съ однимъ нарицательнымъ—козакъ; но, вообще, и тамъ, гдѣ есть собственное имя, трудно бываетъ содержимое въ пѣснѣ пріурочить къ тому или другому событію и ко времени. Пѣсни эти, вообще, для исторіи гораздо важнѣе, по изображенію бытовыхъ чертъ прошедшей жизни и по выраженію народныхъ взглядовъ, чѣмъ по отношенію къ фактической правдѣ.

Со второй половины XVI вѣка и весь XVII вѣкъ между козаками и татарами въ степяхъ происходило непрестанное состязаніе: кто кого одолѣетъ, кто съ кого возьметъ добычу. Татарамъ главная и желательная добыча была человѣкъ—яссыръ. У нихъ развился своего рода промыселъ: ловить русскихъ людей, забирать ихъ въ полонъ и продавать. Опустошительные набѣги на украинскіе городки и села (о чемъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ) вызывали и со стороны козаковъ походы противъ татаръ въ степи; кромѣ того, козакъ ѣздилъ на югъ въ степи ради звѣриной и рыбной ловли, и соляной добычи; но ѣздить туда нельзя было иначе, какъ совершая въ то же время военный походъ, потому что всегда можно было встрѣтить татаръ, ищущихъ своего рода промысловъ. Такимъ образомъ, часто завязывалась борьба между козакомъ и татариномъ на широкой степи. Татаринъ не старался убить противника, напротивъ, домогался схватить его живаго и здороваго, зацѣпить на чамбулъ и потомъ везти на продажу. Козакъ же всегда думалъ убить встрѣчнаго татарина: брать его въ полонъ было ему не для чего, и плѣнникъ былъ бы для него лишнею тягостью. Если татаринъ, не въ силахъ будучи обороняться, сдавался козаку, то козакъ часто безъ жалости убивалъ его; не дѣлалъ онъ этого только въ такомъ случаѣ, когда попадался ему татаринъ, завѣдомо ему знатный и за него можно было взять выкупъ или промѣнять на плѣненнаго козака; щадилъ козакъ татарина еще и тогда, когда тотъ могъ служить языкомъ во время войны съ крымцами; но и въ послѣднемъ случаѣ козаки изъ многихъ попавшихся имъ въ полонъ татаръ, оставляли для языковъ только немногое число, а остальныхъ побивали. И вотъ въ одной думѣ татаринъ представленъ глуповатымъ. Онъ заранѣе хвалится поймать козака и продать его. Встрѣчая въ степи козака, татаринъ сразу бросается на него и кричитъ: Я тебя схвачу, продамъ и возьму за тебя се-

ребряныя деньги. —Не богатъ ты умомъ! Отвѣчаетъ козакъ. Не бывалъ ты межъ нами, козаками, не ѣдалъ нашей козацкой каши, не знаешь козацкихъ шутокъ! У меня карманъ набитъ пулями. Я дамъ тебѣ гостинецъ. Выстрѣлитъ козакъ, убьетъ татарина, возьметъ себѣ его двухъ коней: одного поведетъ къ шинкаркѣ пропивать, а на другомъ, котораго при себѣ велъ татаринъ для будущаго плѣнника, станетъ самъ гулять по Кіеву и будетъ вспоминать единаго Бога [4]).

Въ прекрасной думѣ, записанной г. Кулишомъ отъ кобзаря Архипа Никоненка и напечатанной въ Запискахъ о Южной Руси (томъ I. стр. 14), козакъ такимъ образомъ побѣждающій татарина, промышляющаго ловлею людей, называется козакъ-Голота, то-есть, голыдьба-козакъ. Это одинъ изъ рѣзкихъ типовъ онаго времени. При бурныхъ потрясеніяхъ, какія испытывала южная Русь, многіе впадали въ крайнюю нищету, въ особенности, при господствовавшемъ между козаками порокѣ пьянства, какъ го-

---

4) Ой гдесь за Килимомъ городомъ козаченько гуляе,
А зъ Килима города татаринъ выѣзжае.
Загадавъ татаринъ татарцѣ пару коней сѣдлати,
Да того козаченька догоняти.
Якъ выбѣгъ татаринъ старый, бородатый,
На розумъ небогатый,
Выбѣгъ того козаченька догоняти,
— Ты, козаченьку молоденькій:
— Підъ тобою конь вороненькій!
— Коли бъ я тебе поймавъ,
— Я бъ тебе у Килимъ городъ запродавъ,
— И срѣбнѣ бъ за тебе гроши побравъ.—
А козаченько оглядается,
И карбачемъ отбиваеться.
«Ой ты татаринъ, старый, бородатый,
«Да на розумъ небогатый!
«Ты межъ нами козаками не бувавъ,
«И козацькои каши не ѣдавъ,
«И козацькихъ жартовъ не знаешъ!
«Гдесь у мене бувъ съ кулями гаманъ,
«Я жъ тобѣ гостинця дамъ!»
Якъ ставъ ёму гостинця посылати,
Ставъ татаринъ съ коня похиляти.
«Ой ты, татаринъ старый, бородатый,
«На розумъ небогатый!
«Еще ты мене не поймавъ,
«Да вже въ Килимъ городъ запродавъ!
«Отъ теперь твого одного коня вороного
«Поведу до шинкарки пропивати,
«А другимъ твоимъ конемъ воронымъ
«Буду по Кіеву городу гуляти,
«Ой гуляти, гуляти, гуляти,
«Да единого Бога вспоминати!

ворится въ одной пѣснѣ, что козакъ коли не бьетъ враговъ, такъ пьетъ и допивается до того, что и сорочки не имѣетъ [5]). При иныхъ условіяхъ общественнаго строя, обнищавшіе должны были бы отправляться для поправленія своего положенія въ большіе города, въ мѣста скопленія людей, и тамъ добывать себѣ хлѣбъ заработками. Такъ теперь, обыкновенно, дѣлается. Но въ давнія времена въ Украинѣ обнищавшій молодецъ уходилъ въ степь на югъ, и если не приставалъ къ запорожской морской экспедиціи, то, доставши коня и оружіе, искалъ себѣ счастья на степи. Тамъ, при случаѣ и при счастьи, могъ онъ сдѣлать, какъ говорится въ наше время, для себя какую-нибудь аферу, хотя часто невѣрную и всегда не безопасную; но въ тѣ времена опасностей нигдѣ нельзя было избѣжать, и опасностей не боялись. Дума, съ обычнымъ народнымъ юморомъ, изображаетъ нищенскую наружность козака-Голоты и его одежду, которую для смѣха называетъ дорогою. На немъ три сермяги: одна плохая, другая негодная, а третья стоющая того, чтобъ ее бросить въ хлѣвъ. На козакѣ лапти изъ вязовой коры, а онучи, названныя въ насмѣшку китайчатами—изъ настоящей бабьей дерюги, оборы къ нимъ шелковые, изъ настоящей бабьей сурови. На головѣ у него шапка баранья, сверху на ней дыра, сшита она травою, подбита вѣтромъ; какъ вѣтеръ подуетъ, такъ ее и продуетъ: молодаго козака прохлаждаетъ [6]). Но при такомъ нарядѣ у козака — одно большое достоинство: онъ не боится ни огня, ни меча, ни болота [7]).

Таковъ украинскій аферистъ давнихъ лѣтъ. Противъ него выступаетъ аферистъ татаринъ. На послѣднемъ нарядъ совсѣмъ иной: татаринъ, отправляясь на людоловлю, надѣваетъ на себя дорогое платье, обувается въ сапоги, на головѣ у него бархат-

---

5) Козакъ душа правдивая сорочки не мае.

6) Правда: на козаковѣ шаты дорогіи,
Три семерязѣ лихіи,
Одна недобра, друга негожа,
А третьтя и на хлѣвъ не згожа.
А ще правда: на козаковѣ постолы вязовѣ
А унучи китайчатѣ,
Щирѣ жиночи рядняне,
Волоки шовковѣ
Удвое жиноцьки щирѣ валовѣ.
Правда: на казаковѣ шапка бирка,
Зверху дирка,
Травою шита,
Вѣтромъ подбита;
Куды вѣе, туды провѣвае,
Козака молодого прохоложае.

7) Не боиться нѣ огня, нѣ меча, нѣ третёго болота.

ная шапка; онъ садится на коня и смѣло гонится за козакомъ [8]). Еще сидя въ домѣ своемъ, онъ завидѣлъ разъѣзжающаго козака и говоритъ своей татаркѣ, что поѣдетъ ловить его съ тѣмъ, чтобы продать. Какъ только въ степи онъ догналъ козака, тотчасъ кричитъ, что хочетъ поймать и продать его въ городъ Килію, и тутъ же прибавляетъ, что уже похвалился передъ великими господами пашами взять за свою добычу много червонцевъ и дорогихъ суконъ [9]). Не промахъ козакъ-Голота, знаетъ козацкіе обычаи: посмотрѣлъ онъ на татарина съискоса, какъ волкъ, и говоритъ ему тѣ же слова, которыя привели мы въ предыдущей думѣ, потомъ стрѣляетъ въ татарина и убиваетъ на повалъ, но не довѣряя себѣ—точно-ли онъ убилъ врага, подъѣзжаетъ къ нему лежачему, бьетъ чеканомъ по затылку и тогда только удостовѣряется, что у татарина нѣтъ болѣе дыханія [10]). Тогда начинается переодѣванье. Козакъ-Голота снимаетъ съ убитаго татарина сапоги, платье, бархатный шлыкъ, все это надѣваетъ онъ на себя, беретъ за поводья коня и отправляется на немъ въ Сѣчу, притонъ всѣхъ подобныхъ ему молодцевъ. Тамъ онъ пьетъ, гуляетъ и благословляетъ поле, на которомъ ему удалось достать кое-какую добычу [11]). Козакъ-Голота—не эго-

---

8) .... Дороге платьтя надѣвае,
Чоботы обувае,
Шлыкъ бархатный на свою голову надѣвае,
На коня сѣдае,
Безпечне за козакомъ-Голотою ганяе.

9) Я тебе хочу живцемъ въ руки взяти,
Въ городъ Килію запродати,
Передъ великими панами пашами выхваляти,
Много червоныхъ не лѣчачи набрати,
Дорогіи сукна не мѣрячи посчитати.

10) Безъ мѣры пороху насыпае,
Татарину гостинця въ груди посылае,
Ой ще козакъ не примѣрився,
А татаринъ и къ лихой матери съ коня покотився!
Вонъ ему вѣры не дойимае,
До его прибувае,
Келепомъ межи плечи гримае,
Колижъ оглядиться—ажъ у ёго и духу не мае.

11) Вонъ тогдѣ добре дбавъ,
Чоботы татарськіи истягавъ,
На свои козацкіи ноги обувавъ,
Одежу истягавъ,
На свои козацькіи плечи надѣвавъ,
Бархатный шлыкъ издойимае,
На свою козацьку голову надѣвае,
Коня татарського за поводы бравъ.
У городъ Сѣчу припавъ.

истъ; онъ добрый товарищъ: онъ кончаетъ выраженіе своего восторга желаніемъ, чтобъ и всѣ козаки пили и гуляли, да получали отъ непріятелей добычу, еще лучшую чѣмъ онъ, чтобъ топтали подъ ногами враговъ своихъ [12]). Дума оканчивается восхваленіемъ подвиговъ, которымъ приписывалось нравственное достоинство [13]).

Въ драгоцѣнномъ рукописномъ сборникѣ Котляревскаго есть одна дума, гдѣ представленъ счастливый подвигъ надъ мусульманами атамана Матьяша съ своею козацкою шайкою. Дѣйствіе происходитъ на устьѣ «Самарки Богу» (быть можетъ Савранки, впадающей въ Бугъ), на урочищѣ Семеновъ Козацкій Рогъ [14]). Двѣнадцать козаковъ бравославцевъ (вѣроятно Браславцевъ) небывальцевъ (новичковъ въ воинскомъ дѣлѣ) [15]), расположились на отдыхъ, разложили «терновый» огонь, разсѣдлали коней и распустили пастись по полю, а свои семипядныя пищали сложили въ уголку [16]). Они—небывальцы, оттого и неосторожны. Но атаманъ ихъ Матьяшъ—человѣкъ старый и бывалый; онъ совѣтуетъ имъ не поступать такъ, напоминаетъ, что мѣсто, на которомъ они находятся—долина Кайнарская, а отъ ней недалеко и земля татарская. Молодежъ подсмѣивается надъ старымъ воиномъ въ такихъ выраженіяхъ, какими въ предшествовавшей думѣ козакъ-Голота угощаетъ татарина [17]). Матьяшъ не отвѣчалъ имъ,

---

Тамъ собѣ пье-гуляе,
Поле Килимське хвалить выхваляе:
«Ой поле Килимське:
«Богдай же ты лѣто и зиму зеленѣло,
«Якъ ты мене при несчастливѣй годинѣ сподобило!»

12) Дай же, Боже, щобы всѣ козаки пили да гуляли,
Хороши мысли мали,
Отъ мене ще бо́льшу добычу брали,
И непріятеля по́дъ нозѣ топтали!

13) Слава не умре, не поляже!
Отъ нынѣ и до вѣка,
Даруй, Боже, на многіи лѣта!

14) На устьи Самарки Богу
Семенова козацького Рогу.

15) Двинадцять козако́въ бравославцѣвъ небывальцѣвъ.

16) Стали козаки вечера дожидати,
Стали терновыи огнѣ роскладати,
Стали по чистому полю козацькіи конѣ пускати,
Стали козацьки сѣдла отъ себе далеко покидати,
Стали козацьки семипьяднѣ пищалѣ по закутамъ ховати.

17) Козаки панове молодцѣ!
Небезпечне вы майте,
Козацькіи конѣ изъ припоны не пущайте,
Сѣдла козацьки по́дъ голову по́дкладайте,

отошелъ отъ нихъ, разложилъ себѣ, отдѣльно отъ другихъ, терновый огонь и держалъ при себѣ осѣдланнаго коня. Чуть наступила ночь, какъ налетѣли съ горы въ долину турки-янычары и захватили въ полонъ двѣнадцать бравославцевъ-небывальцевъ. Но атаманъ Матьяшъ тотчасъ выручаетъ ихъ [18]). Тогда, по его приказанію, всѣ вскакиваютъ на коней и одерживаютъ надъ турками побѣду. Дума преувеличиваетъ число побѣжденныхъ турокъ до десяти тысячъ: шесть тысячъ изъ нихъ побѣждаетъ одинъ Матьяшъ, а четыре тысячи одолѣваютъ бравославцы. Они набираютъ у побѣжденныхъ золота и серебра и поспѣшаютъ въ Сѣчу; тамъ дѣлятъ они между собою добычу и молятъ Бога за стараго атамана Матьяша. Видно—говорятъ ему:—твоя мать присвятилась въ небѣ: ты былъ въ чистомъ полѣ и не утратилъ никого изъ насъ бравославцевъ-небывальцевъ [19]). Тѣмъ и кончается дума, которая сохранила бы строго историческій характеръ, если бы не примѣшано было—конечно позднѣйшими кобзарями—тысячныхъ чиселъ побѣжденныхъ турокъ.

Въ ряду пѣснопѣній этого отдѣла пользуется до сихъ поръ большою распространенностію у кобзарей дума объ Ивасѣ Коновченкѣ, извѣстная намъ по шести главнымъ варіантамъ: одинъ—изъ собранія Котляревскаго,—второй, записанный нами въ Харьковѣ въ 1840 году отъ бандуриста, очень похожій на предыдущій, но отличающійся болѣе новыми выраженіями,—третій, на-

---

Бо се долина Кайнарська,
Недалече здесь земля татарська.
Где-сь ты козацькои каши не ѣдавъ,
Где-сь ты козацькихъ звычаѣвъ не знавъ,
Що ты намъ козакамъ, бравославцямъ, великій страхъ задавъ!

18) Не буйныи вѣтры повѣвали,
Якъ турки-янычары зъ чистого поля, зъ горы въ долину припали,
Дванадцять козаковъ бравославцѣвъ въ полонъ забрали.
Атаманъ Матьяшъ на доброго коня сѣдае,
Шесть тысячъ турокъ-янычаръ побѣждае,
Бравославцѣвъ небувальцѣвъ изъ полону отбивае.

19) На конѣ козацькіи сѣдайте,
Менѣ старому помощи давайте!
Тогдѣ козаки на конѣ сѣдали,
Чотыри тысячи безбожныхъ бусурменѣвъ побѣждали,
Срѣбло-золото турецьке отъ ихъ забирали,
До города Сѣчи швиденько поспѣшали,
Въ городѣ Сѣчѣ безпечне себе мали,
Срѣбло й золото турецке между собою роздѣляли,
За отамана Матьяша Господа Бога прохали,
«Где-сь твоя мати въ небѣ присвятилась:
Що ты въ чистѣмъ полѣ пробувавъ,
Изъ насъ бравославцѣвъ небувальцѣвъ
Нѣ одного козака изъ вóйска не втерявъ!

печатанный въ сборникѣ Лукашевича, записанный отъ того же бандуриста, который сообщилъ думу о Самойлѣ Кошкѣ, пространный съ признаками позднѣйшей амплификаціи,—четвертый, напечатанный въ сборникѣ Метлинскаго, записанный г. Кулишомъ отъ кобзаря Андрея Шута въ Сосницкомъ уѣздѣ,—пятый, сообщенный намъ Д. К. Морозомъ, и шестой, напечатанный въ сборникѣ Максимовича 1834 года. Кромѣ этихъ записано было нами отъ кобзарей еще три варіанта, но съ пропусками, и они не представляютъ большой важности.

Дѣйствіе начинается въ городѣ Корсунѣ. Передъ нами одно изъ важныхъ явленій козацкой жизни: вербовка охотниковъ въ походъ противъ бусурманъ. Мы знаемъ, что, кромѣ козаковъ реестровыхъ, признаваемыхъ закономъ и правительствомъ безспорно принадлежавшими къ козацкому сословію, въ козачество постоянно порывались посполитые люди, и они-то, составляя шайки, убѣгали на Низъ, гдѣ, называя себя козаками самовольно, задирали татаръ и турокъ. Козаки, легально носившіе это званіе, нерѣдко не только не противодѣйствовали этому стремленію народа, но содѣйствовали ему. Сами гетманы и полковники, при случаѣ, когда имъ нужно было военной силы по-болѣе, устроивали изъ такихъ удальцовъ охотные козацкіе полки. Въ приводимой нами думѣ такого рода сборъ охотныхъ происходитъ въ Корсунѣ, по приказанію тамошняго полковника Хвилоненка. Полковникъ, (по варіантамъ Метлинскаго и Лукашевича) черезъ своихъ асауловъ, (которымъ онъ далъ для этого значокъ—красный прапоръ) скликаетъ въ народѣ охотниковъ [20]) идти съ нимъ подъ бусурманскій городъ Тягинь (Бендеры), на долину Черкень доставать «славы рыцарства». Это не была праздная риторическая фраза; это значило приглашеніе сдѣлаться козакомъ изъ мужика, потому что, кто поступитъ въ ряды охотниковъ и пойдетъ съ прочими въ походъ, тотъ, воротившись изъ похода, уже будетъ считать себя козакомъ какъ бы по праву, и ни за что не захочетъ возвратиться къ прежнимъ мужичьимъ повинностямъ, чего такъ домогались польскіе паны, когда властвовали надъ козаками. Охотники, которыхъ приглашаетъ къ себѣ въ походъ

[20]) Асаулы по улицяхъ розсылавъ,
Червоныи праперки у руки давъ;
Асаулы по улицяхъ пробѣгали
Червоныи праперки у руцяхъ проношали,
Козаковъ на Черкень долину у охотне войсько выкликали.
(Метлинск. 414.)

Хвилоненко—винники и броварники, то-есть, батраки, работающіе на винокурняхъ и пивоварняхъ, народъ, конечно, бѣдный, молодой и безсемейный [21]). Варіантъ Лукашевича присоединяетъ къ нимъ грубниковъ (печнйковъ или истопниковъ) и лазниковъ (банщиковъ), а варіантъ Котляревскаго заставляетъ Хвилоненка приглашать еще всякихъ пьяницъ и игроковъ; Харьковскій же варіантъ присоединяетъ къ нимъ еще воровъ и разбойниковъ [22]). Нѣтъ ничего мудренаго, если въ набираемыя ополченія попадали нечистые народные элементы разомъ съ честною молодежью, и начальники умышленно допускали къ себѣ всякій сбродъ. Асаулы, отправленные для созыва охотниковъ, закликая такой народъ, тутъ же и подсмѣиваются надъ нимъ: полно вамъ, валяясь по печамъ, кормить мухъ своими толстыми рожами, глаза дымомъ выкуривать, пачкать сажею свои плечи [23]). По варіанту Лукашевича, асаулы собираютъ только чернорабочій народъ: винниковъ, броварниковъ и прочію братію, а самъ Хвилонъ или Хвилоненко приглашаетъ въ охотники людей, болѣе степенныхъ и зажиточныхъ какъ изъ козаковъ, такъ и изъ посполитыхъ, такихъ, что носятъ желтые сафьянные сапоги и красныя суконныя одежды (едаманы) [24]).

---

21) Корсунській полковникъ Хвилонъ якъ ставъ въ охотне вôйско выряжати,
Крикне-покрикне на винники, на броварники,
На пьяницѣ, на костерники:
Которому не хочеться по винницяхъ горѣлокъ курити,
Которому не хочеться по броварняхъ пивъ варити,
Которому не хочеться въ кости дурно грати,
Идѣть зо мною въ охотне вôйско гуляти!
(Варіантъ Котляревскаго).

22) Збирайтесь охотники,
Вы воры розбойники,
Пьяницѣ, костерники,
Винники, броварники.

23) Годѣ вамъ по винницяхъ горѣлокъ курити,
По броварняхъ пивъ варити,
По лазняхъ лазень топити,
Годѣ вамъ по грубахъ, по запѣчкахъ валятися,
Товстымъ видомъ мухъ годовати,
Очей своихъ молодецькихъ дымомъ выкуряти,
Своими молодецькими плѣчми сажи вытирати;
Ходѣть съ Хвилономъ Корсуньскимъ полковникомъ
На Черкень-долину въ охотне вôйско гуляти.
(Варіанты: Харьковск. Лукашевича: Малор. и Червонор. думы и пѣсни. стр. 37.)

24) Которыи козаки то и мужики
Не хотять по рôльлѣ спотикати,
За плугомъ спины ломати.

Такая вербовка не ограничилась городомъ Корсуномъ и его ближайшими окрестностями. Корсунскій полковникъ Хвилоненко отправляется въ другой полковой городъ Черкасы, водружаетъ тамъ цвѣтное знамя съ изображеніемъ креста и дѣлаетъ призывъ къ тамошней полковой старшинѣ, къ молодымъ козакамъ и войсковымъ слугамъ [25]). Въ Черкасахъ (по варіанту Метлинскаго, въ Крыловѣ) жила вдова Грициха Коновчиха (то-есть, вдова Григорія Коновки) съ молодымъ сыномъ. Было это, какъ видно, семейство не козацкое, а посполитое, земледѣльческое, зажиточное въ своей средѣ. Мать не отпускала сына въ наемники, на работу къ чужимъ людямъ, хотѣла дожить при немъ вѣкъ свой, а по смерти своей надѣялась отъ него поминовенія [26]). По однимъ варіантамъ, Ивась Коновченко услыхалъ призывъ Хвилоненка на рынкѣ [27]), по другимъ—въ полѣ, куда мать услала его изъ предосторожности, чтобъ онъ не увлекся призывомъ въ охотники [28]). Денегъ готовыхъ не было. Ивась проситъ мать свою продать жиду воловъ и купить ему коня: хочется ему идти на Черкень-долину сражаться за вѣру, добывать рыцарской славы [29]).

Характеристиченъ отвѣтъ матери, которая, вообще, въ думѣ представляется законченно-очерченною личностью. Она, какъ женщина простая, посполитая, хочетъ, чтобъ сынъ ея оставался, въ

Жовтого сапъяну каляти,
Чорвоного едаману пыломъ набивати.

25) Цвѣтную хрещатую короговъ выставляе,
То вже крикне-покрикне на сотники, на полковники,
На отаманы, на асаулы,
На козаки молодыи, на слуги войсковыи.
(Варіантъ Котляревскаго.)

26) Вона его до зросту лѣтъ держала,
Въ наймы не пускала,
Чужимъ рукамъ на стараніе не давала,
При старости лѣтъ дожити дожидала,
По смерти славы-памъяти сподѣвала.
(Варіанты: Котляревск. Харьковск. Метл. 414. Лукаш. 37.)

27) Котляревск. Лукашев. 37.

28) Ище жъ то вдова гласъ козацькій зачувае,
Сына свого Ивася вдовиченка у поле до плуга отсылае.
(Метлинск. 414.)

29) Мати моя, мати удово; старая жоно!
Когда бы ты, мати, чотыри волы половыи а три чабаныи позаймала,
До города Крылова отогнала
До жида орендаря, ще пятдесятъ золотыхъ приплатила,
Коня менѣ на славу козацькую купила,
Що моя душа козацькая, молодецькая, дуже возлюбила.
(Лукашев. Мал. и Черв. Д. и П. 38.)

обычной для ней земледѣльческой средѣ; какъ любящая мать, она страшится въ козачествѣ военной опасности для сына; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя за общимъ мнѣніемъ своего вѣка, питаетъ уваженіе къ козачеству, хочетъ, поэтому, дружить съ козаками и думаетъ достичь этого тѣмъ, что сынъ ея, оставаясь земледѣльцемъ, будетъ приглашать къ себѣ въ гости козаковъ и оказывать имъ хлѣбосольство) [30]. Но сынъ понялъ несогласимость того, что такъ легко возможнымъ казалось женскому воображенію матери. Хоть я, отвѣчалъ онъ, и буду зазывать къ себѣ козаковъ на хлѣбъ на соль, но козаки будутъ прикладывать ко мнѣ прозвища, станутъ величать меня домосѣдомъ, лѣнтяемъ, гречкосѣемъ [31]).

Козакъ-воинъ, въ тотъ воинственный вѣкъ, смотрѣлъ свысока на земледѣльца, а страсть малороссовъ прикладывать насмѣшливыя прозвища, столь обычныя въ народѣ до сихъ поръ, въ старину служила не для одного поводомъ ко вступленію въ охотное козачество. И Ивася Коновченка судьбу рѣшилъ страхъ насмѣшки.

На другой день послѣ того, въ воскресенье, мать, отправляясь въ церковь, заперла все оружіе, но забыла запереть висѣвшую на стѣнѣ семипядную пищаль, а по другому варіанту еще и саблю [32]). Оружіе въ домѣ не только козаковъ, но и посполи-

---

30) Сыну мôй, Ивасю Коновченку,
Чи у тебе нѣчого зъѣсти,
Чи нѣ въ чимъ хорошенько походити?
Чи тебе городова старшина не знае,
Чи тебе мѣщанська челядь не поважае?
Чи тебе козацька громада не поважае?
Лучше ты будешъ тѣ волы чабаныи и половыи у плугъ запрягати,
Будешъ по рôльлѣ хлѣбъ орати,
Будешъ козакôвъ и мужикôвъ на хлѣбъ на сôль къ собѣ зазывати,
Будуть тебе козаки и безъ лыцарсьтва знати.
(Варіантъ Харьковск.)

31) Мати моя, старенькая жоно!
Не хочеться менѣ на волы козацькимъ голосомъ гукати,
Не хочеться менѣ въ пылу китайки пылити;
Хочъ я буду козакôвъ до себе на хлѣбъ на сôль зазывати,
Будуть менѣ козаки прозваніе прикладати,
Домонтаремъ, гречкосѣемъ, полежаемъ прозывати,
Лучше я пôйду, мати, на Черкень долину гуляти,
За вѣру христіянську одностойно стати.
(Харьков. Лукашев. 38.)

32) Въ недѣлю рано пораненьку
Вдова старенькая до Божѣй церкви отхожала,
Все оружіе въ кôмнату позамыкала,

тыхъ въ тотъ вѣкъ было не рѣдкостью, особенно въ пограничныхъ краяхъ, подвергавшихся внезапнымъ татарскимъ набѣгамъ.

Ивась, вышедши утромъ на рынокъ, услыхалъ опять призывъ Хвилоненка; тотъ призывъ былъ послѣдній и сопровождался ѣдкою насмѣшкою надъ всякимъ, кто почему-нибудь станетъ медлить сборомъ въ походъ. Кто будетъ ожидать отцовскихъ да материнскихъ обѣдовъ, тотъ будетъ догонять меня за шесть миль [33]). Не утерпѣлъ Ивась, схватилъ попавшееся ему на глаза оружіе и пѣшкомъ пошелъ за войскомъ [34]). Сосѣди сказали объ этомъ его матери въ церкви [35]). Старуха Коновчиха, добродушная и глубоко любящая сына, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбивая и своенравная, привыкшп до сихъ поръ видѣть отъ сына повиновеніе материнской волѣ, не вынесла, когда услыхала, что сынъ затѣялъ распоряжаться безъ ея воли, своею судьбою и разразилась проклятіями: о, чтобъ ты, сынъ мой Иванъ, не имѣлъ счастливой доли за то, что ты меня, вдову старую, покинулъ на хозяйствѣ [36]). По варіантамъ Мороза и Лукашевича, проклятіе это еще рѣзче: поднявши руки къ небу, мать проситъ Бога, чтобъ сынъ ея погибъ отъ пули на третьей стычкѣ съ непріятелемъ [37]). По ва-

---

Тôлько одну семипьядну пищаль на стѣнѣ зоставляла.
(Варіанты: Котляревск. Харьковск.)
или:
Всю зброю козацькую замыкала,
Саблѣ булатныи, пищалѣ семипьядныи на стѣнѣ зоставляла,
Дзвôнъ зачувала —
До Божого дому до церкви отхожала.
(Малор. и Черв. Д. и П. стр. 39.)

33) Ивась изъ постелѣ вставае,
На рынокъ выхожае,
Слухае, послухае,
Що Корсунськiй полковникъ промовляе:
— Который козакъ буде батькôвськихъ и матчиныхъ обѣдôвъ дожидати,
— Той буде мене за шѣсть миль отъ города Черкасъ догоняти!—
(Вар. Харьковск.)

34) Саблю булатную у руки бере,
Пищаль семипьядную на плече кладе,
За вôйскомъ пѣшки иде.
(Малор. и Червонор. Д. и П. 39.)

35) Сосѣди въ церковь уходили, вдовѣ сказали:
Ты, вдово, въ церквѣ стоишъ, нѣчого не знаешъ,
Що твого сына Ивася въ домѣ не мае.

36) Щобъ ты, сынъ мôй Иванъ, счастьтя-долѣ не мавъ,
Якъ ты мене вдову, жону стареньку, на господарствѣ покидавъ!

37) До господы прибувала
По зброѣ козацькѣй пôзнала,
Що Ивася у господѣ не застала.

ріанту Метлинскаго, для такого проклятія представляется инаго рода побужденіе: Ивась Коновченко отбилъ запертую комнату, куда мать припрятала оружіе, вооружился и, выходя изъ своего двора, встрѣтилъ въ воротахъ мать; онъ обошелся съ нею грубо, сказалъ ей, что ея мѣсто сидѣть въ углу да качать ребенка хотя бы чужаго. Вотъ эта-то выходка и раздражила огорченную мать [38]). Но скоро, по варіанту Лукашевича, въ тоть же день [39]), а по варіанту Котляревскаго, на другой [40]), а по варіанту Метлинскаго [41]), черезъ два дни мать стала жалѣть, просила Бога не испол-

---

Слѣзми плакала рыдала,
До небесъ руки подоймала,
Свого сына Ивася проклинала:
Богдай мой сыну, слезы на тебе упали,
Богдай вони тебе на третѣи стрельбѣ спотыкали!

38) Тогдѣ Ивась Коновченко шаблю булатну и пищаль семиньядну забирае,
Козацьке собѣ запалчиве сердце мае,
Келепомъ комнату отбивае,
Всю козацьку зброю на плечи забирае,
Пѣхотою въ охотне войско поспѣшае,
Матѣръ старенькую на воротяхъ стрѣчае,
Изгорда словами промовляе:
— Эй мати моя вдово, старенька жоно!
— Не подобало-бъ тобѣ козаковѣ молодому и дороги переходити,
— Подобало-бъ тобѣ въ кутку сидѣти,
— Да хоть чужую дитину малую колыхати,
— Абы якъ зъ успокоемъ хлѣба-соли уживати.
Тогдѣ то вдова, старенька жона, удариться объ-полы руками,
Обольеться дробными слѣзами,
Промовить стиха словами:
«Эй Ивасю вдовиченку, дитя мое.
«Богдай ты и туды не дойшло,
«И водти не прійшло!
Щобъ тебе перва куля не миновала,
У першѣй войськовой потребѣ споткала!
(Метл. 416—417.)

39) Знову отъ великого сердця отхожала,
Обѣдати сѣдала,
У загороду вхожала,
Словами промовляла:
Господи милосердый! будь мене мои слова старую на постелѣ споткали,
Що я на свого сына Ивася нарѣкала.
(Малор. и Черв. Д. и П. 39.)

40) Рано въ понедѣлокъ отъ сна вдова прочинала,
Словами промовляла:
— Бѣдна, побѣдна моя голова вдовина!
— Що я свого сына ругала проклинала,
— Счастьтя-долю его козацьку потеряла! —
(Вар. Котляр.)

41 Два днѣ свого сына клене-проклинае,
На третій день подумае, погадае,

нить ея желанія зла сыну и обратить на нее самую произнесенное ею на сына проклятіе.

Видоизмѣненія въ варіантахъ нашей думы не лишены важнаго значенія для изслѣдователя народныхъ воззрѣній, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о важнѣйшемъ нравственномъ понятіи, охраняющемъ дружелюбныя отношенія между родителями и ихъ дѣтьми. Вообще, въ этой думѣ несчастіе, постигшее впослѣдствіи Ивася Коновченка, состоитъ въ связи съ проклятіемъ, произнесеннымъ матерью въ пылу досады; хотя, по варіанту Метлинскаго, сила проклятія не столько выказывается по своему существу, какъ произнесенный роковой способъ выраженія материнской досады, сколько по дурному поступку, который подалъ поводъ къ произнесенію проклятія.

Опамятовавшись отъ увлеченія гнѣвомъ, мать скорѣе спѣшитъ доставить сыну то, чего онъ просилъ у нея—коня; воображеніе матери безпокоитъ образъ Ивася, который, вслѣдъ за конными, долженъ бѣжать пѣшкомъ и томить себѣ ноги [42]). Денегъ у нея не было: чтобъ купить что нибудь цѣнное, земледѣльцу приходилось всегда сбывать что-нибудь изъ хозяйства. Денежнымъ человѣкомъ и тогда, какъ теперь, былъ жидъ корчмарь (орандарь), къ которому, собственно, и стекалась вся добыча козацкая. Къ нему отправляетъ вдова своихъ воловъ (по другому варіанту, съ прибавкою двухъ лошадей), доплачиваетъ пятьдесятъ (по варіанту Мороза, сто) золотыхъ, покупаетъ коня [43]) и посылаетъ съ нанятымъ для того козакомъ, да еще прибавляетъ подарокъ козаку на горѣлку и на жупанъ за то, что доставитъ сыну ея коня [44]).

Руки до Бога здоймае.
Господа съ небесъ благае:
«Дай менѣ, Господи, сѣ слова передъ собою мати,
«А свого сына Ивася вдовиченка хочъ разъ у вочи повидати!»
(Метл. 417.)

42) Нехай вонъ по походахъ пѣшки не ходить,
Своихъ молодецькихъ ножокъ не врывае.
(Метл. 418.)

43) Чотыре волы чабаныи, а три половыи
До города Крылова до жида орандаря,
Ще пятдесятъ золотыхъ приплатила,
Коня на славу козацьку купила.
(Вар. Котляревск.)
или:
Тогдѣ вона добре дбала, чотыри волы чабаныи и два конѣ
воронын зъ стада выручала,
До жида орандаря отгонила,
Сто золотыхъ еще доплатила и пр.
(Вар. Мороза.

44) И зъ жидомъ рандаромъ торгъ торговала,

Этотъ козакъ догналъ отрядъ Хвилоненка за двѣнадцать миль (по варіанту Метлинскаго, на Гайманъ-долинѣ) отъ Черкасъ между пѣхотою [45]). Я думалъ, сказалъ молодецъ, что меня мать знать не хочетъ [46]) и проклинаетъ, а она обо мнѣ старается! [47]). Еслибъ то Богъ далъ мнѣ совершить этотъ походъ, не пошла бы моя мать по чужимъ дворамъ спотыкаться, занимать хлѣба-соли; я бы содержалъ ее до смерти [48]) и уважалъ [49]); а въ варіантѣ Котляревскаго, Ивась хотѣлъ бы даровать матери въ услуженіе двѣнадцать плѣнныхъ турокъ [50]). Здѣсь оканчивается первая половина думы. Вторая содержитъ въ себѣ описаніе подвиговъ Ивася Коновченка, его смерти и погребенія.

Козаки прибыли къ цѣли. Вотъ Черкень-долина. По козацкому обычаю, битва открывалась герцами: то были передовыя схватки: съ обѣихъ сторонъ выступали на поле отважнѣйшіе молодцы и вступали между собою въ единоборство. Герцы въ козацкомъ быту имѣли особенно поэтическое значеніе: здѣсь могла проявиться личная храбрость ярче, нежели тогда, когда козаки выступали въ бой дружнымъ строемъ (лавою). Полковникъ Хвилоненко вызываетъ охотниковъ на герцы [51]). Дума, для увеличенія славы

Ивасю вдовиченку коня на славу снаровляла,
Ще козаку запорозькому сѣмъ копъ на жупанъ даровала,
А три копы на медъ да на оковиту горѣлку:
Эй козаче, козаче, колибъ ты добре дбавъ,
Где мого сына нагонишъ, тамъ его оконишъ!
(Метл. 418.)

45) За двандцять миль корсунського полковника догоняс.
Скоро полковника дôгнавъ, мѣжъ пѣхоту вбѣгавъ,
Ивася Коновченка мѣжъ пѣхотою пôзнавъ,
Доброго коня ему въ руки подавъ.
(Вар. Котляр.)

46) Я жъ думавъ, братцѣ, що обо мнѣ мати не знае не вѣдае.
(Вар. Котляр.)

47) Я жъ думавъ, що мене мати у домѣ клене-проклинае,
Ажъ вона обо мнѣ велике стараніе мае!
(Метл. 418. Мал. и Черв. Д. и П. 40.)

48) Колибъ менѣ Богъ помôгъ сіею дорогою у потребу сходити,
Не пôшла бъ моя мати по чужихъ дворахъ спотыкати,
Хлѣба да солѣ позычати,
Мôгъ бы я ѣй при собѣ до вѣку содержати.
(Мал. и Черв. Д. и П. 40.)

49) Знавъ бы я якъ свою матѣръ у домѣ споважати.
(Метл. 418.)

50) Мôгъ бы я ѣй двандцять турокъ на послугу даровати.
(Вар. Котляр.)

51) Козаки молодцѣ!
Который межъ вами козакъ обереться, щобъ на доброго коня сѣдати,
Щобъ и съ крымцями да съ нагайцями на роспутьтѣ погуляти.
(Вар. Котляр.)

своего героя, заставляетъ всѣхъ замолчать [32]). Вызывается съ согласіемъ одинъ Ивась Коновченко [33]). Корсунскій полковникъ замѣтилъ, что онъ еще молодъ, не видалъ козацкой крови: какъ увидитъ, такъ и сомлѣетъ! [34]) У полковника найдется для этого постарше козакъ [35]). Ивась Коновченко поражаетъ полковника своею смышленостію, которая, по народному воззрѣнію, проявляется мѣткимъ и удачнымъ сравненіемъ. Ивась представляетъ Хвилоненку въ примѣръ старую и молодую утку: молодая такъ же хорошо плаваетъ, какъ и старая [36]). Полковникъ отвѣчалъ, что если онъ ему загадалъ такую загадку, то благословляетъ его погулять на герцѣ [37]).

Слѣдуетъ битва. Коновченко показываетъ чудеса храбрости [38]).

---

32) То всѣ козаки замовчали.
(Вар. Котляр.)

33) Благослови ты менѣ, пане Хвилоне, на доброго коня сѣдати,
Съ крымцями да съ нагайцями на поединку погуляти!
(Вар. Харьковск.)

34) Ты, Ивасю Коновченку, дитина молода,
На полѣ й на морѣ не бувала,
Козацькои крови не видала,
Якъ кровъ христіянську узришъ —
Такъ и зомлѣешъ!
(Вар. Котляр.)
или:
Корсунській полковникъ до ёго словами промовляе:
Сыну, Ивасю вдовиченку, ты дитя молодее,
Ты козацького звычаю не знаешъ,
Ты не способенъ гараздъ козакамъ и каши наварити,
А то-бъ то ты выйшовъ першій разъ на герець погуляти,
Славы козацькои спробовати.
(Вар. Мороза.)

35) Еще у мене оббереться старѣйшій козакъ на долинѣ Черкенѣ погуляти.
(Малор. и Черв. Д. и П. 41.)

36) Пане Хвилоне! пóйди ты на рѣку
Да пóймай ты утя старее и малее,
И пусти ты ихъ на тихій Дунай,
Чи не поплыве малее якъ и старее.
(Вар. Харьк.)

37) Коли ты мóгъ менѣ загадку таку загадати,
Благословляю тебе на герцѣ погуляти.

38) Межъ крымцѣ и нагайцѣ вбѣгае,
Шестьдесятъ крымцѣвъ да нагайцѣвъ съ коней знѣмае,
Головы збивае,
Чотырнадцять рыцарей турецькихъ на арканъ хватае,
Живцемъ до козацького намету пригоняе.
(Вар. Котляр., Харьк.).
Или:
По три янычары артельниковъ турецькихъ у степъ загоняе.
По чотыри арканами накидае,
До палаты притягае,

Варіантъ Лукашевича замѣчаетъ, что Ивась Коновченко, встрѣчая стараго человѣка, оказываетъ ему уваженіе, какъ отцу, а встрѣчая молодаго, обращается съ нимъ, какъ съ роднымъ братомъ [59]), а по варіанту Метлинскаго прибавляется, что Ивась, ѣдучи на бой, снялъ шапку, положилъ на себѣ крестное знаменіе, вспомнилъ отцовскую и материнскую молитву и сердечно прощался со всякимъ козакомъ [60]).

По возвращеніи съ боя, Корсунскій полковникъ оказываетъ Ивасю Коновченку почетъ, называетъ его братомъ, приглашаетъ его въ свой шатеръ поговорить о козацкихъ примѣтахъ [61]). По варіанту Лукашевича, полковникъ Хвилоненко, сохраняя свой постоянно шутливый и насмѣшливый характеръ, говорилъ: я думалъ, что ты дитя молодое еще не дошелъ до разума и не знаешь козацкихъ обычаевъ, а ты, видно, за плугомъ ходилъ да все козацкіе обычаи собиралъ [62]). Ивась Коновченко садится рядомъ

Коло ихъ чересы червонѣ обирае:
То вонъ хорошенько по-козацьки велику здобычъ мае.
(Вар. Мороза).

Или:

На турецьки таборы набѣгавъ,
Турецьки наметы поперевертавъ,
Турокъ пятдесятъ подъ мечъ узявъ,
Девятеро живцемъ извязавъ.
(Вар. Метл. 420).

Или:

Первого рыцаря стрѣчавъ, чоломъ давъ: съ плечъ голову знявъ,
Другого сострѣчавъ—и тому такій отвѣтъ подаровавъ,
Самихъ найстаршихъ пятьсотъ чоловѣкъ рыцарей подъ мечъ пускавъ,
Шести живцемъ поймавъ.
(Мал. и Черв. Д. и П. 42).

59) Старого чоловѣка сострѣчае,
За рóдного батька поважае,
Молодого сострѣчае —
За рóдного брата почитае.
(Малор. и Черв. Д. и П. 42).

60) Шликъ съ себе скидавъ,
Хрестъ на собѣ складавъ,
Отцеву й матчину молитву споминавъ,
И зъ усякимъ козакомъ сердечне прощеніе мавъ.
(Вар. Метл. 420).

61) Эй Ивасю вдовиченку, братець мóй рóдный!
Где-сь ты, каже, у походахъ бувавъ,
Козацькихъ звычаевъ пóзнавъ:
Прошу жъ теперъ до мого намету,
Сядемъ мы съ тобою, поговоримо объ козацькихъ прикметахъ.
(Метл. 420).

62) Я казавъ: ты дитя молодее съ розумомъ не дóйшло,
Звычаю козацького не знаешъ,

съ полковникомъ [63]), радуется, что полковникъ зоветъ его братомъ и говоритъ полковнику: благослови мнѣ, панъ полковникъ, напиться оковитой: я еще лучше побьюсь съ крымцами и нагайцами. Ивасъ Коновченко—отвѣчалъ полковникъ:—я слыхалъ отъ старыхъ людей, что эта оковитая (водка, лат. aqua vitae) очень вредная вещь: не одного человѣка она со свѣта свела! [64]). По варіанту Котляревскаго, полковникъ, послѣ этой рѣчи, вышелъ на время изъ шатра, а Ивась Коновченко безъ спросу самъ хватилъ достаточное количество горѣлки, сѣлъ на коня и пустился въ бой съ крымцами и нагайцами [65]). По другимъ варіантамъ, самъ полковникъ дозволилъ ему выпить, но тутъ же, предрекалъ ему бѣду, если онъ пьяный пустится въ бой [66]). По варіанту Мороза, Ивась Коновченко два раза, одинъ за другимъ, выѣзжалъ на бой и ворочался съ побѣдою, но въ третій разъ, не послушавшись полковника, напился водки изъ бочки, черезъ

Ажъ бачу: ты за плугомъ похожавъ,
Всѣ звычаи козацькіи собиравъ!
(Малор. и Черв. Д. и П. 42).

63) Тогдѣ Ивась Коновченко
Съ Хвилономъ полковникомъ корсунськимъ по-плѣчь сѣдае.
(Метл. 426).

64) Ивась Коновченко тее зачувае,
Великую радбсть мае,
Що корсунській полковникъ братомъ ёго называе.
То вбнъ словами промовляе:
— Корсунській полковнику пане Хвилоне,
— Благослови менѣ оковитои горѣлки напиться,
— То я могу еще и лучше съ крымцями и нагайцями побиться. —
Полковникъ словами промовляе:
«Ивась Коновченко! я слыхавъ отъ старыхъ людей,
«Що сяя оковитая горѣлка барзо вадить,
«Не одного чоловѣка зъ сёго свѣта збавить.
(Вар. Котляревск.).

65) У той часъ годину где-сь корсунській полковникъ отгодився,
Ивась Коновченко доволно горѣлки напився,
На доброго коня сѣдае,
Межъ крымцѣвъ и нагайцѣвъ вбѣгае,

66) Ой Ивасю Коновченку, ще ты дитя молодее,
Будешъ ты хмель уживати,
Будешъ передъ мене, пана молодого,
На долинѣ Черкенѣ голову козацьку покладати.
(Малор. и Черв. Д. и П. 43).
Или:
Не велю я тобѣ, сыну, оковитои напивати,
Да идти съ бусурманами на долину гуляти,
Коли жъ уже ты хочешъ ёи напивати,
То велю въ моему намётѣ лягти спочивати.
(Макс. изд. 1834. стр. 55).

трубочку, и пустился на битву [67]). По варіантамъ Лукашевича, Мороза и Метлинскаго, въ этотъ разъ Ивась Коновченко является уже не такимъ благочестивымъ и благонравнымъ, какъ при первомъ его выѣздѣ въ бой, и отъ этого-то Богъ не помогъ ему [68]). Въ прочихъ варіантахъ этой черты нѣтъ. По варіанту Котляревскаго, Ивась Коновченко и въ этотъ свой послѣдній выѣздъ на бой успѣлъ еще свалить съ коней семьдесятъ человѣкъ враговъ; но потомъ: бусурманы догадались, что козакъ—въ хмѣлю, отбили его отъ козацкаго табора, окружили, свалили съ коня, покрыли смертельными ранами, но коня его не поймали. Полковникъ, увидя, что козацкій конь безъ всадника мечется по полю, посылаетъ козаковъ ловить его и найти тѣло убитаго козака [69]).

---

67) А вонъ на радощахъ, якъ узявъ пити-гуляти,
Смѣлости сердцю піддавати,
То ще въ третій разъ на герець выхожавъ гуляти.
А корсунський полковникъ до ёго словами промовляе:
Сыну Івасю вдовиченку! Я тобѣ не велю въ третій разъ выхожати,
На герець гуляти,
Бо ты теперъ горѣлочку попиваешъ, а горѣлочка часомъ израдлива,
Хоть якого козака зъ свѣта избавляла.
А вонъ отъ полковника тѣ слова зачувавъ,
Та ще собѣ хорошеньку цѣвочку до рукъ прибравъ,
Да и до кухвы дохватився,
Да зъ кухвы нишкомъ цѣвочкою горѣлки напився,
Самъ молодецъ добрый на коника схватився....

68) Шлыка не здоймае, хреста на собѣ не слагае.
(Метл. 421).
Или:
Старого козака стрѣчае, гордымъ словомъ зневажае.
Молодого стрѣчае, опрощенья не пріймае, стременомъ о грудь поторкае,
То Богъ ему не помогъ.
(Мал. и Черв. Д. и П. 43).
Или:
По табору поѣзжае, да зъ казановъ козакамъ каши перевертае,
Да старого й молодого козака уништожае,
Самъ у собѣ выхваляеться, що вонъ у собѣ велике лыцарьство мае;
Що-жъ-то я козакъ добрый, да подо мною щей конь добрый.
(Вар. Мороза).

69) Межъ крымцѣ да нагайцѣ вбѣгае,
Сѣмдесятъ чоловѣкъ съ коней збивае.
Стали безбожныи бусурманы козака въ хмелю познавати,
Стали отъ табора козацького далѣ отбавляти,
Скоро отъ табора казацького отбавляли,
Округъ ёго оступали,
Тамъ ёго посѣкли—порубали,
Смертелными ранами даровали,
Только козацького коня не поймали.
Конь козацькій по табору играе,

По варіанту Лукашевича, для этой цѣли отряжается огромное число козаковъ [70]).

Затѣмъ во всѣхъ варіантахъ слѣдуетъ погребеніе Коновченка. [71]) Но въ варіантѣ Метлинскаго и въ Галицкомъ—его принесли къ полковнику, хотя израненнаго, но еще живаго. Такъ какъ, по этому варіанту, Ивась Коновченко оскорбилъ мать свою при выступленіи изъ дома въ походъ, то смерть его является какъ бы карою за такой дурной поступокъ, и онъ самъ произноситъ, что его покарала родительская молитва. Затѣмъ слѣдуетъ розговоръ съ полковникомъ Хвилоненкомъ. Полковникъ спрашиваетъ: похоронить ли его здѣсь на мѣстѣ смерти, или отвезти въ Крыловъ? Нѣтъ, отвѣтилъ умирающій—не причиняйте

Нѣбы ясенъ соколъ лѣтае.
Корсунській полковникъ зобачае и промовляе:
«Не дурно нашого Коновченка конь по табору играе,
«Знати: ёго въ живыхъ не мае.
«Вы, панове, сами не добре учинили,
«Що пьяного чоловѣка зъ своихъ рукъ спустили.
Добре, вы братія, дбайте,
На конѣ козацькіи сѣдайте,
Козацькее тѣло позбирайте,
До козацького намету привезѣте.
(Варіант. Харьков. и Котляр.).

70) Самъ Хвилоненко у полудню годину зъ намету выступае,
На таборъ поглядае,
Що конь козацькій полемъ гуляе,
Вонъ до козаковъ промовляе:
Эй козаки молодцѣ, добре дбайте,
Кости да карты покидайте,
По-мѣжъ собою восѣмъ тысячъ войска на выборъ выбирайте,
Штыри тысячи по тѣло посылайте,
А штыри тысячи коня козацького поймать посылайте.

71) Суходолъ шаблями копали,
Шапками приполами землю выносили.
Изъ оружья стреляли,
Козацькую славу прославляли,
Семиперстную могилу высыпали.
(Харьк.).
Или:
Шаблями надолками суходолъ копали,
Шапками, приполами персть выбирали,
Ивасю Коновченку могилу насыпали,
Въ семипьяднѣ пищалѣ гримали,
У суремки жалобно выгравали,
Славу козацьку выхваляли.
(Максим. изд. 1834. стр. 56).
Или:
Высоку могилу насыпали,
У головонькахъ червоный прапоръ постановили,
Изъ семипьядныхъ пищалей прозвонили.
(Малор. и Червон. Д. и П. 45).

печали и тоски моей матери; похороните меня на Черкень долинѣ [72]). И было поступлено такъ, какъ желалъ онъ [73]). Здѣсь конецъ второй части думы. Слѣдуетъ затѣмъ еще третья, посвященная матери убитаго въ бою богатыря.

Въ ночь съ субботы на воскресенье, передъ днемъ смерти Ивася Коновченка, приснился матери его такой сонъ. Видѣлось ей, будто сынъ ея женился и взялъ себѣ женою турчанку, гордую, пышную дѣвицу; она ни на кого не работаетъ барщины, никому не платитъ дани, никто къ ней въ уголъ не стучитъ (то есть, не вызываетъ къ исполненію повинностей, какъ обыкновенно дѣлали въ малороссійскихъ городахъ и селахъ); она одѣта въ зеленую одежду съ бѣлыми снурками, она такова, что ни царю, ни королю не поклонится. Старуха пошла къ сосѣдкамъ и стала разсказывать свой сонъ. Сосѣдки сразу поняли.

---

72) Козаки добре дбали,
На конѣ сѣдали,
На Черкень долину пробѣгали,
Ивася вдовиченка у трупу тѣло знаходили.
Вжежъ вонъ и очима не згляне,
И руками не здойме,
И ногами не пойде,
Только словами промовляе:
«Помалу, братця, не вразте моихъ смертелныхъ ранъ:
«Не булатными шаблями мене порубали,
«Не ордынськими стрѣлами зъ коня збивали,
«Се мене отцева молитва да матчины слёзы побили»!
Оттогдѣ козаки добре дбали,
Ивася вдовиченка взяли,
Передъ Хвилона корсунського полковника у наметъ представляли.
Тогдѣ-жъ то Хвилонъ корсунській полковникъ зъ намету выхожае,
И стиха словами промовляе:
— Где-жъ теперъ, Ивасю вдовиченку, повелишъ себе поховати!
— Чи до города Крылова отбавляти?
— Чи на Черкенѣ долинѣ по-козацьки поховати! —
«Эй, Хвилоне полковнику, корсунській батьку старый!
«Не велю я тобѣ до города Крылова отбавляти,
«Моей матери тоски й печали задавати,
«А велю на Черкенѣ долинѣ по-козацьки поховати»!

Въ Галицкомъ варіантѣ умирающій Ивась Коновченко говоритъ полковнику:
Ой, не кажѣть мамѣ, що такъ марне згибаю,
Але кажѣть, що три барвы (три цвѣта) на рокъ убераю,
Ой, убераю на веснѣ зелененькую,
А въ осени чорненькую, а въ зимѣ бѣленькую.
(Чт. И. Общ. И. и Др. 1863. 3.11).

73) Оттогдѣ-жъ козаки добре дбали,
Штыками суходолъ копали, шапками землю выносили,
Ивася вдовиченка похоронили
Изъ розныхъ пищаль подзвонили,
По Ивасю вдовиченку похоронъ исчинили.
(Метл. 423).

что этотъ сонъ не къ добру, но не стали тревожить старухи; а увѣряли ее, что сонъ ея предвѣщаетъ благополучіе: сынъ ея воротится и будетъ дарить ее кармазиномъ (краснымъ сукномъ) [74]). По народному южнорусскому повѣрью, бракъ, видѣнный во снѣ, предвѣщаетъ смерть тому, кого видѣли вступившимъ въ бракъ. Но въ думѣ старуха-мать представляется какъ бы вовсе незнающею такого общераспространеннаго повѣрья, и вообще она представляется во всемъ очень простоватою.

Ожидая возвращенія козаковъ изъ похода, старуха приготовляетъ для угощенія ихъ медъ и горѣлку. [75]) Козаки появляются. Идетъ первая сотня. Вдова спрашиваетъ о сынѣ. Козаки сказали ей, что сынъ ея женился на турчанкѣ и простоватая старуха принимаетъ ихъ слова въ буквальномъ смыслѣ, угощаетъ козаковъ и благодаритъ Бога, что далъ ей дождаться невѣстки. [76]) Идетъ другая сотня (по варіанту Котляревскаго ди-

---

74) Въ субботу на недѣлю вдовѣ старенькѣй Коновчисѣ
Снився, приснився сонъ чуденъ на причудъ,
Барзо дивенъ да й предивенъ.
Вдова отъ сна прочинала,
На рынокъ выхожала,
Съ сусѣдами говорила:
— Сусѣду, приснився менѣ сонъ чуденъ да причуденъ,
— Що видиться менѣ: сынъ въ вôйску оженився,
— Понявъ собѣ жону туркеню, горду да пышну,
— Въ зеленѣй сукнѣ, съ бѣлыми басанами:
— Вона подачи не дае,
— Никто до неи въ уголъ не товкае,
— Вона панщины не робить,
— Царевѣ й королевѣ головы не склонить,
— Тôлькô вона собѣ правдивого судію Господа на небѣ мае!—
Сусѣди тее зачували,
Вдовинъ сонъ отгадали,
Тôлькô вдовѣ правды не сказали.
«Вдово небого! Буде твôй сынъ зъ вôйска прибувати,
«Буде тебе козацькимъ кармазиномъ даровати»!

7) Цеберъ меду, кôнву горѣлки наточила
(Малор. и Червон. Д. и П. 45)
Или:
Вдова не убога бувала:
Чотыри бочки горѣлки и шѣсть меду на брамѣ становила.
(Вар. Котляревск.).

76) Вдово небога! Не журися!
Твôй сынъ оженився,
Понявъ собѣ жôнку туркеню
Горду да пышну невѣсту;
Вдова тее зачувала,
Кождого козака частовала,
Словами промовляла:
«Хвала тобѣ, Господи,

визія). Вдова еще разъ спрашиваетъ о сынѣ. Козаки говорятъ ей аллегорическій образъ брака, приведенный уже выше, изъ котораго можно было бы догадаться, что̀ случилось; но вдова остается недогадливою, не смотря на то, что они ей разсказываютъ, почти до-словно, ея собственный сонъ. [77]) Идетъ, наконецъ, третья сотня: ведутъ коня убитаго Ивася Коновченка — (по однимъ варіантамъ, ведетъ его самъ корсунскій полковникъ, [78]) по другимъ, хоружій, [79]) по третьимъ, два козака [80]). Тутъ только поняла вдова въ чемъ дѣло и въ ужасѣ упала [81]). По варіанту Котляревскаго, судьба Коновченка и теперь объясняется послѣдствіемъ непреодолимой силы произнесеннаго матерью въ пылу досады проклятія. Вдова упрекаетъ и клянетъ полковника; а Хвилоненко отвѣчаетъ ей, что виновата во всемъ она сама: зачѣмъ не пускала сына въ охотное войско и проклинала его [82]). Въ варіантахъ Лукашевича и Мороза полковникъ оправды-

---

«Що я собѣ тихои да веселои невѣстки дождала,
«Хочъ буду козакамъ куренѣ подмѣтати,
«Абы мене могли при старости лѣтъ у себе держати»!

77) Эй, мати, вдово, старенька жоно!
Не журися по своему сыну Ивасеньку!
Уже жъ теперъ твой сынъ на Черкень-долинѣ оженився,
Понявъ вонъ туркеню, препышную панну,
Ужежъ теперъ вонъ въ войско не ходить,
Нѣ якои подачи не дае,
Никто въ козацькій уголъ не стукае,
Оттогдѣ-то вдова недогадлива була.
(Метл. 423).

78) Корсунській полковникъ иде,
Коня въ рукахъ за поводы веде.
(Вар. Котляр. вар. Мороза).

79) Третя сотня подъ полковою корогвою,
По переду хоружій иде,
Вдовиного коня за поводы веде.
(Вар. Харьк.—Вар. Лукаш. Мал. и Черв. Д. и П. 45).

80) Два козаки козацького коня на поводахъ веде.
(Максим. Укр. пѣсни. 1834 г. 57).

81) Вдова на воротахъ стае, коня познае,
Коня познала, до землѣ впала,
И слѣзьми плакала рыдала.
(Вар. Мороза).

82) Скоро тее уздрѣла то барзо зомлѣла,
На ногахъ не устояла къ сырѣи землѣ грудью упала,
Въ гору руки подоймала полковника проклинала:
Богдай ты, полковнику, счастьтя-долѣ не мавъ,
Якъ ты мого сына зо всго войська потерявъ.
Полковникъ самъ не пышенъ бувае,
Зъ козацького коня злѣзае,
Вдову, старенькую жону, зъ землѣ подоймае, словами промолвяе:

вается предъ вдовою тѣмъ, что не онъ посылалъ Ивася, а молодецъ самъ, напившись пьянъ, выѣхалъ на бой и оттого палъ [83]). Въ заключеніе, по всѣмъ варіантамъ, вдова угощаетъ и одариваетъ козаковъ, отправляя тѣмъ и свадьбу и похороны своему сыну [84]). Дума заканчивается прославленіемъ героя.

— Вдово небого мене не проклинай,
— Счастьтя мого, долѣ козацькои не теряй!
— Ты сама недобре починала,
— Що свого сына въ вôйсько охотнее не пускала,
— Сына свого проклинала,
— Счастьтя ёго и долю потеряла.

83) Я твого сына на герецы не пускавъ,
Вôнъ самъ охоту козацькую мавъ.
(Малор. и Черв. Д. и П. 46).
Или:
Я сму не велѣвъ третій разъ выхожати,
Бо вôнъ горѣлочку попивавъ,
А вôнъ постився да до кухвы дохватився,
Да зъ кухвы нишечкомъ цѣвочкою горѣлки напився.
(Вар. Мороза).

84) Тогдѣ вдова небога ся мала,
Три сотни вôйска у свой домъ закликала.
— Оттепера козаки, панове молодцѣ, пійте и гуляйте,
— Разомъ похоронъ и весѣльля отправляйте! —
Тогдѣ козаки пили да гуляли
Изъ семипьядныхъ пищалей гримали,
Славу казацькую выславляли.
(Малор. и Черв. Д. и П. 46).
Или:
Тогдѣ вдова небога ся мала,
Сорокъ тысячъ (?) козацького вôйська въ свôй двôръ зазывала,
Трое сутокъ нѣ ѣсти, нѣ пити не забороняла,
Всѣхъ козакôвъ якъ бояръ даровала,
Давала хустки тканѣ вышиванѣ,
Заразомъ похоронъ й весѣльля отправляла,
Козацькую славу прославляла.
(Вар. Котляр.).
Или:
...До себе всѣхъ козакôвъ зазывала
Медомъ, виномъ да горѣлкою наповала,
За сына свого Ивася вдоваченка похороны да й весѣльля отправляла,
Словами промовляла:
Гости мои милѣ да любѣ, пійте, гуляйте,
Да мого сына Ивася вдовиченка по смерти споминайте!
(Вар. Мороза).
Или:
Всѣхъ козакôвъ на хлѣбъ, на сôль зазывала
Похоронъ и весѣльля Ивася отбувала,
Полковниковѣ коня козацького даровала,
Старшимъ шаблѣ пищалѣ Ивасевы роздавала.
(Макс. 57).
Или:
Всѣхъ козакôвъ на хлѣбъ, на сôль зазывала,

Событіе, состовляющее предметъ этой думы, Максимовичъ, въ своемъ изданіи Украинскихъ пѣсенъ 1834 года, отнесъ къ 1684 году. Его мнѣнію послѣдовали и другіе издатели. (Метлинскій, Жегота Паули). Нельзя съ этимъ согласиться. Обстановка жизни, представленная въ этой думѣ, скорѣе можетъ указывать на времена, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго; и спокойное пребываніе въ краѣ іудеевъ-арендаторовъ и денежныя средства въ ихъ рукахъ все это — черты времени до возстанія и до избіенія жидовъ. Въ концѣ же XVII вѣка, именно около 1684 года, край праваго берега Днѣпра былъ разоренъ и обезлюденъ. Полковникъ Хвилоненко дѣйствительно существовалъ въ первой половинѣ XVII вѣка и извѣстенъ, какъ товарищъ Гуни и Остраницы въ возстаніи противъ поляковъ: вмѣстѣ съ ними онъ, кажется, ушелъ въ Московское государство, по крайней мѣрѣ, его имя не встрѣчается послѣ усмиренія тогдашняго козацкаго возстанія.

Едва ли мы ошибемся, если отнесемъ къ періоду до Хмельницкаго двѣ пѣсни, впервые у насъ записанныя Максимовичемъ и теперь извѣстныя намъ уже и по другимъ варіантамъ. Въ первой изъ этихъ пѣсенъ [85]) описывается привозъ тѣла уби-

---

Усѣмъ рушники подавала
Тожъ вона Пвасевѣ похоронъ и весѣльля справляла.
(Вар. Харьк.).

85) Вôдкôль ѣдешъ? Отъ Дунаю.
А що чувавъ про Михайлу?
Эге! Чувавъ? Я самъ видавъ:
Ишли ляхи на три шляхи,
А козаки на чотыри,
А татары поле крыли.
А въ тимъ войску козацькому
Ѣхавъ возокъ да й покрытый
Чорвоною китайкою,
Заслугою козацькою,
А въ тимъ возку бѣле тѣло,
Порубане, почорнѣле:
За тимъ возкомъ кôнь лыцарській,
Веде коня хлопъ козацькій,
Держить въ руцѣ списъ довгенькій,
А у другѣй—мечъ ясненькій,
А изъ меча крôвця тече;
По Михайлѣ мати плаче.
Не дуже вôнъ порубаный:
Голованька на три части,
Бѣле тѣло на чотыри.
— Шукай, доню, лѣкароньки,
— Зеленои муравоньки.—
«На що, мати, лѣки дбати,
Треба досчокъ добувати.

таго козака-богатыря съ береговъ Дуная, куда ходили козаки разомъ съ ляхами. Богатырь называется Михайломъ, а въ Галицкомъ варіантѣ Михаемъ. Имя Михайла подало поводъ подозрѣвать въ этомъ богатырѣ отца Богдана Хмельницкаго—Михайла, убитаго въ сраженіи подъ Цецорою. Это, разумѣется, одна догадка, впрочемъ, имѣющая за собою извѣстную степень вѣроятія, если допустить, что уваженіе къ освободителю Южной Руси распространилось и на его родителя. Еще болѣе вѣроятія, что эта пѣсня, во всякомъ случаѣ, относится къ эпохѣ совмѣстнаго движенія поляковъ и козаковъ противъ турокъ, когда происходили битвы Цецорская и Хотинская.

Хоромину будовати,
Безъ дверь хата, безъ вôконець,
Бо вже прійшовъ ему конець».
(Макс. укр. П.).

Или:

Щука зъ орломъ купалася,
Щука зъ орла пыталася:
Чи не бувъ, орле, на Дунаѣ,
Чи не бачивъ ты Михайлы?
Хочъ я не бувъ, такъ я бачивъ:
Ишли ляхи на три шляхи,
А козаки на чотыри.
По переду кôнь турецькій,
На коніку сынъ козацькій,
По сыновѣ мати плаче.
Не плачъ, мати, не журися,
Уже твôй сынъ оженився,
Понявъ собѣ паняночку,
Въ чистѣмъ полѣ земляночку.
(Запис. въ Харьк. губ.).

Галицкій варіантъ:

Доловъ, долôвъ долинами,
Ѣдуть турки съ татарами,
А мѣжъ ними вôзъ кованый,
А въ тимъ возѣ Михай лежить,
Порубаный, постреляный,
Капле крôвця у кирницю,
Съ кирниченьки рѣчка тече,
Надъ рѣчкою воронъ кряче,
По Михаѣ мати плаче.
— Не плачъ, мати, не журися.
— Не дуже го порубано,
— Не дуже го постреляно,
— Головонька на четверо,
— А серденько на шестеро,
— А нôженьки на гишечки,
— Бѣле тѣло якъ макъ мѣло (мелко).
— Не плачъ, мати, не журися,
— Бо вже сына похôвано,
— Вже му хату збудовано,

Другая пѣсня изображаетъ прощаніе козака съ матерью и сестрами, а потомъ мать напрасно ожидаетъ своего сына изъ „Гостина“. Вмѣсто сына возвращаются козаки и на вопросъ матери: не видали ли ея сына? говорятъ ей: не тотъ ли твой сынъ, что семь полковъ разбилъ, за восьмымъ полкомъ голову сложилъ? Надъ нимъ летала и куковала кукушка, кони ржали, когда везли его тѣло, скрипѣли подъ нимъ колеса и плакали слуги, слѣдуя за нимъ. [86]) Въ Галицкомъ варіантѣ этотъ богатырь названъ Василемъ [87]). Максимовичъ догадывался, что названіе „Гос-

---

— Безъ дверь хата, безъ вôконець,
— Михаевѣ вѣчный конець!—
(Чт. И. Общ. Ист. и др. 1863. 3. 24).

86) Ой мала вдова сына сокола
Выгодовала, въ вôйсько отдала,
Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середульша хустку качала,
А наймолодча выпровожала,
А мати его выпытовала:
Сыну мôй, коли прійдешъ до насъ?
— Тогдѣ я, нене, прійду до васъ,
— Якъ павине пѣрье на спôдъ потоне,
— А млыновый камѣнь на верхъ выплыне,—
«Вже жъ млиновый камѣнь на верхъ выплынувъ,
«А павине пѣрье на спôдъ потонуло,
«А мого сына зъ Гостина не видно».
Выйшла на гору—ой все полки йдуть,
Да мого сына коника ведуть.
Пыталась вона всеи старшины:
Чи не бачили сына сокола?
Чи не то твôй сынъ, що сѣмъ полкôвъ вбивъ,
За восьмымъ полкомъ головку схиливъ?
Зозуля лѣтала надъ нимъ куючи,
А коники ржали его везучи,
Колеса скрипѣли пôдъ нимъ котючись,
Служеньки плакали, за нимъ идучи.
(Макс. Укр. П. 1834. 9. стр. 157).

87) Галицкій варіантъ:
Ой мала вдова сына сокола,
Выгодовала, въ вôйсько отдала,
Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середульша хустку качала,
А наймолодча шаблю подала,
Якъ подавала, то й промовляла:
— Ой, брате милый, брате Василю!
— Коли жъ ты прійдешъ до насъ въ гостину?
«Выйди, сестричко, на круту гору
«Да выглядай мене по край Дунаю».
Выйшла сестричка на круту гору
Да гляне очкомъ на край Дунаю!
На крутѣй горѣ бѣлъ камѣнь лежить;
Тамъ все сестричка за братомъ тужить
Выйшла сестричка на круту гору

тинъ“ есть испорченное названіе Хотина, и пѣсня эта относится къ эпохѣ Хотинскаго сраженія, но въ Галицкомъ варіантѣ вмѣсто изъ «Гостина» поется «въ-гостину», т.-е. къ намъ въ-гости. И такимъ образомъ смыслъ измѣняется. Во всякомъ случаѣ, всякъ у кого есть чутье на столько, чтобы въ народной поэзіи отличить старое отъ болѣе поздняго, долженъ будетъ согласиться съ мнѣніемъ Максимовича, находившаго, что весь складъ этой пѣсни обличаетъ древнее происхожденіе: между прочимъ, указывалось на размѣръ стиха въ этой пѣснѣ и на сравненіе невозвратимости козака съ невозможностію тонуть тому, что по своей природѣ плаваетъ, и плавать тому, что должно тонуть; это напоминаетъ извѣстное выраженіе мирнаго договора князя кіевскаго, Владиміра Святаго съ Болгарами Волжскими. Изъ древнѣйшихъ элементовъ, продолжавшихъ существовать въ народной поэзіи, въ отрывочномъ видѣ, складывались пѣсни примѣнительно къ событіямъ поздняго времени. Такъ дѣлается теперь, такъ дѣлалось и прежде. Поэтому, если-бы эта пѣсня составилась въ ея данномъ видѣ въ эпоху Хотинской войны, то основа ея, вѣроятно, еще старѣе.

Также точно, по своей основѣ, принадлежатъ глубокой древности тѣ пѣсни, гдѣ убитый козакъ представляется бесѣдующимъ съ своимъ конемъ: онъ посылаетъ его съ вѣстію къ своимъ роднымъ и приказываетъ сказать, что онъ женился: могила въ этомъ случаѣ аллегорически изображаетъ невѣсту. Общность такого образа съ малорусскимъ въ пѣсняхъ великоруссовъ, сербовъ и даже грековъ свидѣтельствуетъ о его древности. Въ южно-русской народной поэзіи такой образъ пріуроченъ къ явленіямъ степной борьбы козаковъ съ бусурманами. Вотъ, напримѣръ, надъ убитымъ козакомъ стоитъ его конь и спрашиваетъ: кому отдаетъ его господинъ? Турку или татарину? Тебя турокъ не поймаетъ, а татаринъ не осѣдлаетъ, отвѣчаетъ козакъ [88])

Да гляне очкомъ на край Дунаю:
Ажъ тамъ козаки купоньками йдуть,
Брата Василя коника ведуть.
Ой вы козаки, ой вы шалѣвѣры,
Где-сь вы мого братонька дѣли?
Чи не той-то твôй братъ, що три вôйська збивъ,
А за четвертымъ голову положивъ?
Зозуля летѣла намъ нимъ куючи,
Коники ржали его везучи,
Колеса скрипѣли подъ нимъ котючись,
Служеньки плакали за нимъ идучи.
(Чт. И. Общ. И. и Др. 1863 г. 3. 25).

88) — Кому мене вручаешъ,

и приказываетъ бѣжать къ матери козака и извѣстить, что сынъ ея женился и взялъ жену боярышню въ чистомъ полѣ землянку [89]). Подобныхъ пѣсенъ такое множество, что приводить ихъ было бы и утомительно и безполезно.

Описаніе смерти козака въ степи, естественно, должно было сдѣлаться любимымъ образомъ въ народной пѣсенности. Такіе образы были милыми сердцу и воображенію многихъ. Родители вспоминали своихъ дѣтей, не возвратившихся изъ похода въ степь, сыновья своихъ отцовъ, погибшихъ въ степяхъ; много въ Украинѣ было женщинъ, лишившихся въ степяхъ своихъ мужьевъ и братьевъ, или томившихся незнаніемъ о постигшей ихъ судьбѣ, послѣ того какъ они, покинувши свой домъ, отправились на степные подвиги. Отъ такихъ-то сердечныхъ движеній исходили эти грустныя пѣсни, часто сложенныя на старой подкладкѣ, усвоенной безсознательно отъ прежнихъ поколѣній. Тогда же слагались о такихъ предметахъ думы, и распѣвали ихъ кобзари, слушались тѣ думы народомъ съ любовію и нѣсколько такихъ дошло до насъ.

Такова, во-первыхъ, дума о смерти атамана Безроднаго, иногда называемаго Хведоромъ, иногда Хомою Безроднымъ. Максимовичъ, на основаніи историческихъ соображеній, пытался опредѣлить: кто такой именно былъ этотъ атаманъ Безродный, но кажется, что это имя вначалѣ было не собственное, а нарицательное. Это типъ козака сироты, безъ рода, безъ племени. Это подтверждается тѣмъ, что иногда къ слову безродный прибавляютъ еще слово «безплеменный». Это кличка, которая могла даваться многимъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время; хотя эта кличка легко могла перейти и въ собственное имя, какъ прозвище, но также могла даваться и такому, который уже носилъ

— Кому коня покидаешъ,
— Чи турчину, чи татарину?—
«Тебе, коню, турчинъ не пôймае,
А татаринъ не осѣдлае.»

89) Прибѣжи, коню, до двору,
Да вдарь копытомъ въ болону,
А выйде до тебе, ненька старенька,
Козацькая матусенька,
Да не кажи, коню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився.
Да понявъ собѣ паняночку,
Въ чистѣмъ полѣ земляночку,
Куды вѣтеръ не вѣе,
Куды сонечко не грѣе.
(Макс. Укр. П. 153).

другое прозвище. У насъ четыре варіанта этой думы: одинъ напечатанъ въ сборникѣ Максимовича, другой — въ сборникѣ Метлинскаго, третій — въ Запискахъ Югозападнаго Отдѣла Географическаго Общества напечатанъ со словъ кобзаря Вересая, четвертый — въ рукописномъ собраніи Котляревскаго. Есть между ними отличія, но общаго между ними то, что козакъ Хведоръ (Ѳедоръ) безродный, бездольный, безплеменный умираетъ на берегу Днѣпра отъ полученныхъ ранъ, разговариваетъ съ своимъ чурою, называемымъ въ одномъ варіантѣ Вересая собственнымъ именемъ «Ярема», посылаетъ его отыскать козаковъ. Стекаются товарищи и погребаютъ испустившаго духъ отъ ранъ.

По варіанту Максимовича, молодой козакъ обѣдалъ надъ днѣпровскимъ заливомъ; вдругъ набѣжали ушкалы (татарскіе наѣздники), изрубили его, но не поймали его чуры (иначе джуры). Чура возвращается къ своему раненному господину и промываетъ его глубокія раны. [90]) По варіантамъ Котляревскаго и Вересая, изображается поле битвы, много козаковъ побито [91]), и одинъ Хведоръ Безродный чуть живъ лежитъ, по варіанту Вересая, между трупами, [92]) по варіанту Котляревскаго, подъ увѣсистою вербою надъ днѣпровскимъ заливомъ, и чура промываетъ ему раны. [93])

---

90) По надъ сагою Днѣпровою,
Молодый козакъ обѣдъ обѣдае,
Не думае, не гадае,
Що на ёго молодого, ще й на чуру малого бѣда настигае,
То не вербы луговыи зашумѣли,
Якъ безбожнѣ ушкалы налетѣли,
Хведора Безрôднаго, отамана курѣнного, постреляли, порубали,
Тôлькô чуры не пôймали.
То малый чура до козака прибувае.
Раны ему глыбокіи промывае.
(Максим. Укр. П. 1834 г. стр. 26).

91) Тіеи дороги потребы вôйськовои противъ землѣ цесарськои
Не богато вôйска козацького понажено
И передъ мечемъ положено,
Нѣ однои души живои козацькои не оставлено,

92) По потребѣ, по потребѣ барзе царськои
Ей то тамъ-то много вôйська понажено
То черезъ мечу положено,
То тамъ-то между тѣмъ трупомъ Хведоръ Безрôдный, бездольный пробувае.
(Зап. Юг. От. Георг. Об. I. 18).

93) Тôлькô пôдъ зеленою похилою вербою,
Надъ днѣпровою сагою, надъ холодною водою,
Лежить козаче молодый товарищу вôйськовый,
Хведôръ Безрôдный, отаманъ курѣнный,
Постреленый, порубаный на раны смертельныи знемогае,
Нѣ отецъ, нѣ мати, нѣ родина кревна сердечна того не знае,

Въ варіантѣ Метлинскаго подобный же образъ: козакъ лежитъ израненный, но неизвѣстно, гдѣ, и какъ, и кѣмъ; близь него слуга, зажженная свѣча въ рукахъ (эта свѣча, должно быть, позднѣйшее измышленіе) [94]). Далѣе, по варіанту Максимовича, израненный Хведоръ Безродный слышитъ шумъ и посылаетъ чуру узнать, что это такое, и если ушкалы, то приказываетъ ему укрыться, а если козаки, то пригласить ихъ къ нему. Чура, пробѣжавши по берегу, увидалъ козаковъ, замахалъ на нихъ шапкою и, когда козаки, плывя въ челнахъ, причалили къ берегу, просилъ ихъ поспѣшить къ его раненному господину. [95]) Въ варіантѣ Котляревскаго, напротивъ, слуга совѣтуетъ своему господину черезъ войско днѣпровское подать вѣсть родителямъ и роднымъ, чтобъ доставили ему покрывало для погребенія. [96]) Надобно при этомъ знать, какое важное значеніе придаютъ во-

---

Тôлькô у его слуга сидить,
Изъ днѣпровой саги холоднои воды набирае,
Раны козацькіи смертельныи промывае.
(Варіантъ Котляр.).

94) Надъ сагою днѣстровою
Лежить Хведоръ Безрôдный, безплеменный,
Постреленый порубаный,
На раны смертельныи знемоганый.
У головахъ сивый кôнь стоить,
А въ нôженькахъ слуга сидить,
А въ рученькахъ свѣча горить.
(Метл. 440).

95) Чуро мôй, чуро вѣрный слуго!
Пôйди ты степомъ по-надъ-Днѣпромъ.
Послухай ты чуро: чи то гуси кричать, чи лебеди ячать,
Чи ушкалы гудуть, чи козаки Днѣпромъ идуть?
Коли гуси кричать, або лебеди ячать—то зжени,
Коли ушкалы идуть—то схорони,
Коли жъ козаки идуть—то объяви,
Нехай вони човны до берега привертають,
Мене, Хведора Безрôднаго, навѣщають.
То чура малый по берегу пробѣгавъ,
Козакôвъ зобачавъ,
Шапкою махавъ, словами промовлявъ:
Панове молодцѣ, добре вы дбайте, човны привертайте,
До отамана курѣнного прибувайте.
(Укр. П. 27).

96) Пане мôй молодый, Хведоре Безрôдный,
Добре мы дбаймо,
До твого отця—панѣ-матки, до родины сердечнои вôйськомъ Днѣпровымъ накажѣмо,
Нехай твôй отець и мати добре дбае,
Покрывало тонесеньке тобѣ пересылае,
Нехай бы мы могли знати,
Якъ тебе на чужѣй сторонѣ поховати!
(Вар Котляр.).

обще южноруссы такому покрывалу: многіе, особенно старые люди, заранѣе приготовляютъ себѣ покрывало на смерть. «Не поможетъ мнѣ—говоритъ умирающій—тонкое покрывало: ты, мой слуга, на чужой сторонѣ—мнѣ и отецъ, им ать, и братъ, и сестра». [97]) Онъ приказалъ снять съ его вышитаго золотомъ воротника шелковые снурки и, сѣвши на его коня, ѣхать въ козацкое войско. [98]) Въ варіантѣ Вересая о покрывалѣ нѣтъ рѣчи, но Хведоръ отдаетъ своему джурѣ Яремѣ двухъ коней, красные снурки, отъ полъ до воротника вышитые золотомъ, оружіе и велитъ проѣхать, чтобъ на него посмотрѣть. [99]) Когда джура Ярема исполнилъ приказаніе, Хведоръ поблагодарилъ Бога, что его достояніе достанется такому доброму козаку, а потомъ, слыша шумъ, послалъ узнать, что это такое, и если то козаки плывутъ Днѣпромъ-Славутою, то объявиться передъ ними и поклониться кошевому и всему козацкому товариству. [100]) По обоимъ варіантамъ—и Котляревскаго и Вересая—кошевой и запорожцы заподозрѣваютъ чуру: не убилъ ли онъ своего господина. Слуга объясняетъ имъ, что его господинъ израненный лежитъ при смерти и упрашиваетъ прибыть къ нему, хотя бы, по крайней

---

97) Хведоръ Безрóдный тее зачувае
Словами промовляе:
Слуго мóй молодый,
Не поможе менѣ на чужѣй сторонѣ покрывало тоненьке,
Ты въ мене слуга на чужѣй сторонѣ отець и мати рóдненьки,
И братъ и сестриця вѣрненьки.

98) Добре ты, слуга молодый, дбай,
Изъ мого позлоцистого комéра шовкову тягиню знѣмай,
На доброго коня сѣдай, промежду войськомъ козацькимъ проѣзжай,
Чи будешъ ты угоденъ вóйську Днѣпровому, отаману кошовому!

99) Ой джуро Яремо! дарую тобѣ по смерти своѣй коня вороного,
А другого бѣлогривого,
И тягеля червоныи отъ пóлъ до комéра золотомъ гаптованѣ,
И шаблю булатную й пищаль семипъядную.
Ой да добре жъ ты дбай, да на коня сѣдай,
Да предо мною повертай,
Да нехай я буду знати.
Чи удобенъ ты будешъ помежъ козаками пробувати.
(Зап. Югоз. От. Геогр. Об. I. 19).

00) Ой ты ѣдь да надъ лугомъ Базавлукомъ,
Да по надъ Днѣпромъ-Славутою,
То якъ ушкалы гудуть, то ты схоронися,
А якъ козаки йдуть Днѣпромъ-Славутою, то ты объявися,
Та шличокъ на копію искладай,
А самъ низько уклоняй,
Напередъ Господу Богу
И батьку кошовому, отаману вóйськовому,
И всему товариству кревному й сердечному
(З. Югоз. О. Г. О. 1. 20).

мѣрѣ, для того, чтобы похоронить его тѣло и не дать на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ [101]).

По варіанту Максимовича, запорожцы, извѣщенные чурою, застали еще въ живыхъ Хведора Безроднаго, и онъ, давши своему слугѣ наставленіе служить вѣрно войску, умеръ. [102]) По другимъ варіантамъ, Хведора уже не застали живымъ козаки, прибывшіе по извѣщенію чуры.

---

101) Слуга молодый добре дбае,
Межъ вôйськомъ козацькимъ поѣзжае.
Отаманъ кошовый тее зобачае,
Словами промовляе:
Слуго молодый, не своимъ ты конемъ поѣзжаешъ,
Не своею збруею выхваляешься!
Где-сь ты свого пана вбивъ либо ранивъ,
Либо козацькои души тѣла збавивъ!
Слуга молодый добре дбае,
Изъ коня вставае, словами промовляе:
Отаманъ кошовый! Я свого пана не вбивъ и не зрадивъ,
Нѣ козацькои души тѣла не збавивъ;
Тожъ ёго турецька булатна шабля порубала,
Тожъ ёго стрѣлка татарська пострелила.
Отаманъ кошовый тее зачувае,
Словами промовляе:
Панове молодцѣ, добре вы добайте,
На конѣ козацькіи сѣдайте,
Коло лугу Базавлуку объѣзжайте,
Хведóра Безрóдного живого заставайте!
(Вар. Котляр.).

Въ варіантѣ Вересая:
«А мôй панъ лежить у лузѣ Базавлуцѣ,
Постреленый, порубаный на раны смертелныи незмогае,
То прошу я милости вашои всенижающе
У лугъ Базавлукъ прибувати,
Тѣло козацьке молодецьке въ чистѣмъ полѣ знаходити й поховати,
Звѣру-птицѣ на поталу не дати.»
Ой то кошовый отаманъ вôйськовый добре дбавъ
Изъ сѣмсотъ козакóвъ пятдесятъ выбиравъ
Да въ лугъ Базалугъ въ субботу посылавъ.
(З. Ю. Г. О. Г. О. 1. 21).

102) Козаки тее зачували, до берега привертали,
Отамана навѣщали.
Тогдѣ козакъ чуру выхваляе,
Словами промовляе:
— Чуро мôй, чуро вѣрный слуго!
— Коли ты будешъ вѣрно пробувати,
— Будуть тебе козаки поважати!—
То тее промовлявъ, опрощенье зо всѣми бравъ,
Милосердому Богу душу отдавъ.
(Макс. Укр. П. 27).

По варіанту Котляревскаго:
Козаки добре дбали
Коло лугу Базавлуку объѣзжали,
Хведора Безрóдного живого не застали.

Описаніе погребенія почти въ однѣхъ и тѣхъ же чертахъ во всѣхъ варіантахъ. Подробнѣе всѣхъ оно въ варіантѣ Вересая. Козаки, нашедши тѣло Хведора Безроднаго, обмыли его, положили на красную китайку, выкопали саблями могилу, вынося изъ нея землю шапками и полами, похоронили въ ней Хведора Безроднаго, насыпали надъ нимъ высокую могилу, воткнули на ней значокъ и помянули умершаго заплѣсневѣлыми сухарями. [103]) Въ варіантѣ Максимовича, послѣ сходнаго съ предшествовавшимъ описанія погребенія, приводится такое изреченіе: еще знала хорошо козацкая голова, чтобъ не умирать безъ козацкаго войска. [104]) Эти слова составляютъ смыслъ того впечатлѣнія, какое должна была оставлять въ душѣ слушателей думачувство войсковаго товарищества и братства; козаку будто легче оттого, что привелось ему испустить духъ среди товарищей бранной жизни. Не меньше знаменателенъ финалъ думы, по варіанту Метлинскаго, хотя вообще неполному и случайно разорванному: слава его не умретъ, не погибнетъ между нами, народными головами, пока солнце будетъ сіять и свѣтъ свѣтить, будемъ славу его всегда прославлять. [105]) Слова: между народными головами—показываютъ, что думы слагались между людьми, считавшимися передовыми въ козачествѣ, и пѣлись въ ихъ кругу ими самими, прежде чѣмъ становились достояніемъ бродя-

---

103) То вони у лугъ Базавлугъ прибували,
У субботу проти недѣли у четвертѣй полуночнѣй годинѣ
Да тѣло молодецьке знаходили,
На червону китайку клали,
Тѣло козацьке молодецьке обмывали,
А шаблями суходолъ копали,
А шапкамн да приполами перстъ выносили,
Глыбокую яму копали,
Хведора Безрóдного-бездольного похоронили,
Высокую могилу высыпали
И прапорокъ у головы устромили
И премудрому лыцаревѣ славу учинили.
А тимъ вони ёго поминали, що у себе мали,
Цвѣленькими суxенькими вóйськовыми сухарями
(З. Юг. О. Г. О. 1. 21).

104) То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вóйська козацького не вмирала.
(Макс. Сб. Укр. п. 27).

105) Слава ёго не вмре, не поляже
Между нами,
Народными головами,
Покудова буде свѣтъ свѣтити
И сонце сіяти,
Будемъ славу ёго всегда прославляти.
(Метл. 441).

чихъ кобзарей. Слава, игравшая такую важную роль, выражалась тѣмъ, что о славномъ козакѣ слагалась дума и пѣсня и расходилась въ народѣ, и подвигъ богатыря переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

За думою о Хведорѣ Безродномъ мы укажемъ на думу о трехъ братьяхъ, умирающихъ на берегу рѣки Самары у криницы Салтанки. Вся дума составляетъ одну только картину: трое братьевъ, изстрѣленныхъ, изрубленныхъ, борятся со смертью. Старшій проситъ середняго достать ему воды, середній не въ силахъ этого сдѣлать; оба просятъ меньшаго заиграть, чтобъ услыхали козаки и подали имъ помощь. Но меньшій также лишился силъ и не можетъ этого сдѣлать. Наконецъ, всѣ трое умираютъ. Передъ нами четыре варіанта этой думы: 1) изъ рукописнаго сборника Котляревскаго, 2) записанный нами въ 1840 году въ Харьковѣ, 3) напечатанный въ сборникѣ Метлинскаго, 4) напечатанный въ сборникѣ Максимовича. Варіанты Котляревскаго и Харьковскій отличаются отъ двухъ послѣднихъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ нравственной причины несчастія, постигшаго трехъ братьевъ.

Въ началѣ сходно во всѣхъ варіантахъ изображается положеніе раненныхъ братьевъ [106]). Слова старшаго брата, который проситъ у середняго воды, также сходны, за малыми отличіями [107]), только въ варіантѣ Котляревскаго старшій братъ прибавляетъ, чтобъ се-

---

106) Ой усѣ поля самарськи погорѣли, почорнѣли,
Тôлькô зостались два терны дрôбненьки,
Два байраки зелененьки,
У рѣчки Самары, у криницѣ Салтанки
Тамъ лежало три браты рôдненьки,
Якъ голубоньки сивеньки,
Постреленѣ, порубанѣ, на раны смертелнѣ знемогали,
Порубанѣ кровъю зôйшли,
Постреленѣ къ сердцю прійшли.
(вар. Харьк.)
Или въ варіантѣ Метлинскаго:
Порубанѣ кровью исхожають,
Постреленѣ къ сердцю прилягають,
Кулѣ душу съ тѣломъ розлучають.
(Метл. 438)

107) Озоветься старшій братъ до середульшого словами,
Обôльеться гôркими слѣзами:
Братику мôй милый,
Голубоньку мôй сивый!
Добре дбай,
На ноги козацькіи вставай:
До рѣчки Самарки, або до криницѣ Салтанки
Холоднои воды зайди,
Раны мои смертелныи охолоди.
(Харьк.)

редній взялъ жбанъ [108]), а въ варіантѣ Метлинскаго, чтобъ онъ связалъ голову тетивою изъ лука [109]).

Отвѣтъ середняго брата представляетъ уже не маловажныя отличія по варіантамъ; въ особенности же слѣдующее затѣмъ обращеніе, чтобъ меньшій заигралъ на трубѣ [110]). Здѣсь поводъ къ игранію на трубѣ, по варіантамъ Харьковскому и Максимовича, тотъ, чтобъ козаки, услыхавши ихъ, прибыли къ нимъ и похоронили ихъ въ чистомъ полѣ [111]), а по варіанту Котляревскаго, изъявляется желаніе, чтобъ козаки сообщили родителямъ израненныхъ, чтобъ они пріѣзжали къ сыновьямъ и совершили надъ ними приличное

---

108) Колибъ ты, братику, добре дбавъ,
Щобъ ты на ноги козацькіи встававъ,
Збанокъ козацькій въ руки бравъ—
До рѣчки Самарки, до криницѣ Салтанки
Холоднои воды заходивъ—
Раны мои смертельныи охолодивъ.
(Вар. Котляр.)

109) Добрѣ ты вчини,
Зъ мого лука шовковую тетиву зними,
Козацькую голову звяжи.
(Метл. 438)

110) Якъ-же менѣ, брате, на ноги козацькіи вставати,
Що у мене ноги козацьки порубанѣ,
Руки козацьки постреленѣ,
Голова моя козацька пробита.
Попросимо мы свого меньшого брата:
Нехай нашъ найменшій братъ на ноги козацьки вставае,
У тонкіи вôйсковыи суремки заграе.
(Вар. Котляревск.)
Или:
Братику мôй рôдненькій,
Якъ голубонько сивенькій!
Чи ты менѣ, брате, вѣры не дôймаешъ,
Чи ты мене на-смѣхъ пôдіймаешъ?
Чи не одна насъ шабля порубала,
Чи не одна насъ куля постреляла?
Що маю я на собѣ девять ранъ рубанѣ широки,
А чотыри стреленѣ глыбоки.
Такъ мы, брате, добре вчинѣмо,
Свого найменьшого брата попросѣмо,
Нехай наименьшій братъ добре дбае,
Хочъ на вколюшки вставае,
Вôйскову суремку въ головкахъ достягае,
У вôйськову суремку добре грае—програвае.
(Максим. Сб. Укр. Д. и П. 1849. стр. 18)

111) Нехай бы насъ страннѣ козаки зачували,
До насъ дохожали, смерти нашои доглядали,
Тѣло наше козацьке въ чистѣмъ полѣ поховали.
(Харьк. у Максим. вм. зачували: стали зачувати, до насъ дохожати и пр.)

погребеніе [112]). Въ варіантѣ Метлинскаго собственно тоже [113]), но съ признаками амплификаціи, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія. Отвѣтъ меньшаго брата представляетъ еще больше отмѣнъ въ варіантахъ Котляревскаго и въ Харьковскомъ (въ послѣднемъ не упоминается вовсе объ отцѣ и матери): меньшой братъ отвѣчаетъ среднему, что если онъ заиграетъ на трубѣ, то ихъ услышатъ не козаки, а тѣ же турки янычары, которые ихъ изрубили, и теперь они, враги, явятся снова для того, чтобъ ихъ живьемъ задать на каторги, и лучше имъ помирать въ чистомъ полѣ, не увидавши ни отца, ни матери [114]). За тѣмъ слѣдуетъ смерть всѣхъ троихъ [115]). Но въ варіантахъ Максимовича и Метлинскаго меньшой братъ представляетъ смерть всѣхъ троихъ братьевъ, какъ на-

---

112) То будуть козаки чистымъ полемъ проѣзжати, гуляти,
Будуть наши игры козацьки зачувати,
Будуть вони до насъ пріѣзжати,
Будемъ мы добре дбати,
Отцевѣ й матерѣ въ землю христіянську поклонъ передавати,
Щобъ насъ отець и мати добре знали,
Вони-бъ до насъ прибували,
Вони-бъ насъ хорошенько поховали.
(Вар. Котляревск.)

113) А вже въ насъ отець мати все добрóсть собѣ мали-бъ,
Да въ чисте поле вони выхожали-бъ,
Кошулѣ тоненьки, покрывала тоненьки вони выношали-бъ
Наше тѣло козацьке-молодецьке
Хорошенько въ чистомъ полѣ поховали-бъ,
Звѣру и птицѣ на поталу не дали-бъ.
(Метл. 439)

114) Меньшій братъ тее зачувае,
Слово промовляе:
Брати мои милѣ,
Голубоньки сивѣ!
Чи не тѣ жъ мене саблѣ турецьки порубали якъ и васъ?
Чи не тѣ жъ мене стрѣлки янычарськи постреляли якъ и васъ?
Якъ вамъ, братцѣ, не можно на ноги козацьки вставати, также й менѣ.
Хочъ я буду въ тонкіи суремки жалóбненько грати,
То будуть турки-янычары, безбожныи бусурманы чистымъ полемъ гуляти,
Будуть наши игры козацьки зачувати,
Будуть до насъ наѣзжати,
Будуть намъ житьемъ каторгу задавати.
Лучше намъ, братцѣ, оттутъ, въ чистѣмъ полѣ помирати,
Отця й панѣ матки и родины сердечнои въ вóчи не видати.
(Вар. Котляревск.)

115) Стала чорная хмара на небѣ наступати,
Стали козаки въ чистѣмъ полѣ помирати,
Стали свои головы козацьки на рѣчцѣ Самарцѣ покладати.
Чимъ тая Самара стала славна,
Що вона много войська козацького у себе видала.
(Вар. Котляр.)

казаніе, посланное отъ Бога за то, что они отправились въ охотное войско, безъ позволенія родителей и не прощаясь съ ними [116]); а варіантъ Максимовича прибавляетъ еще, что они, проѣзжая мимо церкви, не снимали шапокъ и не призывали къ себѣ помощи милосердаго Бога [117]). Послѣдняя черта, сохраненная варіантомъ Максимовича, пришита въ думу въ позднѣйшее время кобзарями изъ другихъ думъ, между прочимъ, изъ думы о Черноморской Бурѣ. Впрочемъ и вся эта нравственная сентенція, влагаемая меньшому брату, едва-ли есть принадлежность первоначальной редакціи думы. Цѣль настоящей думы—изобразить картину страдальческой смерти израненныхъ козаковъ въ дикой безлюдной степи, что постигало одинаково и добрыхъ, и худыхъ; поэтому, нравоученіе здѣсь какъ-то мало вяжется съ содержаніемъ.

Есть другая дума о трехъ братьяхъ, распространенная болѣе предшествовавшей. Это дума о братьяхъ, убѣжавшихъ изъ Азова, гдѣ они находились въ неволѣ у турокъ. Намъ извѣстна эта дума по пяти варіантамъ: 1) изъ рукописнаго сборника Котляревскаго, 2) записанный нами въ 1840 г. въ Харьковѣ отъ бандуриста, 3) изъ сборника Максимовича, напечатаннаго въ 1849 году, 4) изъ записокъ о Южной Руси Кулиша, напечатанныхъ въ 1856 году, 5) кобзаря Вересая, напечатанный въ первомъ томѣ Записокъ Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества. Сущность этой думы состоитъ въ описаніи страданій и смерти одного изъ трехъ братьевъ, убѣжавшихъ изъ азовской неволи; меньшой братъ погибаетъ оттого, что принужденъ бѣжать пѣшкомъ, тогда какъ другіе два брата ѣхали верхомъ.

Въ Азовѣ сдѣлался большой туманъ — такъ начинается эта

---

116) Не есть се насъ шабля турецька порубала,
Не есть се насъ куля янычарська постреляла,
А есть се отцева й панѣматчина молитва насъ покарала.
Якъ мы въ охотне вóйсько отъ отця, отъ матерѣ отъ роду отъѣзжали,
Мы съ отцемъ, съ матерью и съ родомъ опрощеньня не брали.
(Макс. 1849 г. 18)
Или:
Не добре мы, братця, сами починали,
Що всѣ три охотою въ вóйско выступали,
Насъ отець и мати спиняли,
Мы великую гордость собѣ мали,
Роспрощеньня не пріймали.
(Метл. 439)

117) А якъ противъ церкви дому божого проѣзжали,
Мы шапокъ съ головы не снимали,
Милосердого Бога на помóчъ не прохали
(Максим. 18)

дума, по Харьковскому варіанту, и въ это-то время двое братьевъ убѣжали изъ неволи, покинувши третьяго пѣшехода [118]). По варіантамъ Максимовича, Кулиша и Вересая, туманъ не сопровождаетъ побѣга и не содѣйствуетъ ему, какъ это видно по Харьковскому варіанту, а приводится вмѣстѣ съ поднявшеюся пылью, въ качествѣ сравненія въ отрицательной формѣ [119]). По этимъ варіантамъ, всѣ три разомъ убѣжали, по Харьковскому же, третій пустился послѣ, вслѣдъ за конными пѣшій.

Въ этомъ началѣ Харьковскій варіантъ, вѣроятно, ближе къ первоначальной редакціи думы, такъ какъ онъ заключаетъ болѣе правды: вполнѣ естественно, что бѣжавшіе воспользовались такимъ временемъ, когда насталъ большой туманъ, и погоня за ними по первымъ слѣдамъ была трудна. Также естественно, что они двое, овладѣвши двумя конями, не имѣли времени позаботиться о средствахъ побѣга для третьяго брата.

Пѣшій бѣжитъ за конными. По варіанту Котляревскаго, онъ разбиваетъ себѣ ноги о сырое коренье, а по другимъ, обжигаетъ себѣ ноги на пожарищѣ [120]). Пожаръ степной травы—

---

118) Ой у городѣ Азовѣ великіи туманы вставали,
Тогдѣ три браты рóдненьки кóнно зъ тяжкои неволѣ втѣкали,
Меншого брата пѣшого-пѣшеницю покидали.

119) Изъ города изъ Азова не великіи туманы вставали,
Три браты рóдненьки зъ тяжкои неволѣ втѣкали.
(Макс. Сб. 1849. 19)

Или:

Изъ города изъ Азова не пылы туманы вставали,
Тѣкавъ полчокъ малый невеличокъ,
Тѣкали три братики рóдненьки.
(Кул. 32)

Или:

Ой то не пылы пылили, не туманы уставали,
Якъ изъ города Азова изъ тяжкои неволѣ три братика втѣкали
Два кóнныхъ, третій пѣшій-пѣшениця.
(Вар. Верес. З. Югоз. О. Г. Общ. 1. 6)

120) На сыре корѣньня ноги козацьки збивае.
(Вар. Котляр.)

Или:

На сыре корѣньня на бѣле камѣньня
Ноги свои козацькіи посѣкае.
(Макс. 19)

На пожаръ нóжки попаляе,
Кровью слѣды заливае,
(Харьк.)

Или:

За кóнными бѣжить-подбѣгае
Чорный пожаръ пóдъ бѣлѣ ноги пóдпадае,
Кровью слѣды заливае.
(Кул. 32. Тоже въ вар. Верес. З. Юг. 1. 6)

явленіе очень обыкновенное, и татары часто умышленно производили его, чтобъ не допускать черезъ степи русскихъ и польскихъ военныхъ силъ; но въ настоящую думу образъ этотъ внесенъ, вѣроятно, позже, потому что, если бы въ самомъ дѣлѣ бѣжавшіе изъ неволи наткнулись на степной пожаръ, то едва-ли могли бы спастись и конные. Несчастный пѣшеходъ умоляетъ ѣдущихъ впереди конно братьевъ остановиться и посадить его съ собою [121]), провезти хоть на милю [122]), хоть на полчетверти мили [123]), чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ дорогу: куда ему слѣдовать въ христіанскіе городы [124]). По Кулишовскому варіанту, онъ проситъ братьевъ скинуть съ лошадей добычу [125]), которую они везли, чтобъ дать ему мѣсто съ собою, но, кажется, это позднѣйшая прибавка: у такихъ бѣглецовъ едва-ли могла быть добыча,—да и въ прочихъ варіантахъ этого нѣтъ. Старшій братъ отвѣчаетъ: по варіанту Котляревскаго, что неудобно брать на себя такую тяжесть: изъ Азова за ними можетъ пуститься погоня; мы—говоритъ онъ—и сами не уйдемъ, и тебя не увеземъ [126]). По варіанту Вересая [127]), старшій братъ, прибав-

---

121) Станьте, братцѣ, пôдождѣте
Мене, меншого брата пѣшу-пѣшенцю зъ собою вôзьмѣте.

122) — Хочъ на одну милю въ городы христіянськи подвезѣте.
(Вар. Харьковск.)

123) Хочъ на полчверти милѣ пôдвезѣте.
(Вар. Котл.)

124) Вôнъ своихъ братôвъ догоняе, мѣждо конѣ вбѣгае,
Словами промовляе,
Гôрко слѣзами рыдае, за стремена хапае:
Браты мои старшіи милѣ,
Якъ голубоньки сивѣ!
Ей то станьте, конѣ попасѣте,
Мене, меншого брата, пôдождѣте,
Або назадъ завернѣте, да на коня возьмѣте,
Хочъ мало пôдвзѣте,
Нехай я буду знати
Куды въ городы христіянськи до отця, до матки въ гости прибувати.
(Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. 1. 6)

125) Добычъ изъ коней скидайте,
Мене брата пѣхотинця мѣждо коней берѣте.
(Кул. 32)

126) Чи подобно, брате, дѣло, щобъ я тебе, ваготу на коня бравъ,
Свого коня томивъ:
Будетъ изъ города Азова тяжкая великая погоня,
Мы и сами не втечемъ
И тебѣ не увеземъ,
А якъ ты живъ и здоровъ будешъ,
То и самъ въ землю христіянськую дôйдешъ.
(Вар. Котл.)

127) Якъ изъ города Азова тяжка велика погоня буде,

ляетъ, что онъ можетъ пѣшимъ схорониться въ терновникахъ и оврагахъ, а ихъ скорѣе догонятъ и побьютъ! Тоже и по варіанту Кулиша [128]). Окажите же мнѣ милосердіе, говоритъ несчастный, отрубите мнѣ голову и похороните въ чистомъ полѣ, не дайте на растерзанїе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ [129]). На это, по варіанту Кулиша [130]), старшій братъ отвѣчаетъ, что на такое дѣло у него рука не поднимется и сердце не осмѣлится. Но, по варіанту Вересая, подобный отвѣтъ исходитъ отъ обоихъ братьевъ [131]), а въ варіантахъ Котляревскаго [132]) и Максимовича [133]) этотъ отвѣтъ влагается въ уста только среднему брату, который представленъ вообще мягче и добродушнѣе старшаго брата, разсудительнаго практика и сухаго эгоиста. Тогда меньшой братъ

То ты будешъ па тернахъ по байракахъ схоронятися,
А насъ погоня буде догоняти.
(Вар. Верес. ibid.)

128) — Будуть крымцѣ нагайцѣ безбожнѣ бусурмане
Тебе, пѣшого-пѣшенцю, на спочинкахъ минати,
А насъ будуть кôньми догоняти
И назадъ у Турещину завертати.
(Кул. 33)

129) Добре вы братцы, зробѣте
Мени найменшому брату съ плечъ голову знимѣте,
Мое тѣло козацьке въ степу на дорозѣ поховайте,
Звѣру—птицѣ на поталу не дайте
(Вар. Котляр. тоже у Верес. 6. Максим. 26. Кулиша 34.)

130) Чи подобенсьтво, брате, тебе рубати?
Одначе шабля не вôзьме,
Рука не зведеться,
Сердце не осмѣлиться тебе рубати.
(З. о. Ю. Р. 34)

131) То тѣ браты промовлють словами,
Обôльлються гôрко слѣзами:
Ой братику нашъ меншій, милый,
Якъ голубонько сивый,
Ой хоть у насъ ясенъ мечъ,
Такъ наше сердце козацькее молодецькее не осмѣлиться,
И рука наша козацька молодецька не воздойме,
И нашъ ясенъ мечъ твоеи головоньки не име,
На прахъ роспаде!
(З. Юг. О. Г. О. I. 7)

132) Середній братъ тее зачувае,
Словами промовляе:
Брате мôй милый, голубонько сивый,
Наша рука козацькая на тебѣ не здôйметься,
Сердце наше козацьке на тебе не осмѣлиться,
Мѣчъ нашъ булатный твоеи шіи не иметь
На дрôбный макъ весь падеть.
(Вар. Котл.)

133) Сего, брате, зроду не чували,
Щобъ рôдною кровью шаблѣ обмывали.
(Макс. Сб. 1849 г. 20)

обращаетъ къ братьямъ послѣднюю просьбу; онъ умоляетъ ихъ, когда они доѣдутъ до терновыхъ кустовъ—наломать вѣтвей и разбросать по своему пути [134]), чтобы пѣшій, идя вслѣдъ за конными, могъ найти дорогу на родину [135]). Въ Харьковскомъ варіантѣ нѣтъ трагическаго разговора между братьями. На просьбу меньшаго брата подождать, братья не дали отвѣта и побѣжали отъ него [136]). Но потомъ, по тому же Харьковскому варіанту, происходитъ между уѣхавшими верхомъ братьями такая сцена. Середній братъ желаетъ остановиться, отдохнуть въ кустахъ, подождать меньшаго брата, взять его съ собою на коня и подвезти, хоть немного. Старшій братъ съ своею безсердечною разсудительностію возражаетъ на это: какой ты глупый! Развѣ тебѣ не надоѣла тяжелая неволя? Если мы станемъ ожидать своего меньшаго брата, то тѣмъ временемъ нагонятъ насъ и изрубятъ, либо возьмутъ въ неволю, которая для насъ будетъ горше прежней [137]). Середній братъ—человѣкъ съ добрымъ серд-

---

134) Коли не хочете, братцѣ, мене рубати,
То прошу васъ, братцѣ, якъ будете до байракôвъ прибувати,
Терновѣ вѣтки въ запôльля брати,
Менѣ признаку покидати.
(Макс. 21.)
Или:
Хочъ одинъ же вы милосердіе майте,
Будете до тернôвъ, до байракôвъ прибувати,
Такъ у боки забѣгайте,
Вѣти терновыи рубайте,
По шляху покидайте!
(Кул. З. о Ю. Р. 34)

135) Нехай бы я могъ знати,
Куды въ землю христіянську до отця, до матери прибувати.
(Вар. Котляр.)

136) Тее братики зачували,
Вôдтôль побѣгали.
(вар. Харьк.)

137) Скоро стали вони до Міуса до байрака добѣгати,
Ставъ середульшій братъ до старшого словами промовляти:
«Брате мôй старшій рôдненькій!
«Прошу я тебе тутъ спочиньмо,
«Бо тутъ хочъ и буде насъ погоня догоняти,
«То буде вона насъ на спочинку въ байракахъ минати,
«Станьмо хочъ трохи, меншого брата пôдождѣмо,
«На коней возьмѣмо, у вѣру христіяньску хочъ трохи пôдвезѣмо.
«Нехай нашъ найменшій братъ буде знати,
«Куды у вѣру христіянську до отця, до матери прибувати».
То старшій братъ тее зачувае
Словами промовляе:
«Брате середульшій! дурный розумъ маешъ:
«Чи то тобѣ не далася тяжкая неволя знати?
«Бо якъ мы будемо свого меншого брата дожидати,

цемъ, но со слабою волею: у него не достало рѣшимости воспротивиться брату и остаться самому ждать пѣшаго. Онъ упросилъ только согласія срывать вершины терновыхъ вѣтвей и разбрасывать на пути за собою для примѣты меньшому пѣшему [138]). Такимъ образомъ, въ другихъ варіантахъ, это представляется выдумкою самого пѣшаго брата, а въ Харьковскомъ — выдумкою середняго брата. Затѣмъ, въ варіантахъ: Харьковскомъ [139]), Котляревскаго [140]) и Кулиша [141]) описываются чувства кроткаго меньшаго брата, выраженныя въ то время, когда онъ находилъ вѣтви, брошенныя на примѣту ему. Въ варіантѣ Максимовича этого нѣтъ, и терновыя вѣтви бросаетъ одинъ только середній братъ [142]).

«Буде за нами зъ города Азова великая погоня угоняти,
«Буде насъ въ байракахъ нахожати,
«На три штуки рубати,
«Або въ горшую неволю буде насъ живцемъ завертати.

138) Тогдѣ середульшій братъ тее зачувае,
Словами промовляе:
Нумо, брате, хочъ верховѣтьтя тернове стинати
Меншому братовѣ, пѣшому-пѣшеницѣ, на прикмету покидати.
Щобъ знавъ зъ тяжкои неволѣ въ христіянську землю куды втѣкати.
(Вар. Харьковск.).

139) Скоро ставъ меншій братъ пѣша пѣшеница
До Міуса до байрака добѣгати,
Ставъ верховѣтьтя тернове знахожати,
Ставъ до свого сердця козацького молодецького прикладати,
Слѣзми заливати.
(Вар. Харьк.)

140) Ставъ меншій братъ девятого дня до терновъ до бяраковъ пробувати,
Ставъ терновѣ вѣтья знахожати,
Словами промовляти:
«Я-жъ то думавъ, що обо мнѣ браты нѣчого не дбали,
Вонижъ на мене великое милосердіе мали.
Терновее вѣтья стинали,
Менѣ, найменшому брату, на прикмету покидали.
(Вар. Котляр.).

141) Боже мой милый, сотворителю небесный!
Видно, то мои братики сюды зъ тяжкои неволѣ втѣкали,
Объ менѣ велике страніе мали!
Колибъ менѣ Господь помогъ изъ сеи тяжкои неволѣ озовськои втѣкати,
Могъ бы я своихъ братиковъ при старости лѣтъ шановати й поважати.
(З. о. Ю. Р. 35).

142) Середульшій братъ милосердіе мае,
Верховѣтьтя у терновъ стинае,
Меншому брату на прикмету покидае.
(Макс. Сб. 1849. 7. 21).

Скоро потомъ, однако, братья выѣхали изъ кустарниковъ въ открытое поле на Муравскій шляхъ [143]). Тутъ происходитъ между братьями такой разговоръ: средній братъ предлагаетъ, за недостаткомъ древесныхъ вѣтвей въ степи, обрывать, по Харьковскому варіанту, красныя кисти [144]), а по другимъ—подкладку своихъ жупановъ [145]). Но старшій братъ слишкомъ дорожилъ своею одеждою турецкою, захваченною при побѣгѣ [146]), чтобы въ ней пощеголять передъ родителями [147]) и передъ сосѣдями, которые, по случаю ихъ возвращенія изъ неволи, станутъ почитать ихъ и созывать въ гости [148]). По Кулишовскому варіанту, онъ еще прибавилъ: будетъ нашъ братъ живъ-здоровъ, такъ и безъ нашихъ примѣтъ прибудетъ въ землю христіанскую [149]). Но на этотъ разъ слабохарактерность средняго брата уступила силѣ любви къ меньшому брату. Онъ не повиновался старшему брату, отсталъ отъ него, сталъ—по варіантамъ Котляревскаго [150]), Ку-

---

143) Скоро стали два братика рôдненьки до шляху Муравського добѣгати.
Не стало уже ни байраковъ, ни тернôвъ,
Тôлькô поле лелѣе, трава въ полѣ зеленѣе.
(Вар. Харьк.).

144) Ну-мо червонѣ киты зъ пôдъ чорного жупана выдирати,
Меншому брату, пѣшѣй-пѣшеницѣ, на прикмету покидати.

145) Нумо, брате, мы зъ себе зеленѣ жупаны скидати,
Червону да жовту китайку выдирати,
Пѣшому брату меншому на признаки покидати.
(З. о. Ю. Р. 36).)

146) Чи подобенсьтво, брате, щобъ я свое добро турецьке на шматы дравъ (ibid).

147) Брате середульшій, дурный розумъ маешъ,
Що ты свою дорогу хвантину на дурную охоту теряешъ!
Якъ мы будемъ до отця, до неньки прибувати,
Якъ-то мы будемъ передъ отцемъ передъ ненькою гостёвати.
(Вар. Котл.)

148) Буду я до отця, до неньки въ землю христіянську прибувати,
Будутъ мене ближніи сосѣды почитати, поважати,
Будуть проти мене шапки знимати,
Будуть мене на хлѣбъ—на сôль зазывати.
(Вар. Харьк.).

149) Якъ вôнъ живъ-здоровъ буде,
То и самъ въ землю христіянську безъ нашихъ признакôвъ прибуде.
(З. о. Ю. Р. 36).

150) Середульшій братъ тее зачувае,
Назадъ отставае,
Зъ пôдъ свого жупана червону китайку выдирае,
Свому брату найменшому на прикмету покидае.
(Вар. Котляр.).

лиша [151]) и Вересая [152]) вырывать изъ подъ своего жупана подкладку и разбрасывать за собою. У Максимовича описаніе разбрасыванія подкладки совершается безъ предварительнаго разговора со старшимъ братомъ, а въ Харьковскомъ варіантѣ есть этотъ разговоръ, но самое разбрасыванье не описывается, хотя изъ послѣдующаго затѣмъ видно, что оно происходило.

Это не принесло, однако, пользы бѣдному пѣшеходу, а только ускорило его погибель. Увидавъ куски одежды, меньшой братъ подумалъ, что погоня догнала и изрубила его братьевъ; не смотря на собственныя страданія, не смотря на суровость, съ какою обошлись съ нимъ братья, юноша плакалъ и тосковалъ объ нихъ, хотѣлъ найти ихъ тѣла, чтобы предать погребенію и не дать на растерзаніе хищнымъ животнымъ [153]). Подобное произноситъ меньшой братъ и по варіанту Вересая [154]). По варіанту Кулиша,

---

151) То братъ середулшій милосердіе мае,
Изъ свого жупана китайку червону да жовту выдирае,
По шляху стеле покладае,
Меншому брату признаки давае.
(З. о. Ю. Р. 36).

152) Ей то братъ середулшій добре дбае,
Зъ пôдъ лудану червону китайку выймае,
Дере шляхомъ роскидае,
Меншому брату, пѣшѣй пѣшеницѣ, прикмету давае.
(З. Юг. О. Г. О. 1. 8).

153) Ставъ до Муравського шляху добѣгати,
Ставъ червоніи киты (по вар. Котляревскаго: червону китайку) знахожати,
Слѣзьми обливати, къ сердцю прикладати: словами промовляти:
Отъ сежъ сюды братôвъ моихъ двохъ кôньныхъ побѣгало,
Отъ сежъ на ихъ озовська орда (въ вар. Котляр. погоня) набѣгала,
Мене на спочивку минала,
Моихъ братовъ у пень сѣкла-рубала,
Коли-бъ то менѣ Богъ давъ хоча тѣло ихъ неживее въ степу находити,
Мôгъ бы я ихъ у степу поховати,
Мôгъ бы суходôлъ шаблею копати,
Шапкою, приполомъ землю носити,
Тѣло козацьке въ степу закопати,
Звѣру, птицѣ на поталу не дати.
(Вар. Харьк. и Котляр. у Максим. (сб. У. П. 22) и у Кулиша (З. о. Ю. Р. 37) отмѣны есть, но не важныя).

154) Ей и знать-то Азовська орда велики збытки мала.
Мене на спочивку минала,
А моихъ братôвъ догонила, стреляла рубала,
А може живыхъ въ полонъ займала.
Ей Господи Боже мôй, колибъ я могъ знати. чи моихъ братôвъ постреляно,
Чи ихъ порубано, чи ихъ живыхъ у руки забрано?
Ей да пôйшовъ бы я по тернахъ, по байракахъ блукати,

на девятый день [155]) пути, ничего не ѣвши, не пивши, достигъ онъ Савуръ (или Осавуръ) могилы; но, по варіанту Котляревскаго, выходитъ, что онъ страдалъ долѣе, такъ какъ въ девятый день онъ только нашелъ терновыя вѣтви, разбросанныя братьями [156]). Полно—сказалъ онъ, достигши Савуръ-Могилы, полно уже мнѣ гоняться пѣшему за конными братьями! Пора дать отдыхъ козацкимъ ногамъ! [157]) Онъ взошелъ на Савуръ-Могилу и плакалъ на ней о братьяхъ [158]). Три горя его свалили: безхлѣбье, безводье и безродье [159]). Вѣтеръ буйный сбиваетъ его съ ногъ [160]). Онъ все болѣе и болѣе изнемогаетъ: трудно стало ему и глазами смотрѣть, и тѣломъ двинуться, и голову повернуть: куда вѣтеръ повѣетъ, туда онъ и клонится вмѣстѣ съ травою! [161]) Чернокрылые орлы

Тѣла козацького-молодецького шукати,
Да тѣло козацьке молодецьке у чистѣмъ полѣ поховати,
Звѣру, птицѣ на поталу не дати.
(З. Юг. О. Г. О. 1. 9).

155) До Осавуръ-могилы прибувае,
На Осауръ-могилу зо́хожае,
Тамъ собѣ безпечне девятого дня опочивокъ мае,
Девятаго дня изъ неба воды погоды вижидае.
(З. о. Ю. Р. 38).

156) Ставъ меншій братъ девятого дня до терно́въ, до байрако́въ прибувати,
Ставъ терновѣ вѣтья знахожати.
(Вар. Котляр.)

157) Ой годѣ менѣ за ко́нными братами угоняти,
Часъ менѣ козацькимъ ногамъ по́льгу дати.
(Макс. Сб. У. П. 1849 г. стр. 22).

158) Ставъ же во́нъ до Савуръ-могилы прибувати,
Ставъ на Савуръ-могилу всхожати,
Ставъ своихъ брато́въ ро́дненькихъ оплакати.
(Варіанты Харьк. и Котляр.).

159) Що одно безхлѣбье, а друге безво́дье, а третье безро́дье,
Що брато́въ своихъ ро́дненькихъ ко́нныхъ не нагнавъ,
Стали тѣ три недолѣ козака зъ но́гъ валяти.
(Вар. Харьков.).
Или:
Одно безхлѣбье, друге безво́дье, третье бездорожье.
На Савуръ-могилѣ голову склоняе,
Го́рко рыдае.
(Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. 1. 9)

160) Буйный вѣтеръ въ полѣ повѣвае,
Бѣдного козака зъ но́гъ збивае.
(Вар. Харьк.).

161) На очи не гляне, на ноги не встане,
Головки козацькои не зведе,
Куды вѣтеръ повѣне, туды похилиться,
Куды траву поклонить, туды и поклонитьея.
(Вар. Котляр.).

заглядываютъ ему въ глаза [162]). Орлы черноперые, гости невеселые — произноситъ онъ, подождите пока я не перестану видѣть свѣтъ Божій: тогда уже будете выбирать у меня изо лба очи [163]).

По варіантамъ Харьковскому, Максимовича и Вересая, онъ затѣмъ умираетъ [164]); но, по варіанту Кулиша [165]), онъ еще приговариваетъ обращеніе къ собственной козацкой головѣ: бывала ты, голова, въ земляхъ турецкихъ, въ вѣрахъ бусурманскихъ, а пришлось тебѣ погибать отъ безхлѣбья и безводья; девятый день въ устахъ хлѣба не было: погибаю отъ безводья и безхлѣбья! Но это, какъ намъ кажется, поздняя амплификація: перенесено сюда мѣсто изъ другой думы. Въ варіантѣ Котляревскаго наступаетъ чорное облако, когда козацкая душа разлучается съ тѣломъ [166]), въ варіан-

---

[162]) Стали тогдѣ орлы чорнокрылѣ налѣтати,
Пилно въ очи козаковѣ заглядати.
(Вар. Харьк. и Котляр.).
Или:
Ой тожъ орлы сизопери налѣтали,
Да на чорни кудри наступали.
(Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. 1. 9)

[163]) То вонъ тее помѣчае,
Словами промовляе:
Орлы чернокрылѣ, гости не милѣ (или не веселѣ),
Хочъ мало подождѣте;
Тогдѣ я прошу васъ налѣтати,
Зъ лобу очи выбирати (или высмыкати),
Коли я не буду вже свѣту Божого видати.
(Вар. Харьк. сходно съ Максим. Сб. У. П. 1849 г. 22).
Или:
Зождѣть на малую часинку,
Якъ буде чорная хмара наступати,
Буде дробенъ дожчикъ накрапати,
Буде козацька душа съ бѣлымъ тѣломъ разлучати.
(Вар. Котляр.).

[164]) То тее промовлявъ,
За часъ, за годину милосердому Богу душу отдавъ.
(Макс. 22).

[165]) Мало не много спочивавъ,
Отъ руками не возьме, ногами не пойде,
И ясно очима на небо не гляне.
На небо взирае, тяжко вздыхае:
Голово моя козацька! Бувала ты въ земляхъ турецькихъ,
У вѣрахъ бусурманськихъ,
А теперъ припало тобѣ на безхлѣбьѣ, на безводьѣ погибати,
Девятый день хлѣба въ устахъ не маю,
На безводьѣ, на безхлѣбьѣ погибаю.
(З. о. Ю. Р. 39).

[166]) Тогдѣ вже чорная хмара наступила,
Якъ душа козацька съ бѣлымъ тѣломъ розлучила.
(Вар. Котляр.).

тахъ Вересая [167]) и Кулиша [168]) эта мысль обращена въ форму отрицательнаго сравненія. Но, кажется, здѣсь варіантъ Котляревскаго правильнѣе, и чорное облако—здѣсь остатокъ древняго, конечно, еще языческаго представленія души въ видѣ облака, а дождь, о которомъ выше говоритъ умирающій козакъ орламъ, состоитъ въ связи съ этимъ облакомъ.

Сообразно тому же древнему представленію души въ видѣ дождеваго облака, въ одной свадебной южнорусской пѣснѣ встрѣчается явленіе ушершей матери невѣсты въ образѣ облака и дождя.

Умершему, по народному южнорусскому понятію, нужны погребальщики и плакальщицы: мать, сестра, жена.

И вотъ для козака, испустившаго духъ одиноко въ степи, на Савуръ-Могилѣ все это является. Похороны отправляютъ орлы и волки, терзая его тѣло, а оплакиваетъ его добрая птица кукушка. Въ варіантѣ харьковскомъ сначала оплакиваетъ его кукушка, а потомъ уже совершаются ужасныя похороны [169]); въ варіантѣ Максимовича прежде похороны, потомъ кукушка [170]). Въ варіантѣ Кулиша кукушки нѣтъ вовсе; а въ варіантахъ Котляревскаго [171])

---

167) Да тожъ не чорна хмара наступала,
Якъ душа козацька молодецькая съ бѣлымъ тѣломъ рострявала.
(З. Юг. О. Г. О. 1. 10).

168) Не чорная хмара налѣтала,
Не буйнѣ вѣтры вѣнули,
Якъ душа козацька молодецька зъ тѣломъ розлучалась.
(З. о. Ю. Р. 39).

169) Где ся взяла сива зозуленька,
Въ головкахъ сѣдала,
Жалóбно ковала,
Якъ рóдна сестра брата жалковала,
Такъ вона меншого брата, пѣшу пѣшеницю, оплакала,
Тогдѣ орлы налѣтали зъ лоба очи высмыкали,
Тогдѣ дрóбна птиця налѣтала,
Коло жовтои кости тѣло оббирала,
Тогдѣ ще й вовки сѣроманцѣ набѣгали,
Бѣле тѣло рвали, жовту кóсть по тернахъ, по балкахъ розношали,
Жалóбно квилили-проквиляли
Тожъ вони меншому брату, пѣшѣй пѣшеницѣ, похоронъ вóдправляли.
(Вар. Харьк.).

170) Сб. Укр. пѣс. 1849 г. 23 о кукушкѣ: Якъ сестра брата, або мати сына оплакала.

171) Стали орлы чорнокрыльцѣ налѣтати,
Въ головкахъ козацькихъ сѣдати,
На чорныи кудри наступати,
Изъ лоба очи выдирати,
Коло жовтои кости тѣло козацьке обдирати.
Стали вовки сѣроманцѣ нахожати,
Козацькіи кости розношати,

и Вересая [172]) сначала отправляются похороны козака, состоящія въ томъ, что орлы и волки терзаютъ трупъ его и разносятъ кости; остается на Савуръ-Могилѣ одна голова козака, и къ этой головѣ прилетаетъ кукушка и оплакиваетъ ея судьбу такимъ причитаньемъ: Голова, голова ты козацкая! Ты пила-ѣла, хорошо поживала, по чужимъ землямъ пробывала, хорошо козацкіе обычаи знала; теперь тебѣ нѣтъ ни о чемъ заботы, ничего ты не желаешь, кромѣ праведнаго суда надъ собою отъ Судіи Господа! Мѣсто это есть въ другой думѣ, и не беремся рѣшать, оттуда ли сюда, или отсюда туда оно перешло. Скорѣе предположить можно первое, потому что обращеніе къ головѣ приличнѣе можетъ относиться къ козаку бывалому, пожилому, чѣмъ къ юношѣ, какимъ былъ меньшой изъ трехъ бѣжавшихъ братьевъ.

Но вотъ конные братья приближаются къ христіанскимъ городамъ [173]). У рѣки Самарки, близъ криницы Салтанки [174]) (это.

По долинахъ, байракахъ,
По казацькихъ прикметахъ,
Только козацька голова на Савуръ-могилѣ пробуває;
Никто теи головы не дбае,
Кроме: сива зозуленька прилѣтала,
Въ головахъ козацькихъ сѣдала,
Жалобненько заковала, нѣбы словами промовляла:
«Голово, голово, козацькая!
«Якъ ты спила зъѣла, хорошенько сходила.
«По чужихъ земляхъ пробувала,
«Козацьки звычаи добре знала,—
«Теперъ ты ни объ чимъ не дбаешъ,
«Кроме суда праведнаго Судіи Господа съ небесъ жадаешъ»!
(Вар. Котляр.).

172) Орлы сизоперѣ налѣтали,
Отъ жовтыхъ костей тѣло оббирали.
А изъ лоба очи выймали, —
Тожъ вовки сѣроманцѣ зъ великихъ степовъ набѣгали.
Отъ суставъ кости отрывали,
Да по тернахъ, по байракахъ розношали:
Ей да тоже буйныи вѣтры повѣвали
Да комышами жовтыи кости покрывали;
Ей то тоже козака нѣ отецъ, нѣ мати оплакала.
Якъ сива зозуля прилѣтала,
Да у головкахъ сѣдала, да жалобно закувала:
«Ой голово, голово козацька молодецькая!
«Сежъ ты нѣ допила, нѣ доѣла, а нѣ хороше сходила,
«А и довелося валятися.
«Звѣру—птицѣ на поталу податися».
(З. Юг. О. Г. О. 1. 10).

173) Стали конні браты до городовъ христіянськихъ доѣжжати.
(Максим. Сб. Укр. П. 1849 г. стр. 23)

174) До рѣчки Самарки, до криницѣ Салтанки.
(Вар. Котляр.).

должно быть, случайный переносъ изъ другой думы объ иныхъ трехъ братьяхъ, приведенной нами выше), они расположились отдыхать, уже не опасаясь погони за собою [175]). Старшій братъ уже теперь согласенъ дожидаться меньшаго. Въ сердце середняго брата закрадывается тоска предчувствія: вѣрно уже нѣтъ на свѣтѣ меньшаго брата [176]). По варіанту Максимовича, эта тоска сразу овладѣваетъ обоими братьями [177]), а по варіанту Кулиша, самъ старшій братъ соболѣзнуетъ о судьбѣ меньшаго и хочетъ его подвезти, но середній братъ напоминаетъ, что уже девятый день прошелъ, и вѣрно теперь ихъ меньшой братъ умеръ отъ голода и жажды [178]). Такой припадокъ милосердія въ этомъ братѣ практикѣ-эгоистѣ, очень естественъ въ то время, когда можно оказать добро другому, самому не подвергаясь опасности. Затѣмъ, здѣсь на берегу Самары, происходитъ между братьями разговоръ, въ которомъ снова рѣзко высказываются характеры двухъ братьевъ. Старшій братъ задаетъ вопросъ: что имъ отвѣчать родителямъ, когда тѣ спросятъ ихъ о меньшомъ братѣ, и самъ даетъ совѣтъ сказать, что они были въ неволѣ не у одного гос-

---

[175]) Стали два братики коннѣ до Самарь рѣчки прибувати,
Тамъ три днѣ спочивати,
Меншого брата, пѣшу пѣшеницю, дожидали,
Зеленымъ сѣномъ конѣ годовали.
(Вар. Харьк.)

[176]) Братъ середулшій у велику тугу вступае,
Словами промовляе:
Щось недурно до мого сердця велика туга наступае,
Мабуть нашого меншого брата, пѣшѣй пѣшеницѣ, на свѣтѣ не мае.
(Вар. Харьк.)-

[177]) Стала къ ихъ сердцямъ велика туга налягати.
(Макс. ibid. 23).

[178]) Стала ихъ темна нôчка обôймати,
Ставъ братъ старшій до середулшого промовляти:
— Станьмо, братику, тута конѣ попасѣмо,
— Тутъ могилы высоки, трава хороша
— И вода погожа,
— Станьмо тутечка обождѣмо, поки сонце объѣтрѣе,
— Чи не прибуде къ намъ нашъ пѣшій пѣхотинецъ,
— Тогдѣ на ёго велике усердіе маю,
— Усю добычъ скидаю,
— Его, пѣшого, мѣждо коней хватаю! —
«Було-бъ тобѣ, брате, тогдѣ якъ я казавъ хватати;
«Теперъ девъятый день минувъ,
«Якъ хлѣбъ-сôль ѣвъ,
«Воду пивъ,
«Досѣ й на свѣтѣ не мае!
(З. о. Ю. Р. 40).

подина, и когда собрались бѣжать, то и меньшаго брата будили, да не добудились [179]), а по варіанту Кулиша, старшій братъ прибавляетъ, что надобно родителямъ сказать, что меньшой братъ самъ не захотѣлъ бѣжать съ нами, надѣясь лучшаго для себя счастья, когда останется въ неволѣ [180]). При этомъ, по обоимъ варіантамъ: Котляревскаго и Кулиша, старшій братъ, вѣрный своей эгоистической натурѣ, замѣчаетъ, что имъ двоимъ будетъ теперь лучше: когда родители помрутъ, то они достояніе ихъ раздѣлятъ себѣ на двѣ, а не на три части [181]). Въ варіантахъ Харьковскомъ и Максимовича, есть та же рѣчь старшаго брата къ середнему, но безъ намека о наслѣдствѣ; зато въ харьков-

---

[179]) Старшій братъ тее зачувае,
Словами промовляе,
Уже й дробными слѣзами поливае:
— Що мы, брате, будемъ думати, гадати,
— Якъ будемъ мы до отця, до нанѣ матки прибувати?
— Якъ мы будемъ отцевѣ й матцѣ казати,
— Якъ будуть насъ вони пытати?
— Якъ будемъ мы отцю й матцѣ по-правдѣ казати,
— Будуть насъ отець и мати проклинати!—
Середній братъ тее зачувае,
Словами промовляе:
«Будемъ мы, брате, отцю й матцѣ правду казати,
«То може, буде отецъ-мати на насъ великее милосердіе мати»!
Старшій братъ тее зачувае,
Словами промовляе:
— Оттакъ мы, братѣку, скажѣмо:
— Що у городѣ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,
— Не одному пановѣ слуговали,
— Мы сами два насъ утѣкали,
— Свого найменшого брата отъ сна будили не збудили.
(Вар. Котляр.).

[180]) Не въ одного пана пробували, не одну неволю мали,
И ночнои добы зъ тяжкои неволѣ втѣкали,
Такъ мы до ёго забѣгали,
Устань, брате, зъ нами козаками, зъ тяжкои неволѣ втѣкати!
Либонь-то вонъ такъ отказавъ:
Тѣкайте жъ вы, братцы, а я буду тутъ оставаться,
Чи не буду собѣ лучшого долѣ-счастьтя мати.
(З. о. Ю. Р. 41).

[181]) То будуть отець-мати помирати,
Будеть худоба зоставати.
Будемъ мы худобу на двѣ части паювати,
Мѣжъ нами третій не буде никто мѣшати.
(Вар. Котляр.).

Или:
А буде отець-мати помирати,
И будемъ грунта-худобу на двѣ части паювати,
И третьте межъ нами не буде мѣшати.
(З. о. Ю. Р. 42).

скомъ, какъ и въ другихъ варіантахъ, есть отвѣтъ середняго брата, что за ложь передъ родителями будетъ ихъ карать родительская молитва [182]).

Затѣмъ, варіанты Харьковскій и Котляревскаго оканчиваются сходно между собою: оба брата пріѣзжаютъ домой. Старшій братъ на вопросы родителей началъ отлыгаться такимъ способомъ, какой придумалъ прежде [183]). Но середній братъ обличилъ его ложь [184]). Тогда родители прогнали отъ себя и прокляли старшаго, а средняго приняли къ себѣ [185]).

---

182) Якъ не будемъ отцю й матерѣ правды казати,
То буде насъ отцевська й материнська молитва карати.
(Вар. Максим. ibid. 23. Харьк. тоже).
Или:
Будемо мы передъ отцемъ маткою неправду казати,
Буде насъ Господь милосердый видимо й невидимо карати.
(Вар. Котл. тоже у Кулиша, но вм. «неправду казати»— олгати. Записки о Ю. Р. 41).

183) Стали вони до отця, до матусѣ приставати,
Стали отець-матуся за ворота выхожати:
Сыны мои яснѣ сколы!
Где вы вашого меншого брата подѣвали?
Чи вы разомъ зъ неволѣ втѣкали?
(Въ варіантѣ Котляр. прибавляется: Чи вы его за конѣ турецькіи, за сѣ шаты дорогіи янычарамъ отдали?)
То старшій братъ имъ рече:
Отець-матуся! не въ одной неволѣ бували,
Не одному пану слуговали,
Не разомъ зъ неволѣ втѣкали.
(Въ варіантѣ Котляревскаго здѣсь прибавляется: сами зъ темницѣ втѣкали, свого брата будили не збудили).

184) Отець-матуся! У одной неволѣ бували
И одному пановѣ слуговали,
Изъ однои неволѣ втѣкали
Сами собѣ конѣ похватали,
Своему наименшому брату коня не ухватили.
Тôлькô не добре мы учинили,
Що свого брата на конѣ не брали,
Но пôвчверти милѣ до отця до матусѣ въ городы христіяньски не пôдвозили,
Я добре знаю, що нашого меншого брата на свѣтѣ не мае.
Знать его козацкая голова въ степу при дорозѣ полягае.
(Вар. Харьк. и Котляр.).

185) Тогдѣ отець-мати старшого сына зъ двора зôгнали,
Кляли-проклинали:
Богдай ты, сынку, отъ нынѣ до вѣку счастьтя-долѣ не знавъ,
Що ты намъ объ меншѣмъ сынѣ правды не сказавъ!
А середнего сына въ свôй двôръ прійняли.
(Вар. Котляр. по Харьк. тоже, но вмѣсто: «въ свôй двôръ прійняли» — у гости прійняли).

Но по варіантамъ Максимовича [186]) и Кулиша [187]), братья не достигли родительскаго дома: на берегу Самары ихъ настигнули и изрубили бусурманы.

Первая редакція — по варіантамъ Харьковскому и Котляревскаго, должно быть, и ближе къ первоначальной редакціи думы, и правильнѣе, а вторая, по которой братья погибли отъ бусурманъ, есть позднѣйшій переносъ въ эту думу содержанія думы о трехъ братьяхъ самарскихъ, приведенной выше, по случайному совпаденію въ обѣихъ думахъ рѣки Самары. Конецъ настоящей думы, по варіантамъ Харьковскому и Котляревскаго, гармонируетъ съ предшествовавшею бесѣдою братьевъ о томъ, что̀ имъ говорить родителямъ, когда тѣ станутъ ихъ спрашивать о меньшомъ братѣ, тогда какъ при окончаніи думы, по варіантамъ Максимовича и Кулиша, бесѣда эта останется внѣ связи съ думою. Притомъ же, во всемъ тонѣ этой думы чувствуется потребность нравственной цѣли, которая превосходно достигается концомъ по варіантамъ Харьковскому и Котляревскаго.

Было бы напраснымъ и безполезнымъ трудомъ доискиваться съ точностью, когда составлена эта дума, и къ какому событію она относится. Съ большою вѣроятностію она относится вообще къ XVII вѣку, такъ какъ въ этомъ вѣкѣ, какъ намъ извѣстно, было много случаевъ дѣйствительныхъ побѣговъ русскихъ плѣнниковъ изъ Азова. Едва-ли даже опредѣленное, дѣйствительное какое-нибудь событіе легло въ началѣ въ основаніе этой думы: скорѣе всего, это плодъ народнаго творчества изъ бытовыхъ матеріаловъ.

Едва-ли не самая распространенная въ народѣ пѣсня этого отдѣла — пѣсня о Морозенкѣ. Это народное произведеніе, при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края, едва-ли можетъ быть отнесено къ какой-нибудь эпохѣ или къ

---

186) Въ той часъ безбожныи бусурманы набѣгали,
И тихъ двохъ братѣвъ порубали,
Тѣло козацьке карбовали,
Головы на шаблѣ здѣймали,
Довго глумовали.
(Максим. ibid. 24).

187) И не сизы орлы заклекотали,
Якъ ихъ турка-яныченки зъ за могилы напали.
Пострелеляли, порубали,
Конѣ зъ добычею назадъ у городъ у турещину позавертали.
Полягла двохъ братѣвъ голова вышче рѣчки Самарки.
А гретя у Осавуръ-могилы.
А слава не вмре, не поляже
Отнынѣ и до вѣка.
(З. о Ю. Р. 42)

какому-нибудь историческому лицу. Одна личность съ именемъ Мороза или Морозенка является въ числѣ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго. Но одно-ли это лицо съ пѣсеннымъ Морозенкомъ—рѣшить нельзя, тѣмъ болѣе что въ пѣснѣ разсказывается о битвѣ Морозенка съ бусурманами, а мы не знаемъ ничего такого за историческимъ Морозенкомъ, современникомъ Хмельницкаго.

Пѣсня о Морозенкѣ, не смотря на многочисленные варіанты, несомнѣнно одна, и всѣ варіанты заключаютъ общія для всѣхъ ихъ черты. Пѣсня эта сложена по смерти героя, какъ это видно изъ того, что она начинается плачемъ Украины о немъ [188]). Слѣдуетъ затѣмъ разговоръ козаковъ съ Морозихою, матерью Морозенка. Козаки, видя ея тоску, стараются развеселить ее и приглашаютъ вмѣстѣ съ ними выпить меду и вина, а Морозиха имъ отвѣчаетъ, что ей не пьется медъ-вино оттого, что ея сынъ, Морозенко, гдѣ-то бьется съ туркомъ [189]). Пусть бьется, пусть рубится—онъ этимъ тѣшится! [190]) прибавляется въ одномъ варіантѣ.

Пѣсня затѣмъ переноситъ насъ на поле битвы. Изъ-за горы крутой выступаетъ войско, которое называется гордымъ [191]) во всѣхъ варіантахъ, гдѣ только есть имя Морозенка.

Впереди Морозенко на сѣромъ конѣ. Во многихъ варіантахъ затѣмъ поется: «Онъ склонилъ голову коню на гриву; бѣдная моя голова: это чужая сторона!» [192]) Подобная сантиментальность не вяжется съ характеромъ всей пѣсни, и мы думаемъ, это случайная позднѣйшая прибавка, тѣмъ болѣе, что не во всѣхъ варіантахъ пѣсни о Морозенкѣ мы ее встрѣчали.

Слѣдуетъ битва съ бусурманами. Въ иныхъ варіантахъ дѣлает-

---

188) Ой, Морозе Морозенку! Ты славный козаче!
За тобою, Морозенку, вся Вкраина плаче.

189) Не такъ тая Украина, якъ те горде вôйсько.
Заплакала Морозиха, идучи на мѣсто.
«Не плачъ, не плачъ, Морозихо, объ сыру землю не бійся,
«Иди съ нами, козаками, меду вина напійся.»
— Ой, що-сь менѣ, милѣ братьтя, медъ—вино не пьеться.
Ой, гдесь мôй сынъ, Морозенко, да изъ туркомъ бьеться.

190) Нехай бьеться, рубается,
Вôнъ у тому кохается.

191) Изъ-за горы, изъ-за-кручи горде вôйсько выступае,
По-самъ передъ Морозенко сивымъ конемъ выгравае.

192) Склонивъ же вôнъ головоньку коню на гривоньку:
Бѣдна моя головонька, се чужая сторононька!

193) А въ нашого Морозенка да на щіѣ стрôчка
(Или: червоная стрôчка.)
Где проѣде Морозенко—кровавая рѣчка.
Ой выѣхавъ Морозенко за керебердою,

ся только намекъ на эту битву въ образѣ кровавой рѣки, сопоставляемой съ красною лентою, которую носитъ на себѣ Морозенко [193]); въ другихъ варіантахъ описаніе битвы прямѣе и подробнѣе [194]). Морозенко попадаетъ въ неволю татарамъ [195]). Его ведутъ на Савуръ-Могилу и въ насмѣшку велятъ ему посмотрѣть на свою Украину [196]); понимается, что это значитъ: въ послѣдній разъ посмотрѣть на нее. Въ заключеніе, его казнятъ мучительнымъ способомъ: по однимъ, обобравши у него червонцы, снимаютъ съ него красную рубашку, то-есть кожу [197]), по другимъ, вынимаютъ сердце [198]) и потомъ сердце бросаютъ въ воду, а трупъ несутъ на Савуръ-Могилу и произносятъ тѣ же слова, которыя въ другихъ варіан-

---

[194]) Ой зустрѣвся Морозенко съ вражею ордою.
Ой бьеться вонъ три днѣ, три днѣ, три годины,
Ой лежить трупу, лежить орды на три милѣ.
Ой и ставъ же Морозенко да въ полѣ гуляти,
Стали тогдѣ Морозенка бусурманы оступати
Въ другомъ ваірантѣ:
Стали его турки й ляхи оступати.

[195]) Морозенко, козаченько, якъ макъ роспускався,
Морозенко, козаченько, въ неволю попався.
Или:
Ой чія то короговця, що на ратищѣ вьеться,
Ой то того Морозенка, що съ ордою бьеться.
Ой чія то короговця, що ратище изломила?
Ой то того Морозенка, що орда изловила!
Или:
За рѣчкою за быстрою покопанѣ шанцѣ—
Взяли, взяли Морозенка въ недѣлоньку вранцѣ.
Бѣжить, бѣжить татарюга Морозенка вьязати,
Ой ставъ ему Морозенко всю правду казати:
Хочъ ты звяжешъ, татарюго, мои руки стуга,
Буде на васъ, козаченьки, велика потуга.
Или:
Хочъ ты звяжешъ, татарюго, мои бѣлѣ руки—
Не завдавай молодому смертельнои муки.

[196]) Ой повели Морозенка на Савуръ-могилу.
Дивись, дивись, Морозенку, на свою Вкраину.

[197]) Посадили Морозенка на тесовѣмъ стольцѣ,
Сняли-сняли съ Морозенка зъ чересовъ червонцѣ.
Посадили Морозенка на жовтѣмъ пѣсочку,
Сняли-сняли съ Морозенка червону сорочку,
(Или: кроваву сорочку.)

[198]) Вони жъ его и нѣ били, нѣ въ чверти рубали,
Только зъ его молодого живцемъ сердце взяли.
Или:
Невелику Морозенковѣ да кароньку дали,
Только зъ его молодого да серденько взяли.
Или:
Посадили Морозенка на бѣле ряденце,
Да выняли зъ Морозенка кровавое сердце.

тахъ говорятся ему еще живому [199]). Пѣсня оканчивается прощаніемъ съ Морозенкомъ, котораго оплакиваетъ вся Украина [200]).

Въ рукописномъ сборникѣ Котляревскаго мы нашли одну, до сихъ поръ нигдѣ не слышанную и не читанную думу о вдовѣ Ивана Сѣрка и о его сыновьяхъ. Вѣроятно, это одна изъ множества такихъ, которыя безслѣдно исчезли для науки, не подпавши, подобно этой, счастливой случайности, извлекающей ее изъ забвенія.

Вдова знаменитаго въ XVII вѣкѣ кошеваго атамана Ивана Сѣрка представляется въ этой думѣ жительствующею въ городѣ Мерехвѣ. Изъ современныхъ XVII в. актовъ мы знаемъ, что въ Мерефѣ, въ слободской Украинѣ, въ двадцати восьми верстахъ отъ Харькова дѣйствительно имѣлъ владѣніе Сѣрко, и тамъ жило его семейство. Въ думѣ вдова Сѣрчиха живетъ съ двумя сыновьями Петромъ и Романомъ.

(Продолженіе будетъ).

Н. Костомаровъ.

---

199) Ой выйняли серденько да кинули въ воду;
Теперь дивись, Морозенко, на свою уроду.
Ой вынесли Морозенка на Савуръ-могилу,
Теперъ дивись, Морозенко, на свою Вкраину.

200) Прощай, Морозенку, ты найславный козаче,
За тобою, Морозенку, вся Вкраина плаче.
Въ одномъ варіантѣ прибавляется:
На явору зеленому сизый орелъ кряче,
За Морозомъ матусенька силнесенько плаче.

(Пѣсни о Морозенкѣ см. у Метлинскаго стр. 408—412, у Максим. Укр. II. 1834 г. 74—75. Чт. И. Общ. Ист. и Др. 1863 г. ч. 3. стр. 5. Zeg. Pauli pie'sni ruskie u Galicyi.) 146. Кромѣ того, у насъ было около двадцати варіантовъ подъ рукою, нигдѣ не напечатанныхъ и записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ изъ устъ народа.

Голосъ къ Земству.

II.

Въ вопросѣ объ отношеніяхъ одного класса общества къ другому имѣетъ главное значеніе вся сложившаяся у каждаго изъ классовъ масса потребностей, привычекъ, способовъ добыванія средствъ къ ихъ удовлетворенію, сказать короче, весь матеріальный строй жизни каждаго класса. Что касается до нравственныхъ понятій, имѣющихъ право гражданства въ каждомъ изъ классовъ, то значеніе ихъ въ дѣлѣ отношенія одного класса къ другому можетъ тогда только имѣть громадное значеніе, когда эти нравственныя понятія тѣсно переплетены съ цѣлымъ строемъ экономическаго быта; когда въ дѣйствіяхъ личностей, принадлежащихъ къ извѣстному обществу дѣлается то, что говорится и проповѣдуется; когда способы содержанія себя, удовлетвореніе своимъ потребностямъ, привычкамъ, совершаются сообразно тѣмъ правиламъ религіи и науки, которыя внушаются на школьныхъ скамьяхъ, говорятся съ каѳедръ, произносятся въ поученіяхъ и проповѣдяхъ; вообще говоря, когда самый строй жизни подчиняется извѣстнымъ нравственнымъ принципамъ. Если-же существуетъ иное отношеніе между словами и дѣломъ, то первыя остаются только однимъ звукомъ, а дѣло совершается безъ ихъ посредства, идетъ своимъ порядкомъ и, зачастую, совершенно наперекоръ тому, что говоритъ языкъ.

Вслѣдствіе этого, приступая къ разсмотрѣнію существующихъ отношеній между нашимъ образованнымъ обществомъ и народомъ, къ опредѣленію результатовъ вліяній перваго на послѣдній, мы займемся, главнѣйшимъ образомъ, вліяніями на народъ, исходящими изъ *экономическаго* строя нашего образованнаго общества, сосредоточеннаго преимущественно въ городахъ и сложившаго свою

экономическую жизнь всецѣло по городскому складу. Складъ этотъ намъ хорошо извѣстенъ; поэтому, не дѣлая его очерка, мы приступимъ прямо къ выясненію отношеній его къ складу народной жизни; но, такъ какъ знаніемъ послѣдняго мы не можемъ вполнѣ похвалиться, то вслѣдствіе этого постараемся выяснить, предварительно, насколько это для насъ теперь возможно, основныя черты склада народной жизни.

Для опредѣленія главнѣйшихъ основъ строя жизни нашего земледѣльческаго населенія у насъ есть нѣкоторыя безспорныя данныя, на которыхъ можно основать сужденіе, а именно:

1-ое, народъ нашъ, хотя далеко не первобытный, но все-таки не цивилизованный, въ европейскомъ смыслѣ, и живетъ при такихъ условіяхъ жизни, которыхъ нѣтъ въ Западной Европѣ; во 2-хъ, доселѣ онъ населяетъ такую территорію, которую не только нельзя назвать культированной, но скорѣе можно охарактеризовать названіями малонаселенной, пустынной; въ 3-хъ, тысячу лѣтъ тому назадъ относительно этой мѣстности еще болѣе можно было употребить приведенныя названія, а народъ можно было видѣть всецѣло находящимся подъ вліяніями условій природы и климата этой мѣстности. Указавъ на это, будемъ имѣть въ виду, что условія жизни, въ которыхъ жилъ народъ до своего государственнаго устройства, видоизмѣнились еще не окончательно, такимъ образомъ, и теперь точно такъ же, какъ и прежде, главнымъ законодателемъ въ дѣлѣ устройства быта народнаго продолжаетъ у насъ быть природа, оставшаяся мало измѣненною съ того отдаленнаго времени, когда, до возникновенія еще государственной жизни въ Россіи, эта сѣверная природа говорила ежедневно, ежечасно каждому отдѣльному человѣку и молодому, и старому: «какъ ты не силенъ и не хитеръ, но ты, взятый самъ по себѣ, есть существо беззащитное; мнѣ ничего не значитъ засыпать тебя снѣгомъ, заморозить тебя, залить водою, уморить голодомъ, потому что мои сосна, ель, береза тебя вовсе не накормятъ, а ягодами моихъ кустовъ сытъ не будешь; могу также затравить тебя волками, медвѣдями». И дѣйствительно, умные наши праотцы видѣли, что они, дѣйствуя только вмѣстѣ, могутъ свалить вѣковой лѣсъ; что только совокупными усиліями они въ состояніи вырвать изъ земли пни за тѣмъ, чтобъ раздѣлать подъ хлѣбъ поле; что отъ бурана, разлива водъ и отъ стай дикихъ звѣрей можетъ ихъ защитить только объединеніе; отсюда же само собою вытекало слѣдующее заключеніе, ежедневно, ежечасно подтверждаемое практи-

кою: не помочь другому, оставить его безъ помощи, пожелать зла другому, значитъ сотворить себѣ зло.

Постоянная же жизнь, при такихъ мысляхъ, условіяхъ, конечно, должна была создать привычку *относиться къ другому не какъ къ врагу, мѣшающему жить, а какъ къ союзнику, помогающему жить.*

Постоянное упражненіе въ помощи другому—сдѣлало то, что въ природу, такъ сказать, каждаго, въ инстинктъ его, вошло стремленіе дѣйствовать для пользы другаго. Рождались съ этимъ инстинктомъ дѣти и выростали при условіяхъ, благопріятствующихъ развитію этого инстинкта. Весьма характеристично, что составители нашего древняго законодательнаго памятника «Правды Ярослава» не могли придумать никакого инаго слова для выраженія обязанности общества (верви) платить пени (виру) за совершеніе однимъ изъ его членовъ преступленія, какъ только слово «*помогати*». Рядомъ съ этимъ сложеніемъ идеи взаимной помощи и всѣхъ развивающихся изъ нея нравственныхъ правилъ, зрѣло у каждаго сознаніе о томъ, что соединеніе всѣхъ въ одно цѣлое значитъ *многое*, а каждое личное *я* почти *ничто*. Такое сознаніе воплотилось въ всевластномъ учрежденіи, существующемъ и до днесь и называемомъ «*міромъ*».

А такъ какъ обстоятельства и условія, вызвавшія «міръ» къ существованію, были таковы, что въ каждомъ изъ нихъ сквозила мысль единственно только о пользѣ всѣхъ вообще и каждаго порознь, то, въ силу этого проявленія, власть «міра» могла заявлять себя только тогда, когда всѣ личности, его составляющія, приходили относительно какого-либо предмета къ единогласному заключенію. Обычныя рѣшенія міра и по нынѣ являются единогласными по завѣренію всѣхъ, близко изслѣдовавшихъ крестьянскій бытъ, а громадное значеніе міра для крестьянскаго экономическаго быта, вся великость этого значенія, вся сила его выражаются и по нынѣ въ одной крайне простой, но глубочайшей по смыслу пословицѣ «*съ міру по ниткѣ—голому рубаха*».

То же стремленіе, та же мысль—привести въ соотвѣтствіе пользы каждаго съ пользою всѣхъ—отразились и въ дѣлѣ пользованія нашихъ селеній землею, т. е. установился обычай считать каждаго взрослаго человѣка имѣющимъ право на надѣлъ изъ общественной земли.

Развернувшіеся на этихъ основахъ народнаго быта привычки, обычаи, нравственность и направленіе мышленія создали въ крестьянствѣ сообразные имъ весьма цѣльные, не исключающіе

другъ друга: экономическій бытъ и кодексъ нравственной жизни, совершенно отличные отъ нашего быта, отъ нашихъ правилъ жизни. Вторженіе въ этотъ крестьянскій бытъ иныхъ началъ жизни, конечно, сказывается рядомъ возмущеній мирнаго теченія жизни селеній, явленіями, нарушающими цѣлесообразность строя этой жизни; но этотъ строй пока не разбитъ еще въ куски, что̀ и доказывается тѣмъ, что результаты нарушеній правильной жизни крестьянства, оно не признаетъ за нѣчто полезное, за нормальное, а клеймитъ ихъ нелестными названіями. Такъ, напримѣръ, лицо богатѣющее въ деревнѣ на счетъ другихъ, носитъ названіе кулака, міроѣда, и несправедливости, ими творимыя отнюдь не считаются сообразными съ правилами нравственности, безгрѣшными. То, что въ другомъ быту—торговомъ, городскомъ признается дѣйствіемъ, не нарушающимъ нравственности, а обычнымъ, свойственнымъ торговлѣ дѣломъ, составляющимъ ея необходимую принадлежность, иногда доблесть торговую, наприм. большой барышъ, ловкая на счетъ ближняго спекуляція, то въ сельскомъ быту носитъ названія: «поступленія не по Божески», «обмана», «надувательства» и пр. Продавая свой хлѣбъ, крестьянинъ, еще не ставши кулакомъ, обыкновенно, считаетъ грѣхомъ обмануть покупателя, между тѣмъ, какъ городской торговецъ цинично заявляетъ во всеуслышаніе: «не обманешь, не продашь» *).

Основы строя жизни городской для насъ не загадка собственно уже потому, что мы родимся и живемъ среди этого строя, что наша литература почти только нашею жизнію и занимается, а такъ какъ жизнь нашей интеллигенціи и по понятіямъ, и по механикѣ своей одинакова съ Западно-европейскою жизнью, то и вся литература послѣдней является намъ дѣятельною помощницею въ познаніи почти только самихъ насъ. Но у насъ мало выясненъ вопросъ, *что такое «мы» по отношенію къ своему народу*. Поэтому, не теряя словъ на очеркъ основъ строя на-

*) Примѣч. По статьямъ г. Златовратскаго «Устои», печатавшимся въ прошломъ году въ От. Зап. и по статьямъ того же журнала «Деревенскія будни» Н. Н., помѣщеннымъ въ №№ 3 и 4 настоящ. года можно ознакомиться съ превосходнымъ, художественнымъ изображеніемъ различныхъ подробностей общественой жизни деревни и съ нѣкоторыми изъ тѣхъ путей, которыми входитъ въ эту жизнь разладъ, вносятся понятія инаго общества,—городскаго, разъѣдающія сельскую «мірскую» нравственность. Вѣроятно, также не прошли безслѣдно для занимающихся народною жизнію различныя работы нашихъ ученыхъ надъ обычнымъ правомъ, и выдвигающаяся между ними ст. А. Ефименко «Трудовое начало въ народномъ бытѣ». (Слово 1878 г. № 1).

шей жизни, мы прямо взглянемъ теперь на тѣ явленія ея, въ которыхъ легче для насъ будетъ уловить качество вліяній на народъ, вытекающихъ изъ отношеній нашего строя жизни къ строю жизни земледѣльческаго населенія Россіи.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ явленій, наблюдать и обсуждать которое очень легко, потому что оно совершается въ сферѣ дѣйствій періодической печати.

Въ этой печати можно встрѣтить огромное количество весьма дѣльныхъ и толковыхъ статей по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, статей, на которыя положено не мало труда ихъ авторами; между тѣмъ, въ сужденіяхъ однихъ органовъ печати о другихъ, постоянно можно натолкнуться на сѣтованія относительно мертвенности однихъ органовъ, незанимательности другихъ. Это странное явленіе объясняется, какъ намъ кажется, тѣмъ, что большинство нашихъ журналовъ и всѣ, можно сказать безъ исключенія, газеты, давая статьи политическаго, финансоваго, экономическаго, философскаго, историческаго содержанія, не заключаютъ въ себѣ ничего, чтобы дѣлало ихъ примѣнимыми къ большинству явленій русской жизни. Народныя массы живутъ у насъ особою, имъ только свойственною, оторванною отъ высшаго общества жизнію, и всякое открытіе въ области философіи, исторіи, археологіи, даже въ такой наукѣ, которая ближе бы всего ихъ должна была касаться—сельскомъ хозяйствѣ,—пока непримѣнимо къ ихъ жизни. А между тѣмъ, тѣ же журналы и газеты заявляютъ постоянно о своемъ сочувствіи народу и являются иногда съ предложеніемъ мѣръ къ поднятію его благосостоянія. Тоже самое приходится сказать и о каждомъ почти русскомъ интеллигентномъ человѣкѣ, такъ какъ каждый изъ насъ, хотя и твердитъ часто, что любитъ отечество, народъ, человѣчество, но эта любовь только платоническая, на дѣлѣ же у насъ почти никто и пальцемъ не ударитъ, чтобы хотя сколько-нибудь улучшить участь даже подлѣ него стоящихъ, непосредственно служащихъ ему личностей изъ простаго народа. Кухарка, лакей, горничная, дворникъ, напримѣръ, петербургскаго жителя, доселѣ живутъ въ самой отвратительной обстановкѣ. У господъ нѣсколько комнатъ, у прислуги одна вонючая каморка; у первыхъ есть ежедневно часы отдыха, а въ теченіе недѣли цѣлые дни для отдыха и различныхъ развлеченій, у вторыхъ только отлучка изъ дому въ извѣстный день недѣли.

Однако, какое-то неясное, тягостное, обвиняющее чувство гнѣздится въ насъ при сознаніи такихъ отношеній нашихъ къ

народу, и мы, какъ бы во снѣ, ощущаемъ, что есть тутъ что-то неладное, а порой и болѣе ясно сознаемъ тяготѣніе надъ собой какого-то безчестья; чувство недовольства собою беретъ иногда верхъ надъ всѣми другими чувствами, и мы бросаемся куда-то съ стремленіемъ что-то дѣлать, сами не зная опредѣленно ни сущности дѣла, ни цѣли. И вотъ, если въ это время накидываемся на періодическую печать, въ чаяніи схватить тамъ что-либо подходящее нашему настроенію, то въ это-то время и проявляется злоба на журналы и газеты. Тутъ-то намъ и чуется трупный запахъ, вѣющій отъ каждой, въ сущности умной, статьи журнала, тутъ-то и кажется намъ отвратительною фразистая передовая статья газеты, не смотря на самыя старательныя измышленія по части остроумія и либерализма; непригоднымъ ни для чего живаго представляется намъ остальной балластъ, повѣствующій о дѣлахъ Европы, и, конечно, насъ не можетъ помирить съ газетой самый маленькій уголокъ на всей огромной ея простынѣ, повѣствующій petit'-омъ о пожарахъ, болѣзняхъ, скандалахъ, безобразіяхъ, наполняющихъ рубрику «Внутреннія извѣстія».

Эта оторванность наша отъ того, что̀ должно было бы быть очень близкимъ намъ, жить одною съ нами жизнію, устроенною на принципѣ взаимной пользы, наводитъ на самыя печальныя мысли о насъ самихъ и заставляетъ въ собственномъ своемъ мнѣніи сбавить значительную часть цѣны себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ мы такое и для чего живемъ?

Если для выраженія понятія о насъ существуетъ извѣстное названіе «русское образованное общество», или «русская интеллигенція», то уже это одно обособленіе себя особеннымъ названіемъ указываетъ на то, что мы представляемъ нѣчто цѣлое, что мы связаны между собою чѣмъ-то однороднымъ. Но возможно ли сказать, въ настоящее время, что мы живемъ для одной какой-либо идеи, поклоняемся и служимъ ей, что цѣль нашей жизни и дѣйствій есть послѣдствіе стремленій, выходящихъ изъ этой идеи. Руководится ли все образованное русское общество, напримѣръ, идеями чести и служенія сильнаго слабому, лежавшими прежде въ основаніи древняго рыцарства, дѣйствуемъ ли всѣ мы для достиженія, напримѣръ, тѣхъ идеальныхъ цѣлей, во имя которыхъ слагались и дѣйствовали жреческія касты? Правда, въ отдѣльныхъ особяхъ нашего общества мы найдемъ стремленія, выходящія изъ какихъ-либо данныхъ идей, но невозможно уловить никакой общей идеи, управляющей жизнью каж-

даго изъ насъ, безъ исключенія. Есть только одно, присущее каждому изъ насъ *стремленіе*—быть сыту, одѣту, имѣть жилище, пользоваться подходящими подъ вкусъ каждаго развлеченіями. Но стремленіе это не принадлежитъ къ числу высшихъ человѣческихъ стремленій; оно выходитъ изъ нисшихъ потребностей организма, и начало его не находится въ соотвѣтствіи личной пользы моего *я* съ пользою другаго *я*. Нѣтъ, начало его кроется въ томъ состояніи общества, когда впервые явилось въ немъ мѣсто вопросу: какую пользу *я* могу извлечь для себя лично при данныхъ условіяхъ жизни? Такимъ образомъ, хотя это стремленіе и создаетъ людей замѣчательныхъ въ разныхъ отрасляхъ жизни, но эти люди выходятъ изъ узкой сферы понятій и дѣйствуютъ не для какой-либо высшей идеи, которой и нѣтъ въ упомянутомъ выше стремленіи. Вотъ, вслѣдствіе-то всего этого у большинства изъ насъ, и создались только такія условія жизни, при которыхъ мы явились служителями «золотаго тельца» и девизомъ каждаго изъ насъ сдѣлалось слово «нажива».

Не заботясь лично о себѣ, безъ стяжанія для самого себя, каждый изъ насъ не можетъ жить, обреченъ на погибель. Вотъ эта-то характерная черта, присущая каждому изъ насъ, и есть именно то, что̀ заставляетъ насъ разсматривать всѣхъ насъ, какъ нѣчто однородное, общее, не смотря на то, что всѣ мы въ сущности, *не союзники, не общественники, а конкурренты, соревнователи* въ отношеніяхъ другъ къ другу. Оговоримся здѣсь снова, что мы говоримъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ нашего общества, живущихъ для какой-либо высшей идеи, что рѣчь наша идетъ обо всей русской интеллигенціи вкупѣ, необъединенной никакими высшими человѣческими интересами, кромѣ стремленій къ личному комфорту. Для удовлетворенія этого узкаго счастья, мы дѣйствуемъ зачастую и сообща, или, говоря другими словами, каждый стяжатель, идя по своей дорогѣ, иногда дѣлаетъ то же, что творитъ и другой стяжатель на той же дорогѣ; вслѣдствіе этого на извѣстныхъ поприщахъ стяжанія, вырабатываются однородные типы стяжателей, облегчается тѣмъ взаимное пониманіе ихъ взаимныхъ узкихъ интересовъ и возможность извѣстной солидарности для достиженія личныхъ цѣлей.

Многія, *имѣющія такое значеніе* предпріятія нѣсколькихъ лицъ, зовутся у насъ общественными предпріятіями; дѣйствія чьи-либо на пользу такихъ предпріятій получаютъ наименованіе *общественнаго* служенія.

Если предпріятіе полезно весьма значительному числу лицъ въ нашемъ обществѣ, то ему присваиваютъ такія наименованія, которыя, строго говоря, слѣдовало бы примѣнять къ дѣламъ, приносящимъ пользу всѣмъ и каждому въ цѣломъ государствѣ. Такъ, напримѣръ, зачастую строятся желѣзныя дороги, созидаются банки, образуются благотворительныя общества, возбуждаются ходатайства о новыхъ законоположеніяхъ, и все это зачастую предпринимается лишь для пользъ городскаго населенія, а между тѣмъ, носитъ иное, болѣе громкое, названіе. Есть, правда, люди, утверждающіе, что многіе желѣзныя дороги, пароходы, банки, ученыя общества, выставки и проч. поощряютъ народную производительность, поселяютъ стремленіе къ развитію, даютъ народу возможность сбывать свои произведенія. Но такъ ли это дѣйствительно? Постараемся дать подробный отвѣтъ на этотъ важный, въ дѣлѣ отношенія нашей интеллигенціи къ народу, вопросъ.

Начнемъ съ замѣчанія о томъ, что воспользоваться благами упомянутыхъ учрежденій возможно только самостоятельному человѣку, т. е. пользующемуся уже какими-либо благами или, говоря иначе: имѣющему грошъ можно пріобрѣсть другой, но безъ гроша нельзя сдѣлать гроша. Экономическое-же положеніе нынѣшняго крестьянства таково, что у него нѣтъ лишняго гроша, потому что за хлѣбъ ему заплатятъ не то, что онъ пожелаетъ, а что ему назначитъ купецъ; ссудятъ его грошемъ въ долгъ, но такъ, что пріобрѣтенный имъ на этотъ грошъ другой грошъ возвратится кредитору въ видѣ процента вмѣстѣ съ капитальнымъ грошемъ. Желѣзная дорога и пароходъ, хотя и повезутъ добытый крестьянскимъ трудомъ хлѣбъ, но это будетъ уже не принадлежащій крестьянству хлѣбъ, а перешедшій въ собственность купца, слѣдовательно, и барышъ съ перевозки хлѣба пароходомъ и паровозомъ, а не гужемъ, будетъ принадлежать купцу. Затѣмъ назначеніе цѣнъ за крестьянскія работы по вольному найму зависитъ отъ такъ называемаго «спроса и предложенія». Этотъ же законъ всегда проявляется въ пользу той стороны, которая больше обезпечена, дольше можетъ выждать, имѣетъ возможность извернуться какимъ бы то ни было образомъ. Кромѣ того, есть много мѣстностей въ нашемъ отечествѣ, гдѣ крестьянскіе малоземельные участки, какъ кольцомъ, обведены владѣльческими имѣніями и казенными участками, снятыми въ аренду купцами-аферистами. Такое положеніе крестьянскихъ земель имѣетъ своимъ послѣдствіемъ пониженіе цѣнъ за трудъ, явля-

ющійся или въ формѣ личнаго найма у землевладѣльцевъ, или въ формѣ взятія ихъ земель на аренду подъ отработокъ и проч. Теперь, образовалась даже цѣлая армія аферистовъ, спекулирующая арендованіемъ земель крупными участками у казны и помѣщиковъ и сдающая эти земли по частямъ крестьянамъ. При выходѣ крестьянъ на заработки въ болѣе или менѣе отдаленныя отъ ихъ мѣстожительства мѣстности, условія, опредѣляющія цѣны, не измѣняются въ пользу крестьянина. Нельзя работнику возвратиться домой съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ, т. е. безъ ничего, и вотъ этого одного довольно, чтобъ цѣна была опредѣлена болѣе по разсчетамъ нанимателя, нежели наемщика. Хотя при хорошихъ урожаяхъ, слѣдовательно, при большомъ спросѣ на рабочихъ, соперничество между собою нанимателей и повышаетъ заработную плату, какъ это можно наблюдать въ южной и юго-восточной Россіи, но если плата достигнетъ такихъ размѣровъ, при которыхъ барыши отъ урожая должны будутъ значительно понизиться, то наниматель, какъ это тоже часто практикуется у насъ на югѣ, объявитъ рабочимъ, что платить ему нечѣмъ — пусть судятся. Что касается вліянія на развитіе крестьянскаго земледѣлія сельско-хозяйственныхъ обществъ, выставокъ, то и здѣсь нужно имѣть въ виду, что у кого нѣтъ лишняго гроша, какъ, напримѣръ, у нашего крестьянина, тотъ при всемъ желаніи не можетъ воспользоваться никакимъ хорошимъ указаніемъ и примѣромъ. Говорятъ, что крестьянинъ богатъ тѣмъ, что у него личный трудъ замѣняетъ оборотный капиталъ. Положеніе это, говоря относительно, вѣрное, но непримѣнимое къ такому земледѣльцу, который получаетъ или мало чистаго дохода съ своей земли, или терпитъ дефицитъ. На всякое усовершенствованіе нуженъ лишній трудъ, т. е. время, а крестьянское время при дефицитѣ должно идти а) на обработку чужой земли, (въ формѣ аренды, снятія исполу, взятія подъ отработокъ, личнаго найма) б) на проходъ для заработковъ, иногда за тысячу верстъ и в) на занятіе, хотя бы и на мѣстѣ, какимъ-либо не земледѣльческимъ промысломъ. Кромѣ того, иное усовершенствованіе требуетъ лишней лошади, коровы и проч., а не одного только усиленія труда собственныхъ рукъ.

Вообще, поразительно низкую цѣну на земледѣльческій трудъ, сравнительно съ оплатою у насъ другаго рода труда, трудно объяснить какою-либо разумною, законною причиною. Если обратить болѣе глубокое вниманіе на это дѣло, то приходится прійдти къ заключеніямъ о существованіи въ условіяхъ опредѣ-

ленія цѣнъ на этотъ трудъ неурядицы, безпорядковъ, злоупотребленій и насилій. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что цѣна продукту опредѣляется сообразно затраченному капиталу на его производство, положенному на него труду и знаніямъ.

Но какъ и при какихъ условіяхъ проявляется этотъ законъ политической экономіи въ нашемъ экономическомъ быту?

Земледѣльческое производство, даже самое первобытное, есть самое сложное изъ всѣхъ существующихъ промышленныхъ и фабричныхъ производствъ; оно требуетъ затратъ капитала на пріобрѣтеніе скота и орудій производства; для веденія его нужны различныя подготовительныя знанія, приготовленность къ нему посредствомъ воспитанія съ молодыхъ лѣтъ; этому дѣлу человѣкъ деревни учится съ малыхъ лѣтъ при постоянной практикѣ, развивая тутъ же и физическія силы, столь необходимыя для воздѣлыванія земли и требующія постояннаго упражненія. Извѣстно, что простой горожанинъ, не выросшій среди земледѣльческой среды, не можетъ вести земледѣльческое хозяйство, во 1-хъ, потому что онъ мало знаетъ по этому предмету и во 2-хъ, вслѣдствіе недостатка физическихъ силъ, пріобрѣтаемыхъ по наслѣдству и сохраняемыхъ постоянною практикою.

При такихъ условіяхъ земледѣльческаго труда и въ виду безусловной надобности его продуктовъ для рынка, слѣдовало-бы ожидать, что производитель хлѣба будетъ продавать его купцу за сумму несравненно бо̀льшую, нежели какую получаетъ онъ въ дѣйствительности и что барыши купца, отправляющаго хлѣбъ за границу, должны быть гораздо меньше, нежели какими онъ пользуется на самомъ дѣлѣ. Но дѣйствительность не оправдываетъ такихъ ожиданій: четверть пшеницы, отданная производителемъ купцу отъ 4 до 8 р. продается купцомъ за границу по 12 р.—14 р.

Объяснять низкія цѣны на земледѣльческіе продукты единственно тѣмъ, что производствомъ хлѣба занимается много рукъ и что земледѣльческихъ продуктовъ производится болѣе, чѣмъ продуктовъ всякой другой промышленности, довольно шатко, потому что хлѣба, какъ продукта питанія людей и животныхъ и какъ матеріала для многихъ промышленныхъ производствъ, производится въ крестьянскихъ хозяйствахъ на столько мало, что его не достаетъ во многихъ мѣстностяхъ (при цѣнахъ, по которымъ продается крестьяниномъ хлѣбъ) даже на собственное продовольствіе, а на промышленность, переработывающую его въ продукты высшаго порядка, его и не можетъ идти много,

потому что эта промышленность у насъ, сравнительно, развита мало. Мы повсемѣстно видимъ, что къ концу зимы крестьянинъ начинаетъ уже занимать хлѣбъ для прокормленія семьи; скотъ не видитъ въ продолженіе зимы хорошаго корма. И такъ, хлѣба у насъ производится мало, а цѣна на него низка. Кромѣ того, у насъ зачастую имѣетъ мѣсто фактъ повышенія цѣны на хлѣбъ въ томъ случаѣ, когда производитель его имѣетъ достаточный его запасъ; такъ мы знаемъ помѣщиковъ, которые, въ случаѣ предложенія низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, придерживаютъ его въ своихъ амбарахъ, до времени повышенія цѣнъ. Затѣмъ у насъ въ Архангельской губерніи во время неурожая было такое положеніе дѣлъ: мѣстное населеніе голодало, а между тѣмъ изъ Вятской и Вологодской губерній привозили въ это время милліоны четвертей хлѣба въ архангельскіе склады купцовъ, отправляющихъ его въ Англію. Покупался же этотъ хлѣбъ купцами по цѣнамъ крайне дешевымъ сравнительно съ стоявшей тогда въ голодной губерніи цѣною. Въ Архангельской губерніи управлялъ цѣною спросъ; но почему этотъ же самый спросъ не управлялъ также цѣною на хлѣбъ, отправляемый за границу, почему заграничная цѣна хлѣба не стояла въ ровень съ цѣною его въ Архангельской губерніи, не смотря на то, что онъ покупаемъ былъ въ сосѣднихъ уѣздахъ Вологодской и Вятской губерній? Отвѣтомъ на это служитъ здѣсь особая махинація дѣла тамошней заграничной торговли. Торговля эта въ рукахъ у купцовъ англичанъ. Эти купцы имѣютъ полную возможность держать населеніе Вятской и Вологодской губерній, гдѣ они закупаютъ хлѣбъ, въ неизвѣстности на счетъ цѣнъ англійскаго рынка и, благодаря этому, могутъ покупать хлѣбъ по низкой цѣнѣ. Впрочемъ, не въ одной Архангельской, но и въ Самарской, Новгородской и многихъ другихъ губерніяхъ встрѣчалось нѣчто подобное. Такъ извѣстно, что въ названныхъ губерніяхъ земства не разъ принимали на себя заготовки хлѣба для снабженія имъ своихъ голодающихъ уѣздовъ. Почему въ голодающій уѣздъ нужно было отправлять хлѣбъ земству, тогда какъ въ томъ же уѣздѣ живутъ купцы, торгующіе этимъ продуктомъ и заготовившіе его въ громадномъ количествѣ, скупленномъ почти въ той-же мѣстности, въ которой производители этого самаго хлѣба мрутъ съ голоду? Почему въ какой-либо деревенькѣ, крестьянинъ продаетъ осенью часть своего хлѣба мѣстному кулаку и потомъ къ веснѣ у него же покупаетъ хлѣбъ въ три-дорога или отработываетъ долгъ весною и лѣтомъ, отдавая, такимъ образомъ, кулаку время и трудъ, необходимые

для пополненія своего бюджета? Почему это дѣлается такъ, не смотря на то, что хлѣба у крестьянина родилось на столько, что онъ могъ бы имъ быть сытъ круглый годъ? Зачѣмъ и для чего тутъ переходятъ въ карманъ кулака крестьянскія деньги или, сказать точнѣе, крестьянскій трудъ, крестьянское время? Какими разумными государственными и экономическими требованіями объясните вы всѣ эти странные факты? Могло ли бы все это имѣть мѣсто, еслибы трудъ крестьянскій цѣнился дороже труда другихъ производствъ? И снова встаетъ за этимъ старый вопросъ: «почему же крестьянскій трудъ низко цѣнится», а за этимъ и еще вопросъ «какъ сдѣлать, чтобы трудъ цѣнился выше»? Если дать крестьянину больше земли и скота, чтобъ онъ произвелъ большее количество хлѣба, то, строго держась какого-либо политико-экономическаго руководства, можно сказать, пожалуй, что тогда по закону «запроса и предложенія» цѣна хлѣба должна упасть еще ниже, такъ какъ, предложеніе хлѣба увеличится. При упадкѣ же цѣны на хлѣбъ крестьянинъ долженъ будетъ еще большее количество хлѣба пустить въ продажу, чѣмъ отпускается имъ нынѣ, слѣдовательно, можетъ случиться, что и тогда не останется у него хлѣба въ количествѣ, достаточномъ на продовольствіе, на посѣвъ и прокормъ скота?

Мы же, съ своей стороны, поставимъ здѣсь на видъ для читателей еще одинъ фактъ, оговариваясь, что не можемъ еще предугадать, что̀ будетъ сказано по поводу его спеціалистами по политической экономіи. Фактъ этотъ списанъ съ деревенской дѣйствительности г. Энгельгардомъ и такъ разсказанъ имъ въ феврал. кн. Отеч. Зап. на стр. 345:

«Въ послѣднее время явилась еще поддержка—паденіе кредитнаго рубля. Это, впрочемъ, одинаково выгодно для всѣхъ земледѣльцевъ. Дѣйствительно, земля даетъ все то же количество пудовъ льна и пеньки, ведеръ молока, кулей ржи, и за все это нѣмецъ платитъ золотомъ, хотя, положимъ, и скинетъ тамъ малость. А между тѣмъ, проценты въ банкъ, повинности, акцизъ платятся все тѣми же бумажками. Тотъ, кому прежде для уплаты процентовъ въ банкъ приходилось продать пятьдесятъ пудовъ масла, можетъ теперь раздѣлаться съ банкомъ, продавъ всего 25 пудовъ—много 30. Прежде мужику, чтобы купить вина на свадьбу, нужно было за одинъ акцизъ отдать 14 пудъ пеньки, а теперь приходится отдать всего 7—10. И во всемъ такъ—только обходись своимъ, не потребляй ничего покупнаго, нѣмецкаго. Но, представьте себѣ, что вдругъ кредитный рубль все

будетъ падать, падать, наконецъ, упадетъ до копѣйки. Вдругъ для уплаты процентовъ въ банкъ, достаточно продать полпуда масла, а для уплаты акциза за ведро вина—всего одинъ фунтъ пеньки. Вотъ ужъ тогда недоимокъ не будетъ! Дѣтей сколько народится — страсть. Теперь за газету приходится отдать 4½ пуда пеньки, а тогда всего 2 фунта. Во всѣхъ деревняхъ газеты читать станутъ.»

Мы не имѣемъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ правотѣ этого факта и присовокупляемъ его къ ряду другихъ, чтобы только показать ясно, что цѣною на земледѣльческій трудъ не управляютъ у насъ тѣ условія, которыя опредѣляютъ цѣны при нормальномъ экономическомъ бытѣ; что, напротивъ, у насъ дѣйствуетъ здѣсь рядъ такихъ условій, которыя отнюдь не приводятъ въ гармонію дѣла въ бытѣ торговомъ (городскомъ) и земледѣльческомъ (сельскомъ) и въ концѣ концовъ, ставимъ вопросъ: почему терпится и даже поддерживается такое положеніе дѣлъ, такая постановка условій нашего экономическаго быта, при которой ростетъ и процвѣтаетъ только одинъ ростовщикъ, носящій, смотря по мѣсту дѣйствія, количеству и роду своихъ оборотовъ, названія: «міроѣда,» «кулака,» «торговца,» «каштана,» «купца,» «негоціанта,» «банкира». Единственный отвѣтъ на это тотъ, что мы, русская интеллигенція, вѣруемъ исключительно въ зиждительную силу капитала, и, сообразно этому, мы, какъ современная привиллегированная каста, устраиваемъ общее теченіе дѣлъ не по основамъ разумнымъ, не по принципамъ нравственнымъ, не въ видахъ общихъ государственныхъ пользъ, т. е. пользъ и народа, а сообразно интересамъ своей касты, которые не могутъ совпасть съ интересами народа, живущаго по другимъ основамъ жизни.

Этимъ довольно длиннымъ разсужденіемъ, мы старались отвѣтить на поставленный выше вопросъ: «правда ли, что устраиваемые нами желѣзныя дороги, пароходы, банки, сельско-хозяйственныя выставки и проч., приносятъ пользу народу?» Отвѣтъ вышелъ отрицательный, подтверждающій ранѣе высказанную мысль, что все предпринимаемое нами, даже по зову совѣсти, на пользу народа, не даетъ благихъ для него послѣдствій и собственно потому, что наши экономическія воззрѣнія, руководясь которыми мы измышляемъ мѣры для пользъ народа, не его воззрѣнія; идеалъ его не тотъ, что у насъ; у него каждое дѣйствіе строя народной жизни не вытекаетъ изъ культа «золотаго тельца» и не сводится къ нему, какъ у насъ. Однимъ словомъ, та эконо-

мическая жизнь, которая не управляется чѣмъ либо разумнымъ, высшимъ ея сущности, которая не одухотворена никакой нравственной идеей, не можетъ, ни логически, ни практически, уложиться подлѣ жизни, построенной на высшемъ нравственномъ принципѣ; поэтому-то буржуазія была всегда врагомъ, съ одной стороны, рыцарства, а съ другой, народныхъ массъ, начинавшихъ свою жизнь, первоначально вездѣ, какъ это нынѣ дознано, на началѣ взаимной помощи и любви къ ближнему.

III.

Этотъ взглядъ на дѣйствія всей машины общаго строя жизни нашей интеллигенціи, въ отношеніи къ жизни земледѣльческаго населенія, приводитъ къ заключенію, что мы жестоко обманываемся въ надеждахъ своихъ видѣть народъ счастливымъ посредствомъ осуществленія всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ, основаннымъ на одномъ стремленіи къ личному узко-эгоистичному счастью низшаго порядка.

Народъ живетъ еще по своимъ нравственнымъ принципамъ и соотвѣтственно имъ построенному экономическому быту, и путь, который онъ долженъ будетъ начать для передѣлки своего строя, по образу нашего, будетъ путь долгій, тяжкій, путь страданій нравственныхъ и матеріальныхъ.

Достигнемъ-ли мы сами того счастья, которое мнимъ достать, идя своимъ путемъ, намъ еще неизвѣстно; мы, гоняясь пока за наживой, только воюемъ другъ съ другомъ; конкурренція, соперничество у насъ считаются пружинами, подбадривающими насъ къ дѣятельности; слѣдовательно, какъ бы на зависти другъ къ другу развиваемъ свои силы, почерпаемъ энергію. Куда насъ приведетъ эта дѣятельность, эта практика, основанная (что, кажется, у насъ забыто) на смертномъ грѣхѣ, приведетъ-ли къ счастью,—вопросъ этотъ еще сомнительный? Зачѣмъ-же намъ стараться тянуть народъ на эту дорогу и сбивать его съ той, идя по которой онъ не заблудился при всѣхъ историческихъ невзгодахъ? И такъ, все склоняется въ пользу оставленія его строя жизни неприкосновеннымъ и облегченія дальнѣйшаго развитія на началахъ этого строя, а для осуществленія этого нуженъ со стороны образованнаго русскаго общества рядъ дѣйствій, удаляющихъ отъ народа *всѣ вліянія, которыя дѣйствуютъ разрушительно на этотъ строй.* Это и должно сдѣлаться

главнымъ руководящимъ *основаніемъ въ дѣлѣ сознательныхъ отношеній образованнаго общества къ народу.*

Въ одной изъ нашихъ статей, намъ приводилось указывать на бытъ старообрядцевъ каменьщиковъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія въ Аргутскія горы (на Алтаѣ) и прожившихъ тамъ столѣтіе, если не болѣе, въ полнѣйшемъ отчужденіи отъ Россіи, среди кочевыхъ азіатскихъ племенъ. По разсказамъ открывшихъ ихъ русскихъ путешественниковъ, они сохранили все свое коренное русское: прекрасный типъ, языкъ, вѣрованія, обычаи, порядки самоуправленія. Дома ихъ были найдены путешественниками чистыми и опрятными, отношенія ихъ другъ къ другу и къ полудикимъ инородцамъ въ высшей степени честными.

Въ томъ же источникѣ, изъ котораго мы заимствовали этотъ фактъ*), содержатся описанія быта и другихъ поселившихся на Алтаѣ крестьянъ, и въ описаніяхъ этихъ обращаетъ на себя вниманіе фактъ самаго благотворнаго дѣйствія на кочевыхъ инородцевъ русскихъ земледѣльческихъ поселеній. Дѣйствіе это состоитъ не въ эксплоатаціи поселенцами инородцевъ, но въ обращеніи ихъ путемъ живаго примѣра къ земледѣльческому быту, къ усвоенію русскихъ обычаевъ и языка. Гдѣ же подлѣ инородцевъ дѣйствуетъ купецъ, тамъ въ жизнь ихъ вносится раззореніе, развратъ, послѣдствіемъ которыхъ является вымираніе инородцевъ**). Эти, громадной важности, данныя, а также приведенныя въ началѣ настоящей статьи данныя изъ отчета кн. Волконскаго, и другіе факты, о которыхъ мы говорили выше, наглядно свидѣтельствуютъ на сколько способенъ русскій крестьянинъ, безъ всякаго съ чьей либо стороны пособія, но при условіи огражденія его отъ вліянія торгаша и паразита, сохраниться въ нравственной чистотѣ, не разучиться понимать общественные интересы, быть стойкимъ въ служеніи имъ.

Напротивъ, тамъ, гдѣ близко соприкасаются съ крестьянствомъ вліянія торгово-промышленныхъ центровъ, тамъ вселяется въ деревню расколъ, тамъ отъ массы начинаютъ отдѣляться личности, въ образѣ кулаковъ, міроѣдовъ и проч., тлетворно дѣйствующія на остальное крестьянство въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, та часть русскаго образованнаго общества,

---

*) Т. IV. Дополн. къ землевѣденію Азіи—Риттера. (Составлено П. П. Семеновымъ и Г. Н. Потанинымъ). Стр. 339.

**) Тамъ-же. Стр. 472, 391, 187.

которая ставитъ своею задачею благо народа, не ошибется ни въ одномъ изъ тѣхъ своихъ дѣйствій, которыя будутъ исходить изъ мысли—*удаленія отъ народа тѣхъ вредныхъ вліяній, которыя дѣйствуютъ разрушительно на строй его жизни.* Въ этомъ, повидимому, отрицательномъ направленіи дѣйствій будетъ заключаться и своя положительная сторона, не пассивная, а дѣятельная, потому что цѣлый рядъ такихъ дѣйствій будетъ обусловливать собою сохраненіе въ крестьянствѣ всего того, что въ немъ есть, а въ немъ, въ настоящее время, есть болѣе хорошаго, нежели дурнаго, притомъ большая часть худаго, какъ мы выше видѣли, прививается къ нему извнѣ, и, такимъ образомъ, поставленіе препонъ дурно дѣйствующимъ на народъ вліяніямъ будетъ служить обезпеченіемъ нормальной жизни крестьянскаго быта, хорошаго по своимъ основнымъ чертамъ; а уже одна только нормальная жизнь такого быта, безъ помѣхъ, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ большее и большее развитіе вѣтвей изъ здороваго корня.

Изъ этого главнаго основанія для дѣйствій русскаго образованнаго общества по народному вопросу непосредственно вытекаетъ еще другая для него дѣятельность: *изученіе народнаго быта,* обусловливающее собою выясненіе вредныхъ внѣшнихъ вліяній на этотъ бытъ, и, вообще, расширяющее поле дѣйствія.

Изученіе это, конечно, должно идти на самомъ широкомъ, научномъ основаніи, и исторія здѣсь не будетъ забыта. Невыясненныхъ сторонъ въ бытѣ нашего народа весьма много; но въ свѣдѣніяхъ, которыя уже удалось накопить до настоящаго времени, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, намеки на то, что насколько мы, русская интеллигенція, не оторваны, не отдѣлены отъ народа, но мы сохранили нѣкоторыя общія черты съ народомъ, общіе инстинкты. *Точнѣйшее опредѣленіе этихъ общихъ той и другой сторонъ инстинктовъ и стремленій будетъ значить весьма много.* Оно именно выяснитъ точки сближенія, средства для лучшаго пониманія народа, укажетъ какую, напримѣръ, данную народную черту или способность мы развили въ своемъ кругу съ помощью научныхъ и другихъ пособій до широкихъ размѣровъ.

Важно же это уже вслѣдствіе одного того, что эту развитую форму данной способности мы *можемъ смѣло навязывать народу;* онъ скоро пойметъ и приметъ ее, какъ свою родную, ему знакомую. Поясникъ это примѣромъ. Всѣмъ извѣстна способность русскаго народа къ музыкѣ, изумительное количество разнообразнѣйшихъ мотивовъ его пѣсенъ; и что особенно обращаетъ здѣсь

на себя вниманіе—это способность строить хоры, гдѣ можно слышать мастерское соединеніе голосовъ. Такъ, деревенскимъ жителямъ изъ числа нашего образованнаго общества, большею частію извѣстно, что хоровыя пѣсни у нашего народа начинаетъ *запѣвало*—высокій теноръ, затѣмъ мотивъ подхватываютъ два *подголоска*—тоже тенора, и, наконецъ, вступаютъ въ дѣло остальные голоса, вслушиваясь въ которые, вы замѣтите еще необыкновенно красивую партію баса. Все это непосредственно воспринимается слухомъ любителя народнаго пѣнія, и весь хоръ кажется ему гармоничнымъ въ высшей степени. Люди, получающіе музыкальное образованіе, никогда не оркестрируютъ такъ народныхъ пѣсенъ, и никогда въ ихъ оркестрировкѣ не сохраняется характеръ русской пѣсни. Воинственная, смѣлая пѣсня «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» въ ученой оркестрировкѣ нашихъ музыкантовъ дѣлается похожею на католическій погребальный маршъ. Но человѣка, получившаго европейское музыкальное образованіе, до крайности должно поражать самое разнообразіе и количество пѣсенъ у такого народа, какъ нашъ, живущаго при такой простой и скудной обстановкѣ. Вотъ эта-то громадная способность народа къ музыкѣ весьма замѣтна и въ слоѣ русскаго образованнаго общества, которое еще весьма недавно начало получать музыкальное образованіе и, не смотря на то, выставило изъ себя значительное количество крупнѣйшихъ музыкальныхъ талантовъ. Самые знаменитые изъ нихъ—Глинка, Даргомыжскій и Сѣровъ отличаются замѣчательною своеобразностью, самостоятельностью, даже вѣрностью характеру народной музыки.

Возьмите оперы Глинки и понаблюдайте, какъ аріи и квартеты этихъ оперъ легко доступны уху всякаго простаго русскаго крестьянина и какъ онъ быстро воспринимаетъ ихъ. Но попробуйте проиграть этому крестьянину какую-либо симфонію Шумана, онъ назоветъ ее, какъ намъ случилось слышать—«свинымъ плачемъ»; а между тѣмъ, оркестрировка у Глинки представляется столь-же сложной и трудной, какъ и Шумана. Все это фактически доказываетъ, что и простѣйшій *языкъ чувства*, — народный мотивъ, и достигшій почти апогея своего развитія языкъ чувства, одинаково доступны нашему крестьянину, если только этотъ языкъ, совершая свое развитіе, остался вѣренъ характеру своего корня и выразился въ соотвѣтственной, т. е. тоже коренной формѣ*). Возьмемъ еще для

*) Когда эти строки были уже написаны, вышли два сочиненія о русской

примѣра самый грубый фактъ: праздничный сарафанъ крестьянки, сшитый изъ грубой полотняной ткани, съ оторочками изъ незатѣйливой цвѣтной ленточки; положите его рядомъ съ сарафаномъ, сдѣланнымъ изъ атласу, съ изящными прошивками и оторочками изъ золота и серебра, и каждый простой человѣкъ не смѣшаетъ его съ французскимъ платьемъ или испанскимъ костюмомъ, а разсматривая оба эти сарафана издали, трудно будетъ даже и сказать, который изъ нихъ принадлежитъ простой крестьянкѣ, и который изящной дамѣ.

Поднимаясь снова отъ этого простѣйшаго примѣра къ проявленіямъ нравственной жизни, мы скажемъ, что то же *взаимное пониманіе,* которое существуетъ между крестьяниномъ, поющимъ свою народную пѣсню, и исполнителемъ оперныхъ мелодій Глинки, должно существовать, судя по аналогіи, и въ другихъ областяхъ нравственной жизни, какъ-то въ религіи, философіи, политической жизни, если только религіозныя и политическія понятія развитаго человѣка не отличны по своему существу отъ коренныхъ, первичныхъ понятій народа или, говоря иначе, развились изъ народнаго строя. Но, кромѣ аналогіи, на такое-же заключеніе наводятъ насъ и ученія физіологовъ, доказывающія, что всѣ психическіе процессы совершаются по одному и тому же закону, не смотря на то, что одни изъ нихъ—продуктъ воспріятій чрезъ органы зрѣнія, другіе—чрезъ органы слуха, третьи—обоняніе, четвертые—осязанія; что процессъ мышленія идетъ въ мозгу по тому же строю, какъ и процессъ чувствъ.

Возьмемъ здѣсь для примѣра приведенныя въ первой главѣ данныя относительно раскладки податей по степени способности каждаго двора къ производительному труду.

Эта образцовая раскладка никакъ не придется по мѣркѣ малоразвитаго человѣка изъ нашего быта. Но правильно, научно развитой финансистъ или политико-экономъ изумится здѣсь только одному, это—дѣйствительному существованію на практикѣ такого теоретическаго идеала.

И такъ, тутъ идеи высоко развитаго финансиста и неграмотнаго крестьянина оказываются вполнѣ совпадающими.

Вообще, изученіе народнаго быта откроетъ, какъ слѣдуетъ ожидать, много *общихъ понятій, на которыхъ мы можемъ*

народной пѣснѣ, въ которыхъ мы нашли въ пользу музыкальной даровитости крестьянина гораздо болѣе того, что было сказано нами. Мы говоримъ именно о статьѣ проф. Вестфаля въ Сент. кн. «Рус. Вѣстн.», «о русской народной пѣснѣ» и о сборникѣ русскихъ пѣсенъ Мельгунова.

сходиться съ народомъ и устраивать отношенія не враждебныя, а гармоничныя, т. е. полезныя съ точки зрѣнія государственнаго благосостоянія.

Что же касается до того, что, благодаря изученію народнаго быта, будетъ все болѣе и болѣе расширяться уразумѣніе вредныхъ для его быта вліяній и способовъ отклоненія ихъ, то это уже ясно дѣлается само собою.

Но, на что̀ мы здѣсь должны еще обратить особое вниманіе —это то, что ближайшее опредѣленіе *общихъ съ народомъ понятій* по одной какой-либо сторонѣ жизни и *различія* по другой дастъ поводъ вдуматься въ причины многихъ странныхъ, противурѣчивыхъ явленій въ нашей жизни.

Народный бытъ цѣльнѣе нашего, явленія его жизни менѣе многочисленны, менѣе разнообразны, болѣе просты, не замаскированы, чѣмъ явленія нашей жизни; они болѣе логично вытекаютъ изъ основнаго строя и слѣдуютъ одно изъ другаго; взаимную связь ихъ прослѣдить легко. Напротивъ, у насъ, интеллигенціи— городскихъ жителей по преимуществу, кромѣ огромнаго разнообразія явленій и сложности ихъ, есть много такихъ явленій, происхожденіе которыхъ идетъ не изъ одного корня.

Различіе воспитанія у горожанъ, спеціализація труда, дѣлающая, напримѣръ, совершенно чуждыми другъ другу филолога и технолога, громадное различіе состояній, обусловливающее крайнюю противуположность жизненной обстановки милліонера и поденнаго чернорабочаго и проч., и все это при отсутствіи какихъ-либо объединяющихъ вліяній, отъ которыхъ, какъ, напримѣръ, отъ вліяній природы, нельзя уединиться въ деревнѣ даже и весьма богатому человѣку на столько, на сколько это возможно для него въ городѣ. И вотъ, въ городѣ постоянно идутъ разнообразныя теченія инстинктовъ, привычекъ, знаній. Вслѣдствіе столкновенія этихъ многочисленныхъ источниковъ подъ разными углами, должны являться уклоняющіяся въ сторону теченія, образовываться водовороты, происходить столкновенія.

До какой степени, при такомъ положеніи дѣлъ, должна существовать разъединенность и разнообразіе интересовъ, въ особенности въ русскомъ городѣ, который живетъ по занятой у иностранцевъ цивилизаціи, а не по выработанной у себя самостоятельно, и при недостаточно распространенномъ у насъ пока образованіи, обыкновенно, способствующемъ объединенію?! Изъ какихъ разнообразныхъ началъ должны выходить въ такомъ городѣ многія явленія жизни; сколько непослѣдовательности, нело-

гичности должно быть въ проявленіяхъ такой жизни?! Вотъ причина, почему иногда, какое-либо проявленіе городской жизни начинается какъ бы на почвѣ русскаго строя, потомъ мы его видимъ развивающимся по французскимъ образцамъ, а затѣмъ по нѣмецкимъ, англійскимъ и пр. На сколько страдаютъ отъ этого общіе интересы—понять легко; но не легко здѣсь другое дѣло, именно—точное опредѣленіе всѣхъ ненормальностей и уклоненій отъ надлежащаго основнаго строя; трудно здѣсь различеніе того, что̀ гармонируетъ съ бытомъ родной страны, отъ того, что̀ идетъ въ разладъ съ нимъ,—что̀ дѣйствительно составляетъ здоровое развитіе на своемъ коренномъ выгодномъ для массы началѣ, цѣлесообразнымъ съ природою и климатомъ и пользами народа, что̀ противорѣчитъ всему этому и при перенесеніи на деревню ляжетъ на нее тяжелымъ бременемъ.

Вотъ здѣсь-то, *въ дѣлѣ отличенія здороваго въ нашей городской цивилизаціи отъ нездороваго, много можетъ помочь знаніе народнаго быта*, болѣе цѣлесообразнаго съ природою и соотвѣтствующаго интересамъ массъ. Знаніе народнаго быта дастъ, такимъ образомъ, въ руки мѣрку для оцѣнки насъ самихъ и всего въ нашей жизни существующаго и поможетъ безошибочнѣе рѣшить вопросы о томъ: *насколько мы хороши, какъ учители народа, и чему мы его должны учить*.

Ведя эту, такъ сказать, общую рѣчь по предмету сравненія быта нашего съ бытомъ народнымъ, мы находимъ нужнымъ отдѣлить изъ нея еще одинъ спеціальный вопросъ и сказать относительно его нѣсколько словъ. Вопросъ этотъ касается распространеннаго у насъ мнѣнія о томъ, что народъ нашъ крайне нуждается *въ просвѣщеніи его религіозныхъ, нравственныхъ, семейныхъ понятій*, что, будто бы онъ не развитъ до пониманія отвлеченныхъ, возвышенныхъ истинъ религіи, что настоящая религія народа состоитъ будто бы у него только изъ смѣси христіанскихъ обрядовъ съ остатками языческихъ вѣрованій, что нравственныя и семейныя понятія его крайне грубы и неразвиты.

Изъ всего того, что выше было говорено нами относительно порядковъ крестьянскаго землевладѣнія и самоуправленія, видно уже, что эти порядки основываются на понятіяхъ и идеяхъ весьма тонкихъ и отвлеченныхъ, и что понятія эти въ высшей степени нравственны. Но не менѣе, если не болѣе, рельефно выдвигается на видъ огромный запасъ знаній и свѣдѣній у крестьянства изъ области природы, запасъ, представляющійся при

внимательномъ его разсмотрѣніи не кучею голыхъ, но приведенныхъ въ систему фактовъ. На почвѣ этихъ обобщеній явленій природы выстроена у народа своя философія, хотя во многомъ и не схожая съ нашею, но все-таки служащая народу вѣрную службу въ странствіяхъ его по морю житейскому.

Если мы не знали объ этомъ раньше и вслѣдствіе этого незнанія считали его круглымъ невѣждой, руководящимся въ жизни только животными инстинктами, отказывали ему въ интеллектуальномъ развитіи, то виною этого, кромѣ уже выясненной нами причины — незнакомства съ народомъ, еще и другая, которая заключается въ существованіи одного пробѣла въ образованіи современной русской интеллигенціи, именно въ полномъ невѣжествѣ нашемъ относительно всего того, что касается спеціально сельскаго хозяйства. Въ силу этого невѣжества, мы наивно воображаемъ, что дѣло веденія, напримѣръ, хотя трехпольнаго хозяйства есть крайне простое и несложное дѣло, не требующее никакого запаса знаній. Между тѣмъ, это дѣло соприкасается съ обширною областью явленій природы, съ жизнью разнообразнѣйшихъ растеній и животныхъ, съ различными промышленными производствами.

Человѣкъ, занимающійся посѣвомъ, хотя одной ржи, долженъ знать много и весьма много изъ дѣйствія солнца, вѣтровъ, временъ года на все ростущее и движущееся; онъ долженъ умѣть воспитывать домашнихъ животныхъ, умѣть бороться съ дикими, вредными животными и насѣкомыми, знать ихъ привычки и качества; затѣмъ ему нужно умѣть опредѣлять свойства почвы, знать, какъ и когда обрабатывать ее, владѣть орудіями земледѣльческаго производства, самому дѣлать ихъ и чинить, строить себѣ жилище, дѣлать телѣгу, сани, упряжь и вообще знать много производствъ, носящихъ у насъ общее названіе промышленныхъ.

Безъ всѣхъ этихъ знаній, безъ умѣнія систематизировать, обобщать, невозможно шагу ступить земледѣльцу, не только при трехпольномъ, но и переложномъ хозяйствѣ. Съ частицей этихъ знаній и выводовъ изъ нихъ и теперь еще есть возможность познакомиться, взявъ въ руки сборникъ народныхъ предсказаній погоды, примѣтъ, пословицъ, поговорокъ.

Совопоставивъ эти знанія съ понятіями народа юридическими, съ частью которыхъ мы познакомились уже выше, затѣмъ съ громаднѣйшимъ количествомъ его пѣсенъ, сказокъ, легендъ, нужно будетъ прійдти къ заключенію, что народъ имѣетъ массу

знаній естественныхъ и понятій юридическихъ, и что надъ всѣмъ этимъ высится рядъ понятій, которыя можно характеризовать названіемъ нравственныхъ, философскихъ, религіозныхъ. Сравните теперь съ этими познаніями земледѣльца знанія какого-либо куафера, писаря, а пожалуй, и гимназиста. На чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ и чьи знанія окажутся лучше по качеству? Во всякомъ случаѣ, надобно допустить здѣсь, что разница въ знаніяхъ научно, правильно образованнаго человѣка изъ интеллигентнаго класса и знаніяхъ земледѣльца, будетъ меньше той, которая существуетъ между знаніями перваго и знаніями куафера или писаря; что только извѣстная внѣшность, такъ сказать, лакировка среднихъ и низшихъ городскихъ классовъ вводитъ насъ въ ошибочное заблужденіе относительно ихъ развитости, а грубая, неприглядная внѣшность крестьянскаго быта, отличная притомъ совершенно отъ внѣшности городскаго быта, клонитъ наши заключенія не въ полезную для перваго сторону.

Къ подобнымъ же заключеніямъ приходится прійдти и относительно нравственныхъ понятій крестьянства, которыя касаются ихъ жизни семейной и общественной.

Дѣлая очеркъ строя сельской жизни и отношеній къ крестьянству насъ самихъ, русской интеллигенціи, и вообще обитателей городовъ, мы привели данныя, указывающія на то, что большинство насъ не есть нѣчто весьма совершенное и возвышающееся своимъ нравственнымъ уровнемъ надъ патріархальнымъ сельскимъ обществомъ; что масса дѣйствій нашихъ такова, что отнюдь не можетъ быть названа нравственною, и что наша мѣрка не всегда пригодна для измѣренія явленій народной жизни, потому что бытъ нашъ крайне различенъ отъ быта народнаго. Все это, кажется, не даетъ намъ поводовъ слишкомъ кичиться своею нравственною развитостью передъ земледѣльческимъ классомъ народа. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что мы не желаемъ видѣть въ народѣ еще бо̀льшія знанія, бо̀льшую развитость умственную и нравственную, но дѣло въ томъ, что мы въ настоящее время не совсѣмъ-то годимся для занятія должности просвѣтителей народа; мы рискуемъ поднести ему вмѣсто здороваго плода много гнили, въ насъ самихъ сущей; да кромѣ того мы не знаемъ хорошо, въ какихъ знаніяхъ нуждается народъ и какія есть у него въ изобиліи, что̀ и доказывается тѣмъ, что мы еще не умѣемъ доселѣ издавать для него полезныхъ и нужныхъ книгъ. Но какова религія у народа? На этотъ вопросъ мы еще не отвѣтили. Такъ ли на самомъ дѣлѣ она груба, какъ

она намъ представляется; дѣйствительно-ли въ ней нѣтъ лучей христіанства, какъ говорятъ объ этомъ ходячія относительно ея понятія?

Если крестьянинъ, въ сущности, есть болѣе знающій и глубже понимающій человѣкъ, нежели писарь, куаферъ и даже гимназистъ и если, кромѣ того, все то, чему крестьянинъ выучивается въ жизни, выучивается имъ не на память, не въ долбежку, а, напротивъ того, суровая, полная испытаній практика сельской жизни съ-измала пріучаетъ его самостоятельно мыслить безъ указки, то, конечно, его религіозныя понятія должны быть выше, чѣмъ у низшаго класса городскихъ жителей. Что же касается до суевѣрій и предразсудковъ, которыми обыкновенно колютъ глаза крестьянамъ ходячія мнѣнія, то развѣ мало ихъ у вѣрующей интеллигенціи. Они у нея только не такъ рѣзко бросаются въ глаза, потому что у ней все причищено, прикрыто и приглажено, а у крестьянъ все выставляется всегда наружу, и, кромѣ того, все проявляется рѣзко и сильно, какъ у людей болѣе сильныхъ тѣломъ и волею, нежели городскіе жители. Впрочемъ, одно явленіе раскола въ жизни нашего народа достаточно указываетъ на всю нелѣпость отрицанія у крестьянства возможности возвышенія до чисто отвлеченныхъ религіозныхъ идей. Расколъ, какъ теперь многимъ извѣстно, не вертится, (какъ прежде полагали и какъ полагаютъ и теперь нѣкоторые полуневѣжды всякой науки, развившіеся на русской почвѣ) въ кругу будто-бы однихъ препирательствъ объ обрядахъ и буквахъ текста св. писанія, а представляетъ различныя, опредѣленныя системы религіознаго міросозерцанія.

IV.

Представивъ общія основанія, изъ которыхъ, по нашему мнѣнію, можетъ исходить полезная для народа дѣятельность земствъ, мы должны теперь обратить рѣчь на подробности дѣла, намѣтить на первый разъ тѣ частные вопросы, съ которыхъ, какъ болѣе важныхъ, и слѣдовало бы начать дѣло.

Изученіе народнаго быта, безспорно, есть первый шагъ къ дѣлу и постоянно слѣдующій съ нимъ спутникъ. Но ждать полнаго изученія столь разнообразнаго предмета, какъ бытъ народный—невозможно; невозможно и удержаться отъ предпринятія какихъ-либо дѣйствій относительно народа, потому что на это толкаетъ роковая сила обстоятельствъ, невозможность не ка-

саться народа интеллигентнымъ классамъ въ образѣ земскихъ дѣятелей, мировыхъ судей, землевладѣльцевъ, предпринимателей различныхъ промышленныхъ производствъ, учителей, журналистовъ, ученыхъ, разрабатывающихъ системы финансовыя, вопросы статистическіе, политико-экономическіе и проч. И такъ, ознакомленіе съ бытомъ народа, изученіе его должно начаться въ одно время съ какими-либо прямыми дѣйствіями относительно народа и пойдти съ ними рука объ руку. Впрочемъ, если бы предположить вначалѣ одно только изученіе быта, то и это одно дѣло нужно бы начинать съ ознакомленія напередъ съ какими-либо болѣе важными сторонами быта, съ главнѣйшими изъ безчисленныхъ его вопросовъ. А такъ какъ бытъ народный есть нѣчто не мертвое, а живое, то ясное дѣло, что и строгій ученый начнетъ подходить къ этому еще мало извѣстному быту со сторонъ болѣе открытыхъ, заявляющихъ намъ о себѣ, или, говоря иначе, такихъ, съ которыми болѣе сталкиваются интересы міра внѣ-крестьянскаго; а потому ученый и остановится на вопросахъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ послѣдствія различныхъ вліяній на бытъ народный, вытекающія изъ дѣятельности другихъ классовъ государства. А такъ какъ вліянія эти совершаются среди извѣстныхъ условій природы и при данной жизненной обстановкѣ, то необходимо будетъ взять въ разсчетъ и всѣ эти условія.

Вліянія классовъ, стоящихъ внѣ крестьянства, главнымъ образомъ, дѣйствуютъ либо на экономическую сторону, либо на нравственную, или, наконецъ, на среднюю между этими двумя крайними, слагающуюся изъ элементовъ нравственныхъ и, въ то же время, имѣющую дѣло съ предметами экономическаго свойства. Сторона эта—самоуправленіе народа, его общественная дѣятельность, завѣдывающая ходомъ жизни деревни, направляющая эту жизнь на извѣстный путь, идя по которому каждый житель селенія можетъ обезпечивать свое матеріальное существованіе и нравственныя блага.

Такимъ образомъ, дѣло изслѣдованія народной жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣры къ огражденію этой жизни отъ вредныхъ вліяній могло-бы *спеціализироваться по тремъ ея проявленіямъ: экономическому*, *нравственному* и *общественному*. Но близкая связь явленій изъ жизни самоуправленія (общественныхъ) съ явленіями экономическими и нравственными заставляетъ разсматривать первыя совокупно съ которыми-либо изъ двухъ послѣднихъ. Но такъ какъ эта связь является вслѣдствіе того, что каждая мѣра

по самоуправленію, исходя, обыкновенно, изъ требованій экономическаго свойства, сталкивается тотчасъ же съ нравственными воззрѣніями, обработывается, такъ сказать, въ сферѣ этихъ воззрѣній, то и будетъ удобнѣе говорить о проявленіяхъ жизни общественной вмѣстѣ съ рѣчью о явленіяхъ нравственныхъ.

Изслѣдованіе и охраненіе отъ извращеній *экономическаго быта*, можетъ быть, въ свою очередь, раздѣлено по главнымъ его отдѣламъ—*земледѣльческому* и *промышленному*.

Настоящее положеніе *земледѣлія* у нашего крестьянства поставлено въ зависимость отъ множества вліяній, изъ которыхъ главнѣйшія вкратцѣ указаны были нами выше; *) поэтому мы здѣсь ограничимся перечисленіемъ слѣдующихъ группъ этихъ вліяній: 1) природы и климата; 2) степени населенности, состоянія путей сообщенія; 3) положенія крестьянскихъ земель относительно земель частнаго владѣнія; 4) близости промышленныхъ центровъ; 5) вліянія происходящія отъ бо̀льшаго или меньшаго соотвѣтствія плодородія земли съ налогами; 6) общее положеніе, направленіе и порядки торговли внутренней и внѣшней.

Эти группы вліяній характеризуются тѣмъ, что всѣ они исходятъ изъ условій *природы* и *экономической дѣятельности всего внѣ крестьянства стоящаго*, независимо отъ нравственныхъ качествъ, степени образованія и направленія лицъ, проявляющихъ экономическую дѣятельность.

Что же касается до вліяній, зависящихъ отъ *нравственныхъ понятій* дѣйствующихъ лицъ и степени ихъ знаній, то ихъ можно разбить на нѣсколько группъ. Одна группа этихъ вліяній можетъ включить въ себя вліянія, зависящія отъ *сельскохозяйственныхъ познаній крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и ихъ нравственнаго направленія*. Отъ этихъ знаній и направленія зависитъ или процвѣтаніе окружающихъ крестьянскихъ хозяйствъ и добрый для нихъ примѣръ въ улучшеніи земледѣлія, или полное разстройство ихъ хозяйствъ. Наши спеціальные сельско-хозяйственные журналы и «Земледѣльческая Газета» давно уже занимаются разработкой сущности этого рода вліяній, и въ ихъ книжкахъ за послѣднее десятилѣтіе можно найдти множество самыхъ разнообразныхъ и ясныхъ указаній по этому предмету. Другіе наши общіе литературные органы печати

*) Болѣе подробно мы говорили о нихъ въ «формахъ землевладѣнія рус. нар. въ зависимости отъ природы, климата и этнограф. условій» и въ «предразсудкахъ относительно крестьянства» От. Зап. 1879. № 3.

тоже выступили въ послѣдніе года на путь указаній этихъ вліяній, какъ это и можно видѣть, напримѣръ, изъ статей Энгельгардта, Трирогова, Златовратскаго, Котелянскаго въ «Отеч. Зап.», Гиляранскаго въ «Словѣ» и мног. др. *Другая группа* этого рода вліяній представляется намъ исходящею изъ того промышленно-торговаго міра, который свилъ себѣ гнѣздо въ самыхъ селеніяхъ; это во-1-хъ, *вліянія міра кулаковъ, міроѣдовъ* и во-2-хъ, *того разнообразнаго рода личностей неопредѣленныхъ занятій*, которыя ютятся около деревни, не входя въ составъ земледѣльческаго населенія и занимаются, главнымъ образомъ, ловомъ въ мутной водѣ рыбы. Это—бывшіе дворовые, отставные и безсрочно-отпускные солдаты, не имѣющіе хозяйства, отставные и служащіе управляющіе низшаго разряда, мелкіе промышленники разнаго рода, которымъ нѣтъ уже мѣста въ городѣ или, такъ сказать, часть городскихъ мазуриковъ и проч. Эти два слоя личностей вліяютъ не только въ силу одного экономическаго ихъ значенія, какъ паразитовъ, но и своимъ крайне развращеннымъ нравственнымъ складомъ. Относительно ихъ экономическаго вліянія должна быть рѣчь въ отдѣлѣ экономическихъ вліяній, гдѣ она и разобьется по соотвѣтственнымъ группамъ; здѣсь же, въ ряду нравственныхъ вліяній имъ должно быть отведено одно изъ самыхъ замѣтныхъ мѣстъ, и ихъ нужно будетъ разсматривать во всей нераздѣльной цѣлости, какъ нѣкій цѣльный продуктъ тѣхъ условій, которыя ихъ создали. Причины, произведшія этихъ бактерій, могутъ уничтожиться, но сами бактеріи, уже получившія самостоятельную жизнь, способны теперь примѣняться къ измѣнившимся условіямъ и продолжать свое существованіе въ какой-либо иной формѣ. Такъ въ однихъ мѣстностяхъ эти двѣ группы паразитовъ весьма легко принять за настоящихъ, дѣйствительныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, въ другихъ имъ удобно являться подъ видомъ крестьянъ-промышленниковъ, въ третьихъ они по существу своему ничто иное, какъ конокрады и воры, въ четвертыхъ—торговое крестьянство. Въ первой главѣ мы только констатировали фактъ ихъ существованія, какъ отдѣльной особи въ селеніи, отличной, по складу быта, по сущности стремленій, отъ массы крестьянъ-земледѣльцевъ и промышленниковъ, указывали на ошибочность смѣшенія ихъ въ одно цѣлое съ массою крестьянства, на происходящія отсюда невѣрныя понятія о настоящемъ сельскомъ людѣ. Здѣсь мы должны яснѣе опредѣлить степень и родъ ихъ вліяній. Степень ихъ вліянія, дѣйствительно, громадна, она неизмѣримо больше, нежели вліяніе крупнаго богатаго городскаго купца, чинов-

ника, священника, потому что сельскіе паразиты ближе стоятъ къ народу, ихъ внѣшность мало чѣмъ отличается отъ коренаго земледѣльца, часть ихъ непосредственно исходитъ изъ массы; въ силу всего этого, они близко знаютъ народную душу. Имъ же, начавшимъ жизнь по иному строю, по принципамъ инаго экономическаго быта, доступна дѣлается и душа остальнаго, некрестьянскаго міра. И вотъ, этотъ посредствующій слой является способнымъ вести двойную игру, обманывать съ одной стороны, для своихъ выгодъ, помѣщика, чиновника, горожанина, а съ другой,—крестьянина-земледѣльца.

Обманъ и всякое безнравственное дѣло паразиту нипочемъ; ставши отщепенцомъ отъ крестьянскаго быта, онъ потерялъ стройныя правила нравственности крестьянской, а образованіе и наука, которыхъ у него нѣтъ, не дали ему взамѣнъ ничего; самое-же экономическое положеніе его, его спеціальное дѣло—паразитство—по существу своему таково, что ежедневно должно упражнять его въ дѣйствіяхъ самаго узкаго, вседозволяющаго эгоизма, жестокаго, не знающаго состраданія. Крупнѣйшихъ изъ нихъ на востокѣ Россіи можно разглядѣть, въ такъ называемыхъ тамъ—каштанахъ; на юго-востокѣ они принимаютъ видъ агентовъ разныхъ сельскихъ хозяевъ, управляющихъ, и характеръ ихъ дѣятельности особенно ярко обнаруживается при заподряженіи въ разныхъ губерніяхъ крестьянъ на полевыя работы; на сѣверѣ Россіи, въ губерніи Архангельской, паразиты выступаютъ во всей своей омерзительности, въ видѣ рядчиковъ, поставляющихъ рабочихъ крупнымъ рыбопромышленникамъ. Что-же касается различныхъ видовъ ростовщиковъ средней Россіи, являющихся подъ именами міроѣдовъ, кулаковъ, лавочниковъ, сидѣльцевъ питейныхъ домовъ и проч., то они почти то же, что евреи западныхъ и юго-западныхъ губерній. Во сколько обходится крестьянству содержаніе этихъ паразитовъ, а казнѣ дѣлопроизводство по преступленіямъ, проступкамъ и вообще дѣламъ, которыя безъ этого рода людей не имѣли бы мѣста; сколько вносится безпорядка вообще въ жизнь, въ работы и занятія крестьянства этими людьми?! Полагаемъ, что всѣ убытки отъ нихъ государству надобно считать милліардами, и потому охраненіе народа отъ ихъ вреднаго вліянія и всѣ мѣры къ обращенію ихъ изъ паразитовъ въ производительныхъ членовъ государства дадутъ странѣ громаднѣйшія выгоды не только нравственныя, но и матеріальныя.

Въ *третью группу* нравственныхъ вліяній можно включить вліянія, идущія отъ *лицъ, облеченныхъ правительственною*

властью. Это—вліянія административныхъ и полицейскихъ чиновниковъ, священниковъ, учителей народныхъ школъ. Вліянія эти отличаются отъ всѣхъ предъидущихъ тѣмъ, что относительно ихъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Конечно, законъ и инструкціи, которыми руководствуются эти лица, есть *нѣчто постоянное для извѣстнаго періода времени*; но степень пониманія закона, его толкованіе и умѣнье прикладывать законъ къ живой дѣйствительности — весьма много зависятъ отъ свойствъ личности, степени ея образованія, характера, направленія, любви къ дѣлу; да и земство здѣсь прямаго дѣйствія имѣть не можетъ, такъ какъ дѣло смѣны чиновниковъ зависитъ отъ высшаго правительства; такимъ образомъ, здѣсь открывается только дѣйствіе для печати, заключающееся единственно въ извѣстномъ ея вліяніи на все вообще русское общество, изъ котораго выходятъ и всѣ названныя лица.

Въ *четвертую группу* мы относимъ вліянія *органовъ самоуправленія*, составляющихся изъ личностей, выбираемыхъ самимъ обществомъ. Одни изъ вліяній этихъ личностей обусловлены существующими законоположеніями о самоуправленіи и, конечно, будутъ, болѣе или менѣе, сообразны съ совершенствомъ или недостатками самыхъ законоположеній; *другія* выходятъ изъ тѣхъ правилъ, которыя подлежатъ болѣе частому измѣненію, чѣмъ законы, и устанавливаются для себя самими органами самоуправленія; слѣдовательно, здѣсь дѣятельность личностей является тоже ограниченной извѣстными условіями; *третьи* зависятъ прямо отъ данной личности, входящей въ составъ органа самоуправленія, вслѣдствіе чего примѣняемый ею законъ или постановленіе земскаго собранія, могутъ быть исполнены, какъ и у правительственнаго чиновника, болѣе или менѣе сообразно съ наклонностями даннаго человѣка. Что же касается собственно до *четвертаго рода* дѣйствій, совершаемыхъ извѣстнымъ лицомъ въ качествѣ засѣдающаго въ земскомъ собраніи или думѣ гласнаго, то особенность этого рода дѣйствій такова, что въ нихъ свободная воля лица, подающаго мнѣніе, предлагающаго новую мѣру, раскрывающаго недостатки существующаго, стѣснена всего менѣе чѣмъ-бы то ни было. Ограничивать его здѣсь могло-бы только сознаніе, что онъ представитель своихъ избирателей, а потому и долженъ дѣйствовать въ ихъ интересахъ; но это ограниченіе будетъ ничтожно, если избранный есть лицо, имѣющее тождественные съ избирателями интересы. Но у насъ есть много гласныхъ, имѣющихъ интере-

сы неодинаковые съ избирателями, такъ напр. избираемые крестьянами гласные изъ числа торговыхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Но здѣсь иногда можетъ случиться, что избранный является какъ бы добровольно принявшимъ на себя обязанность отстаивать интересы, ему чуждые, изъ какихъ-либо личныхъ разсчетовъ или изъ сознанія чувства долга—дѣйствовать сильному на защиту слабаго. Всѣ эти условія дѣятельности членовъ нашихъ органовъ самоуправленія, начиная съ предметовъ, гдѣ эта дѣятельность сжата ограничительными условіями и, доходя до самыхъ свободныхъ, должны быть взяты во вниманіе при сужденіяхъ относительно различныхъ проявленій дѣятельности органовъ самоуправленія; невнимательное же отношеніе къ этимъ разнообразнымъ условіямъ не допуститъ установить правильнаго взгляда на отношеніе, напримѣръ, какого-либо земства къ интересамъ народа, а породитъ еще большую запутанность, которая окончательно помѣшаетъ отличить, какія изъ дѣйствій даннаго земства несообразны съ интересами крестьянства, и что было ихъ причиною: ограничительныя-ли условія для дѣйствія земства или данный составъ земскаго собранія, или, наконецъ, только одни превратныя понятія, предразсудки интеллигенціи уѣзда или губерніи относительно народа. Весьма важно здѣсь для избирателей земскихъ гласныхъ, критикующихъ дѣйствія этихъ послѣднихъ, имѣть все это въ виду и попасть на вѣрную точку зрѣнія, правильно освѣщающую отношенія земства къ нуждамъ народа.

Мы говоримъ это, оставаясь вѣрными главной своей точкѣ зрѣнія, касательно того, что въ настоящее время при незнаніи крестьянскаго быта, при существующихъ предразсудкахъ относительно крестьянства, полезнѣе не трогать его быта, не предпринимать реформъ крестьянской жизни, говоримъ въ виду того, что въ печати часто хвалятся напр. стремленія многихъ земствъ, клонящіяся къ измѣненію настоящаго status quo крестьянскаго быта въ коренной Россіи, для того, чтобъ облегчить выселенія въ малоземельныя губерніи. Публицисты видятъ благо въ разрѣженіи крестьянскаго населенія въ такъ называемыхъ густо населенныхъ губерніяхъ и увеличеніи, такимъ образомъ, въ этихъ губерніяхъ крестьянскихъ надѣловъ, упуская изъ виду, что почти во всѣхъ нашихъ густонаселенныхъ мѣстностяхъ есть еще много земель, брошенныхъ помѣщиками, что введеніе интенсивнаго хозяйства на небольшомъ участкѣ предпочтительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ порядкамъ хищническаго хозяйства на огромныхъ пространствахъ;

что первое обусловливаетъ въ краѣ развитіе знаній, позволяетъ земледѣльцу сбывать на сторону произведенія своей земли не въ сыромъ видѣ, а въ обработанномъ, и тѣмъ даетъ возможность поддерживать плодородіе земли; второе-же отклоняетъ потребность во всемъ этомъ и отдаетъ разсѣянныхъ на большихъ пространствахъ земледѣльцевъ въ руки различныхъ эксплоататоровъ. Корень незавиднаго положенія крестьянства въ густонаселенныхъ губерніяхъ лежитъ отнюдь не въ абсолютной густотѣ населенія, далеко недостигшей плотности населенія Англіи, Бельгіи, Франціи, но въ другихъ причинахъ, какъ то: въ отсутствіи правильнаго хозяйства у помѣщиковъ, не дозволяющемъ платить за крестьянскій трудъ на помѣщичьихъ поляхъ надлежащія цѣны; въ сдачѣ ими земель въ аренды евреямъ и купцамъ, передающимъ, въ свою очередь, эти земли крестьянству за возвышенную плату; въ ростовщичествѣ и паразитствѣ и во всѣхъ указанныхъ нами выше причинахъ, производящихъ ростовщичество и паразитство и проч. Между тѣмъ, какъ при отсутствіи всѣхъ этихъ вредныхъ для крестьянства условій и при склонности нашего народа вести свои дѣла артельнымъ порядкомъ, такая, какъ у насъ плотность населенія, только могла бы помочь поднятію уровня экономическаго быта селеній, и потеряли бы всякое значеніе толки объ избыткѣ здоровыхъ рукъ и неимѣніи дѣла, къ которому ихъ можно было бы приложить.

При такомъ взглядѣ на дѣло, для представителей въ земствѣ интересовъ крестьянскихъ и крупнаго помѣстнаго сословія не представляется необходимости трогать существующія основы крестьянскаго быта, выпускать изъ губерніи руки на обработку полей на окраинахъ Россіи, а есть, напротивъ, поводы къ устройству лучшаго порядка въ экономическихъ отношеніяхъ крестьянства и крупнаго землевладѣнія, такъ какъ зажиточное крестьянское общество, ведущее правильное интенсивное хозяйство на своихъ поляхъ, (для чего, замѣтимъ, нужно много рукъ даже больше, чѣмъ ихъ есть въ настоящее время) обезпечиваетъ, свое благосостояніе въ настоящемъ и будущемъ и придаетъ непоколебимую цѣнность землѣ помѣщика. Устроивъ такое положеніе дѣлъ, послѣдній уже не стѣсненъ въ своей личной дѣятельности на разныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни и можетъ отдаваться имъ всецѣло, не рискуя быть раззореннымъ неурожаями или обманутымъ управляющими.

Въ этомъ важномъ и вытекающемъ изъ жизни каждаго села и деревни нашей огромной страны вопросѣ — объ отношеніяхъ

мелкихъ землевладѣльцевъ (крестьянъ) къ крупнымъ, т. е. вообще къ помѣстному классу, экономическая сторона такъ тѣсно переплетается съ нравственною, что говорить отдѣльно о которой либо одной, выпуская изъ виду другую, почти невозможно. Но мы заговорили о вытекающихъ изъ этихъ отношеній вліяніяхъ, начавъ рѣчь собственно о нравственныхъ вліяніяхъ нашей интеллигенціи на народъ и присоединили этотъ вопросъ къ группѣ нравственныхъ вліяній, вытекающихъ изъ дѣятельности органовъ самоуправленія. Причина этому понятна сама собою: первенствующее значеніе въ земскихъ учрежденіяхъ у насъ на практикѣ принадлежитъ крупному землевладѣнію, «слѣдовательно, рѣшеніе вопроса объ образѣ дѣйствій крупныхъ собственниковъ относительно находящихся de facto въ экономической отъ нихъ зависимости крестьянъ», зависитъ отъ тѣхъ экономическихъ и нравственныхъ воззрѣній, которымъ проникнуты наши помѣщики. Поэтому опредѣлить ясно эти воззрѣнія и затѣмъ строго обсудить, которыя изъ нихъ будутъ соотвѣтственны пользамъ народа, должно составить одну изъ задачъ земства.

Въ виду этого, мы отмѣтимъ здѣсь нѣсколько частностей въ настоящемъ общемъ вопросѣ. Начнемъ съ замѣчанія о слишкомъ шаблонномъ вообще отношеніи у насъ къ этому вопросу, о рѣшеніяхъ его по теоріямъ, выведеннымъ изъ практики западныхъ государствъ, а не изъ данныхъ нашего своеобразнаго отечества. Поэтому у насъ зачастую можно встрѣтить мнѣнія объ обезземеленіи крестьянства для обезпеченія крупныхъ имѣній рабочею силою, о разселеніи крестьянства хуторами, о созданіи контингента фермеровъ, о покровительствѣ передвиженію рабочихъ массъ изъ густонаселенныхъ губерній въ малонаселенныя и проч. и проч. Дадутъ-ли эти мѣры благіе результаты—еще неизвѣстно, потому что ни одна изъ этихъ мѣръ на практикѣ у насъ не испробована, за исключеніемъ, впрочемъ, послѣдней мѣры, т. е. пользованія передвижными рабочими, которая въ дѣйствительности представляется никуда негодною и потому вызываетъ различные для урегулированія ея проекты.

Въ каждомъ изъ приведенныхъ выше мнѣній ясно просвѣчиваетъ основной экономическій взглядъ людей, высказывающихъ эти мнѣнія. Этотъ взлядъ не допускаетъ возможности устроить отношенія между крестьянствомъ и частными собственниками на какомъ-либо иномъ основаніи, кромѣ господства большаго капитала надъ меньшимъ. Но въ практикѣ русской жизни есть, однако, данныя, свидѣтельствующія о томъ, что между классомъ крупно-

землевладѣльческимъ и крестьянскимъ могутъ существовать общіе интересы.

Данныя эти, къ сожалѣнію, лежатъ подъ спудомъ, въ малоизвѣстныхъ нашему образованному обществу, земству и періодической печати сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ. Образованіе и накопленіе этихъ данныхъ шло такимъ порядкомъ: по отмѣнѣ крѣпостнаго права, многіе изъ помѣщиковъ остались въ своихъ имѣніяхъ и начали пробовать заведеніе новыхъ порядковъ хозяйства. Большинство ихъ, какъ извѣстно, не справилось съ дѣломъ и бросило его, но часть, однако, осталась и, упорно продолжая свое дѣло, освоилась съ нимъ и достигла чего желала. Въ продолженіе всего этого времени начала развиваться и сельско-хозяйственная литература. Журналы Вольно-Экономическаго Общества, Сельско-Хозяйственныхъ Обществъ: Московскаго, южной Россіи, юго-восточной Россіи, издаваемый Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ журналъ «Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства» съ еженедѣльною при немъ «Земледѣльческою Газетою», а также нѣкоторыя изъ губернскихъ вѣдомостей стали наполняться статьями и письмами сельскихъ хозяевъ, въ которыхъ они болѣе или менѣе подробно описывали практику ихъ дѣла. Возникавшія мало-по-малу въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи сельско-хозяйственныя общества начали тоже сообщать въ своихъ протоколахъ подобныя свѣдѣнія, а большіе съѣзды сельскихъ хозяевъ, какъ напримѣръ, Московскій, Харьковскій, издавали отдѣльныя брошюры, заключающія въ себѣ все, что было докладываемо и сообщаемо на съѣздахъ.

Въ этой-то массѣ матеріала для исторіи развитія сельскохозяйственнаго дѣла въ Россіи, можно найдти значительное количество разсказовъ образованныхъ сельскихъ хозяевъ относительно того, какъ у нихъ велось дѣло, вслѣдствіе чего оно тормазилось, не клеилось, и, благодаря чему, устраивалось, какъ слѣдуетъ. Одною изъ самыхъ главныхъ составныхъ частей этого дѣла оказалось «обезпеченіе имѣній рабочею силою». Производилось это обезпеченіе крайне разнообразно въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, въ различныхъ имѣніяхъ одной и той же мѣстности. Испробованы были, можно сказать, всѣ роды и способы его, начиная съ самыхъ эксплоататорскихъ и кончая самыми разумными. Вотъ здѣсь-то, въ разсказахъ по этому предмету сельскихъ хозяевъ-практиковъ обращаютъ на себя вниманіе передаваемыя ими фактическія подробности дѣла. Такимъ образомъ, мы нынѣ имѣемъ весьма цѣн-

ный по достовѣрности своей матеріалъ для земледѣльческаго рабочаго вопроса. Не довѣрять ему нѣтъ никакихъ основаній, потому что это не показанія людей, живущихъ внѣ деревни, или наѣзжающихъ туда изрѣдка, не показанія людей, незнакомыхъ съ практикою сельскаго хозяйства; это не сужденія, не понятія, подъ часъ традиціонныя самихъ практиковъ, а только факты, одни сущіе факты о томъ, какъ у нихъ идетъ дѣло вспашки, уборки полей и луговъ, сколько человѣкъ работаетъ, сколько имъ платится за работу, чѣмъ ихъ кормятъ, въ какое время заподряжаютъ, и прочія сухія, но для насъ самыя драгоцѣнныя и достовѣрныя подробности.

Вотъ эти-то подробности даютъ одинъ крайне знаменательный для насъ выводъ. Онъ заключается въ томъ, что тѣ крупные землевладѣльцы-хозяева, которые завели у себя улучшенное хозяйство на здравыхъ началахъ, которые старались «получать больше отъ улучшенія пріемовъ и способовъ хозяйства», покончили очень легко и удобно съ устройствомъ въ своихъ имѣніяхъ и рабочаго вопроса. На оборотъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ дѣло пошло на афферу, основалось на прижимкѣ сосѣдняго, нуждающагося въ земляхъ, покосахъ и лѣсахъ, крестьянства, тамъ и доселѣ продолжаетъ существовать неурядица.

Другой результатъ не менѣе знаменательный и еще болѣе важный для дѣла, о которомъ мы говоримъ вообще въ настоящей статьѣ,—есть, такъ сказать, полная вырисовка на всемъ пространствѣ нашего отечества слѣдующаго факта: *самые сильные, умные и честные работники поставляются изъ зажиточныхъ дворовъ, самые худшіе—изъ крестьянъ* de facto *пролетаріевъ*. Этотъ фактъ сознанъ хорошо нашими новыми образованными хозяевами-практиками, и они начинаютъ нынѣ настойчиво поговаривать противъ раззоренія и обѣдненія окружающихъ ихъ селеній. Правда, что ихъ пока мало, но это не значитъ, чтобъ въ будущемъ ихъ не могло быть больше, въ особенности, если наши земства придутъ къ нимъ на помощь. И такъ, вотъ еще новая *точка общихъ понятій* для образованнаго русскаго человѣка и для простаго крестьянина-земледѣльца; вотъ *общій предметъ*, о которомъ они могутъ вести понятную для того и другаго рѣчь, сообщать другъ другу свои познанія *).

*) Свидѣтельствъ нашихъ сельскихъ хозяевъ о томъ, что никогда не слѣдуетъ избѣгать совѣтовъ и указаній крестьянъ во многомъ, относящемся вообще къ пользованію силами природы, можно найдти весьма много въ любомъ сельско-хозяйственномъ изданіи.

Здѣсь-то, на почвѣ взаимныхъ интересовъ крупнаго землевладѣнія и крестьянъ-земледѣльцевъ, на предметѣ, доступномъ для взаимнаго пониманія той и другою стороною и представляется возможность правильнаго рѣшенія вопроса объ обезпеченіи имѣній рабочею силою. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ *рѣшеніе это уже послѣдовало, и опыты исполненія его на практикѣ, уже произведены;* результаты ихъ оказались блистательны.

Всѣ же пробы устроить рабочій вопросъ на основаніи фактовъ и теорій западно-европейскихъ государствъ повели за собою только воздыханія и жалобы на всѣхъ и на вся. Въ силу этого, нашимъ земскимъ дѣятелямъ и вообще нашему образованному обществу, остается только знакомиться со всѣмъ тѣмъ, что разсказали уже намъ и продолжаютъ разсказывать наши сельскіе хозяева, которыхъ хозяйства идутъ успѣшно, безъ разоренія и прижимокъ окрестныхъ крестьянъ, работающихъ на ихъ поляхъ и учащихся у нихъ только одному хорошему *). Это

*) Въ статьѣ В. Постникова, напечатанной въ Земл. Газ. 1879 г. изложена сравнительная оцѣнка труда батрацкаго и издѣльнаго въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губ., въ имѣніи Долино-Ивановскаго. Въ этой статьѣ говорится между прочимъ: «въ характерѣ крестьянина, живущаго у себя дома въ деревнѣ, имѣющаго семью и собственное хозяйство, болѣе нравственныхъ задатковъ, чѣмъ у батрака. Въ батраки идутъ лишенные равновѣсія въ своей средѣ, возможности вести собственное хозяйство, неимѣющіе семьи или живующіе съ нею не въ ладу. Не даромъ же и сами крестьяне говорятъ о батракахъ въ полупрезрительномъ тонѣ». То же самое сообщалъ другой сельскій хозяинъ въ 1876 году изъ Воронежской губерніи въ ту же газету: «Въ отношеніи смышлености и способности къ физическому труду *необходимо различать крестьянина-хозяина*, живущаго своимъ домомъ, отъ *работника-батрака*, нанимающагося по хуторамъ и помѣщичьимъ имѣніямъ. *Отказать первому въ трудолюбіи никакъ нельзя*: съ ранней весны и до поздней осени онъ работаетъ неустанно или у себя въ полѣ и на дворѣ, или, какъ только выберется свободное время, по найму въ окрестности, или въ извозѣ; его и въ помѣщичьихъ и купеческихъ имѣніяхъ всегда встрѣтятъ привѣтливо и дадутъ работу, такъ какъ большая часть работъ по посѣву и уборкѣ хлѣбовъ и травъ, по молотьбѣ на машинахъ, а также лошадьми и цѣпами производится этого рода рабочими. На эти работы ихъ нанимаютъ или задолго впередъ (по условіямъ, съ выдачей всѣхъ денегъ) или тогда, когда наступаетъ уже время работы.»

«Годовыхъ или мѣсячныхъ рабочихъ т. е. *батраковъ* для полевыхъ работъ держатъ въ имѣніяхъ Воронежскаго уѣзда сравнительно немного. *Въ батраки идетъ обыкновенно человѣкъ обездомившійся*, неимѣющій ни лошади, ни сохи, лишившійся ихъ вслѣдствіе несчастья и другихъ причинъ. Кромѣ того, часть батраковъ составляется изъ бывшихъ дворовыхъ, болѣе слабыхъ силами или отвыкнувшихъ отъ крестьянской работы, а также не имѣющихъ

знакомство съ сельско-хозяйственною печатью предохранитъ многихъ земскихъ дѣятелей отъ вотированія такихъ мѣръ, которыя, какъ, напримѣръ, *фермерское хозяйство*, кажутся безъ сучка, безъ задоринки въ теоріи, составленной изъ практики небольшой территоріи Англіи, а въ нашей холодной, пространной Россіи окажутся никуда непригодными. Такъ именно у насъ отъ разселенія крестьянъ хуторами можно ждать чуть не истребленія населенія волками и снѣжными мятелями.

надѣла. Отставные и безсрочно-отпускные солдаты, иногда неуживающіеся въ своей семьѣ, или мѣщане, не находящіе въ городѣ промысла, доставляютъ также контингентъ годовыхъ рабочихъ. Большая часть подобныхъ людей *не имѣетъ тѣхъ свойствъ, которыя долженъ имѣть вполнѣ хорошій сельскій работникъ*: въ нихъ нѣтъ достаточной физической силы, и имѣется мало склонности къ сельскимъ работамъ; самое отложеніе ихъ отъ крестьянской среды въ большей части случаевъ указываетъ на то, что они ищутъ работы болѣе легкой; между ними довольно много лѣнивыхъ, вялыхъ, склонныхъ къ пьянству и гульбѣ.» Въ напечатанномъ въ Нижегород. Сборн. Т. VI описаніи села Банникова въ Горбатовскомъ уѣз., въ 30 верстахъ отъ Ниж. Новгорода, говорится: «Наибольшее благоустройство хозяйствъ и домовитость замѣчаются въ семьяхъ, занимающихся хлѣбопашествомъ».... «Вліяніе города на здоровье уходящихъ туда на заработки отражается дурно. Они слабѣютъ физически, а нравственно становятся далеки отъ того простодушія и откровенности, которыя отличаютъ земледѣльцевъ».... «Эпидеміи заносятся иногда возвращающимися въ деревню съ промысловъ».... «Наемъ рабочихъ на издѣльныя работы въ Сызранскомъ уѣздѣ, говорится въ одной изъ статей Землед. Газ. 1878 г., производится зимою. Условіе заключается не отдѣльно съ каждымъ работникомъ, а съ цѣлою артелью, подъ круговую поруку, что̀ болѣе обезпечиваетъ нанимателя въ доброкачественномъ выполненіи работы. Въ годовые и полугодовые рабочіе идутъ «лишнія силы семьи или бездомные солдаты; всякій же, имѣющій семью и домъ, только при крайней нуждѣ идетъ въ работники и беретъ впередъ деньги».... «Солдаты вслѣдствіе отвычки отъ полевой работы, рѣдко бываютъ прилежными рабочими и, слѣдуя пріобрѣтенной на службѣ привычкѣ къ передвиженіямъ, часто переходятъ съ одного мѣста на другое.»

Управляющій имѣніями графа Толстаго,—Зеленковскимъ и Дмитріевскимъ, въ Лебединскомъ уѣздѣ Харьковской губ., говоря относительно рабочихъ въ этихъ имѣніяхъ, упоминаетъ: «съ 1874 г. не было ни одного разбирательства въ судѣ по неисполненію рабочими условій или по другимъ причинамъ».... «Зимою нанимаются въ сосѣднихъ селеніяхъ рабочіе на съемъ хлѣба съ корня.... деньги почти всѣ выдаются впередъ при наемкѣ; но случаи уклоненія отъ исполненія очень рѣдки, не болѣе 2—3% и то по семейнымъ, болѣе или менѣе, уважительнымъ обстоятельствамъ»... «Дороговизну рабочаго труда сельс. хоз. промышленность способна выносить болѣе, чѣмъ всякая другая отрасль промышленности, и только при отсутствіи хозяйственной организаціи вздорожаніе рабочей платы неблагопріятно отзывается на производительности хозяйства» (Земл. Газ. 1879 г.).

Пропагандистамъ хуторскаго хозяйства, какъ и вообще русскому образованному обществу, неизвѣстно многое изъ практики сельской жизни. Въ нашей своеобразной странѣ приходится зачастую встрѣчаться съ явленіями совершенно нежданными, негаданными. Такъ, напримѣръ, назадъ тому года два газетѣ «Кіевлянину» пришлось защищать уѣздную полицію отъ обвиненій въ непре-

---

По словамъ землевладѣльца Курской губ. Останькевича: «въ рабочую пору не смотрятъ на праздники и во время ихъ исполняются какъ нельзя лучше легкія работы, какъ-то возка копенъ, или вѣйка намолоченнаго хлѣба; пьяные же работники во время уборки бываютъ рѣдко.»

Приводимъ здѣсь еще нѣсколько мнѣній сельскихъ хозяевъ относительно причинъ плохаго положенія хозяйствъ.

Для южныхъ губерній причины эти заключаются, по мнѣнію г. Пухова («Зап. Общ. Южн. Рос.» 1878 г.), главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) въ слишкомъ обширныхъ запашкахъ, предпринимаемыхъ въ надеждѣ на урожай. Дѣйствительно, весьма заманчиво получить 40—50 р. на сравнительно малый расходъ; но для этого нужно, чтобы урожай былъ, напр. ржи—12 четв. или овса—20 четв.; но такіе урожаи бываютъ, обыкновенно, разъ въ 10 лѣтъ; 2) вслѣдствіе усиленныхъ запашекъ является дурная обработка земли, уменьшающая количество урожая; въ особенности это условіе имѣетъ мѣсто при сдачѣ земли въ аренду крупными участками; 3) прежде, при крѣпостномъ правѣ, помѣщики были на хлѣбномъ рынкѣ монополистами, теперь же на этихъ рынкахъ предлагается и крестьянскій хлѣбъ, а незажиточность крестьянъ вынуждаетъ ихъ иногда сбывать хлѣбъ по весьма низкой цѣнѣ и тѣмъ понижать цѣну на хлѣбъ вообще, а слѣдовательно и на помѣщичій. Отсюда получаетъ мѣсто и 4-ая причина уменьшенія доходовъ землевладѣльцевъ, заключающаяся именно въ стремленіи помѣщиковъ сдавать крестьянамъ возможно меньше земель, не смотря на то, что отъ этого землямъ этимъ приходится иногда лежать «впустѣ» т. е. безъ обработки. Почти тѣ же причины производятъ тѣ же послѣдствія въ имѣніяхъ и юго-западнаго края. Такъ г. Савостьяновъ еще въ мартовской книгѣ «Журн. Сел. Хоз. и Лѣсов.» писалъ, что тамъ хозяева «стремятся получать не съ единицы посѣяннаго пространства, а съ его массы». Другой сотрудникъ того же журнала, г. Бубновъ, въ замѣткѣ своей, напечатанной въ «Землед. Газетѣ» (№ 40, 1878 г.), выставляетъ относительно юго-западныхъ губерній еще слѣдующія причины неблестящаго положенія тамъ хозяйства: 1) недостаточность знаній у руководителей сельско-хозяйственныхъ предпріятій, 2) беспорядки по веденію дѣла и 3) злоупотребленія управителей имѣніями въ отношеніи рабочихъ. Существованіе этихъ злоупотребленій оказывается возможнымъ по слѣдующимъ причинамъ: «въ управляющіе берутъ людей безъ разбора, лишь бы умѣлъ нанять дешево рабочаго, когда послѣднему нужны деньги, не смотря на то, что этотъ наемъ въ концѣ-концовъ, оказывается для хозяина не выгоднѣе правильнаго найма. У насъ, замѣчаетъ г. Бубновъ, часто жалуются на рабочихъ, но плохихъ рабочихъ все-таки у насъ немного; вообще же неисполнительность рабочихъ вызывается до извѣстной степени ненормальностію заключаемыхъ съ ними условій и тѣмъ, что

слѣдованіи конокрадовъ и вообще разбойниковъ въ Житомирскомъ и Новоградоволынскомъ уѣздахъ и въ видахъ этой защиты пораскопать практику сельской жизни въ тѣхъ именно частяхъ этихъ уѣздовъ, гдѣ населеніе въ особенности сильно терпѣло отъ конокрадовъ. И какъ вы полагаете, на что здѣсь была сведена защита полиціи? На дурной обычай селиться въ этихъ

экономы стараются обманывать рабочихъ. Большинство экономовъ не долго живетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Я знаю одно хозяйство, арендуемое евреемъ, гдѣ въ прошломъ году перемѣнилось три управляющихъ. Надъ такими управляющими смѣются рабочіе, и, конечно, мало слушаютъ ихъ, ибо видятъ, что изъ ихъ распоряженій ничего хорошаго не будетъ.»

«Въ этомъ же имѣніи молотятъ хлѣбъ паровою молотилкою, но вслѣдствіе той обычной небрежности, съ которою управляющіе относятся къ дѣлу, въ мякину отлетаетъ порядочное количество зерна, какъ говорятъ крестьяне, покупающіе тамъ мякину, и этому не вѣрить нельзя, ибо та же небрежность сказывается и во многомъ другомъ. Такъ въ прошломъ году сахарные бураки были сохраняемы на зиму слѣдующимъ образомъ: въ широкую и глубокую яму уложили рядъ бураковъ и опять слой земли и т. д. до самаго верха. Разумѣется бураки сгнили.»

См. тоже Журн. Сел. Хоз. и Лѣс. 1878 г. См. Кузнецова «Крестьянское хозяйство, какъ оно есть»; Труды Вол. Эконом. Общ. 1878 г. Очеркъ хоз. крест. въ Арзамасскомъ уѣздѣ ст. Н. П. Ермолова.

Кромѣ того, въ нашихъ Сельск. Хоз. изданіяхъ можно найти много статей, заключающихъ въ себѣ описанія образцовыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Статьи эти убѣждаютъ насъ вполнѣ въ томъ, что хозяйство въ этихъ благоустроенныхъ имѣніяхъ идетъ впередъ и даетъ блистательные результаты, но все это благодаря лишь умѣло введеннымъ улучшеніямъ, а не чему-либо иному.

Въ «Mémoire sur la production agricole de la Russie» 1878 г. (стр. 177—203) А. С. Ермолова, написанной для Парижской всемірной выставки прошлаго года, затѣмъ въ статьѣ того же автора, напечатанной въ іюньской кн. Жур. Сел. Хоз. и Лѣс. 1878 г. «Культурные раіоны и русскіе сѣвообороты» и «въ Календарѣ и Справоч. кн. для сельск. хозяевъ» А. О. Баталина, можно найти указанія на мѣстности и *самыя имѣнія*, въ которыхъ ведется въ настоящее время у насъ *улучшенное полеводство*. Въ «Справоч. Книжкѣ» такихъ имѣній показано *болѣе ста*; но это не выражаетъ ихъ дѣйствительнаго числа, которое должно быть принято въ нѣсколько разъ болѣе, потому что въ «Справ. Кн.» показаны только, такъ сказать, типичныя хозяйства.

Хотя число этихъ улучшенныхъ хозяйствъ все-таки не велико въ сравненіи съ пространствомъ Россіи, но существованіе ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи доказываетъ несомнѣнно возможность вести повсюду въ Россіи хорошее хозяйство, и дѣло обезпеченія имѣній рабочею силой устраивать безъ посредства обезземеленія крестьянства, безъ вопіющихъ прижимокъ, безъ крутыхъ мѣръ и при отсутствіи тѣхъ мошенническихъ уловокъ, которыя практикуются въ особенности многими арендаторами-аферистами на юго-востокѣ и евреями на западѣ и юго-западѣ Россіи.

уѣздахъ хуторами! Съ перваго раза это кажется очень страннымъ; но прочтите далѣе подробности защиты, и дѣло окажется весьма просто и ясно. Поселенные въ лѣсистой части означенныхъ уѣздовъ чехи и русскіе (старообрядцы) живутъ не скученно деревнями, а въ одиночку, отдѣльными дворами, на разстояніи двухъ, трехъ верстъ одинъ дворъ отъ другаго. Вслѣдствіе этого полиціи невозможно здѣсь пользоваться при розыскахъ преступниковъ помощію мѣстнаго населенія, которое, въ свою очередь, постоянно находится въ беззащитномъ положеніи отъ разбойничества, такъ какъ обитатели одинокихъ хуторовъ принуждены зачастую, противъ воли, принимать у себя конокрадовъ и грабителей, кормить ихъ и поить *подъ угрозою* смерти или пожара.

Къ какимъ результатамъ придетъ нашъ современный крупный землевладѣльческій классъ, продолжая, за немногими исключеніями, дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ доселѣ со времени освобожденія крестьянъ? Для разрѣшенія этого вопроса накопилось уже довольно данныхъ изъ практики русской жизни. Мы видѣли теперь, что повсюду въ Россіи начинаетъ образовываться особаго рода контингентъ собственниковъ изъ личностей, которыя содержатъ кабаки, ростовщичествуютъ, торгуютъ чужимъ трудомъ, живутъ на счетъ различныхъ общественныхъ пороковъ и неурядицъ, ловя въ мутной водѣ рыбу. Эти новые землевладѣльцы настолько заявляютъ себя въ разныхъ общественныхъ дѣлахъ, что *за ними приходится уже признать силу и значеніе*. Ими поставлено въ почтительное къ себѣ положеніе почти все мелкопомѣстное дворянство; трудновато начинаетъ тягаться съ ними и крупному землевладѣнію; сѣтями ихъ интригъ опутаны деревенскія власти; въ земство прорываются уже ихъ воротилы; а что касается до отношеній къ нимъ крестьянства, то можно сказать, что половина его состоитъ у нихъ въ кабалѣ. И если еще нѣсколько лѣтъ продолжится прежнее направленіе политики нашего крупнаго землевладѣнія, т. е. если оно будетъ продолжать безучастно смотрѣть на раззореніе крестьянъ и не противодѣйствовать этому самымъ рѣшительнымъ образомъ, то въ недалекомъ будущемъ встанетъ вопросъ: «*Кому владѣть крестьянствомъ, обезземеленнымъ ими-же затянутымъ въ безвыходную, суровую кабалу*»? Если на этотъ вопросъ возможенъ отвѣтъ въ такомъ родѣ: «*На долю нынѣшняго крупнаго землевладѣнія останется порядочная часть батраковъ*», то не такъ уже легко будетъ согласовать съ пользами дворянъ-землевладѣльцевъ другой возникающій вслѣдъ за этимъ вопросъ:

«*Остановится-ли торгующее и ростовщичествующее сословіе на пути пріобрѣтенія земель и соединенныхъ съ этимъ привиллегій, удовольствовавшись тѣмъ, что оно уже захватило въ свои руки*»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ такъ ясенъ, что о немъ не стоитъ и распространяться. Современному крупному землевладѣнію приведется гибнуть двоякимъ образомъ: землевладѣльцы будутъ продавать свои помѣстья кабатчикамъ, ростовщикамъ, кулакамъ и проч. и уходить *куда-то*, или-же дворяне-землевладѣльцы будутъ измѣнять свою внутреннюю сущность и внѣшнюю форму, дружась, роднясь, сливаясь съ кабатчиками, кулаками и прочею нарождающеюся сельскою буржуазіей. Слѣдуетъ помнить, что городская буржуазія у насъ совсѣмъ готова, и вотъ когда сформируется окончательно, т. е. численно перевѣситъ земельное дворянство, сельская буржуазія, то не поздно-ли уже тогда будетъ земельному дворянству поднимать голосъ за право своего существованія? Но теперь-то, кажется, еще не поздно всему, выдающему себя за хранителей идей чести, за поборниковъ религіи и добродѣтели, оставить ошибочную свою политику въ отношеніи массы крестьянства и начать видѣть въ нихъ надежныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ представителями такого начала, изъ котораго никоимъ образомъ нельзя выводить понятій о религіи, чести, справедливости, состраданіи, —которое отвергаетъ всѣ эти понятія, давая жизнь только одному «о прибыли». И дѣйствительно, капиталъ знаетъ только одно: умноженіе себя во что-бы то ни стало. Для прироста своего онъ не долженъ останавливаться предъ обремененіемъ непосильной работой, предъ бѣдствіями, невѣжествомъ, пороками. Господство этой стихійной слѣпой силы, не чувствующей, не понимающей человѣческихъ радостей, горя, возвышенныхъ стремленій, есть господство самаго узкаго матеріализма, потому что у капитала нѣтъ души, ума, и онъ живетъ одной только растительною жизнію, слѣпо исполняя побужденіе увеличиваться въ своемъ объемѣ. Жрецы капитала еще не вредны для государства, пока они занимаютъ только мѣсто посредниковъ въ ряду другихъ классовъ въ государствѣ, пока остальные классы сильнѣе класса торговцевъ. Но коль скоро послѣдніе берутъ положеніе высшее, всесильное, то экономическая жизнь цѣлаго народа начинаетъ двигаться тогда уже несообразно съ ея естественными потребностями, а обрекается довольствоваться полученіемъ только тѣхъ предметовъ потребленія, которыми купцу выгодно снабжать населеніе. Сколько времени упрекаютъ, напри-

мѣръ, всемірнаго купца—Англію въ томъ, что она отравляетъ Китай опіумомъ; но потъ индійскихъ рабовъ этого купца продолжаетъ обливать обширныя плантаціи опіума; а извѣстно, что пока дурная склонность китайцевъ будетъ похищать изъ ихъ народнаго бюджета извѣстное количество милліоновъ рублей на опіумъ, до тѣхъ поръ не откуда будетъ взять Китаю милліоновъ на питаніе какой-либо другой здоровой потребности народа. Но можетъ-ли вынуть англійскій купецъ свой капиталъ изъ операціи, приносящей ему громадный процентъ и обратить этотъ капиталъ на производство другой, менѣе доходной? Нѣтъ, при единомъ только господствѣ капитала этого сдѣлать невозможно. Капиталъ прежде всего долженъ только приращаться. И если надъ духомъ спекуляціи и стремленіями къ обогащенію вопреки правдѣ и нравственнымъ требованіямъ, не царитъ въ обществѣ высшій нравственный принципъ, имѣющій своихъ служителей въ интеллигентномъ классѣ общества, регулирующемъ его жизнь и поддерживающемъ государство въ его стремленіи выполнить главнѣйшую задачу его существованія—охраненіе слабыхъ отъ хищнической эксплоатаціи сильныхъ, то торговыя операціи эксплоатирующихъ, какъ бы онѣ не были вредны для народа и общества, будутъ существовать, не смотря ни на какія увѣщанія, ни на какіе протесты отдѣльныхъ лицъ. Странно видѣть и, собственно говоря, нелѣпо-бы даже допускать существованіе въ дѣйствительности такихъ, напримѣръ, явленій: одинъ и тотъ-же купецъ моритъ и раззоряетъ цѣлыя тысячи народа, въ то-же время строитъ церкви и больницы; или, напримѣръ, та-же Англія, отравляющая Китай опіумомъ, шлетъ туда-же миссіонеровъ. Но противорѣчія эти, однако, существуютъ и объясняются весьма просто тѣмъ, что каждый торговый дѣятель, волею-неволею есть рабъ своего дѣла, что хотя преданія старины, воспоминанія дѣтства, идеи науки живутъ въ немъ и просятся въ жизнь; но въ то-же самое время торговое дѣло, въ которое засосанъ человѣкъ, велитъ ему дѣйствовать такъ, а не иначе. И такъ, исключительное господство торговаго начала несетъ за собою смерть всему, чѣмъ жило до этого государство, что его сплотило, облагородило, создало ему силу и значеніе. Можетъ быть, при этомъ господствѣ останутся, на первое время, цѣлы всѣ тѣ прежнія учрежденія, въ которыхъ проявлялись одухотворявшія жизнь государства силы; но это будутъ не живые организмы, а машины, съ дѣйствующими въ нихъ служителями буржуазіи, искажающими тѣ святыя начала, которыми они прикрыва-

ются, служа интересамъ господствующаго бездушнаго капитала. Пусть-ка тогда остатки истинныхъ представителей современныхъ началъ чести и религіи попробуютъ побороться съ абсолютною властью буржуазіи!—Правда, что со временемъ падетъ государство, жизнь котораго будетъ построена на началѣ «наживы», падетъ потому, что оно въ самомъ себѣ носитъ зародышъ паденія: слѣпая машина «laisser faire, laisser passer, катясь, не зная куда, съ однимъ побужденіемъ *катиться*, грянется, наконецъ, о скалу или рухнетъ въ пропасть; но что̀ выйдетъ изъ хаотическаго состоянія: сдѣлается-ли растлѣпная служеніемъ «прибыли» масса людей достояніемъ другаго свѣжаго государства, или-же потомки его окажутся похожими на тѣ несчастные обрывки когда-то сильныхъ народовъ, которые мы теперь встрѣчаемъ въ пустыняхъ сѣвера и степяхъ Азіи?

Пусть подумаютъ надъ этимъ всѣ тѣ, которые говорятъ рѣчи въ земскихъ собраніяхъ, ученыхъ обществахъ, всѣ тѣ, которые пишутъ, въ настоящее время, въ газетахъ и журналахъ, которые всѣми силами души не противодѣйствуютъ раззоренію крестьянства!

Начавъ выше рѣчь о вліяніяхъ на бытъ народный, исходящихъ изъ *экономической* дѣятельности всего внѣ крестьянства стоящаго, и сказавъ о вліяніяхъ этого рода на *земледѣльческую* жизнь крестьянства, мы должны бы были тогда же перейти къ перечисленію и опредѣленію вліяній того же рода на *промысловую* дѣятельность крестьянства; но вслѣдствіе близкой связи многихъ выходящихъ изъ экономической дѣятельности вліяній съ нравственнымъ направленіемъ самихъ дѣятелей, мы обратились прямо къ перечисленію и опредѣленію различныхъ группъ нравственныхъ вліяній, сокращая этимъ случаи повторенія одного и того же нѣсколько разъ. Поэтому да не упрекнутъ насъ читатели, что мы, чертя систему дѣйствій на пользы народа, скажемъ позже о томъ, о чемъ слѣдовало бы говорить ранѣе, т. е. о вліяніяхъ экономической дѣятельности всего внѣ крестьянства стоящаго на *промысловую* жизнь крестьянства. Промысловая жизнь нашего народа уже нѣсколько лѣтъ составляетъ предметъ изслѣдованій правительства, многихъ земствъ, ученыхъ обществъ — Русскаго Географическаго и Вольнаго-Экономическаго.

На основаніи фактовъ и данныхъ, добытыхъ этими изслѣдованіями, представляется возможнымъ прійдти въ настоящее время

къ слѣдующимъ, между прочимъ, заключеніямъ, касающимся близко того предмета, о которомъ мы ведемъ рѣчь.

Занятіе промыслами распространено, главнымъ образомъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ надѣлы на столь малы, или же гдѣ качество земли на столь плохо, что владѣльцы этихъ надѣловъ не могутъ извлечь изъ нихъ всего, что̀ нужно на содержаніе семьи и уплату податей. Хотя промышленныя занятія владѣльцевъ такихъ участковъ крайне разнообразны, но при всемъ этомъ представляется возможнымъ подмѣтить нѣкоторую группировку ихъ занятій. Такъ именно цѣлыя деревни, цѣлыя волости, иногда цѣлыя части значительныхъ территорій заняты, каждая, какою-либо одною промышленностью. Въ одной мѣстности, производятся издѣлія изъ дерева, въ другой изъ желѣза, въ третьей ткутся полотна, въ четвертой жгутъ угли, изъ пятой выходитъ населеніе на земляныя работы, изъ шестой идутъ на заработки плотники, изъ седьмой полевые рабочіе и т. д. Условія природы и климата, отношенія пространства земли къ населенію и проч., и здѣсь, придали извѣстныя своеобразности народной промышленности. Вліяніе этихъ условій выразилось, напримѣръ, въ томъ, что не всякая деревня можетъ имѣть у себя постоянныхъ плотниковъ, печниковъ, швецовъ (портныхъ), сапожниковъ и проч. и вслѣдствіе этого существуютъ *бродячіе ремесленники*, переходящіе для работы изъ деревни въ деревню. Кромѣ того, подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій Россіи, образовалось у насъ ежегодное передвиженіе рабочихъ массъ изъ однихъ губерній въ другія для производства полевыхъ работъ; особенности нѣкоторыхъ мѣстностей создали извѣстные роды промышленности въ этихъ мѣстностяхъ. Также и многія *второстепенныя* вліянія отразились извѣстнымъ образомъ на промыслахъ, обусловивъ установленіе различныхъ ненормальностей. Много промысловъ производится не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и возникновеніе ихъ въ данныхъ мѣстностяхъ обусловилось многими *случайными* причинами, какъ напримѣръ, появленіемъ свѣдущаго въ ремеслѣ человѣка, отъ котораго переняли это ремесло всѣ его односельцы и окрестные жители. Причина явленія свободныхъ рукъ, готовыхъ взяться за всякое плохо вознаграждающее дѣло, не всегда совпадаетъ съ избыткомъ населенія въ данной мѣстности. Явленіе это всего чаще идетъ вмѣстѣ съ незначительностію надѣла или съ дурнымъ его качествомъ. Отъ дѣйствія въ одно и то же время многихъ вредныхъ вліяній на промысловую жизнь данной мѣстности является чрезмѣрное увеличеніе числа рабочихъ часовъ, доходящее иногда до 20 въ

сутки и втягиваніе въ работу не только женщинъ, но и дѣтей. Окончательное послѣдствіе всего этого—ослабленіе силъ физическихъ и нравственныхъ рабочаго класса, ухудшеніе расы и въ то же время невозможность улучшенія качества издѣлій. Если взять въ соображеніе, что, при подобныхъ условіяхъ, у насъ производится весьма много промысловъ совмѣстно съ земледѣліемъ, то дѣлается понятнымъ, почему въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ такое положеніе, ни земледѣліе не можетъ процвѣтать, ни самый промыселъ не можетъ развиваться.

Силамъ человѣческимъ есть предѣлъ. Для сохраненія ихъ, кромѣ хорошей пищи, необходимъ и достаточный отдыхъ. И если потерявшій ихъ много въ страдное время земледѣлецъ проведетъ и всю зиму за 15-ти часовою работою въ душной избѣ при производствѣ работъ, портящихъ легкія, отравляющихъ кровь, надѣляющихъ ревматизмами и проч., и проч., то понятно, что онъ, годъ отъ году, будетъ слабѣть, а потомство его вырождаться отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Изъ числа вредныхъ вліяній, дѣйствующихъ на работающихъ на фабрикахъ крестьянъ, выдаются: потеря рабочаго времени на переходъ, иногда изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ на фабрику и на возвращеніе, по окончаніи періода работъ, домой, это—общая невыгодность отхожихъ промысловъ; съ нею сопряжены болѣзни, изнуреніе въ пути, разстройство добрыхъ семейныхъ отношеній; продолжительныя работы на фабрикахъ, дурной, испорченный воздухъ фабричныхъ помѣщеній; много условій, способствующихъ разврату; обкрадываніе рабочихъ посредствомъ отпуска имъ изъ содержимыхъ фабрикантами лавокъ предметовъ одежды и пищи, и злоупотребленія фабрикантовъ при разсчетѣ.

Возвращающійся домой фабричный работникъ несетъ съ собой весьма незначительный заработокъ и изможденный фабричной работою организмъ. Между тѣмъ дома его ждетъ не отдыхъ, а трудная работа земледѣльца. Разъяснить, насколько выгодно, насколько вредно одну часть года работать, при существующихъ нынѣ условіяхъ, на фабрикахъ, а другую—воздѣлывать въ потѣ лица землю, да не по западно-европейски, съ помощью хорошихъ орудій производства и при болѣе продолжительномъ періодѣ земледѣльческихъ работъ, а съ помощью тощей лошаденки, запряженной въ соху, и при короткомъ нашемъ лѣтѣ, т. е. при большомъ числѣ рабочихъ часовъ въ сутки,—разъяснить этотъ вопросъ крайне необходимо. Здѣсь, кромѣ вопроса чисто экономическаго: какое вліяніе имѣетъ такое положеніе дѣлъ на сельское

хозяйство, стоитъ еще болѣе грозный вопросъ: о вырожденіи расы. Вслѣдствіе сложности этого вопроса, огульныя рѣшенія его крайне непригодны.

Фабричныя работы весьма разнообразны: въ числѣ ихъ есть и такія, которыя не влекутъ за собою разстройства здоровья; переходы на фабрики не вездѣ бываютъ слишкомъ продолжительны; злоупотребленіямъ фабрикантовъ можетъ быть положенъ, отчасти, предѣлъ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ детали вопроса измѣнятся. Но говоря вообще, подробное выясненіе этого вопроса можетъ дать факты для рѣшенія другаго важнаго вопроса: «Можетъ ли у насъ въ Россіи, и въ какихъ именно частяхъ ея, идти впередъ развитіе сельскаго хозяйства у крестьянъ, при условіи оставленія хозяиномъ усадьбы и полей его на нѣсколько мѣсяцевъ безъ хозяйскаго надзора, безъ приложенія хозяйскихъ рукъ?»

Всѣ эти данныя изъ промысловой жизни народа указываютъ довольно ясно на существующую у насъ *своеобразность* въ этой жизни, представляющуюся именно въ томъ, что наши ремесленники, промышленники, полевые рабочіе, въ большинствѣ еще не обособились въ отдѣльный классъ, какъ на западѣ Европы; что этотъ, занимающійся промышленностью, людъ, не оставилъ занятія земледѣліемъ; нѣкоторая его часть—безземельные крестьяне или получившіе, такъ называемый, даровой надѣлъ хотя не занимаются производствомъ хлѣба, но воздѣлываютъ однако принадлежащіе къ ихъ усадьбамъ огороды и конопляники, слѣдовательно, все-таки они сидятъ на землѣ. Какая судьба, какая дорога ждетъ ихъ въ будущемъ; превратятся ли они въ совершенныхъ пролетаріевъ, примутъ ли форму западнаго рабочаго сословія, или же настоящая ихъ форма сохранится въ своей сущности, отбросивъ отъ себя все вредное, все непригодное для существованія промысла, для экономическаго, физическаго и умственнаго благосостоянія самихъ промышленниковъ? Отвѣты на эти вопросы въ будущемъ и тотъ или другой характеръ ихъ зависитъ отъ того, какъ пойдетъ дальше развитіе въ Россіи фабричной и заводской промышленности. Сконцентрируется ли она только въ большихъ городахъ или децентрализуется по обширной Россіи; а большіе города сосредоточатъ у себя только склады издѣлій для торговыхъ чисто цѣлей. Есть, правда, нѣкоторые намеки на это будущее. Такъ напримѣръ: мы знаемъ, что, въ настоящее время, въ петербургскихъ магазинахъ продаются весьма хорошія издѣлія кустарниковъ Тверской, Московской, Вятской и дру-

гихъ губерній, какъ то: перчатки, сапоги, деревянные портсигары, спичечницы и проч., а самые магазины имѣютъ прямыя сношенія съ селеніями, изготовляющими означенныя вещи и посылаютъ иногда туда для выдѣлки часть того матеріала, котораго нѣтъ на мѣстѣ, напримѣръ, кожу для перчатокъ и образцы, по которымъ должны быть изготовлены издѣлія изъ этого матеріала. Слѣдовательно, есть выгода не заводить мастерскихъ и заводовъ въ дорогомъ для жизни и содержанія работника городѣ. Есть еще и попытки, сдѣланныя правительствомъ, упорядочить для общей пользы кустарническое производство нѣкоторыхъ мѣстностей (напр. въ с. Павловѣ), придавъ ему отчасти *артельную организацію*. И хотя эти попытки еще не дали удовлетворительныхъ результатовъ, но, конечно, это случилось только потому, что при новомъ дѣлѣ нельзя тотчасъ же получить желаемое; невозможно было его организовать вдругъ такъ, чтобы оно отвѣтило всѣмъ многочисленнымъ требованіямъ практики. Весьма недавно, такъ сказать, на нашихъ глазахъ начали возникать быстро въ губерніяхъ Тверской, Ярославской и др. артельныя сыроварни и затѣмъ, почти столь же быстро, пошло ихъ закрытіе и возникновеніе вмѣсто ихъ частныхъ сыроваренныхъ и маслодѣлательныхъ заводовъ. Время разныхъ сомнительныхъ объясненій причинъ возникновенія и паденія этихъ промышленныхъ заведеній прошло; теперь выяснились управлявшія этимъ причины и мы можемъ отмѣтить здѣсь слѣдующія обстоятельства, идущія къ главному предмету нашей рѣчи: 1-е быстрое развитіе малоизвѣстнаго промышленнаго производства; что показываетъ, что и у насъ возможны люди, готовые заняться въ самомъ нѣдрѣ русской земли, какою-либо новою отраслью промышленности.

2) Дѣло въ разныхъ мѣстностяхъ пошло не слѣпо, а получивъ правильную организацію, благодаря которой отправлялись люди за границу учиться дѣлу, возникали школы при самыхъ сыроварняхъ, устроился выгодный порядокъ сбыта произведеній. Слѣдовательно и въ нашихъ деревняхъ могутъ возникать умно устроенныя производства, служащія не въ пользу однихъ только кулаковъ.

3) Хорошія послѣдствія дѣла начали выражаться въ деревняхъ увеличеніемъ количества и качества скота и ознакомленіемъ многихъ жителей деревень съ улучшенными пріемами скотоводства, маслодѣланія и съ самымъ сыровареніемъ.

4) Земскія учрежденія не отвернулись отъ этого живаго дѣла, начали помогать ему.

5) Въ настоящее время самыя промышленныя заведенія не пали, но измѣнили только форму, обратились изъ артельныхъ въ частныя; нѣкоторые изъ большихъ артельныхъ заводовъ преобразились, распавшись на мелкія заведенія. Такъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ насчитывается нынѣ болѣе 100 маслодѣлательныхъ заведеній, выгодно сбывающихъ масло въ столицы.

6) Причины паденія артельнаго строя сыроваренныхъ заводовъ заключаются, по объясненію Журнала Сел. Хоз. и Лѣсоводства въ *нѣкоторыхъ промахахъ организаціи самаго дѣла*. Такъ именно сыроваренныя заведенія устраивались преимущественно въ помѣщичьихъ усадьбахъ, вслѣдствіе чего оказалось невыгоднымъ для крестьянъ доставлять молоко изъ-за нѣсколькихъ верстъ въ рабочую пору. Кромѣ того, намъ извѣстна еще одна причина, весьма немаловажная, заключающаяся именно въ томъ, что члены артели—земледѣльцы, удаленные за нѣсколько верстъ отъ завода, занятые постоянно своимъ хозяйствомъ, ходящіе на заработки и незнакомые совершенно съ новымъ, довольно сложнымъ дѣломъ сыроваренія,—не могли усчитывать завѣдывающихъ дѣлбмъ старостъ, т. е. надлежащаго контроля въ этомъ дѣлѣ устроено не было.

Другое дѣло было бы, если бы промышленное заведеніе расположено было въ самомъ селеніи и если бы самое производство было доподлинно извѣстно всякому члену артели—по ремеслу земледѣльцу, и онъ, понимая хорошо всѣ мелочи дѣла, могъ бы безошибочно опредѣлить здѣсь малѣйшія издержки производства, какъ это онъ знаетъ и понимаетъ въ своемъ спеціальномъ, но не менѣе, если не болѣе сложномъ дѣлѣ сельскаго хозяйства.

И такъ, если бы въ селеніи была образована такая артель, члены которой были бы дѣятельными участниками, а не вкладчиками только, не пайщиками, какими явились въ сыроваренномъ производствѣ крестьяне, носившіе молоко въ сыроварни, то, конечно, артель осталась бы цѣла на многіе, многіе годы.

Такое наше предположеніе имѣетъ за собою фактическое основаніе: а) въ извѣстныхъ всѣмъ артеляхъ сѣверныхъ рыбопромышленниковъ, (по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые еще не подпали окончательно подъ давленіе мѣстныхъ кулаковъ); б) въ существующихъ тамъ же артеляхъ для осушки болотъ*); в) въ многочисленности вообще на Руси промышленныхъ арте-

*) См. Журналъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, ст. Гомилевскаго—«Съ крайняго сѣвера Европ. Россіи».

лей и наконецъ г) въ артеляхъ *чисто земледѣльческихъ*, предметомъ производства которыхъ является обработка лядинъ въ сѣверныхъ губерніяхъ. Эта обработка довольно сложное и трудное дѣло; оно состоитъ въ вырубкѣ лѣса, корчеваніи пней, выжиганіи поля, вспашкѣ его, посѣвѣ, уборкѣ хлѣба. До какой степени такое артельное земледѣльческое производство въ нравахъ жителей свидѣтельствуетъ уже одинъ фактъ производства подобныхъ работъ *артелями дѣтей*. Эта своеобразная артель, составляется изъ мальчиковъ и дѣвочекъ (лѣтъ около 12-ти) для обработки поля подъ ленъ. Конечно, часть тяжелаго дѣла производится здѣсь отцами маленькихъ артельщиковъ, но все остальное сложное производство воздѣлыванія льна на новинѣ, какъ то: вырубка кустарниковъ и молодыхъ деревьевъ, выжиганіе новины, посѣвъ и сборъ льна и выминанье его совершаются самими членами молодой артели*).

Подобныхъ фактовъ, хотя и не столь рѣзко выраженныхъ, но указывающихъ, однако, болѣе или менѣе ясно на способность народа работать артелью, много и въ Великороссіи, какъ это можно видѣть чуть не въ каждомъ изъ указанныхъ нами въ настоящей статьѣ изслѣдованій послѣдняго времени. Недостаетъ у насъ только силы, которая способствовала бы правильному развитію коренящейся въ народѣ способности, а напротивъ того, у насъ дѣйствуетъ много силъ и условій, подавляющихъ эту способность.

Между тѣмъ, какой громадной пользы нравственной и матеріальной для нашего громаднаго государства можно было-бы ожидать отъ поддержанія и развитія драгоцѣннѣйшей способности народа вести всякое промысловое и сельско-хозяйственное дѣло артелью. Трудно, въ настоящее время, и представить себѣ всѣ благотворныя послѣдствія этого; трудно, конечно, и вообразить современному русскому образованному человѣку и возможность созданія артельнаго хозяйства во всѣхъ сельскихъ обществахъ.

Но за дѣйствительную возможность такихъ артелей говоритъ намъ слѣдующій рѣзкій фактъ, указывающій притомъ и на ту степень матеріальныхъ и нравственныхъ благъ, которыя можетъ получить деревня чрезъ приложеніе артельныхъ порядковъ къ земледѣлію.

---

*) См. «Древняя и Новая Россія» 1876 г. № 10.—«Никольскій уѣздъ и его обитатели»; «Молву» 1876 г. № 31, а также «Формы Землевладѣнія у Русскаго народа».

Вотъ этотъ крайне замѣчательный фактъ*): Получившій въ управленіе обширное имѣніе «Чучково», А. С. Бырдинъ, засталъ крестьянъ въ крайней бѣдности и, сознавая всю важность ихъ благосостоянія, предложилъ имъ слѣдующій способъ поправить свое положеніе: изъ принадлежащей имъ надѣльной земли отдѣлить 300 дес. для составленія общественнаго капитала; обработывать эти 300 дес. всѣмъ обществомъ; часть собраннаго съ этихъ десятинъ хлѣба оставлять на случай неурожая, а остальную продавать и деньги записывать въ надлежащія книги, повѣряемыя въ извѣстные сроки выборными отъ общества.

Крестьяне изъявили на все это согласіе, и дѣло пошло успѣшно. Выборные отъ каждой сотни и десятка крестьянскаго общества распоряжались дѣломъ. При малѣйшемъ разстройствѣ хозяйства какого-либо крестьянина отъ какихъ бы то ни было причинъ, выборные тотчасъ-же приходили на помощь, и до упадка ни одинъ изъ хозяевъ допускаемъ не былъ: ему выдавалось изъ общественныхъ суммъ необходимое пособіе. Въ случаѣ, если разстройство хозяйства начиналось отъ мотовства или нетрезвой жизни, назначалась опека, которая, по приведеніи хозяйства въ должное положеніе и уплатѣ долговъ, снималась.

Для развитія въ селѣ производствъ маслобойнаго и пеньковаго, весьма выгодныхъ по мѣстнымъ условіямъ, тоже выдавались ссуды; кромѣ того, было обращаемо постоянное вниманіе на раціональное веденіе дѣла.

Эти порядки установлены были еще во время крѣпостнаго права, но они настолько срослись съ бытомъ селенія, что сохранились и до нынѣ. Благодаря имъ, крестьяне села Чучкова, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, имѣли до 19,000 четв. хлѣба, внеся изъ котораго тотчасъ выкупъ, они сдѣлались свободными хлѣбопашцами, владѣющими общественнымъ денежнымъ капиталомъ, благоустроенными хозяйствами, съ маслобойней почти при каждомъ дворѣ. Степень ихъ благосостоянія не уменьшилась и по нынѣ.

Оставаясь крайне благодарными лицу, помогшему имъ завести означенные порядки, они не далѣе какъ въ 1877 году пріѣзжали просить А. С. Бырдина переѣхать жить къ нимъ на отошедшую имъ въ надѣлъ усадьбу помѣщика. «Переѣзжай—говорили они—мы отдаемъ тебѣ и домъ, и садъ, будемъ покоить до самой смерти, живи только съ нами».

---

*) Заимствуемъ этотъ назидательный фактъ изъ письма Н. П-ва, изъ села «Бутырки» въ Землед. Газету. (1877 г.).

На существованіе другаго, отчасти подобнаго вышеизложенному, факта указываютъ Саратов. Губ. Вѣд. (№ 97. 1878 г.), сообщающія, что по почину мѣстнаго волостнаго начальства, сельскія общества Колокольцовской волости, Аткарскаго уѣзда, установили общественную запашку для составленія запасовъ хлѣба на случай неурожая, падежа скота и другихъ бѣдствій. Отъ всего посѣва по волости можно будетъ получить въ годъ: при низкомъ урожаѣ — пшеницы и ржи по 550 пуд. каждой, а при хорошемъ урожаѣ по 1.100 пуд. Каждыя 30 душъ обрабатываютъ свою десятину въ 5 часовъ времени.

Можно ждать, что вскорѣ услышимъ о заведеніи подобныхъ артельныхъ порядковъ и въ Пензенской губерніи. На такое предположеніе наводитъ насъ одна изъ статей мѣстной оффиціальной газеты (Пенз. губ. Вѣд. №№ 71 и 72 1876 г.), въ которой, по указаніи на случаи успѣшнаго развитія хозяйства въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Финляндіи и одномъ Полтавской губерніи, гдѣ небольшіе крестьянскіе надѣлы соединены въ одинъ участокъ, обработываемый артельнымъ порядкомъ и, ставя въ примѣръ этотъ порядокъ земледѣльцамъ Пензенской губерніи, говорится между прочимъ: «чего не въ силахъ сдѣлать одинъ домохозяинъ, то легко можетъ быть сдѣлано нѣсколькими. У одного, напримѣръ, недостаетъ денегъ на наемъ земли и на ея обсѣмененіе, а у другаго мало рабочей силы на ея обработку; но если-бы оба согласились устроить такое дѣло общими силами, то оказалось бы возможнымъ нанять, обсѣменить и обработать землю, и, такимъ образомъ, получить болѣе дохода, нежели порознь при заработкахъ по найму или при испольной запашкѣ. А чѣмъ большее число домохозяевъ соединятся въ одну рабочую артель, тѣмъ несомнѣннѣе успѣхъ ея и тѣмъ большій можетъ выручиться барышъ.»

«Но если бы, продолжаетъ названная газета, даже и не простирать такъ далеко надеждъ на скорое устройство и введеніе у насъ общаго земледѣльческаго хозяйства соединенными силами цѣлаго селенія, то ничто не можетъ останавливать нашихъ поселянъ отъ пріобрѣтенія общими силами тѣхъ земледѣльческихъ орудій, покупка которыхъ, по высокой ихъ цѣнѣ, недоступна не только одному, но и двоимъ, троимъ домохозяевамъ, какъ напримѣръ, плуги, сѣялки, вѣялки, молотилки и проч. А, между тѣмъ, отсутствіе этихъ необходимыхъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ орудій не даетъ возможности ни поднять мѣстную земледѣльческую культуру, при одномъ теперешнемъ первобытномъ способѣ паханія земли сохою, ни воспользоваться наибольшими

выгодами того, что земля даетъ нашему землепашцу, напримѣръ, по неимѣнію молотилокъ и вѣялокъ, хлѣбъ молотится и вывѣвается на открытомъ току ручнымъ способомъ, для чего, какъ извѣстно, не всегда благопріятствуетъ погода, а потерянное для молотьбы время или захваченный дождемъ на току, невывѣянный хлѣбъ составляютъ прямой убытокъ для хозяина. Въ заключеніе «Пензенскія Губернскія Вѣдомости» высказываютъ, что «если-бы волостныя писаря прочли на сходахъ о приведенныхъ примѣрахъ артельнаго хозяйства крестьянамъ, а старшины и старосты разъяснили народу всѣ выгоды отъ артельной складчины, то крестьяне поняли бы свои выгоды и нашли бы, можетъ быть, возможнымъ, по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти на мірскія деньги нѣкоторыя совершенно необходимыя для нихъ сельскохозяйственныя машины, тѣмъ болѣе, что и самый способъ такой складчины не новъ, потому что и теперь дѣлаются раскладка и сборы на разныя мірскія потребности, а потребность въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства едва-ли не важнѣе многихъ другихъ. Опытъ пріобрѣтенія мірскихъ сельско-хозяйственныхъ орудій и способъ пользованія ими невольно укажутъ не только на возможность, но даже на необходимость общаго артельнаго труда и введенія общаго земледѣльческаго хозяйства, какъ наиболѣе прочнаго и выгоднаго.»

*
* *

Помѣщенное въ началѣ настоящей статьи изложеніе порядковъ крестьянскаго землевладѣнія и очеркъ бытоваго строя русскаго народа указали намъ, что, какъ въ основѣ, такъ и въ порядкахъ быта нашего народа, лежитъ начало взаимности, согласованія выгодъ каждаго съ выгодами всѣхъ, что основная народная нравственность построена на этомъ же самомъ началѣ, и что, благодаря единственно этому началу, народъ русскій съумѣлъ, безъ чьей либо помощи, прожить и въ сѣверныхъ пустыняхъ, и южныхъ степяхъ, и сибирскихъ тайгахъ, не истребляя другъ друга; артели его и доселѣ ходятъ какъ по столицамъ, такъ и по едва обитаемымъ мѣстностямъ, удивляя насъ существующимъ въ нихъ порядкомъ и строгою дисциплиною.

Затѣмъ, разсматривая отношенія жизни городскаго строя къ строю сельской жизни, мы видѣли тѣ начала и тѣхъ представителей этихъ началъ, которые вносятъ въ жизнь селеній разрушающіе ея порядки и правила. Тутъ же мы встрѣтились съ фактами, указывающими на то, что та часть деревенскаго

населенія, которая уже сдѣлалась жертвою городскаго начала, т. е. обратилась въ батраковъ, представляется уже лишенною тѣхъ достоинствъ, которыми обладаетъ пока часть крестьянства, не раззоренная кулачествующимъ людомъ; по отношенію же къ крупнымъ землевладѣльцамъ, батрачество является плохимъ союзникомъ: сельскій пролетарій-батракъ уже не такъ силенъ физически и нравственно, а потому онъ и не столь пригодный для землевладѣльца работникъ, какъ домовитый крестьянинъ.

Далѣе намъ выяснился фактъ, заключающійся въ стремленіи кулачества поглотить представителей настоящаго крупнаго землевладѣнія и установить на развалинахъ всѣхъ прежнихъ принциповъ крестьянскаго и дворянскаго міровоззрѣнія господство одного начала—«наживы». Причина, способствующая этому поглощенію, выяснилась для насъ тоже весьма опредѣлительно. Эта причина заключается въ ложной политикѣ крупнаго землевладѣнія относительно крестьянства, не только не принимающей его подъ свое покровительство, но и относящейся безразлично къ закабаливанію крестьянъ міроѣдами.

Наконецъ, тѣ же факты народной жизни указали намъ на возможность выхода изъ настоящаго, представляющаго въ мрачномъ видѣ наше будущее, положенія. Мы видѣли, что способность народа охранять коренные обычаи и принципы своей жизни отъ различныхъ вредныхъ вліяній на него извнѣ, ждетъ только поддержки со стороны его старшихъ братьевъ. Когда же эти старшіе его братья, изучивъ и узнавъ его, подойдутъ къ нему съ положительною помощію, то тогда уже не будетъ мѣста какимъ-либо вопросамъ, въ родѣ, напримѣръ, недостатка рабочихъ, недостатка удобренія, малоземелья и проч., задерживающимъ развитіе хозяйства у крестьянъ и землевладѣльцевъ, и народъ быстро поправитъ свое благосостояніе.

Мы заканчиваемъ нашу рѣчь о настоятельной необходимости и полной возможности установить болѣе здравое и правильное, чѣмъ существующее, отношеніе къ вопросамъ народной жизни, построить по этому предмету цѣльную систему дѣйствій и, такимъ образомъ, покончить съ тѣмъ сбивчивымъ отношеніемъ къ дѣлу, какое существуетъ въ настоящее время, и вслѣдствіе котораго является масса противорѣчивыхъ совѣтовъ, мѣръ, проектовъ о томъ, какъ поднять народное благосостояніе, вноситъ хаосъ въ понятія какъ настоящаго, такъ и подростающаго поколѣнія.

Выведя изъ данныхъ народной жизни извѣстныя воззрѣнія

на бытъ земледѣльческаго крестьянства, мы въ настоящей статьѣ предложили *основанія* для *постройки системы отношеній къ народной жизни*, и, держась этихъ основаній, намѣтили и *нѣкоторыя дѣйствія на пользы народа*. А такъ какъ одно изъ главнѣйшихъ дѣйствій должно, по нашему мнѣнію, состоять въ отклоненіи отъ народа различныхъ вредныхъ для него вліяній, идущихъ изъ круга дѣятельности всего внѣ крестьянства стоящаго, то мы и сдѣлали *попытку систематизировать* ихъ и указать какъ на *возможность*, такъ и на *самые пути* отклоненія отъ народа *хотя нѣкоторыхъ* изъ этихъ вліяній.

Исчислить и опредѣлить всѣ вредно дѣйствующія на народъ вліянія, составить полную и подробную программу нуждъ народныхъ и дать отвѣты на вопросы о способахъ ихъ устраненія—не входило въ нашъ планъ, какъ задача далеко для насъ непосильная. Нашимъ сужденіямъ и выводамъ изъ нихъ мы придаемъ *не рѣшающее значеніе, а только вызывающее другія*, можетъ быть, болѣе пригодныя, чѣмъ наши, *силы на продолженіе и завершеніе дѣла и вообще на систематическую дѣятельность* по крайне обширному предмету, по самому главному, важному и насущному вопросу внутренней жизни русской земли.

С. К....тинъ.

ДѢТИ НЕБА.

По міровой канвѣ событій и преданій
Какъ золотая нить, сквозь лѣтопись вѣковъ,
Изъ дальней древности сверкаетъ рядъ сказаній
Про царственныхъ дѣтей властительныхъ боговъ.
Таинственно звучатъ священные напѣвы
Про чадо божества и земнородной дѣвы—
О томъ, какъ неба сынъ таилъ въ груди своей
Божественный залогъ небеснаго рожденья
И шелъ искать отца далеко отъ людей,
Объятый пламенемъ высокаго стремленья.
А грозный Поссейдонъ и царственный Зевесъ,
Взирая на свою цвѣтущую Элладу,
Изъ глубины морской иль съ высоты небесъ
Являлись иногда возлюбленному чаду.
Такъ смѣлый юноша, отважный Фаэтонъ
На свѣтлый ликъ отца, вѣнчанный блескомъ неба,
Безтрепетно смотрѣлъ, желаньемъ упоенъ
Свершить высокій путь на колесницѣ Феба.

И ты дитя небесъ—восторженный поэтъ!
И ты хранишь залогъ божественной природы!
Подъ гнетомъ лжи и зла, гдѣ Божьей правды нѣтъ,
Гдѣ безсознательно ярмо влачатъ народы,
Гдѣ, позабывъ святыхъ и истинныхъ боговъ,
Кумировъ создали изъ золоченой глины,—
Тамъ сквозь зловѣщій звонъ заржавѣвшихъ оковъ,
Сквозь вихри суеты, сквозь стонъ людской кручины,
Небеснаго отца ты слышишь горній зовъ
Изъ глубины небесъ, и въ пламенныя пѣсни
Ты хочешь перелить божественный глаголъ,

И міру, спящему подъ гнетомъ тьмы и золъ,
Бросаешь смѣлый кликъ: «возстань! очнись! воскресни!..»
Да, ты дитя небесъ, и въ суетѣ людской
Томишься, какъ въ цѣпяхъ, а чудный зовъ куда-то
Звучитъ въ твоей душѣ таинственно и свято...
Хотя не узришь ты ни въ безднѣ голубой,
Ни средь морскихъ пучинъ божественнаго лика,
Но чудный зовъ отца вездѣ передъ тобой:
И въ говорѣ лѣсовъ, волнующихся дико,
И въ плескѣ ручейка, и въ рокотѣ громовъ,
И въ пѣснѣ жавронка съ проснувшихся луговъ...
Вездѣ тебѣ звучитъ гармонія родная—
Въ дыханіи цвѣтовъ, въ полуночной тиши,
Въ сіяньи яркихъ звѣздъ, въ румяной зорькѣ мая
И въ чудныхъ свѣтлыхъ снахъ взволнованной души.
Сынъ праха и небесъ! вездѣ передъ тобою
Звучитъ родной привѣтъ небеснаго отца
На тайномъ языкѣ и жаждешь безъ конца
Ты подѣлиться имъ съ родимою землею...

Л. Пальминъ.

Синтезъ ученій объ экономической политикѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного труда, посвященнаго изслѣдованію новаго движенія въ экономической наукѣ, выступающаго всего ярче въ Германіи. Разрывъ новаго движенія съ господствовавшею до послѣдняго времени Смито-Рикардовскою школою въ основныхъ научныхъ положеніяхъ неизбѣжно долженъ былъ отразиться и на доктринахъ экономической политики.

Въ виду вліянія экономическихъ доктринъ на законодательство, въ виду малаго знакомства нашей публики и значительной части газетной прессы съ новымъ движеніемъ въ политической экономіи, и, наконецъ, въ виду распространяющихся среди нашей молодежи невѣрныхъ воззрѣній на соціализмъ, часто пагубныхъ какъ для нея, такъ и для общества, теряющаго въ погибшихъ молодыхъ людяхъ честныхъ интеллигентныхъ работниковъ, я счелъ крайне полезнымъ предпринять трудъ *синтеза доктринъ теоріи экономической политики.*

ГЛАВА I.

§ 1) Возникновеніе мануфактуръ. § 2) Первые представители идеи свободы промышленности. § 3) Исходныя положенія труда Адама Смита о «Богатствѣ народовъ». § 4) Теорія народонаселенія Мальтуса. § 5) Теорія Рикардо о распредѣленіи народнаго дохода. § 6) Современное значеніе реалистической школы въ политической экономіи и ея основныя положенія.

§ 1) Въ XVI столѣтіи, цеховая организація, регулировавшая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ городскую промышленность западной Европы, становится въ противорѣчіе съ новыми экономическими условіями. Открытіе Америки и морскаго пути въ Ост-Индію, изобрѣтеніе пороху и введеніе постоянныхъ войскъ, способствовавшее усиленію центральнаго правительства и тѣмъ

самымъ охраненію права и безопасности,—все это дало сильный толчокъ развитію торговли и промышленности. Открытые новые рынки сильно увеличили спросъ на продукты; возможность сбыта въ большихъ массахъ побуждала капиталы влиться въ городскія промышленныя предпріятія. Но въ этой сферѣ дѣятельности капиталы наталкивались на цеховые законы, умышленно препятствовавшіе крупному производству; цеховые уставы ограничивали число учениковъ и ремесленниковъ, какое могъ держать отдѣльный мастеръ. Не допускаемыя въ города, новыя крупныя мануфактуры основывались въ сёлахъ, внѣ контроля стараго городскаго устройства и цеховъ.

Быстрому развитію и процвѣтанію новыхъ мануфактуръ много способствовалъ также совершавшійся въ это время переворотъ въ сельской промышленности и поземельныхъ отношеніяхъ. Сила и честолюбіе стараго феодальнаго дворянства основывались на числѣ ихъ подданныхъ; послѣднее же зависѣло отъ числа крестьянъ съ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Дворянство XVI столѣтія, какъ дитя своего времени, предпочитало деньги сохраненію старыхъ феодальныхъ отношеній. Развивавшіяся шерстяныя мануфактуры предъявляли спросъ на шерсть; цѣна на послѣднюю поднялась и лозунгомъ тогдашняго дворянства стало обращеніе пашней въ пастбища для овецъ; для чего принялись экспропріировать землю у крестьянъ. Новый толчокъ процессу экспропріаціи земли у крестьянъ былъ данъ реформаціею, сопровождавшеюся конфискаціею церковныхъ земель. Новые собственники этихъ земель прогоняли съ нихъ цѣлыми массами крестьянскія семейства, жившія здѣсь испоконъ вѣку, на правѣ феодальнаго владѣнія землею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, закономъ гарантированное право обѣднѣвшихъ крестьянъ на извѣстную часть церковной десятины было безмолвно отмѣнено. Экспропріація земли у крестьянъ, эта бѣдственная для народа операція, общая всѣмъ западно-европейскимъ государствамъ, имѣла самое обширное и продолжительное (слишкомъ 3 столѣтія) примѣненіе въ Великобританіи. Она создала современныя ненормальныя поземельныя отношенія въ этой странѣ [1]). Лишенные земель, крестьяне

[1]) Въ какой степени экспропріація, уже въ XVI столѣтіи, когда размѣръ примѣненія ея былъ меньшій, сравнительно съ дѣйствіемъ ея въ XVII и XVIII вѣкахъ, отразилась бѣдственно на народной массѣ, можно видѣть изъ сравненія сочиненій сэра Джона Фортескью, краснорѣчиво изображающаго народное благосостояніе въ XV вѣкѣ, и Томаса Моруса, писателя XVI вѣка, описывающаго, съ чувствомъ глубокаго состраданія, раззореніе крестьянъ. «Изъ

должны были искать средствъ существованія продажею своей рабочей силы. Новымъ мануфактурамъ былъ какъ нельзя болѣе выгоденъ этотъ наплывъ свободныхъ рабочихъ рукъ [2]). Онъ по-

---

золотаго вѣка, говоритъ Торнтонъ, англійскій рабочій классъ былъ низвергнутъ, безъ всякихъ переходовъ, въ желѣзный.»

Хорошее указаніе на благосостояніе народа въ XIV-омъ и XV-омъ столѣтіяхъ даютъ намъ законы противъ роскоши. «Жалобы на роскошь простаго народа въ Англіи, говоритъ профессоръ Янжулъ въ сочиненіи «Англійская свободная Торговля», начинаютъ раздаваться весьма рано; онѣ встрѣчаются уже въ хроникахъ отъ 1300 года. Но первый законодательный актъ, пространно регулировавшій роскошь, вышелъ въ 1363 году. Въ этомъ законѣ пахарямъ, пастухамъ и. т. п. рабочимъ дозволены матеріи не дороже одного шилинга за ярдъ. Со времени Эдуарда III и до половины XIX вѣка цѣнность денегъ уменьшилась въ двадцать разъ, и, такимъ образомъ, если перевести этотъ запретительный законъ на современную денежную единицу, то получится запрещеніе для пастуховъ и другихъ рабочихъ носить платья дороже 20 шилинговъ за ярдъ (7 руб. сер.). Такой высокій максимумъ дозволенной дороговизны долженъ естественно проистекать отъ значительной зажиточности лицъ, для которыхъ запрещеніе сдѣлано; въ настоящее время существованіе такого закона уже потому было бы немыслимо, что самое нарушеніе закона невозможно.

Ровно черезъ сто лѣтъ, при Эдуардѣ IV, вышелъ другой замѣчательный законъ противъ роскоши: прислугѣ было запрещено носить платье дороже двухъ шилинговъ за ярдъ; чулки—не дороже четырнадцати пенсовъ за пару и головной платокъ не долженъ былъ превышать двѣнадцати пенсовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1482 году, было найдено необходимымъ ослабить это запрещеніе, и разрѣшено носить чулки до восемнадцати пенсовъ и платки до двадцати. Вильямъ Торнтонъ, дѣлая разсчетъ тогдашней цѣны денегъ сравнительно съ теперешней, замѣчаетъ, что такого рода узаконеніе, переведенное на современную денежную единицу, равнялось бы запрещенію пахарямъ носить бархатные сюртуки и шелковые чулки, а ихъ женамъ чепчики изъ брюссельскихъ кружевъ.

Законодательные памятники того времени (напримѣръ, 24 Неп. VIII) называютъ обыкновенною пищею народа не только говядину, свинину и телятину, но и гусей, куръ, цыплятъ.

Непрерывно продолжавшаяся экспропріація земли у крестьянъ и постоянное исчезновеніе отъ конкуренціи новыхъ мануфактуръ цехового устройства, обезпечивавшаго трудъ и достаточное вознагражденіе за него, были обстоятельствами, непрерывно ухудшавшими положеніе рабочихъ классовъ. Англійскіе историки Роджерсъ и Фраудъ, на основаніи самыхъ точныхъ изслѣдованій размѣровъ заработной платы и цѣнности предметовъ необходимости, пришли къ выводу, что благосостояніе англійскаго народа, весьма высокое въ концѣ среднихъ вѣковъ, начиная съ XVI столѣтія постоянно понижалось вплоть до нашего времени.

[2]) Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершалась экспропріація уже въ XVI столѣтіи видно изъ того, что создаваемый ею пролетаріатъ не успѣвалъ быть поглощаемъ мануфактурами, не смотря на быстрый ростъ послѣднихъ.

зволялъ имъ расширять производство до размѣровъ наличнаго капитала.

Съ расширеніемъ производства удешевляется созданіе продуктовъ, а потому мануфактуры явились серьезными конкурентами цеховымъ мастерскимъ. Начинается борьба между старымъ цеховымъ устройствомъ и новыми промышленными предпріятіями. Но всѣ усилія цеховыхъ мастеровъ остановить и измѣнить естественное теченіе дѣлъ, обращенія ихъ къ правительствамъ за помощью, были тщетны. Правительства сочувствовали развитію и процвѣтанію мануфактуръ, видя въ нихъ прогрессъ національной промышленности. По мѣрѣ развитія мануфактуръ раздѣленіе труда въ производительныхъ операціяхъ выступаетъ все больше и больше, а съ тѣмъ вмѣстѣ рождается спросъ на техническія открытія, и послѣднія не медлятъ своимъ появленіемъ. Техническія изобрѣтенія, въ свою очередь, оказали громадное вліяніе на ростъ отраслей промышленности, захваченныхъ мануфактурами, на увеличеніе размѣровъ и богатства новыхъ, стоявшихъ внѣ цеховой организаціи, городовъ [3]). Это движеніе шло рука объ руку съ успѣхами внѣшней британской торговли.

§ 2) Къ концу XVII вѣка крупное производство заняло уже видное мѣсто въ англійской промышленности. Въ интересахъ его было возможное устраненіе государственной опеки надъ промышленною жизнью. И эти интересы, по мѣрѣ роста крупной промышленности, увеличенія богатства и соціальнаго значенія класса крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, находили себѣ защиту въ парламентѣ и литературѣ. Самымъ яркимъ и рѣшительнымъ представителемъ новыхъ промышленныхъ интересовъ явился Дедлей Нортъ въ сочиненіи «Discourses upon Trade principally directed to the Cases of the interest, Coinage, Clipping, increase of Money», 1691 годъ. Нортъ совершенно свободенъ отъ меркантильныхъ идей и объявляетъ всякое правительственное вмѣшательство вреднымъ для экономической

Экспропріированные, не имѣя возможности продать свою рабочую силу, обращались въ нищихъ, разбойниковъ, бродягъ. Въ теченіе всего XVI столѣтія мы видимъ во всей западной Европѣ драконовскіе законы противъ бродяжничества (Плеть, клейменіе, отрѣзываніе ушей, смертная казнь при поимкѣ въ третій разъ). Предполагалось, что всѣ эти нищіе и бродяги шатаются не потому, что не могутъ найти работу вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, а не желаютъ работать.

[3]) Бирмингамъ, Манчестеръ и многіе другіе города такого же значенія выросли изъ мануфактуры.

дѣятельности народа. Въ этомъ отношеніи онъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ рѣшительнымъ фритредеромъ и предшественникомъ Адама Смита [4]). Приведемъ нѣкоторыя резюме самого автора.

«Весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, а всѣ отдѣльныя націи—все равно какъ индивиды одного народа».

«Потеря торговли одной націи не составляетъ несчастіе только для нея одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ общими интересами».

«Не можетъ существовать торговли невыгодной для народа, ибо если-бы таковая оказалась, люди ее оставили бы; а гдѣ торговцы (промышленники) преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго они составляютъ часть, также преуспѣваетъ.

«Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо что̀ дается одному подданному, то берется у другаго».

«Никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣны въ торговлѣ; послѣднія должны устанавливаться сами. А если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли большую помѣху и заслуживаютъ осужденія» и т. д. Нортъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими замѣчательными словами:—

«Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только *миръ*, *трудолюбіе и свобода* создали торговлю и богатство».

Весь періодъ времени до появленія книги Адама Смита можно назвать переходнымъ: старыя меркантильныя понятія имѣли еще значительное приложеніе на практикѣ и находили себѣ представителей въ теоріи; новыя воззрѣнія, впервые рѣшительно заявленныя Нортомъ, все болѣе разрабатывались и распространялись, хотя еще не сдѣлались господствующими. Самыми крупными представителями новыхъ воззрѣній въ эту переходную эпоху являются Давидъ Юмъ, Джосуа Токкеръ и Адамъ Фергюсонъ. Основной характеръ воззрѣній этихъ писателей заключается въ апологіи расширявшейся тогда индустріи и торговли и въ порицаніи всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь

---

[4]) Считаю долгомъ замѣтить, что, говоря объ англійскихъ предшественникахъ Адама Смита, я пользуюсь сочиненіемъ профессора Янжула «Англійская Свободная Торговля» т. I.

общества,—всякихъ препонъ частной дѣятельности въ торговлѣ и промышленности. Считая увеличеніе абсолютнаго богатства страны тожественныхъ съ умноженіемъ народнаго благосостоянія, они, съ самыми лучшими намѣреніями, защищали все, что, по ихъ мнѣнію, вело къ процвѣтанію торговли и промышленности и важнѣйшее условіе такого процвѣтанія видѣли въ устраненіи регламентаціи экономической дѣятельности. Токкеръ опровергаетъ, какъ предразсудокъ, что бѣдныя націи будто бы естественные враги богатыхъ націй. «Такъ какъ бѣдныя страны, говоритъ онъ, не могутъ конккурировать съ богатыми по недостатку капитала и искусства, то имъ выгоднѣе заниматься производствомъ сырыхъ продуктовъ, а богатымъ націямъ предоставить мануфактуру. *Между народами не существуетъ никакого антагонизма интересовъ*, а, напротивъ, господствуютъ согласіе, гармонія».

«Интересы отдѣльныхъ лицъ, по мнѣнію Фергюсона, весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣльные классы, особенно промышленный, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности у гражданъ.» Фергюсонъ защищаетъ принципъ свободной экономической дѣятельности почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ позднѣе защищалъ ее и Адамъ Смитъ. «Торговля, говоритъ онъ, есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на неправый путь».

Всѣ эти идеи вполнѣ соотвѣтствовали экономическимъ условіямъ Англіи того времени. Англія въ промышленномъ развитіи опередила другія государства; иностранная конккуренція становилась для нея неопасной; между тѣмъ, господствовавшая во всей Европѣ строгая запретительная система вредила расширенію британскихъ рынковъ Вмѣстѣ съ тѣмъ внутренняя экономическая политика, вмѣшательство закона въ процессъ производства, различныя таксы, также стѣсняли ростъ мануфактуръ. Между тѣмъ, въ это время уже явились великія изобрѣтенія Аркрайта, Уатта, Корта и другихъ, дававшія новыя силы мануфактурному производству и сулившія большіе барыши. Понятно, при такомъ положеніи дѣлъ, идеи свободной торговли и промышленности быстро распространялись въ англійскомъ обществѣ; усиливалось сознаніе необходимости реформы экономическаго законо-

дательства и чувствовалась потребность систематизированія новыхъ экономическихъ идей и обоснованія ихъ. Отвѣтомъ на эту потребность явилось въ свѣтъ 1776 г. геніальное сочиненіе Адама Смита о «Богатствѣ народовъ».

Англія и Франція, до настоящаго времени, шли, по пути накопленія матеріальныхъ и умственныхъ богатствъ [5]), впереди другихъ государствъ и своимъ историческимъ ходомъ развитія оказывали значительное вліяніе на другія страны. Новыя экономическія теченія, которыя мы видѣли въ Англіи, имѣли мѣсто и во Франціи, но достигли здѣсь своей зрѣлости позднѣе, а потому и идеи свободной торговли и промышленности являются во Франціи лишь спустя 60 лѣтъ послѣ появленія ихъ въ Англіи.

Идея объ устраненіи вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и о водвореніи свободы торговли и промышленности была провозглашена во Франціи одновременно нѣсколькими мыслителями, составлявшими тѣсно сплоченный кружокъ, центромъ котораго былъ Кене, докторъ Людовика XV. Этотъ кружокъ раздѣлялъ доктрины господствовавшей тогда во Франціи раціоналистической философіи. По ученію раціоналистической философіи, для соціальной жизни данъ «*неизмѣнною*» природою человѣка и ея отношеніями къ внѣшнему міру такой же «*естественный*» порядокъ вещей, *стоящій внѣ условій времени и пространства*, какой существуетъ для физической природы. И только та-

---

[5]) Накопленіе матеріальнаго и умственнаго богатства, обыкновенно, называютъ прогрессомъ. Но такое употребленіе слова прогрессъ вѣрно только въ ограниченномъ смыслѣ. Понятіе о прогрессѣ въ примѣненіи къ соціальнымъ явленіямъ есть понятіе телеологическое, оно заключаетъ въ себѣ идею о человѣческомъ счастіи. А потому, только тѣ измѣненія можно считать прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся къ возвышенію человѣческаго счастія. Накопленіе богатства въ странѣ можетъ происходить на счетъ обѣдненія народа. Исторія Великобританіи лучшій примѣръ этому. Къ подобному накопленію національнаго богатства слово прогрессъ неприложимо.

Считая понятіе прогресса телеологическимъ, мы не можемъ согласиться со Спенсеромъ, отожествляющимъ его съ «Закономъ развитія». Не можемъ согласиться, во первыхъ, потому, что слово прогрессъ, какъ заключающее въ себѣ телеологическую идею, примѣнимо только къ явленіямъ человѣческой жизни; во—вторыхъ, поступательный ходъ развитія обществъ можетъ совершиться на счетъ благосостоянія большинства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что «законъ развитія человѣчества», какъ его понимаетъ Спенсеръ, вполнѣ опровергается *смысломъ новой эпохи* человѣческихъ судебъ, рѣшительно выступившей съ конца прошедшаго столѣтія. Духовная, политическая и экономическая эмансипація, всестороннее развитіе индивидума, составляютъ принципіальный смыслъ новой эпохи.

кія мѣры правительства, которыя сообразуются съ этимъ порядкомъ, достигаютъ предположенной цѣли и приносятъ благо. Изъ такого взгляда на природу соціальныхъ отношеній самъ собою вытекалъ взглядъ и на задачу общественной науки. Задача науки состоитъ въ разъясненіи «*абсолютнаго*» порядка, установленнаго природою для человѣческихъ обществъ. Эта школа изслѣдователей естественнаго, абсолютнаго порядка вещей, названная поэтому *физіократическою*, первая дала наукѣ объ общественной жизни названіе политической экономіи. По воззрѣніямъ физіократовъ, возстановленіе господства *естественнаго, идеальнаго порядка вещей* въ народномъ хозяйствѣ требовало неограниченной свободы частнаго интереса, такъ какъ человѣкъ, руководимый своею личною выгодою, будетъ дѣйствовать въ то же время и для блага общества. Одинъ изъ представителей этой школы, Гурнэ, обращаясь къ королевскимъ министрамъ, говорилъ: «наилучшее, что вы можете сдѣлать для поднятія народнаго хозяйства, это предоставить людямъ полную свободу въ ихъ экономическихъ отношеніяхъ (laissez faire, laissez passer).» Разсказываютъ, что Кене на вопросъ дофина:—что онъ сталъ бы дѣлать, если бы былъ королемъ? отвѣчалъ:—«Ничего». Такой взглядъ на задачу государства, на отношеніе его къ народной жизни объясняется, съ одной стороны, реакціею противъ дѣйствительно существовавшей въ то время стѣснительной и вредной регламентаціи народной жизни; но, съ другой стороны, это ученіе было результатомъ новыхъ теченій жизни, получившихъ въ то время громадное значеніе въ дѣйствительности; это ученіе, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало интересамъ крупной промышленности, капиталу, обогатившейся буржуазіи.

Такъ какъ изъ ученія физіократовъ объ экономической свободѣ логически вытекало требованіе уничтоженія всѣхъ экономическихъ привиллегій и, между прочимъ, уничтоженія цеховъ и остатковъ феодальныхъ отношеній въ поземельной собственности, то это ученіе получило политическій характеръ. Въ то же время, политическія теоріи французскихъ писателей, выставившія на своемъ знамени политическую свободу и равенство правъ гражданъ (слѣдовательно, уничтоженіе привиллегій), тѣмъ самымъ затрогивали экономическій порядокъ вещей. Такимъ образомъ, экономическія и политическія реформаторскія идеи взаимно переплетались [6]). Экономическій и политическій порядокъ сдѣлались

[6]) Причину отсутствія прямыхъ политическихъ тенденцій у англійскихъ

предметомъ возбужденной литературной борьбы. Самымъ могучимъ представителемъ раціоналистическихъ, политическихъ идей этой эпохи былъ Руссо. «Нѣтъ имени, говоритъ профессоръ Блунчли, которое въ то время сіяло бы болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ имя женевскаго гражданина—Жанъ-Жака Руссо, и нѣтъ сочиненій, которыя въ большей мѣрѣ были бы почитаемы тогда *новымъ евангеліемъ*, «чѣмъ сочиненія Руссо».... «Кто знаетъ

экономистовъ новой школы XVIII столѣтія слѣдуетъ видѣть, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Англія уже давно пользовалась широкою политическою свободою, а среднее сословіе правомъ представительства. Во Франціи XVIII вѣка среднее сословіе богатствомъ и образованіемъ опередило привилегированные классы—дворянство и духовенство; между тѣмъ, юридически, по закону, оно пользовалось самыми ничтожными политическими правами. Эту мысль и высказалъ за годъ передъ французскою революціею Сіэйсъ въ своей знаменитой пророческой формулѣ:—«Что такое третье сословіе? Все. Чѣмъ оно было до сихъ поръ? Ничѣмъ. Чего требуетъ оно? Быть чѣмъ нибудь».

Лассаль мѣтко замѣчаетъ, что французская революція перенесла на бумагу то, что совершилось въ дѣйствительности.

Третье сословіе, уже во время царствованія Людовика XIV, достигло такого значенія, что исторіографъ этого сословія—Огюстенъ-Тьерри считаетъ замѣчательнѣйшимъ дѣломъ этой эпохи сближеніе и смѣшеніе сословій. Замкнутость дворянства рушилась; оно стало служить при дворѣ и въ войскѣ, хотя въ обоихъ случаяхъ почести и заслуги основаны были не на рожденіи, а на личныхъ достоинствахъ. Маршалы, изъ какого бы они ни были сословія, стояли выше герцоговъ; министры, вышедшіе изъ третьяго сословія, признавали выше себя только принцевъ крови; жены ихъ приглашались къ королевскому столу. Производство въ арміи основано было не на происхожденіи, а на очереди, по старшинству, либо за дѣйствительное отличіе по службѣ. Лица средняго класса, благодаря своему образованію и способностямъ, занимали высшія правительственныя мѣста и оказывали вліяніе на ходъ дѣлъ. Saint-Simon въ своихъ мемуарахъ называетъ царствованіе Людовика XIV *царствованіемъ подлой буржуазіи*,—слова, имѣющія глубокій смыслъ и доказывающія переворотъ, случившійся со времени Ришелье и Фронды.

По мѣрѣ того, какъ низводилось дворянство, возвышалось вліяніе среднихъ классовъ. Отъ нихъ исходило матеріальное и умственное развитіе. Вмѣстѣ съ возрастающимъ ихъ вліяніемъ росло и довѣріе къ нимъ. Явленіе это поразило моралиста того времени, Лабрюэра, который постоянно повторялъ, что между тѣмъ какъ работа кипитъ въ рукахъ дѣятельныхъ низшихъ сословій, высшее дворянство погружается все болѣе въ лѣнивую дремоту. Почти всѣ министры той эпохи, многія знаменитости на военномъ поприщѣ, а на ученомъ и литературномъ рѣшительно всѣ, за исключеніемъ трехъ, вышли изъ буржуазіи:—Корнель, Паскаль, Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Буало, Боссюетъ, Бурдалу, Флешье, Массильонъ, Лабрюэръ, Арно, Николь, Дома; артисты: Пуссенъ, Лезюеръ, Лорренъ, Шампань, Лебренъ, Пюже. Три имени составляютъ исключеніе:—Фенелонъ, Ларошфуко и M-me де-Севинье.

сочиненія Руссо, тотъ имѣетъ ключъ къ *государственной теоріи французской революціи*». Огненною рѣчью громилъ Руссо обветшалые принципы средневѣковой эпохи и провозглашалъ новыя формы государственной жизни. Сочиненія его представляли страстный памфлетъ противъ существовавшаго общественнаго порядка, вдохновлявшій сердца и воспламенявшій умы. Въ основѣ всѣхъ воззрѣній и требованій Руссо лежитъ стремленіе осуществить верховную власть народа, свободу и равенство гражданъ. «Искусственное, нравственное неравенство, говоритъ Руссо, установленное лишь положительнымъ правомъ, *противно естественному праву* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не находится въ должномъ соотношеніи съ *физическимъ*, то-есть, *естественнымъ* неравенствомъ,—отличіе, достаточно опредѣляющее, что̀ должно думать о господствующемъ повсюду у цивилизованныхъ народовъ неравенствѣ; ибо, очевидно, это идетъ въ разрѣзъ съ природою, какъ бы ее ни объясняли, чтобы дитя давало приказы старцу, чтобы глупецъ властвовалъ надъ мудрецомъ, и чтобы кучка людей утопала въ избыткѣ, между тѣмъ какъ голодная толпа нуждается въ необходимомъ».

Ученія физіократовъ и Руссо стали дѣломъ во фраяцузскую революцію [7]). Революціонное законодательство вѣрило, что осу-

---

[7]) Въ 8 № Критическаго Обозрѣнія, г. Евгеній де-Роберти указываетъ на интересный историко-философскій этюдъ DuDost въ Revue de la philosophie positive, t. XIX, озаглавленный: «Дантонъ и современная политика.»— «Авторъ, говоритъ Г-нъ де-Роберти, задается цѣлью всесторонне освѣтить, если не личность Дантона, о которомъ, какъ и о всѣхъ крупныхъ дѣятеляхъ великой революціи, написаны сотни томовъ, то, по крайней мѣрѣ, его политику, его стремленія, его общественные идеалы. Дантона авторъ признаетъ родоначальникомъ и самымъ видпымъ представителемъ современной политической школы, нашедшей себѣ выраженіе, между прочимъ, въ такъ называемомъ опортунизмѣ. Такимъ образомъ, устанавливается какъ бы прямая филіація въ руководящихъ идеяхъ, замыслахъ и способахъ выполненія ихъ, между знаменитымъ трибуномъ первой республики и вождемъ нынѣшнихъ французскихъ республиканцевъ. Дантонъ уже замышлялъ то, что̀ суждено было осуществить, восемьдесять лѣтъ спустя, Гамбеттѣ и его единомышленникамъ.....Въ эпоху первой революціи, три философскія школы могли прямо вліять на общество и политику: школа Вольтера, школа Руссо и школа Дидро или энциклопедистовъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова; и каждое изъ этихъ направленій, дѣйствительно, наложило неизгладимую печать на событія того времени. Но вліяніе ихъ было весьма неравное; идеи Руссо преобладали, идеи Вольтера имѣли многочисленныхъ сторонниковъ (жирондисты и ихъ пріемники); а мнѣнія и взгляды Дидро находили только слабый отголосокъ (группа дантонистовъ). Дюбо объясняетъ это явленіе тѣмъ, что масса умовъ, воспитанныхъ на теологическихъ и ме-

ществить идеи свободы, равенства и общаго матеріальнаго благосостоянія путемъ отмѣны юридическихъ привиллегій и установленіемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, учрежденіемъ республиканской формы правленія, покоющейся на принципѣ верховныхъ правъ народа, установленіемъ возможно широкой политической свободы, объявленіемъ свободы труда, торговли, собственности. Благороднѣйшія стремленія и вѣрованія эти не осуществились, и въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ причины этой неудачи.

тафизическихъ доктринахъ, должна была, очевидно, примкнуть къ направленіямъ, которыя были наиболѣе близки, по своему духу и пріемамъ, къ этимъ доктринамъ. Направленія эти открыто проповѣдывали возможность мгновеннаго возрожденія общества, и масса послушно шла за магами и чудодѣями, обѣщавшими ей такія превращенія. Отличительною чертою школы Дидро и ея представителей въ политикѣ, группы дантонистовъ, было то, что они никогда не раздѣляли этихъ иллюзій и дѣлали все, что могли, чтобы разсѣять ихъ, отрезвить умы, пріучить общество къ пониманію истинныхъ условій роста и развитія соціальныхъ организмовъ. Школа Дидро не выставляла въ политикѣ никакой общей, непогрѣшимой доктрины; она защищала права эмпиризма, повседневнаго опыта, она совѣтовала неустанно трудиться и пользоваться уроками событій. Дантонъ, по мнѣнію Дюбо, былъ проникнутъ именно такимъ взглядомъ, и его политика оказала революціи величайшія услуги; лучшія мѣры того времени были приняты по его почину; задачи революціи—уничтоженіе королевской власти и защита территоріи—были разрѣшены чисто эмпирическимъ путемъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ обстоятельствъ, т. е. вполнѣ согласно съ принципами, руководившими политикой Дантона. Но торжество политики эмпиризма было, какъ извѣстно, недолгое; абсолютныя доктрины господствовали надъ умами, и потребовалось цѣлыхъ три четверти столѣтія, чтобы воочію доказать полнѣйшую несостоятельность этого направленія. Исторія республиканской партіи во Франціи, съ самаго паденія первой республики и до нашихъ дней, прямо свидѣтельствуетъ о господствѣ въ этотъ долгій періодъ времени метафизическаго умственнаго строя—la mentalité métaphisique; республиканцы слѣдовали традиціямъ жирондистовъ, робеспьеристовъ, гебертистовъ; но никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ даже, что у Дантона и его группы была какая-либо своя, отличная отъ другихъ, политика, и, въ особенности, что эта политика была слѣдствіемъ философіи, діаметрально противоположной господствовавшимъ въ эпоху первой революціи философскимъ понятіямъ. Дантоновская политика была затерта великимъ революціоннымъ теченіемъ, приведшимъ Францію къ 18 Брюмера; но то же случилось, въ мірѣ философіи, и съ школою Дидро, которая вскорѣ перестала быть извѣстной иначе, какъ только съ литературной и художественной сторонъ своихъ. Энциклопедическая школа, прямо объявлявшая себя безсильною разрѣшить задачу соціальнаго возрожденія, не могла представлять никакого интереса для умовъ, насквозь пропитанныхъ теолого-метафизическими стремленіями. Но зато школа эта, основанная исключительно на положительномъ знаніи, незамѣтно обогащалась всѣми успѣхами этого знанія; она одна между всѣми философ-

Теоріи французскихъ философовъ XVIII вѣка, касавшіяся важнѣйшихъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ работаетъ человѣческій умъ, оказали громадное вліяніе на движеніе мысли во всемъ образованномъ европейскомъ обществѣ. Профессоръ Глазговскаго университета Адамъ Смитъ страстно желалъ лично познакомиться съ кружкомъ физіократовъ и это желаніе ему удалось осуществить во вторую свою поѣздку въ Францію въ 1765 г. Ниже мы увидимъ, какое сильное вліяніе оказало на міросозерцаніе Адама Смита его тринадцати-мѣсячное пребываніе въ кружкѣ Гельвеціуса, Кенэ и Тюрго. По возвращеніи на родину, Адамъ Смитъ поселился въ Киркальди и въ сельскомъ уединеніи неутомимо работалъ, въ теченіе 10 лѣтъ, надъ «Богатствомъ Народовъ». Весьма знаменательный фактъ, могущій случаться только съ творцами апріористическихъ теорій, что на Адама Смита временами находило сомнѣніе въ истинности его научныхъ убѣжденій, и отсюда—апатія къ своему труду. Въ это тяжелое время, Юмъ поддерживалъ и ободрялъ своего друга. «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» вышло въ 1776 году и въ первое время далеко не произвело того впечатлѣнія, какъ предыдущее сочиненіе Смита — «Теорія нравственныхъ чувствъ»; только спустя нѣсколько лѣтъ было понято все значеніе этого труда.

Для нашей цѣли нѣтъ надобности излагать содержаніе «Бо-

скими направленіями XVIII вѣка сохранила способность къ дальнѣйшему росту и развитію. Школы Вольтера и Руссо, не смотря на возбужденную ихъ политическими представителями шумиху фразъ и трескотню событій, остались такими же, какими онѣ были при самомъ возникновеніи своемъ. Напротивъ того, казавшаяся забытою всѣми школа Дидро въ тотъ же промежутокъ времени испытала полное перерожденіе или обновленіе. Вначалѣ горизонтъ энциклопедической доктрины былъ такъ же ограниченъ, какъ горизонтъ науки. Съ перваго дня своего существованія она согласилась оставаться незначительною, отрывочною. Она не стремилась ни къ невидимому, ни къ недоступному. Она отталкивала отъ себя абсолютное и утверждала относительное. Школа ея не менѣе другихъ чувствовала и понимала необходимость общей доктрины или синтеза. Но она терпѣливо ждала того времени, когда наука могла доставить ей всѣ нужные для такого обобщенія элементы. Вотъ почему она оказалась способною прогрессировать и, дѣйствительно, ушла впередъ. Обновленіе это принесла философія положительнаго знанія, которая, какъ общій синтезъ, обнимающій все познаваемое путемъ объективнымъ, стала возможна лишь послѣ включенія въ научную сумму двухъ наиболѣе близко касающихся человѣка и наиболѣе интересныхъ для него слагаемыхъ—науки о жизни, біологіи, и науки объ обществѣ, соціологіи.

гатства народовъ», а достаточно указать исходныя точки зрѣнія, послужившія основою этого сочиненія.

§§ 3. Ученія Руссо и физіократовъ о существованіи *«естественныхъ законовъ»* человѣческаго общества, покоющихся на природѣ человѣка и ея неизмѣнныхъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру,—законовъ, одинаково приложимыхъ ко всякому народу и времени, слѣдовательно, *абсолютныхъ*, но искажаемыхъ ложно направляемыми правительственными учрежденіями, получили значеніе краеугольнаго камня въ экономической теоріи Смита [8]). Чтобы осуществить этотъ *наилучшій, естественный* общественный порядокъ, надо только предоставить полную свободу проявленіямъ человѣческой природы, которая предполагалась у всѣхъ людей *одинаковою* и *неизмѣнною*. Природа человѣка противопоставлялась искуственности всего общественнаго быта, какъ самородный, неизсякаемый источникъ разума и всякаго блага. «*Все прекрасно,* говорилъ Ж. Ж. Руссо, *что исходитъ изъ рукъ Творца, все искажается въ рукахъ человѣка*». Кондорсе училъ, что еслибы человѣкъ повиновался законамъ природы, то нельзя было бы положить границъ развитію его благоденствія. Отсюда сами собою вытекали теоріи прирожденныхъ правъ, общественнаго договора, суверенитета народа, устраненія всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и водворенія неограниченной свободы борьбы личныхъ интересовъ. За государствомъ оставлялась только одна охранительная функція:—защита внутренней и внѣшней безопасности и выполненіе правосудія.

Идея о возможно большемъ ограниченіи дѣятельности государства была логическимъ слѣдствіемъ борьбы XVIII вѣка противъ произвола абсолютизма и привиллегій феодальнаго порядка. Но нигдѣ эта борьба не проявлялась съ такою страстностью, нигдѣ она не была доведена до такихъ крайностей, какъ во Франціи. Фактъ этотъ, очевидно, объясняется положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ. Ни въ одной странѣ произволъ, привиллегіи и мо-

[8]) Изъ очерка, оставшагося отъ предположенной Смитомъ, но не приведенной въ исполненіе, «Исторіи юриспруденціи», видимъ его намѣреніе изложить теорію *естественной* юриспруденціи. Каждая система положительнаго закона, говоритъ Смитъ въ этомъ очеркѣ, можетъ быть разсматриваема, какъ болѣе или менѣе несовершенная попытка приближенія къ системѣ *естественной* юриспруденціи, и главная цѣль юридическаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы узнать *естественныя* правила правосудія, независимыя отъ всѣхъ положительныхъ установленій.

нополіи не были такъ нестерпимы, какъ во Франціи. Французское правительство XVIII вѣка управляло страною несравненно хуже правительствъ другихъ народовъ. Никогда и нигдѣ авторитетъ правительства не подвергался такому злословію, пасквилямъ, какъ во времена правленія Людовиковъ XV и XVI. Никогда привиллегированные классы не пользовались болѣе гнуснымъ образомъ своими привиллегіями, нигдѣ раззореніе народа не было доведено до такой ужасной степени, какъ въ тогдашней Франціи. Чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ правительства, привиллегій обветшалаго законодательства, тѣмъ съ большею страстностью проповѣдывались идеи свободы, равенства и невмѣшательства государства.

Признавая наилучшимъ общественнымъ порядкомъ «естественный строй вещей», Ад. Смитъ, согласно съ физіократами, считалъ важнѣйшею задачею общественной науки—раскрытіе этого естественнаго порядка, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Цѣлью труда Смита было не объясненіе прошедшаго, настоящаго и вытекающихъ изъ настоящаго указаній ближайшаго будущаго экономическаго строя,—въ прошедшихъ и настоящихъ народнохозяйственныхъ организаціяхъ онъ видѣлъ лишь нелѣпую регламентацію, порожденную, съ одной стороны, невѣжествомъ, непониманіемъ истинныхъ причинъ наростанія національнаго богатства и благосостоянія, съ другой, стремленіемъ господствующихъ классовъ къ эксплоатаціи;—цѣлью его труда было построеніе теоріи наилучшаго, абсолютнаго экономическаго порядка,—порядка, долженствующаго еще быть осуществленнымъ. И если теорія Смита въ скоромъ времени, дѣйствительно, въ значительной степени осуществилась, особенно въ Англіи и Франціи, то потому, что она соотвѣтствовала духу времени, интересамъ промышленнаго и торговаго классовъ, получившихъ къ концу XVIII вѣка господствующее вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Первое требованіе естественнаго порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ, по ученію Смита, состоитъ въ невмѣшательствѣ государства въ экономическую дѣятельность и въ предоставленіи ея волѣ индивидумовъ. Съ устраненіемъ вмѣшательства государства, народное хозяйство цѣликомъ переходитъ въ руки частныхъ хозяйствъ; почему теорія Смита занимается исключительно изслѣдованіемъ:—*какую организацію приметъ народное хозяйство, предоставленное свободной дѣятельности частныхъ хозяйствъ*. Очевидно, первый вопросъ въ этомъ изслѣдованіи:—чѣмъ руководится человѣкъ, будучи совершенно свобо-

денъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ? Хозяйственныя дѣйствія человѣка находятся подъ вліяніемъ многихъ мотивовъ. Но Смитъ счелъ возможнымъ выдѣлить изъ нихъ господствующій, именно стремленіе человѣка извлечь изъ своей хозяйственной дѣятельности возможно бо̀льшую сумму средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ мѣновомъ хозяйствѣ, — а современное хозяйство есть почти всецѣло мѣновое,—стремленіе извлечь возможо бо̀льшую выгоду проявляется въ томъ, что всѣ желаютъ продать, какъ можно дороже—и купить, какъ можно дешевле. Въ своемъ сочиненіи Смитъ, исключительно, имѣетъ въ виду это эгоистическое стремленіе человѣческой природы и выводитъ изъ него всѣ хозяйственныя явленія [9]). Далѣе, господство эгоизма въ

---

[9]) Профессоръ Брентано усматриваетъ въ этомъ пріемѣ изслѣдованія Смитомъ хозяйственныхъ явленій вліяніе на него воззрѣній Гельвеція, высказанныхъ послѣднимъ въ книгѣ «De l'esprit.» Извѣстно, говоритъ Брентано, что Ад. Смитъ издалъ въ свѣтъ въ 1759 г. «Теорію нравственныхъ чувствъ,» гдѣ, между прочимъ, говорится:—«То объясненіе человѣческой природы, которое выводитъ всѣ чувства и склонности изъ себялюбія, надѣлавшее столь много шума, и которое, однако, по моему убѣжденію, еще никогда не было обстоятельно изслѣдовано, кажется мнѣ происходящимъ изъ неяснаго пониманія системы симпатіи.»—«Въ изслѣдованіи же о «Богатствѣ народовъ,» Смитъ раздѣляетъ вполнѣ взгляды книги Гельвеція о природѣ человѣка и объ эгоизмѣ, какъ единственной побудительной причинѣ человѣческихъ поступковъ. Слѣдствія, вытекающія изъ этой догмы, проходятъ почти чрезъ всѣ части сочиненія. До такой степени представлялся ему эгоизмъ, какъ единственно возможное побужденіе человѣческихъ поступковъ, что онъ, по поводу извѣстнаго постановленія квакеровъ въ Пенсильваніи, даровавшаго свободу рабамъ и вытекшаго изъ религіозныхъ мотивовъ, пишетъ слѣдующее:»—это постановленіе можетъ насъ убѣдить, что число рабовъ не могло быть очень велико; обработывай рабы значительную часть ихъ собственности, подобное рѣшеніе никогда не могло бы быть принято.» (Das Arbeitsverhältniss. v. Brentano. 1877).

Приведенный Брентано примѣръ объясненія Смитомъ рѣшенія квакеровъ дѣйствительно разительный; но едва-ли ему можно приписать значеніе рѣшающаго доказательства, что Смитъ, подъ вліяніемъ воззрѣній Гельвеція, отказался отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ «Theory of Moral Sentiments.» Дѣло въ томъ, что наблюденія дѣйствительности не могли не привести Смита къ выводу, что̀ люди, въ своихъ частно-хозяйственныхъ дѣлахъ, руководятся почти исключительно личнымъ интересомъ; а такъ какъ его теорія ограничивается изслѣдованіемъ системы частныхъ хозяйствъ, то онъ, не дѣлая большой ошибки и въ то же время значительно упрощая изслѣдованіе, могъ принять эгоизмъ за единственный двигатель поступковъ въ частно-хозяйственной сферѣ. Примѣненіе Смитомъ психологической дедукціи къ изслѣдованію частно-хозяйственныхъ явленій было не только вполнѣ возможно, но и плодотворно. Главная масса открытій, которыми онъ обогатилъ науку, составляетъ результатъ примѣненія дедуктивнаго метода. Смитъ уединялъ изслѣдуемое яв-

частно-хозяйственной сферѣ Смитъ разсматриваетъ не только какъ фактъ, но и какъ единственную силу, могущую, при условіи полной свободы, осуществить наилучшій экономическій порядокъ. «Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала; правда, онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества... Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если-бы задался такою цѣлью.» *Такимъ образомъ значеніе эгоизма возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ, и частные индивидуальные интересы отожествляются съ интересами общества.* Сквозь все сочиненіе Смита проходитъ мысль, что, при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конккуренціей, сами собою разовьются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатствъ; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Эта вѣра въ благіе результаты эгоизма представляетъ собою частный выводъ изъ присущаго французской литературѣ XVIII

леніе отъ разныхъ, болѣе чѣмъ второстепенныхъ, вліяній и разсматривалъ, какъ сложится это явленіе подъ вліяніемъ господствующей причины. Результатъ, полученный такимъ образомъ, будетъ имѣть въ общемъ характерѣ большое сходство съ дѣйствительностью. Примѣненная Смитомъ дедукція близко подходитъ къ статистическому методу среднихъ чиселъ. Дедуктивный методъ, не приложимый къ объясненію народнаго хозяйства въ его цѣломъ,—что составляетъ предметъ изслѣдованій новѣйшей школы политической экономіи, — вполнѣ примѣнимъ къ изслѣдованію системы частныхъ хозяйствъ. Намъ кажется, что именно это обстоятельство упускалось и упускается изъ виду экономистами, дѣлающими Ад. Смиту упрекъ за примѣненіе имъ дедуктивнаго метода.

Другое дѣло оптимистическій взглядъ Смита на характеръ хозяйственныхъ явленій, руководимыхъ эгоизмомъ при системѣ свободной конккуренціи! По недостатку статистическаго матеріала, Смитъ не могъ употребить «обратно дедуктивнаго методъ» и увидѣть ошибочность своего оптимизма.

вѣка преклоненія предъ человѣческою природою, которая, предполагалось, освобожденная отъ внѣшнихъ преградъ для своего проявленія, ведетъ, какъ отдѣльное лицо, такъ и цѣлое общество къ желаемому благосостоянію. Но помимо вліянія на Ад. Смита воззрѣній Руссо и физіократовъ, «существуетъ, говоритъ профессоръ Янжулъ, [10]) еще другой, чисто личный факторъ, который доставилъ пищу абстрактнымъ построеніямъ Смита о благодѣтельномъ, справедливомъ и естественномъ экономическомъ порядкѣ, который долженъ водвориться на землѣ, благодаря свободному дѣйствію индивидуальныхъ интересовъ. Мы разумѣемъ здѣсь то вліяніе, которое оказала на идеи Смита теологія. Законы природы, которые управляютъ человѣческимъ общежитіемъ, являются у него выраженіемъ воли Провидѣнія, которая премудро направляетъ людей къ наивозможно бо̀льшему на землѣ счастію. Эти законы дѣлаются для Смита предметомъ вѣры, и начала человѣческой природы, предоставленныя ихъ естественнымъ влеченіямъ, могутъ привести только къ самому благодѣтельному развитію всѣхъ способностей человѣка. При такой постановкѣ вопроса, становится излишней человѣческая забота о наилучшемъ назначеніи матеріальныхъ цѣнностей и ихъ распредѣленіи: человѣческое законодательство безполезно тамъ, гдѣ прямо проявляется воля Провидѣнія, ведущая людей къ наилучшему обезпеченію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Мы видѣли уже образецъ этой стороны воззрѣній А. Смита:—«Человѣкъ, по его словамъ, дѣйствуетъ исключительно для своего интереса, нисколько не заботясь объ общественномъ благѣ, а только о своей наибольшей выгодѣ, въ дѣйствительности, однако, служитъ ближайшимъ пользамъ всего общества; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ ведется *невидимой рукой* къ цѣли, которая вовсе не была въ предѣлахъ его намѣренія». Одинаковая мысль повторяется Смитомъ и въ его «теоріи нравственныхъ чувствъ», которая составляетъ необходимое дополненіе къ «изслѣдованію богатства народовъ». «Продукты почвы, говоритъ онъ здѣсь, во всякое время содержатъ то количество жителей, которое они способны содержать. Богатые выбираютъ только изъ массы продуктовъ то, что есть самаго драгоцѣннаго и пріятнаго. Они употребляютъ немного болѣе, нежели бѣдные, не смотря на естественное себялюбіе и жадность; хотя они думаютъ при томъ только о собственныхъ удобствахъ, хотя ихъ единственная

[10]) Англ. Своб. Торговля. ст. 168.

цѣль, для которой они пользуются трудами всѣхъ тысячъ людей, употребляемыхъ ими въ работу, чтобы удовлетворять свои тщеславныя и ненасытныя желанія,—не смотря на все это, однимъ словомъ, они раздѣляютъ съ бѣдными продукты всѣхъ своихъ успѣховъ. Они ведутся *невидимой рукой* къ тому, чтобы произвести почти то же распредѣленіе необходимостей жизни, которое могло бы быть сдѣлано, еслибы вся земля была раздѣлена на равныя доли между всѣми жителями, и, такимъ образомъ, безъ намѣренія и безъ сознанія, они двигаютъ впередъ интересы общества и доставляютъ средства къ размноженію человѣчества. Когда Провидѣніе раздѣлило всю землю между немногими владѣльцами, оно не забыло и не покинуло тѣхъ, которые, повидимому, остались внѣ этого раздѣла». Такимъ путемъ, подъ вліяніемъ естественнаго права и теологическихъ представленій, сложилось у Смита убѣжденіе въ томъ, что, по естественному закону, индивидуальные интересы гармонируютъ съ общественными.

Вышеизложенное показываетъ, что основныя положенія теоріи Ад. Смита состоятъ:—1) *въ признаніи естественнаго, абсолютнаго экономическаго порядка,* 2) *въ устраненіи активной дѣятельности государства и отсюда—ограниченіе народнаго хозяйства системою частныхъ хозяйствъ,* 3) *въ возвеличеніи эгоизма до значенія основнаго принципа народнаго хозяйства и отсюда—отожествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общественными и почти исключительное пользованіе при изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій дедуктивнымъ методомъ.*

Сочиненіе Ад. Смита, систематизировавшее передовыя экономическія идеи и притомъ изложившее ихъ съ замѣчательной ясностью и убѣдительной аргументаціей, оказало сильное вліяніе на законодательство и, такимъ образомъ, ускорило «*либеральный*» ходъ развитія экономическихъ фактовъ. Теорія Смита сдѣлалась вскорѣ почти аксіомой для государственныхъ людей, и если не проводилась ими немедленно въ жизнь во всей ея полнотѣ и послѣдовательности, то только потому, что находили нужнымъ считаться съ предразсудками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, открытія Харгревса, Аркрайта и Уатта, примѣняясь болѣе и болѣе къ дѣлу, ускоряли переворотъ въ промышленности. Эти техническія изобрѣтенія примѣнялись въ городахъ, стоящихъ внѣ цеховыхъ законовъ, кодифицированныхъ королевою Елизаветою въ 1562 году и носившихъ названіе «Законовъ объ ученичествѣ». Въ силу юридической интерпретаціи, признававшей подчиненными

закону Елизаветы лишь тѣ города и мѣстечки, которые существовали до изданія закона и пользовались уже тогда корпоративными правами, большое число отраслей промышленности, и притомъ самыхъ важнѣйшихъ, были изъяты отъ дѣйствія этого закона. Благодаря этому обстоятельству, крупная промышленность въ Англіи, къ концу XVIII ст., получила перевѣсъ надъ мелкою. Выгоды, представляемыя крупною промышленностью, побуждали хозяевъ различныхъ промышленныхъ отраслей, находящихся въ городахъ, подчиненныхъ цеховой организаціи, обращаться въ парламентъ съ петиціями о пріостановленіи и отмѣнѣ закона Елизаветы, и парламентъ сначала пріостанавливаетъ изъ году въ годъ, а потомъ и совершенно отмѣняетъ этотъ законъ постепенно то для той, то для другой отрасли промышленности. Въ 1814 году, послѣ столѣтней борьбы между крупною и мелкою промышленностями, принципъ экономической свободы одержалъ окончательную побѣду и законъ Елизаветы былъ отмѣненъ всецѣло.

Во Франціи новый порядокъ вещей былъ признанъ юридически въ знаменитую ночь 4-го августа 1789 года. Та же односторонне понятая идея свободы труда, ради которой были отмѣнены цехи, заставила законодательство французской революціи уничтожить корпоративную организацію въ сельской промышленности. Дѣятели революціи не понимали, что коллективная собственность и автономія общинъ составляютъ единственную прочную основу демократіи. Закономъ 10-го іюня 1793 года, конвентъ опредѣлилъ произвести поголовный раздѣлъ общинныхъ имуществъ между всѣми жителями общинъ.

§ 4. Событія, подготовившія французскую революцію, сочиненія великихъ мыслителей второй половины восемьнадцатаго вѣка, отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній отъ метрополіи и образованіе изъ нихъ независимыхъ республикъ на началахъ, выработанныхъ политическою философіею, оказали сильнѣйшее вліяніе на умы и политическія ученія. Основная мысль философско-политическаго движенія заключалась въ признаніи, что главнѣйшею, почти что исключительною, причиною человѣческихъ бѣдствій всегда было и есть дурное правительство, поддерживающее выгодные для него и неблагопріятные для народа общественные порядки, и что достаточно однихъ политическихъ и экономическихъ преобразованій для осуществленія благоденствія на землѣ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей этихъ воззрѣній въ Англіи, Вильямъ Годвинъ, издалъ въ 1793 году

книгу «О политической справедливости», въ которой выводилъ всѣ соціальныя неустройства изъ недостатковъ законодательства и политическихъ учрежденій.

Въ опроверженіе такого взгляда, Мальтусъ обнародовалъ, въ 1798 году, «Опытъ о законѣ народонаселенія», въ которомъ, въ противоположность Годвину, сводилъ соціальныя невзгоды къ чрезмѣрному размноженію людей. Сравнивая бѣды, причиняемыя странѣ дурнымъ правительствомъ, съ бѣдствіями, порождаемыми чрезмѣрнымъ размноженіемъ, онъ находитъ первыя до такой степени ничтожными, что не слѣдуетъ даже принимать ихъ въ разсчетъ въ такого рода изслѣдованіяхъ.

Основная мысль Мальтусова ученія извѣстна:—населеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе средствъ существованія; неизбѣжнымъ результатомъ этого факта являются пороки, преступленія, болѣзни, эпидеміи, войны, увеличивающіе смертность и уменьшающіе количество населенія до размѣра средствъ существованія. Для предупрежденія, или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія этихъ бѣдствій Мальтусъ требуетъ: а) уничтоженія частной и общественной благотворительности и законодательства о бѣдныхъ, какъ поощряющихъ размноженіе [11]); б) отъ холостаго человѣка — воздержанія отъ вступленія въ бракъ, пока онъ не пріобрѣтетъ средствъ для содержанія семьи; отъ женатаго—воздержанія отъ рожденія такого числа дѣтей, какое онъ не можетъ прокормить. Такого рода благоразуміе и предусмотрительность, спѣшитъ прибавить Мальтусъ, должны быть, во первыхъ, свободны и добровольны, во-вторыхъ, они должны быть нравственны.

---

[11]) «Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, говоритъ Мальтусъ, если родители не въ состояніи прокормить его, или *если общество не въ состояніи воспользоваться его трудомъ*, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать какого бы то ни было пропитанія, и, въ дѣйствительности, онъ лишній на землѣ. На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться, и не замедлитъ сама привести въ исполненіе свой приговоръ.»

Эти слова исключены Мальтусомъ во второмъ изданіи книги; но духъ его ученія остался тотъ-же. Такъ, напримѣръ, въ послѣдующихъ изданіяхъ читаемъ: «Всѣ, такъ называемыя, благотворительныя заведенія и филантропическія мѣры, воспитательные дома, богадѣльни, больницы, рабочіе дома, производятъ добро, ничтожное сравнительно съ порождаемымъ ими зломъ».... «Слѣдуетъ издать законъ, по которому въ приходскихъ пособіяхъ будетъ отказано дѣтямъ, которыя родятся отъ браковъ, заключенныхъ годъ спустя послѣ обнародованія закона, и всѣмъ незаконнорожденнымъ, которые родятся черезъ два года послѣ объявленія закона.»

Но болѣе логическіе или, правильнѣе сказать, болѣе откровенные послѣдователи ученія Мальтуса не могли не признать, что въ разсчетахъ на возможность содержанія семьи или лишняго члена ея должны весьма часто случаться ошибки; и далѣе, что еще важнѣе, надежда на воздержаніе массъ отъ физической любви представляетъ собою наивнѣйшую иллюзію; а потому, они требовали, чтобы законодательство повліяло на уменьшеніе числа браковъ, обставивъ право вступать въ бракъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. И извѣстно, это требованіе сдѣлалось закономъ во многихъ европейскихъ государствахъ. Но запрещеніе вступать въ бракъ, какъ и слѣдовало предвидѣть, не достигало цѣли, а только увеличивало число незаконнорожденныхъ. Вслѣдствіе этого для логическихъ мальтузіанцевъ предстала диллема: или чрезмѣрное размноженіе населенія и съ нимъ всѣ ужасы, или ослабленіе чистоты нравовъ. Они отдали предпочтеніе послѣднему, и отсюда появленіе скандальныхъ сочиненій, написанныхъ съ самыми лучшими намѣреніями. Поэтому не правы послѣдователи Мальтуса, упрекая Прудона, назвавшаго ученіе Мальтуса «*позоромъ нравственности*», въ оклеветаніи ихъ учителя. Помимо того, что Прудонъ имѣлъ полное основаніе видѣть центръ тяжести ученія не въ иллюзіи о добровольномъ воздержаніи отъ физической любви, а въ логическихъ слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ ученія, но и у самаго Мальтуса есть намеки, что нравственность находится въ меньшей зависимости отъ характера отношеній между полами, чѣмъ это принимается. Правда, мысль эту онъ всегда высказываетъ осторожно, въ неясныхъ выраженіяхъ. Напримѣръ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы я высказалъ что либо, что могло бы быть перетолковано, прямо или косвенно, въ смыслѣ неблагопріятномъ для добродѣтели. Но я не думаю, чтобы проступки, о которыхъ идетъ рѣчь, могли бы разбираться только въ нравственномъ отношеніи, ни даже, чтобы они были самыми важными проступками. Правда, они постоянно или, по крайней мѣрѣ, въ большемъ числѣ случаевъ, влекутъ за собой несчастія и потому должны строго сдерживаться; но существуютъ пороки, послѣдствія которыхъ еще болѣе пагубны и вызываютъ положенія еще болѣе печальныя. Крайняя бѣдность предрасполагаетъ къ искушеніямъ еще болѣе сильнымъ....»

Ниже мы разсмотримъ истинность основнаго положенія Мальтусовой теоріи, а пока замѣтимъ, что экономисты, признающіе законъ Мальтуса и въ то же время предлагающіе различныя мѣры

къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, ослабленію соціальныхъ бѣдствій, представляютъ тѣмъ самымъ замѣчательный примѣръ или иллюзіи, или непослѣдовательности. Никакая мѣра, по ученію Мальтуса, не можетъ уменьшить человѣческихъ бѣдствій, если рядомъ съ нею не будетъ уменьшаться ростъ народонаселенія чрезъ воздержаніе отъ физической любви. Слѣдовательно, предложеніе мальтузіанцемъ какихъ либо соціальныхъ мѣръ, съ цѣлью увеличить благосостояніе народа, получаетъ смыслъ лишь при признаніи имъ за массою способности къ воздержанію отъ физической любви;—но въ такомъ случаѣ онъ представляетъ примѣръ поразительно наивнаго фантазера [12]); если же мальтузіанецъ не раздѣляетъ этой иллюзіи, тогда выступаетъ его непослѣдовательность. Логическимъ мальтузіанцамъ слѣдуетъ оставить всякія заботы объ улучшеніи соціальнаго быта и не думать о судьбахъ человѣчества съ ихъ неизбѣжно-мрачнымъ характеромъ. Милль въ своемъ трактатѣ о политической экономіи говоритъ, что «еслибы эта наука не могла предложить средствъ для устраненія бѣдности, рабскаго состоянія низшихъ классовъ, изнуряющихся съ ранняго утра до поздней ночи работою лишь для одного своего прокормленія, а способна была только опровергнуть всякіе планы къ тому, доказать, что невозможно ничего сдѣлать, тогда она была бы наукою *печальною*, не возбуждающею признательности къ себѣ». Благодаря допускаемой имъ иллюзіи объ уменьшеніи роста размноженія людей чрезъ воздержаніе отъ физической любви, онъ не считаетъ ее таковой. Мы же думаемъ: — такъ какъ ученіе Мальтуса до послѣдняго времени имѣло значеніе краеугольнаго камня политической экономіи, то для человѣка логическаго и чуждаго иллюзіи—ожиданія значительныхъ результатовъ отъ воздержанія—политическая экономія, дѣйствительно, должна была представляться *мрачною* наукою. Непризнаніе Мальтусова ученія нѣсколькими учеными (Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Кабе, Фурье, Прудонъ, Леру, Кэри, Марксъ, Дюрингъ) объяснялось экономистами или фантастическими грёзами о невозможномъ общественномъ устройствѣ, или непониманіемъ ученія, или чувствомъ нелюбви къ ученію, покоряющимся непріятной истинѣ только по истощеніи всѣхъ уловокъ, посредствомъ которыхъ можно уклоняться отъ признанія истины. И

---

[12]) Если такой замѣчательный мыслитель, какъ Милль, раздѣляетъ эту иллюзію, то это, по нашему мнѣнію, служитъ лучшимъ доказательствомъ присущаго людямъ свойства—легко соглашаться съ тѣмъ, чего они очень желаютъ.

далѣе мы полагаемъ: — такъ какъ ложныя и бѣдственныя для рабочихъ классовъ ученія Смито-Мальтузіанской школы, занимавшія до шестидесятыхъ годовъ господствующее значеніе въ политической экономіи и совпадавшія съ интересами буржуазіи, оказали сильнѣйшее вліяніе на законодательство и общественное мнѣніе, то политическая экономія была не только *печальною*, но, во многихъ отношеніяхъ, и *вредною* теоріею.

§ 5) Писатель, оказавшій, послѣ Адама Смита и Мальтуса, сильнѣйшее вліяніе на экономическія воззрѣнія, былъ Рикардо. Главное его сочиненіе: «Начала политической экономіи и налоговъ», вышло въ 1817 году. Рикардо, какъ и Смитъ, является защитникомъ неограниченной свободы личнаго интереса. «При системѣ безграничной свободы промышленности, говоритъ онъ, каждая страна даетъ своему капиталу и труду такое назначеніе, какое наиболѣе для нея выгодно.... Увеличивая общую массу произведеній, она распространяетъ всеобщее благосостояніе и силою интереса связываетъ въ одно цѣлое народы всего цивилизованнаго міра.»

Принявъ исходными точками основные принципы ученій Смита и Мальтуса, Рикардо исправилъ нѣкоторые неточные выводы своихъ предшественниковъ и развилъ ихъ принципы далѣе,—черезъ что многіе важные вопросы получили совсѣмъ иное рѣшеніе. Важнѣйшія изслѣдованія этого писателя относятся къ теоріи распредѣленія народнаго дохода. Подобно Смиту, Рикардо принимаетъ три источника дохода: поземельную ренту, заработную плату и прибыль, соотвѣтственно участію въ производствѣ земли, труда и капитала. Но онъ расходится съ Смитомъ касательно условій, управляющихъ высотою ихъ и ихъ взаимнымъ отношеніемъ.

Въ ученіи Рикардо о поземельной рентѣ заключается одно неоспоримое положеніе, а именно, что доходъ съ земельной собственности обусловливается качествами почвы и другими естественными преимуществами земли. Этотъ фактъ имѣетъ важное соціальное значеніе. Имъ порождается вопросъ о справедливости присвоенія землевладѣльцами земельной ренты, онъ оказываетъ, въ области частной собственности на землю, громадное вліяніе на централизацію богатствъ, проистекающую притомъ не изъ дѣятельности собственниковъ земли, а какъ результатъ естественнаго хода дѣлъ и, главнымъ образомъ, наростанія населенія [13]).

---

[13]) Ланге въ соч. «Die Arbeiterfrage,» выдающемся по глубинѣ мысли

Вопросъ о справедливости присвоенія земельной ренты лишь однимъ классомъ общества не могъ быть затронутъ Рикардо по самому духу его ученія, признававшаго безграничное право собственности на всѣ матеріальные предметы *естественнымъ закономъ* народнаго хозяйства; вопросъ же о вліяніи земельной ренты на концентрацію богатствъ разсмотрѣнъ имъ единственно въ примѣненіи къ сельско-хозяйственной и горной промышленностямъ и выведенъ изъ *недоказаннаго до сихъ поръ* положенія о постоянно возрастающемъ количествѣ труда для добыванія того же количества сельскихъ продуктовъ [14]). Но концентрація богатствъ въ земельной собственности, какъ результатъ естественнаго хода дѣлъ, имѣетъ мѣсто и безъ уменьшенія производительности сельско-хозяйственнаго труда.

Различіе въ естественныхъ качествахъ земель, плодородіи, мѣстонахожденіи, разстояніи ихъ отъ путей сообщенія и большихъ населенныхъ пунктовъ имѣетъ результатомъ, что земли одинаковаго размѣра, при одинаковой затратѣ на нихъ капитала и труда, приносятъ собственникамъ различные доходы. Разность доходовъ землевладѣльцевъ, насколько она проистекаетъ изъ указанныхъ преимуществъ земельныхъ участковъ, а не изъ различія хозяйственныхъ способностей землевладѣльцевъ и неодинаковости затраты труда и капитала, называется рентою. Таковъ именно основной смыслъ правильно понятой теоріи ренты Рикардо [15]). — Съ увеличеніемъ плотности населенія возрастаетъ спросъ

и важности затронутыхъ вопросовъ, высказываетъ убѣжденіе, что если не во всѣхъ государствахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ Англіи, не въ далекомъ будущемъ, получитъ большое практическое значеніе требованіе, чтобы земля была изъята изъ предметовъ частной собственности и признана національною собственностью, отдаваемою въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ и за извѣстное вознагражденіе. (Dritte Aufl. s. 297.).

[14]) См. замѣчательное обсужденіе Рикардовой теоріи земельной ренты вообще и вопроса объ уменьшающейся производительности добывающей промышленности въ частности въ книгѣ Родбертуса — Zur Beleuchtung d. Socialen Frage. 1875.

[15]) Рикардо называетъ рентою вознагражденіе собственника за принадлежащія ему «первоначальныя природныя силы земли». Это неудачное выраженіе, не имѣющее связи съ его ученіемъ, дало нѣкоторымъ писателямъ поводъ утверждать, что рента, даваемая землею вслѣдствіе затраченнаго на нее *когда либо* капитала, должна считаться не рентою, а прибылью. Кэри пошелъ еще дальше и утверждалъ, что ренты, въ смыслѣ Рикардо, не существуетъ, ибо всякая рента есть результатъ затраченнаго предшествовавшими поколѣніями капитала. За эту мысль схватились Бастіа и другіе экономисты, усмотрѣвъ въ ней сильнѣйшій аргументъ для защиты частной земельной собственности и

на землю; худшія земли, находившіяся внѣ обращенія, входятъ въ сферу эксплоатаціи [16]); вслѣдствіе чего повышаются цѣнность, доходность, наемная плата всѣхъ земель, пользующихся какими-либо преимуществами предъ землями, вновь вошедшими въ обращеніе. Это возрастаніе богатства земельныхъ собственниковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны труда, содѣйствія, а только благодаря естественному ходу дѣлъ, проявляясь наиболѣе универсально на земляхъ, вошедшихъ въ сельско-хозяйственную и минеральную промышленности, охватываетъ и всѣ прочіе виды земельной собственности: городскія земли, живописныя мѣста, водяныя силы и проч. Далѣе земли, чрезъ которыя прошла желѣзная дорога, земли, прилегающія къ вновь устроенной гавани, подымаются въ доходности и цѣнности. Всякое расширеніе города увеличиваетъ цѣнность земель и домовъ, лежащихъ ближе къ центру. Основаніе въ селѣ свекловичнаго или какого-либо другаго завода, фабрики подымаетъ доходность и цѣнность окружныхъ земель, могущихъ, по свойствамъ почвы, снабжать новое промышленное заведеніе сырыми матеріалами. Подобныхъ примѣровъ можно привести массу. И достаточно немного всмотрѣться въ дѣйствительность, чтобы убѣдиться, что обстоятельства, порождающія возростаніе доходности и цѣнности недвижимыхъ имуществъ, безъ всякаго содѣйствія къ тому собственниковъ, обладаютъ характеромъ непрерывности и общности въ такой степени, что, въ мѣстностяхъ съ достаточнымъ населеніемъ и развитыми сношеніями, ни одно недвижимое имущество не остается внѣ постояннаго, большаго или меньшаго, ихъ вліянія. Такимъ путемъ постоянно возрастающая концентрація богатствъ въ рукахъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, не заключающая въ себѣ ни одного

земельной ренты. Своими разсужденіями эти экономисты только доказали, что они не поняли ученія Рикардо о поземельной рентѣ. Изъ сущности этого ученія неоспоримо слѣдуетъ, что авторъ видѣлъ ренту не *только* тамъ, гдѣ она проистекаетъ изъ первоначальныхъ природныхъ силъ земли (подобное ограниченіе ренты не имѣетъ смысла уже по одному тому, что изслѣдованіе таковой ренты невозможно), но и тамъ, гдѣ она является результатомъ израсходованнаго на улучшеніе почвы капитала. Земли равнаго плодородія даютъ равную ренту, все равно, будетъ ли ихъ плодородіе естественное или пріобрѣтенное. Рента отъ земли съ пріобрѣтеннымъ плодородіемъ проистекаетъ по тѣмъ же причинамъ и имѣетъ то же соціальное значеніе, какъ если-бы съ самаго начала эта земля обладала тою степенью плодородія, какая искусственно придана ей.

[16]) Возраженія Кэри, основанныя на обратномъ этому ходѣ заселенія Америки, не касаются старыхъ странъ съ густымъ населеніемъ.

атома труда, имѣетъ вполнѣ характеръ подати, которую они взимаютъ съ прочихъ общественныхъ классовъ.

Остающаяся, за вычетомъ ренты, часть ежегоднаго національнаго продукта распредѣляется *первоначально* между промышленнымъ капиталомъ и трудомъ. Рикардо доказано, что, при этомъ распредѣленіи, *доля промышленнаго капитала обратно пропорціональна заработной платѣ.* Величина же заработной платы, по ученію Рикардо, обусловливается, въ среднемъ выводѣ, *безусловно необходимыми средствами существованія,* отклоняясь временно то въ ту, то въ другую сторону. При возвышеніи ея увеличивается число браковъ и рожденій и уменьшается смертность среди рабочихъ классовъ, вслѣдствіе чего возрастаетъ предложеніе труда и понижается плата за него. При паденіи рабочей платы ниже средствъ, необходимыхъ для существованія, усиливается смертность, предложеніе труда уменьшается, пока рабочая плата не достигнетъ своего нормальнаго уровня. Мы будемъ имѣть случай говорить ниже объ этомъ установленномъ Рикардо законѣ рабочей платы, названномъ Лассалемъ «желѣзнымъ закономъ».

Ясно, что теорія распредѣленія Рикардо, констатирующая противоположность интересовъ общественныхъ классовъ—землевладѣльцевъ, промышленниковъ и рабочихъ—стоитъ въ очевидномъ противорѣчіи съ его исходнымъ положеніемъ, что *преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ общимъ благомъ всѣхъ.*

§ 6. Ученія Ад. Смита, Мальтуса и Рикардо породили въ теоріи экономической политики школу «неограниченной свободной конкурренціи», называющейся также «Манчестерской», вслѣдствіе образованія въ Манчестерѣ лиги для агитаціи къ устраненію изъ законодательства послѣднихъ остатковъ ограниченія свободы промышленности и торговли. Организація народнаго хозяйства, основанная на свободной конкурренціи индивидуальныхъ интересовъ, представляется этой школѣ *идеаломъ, заключительнымъ моментомъ экономическаго развитія человѣчества.* Законъ рабочей платы, установленный Рикардо, не нарушаетъ, по ея мнѣнію, гармоніи интересовъ, такъ какъ благосостояніе рабочихъ находится въ ихъ собственныхъ рукахъ; нужно только послѣднимъ уменьшать свое размноженіе.—Соотвѣтствіе теоріи свободной конкурренціи интересамъ имущихъ классовъ, отсутствіе до послѣдняго времени обширныхъ, цѣлесообразно-классифицированныхъ данныхъ по экономической статистикѣ, недостаточное зна-

комство экономистовъ съ существовавшими статистическими данными были причинами, что эта школа въ теченіе семидесяти лѣтъ сохраняла за собою господство въ экономической наукѣ.

Разумѣется человѣческая мысль въ XIX столѣтіи не могла застыть на абсолютномъ, метафизическомъ и притомъ анти-соціальномъ ученіи Манчестерской школы. Во Франціи, Англіи, Германіи появлялись сочиненія, враждебныя господствовавшей школѣ. Самый ходъ промышленной жизни вызывалъ сомнѣнія въ истинности манчестерскаго ученія. Развитіе машиннаго производства оказывало гибельное вліяніе на рабочіе классы; работники не только получали скудные заработки, при увеличивавшемся числѣ рабочихъ часовъ, но часто не могли найти себѣ занятіе и обращались въ нищихъ; пауперизмъ усиливался. Среди англійскихъ работниковъ быстро росли коалиціонное и чартистское движенія. Послѣднее угрожало революціею. 10 апрѣля 1848 года, герцогъ Велингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ военныхъ силъ, собранныхъ въ Лондонѣ для защиты общественнаго порядка. *Іюльская* революція во Франціи написала на своемъ знамени «droit au travail». Чѣмъ громче заявляли рабочіе классы свое недовольство, тѣмъ болѣе обращалось вниманіе общества на ихъ положеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ росла экономическая и соціальная литература, проникнутая сочувствіемъ къ интересамъ труда, подвергавшая критикѣ господствовавшую экономическую школу и оказывавшая все бо̀льшее вліяніе на умы. Уже къ концу 40-хъ годовъ критическое направленіе считало своими представителями такихъ замѣчательныхъ писателей, какъ С. Симонъ, Сисмонди, Фурье, Родбертусъ, Прудонъ, Луи-Бланъ, Марло (Винкельблехъ).

Рядомъ съ критикою экономическаго порядка свободной конкурренціи, идутъ попытки изслѣдовать историческій ходъ развитія экономическихъ явленій и указать связь каждой народнохозяйственной организаціи съ прочими сторонами жизни. Такія попытки были въ началѣ односторонни и неполны. Но, съ умноженіемъ массы разработаннаго матеріала, историческое направленіе высказывалось все яснѣе и полнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхи *«эволюціоннаго»* направленія въ естественныхъ наукахъ, паденіе метафизики и возраставшее вліяніе позитивной философіи способствовали торжеству историко-физіологическаго метода. Раскрытіе *«закона развитія»*, составляющее конечную цѣль каждой науки, сдѣлалось главною задачею историческаго направленія политической экономіи.

Критическое и историческое направленія заняли къ концу 40-хъ годовъ уже видное мѣсто въ экономической литературѣ. Тѣмъ не менѣе, потребовалось еще двадцать лѣтъ,—въ теченіе которыхъ движеніе рабочихъ классовъ изъ мѣстнаго, національнаго сдѣлалось интернаціональнымъ, что̀ и выразилось въ образованіи «международной ассоціаціи рабочихъ»; сознаніе о темныхъ сторонахъ неограниченной свободы конкурренціи распространялось,—чтобы лишить Манчестерскую школу господствующаго значенія, чтобы на университетскія каѳедры взошли профессора, не считающіе ея ученія десятью заповѣдями. чтобы явилась пресса, вступившая въ борьбу съ нею, чтобы сомнѣніе въ ея благотворности проникло въ совѣты министровъ и парламенты. Новыя идеи въ соціальной наукѣ, затрогивая интересы людей, пробиваютъ себѣ путь гораздо медленнѣе, чѣмъ новыя изслѣдованія въ физическихъ наукахъ. Кто-то (кажется Гоббесъ) остроумно замѣтилъ, что еслибы вопросъ о числѣ, происходящемъ изъ умноженія двухъ на два, затрогивалъ интересы людей, то онъ и по нынѣ не былъ бы рѣшенъ единодушно.

Въ настоящее время историческая школа политической экономіи пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все большее значеніе. Вслѣдствіе борьбы новѣйшихъ представителей этой школы съ догматомъ о благотворныхъ результатахъ безграничной свободы личнаго интереса и требованія ими внесенія въ экономическую дѣятельность правоваго и нравственнаго элементовъ, ее называютъ также «*этическою*». Въ виду значительной солидарности большаго числа представителей этой школы, особенно въ Германіи, съ оцѣнкою нынѣ дѣйствующей системы свободной конкурренціи, сдѣланною соціалистическою критикою, и требованія ими энергическаго государственнаго вмѣшательства для смягченія золъ этой системы, они получили отъ манчестерцевъ названіе «Kathe-der Socialisten», такъ какъ большинство ихъ занимаютъ каѳедры въ университетахъ. Современные представители этой школы въ Германіи дали ей названіе «*реалистической*» [17]), желая этимъ отмѣтить, что самая характеристическая научная черта школы заключается въ признаніи ею *относительности* организацій народнаго хозяйства и въ отрицаніи *абсолютныхъ доктринъ, выводимыхъ изъ чистаго разума, изъ положенія о неизмѣнности человѣческой природы и ея отношеній къ*

[17]) См. кн. Brentano, Abstrakte und realistiche Volkswirtschaft. 1873.

внѣшнему міру. Такъ какъ это названіе школы самое распространенное, то мы и удержимъ его въ послѣдующемъ изложеніи.

Достигнувъ уже господствующаго значенія въ университетахъ Германіи, реалистическая школа имѣетъ своими представителями почти всѣхъ молодыхъ экономистовъ Англіи [18]) и Италіи [19]) и Лавеле въ Бельгіи. Во Франціи, родинѣ главы «позитивной философіи», позитивное направленіе въ наукѣ имѣетъ уже десять лѣтъ свой спеціальный журналъ «La philosophie positive», въ которомъ часто встрѣчаются замѣчательныя историческія и соціологическія работы. Но спеціально-экономическая литература Франціи находится въ застоѣ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ нельзя указать ни одного сочиненія, обратившаго на себя вниманіе. Тщетныя усилія «Journal des Économistes» остановить новое движеніе въ политической экономіи имѣетъ результатомъ лишь то, что въ въ немъ помѣщаются статьи, какъ, напримѣръ, статьи Мориса Блока: «Les deux Écoles économiques. La nouvelle École autoritaire ou les Socialistes en chai-

---

[18]) Cliffe-Leslie, Ludlow, Beesly, Crompton, Harrison. (О паденіи въ Англіи авторитета «ортодоксальной» школы свободной конкурренціи см. статью Cliffe Leslie въ Jahrbücher f. Nationalökonomie u. Statistik. Erst. u. Zweites Heft. 1879 г.) Особенное вниманіе обратила на себя рѣчь Ингрэма, президента отдѣла политическихъ наукъ Британской Ассоціаціи для споспѣшествованія наукамъ, «о необходимости реформы въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ», произнесенная имъ на годичномъ собраніи Ассоціаціи, въ 1878 г. и изданная потомъ отдѣльной брошюрой. Эта рѣчь есть «объявленіе войны» (по выраженію Клифъ Лесли) старой школѣ политической экономіи и ея апріористическому методу. Профес. Scheel, переведшій брошюру на нѣмецкій языкъ и написавшій къ ней введеніе, не уступающее по научной цѣнности самой брошюрѣ, говоритъ въ немъ, что еще никогда, въ нѣмецкихъ книгахъ и статьяхъ, необходимость разработки науки о народномъ хозяйствѣ, только какъ составной части соціальной науки, не была такъ ясно, убѣдительно изложена, какъ это сдѣлано Ингрэмомъ, который развилъ и дополнилъ основныя воззрѣнія по этому вопросу своихъ предшественниковъ въ англійской литературѣ, какъ Кэри, Милль, Спенсеръ.

[19]) Messedaglia, Cossa, Lampertico (профессора политической экономіи въ двухъ лучшихъ итальянскихъ университетахъ: Падуѣ и Павіи), Montanari, Errera, Taniolo, Nazzani, Schiaterella, Miraglia, Luzzati, Vidari, Del Guitice, Padelletti, Guelfi (послѣдніе четыре проффессора исторіи права въ римскомъ и павіанскомъ университетахъ). Періодическія научныя изданія:—l'Archivio giucidico, la Rivista Europea, l'Economista d'Italia. (Объ успѣхахъ реалистическаго направленія политической экономіи въ Италіи см. статью фон-Шеля въ Jahrb. f. Nat-ök. u. St. 1876 г. Приведенныя нами указанія на представителей реалистической школы въ Италіи заимствованы изъ этой статьи.

re»; *) «l'Harmonie des intérêts, l'égoïsme, le laissez-faire»; **) «La quintessence du socialisme de la chaire» ***) — которыя могутъ служить очевиднѣйшимъ доказательствомъ, что школа свободной конкурренціи доживаетъ свои послѣдніе дни.

Главныя положенія, добытыя реалистическимъ направленіемъ и которыми оно существенно отличается отъ школы свободной конкурренціи, суть слѣдующія:

Во первыхъ, отрицаніе абсолютной неизмѣнности хозяйственныхъ организацій. Въ противоположность Смитовской школѣ, считающей свою теорію народнаго хозяйства послѣднимъ словомъ человѣческаго разума по этому предмету, а потому долженствующую обнять весь міръ и остаться навсегда неизмѣнною, реалистическое направленіе указываетъ, что современный западноевропейскій экономическій порядокъ, покоющійся на широкомъ примѣненіи принципа свободной конкурренціи, представляетъ собою такую же переходную ступень въ развитіи человѣчества, какую представляли и всѣ прочія хозяйственныя организаціи. Для обоснованія этой мысли нѣтъ надобности ссылаться на біологію и антропологію, доказавшихъ постоянную измѣняемость всѣхъ органическихъ формъ, въ томъ числѣ и человѣка, [20])—такой доводъ могъ бы послужить поводомъ къ мысли, что порядку свободной конкурренціи суждено существовать еще значительное время,—достаточно указать, что этотъ порядокъ, явившійся такъ недавно, не успѣвшій еще вполнѣ реализоваться, вызвалъ уже противъ себя недовольство и борьбу массъ, порицанія въ наукѣ, имѣвшія результатомъ вмѣшательство въ этотъ порядокъ законодательства съ цѣлью ослабить его вредныя дѣйствія (фабричные и др. законы).

Во вторыхъ, Смитовская школа, исходя изъ ошибочнаго воззрѣнія, что организація хозяйственной жизни общества, основанная на полной свободѣ борьбы личныхъ интересовъ, есть идеалъ народнаго хозяйства, естественно должна была требовать полнаго невмѣшательства государства въ хозяйственную

*) Августъ 1876 г.

**) Сентябрь 1877

***) Ноябрь 1878 г.

[20]) Законъ развитія констатируетъ въ высшей степени важный фактъ, что во всѣ эпохи органической жизни на землѣ совершалось постоянное измѣненіе ея какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ индивидумахъ. Häckel, Naturlische Schöpfungsgeschichte.

жизнь и ограничивала поэтому сферу государственной дѣятельности исключительно отрицательною ролью, а именно: охраненіемъ внутренней и внѣшней безопасности и защитою права. Реалистическая школа указываетъ, что ограниченіе государственной дѣятельности исключительно отрицательной ролью имѣло бы смыслъ и возможность осуществленія лишь въ томъ случаѣ, когда бы свободная конкурренція частныхъ интересовъ дѣйствительно могла осуществить матеріальное благосостояніе, культурныя задачи, гармонію интересовъ между общественными классами. Но такъ какъ свободная конкурренція безсильна осуществить такое положеніе дѣлъ, то и *постулатъ* о невмѣшательствѣ государства, имѣвшій лишь временной успѣхъ, неизбѣжно долженъ былъ потерпѣть пораженіе какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Государство никогда не ограничивалось, не ограничивается и, по крайней мѣрѣ, на непредвидѣнное еще время, не можетъ ограничиваться исключительно отрицательной сферой дѣятельности [21]). Государство, его экономическая и политическая организація есть всегда выраженіе силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, выраженіе господствующихъ въ данное время въ данномъ народѣ интересовъ и стремленій. Государство —эта сосредоточенная и организованная общественная сила—всегда служитъ, по выраженію Маркса, повивальной бабкой старому обществу, которое бываетъ беременно новымъ. Сами юридическія, политическія и экономическія теоріи, считавшія себя, съ свойственною дѣтству наивностью, наукою, были до сихъ поръ лишь выраженіемъ господствующихъ въ обществѣ интересовъ. Время, когда писалъ Адамъ Смитъ свои изслѣдованія о богатствѣ народовъ, было временемъ борьбы противъ феодальныхъ привиллегій, цеховой регламентаціи, меркантильныхъ запрещеній, задерживавшихъ свободное развитіе національныхъ силъ. Какъ реакція противъ обветшалыхъ стѣсненій государственной опеки, явилось убѣжденіе, что одно освобожденіе отъ узъ, лежавшихъ на производительныхъ силахъ страны, и предоставленіе хода дѣлъ свободной борьбѣ частныхъ интересовъ достаточны, чтобы при-

---

[21]) Даже во время самаго сильнаго вліянія Манчестерской школы на англійское законодательство, отъ 20-хъ до 60-хъ годовъ, парламентъ вынужденъ былъ издать фабричные законы; далѣе, англійское законодательство не нашло возможнымъ, ни на одинъ моментъ, сложить съ себя заботу о культурныхъ задачахъ, какъ напр., народное образованіе, ученыя экспедиціи и мн. др., а также не могло отказаться отъ законовъ для призрѣнія неимущихъ работы и немогущихъ работать.

вести общество къ желанному благоденствію. Это убѣжденіе вѣка и легко краеугольнымъ камнемъ въ теорію Смита, и помѣшало ему замѣтить, что его ученіе, на которое онъ взиралъ, какъ на совершеннѣйшее воплощеніе разума, какъ на стоящее внѣ зависимости отъ времени и мѣста, является само не болѣе какъ знаменіемъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ вѣрнымъ слугою интересамъ общественнаго класса, получившаго въ Англіи и Франціи, къ концу XVIII вѣка, преобладающее значеніе [22]). Невмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія общества какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, составляетъ интересъ крупной буржуазіи, какъ представительницы капитала и поэтому оно есть услуга, оказываемая государствомъ капиталу на счетъ труда.

Въ третьихъ, изъ уясненія роли государства въ народной жизни, само собою вытекаетъ заключеніе о недостаточности сдѣланнаго Смитовской школой опредѣленія предмета и границъ экономической науки. Политическая экономія, если желаетъ обнять экономическіе факты во всей ихъ цѣлости, не можетъ ограничиться изслѣдованіемъ только системы частныхъ хозяйствъ, а должна разсматривать всю область народнаго хозяйства, какъ частнаго такъ и общественнаго, проявляющагося въ экономической дѣятельности государства и различныхъ автономныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Далѣе, каждая сторона народной жизни находится во взаимодѣйствіи со всѣми прочими, а потому съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія области хозяйственныхъ интересовъ общества, наука должна разсматривать ее совмѣстно съ прочими сферами народной жизни: — нравственною, политическою, правовою. Отсюда видно, что предметъ политической экономіи, какъ его понимаетъ реалистическая школа, гораздо шире, сравнительно съ пониманіемъ его Смитовскою школою. Предметъ политической экономіи, по ученію реалистической

---

[22]) Справедливо замѣчаетъ Маурусъ, что такъ какъ требованіе физіократами и Ад. Смитомъ полной свободы промышленности было вызвано стремленіемъ ихъ устранить всѣ привиллегіи и водворить благоденствіе, то живи эти гуманные философы въ наше время «когда стало очевиднымъ состояніе зависимости, въ которой неимущій трудъ находится отъ властвующаго и высасывающаго могущества нынѣ не менѣе привиллегированныхъ соціальныхъ силъ, они, самымъ послѣдовательнымъ образомъ, требовали бы освобожденія труда отъ гнетущихъ условій, посредствомъ ограниченія свободнаго употребленія, или, лучше сказать, злоупотребленія этими силами.» («О свободѣ въ политической экономіи.» Ст. 16. 1875 г.).

школы, состоитъ въ изслѣдованіи причинъ, порождающихъ ту или другую организацію народнаго хозяйства, въ изслѣдованіи сущности этихъ организацій и связи ихъ со всѣми прочими сторонами народной жизни.

Въ четвертыхъ, при указанномъ только что пониманіи реалистическою школою предмета политической экономіи, эта школа, естественно, должна разойтись съ Смитовскою и по вопросу о методѣ. Смитовская школа, ограничивъ предметъ политической экономіи системою частныхъ хозяйствъ, могла пользоваться почти исключительно методомъ дедукціи, потому что для объясненія явленій частныхъ хозяйствъ возможно было, не расходясь значительно съ дѣйствительностью, допустить одну психологическую посылку, именно личный интересъ, и изъ нея дѣлать выводы для объясненія явленій и построенія теоріи. Замѣтимъ, однако, что и здѣсь Смитовская школа впала въ большую ошибку: — подвергнувъ анализу систему частныхъ хозяйствъ, она, вслѣдствіе ея указанныхъ выше апріористическихъ заблужденій, полагала, что занимается изслѣдованіемъ общественнаго хозяйства во всемъ его цѣломъ. Такимъ образомъ, часть была отожествлена съ цѣлымъ, и результаты анализа одного рода явленій были приложены къ явленіямъ совершенно другаго рода. Реалистическая школа — какъ разсматривающая причины, управляющія дѣятельностью не только отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, но и хозяйства общественнаго, явленія котораго всегда вытекаютъ изъ взаимодѣйствія многихъ силъ и физіологія котораго совершенно отлична отъ физіологіи системы частныхъ хозяйствъ — пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ предпочтительно методомъ индукціи. При современномъ состояніи знаній, господство дедуктивнаго метода изслѣдованія можетъ имѣть мѣсто, какъ это прекрасно разъяснено въ «Логикѣ» Милля, лишь въ такихъ наукахъ, которыя располагаютъ для своихъ выводовъ *общими* и очевидными аксіомами. Явленія же соціальныя суть явленія самыя сложныя, результаты многихъ причинъ. На эти явленія, кромѣ причинъ физическихъ, дѣйствуетъ также вся совокупность качествъ природы человѣка какъ эгоистическихъ, такъ и альтруистическихъ, и ни одно изъ этихъ качествъ не дѣйствуетъ въ слабой степени, чтобы его можно было не принимать въ разсмотрѣніе.

Наконецъ, въ пятыхъ, изъ признанія реалистическою школою неблагопріятныхъ для общественной жизни результатовъ, неограниченной свободной конкурренціи, сама собою, вытекаетъ для

ная задача указать, *съ точки зрѣнія понятій о правѣ и о культурныхъ задачахъ нашего времени*, общую, ближайшую цѣль развитія народнаго хозяйства и мѣры для осуществленія ея. Цѣль развитія народнаго хозяйства реалистическая школа видитъ *въ согласованіи наибольшаго производства съ возможно справедливымъ распредѣленіемъ. Справедливость же въ распредѣленіи, по понятіямъ нашего времени, осуществляется тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе распредѣленіе покоится на принципѣ труда.* Что же касается мѣръ, ведущихъ къ осуществленію указанной основной цѣли народнаго хозяйства, реалистическая школа не можетъ, уже по самому ея научному характеру, признать возможность указанія какихъ либо универсальныхъ, шаблонныхъ мѣръ. Мѣры эти обусловливаются временемъ, мѣстомъ и другими конкретными обстоятельствами. Отсюда, реалистическая школа отвергаетъ какъ невѣжественную, не имѣющую никакого понятія объ условіяхъ управляющихъ жизнью общества, ту фракцію соціализма, которая требуетъ *немедленнаго* измѣненія общественнаго порядка въ смыслѣ установленія *исключительно доходовъ отъ труда*, слѣдовательно, безусловнаго устраненія всѣхъ частныхъ капиталовъ, частной земельной собственности, всѣхъ рентныхъ доходовъ. Реалистическая школа указываетъ, что для осуществленія этихъ требованій не имѣется въ настоящемъ обществѣ требуемыхъ условій; что чувства, нравы, понятія громаднаго большинства современнаго общества дѣлаютъ невозможными общественныя формы, на которыя указываетъ соціализмъ. А потому попытка осуществить эти формы общественной жизни насильственно неминуемо потерпѣла бы неудачу и вмѣсто общаго блага, во имя котораго выступаетъ соціализмъ, вызвала бы лишь бѣдственное и напрасное сотрясеніе общественнаго организма.

Указавъ характеристическія черты реалистической школы и отличія ея отъ Смитовской, перейдемъ къ оцѣнкѣ экономическихъ явленій, обусловливаемыхъ свободною конкурренціей.

Ив. Иванюковъ.

(Продолженіе будетъ).

Результаты новѣйшихъ изслѣдованій живаго вещества [1]).

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, французскій натуралистъ Дюжарденъ обратилъ вниманіе ученыхъ на то, что тѣла нѣкорыхъ низшихъ членовъ животнаго царства состоятъ изъ сплошнаго полужидкаго вещества, способнаго сокращаться, которое онъ назвалъ саркодомъ. Потомъ Гюго Моль изслѣдовалъ такое же вещество въ клѣточкахъ растеній, названное имъ протоплазмой. Максъ Шульце доказалъ, что животный саркодъ и растительная протоплазма—одно и тоже.

Заключенія Макса Шульце были подтверждены во всѣхъ отношеніяхъ послѣдующими изслѣдователями, при чемъ обнаружилось, что эта протоплазма составляетъ основу всѣхъ жизненныхъ явленій какъ въ животномъ царствѣ, такъ и въ растительномъ. Такимъ образомъ, обозначилось чрезвычайно важное и знаменательное обобщеніе во всей области біологической науки.

Въ послѣдніе годы, протоплазма снова избрана предметомъ подробнаго изученія; открыты новые, часто поразительные факты, и вокругъ этого новаго центра изслѣдованій накопилась обширная литература. Мы постараемся изложить здѣсь главнѣйшіе результаты этихъ изслѣдованій и дать нѣкоторое понятіе о свойствахъ протоплазмы и о ея значеніи въ двухъ обширныхъ царствахъ органической природы.

Протоплазма, сказали мы, лежитъ въ основаніи всякаго жизненнаго явленія. Она, по удачному выраженію Гукслея, составляетъ физическую основу жизни. Гдѣ есть жизнь, отъ низшаго

[1]) Извлеченіе изъ рѣчи, произнесенной въ Шеффильдѣ при открытіи засѣданій послѣдняго ежегоднаго съѣзда Британскаго Общества споспѣшествованій наукамъ, президентомъ съѣзда, профессоромъ Альманомъ.

до высшаго ея проявленія, тамъ протопласма, гдѣ есть протопласма, тамъ жизнь. Такимъ образомъ, проникая собою всю органическую природу такъ, что каждый жизненный актъ можетъ быть приписанъ нѣкоторому виду или свойству протопласмы, она для біолога получаетъ такое же значеніе, какое имѣетъ эфиръ для физика, съ тою лишь разницею, что она есть не гипотетическое представленіе, принимаемое за нѣчто дѣйствительно существующее, въ виду удобствъ вносимыхъ имъ въ объясненіе явленій, но есть осязаемое и видимое тѣло, которое химикъ можетъ подвергнуть анализу въ своей лабораторіи, а біологъ разсматривать въ микроскопъ и разсѣкать иглою.

Химическій составъ протопласмы очень сложенъ и не опредѣленъ еще вполнѣ точно. Извѣстно, однако, что протопласма есть соединеніе бѣлковинныхъ тѣлъ, и что поэтому кислородъ, углеродъ, водородъ и азотъ составляютъ ея главнѣйшіе элементы. Въ своемъ типическомъ состояніи, она представляется полутекучимъ веществомъ — липкою, слизистою жидкостію, густою, какъ сырой яичный бѣлокъ [1]). Подъ микроскопомъ въ ней обнаруживаются движенія: волны скользятъ по ея поверхности, или же она разбѣгается потоками, то широкими и удаляющимися лишь на малое разстояніе отъ главной массы, то тонкими жидкими нитями, которыя или тянутся цѣльными, или подраздѣляются на вѣтви, текущія далѣе совершенно независимо одна отъ другой. Эти потоки иногда стекаются вмѣстѣ, какъ ручьи сливаются въ рѣки; тянутся же они не только такъ, какъ побуждаетъ ихъ тяжесть, но иногда и въ направленіи діаметрально противуположномъ. Иногда протопласма растекается во всѣ стороны тонкимъ жидкимъ слоемъ и потомъ снова собирается въ свои тѣсныя прежнія границы. Эти движенія совершаются безъ всякаго замѣтнаго побужденія извнѣ, которое вызывало бы волны на поверхности или выталкивало бы потоки изъ окраинъ. Хотя всѣ эти явленія, несомнѣнно, возникаютъ вслѣдствіе нѣкотораго раздраженія протопласмы внѣшнимъ міромъ, но по-

---

[1]) Говоря о протопласмѣ, какъ о жидкости, не слѣдуетъ забывать, что это выраженіе относится лишь къ ея физической густотѣ, обусловливаемой, главнѣйшимъ образомъ, количествомъ соединенной съ нею воды и подлежащей значительнымъ измѣненіямъ отъ твердой формы, какую мы видимъ въ непробужденномъ къ жизни зародышѣ зерна, до жидкаго водянистаго вида въ листахъ валиснеріи. Отличительныя свойства протопласмы совершенно различны отъ свойствъ обыкновенной физической жидкости и подлежатъ совершенно инымъ законамъ.

добныхъ имъ мы никогда не усматриваемъ въ какой-либо физической жидкости: это самобытныя движенія, происходящія отъ собственной раздражительности протопласмы, отъ ея обособленія въ живое вещество.

При болѣе подробномъ изслѣдованіи, помощію сильнѣйшаго микроскопа, удается видѣть въ протопласмѣ безчисленное множество мельчайшихъ зернушекъ; иногда же она представляется совершенно однородною; но есть ли зернушки, или нѣтъ ихъ, никогда нельзя отличить въ протопласмѣ ничего такого, что означается терминомъ «организація». Предъ глазами наблюдателя лежитъ слизистая, клейкая жидкость, если не вполнѣ однородная, то всегда вполнѣ лишенная всякаго строенія. Тѣмъ не менѣе, каждый наблюдатель, созерцающій это самопроизвольно движущееся вещество, не можетъ не признать его живымъ. Жидкость эта есть жидкость живая; безъ органовъ и безъ строенія она обнаруживаетъ существенныя явленія жизни.

Немногими главнѣйшими чертами мы старались дать понятіе о протопласмѣ въ самомъ общемъ ея видѣ. Но какъ подобныя обобщенія сами по себѣ не удовлетворяютъ условіямъ, которыя требуются для точнаго научнаго изслѣдованія, то прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшему обозрѣнію мѣста и значенія протопласмы въ природѣ, я представлю нѣкоторые опредѣленные образцы ея встрѣчаемые въ органическомъ мірѣ.

Натуралисты ученой морской экспедиціи, плававшіе на англійскомъ кораблѣ Porcupine, зачерпнули въ сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ, на глубинахъ отъ 5,000 до 25,000 футовъ, нѣкоторое количество особеннаго слизистаго вещества. При наблюденіяхъ на мѣстѣ, оно обнаруживало самопроизвольныя движенія и, очевидно, казалось одареннымъ жизнію. Образцы этой слизи, сохраненные въ спиртѣ, разсматривалъ потомъ Гукслей, который призналъ ее за протопласму и заключилъ, что большія массы ея, въ живомъ видѣ, покрываютъ собою обширныя пространства морскаго дна. Диковинную слизь Гукслей назвалъ батибіемъ Гекеля.

Профессоръ Гекель изслѣдовалъ батибія во всѣхъ подробностяхъ. Онъ счелъ себя въ правѣ подтвердить вполнѣ заключеніе Гукслея и пришелъ къ убѣжденію, что дно океана, на глубинахъ болѣе 5,000 футовъ, покрыто огромною массою живой протопласмы, которая остается тамъ въ своемъ простѣйшемъ и первобытномъ видѣ, не получивъ еще опредѣленной формы. Онъ предполагаетъ, что протопласма могла образоваться тамъ самозарожде-

ніемъ, но предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса будущимъ изслѣдованіямъ.

Не всѣ естествоиспытатели признали дѣйствительное существованіе батибія. Въ позднѣйшей англійской ученой морской экспедиціи на кораблѣ Challenger, попытки натуралистовъ подтвердить новыми доказательствами присутствіе массъ безформенной протопласмы на днѣ океана не увѣнчались успѣхомъ. Въ мѣстностяхъ, ими изслѣдованныхъ, они не нашли слѣдовъ батибія и заключили, что вещество, почерпнутое съ борта Porcupine и сохраненное въ спиртѣ для дальнѣйшаго изслѣдованія, состояло изъ неорганическаго осадка, произведеннаго дѣйствіемъ алкоголя.

Не легко допустить такое поспѣшное опроверженіе весьма тщательныхъ изслѣдованій Гукслея и Гекеля. Они были подтверждены болѣе новыми наблюденіями въ арктическихъ моряхъ Бессельса, который утверждаетъ, что у береговъ Гренландіи онъ черпалъ массы живой безформенной протопласмы, повидимому, тождественной съ батибіемъ, добытымъ въ плаваніе Porcupine. Необходимы новыя доказательства тому, что батибія не существуетъ, дабы отодвинуть въ ряды опровергнутыхъ гипотезъ ученіе, основанное на весьма тщательныхъ наблюденіяхъ.

Принимая, что батибій, какъ бы ни было сокращено новѣйшими наблюденіями пространство, занимаемое имъ на днѣ морскомъ, дѣйствительно существуетъ, мы усматриваемъ въ немъ живое вещество въ самомъ первобытномъ видѣ. Никакой морфологическій законъ не возымѣлъ еще дѣйствія надъ этою безжизненною слизью. Нѣтъ, хотя бы простѣйшаго, обособленія. Мы видимъ живую массу, но не знаемъ, гдѣ провести ограничивающія ее очертанія. Это живое вещество, но едва-ли можно назвать его живымъ существомъ.

Батибій не единственный примѣръ протопласмы въ ея наипростѣйшемъ видѣ. Гекель нашелъ въ прѣсной водѣ, въ окрестностяхъ Іены, маленькіе живые комочки протопласмы, которые подъ микроскопомъ не имѣли постоянной формы. Ихъ очертаніе безпрестанно измѣнялось, потому что изъ различныхъ мѣстъ ихъ поверхности выдвигались широкія лопасти и толстые пальцевидные выступы, которые, продержавшись короткое время, втягивались въ массу и снова потомъ появлялись въ другихъ частяхъ поверхности. Эти вещественные выступы, не имѣющіе ни постояннаго положенія, ни опредѣленной формы, составляютъ характеристическое свойство протопласмы въ ея простѣйшей фор-

мѣ. Ихъ назвали лженожками (pseudopodia), и мы будемъ часто говорить о нихъ впослѣдствіи.

Такимъ комочкамъ протопласмы Гекель далъ названіе первобытной протамебы. Ихъ можно сравнить съ маленькими кусочками, отрѣзанными отъ батибія. Гекель видѣлъ, какъ протамебы размножаются самобытнымъ раздѣленіемъ на двѣ части, которыя, сдѣлавшись независимыми, ростутъ и пріобрѣтаютъ всѣ признаки родителей. Другія существа, столь же простыя, какъ протамебы, были описаны различными наблюдателями и особенно Гекелемъ, который всѣ ихъ соединилъ въ одну группу монеръ, такъ названной имъ по чрезвычайной простотѣ составляющихъ ее существъ.

Перейдемъ къ нѣсколько высшей степени развитія протопласмическихъ существъ. Едва-ли не всюду въ прѣсныхъ и соленыхъ водахъ попадаются маленькія частички протопласмы, весьма сходныя съ выше описанною протамебой. Подобно ей, онѣ не имѣютъ опредѣленной формы и безпрестанно измѣняютъ свой видъ, выпуская и обратно втягивая въ себя толстыя лонасти и пальцеобразныя лженожки, въ которыя ихъ тѣло расплывается въ полѣ зрѣнія микроскопа. Мы видимъ, однако, здѣсь уже не такую однородную частицу протопласмы, изъ какой состоитъ тѣло протамебы. Около центра выдѣлилась изъ остальной массы шаровидная частица болѣе твердой протопласмы, и завелось, такъ называемое, ядро, причемъ протопласма съ наружной поверхности слегка отличается отъ внутреннихъ частей тѣмъ, что она болѣе прозрачна, не заключаетъ въ себѣ зернушекъ и, повидимому, нѣсколько тверже. Можно еще замѣтить, что въ одномъ мѣстѣ появляется свѣтлое сферическое пространство; пока наблюдатель его разсматриваетъ, оно внезапно сокращается и исчезаетъ, а чрезъ нѣсколько секундъ снова расширяется и дѣлается видимымъ, а затѣмъ опять исчезаетъ. Такія перемѣны совершаются въ правильной послѣдовательности, какъ бы въ тактъ. Маленькая полость, съ пульсаціями въ тактъ, встрѣчается очень часто въ существахъ, составляющихъ низшую ступень развитія жизни.

Таково существо, обращавшее на себя вниманіе натуралистовъ съ самаго начала микроскопическихъ наблюденій. Это та знаменитая амеба, которую микроскописты въ послѣдніе 200 лѣтъ ловили въ лужахъ и жолобахъ подъ крышами, чтобы наблюдать въ ней неопредѣленную форму и непрерывныя видоизмѣненія живой частицы вещества. Но лишь въ наши дни наука убѣдилась, какъ важна она для біологіи и указала, что въ этой маленькой

частицѣ, съ внутреннимъ ядромъ, мы видимъ тѣло, котораго значеніе для морфологіи и физіологіи неоцѣнимо, потому что амеба заключаетъ въ себѣ существенныя черты *клѣточки*, а послѣдняя есть морфологическая единица организма и физіологическій источникъ каждаго спеціальнаго отправленія.

Терминъ «клѣточка» былъ такъ долго въ употребленіи, что нельзя вытѣснить его изъ терминологіи; а между тѣмъ, онъ ведетъ къ неправильному пониманію, возбуждая собою понятіе о пустомъ тѣлѣ или полости, потому что въ началѣ клѣточка была изучаема въ этой формѣ. По существу же своему, клѣточка есть масса протопласмы съ включеннымъ среди ея ядромъ; имѣетъ ли она форму полости или нѣтъ, окружена ли она предохранительною оболочкою или нѣтъ, есть ли въ ней сократимая полость или нѣтъ, есть ли въ ядрѣ еще одно или нѣсколько болѣе мелкихъ второстепенныхъ ядрышекъ или нѣтъ.

Гекель оказалъ добрую услугу біологіи, настаивая на необходимости отличать безъядренныя формы протамебъ и другихъ монеръ отъ формъ съ ядрами, къ каковымъ принадлежитъ амеба *).

Разсмотримъ нашу амебу подробнѣе. Подобно всѣмъ живымъ существамъ она должна питаться. Она не можетъ расти, какъ кристаллъ, отъ накопленія на поверхности частицъ вещества одной за другою. Она должна ѣсть, должна принимать въ себя нужную ей пищу, уподоблять ее себѣ и превращать ее въ такое же вещество, изъ какого состоитъ сама. Напрасно стали бы мы искать рта для принятія пищи въ тѣло и желудка для пищеваренія. Но если, во время наблюденія амебы въ каплѣ во-

*) Въ типѣ клѣточки слѣдуетъ отличать три части: первая есть, болѣе или менѣе, жидкая зернистая протопласма; вторая—ядро, а третья—наружный болѣе твердый слой протопласмы или оболочки. Можно допустить, что всѣ эти части выдѣлились изъ первоначальной простой протопласмы. Впрочемъ, клѣточки не всегда остаются на степени той простоты, какую мы видимъ въ амебѣ. Ядро въ началѣ бываетъ всегда совершенно однородное, но, по мѣрѣ его увеличенія, въ немъ появляется строеніе, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, болѣе сложное, чѣмъ прежде предполагали. Въ немъ часто показывается наружный болѣе твердый слой или оболочка, заключающая въ себѣ болѣе жидкую протопласму ядра, среди которой нерѣдко удавалось отличить сѣть нитей.

Мелкія зернушки, обыкновенно находимыя въ протопласмѣ клѣточки, кажется, не принадлежатъ къ ея строенію. Вѣроятно, они не иное что, какъ введенное извнѣ питательное вещество, подлежащее процессу уподобленія и превращенію въ настоящую протопласму. Въ наружномъ, болѣе твердомъ, слоѣ никогда не бываетъ зернушекъ: единственная цѣль этой оболочки-охраненіе содержимаго въ ней отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній.

ды подъ микроскопомъ, окажется въ ея сосѣдствѣ другое живое существо, то мы увидимъ, что присутствіе его вліяетъ на амебу особенно раздражающимъ образомъ и побуждаетъ ее къ движеніямъ, необходимымъ для схватыванія пищи. Токъ протопласмы тотчасъ выходитъ изъ тѣла, направляется къ добычѣ, окружаетъ ее собою и вмѣстѣ съ нею втягивается въ центральную протопласму, гдѣ она погружается все глубже и глубже въ мягкую массу, распускается въ ней, переваривается и уподобляется тѣлу хищника для увеличенія его роста и укрѣпленія его силъ.

Подобно всѣмъ живымъ существамъ, амеба должна также размножаться. Для этой цѣли ея ядро, достигнувъ извѣстной величины, дѣлится на двѣ половины, послѣ чего окружающая ихъ протопласма также раздвояется, и каждая ея половина удерживаетъ въ себѣ половину начальнаго ядра. Образовавшіяся такимъ образомъ двѣ массы съ ядрами живутъ независимо одна отъ другой, питаются, ростутъ и становятся во всемъ сходными съ своимъ родителемъ.

Мы видѣли, что тѣло амебы представляетъ собою типъ клѣточки. Въ прѣсной и морской водѣ, кромѣ амебъ есть много другихъ живыхъ существъ, которыя въ своемъ развитіи не поднимаются выше простой клѣточки. Многія изъ нихъ, не выпуская изъ себя лженожекъ въ видѣ лопастей, одарены способностію выгонять изъ себя протопласму длинными и тонкими нитями, снова вбирать ихъ въ себя и при помощи ихъ хватать свою добычу или передвигаться съ мѣста на мѣсто. Состоя изъ простой протопласмы, безъ всякаго строенія, многія изъ нихъ облекаютъ себя перепончатою или известковою покрышкою, часто симметричной формы и съ затѣйливыми украшеніями; другія созидаютъ себѣ кремнистый скелетъ изъ лучеобразно расположенныхъ иголъ или прозрачныя, какъ хрусталь, концентрическія сферы рѣдкой симметріи и красоты.

Иныя изъ этихъ существъ движутся при помощи длиннаго бичевиднаго отростка, которымъ они бьютъ по окружающей водѣ, и который, при жизни, не втягивается въ общую протопласму ихъ тѣла, какъ лженожки амебы. У другихъ для движенія служатъ усики—микроскопическіе вертящіеся волоски, различно размѣщенные на ихъ поверхности и состоящіе, подобно лженожкамъ и бичевиднымъ отросткамъ, изъ простаго продолженія внутренней протопласмы.

Въ каждомъ такомъ животномъ все тѣло имѣетъ морфологи-

ческое значеніе клѣточки, и въ этой простой клѣточкѣ сокрыты всѣ свойства, обнаруживающіяся въ жизненныхъ явленіяхъ организма.

Роль подобныхъ одноклѣточныхъ существъ въ экономіи природы была во всѣ времена очень обширна, и многія геологическія формаціи, построенныя въ широкой мѣрѣ изъ ихъ известковыхъ или кремнистыхъ скелетовъ, свидѣтельствуютъ о томъ, въ какомъ безчисленномъ множествѣ онѣ кишѣли въ водахъ древней земли.

Дошедшіе до насъ отъ глубокой древности слѣды этихъ существъ сохранились, благодаря твердымъ и неразрушимымъ частямъ, выдѣленнымъ ихъ протопласмой, и составляли, конечно, лишь малую долю одноклѣточныхъ организмовъ, населявшихъ древній міръ и совершившихъ въ немъ предписанное имъ природою назначеніе; мягкія же и тлѣнныя ихъ тѣла вполнѣ исчезли.

Въ наше время тоже работаютъ подобные одноклѣточные организмы; они тихо и невозмутимо участвуютъ въ исполненіи великихъ предначертаній мірозданія, и, наравнѣ съ ихъ предшественниками, большая часть ихъ не оставитъ по себѣ никакихъ признаковъ бытія. Красное снѣжное растеніе (protococcus nivalis), такъ прелестно оживляющее нѣжнымъ алымъ цвѣтомъ альпійскіе и арктическіе снѣга, есть микроскопическій организмъ, котораго все тѣло состоитъ изъ простой шаровидной клѣточки. Въ протопласмѣ этой маленькой клѣточки таятся всѣ существенные атрибуты жизни: она принимаетъ въ себя пищу, ростетъ, размножаетъ унаслѣдованную ею отъ родителя форму и чутко отзывается на вліянія окружающихъ физическихъ условій. Надѣленная строеніемъ самой крайней простоты она исполняетъ свое назначеніе въ экономіи природы, соединяетъ въ живое вещество безжизненные элементы, ее окружающіе, избавляетъ отъ безплодія страны никогда не тающихъ льдовъ и населяетъ безчисленными милліонами существъ обширныя снѣжныя пустыни.

Организація не долго останавливается на этой низкой ступени одноклѣточной простоты. Мы видимъ, что, при переходѣ отъ низшихъ формъ къ высшимъ, клѣточка прикладывается къ клѣточкѣ, пока многіе милліоны ихъ соединятся въ одинъ организмъ, въ которомъ каждая клѣточка или каждая группа клѣточекъ имѣетъ свою спеціальную работу, и всѣ сочетаются вмѣстѣ для благосостоянія и единства цѣлаго.

Въ самыхъ сложныхъ животныхъ, даже въ человѣкѣ, клѣточки, составляющія ихъ тѣло, не смотря на ихъ частыя видо-

измѣненія и тѣсную соединяющую ихъ связь, отнюдь не утрачиваютъ своей индивидуальности. Разсмотримъ подъ микроскопомъ каплю свѣжей человѣчьей или животной крови. Мы увидимъ, что она состоитъ изъ множества красныхъ тѣлецъ, плавающихъ въ почти безцвѣтной жидкости, и изъ гораздо меньшаго числа болѣе крупныхъ безцвѣтныхъ тѣлецъ. Красныя тѣльца суть видоизмѣненныя клѣточки, а безцвѣтныя тѣльца—клѣточки, еще сохранившія свою типическую форму и свои свойства. Послѣднія состоятъ изъ маленькой массы протоплазмы, окружающей центральное ядро. Слѣдя за ними, мы усмотримъ, что онѣ измѣняютъ свою форму, выпускаютъ и втягиваютъ лженожки и копошатся, какъ амебы. Подобно послѣднимъ, онѣ, для питанія, втягиваютъ въ себя твердое вещество. Ихъ можно кормить окрашенною пищей, которая накопляется тогда внутри ихъ мягкой и прозрачной протоплазмы. Случалось видѣть, что кровяныя безцвѣтныя тѣльца пожирали своихъ болѣе мелкихъ сотоварищей—красныя тѣльца.

Есть еще клѣточки, наполненныя особыми окрашивающими веществами, называемыми пигментами; такія клѣточки входятъ, въ обильномъ числѣ, въ составъ кожи рыбъ, лягушекъ и другихъ низшихъ позвоночныхъ животныхъ, а равно и нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ. При нѣкоторомъ возбужденіи, напримѣръ подъ вліяніемъ свѣта или ощущенія, эти клѣточки съ пигментомъ мѣняютъ свою форму, выпускаютъ или втягиваютъ лженожками свою протоплазму и принимаютъ форму звѣзды или неправильной фигуры съ лопастями, или же снова стягиваются въ маленькія шаровидныя массы. Этой перемѣнѣ въ формѣ клѣточекъ съ пигментомъ приписываютъ быстрое измѣненіе цвѣта, такъ часто замѣчаемое у животныхъ; въ кожѣ которыхъ есть такія клѣточки.

Яйцо животныхъ, которое въ молодой своей формѣ составляетъ элементъ въ строеніи родительскаго организма, заслуживаетъ особеннаго вниманія въ разсматриваемыхъ здѣсь соотношеніяхъ. Яйцо есть настоящая клѣточка, состоящая существенно изъ массы протоплазмы, облекающей собою ядро съ ядрышкомъ внутри. Покуда оно очень молодо, оно не имѣетъ опредѣленной формы и безпрестанно измѣняетъ свой видъ. Часто его невозможно отличить отъ амебы и, подобно послѣдней, оно можетъ передвигаться съ мѣста на мѣсто при помощи своихъ лженожекъ. Я нашелъ, что яйцо одного замѣчательнаго гидроида (myriothela) движется, какъ амеба. Гекель доказалъ, что въ губкахъ подобные амебамъ организмы, которые бродятъ по каналамъ

и полостямъ ихъ тѣла и еще недавно считались за паразитовъ, зашедшихъ туда извнѣ, суть яйца этихъ губокъ. Столько же походятъ на амебу очень молодыя яйца даже высшихъ животныхъ.

Рейхенбахъ доказалъ своими наблюденіями надъ развитіемъ раковъ, что клѣточки зародыша вынускаютъ изъ себя лженожки и, какъ амебы, обхватываютъ ими шарики желтка, служащіе для питанія зародыша, и втягиваюхъ ихъ въ протопласму клѣточекъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я указалъ, что въ упомянутомъ выше myriothela изъ стѣнокъ пищепріемнаго канала непрерывно выпускаются въ его полость какъ бы лженожки. По-видимому, онѣ составляютъ непосредственное растяженіе прозрачнаго и мягкаго слоя протопласмы, покрывающей поверхность голыхъ клѣточекъ, выстилающихъ собою эту полость. Я полагаю, что этотъ слой есть оболочка клѣточекъ и что лженожки предназначены собирать, какъ дѣлаютъ амебы, питательное вещество, попадающееся въ каналѣ, и тѣмъ содѣйствовать питанію животнаго.

Подобныя явленія профессоръ новороссійскаго университета Мечниковъ замѣтилъ въ нѣкоторыхъ червяхъ. Онъ видѣлъ, какъ клѣточки, выстилающія пищевой каналъ этихъ животныхъ, дѣйствуютъ, подобно независимымъ амебамъ и втягиваютъ въ свою протопласму твердыя частицы пищи, остающіяся въ каналѣ. При кормленіи такихъ червей окрашеннымъ веществомъ эти клѣточки наполнялись цвѣтными крупинками, какъ амебы, когда ихъ кормятъ такою же пищею.

Но не однѣ только почти свободныя клѣточки крови или подобныя амебамъ клѣточки пищеваго канала, или входящія въ составъ ткани клѣточки съ пигментомъ, или клѣточки, предназначенныя къ окончательному свободному состоянію, какъ яйцо, пользуются независимостью. Полный сложный организмъ есть общество клѣточекъ, гдѣ каждая отдѣльная клѣточка пользуется независимостію и автономіей, которыя хотя на первый взглядъ и не такъ очевидны, какъ въ клѣточкахъ крови, но столько же дѣйствительны. При таковой автономіи каждаго элемента, всѣ они подчиняются цѣлому, чѣмъ установляется единство полнаго организма, и во всѣхъ жизненныхъ явленіяхъ водворяются согласіе и гармонія.

Въ такомъ обществѣ клѣточекъ каждая изъ нихъ имѣетъ свою работу, и жизнь организма слагается изъ жизней, составляющихъ его клѣточекъ. Здѣсь мы видимъ самое явственное выраженіе великаго закона физіологическаго раздѣленія работы.

Въ низшихъ организмахъ, тамъ гдѣ все существо состоитъ изъ одной клѣточки, всѣ жизненные процессы должны быть исполнены протопласмой этой единственной клѣточки; но въ существахъ высшей организаціи работа дѣлится между множетвомъ работниковъ. Эти работники—клѣточки, изъ совокупности которыхъ составляется сложный организмъ. Распредѣленіе работы, однако, не однообразно, и работа каждой клѣточки не есть только повтореніе того, что дѣлаетъ другая. Жизненные процессы, совмѣщающіеся въ единственной клѣточкѣ одноклѣточнаго организма, въ сложныхъ организмахъ разъединяются, одни изъ нихъ усиливаются, видоизмѣняются и сосредоточиваются въ особыхъ клѣточкахъ или въ особыхъ группахъ клѣточекъ, называемыхъ органами, которыхъ долгъ—исполнять выпавшій на ихъ долю особый жизненный процессъ. Здѣсь мы видимъ образецъ настоящаго раздѣленія работы, раздѣленія однако далеко не абсолютнаго, ибо всѣ процессы, необходимые для жизни клѣточки, остаются общими для всѣхъ клѣточекъ организма. Какъ бы ни было велико разъединеніе отправленій въ организмѣ, ни одна клѣточка не можетъ обойтись безъ раздражительности, какъ постояннаго и существеннаго свойства каждой клѣточки. Такимъ образомъ, каждой клѣточкѣ или группѣ клѣточекъ достается въ удѣлъ особая работа, содѣйствующая общему ихъ благосостоянію, а совокупность такихъ работъ обезпечиваетъ необходимыя жизненныя условія для каждой клѣточки и имѣетъ результатомъ сложныя и дивныя явленія, составляющія жизнь высшихъ организмовъ.

Доселѣ мы разсматривали клѣточку, какъ массу дѣятельной протопласмы съ ядромъ, или совершенно обнаженную или частію заключенную въ предохранительной покрышкѣ, которая не мѣшаетъ протопласмѣ свободно соприкасаться съ окружающею средою. Но весьма часто протопласма бываетъ заключена въ твердой оболочкѣ, которая не допускаетъ прямаго прикосновенія съ окружающею средою. Въ растеніяхъ таковы почти всѣ клѣточки съ самой ранней поры своей жизни. Протопласма въ нихъ одарена способностію выдѣлять изъ себя на поверхности твердую и упругую перепонку, состоящую изъ клѣтчатки, вещество которой не содержитъ въ себѣ азота, а потому вполнѣ различно съ протопласмой и не можетъ обнаруживать жизненныхъ явленій.

Между стѣнками клѣтчатки протопласма пребываетъ въ тѣсномъ заключеніи, но она не прекращаетъ отъ того своей дѣятельности и не перестаетъ работать, какъ живое существо. Хотя

она прямо не соприкасается съ окружающею средою, но зависимость ея отъ среды отъ того не уменьшается, и взаимодѣйствіе между заключенною протопласмой и внѣшнимъ міромъ допускается проницаемостію окружающей ее клѣтчатной стѣнки.

Протопласма, окруженная клѣтчаткой, рѣдко бываетъ однообразна въ своихъ частяхъ, какъ-то часто встрѣчается въ обнаженныхъ клѣточкахъ. Въ ней появляются маленькія полости, которыя постепенно увеличиваются, сливаются одна съ другою, образуютъ иногда большую центральную полость и наполняются водянистою жидкостію, извѣстною подъ названіемъ клѣточнаго сока. Вслѣдствіе образованія такой центральной полости съ сокомъ, окружающая протопласма отталкивается къ клѣтчатной стѣнкѣ и разстилается по ней сплошнымъ слоемъ. Ядро или остается близъ центра, обвернутое слоемъ протопласмы, которая соединяется лучеобразными полосками съ протопласмой стѣнокъ, или же само перемѣщается вмѣстѣ съ протопласмой и укладывается въ ней на стѣнкахъ клѣточки.

Есть много доказательствъ тому, что дѣятельность заключенной протопласмы ни въ чемъ не умаляется. Characae составляютъ весьма любопытную группу простыхъ растеній, часто встрѣчаемыхъ въ чистой водѣ прудовъ и медленно текущихъ ручьевъ. Клѣточки, изъ которыхъ они построены, сравнительно велики и, какъ почти всѣ растительныя клѣточки, окружены клѣтчатною оболочкою. Клѣтчатка совершенно прозрачна и подъ микроскопомъ, даже при слабомъ увеличеніи, видно какъ въ клѣточкѣ обращается часть протопласмы; на одной сторонѣ длинной трубчатой клѣточки она движется внизъ, а на другой поднимается вверхъ, увлекая съ собою попадающія въ токъ болѣе твердыя частицы. Въ другомъ водяномъ растеніи, valisneria spiralis, подобное обращеніе протопласмы можно видѣть въ клѣточкахъ листа; здѣсь непрерывный токъ протопласмы несетъ въ себѣ зеленыя зернышки хлорофилла и даже увлекаетъ въ свое теченіе шаровидное ядро, представляя наблюдателю одно изъ прекраснѣйшихъ явленій, открываемыхъ микроскопомъ.

Во многихъ другихъ клѣточкахъ, съ большими соковыми полостями, каковы, напримѣръ, стрекающіе волоски крапивы и другіе виды растительныхъ волосковъ, изъ протопласмы отложившейся на стѣнкахъ выпускаются иногда въ соковую полость отростки и струйки, образующіе собою неправильную сѣть, въ которой, при помощи сильнаго микроскопа, можно замѣтить медленное теченіе зернышекъ. Форма и положеніе сѣти изъ про-

топласмы непрерывно измѣняются и представляютъ очевидное сходство съ перемѣнами формы амебы. Наружная клѣтчатная стѣнка не позволяетъ протопласмѣ выпускать съ наружной стороны лженожки, какъ то дѣлаетъ обнаженная амеба; но съ внутренней стороны нѣтъ препятствія для растяженія протопласмы, почему полость клѣточки и наполняется, въ большей или меньшей степени, отростками протопласмы идущими отъ стѣнки. Эти отростки часто тянутся въ видѣ тонкихъ нитей, которыя, встрѣчаясь, сливаются одна съ другою. Въ нихъ замѣтно теченіе зернышекъ по направленію ихъ длины. Черезъ нѣсколько времени, вся сѣть стягивается и исчезаетъ. Словомъ, растительная клѣточка съ окружающею ее клѣтчатною стѣнкою, во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, представляетъ собою заключенную корненожку.

Другое доказательство тому, что замкнутая протопласма не теряетъ въ заключеніи присущей ей раздражительности, мы находимъ въ прозрачной клѣточкѣ другаго простаго водянаго растенія nitella. Если мы подъ микроскопомъ тронемъ ее тупою иглою, то мы увидимъ, что вслѣдствіе такого раздраженія, ея зеленая протопласма удаляется отъ клѣтчатной стѣнки. Если мы разорвемъ подъ микроскопомъ клѣтчатную стѣнку сравнительно крупной клѣточки, составляющей все растеніе одноклѣточной поросли vaucheria, столь обычной въ мелкихъ болотахъ, то протопласма ея вытечетъ и начнетъ выпускать изъ себя лженожки и двигаться, подобно амебѣ.

Даже въ высшихъ растеніяхъ, не указывая на примѣръ сенситивы (mimosa pudica) и мухоловки (dionea muscipula), легко обнаружить раздраженіе протопласмы. Много такихъ травянистыхъ растеній, которыхъ молодой, сочный и здоровый стебель, если крѣпко ударить по немъ, не разрушая однако его тканей и не дѣлая ему раны, вслѣдъ затѣмъ начинаетъ сгибаться и опадать немного выше того мѣста, гдѣ нанесенъ ударъ. Стебель какъ бы теряетъ свою крѣпость, не можетъ выдержать собственной своей тяжести и начинаетъ умирать. Но въ такомъ случаѣ его протопласма не убита, а только поражена силою удара и требуетъ нѣкотораго времени, чтобы оправиться. Пробывъ нѣсколько часовъ склоненнымъ и вялымъ, стебель самъ собою поднимается и скоро пріобрѣтаетъ свою прежнюю крѣпость. Этотъ опытъ, вообще, удается надъ растеніями съ большимъ колосомъ или большою кистью, если ударъ наносится немного ниже цвѣта, и прежде чѣмъ цвѣтки распустились.

Въ различныхъ указанныхъ здѣсь случаяхъ, протопласма въ зрѣломъ растеніи одѣта кругомъ клѣтчатною стѣнкою. Но прекрасными наблюденіями Франциска Дарвина доказано, что и въ высшихъ растеніяхъ встрѣчается обнаженная протопласма. Онъ подсмотрѣлъ, что изъ клѣточекъ желѣзистыхъ волосковъ на чашевидномъ влагалищѣ, образуемомъ въ чертополохѣ (dipsacus), соединенными основаніями двухъ противуположныхъ листовъ выпускаются длинныя лженожки протопласмы. Значеніе такого исключительнаго явленія еще не опредѣлено. Вѣроятно, какъ предполагаетъ Дарвинъ, оно имѣетъ связь съ поглощеніемъ азотистыхъ веществъ.

Что нѣтъ существенной разницы между протопласмой растеній и протопласмой животныхъ, подтверждается до очевидности еще другими явленіями такихъ движеній, которыя мы привыкли считать исключительною принадлежностію животныхъ. Во многихъ растеніяхъ наипростѣйшей организаціи образуются особыя клѣточки, называемыя спорами, отдѣляющіяся отъ родителя и предназначенныя, подобно сѣменамъ высшихъ растеній, для размноженія вида. Часто эти споры чрезвычайно подвижны. Иногда для движенія они измѣняютъ свою форму, подобно амебамъ, но, въ большемъ числѣ случаевъ, онѣ движутся при помощи маленькихъ вертящихся усиковъ или посредствомъ болѣе развитаго бичевиднаго отростка протопласмы. Эти усики и бичевидные отростки у клѣточекъ растеній совершенно такіе же, какіе мы находимъ у животныхъ. Вертя первыми въ окружающей ихъ водѣ или похлестывая по ней послѣдними, подвижныя клѣточки быстро передвигаются съ мѣста на мѣсто, Нерѣдко въ подобныхъ движеніяхъ онѣ обнаруживаютъ какъ бы нѣчто похожее на волю; такъ мы замѣчаемъ, что подвижная клѣточка, встрѣтивъ препятствіе, мѣняетъ свое направленіе и отступаетъ назадъ, повертывая своими усиками въ противуположную сторону. Свѣтъ привлекаетъ ихъ, и онѣ собираются на освѣщенной сторонѣ сосуда, въ которомъ онѣ находятся; впрочемъ, свѣтъ иногда вліяетъ на нихъ въ обратномъ смыслѣ, и онѣ отъ него удаляются.

Можно привести еще фактъ, доказывающій однообразный характеръ протопласмы, и какъ много она отлична своими свойствами отъ безжизненной матеріи, а именно—способность протопласмы не допускать въ себя окрашивающее вещество. Микроскописты пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ различными красильными веществами, какъ, напримѣръ, растворомъ кармина. Эти вещества на различныя ткани дѣйствуютъ неодинаково: ок-

рашивая однѣ изъ нихъ ярче, чѣмъ другія, они тѣмъ самымъ даютъ возможность гистологу открывать такіе элементы строенія, которые иначе не сдѣлались бы извѣстными. Живая протопласма, погруженная въ растворъ кармина, не окрашивается имъ, пока жива; но вся масса убитой протопласмы тотчасъ проницается карминомъ и окрашивается болѣе яркимъ цвѣтомъ, чѣмъ цвѣтъ самаго раствора.

Самый осязательный примѣръ свойствъ протопласмы, какъ живаго вещества, независимо отъ роли, которую она играетъ въ организаціи, представляютъ намъ собою миксомицеты. Это группа замѣчательныхъ организмовъ, которые, по своей сравнительно крупной величинѣ и по тому, что большую часть своей жизни остаются въ видѣ обнаженной протопласмы, представляютъ прекрасное поле для изслѣдованія и сдѣлались источникомъ нашихъ познаній о природѣ и явленіяхъ протопласмы.

Ботаники причисляли ихъ къ грибамъ, но хотя они и имѣютъ съ ними болѣе сродства, чѣмъ со всѣми другими растеніями, тѣмъ не менѣе они отличаются отъ нихъ въ столь многихъ отношеніяхъ, особенно въ своемъ развитіи, что такое сопоставленіе не можетъ быть допущено. Попадаются они въ сырыхъ мѣстахъ на старой дубильной корѣ, на мхахъ, на прѣлыхъ листьяхъ и на гниломъ деревѣ, по которымъ они разстилаются въ видѣ сѣти нагой протопласмы, густой, какъ сливки, и, обыкновенно, желтоватаго цвѣта.

Подъ микроскопомъ въ нитяхъ сѣти замѣтны дѣятельныя самобытныя движенія, которыя, въ крупныхъ развѣтвленіяхъ, можно отличить въ обыкновенное увеличительное стекло и даже простымъ глазомъ. По направленію нитей пробѣгаетъ рядъ послѣдовательныхъ волнъ. При сильномъ увеличеніи, усматривается непрерывное движеніе зернышекъ, которыя текутъ вдоль нитей и переходятъ изъ вѣтки въ вѣтку этой удивительной сѣти. То здѣсь, то тамъ выпускаются отпрыски протопласмы и снова втягиваются, какъ лженожки амебы, причемъ весь организмъ иногда покидаетъ подставку, на которой онъ выросъ, и переползаетъ на сосѣднія поверхности, походя во всѣхъ отношеніяхъ на колоссальную развѣтвленную амебу. Онъ замѣчательно чувствителенъ къ свѣту, и не разъ случалось видѣть, какъ днемъ онъ перебирается на неосвѣщенную сторону листьевъ или прячется въ углубленіе дубильнаго корья на которомъ онъ выросъ, а при наступленіи ночи снова показывается наружу.

По истеченіи извѣстнаго періода, надъ поверхностію этой

сѣти изъ протопласмы появляются капсюли, или сумочки содержащія въ себѣ споры—тѣла, предназначенныя для воспроизведенія миксомицета. Созрѣвшая сумочка лопается и освобождаетъ заключенные въ ней споры. Послѣдніе имѣютъ форму шаровидныхъ клѣточекъ, покрытыхъ каждая нѣжною перепончатою оболочкою. Въ водѣ оболочка лопается, и изъ нея выползаетъ маленькая клѣточка, состоящая изъ маленькой массы протопласмы, съ круглымъ центральнымъ ядромъ, содержащимъ въ себѣ ядрышко, и съ ритмически пульсирующею свѣтлою полостію. Маленькій, свободный и нагой споръ скоро выпускаетъ изъ себя подвижный длинный бичевидный отростокъ, похлестывая которымъ онъ передвигается съ мѣста на мѣсто. Черезъ нѣсколько времени, бичевидный отростокъ изчезаетъ, и споръ начинаетъ выпускать изъ себя и обратно втягивать въ свою массу пальцевидныя лженожки, при помощи которыхъ онъ, подобно амебѣ, ползаетъ и пожираетъ твердыя частицы, затягивая ихъ въ глубь своей мягкой протопласмы.

До этой поры молодые, подобные амебѣ, миксомицеты наслаждаются независимымъ существованіемъ. Затѣмъ, въ нихъ обнаруживается странное и знаменательное явленіе. Двѣ или нѣсколько особей сближаются, соприкасаются и, наконецъ, окончательно сливаются въ одну массу протопласмы, среди которой не остается слѣдовъ, составившихъ ее недѣлимыхъ. Такая масса, подобно амебѣ, растетъ, поглощая и уподобляя себѣ твердую пищу, которую она втягиваетъ внутрь себя, потомъ она выпускаетъ изъ себя развѣтвляющіеся отростки и окончательно превращается въ сѣть изъ протопласмы, которая, въ свою очередь, произведетъ сумочки со спорами, и довершитъ, такимъ образомъ, циклъ своего развитія.

Было замѣчено, что, при нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ, миксомицеты изъ дѣятельнаго подвижнаго состоянія переходятъ въ состояніе покоя. Это случается какъ въ то время, когда они имѣютъ видъ подобныхъ амебѣ споръ, такъ и по сліяніи нѣсколькихъ споръ въ одну массу. Послѣдняя, предаваясь покою, обыкновенно, втягиваетъ въ себя свои тонкіе отпрыски и выбрасываетъ изъ себя поглощенныя ею твердыя тѣла. Затѣмъ ея движенія постепенно прекращаются; она распадается на множество многогранныхъ клѣточекъ, остающихся во взаимной между собою связи, и все тѣло сливается въ роговидную хрупкую массу. Въ такомъ положеніи миксомицетъ можетъ пробыть многіе мѣсяцы, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Жизнь

его, однако, не уничтожена, пріостановились только ея проявленія. Въ водѣ роговидная масса, повидимому мертвая, тотчасъ начинаетъ разбухать, перепончатыя оболочки составляющихъ ее клѣточекъ распускаются и исчезаютъ, а самыя клѣточки сливаются въ дѣятельную, подобную амебѣ, массу протопласмы.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что каждая клѣточка пользуется автономіей и независимою индивидуальностію, а это наводитъ на мысль, что она, подобно всѣмъ живымъ тѣламъ, одарена также способностію размножаться. Наблюденія подтвердили эту мысль, и изученіе размноженія клѣточекъ имѣло, въ послѣдніе годы, результатомъ значительное расширеніе нашихъ познаній о жизненныхъ явленіяхъ.

Обыкновеннѣйшій способъ размноженія клѣточекъ обнаруживается въ раздѣленіи протопласмы на двѣ отдѣльныя части, взаимная связь которыхъ прерывается, такъ что вмѣсто родителя появляются двѣ новыя клѣточки. Въ этомъ процессѣ ядро играетъ великую роль. Страсбургеръ внимательно изучалъ ее въ нѣкоторыхъ растительныхъ клѣточкахъ. Изъ его наблюденій надъ, такъ называемыми, тѣльцами или вторичными зародышевыми мѣшечками хвойныхъ, оказалось, что ядро предъ раздѣленіемъ вытягивается въ веретено и что при этомъ въ немъ показывается особенное полосатое строеніе, какъ будто оно составлено изъ параллельныхъ нитей, протянутыхъ изъ конца въ конецъ веретена. Эти нити утолщаются въ своей серединѣ и отъ сближенія утолщенныхъ частей образуется поперечная пластинка протопласмы. Послѣдняя скоро расщепляется на двѣ половины, которыя расходятся одна отъ другой къ концамъ веретена, подвигаясь въ этомъ движеніи вдоль нитей, по-прежнему тянущихся непрерывно отъ одного конца до другаго. У концовъ каждой изъ этихъ половинъ образуются два новыя ядра, все еще связанныя между собою промежуточною частію веретена. Затѣмъ, на серединѣ веретена такимъ же образомъ выростаетъ вторая пластинка протопласмы, которая, дойдя до стѣнокъ раздѣляющейся клѣточки, разсѣкаетъ протопласму на двѣ половины, каждая съ своимъ новымъ ядромъ. Пластинка, сперва сплошная, скоро расщепляется на два листочка, составляющіе соприкасающіяся ограничивающія поверхности двухъ массъ протопласмы, на которыя раздѣлилась первоначальная клѣточка. Вслѣдъ за тѣмъ между ними отлагается стѣнка изъ клѣтчатки, чѣмъ и доканчивается образованіе двухъ новорожденныхъ клѣточекъ.

Иногда въ актѣ рожденія клѣточекъ все юное поколѣніе про-

исходитъ отъ клѣточки-матери, такъ называемымъ, «свободнымъ образованіемъ клѣточекъ». При этомъ только часть протоплазмы клѣточки-матери расходуется на производство потомства. Такого рода рожденіе клѣточекъ мы встрѣчаемъ, преимущественно, въ образованіи споръ низшихъ растеній, въ первыхъ зачаткахъ зародыша высшихъ растеній и въ образованіи клѣточной массы, служащей для первоначальнаго питанія зародыша, такъ называемой эндоспермы, въ сѣменахъ бо́льшей части явноцвѣтныхъ растеній. Страсбургеръ тщательно изслѣдовалъ отложеніе эндоспермы въ зародышевомъ мѣшечкѣ фасоли, и оно можетъ служить намъ примѣромъ свободнаго образованія клѣточекъ. Зародышевый мѣшечекъ, въ морфологическомъ смыслѣ, есть большая клѣточка съ протоплазмой, ядромъ и клѣтчатною оболочкой, а отлагающаяся въ немъ эндосперма состоитъ изъ множества мелкихъ клѣточекъ, соединенныхъ въ ткань. Прежде образованія эндоспермы, ядро зародышеваго мѣшечка растворяется и исчезаетъ, послѣ чего среди протоплазмы мѣшечка появляется много новыхъ ядеръ. Вокругъ каждаго изъ нихъ, какъ центра, протоплазма клѣточки-матери обособляется въ формѣ прозрачнаго шарика, и, такимъ образомъ, каждое новое ядро обращается въ молодую голую клѣточку, которая скоро облекается на своей поверхности клѣтчатною перепонкою. Образовавшіяся новыя клѣточки размножаются раздѣленіемъ, тѣснятъ одна другую и, соединяясь въ клѣтчатную массу, составляютъ зрѣлую эндосперму.

Къ образованію новыхъ клѣточекъ раздѣленіемъ или свободнымъ образованіемъ слѣдуетъ отнести еще другое любопытное явленіе живой протоплазмы, называемое «объюненіемъ». Оно заключается въ томъ, что вся протоплазма клѣточекъ, вслѣдствіе новаго расположенія частей, принимаетъ новую форму и пріобрѣтаетъ новыя свойства; послѣ чего она покидаетъ свою клѣтчатную келью и вступаетъ въ окружающей средѣ въ новую независимую жизнь. Хорошій примѣръ подобнаго явленія представляетъ намъ образованіе подвижныхъ споръ въ прѣсноводной поросли oedogonium. Здѣсь, вся протоплазма зрѣлой клѣточки сокращается и, вытѣснивъ свой клѣточный сокъ, мѣняетъ свою цилиндрическую форму на шаровидную. Затѣмъ одно мѣстечко дѣлается прозрачнымъ и на немъ выростаетъ пучекъ подвижныхъ усиковъ; потомъ, клѣтчатная оболочка лопается, и шарикъ протоплазмы, одаренный новыми способностями развитія и орудіями передвиженія, выскользаетъ изъ нея въ видѣ подвижнаго спора, который, насладившись нѣкоторое время свободною жизнію

животнаго, становится неподвижнымъ и развивается въ новое растеніе.

Прекрасныя изслѣдованія надъ раздѣленіемъ животныхъ клѣточекъ, сдѣланныя въ послѣдніе годы, показываютъ, какъ сходны между собою растенія и животныя во всѣхъ главныхъ явленіяхъ раздѣленія клѣточекъ и подтверждаютъ новымъ доказательствомъ существенное единство двухъ великихъ органическихъ царствъ природы.

Яйцо есть такая форма клѣточки, которая имѣетъ наивысшее значеніе въ органическомъ мірѣ. Какъ уже сказано, оно во всѣхъ случаяхъ есть типическая клѣточка, состоящая существенно изъ шарика протопласмы, окружающаго собою ядро, которое заключаетъ въ себѣ одно или нѣсколько ядрышекъ. Эта клѣточка, не отличающаяся какимъ-либо осязательнымъ признакомъ отъ тысячъ другихъ клѣточекъ, должна, однако, перейти въ своемъ развитіи черезъ рядъ опредѣленныхъ измѣненій, имѣющихъ цѣлью построеніе такого же организма, отъ какого произошло яйцо.

Очевидно, что возникающіе такимъ путемъ сложные организмы, составленные изъ безчисленныхъ милліоновъ клѣточекъ, могутъ образоваться изъ яйца не иначе, какъ процессомъ размноженія клѣточекъ. Рожденіе новыхъ клѣточекъ отъ первоначальной клѣточки или яйца лежитъ поэтому въ основаніи развитія зародыша. Здѣсь всего лучше можно видѣть явленіе размноженія клѣточекъ въ животномъ царствѣ, и большая часть новѣйшихъ изслѣдованій сущности и свойствъ этого явленія собраны на плодоносномъ полѣ наблюденій надъ первыми періодами развитія яйца.

Яйцо подвергается еще болѣе раннимъ измѣненіямъ, дѣлающимъ его способнымъ къ размноженію клѣточекъ; но мы не коснемся здѣсь этого любопытнаго фазиса жизни яйца и ограничимся началомъ его настоящаго развитія—размноженіемъ клѣточки яйца посредствомъ повторительнаго раздѣленія. Не смотря на сейчасъ упомянутыя предварительныя измѣненія, яйцо, въ началѣ своего развитія, есть настоящая клѣточка. Протопласма составляетъ желтокъ, окруженный пленкою. Раздѣленіе начинается перемѣною въ формѣ ядра. Оно удлиняется и принимаетъ видъ веретена; сходно съ тѣмъ, что было замѣчено нами въ раздѣленіи растительной клѣточки. Въ каждомъ концѣ веретена накопляется прозрачная протопласма и образуетъ собою прозрачное шаровидное тѣльце. Въ это время, обнаруживается въ яйцѣ рѣзкое и характеристическое явленіе; каждый конецъ верстена дѣлается центромъ лучей,

расходящихся изъ него во всѣ стороны окружающей протопласмы, такъ что въ массѣ ея видны двѣ солнце-подобныя фигуры, которыхъ центры связаны одинъ съ другимъ веретенообразнымъ ядромъ.

За этимъ слѣдуетъ явленіе подобное тому, которое мы замѣтили при раздѣленіи клѣточекъ растеній. Ядро распадается на множество нитей, лежащихъ вмѣстѣ пучкомъ и тянущихся каждая изъ конца въ конецъ веретена. Въ центральной точкѣ каждой нити показывается расширеніе въ видѣ узла, и отъ тѣснаго сближенія узловъ образуется въ серединѣ веретена толстый слой протопласмы. Каждый узелъ скоро распадается на двѣ половины, и каждая половина, подвигаясь по нити, отходитъ отъ середины къ ея концу. Дойдя до конца веретена всѣ половины узловъ сливаются на каждомъ концѣ въ шаровидное тѣло, а промежуточная часть веретена отрывается, постепенно стягивается въ массы двухъ шаровидныхъ тѣлъ и окончательно изчезаетъ. Такимъ образомъ, послѣ описанныхъ видоизмѣненій, вмѣсто одного веретенообразнаго ядра появляются на мѣстѣ его концовъ два новыя шаровидныя ядра. Затѣмъ яйцо начинаетъ дѣлиться по направленію плоскости перпендикулярной къ линіи, соединяющей оба ядра. Раздѣленіе совершается безъ посредства такой пластинки, которая, какъ мы видѣли, образуется при раздѣленіи растительной клѣточки. Протопласма какъ бы стягивается въ перехватъ, начиная отъ поверхности подъ оболочкой вплоть до самаго центра, а вся ея масса дѣлится этимъ на двѣ половины, каждая съ однимъ изъ двухъ новыхъ ядеръ. Такимъ образомъ, простая клѣточка, составлявшая яйцо въ началѣ его развитія, раздѣляется на двѣ во всемъ ей подобныя клѣточки. Каждая изъ этихъ двухъ молодыхъ клѣточекъ дѣлится, въ свою очередь, въ направленіи перпендикулярномъ къ плоскости перваго раздѣленія, и, вслѣдствіе непрерывнаго повторенія того же акта, вся протопласма или желтокъ распадается на множество клѣточекъ, отчего одно-клѣточный организмъ—яйцо—превращается въ организмъ, составленный изъ многихъ тысячъ клѣточекъ. Такое воспроизведеніе чрезъ раздѣленіе послѣдовательныхъ поколѣній клѣточекъ отъ одной клѣточки матери — яйца есть одно изъ самыхъ обычныхъ явленій въ органическомъ мірѣ.

Впрочемъ, въ протопласмѣ усматривается и явленіе, прямо противное размноженію клѣточекъ отъ одной клѣточки, а именно, сліяніе другъ съ другомъ клѣточекъ, существовавшихъ раздѣльно, чему мы уже видѣли примѣръ въ mухomyceiae. Родъ myrio-

thela представляетъ другой примѣръ сліянія клѣточекъ въ циклѣ развитія. Здѣсь, какъ и всюду, первоначальныя яица суть настоящія клѣточки съ ядрами, заключающими въ себѣ ядрышки, но безъ всякой ограничивающей ихъ пленки. Яйца производятся въ значительномъ числѣ, но очень недолго остаются одинокими и раздѣльными. Въ нихъ скоро обнаруживаются такія же перемѣны формы, какъ въ амебѣ; они выпускаютъ изъ себя подобные лженожкамъ отростки, которые сливаются съ отростками сосѣднихъ яичекъ, пока все множество первоначальныхъ яицъ не соединится въ одну общую массу, среди которой совершаются явленія развитія, какъ въ одноклѣточномъ яйцѣ другихъ животныхъ.

Во многихъ низшихъ растеніяхъ замѣчено также явленіе сліянія протопласмы отдѣльныхъ клѣточекъ. Поросль spirogyra, состоящая изъ длинныхъ зеленыхъ нитей, очень часто встрѣчается въ прудахъ. Каждая нить составлена изъ рядовъ цилиндрическихъ ячеекъ изъ прозрачной клѣтчатной ткани, положенныхъ концемъ къ концу, содержащихъ въ себѣ, каждая, мѣшечекъ протопласмы съ большимъ количествомъ клѣтчатнаго сока и перевитыхъ спирально по своимъ стѣнкамъ зеленою полоскою хлорофилла. Нити, достигшія полнаго роста, сближаются попарно одна съ другою и ложатся параллельно, тѣснясь другъ къ другу. Затѣмъ между ячейками соприлежащихъ волоконъ открывается сообщеніе, при посредствѣ выростающихъ коротенькихъ трубочекъ, и чрезъ эти каналы вся протопласма ячейки переходитъ въ ячейку съ нею смежною и тамъ сливается съ ея протопласмой. Обѣ протопласмы, слившіяся, такимъ образомъ, въ одну массу, принимаютъ видъ твердаго овальнаго тѣла, которое выходитъ изъ волокна и отлагаетъ на своей обнаженной поверхности новую оболочку изъ клѣтчатки. При условіяхъ, необходимыхъ для его развитія, это овальное тѣло прикрѣпляется однимъ концемъ и, посредствомъ повторительныхъ раздѣленій клѣточки, выростаетъ въ многоклѣточную нить, подобную тѣмъ, отъ которыхъ оно произошло.

Сліяніе и совершенное смѣшеніе двухъ раздѣльныхъ массъ протопласмы есть явленіе весьма знаменательное. Весьма вѣроятно, что, не смотря на полную утрату индивидуальности совокупляющимися элементами, присущія имъ различія всегда отзываются въ свойствахъ протопласмы, составленной ихъ сліяніемъ. Это фактъ чрезвычайно важный по своему значенію въ явленіи наслѣдственности. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, почти несом-

нѣнно, что оплодотвореніе, какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ, заключается существенно въ сліяніи протопласмъ, содержимыхъ въ двухъ клѣточкахъ и теряемой ими вслѣдствіе смѣшенія индивидуальности.

Почти во всѣхъ растеніяхъ протопласма бо́льшей части клѣточекъ, подъ вліяніемъ свѣта, подвергается любопытнымъ и важнымъ измѣненіямъ, при чемъ изъ ея массы выдѣляется нѣкоторая часть въ видѣ зернышекъ, обыкновенно зеленыхъ. Зернышки хлорофилла поэтому состоятъ изъ настоящей протопласмы, а цвѣтъ ихъ происходитъ отъ зеленаго красильнаго вещества, которое можетъ быть извлечено, и въ остаткѣ получается безцвѣтная протопласма. Спектроскопъ показываетъ намъ въ хлорофиллѣ весьма характеристическій спектръ. Вещество это, очевидно, живое, наравнѣ съ безцвѣтною протопласмою клѣточки. Зернышки хлорофилла принимаютъ въ себя пищу, увеличиваются отъ того нѣсколько разъ въ своемъ объемѣ и могутъ размножаться раздѣленіемъ.

Хлорофиллъ даетъ внѣшней природѣ одно изъ самыхъ поразительныхъ ея украшеній—зеленый цвѣтъ растительнаго покрова, одѣвающаго поверхность земли, и съ образованіемъ его начинается въ экономіи растеній существенно важное отправленіе, ибо клѣточки, содержащія его въ себѣ, одарены способностію разлагать угольную кислоту. На этомъ основано въ растеніяхъ уподобленіе питательныхъ веществъ, процессъ котораго обнаруживается извнѣ выдѣленіемъ кислорода. Такое выдѣленіе кислорода возбуждается вліяніемъ свѣта на клѣточки съ хлорофилломъ. Новѣйшими наблюденіями Драпера и Пфеффера доказано, что не всѣ лучи солнечнаго спектра дѣйствуютъ съ равною силою, что всего болѣе вліяютъ лучи желтые и менѣе преломляемые, что фіолетовые и другіе болѣе преломляемые лучи оказываютъ на питаніе лишь слабое дѣйствіе, и что невидимые лучи, слѣдующіе за фіолетовыми, вовсе недѣйствительны.

Почти въ каждомъ зернѣ хлорофилла можно отличить одно или нѣсколько зернышекъ крахмала. Этотъ крахмалъ имѣетъ одинаковый химическій составъ съ клѣтчатною оболочкою клѣточки, съ древесиннымъ волокномъ и съ другими твердыми частями растеній и составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ ассимиляціи. Когда растенія, въ хлорофиллѣ которыхъ есть крахмалъ, остаются долго въ темнотѣ, то весь крахмалъ всасывается и изчезаетъ; но подъ вліяніемъ свѣта крахмалъ снова появляется въ хлорофиллѣ клѣточки.

Вмѣстѣ съ этою зависимостію ассимиляціи отъ присутствія хлорофилла установляется въ жизни растеній новое физіологическое раздѣленіе работъ. Въ высшихъ растеніяхъ ассимиляція производится клѣточками, содержащими въ себѣ хлорофиллъ, а раздѣленіе и ростъ предоставлены другимъ рядамъ клѣточекъ сокрытыхъ глубже въ растеніи, а потому не подлежащихъ непосредственному вліянію свѣта и никогда не отлагающихъ въ себѣ хлорофилла. Въ нѣкоторыхъ низшихъ растеніяхъ какъ по простотѣ ихъ строенія, такъ и потому, что всѣ ихъ клѣточки равно подвержены дѣйствію свѣта, физіологическое раздѣленіе работъ дѣлается нѣсколько иначе. Такъ, напримѣръ, въ простыхъ зеленыхъ порослях, каковы spirogyra и hydrodiction, ассимиляція, также какъ и въ другихъ растеніяхъ, производится днемъ, а раздѣленіе клѣточекъ и ростъ совершаются большею частію, если не исключительно, ночью. Страсбургеръ, производя свои замѣчательныя наблюденія надъ раздѣленіемъ клѣточекъ въ spirogyra, долженъ былъ прибѣгать къ искусственнымъ уловкамъ, чтобы задержать до утра раздѣленіе клѣточекъ. Здѣсь отправленія ассимиляціи и роста выпадаютъ на долю одной и той же клѣточки, но одно изъ нихъ совершается днемъ, а другое ночью. Одна и таже клѣточка, повидимому, не можетъ одновременно исполнять оба отправленія, а потому они и распредѣлены между различными часами сутокъ.

Дѣйствіе хлорофилла, производящее разложеніе угольной кислоты, не ограничивается, какъ доселѣ полагали, исключительно растительнымъ царствомъ. У нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, напримѣръ, у стенторія и у другихъ инфузорій, у зеленой гидры, у планарій и другихъ червей, изъ протопласмы выдѣляется хлорофиллъ и всегда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ свѣта, вѣроятно, также какъ въ растеніяхъ. Дѣйствительно, новѣйшими изслѣдованіями Жедда обнаружено, что подъ вліяніемъ свѣта изъ воды, въ которую пущены зеленыя планаріи, выходятъ пузырьки газа, содержащаго въ себѣ отъ 44 до 50 процентовъ кислорода. Сверхъ того, Жеддъ доказалъ, что въ тканяхъ этихъ животныхъ есть зернышки крахмала, чѣмъ открывается новое поразительное сходство между ними и растеніями.

Другое сближеніе между двумя органическими царствами природы указали Дарвинъ и сынъ его Францискъ своими прекрасными наблюденіями надъ росянкой (drosera) и другими, такъ называемыми, плотоядными растеніями. Изъ ихъ изслѣдованій мы узнали, что всѣ плотоядныя растенія одарены особымъ механиз-

момъ для ловли живой добычи, что тѣло этой добычи перевариваетъ въ особой отдѣляющейся жидкости, дѣйствующей подобно желудочному соку животныхъ, и поглощается растеніемъ.

Негели недавно доказалъ, что клѣточка дрожжеваго грибка заключаетъ въ себѣ около двухъ процентовъ пепсина, такого вещества, которое доселѣ считали продуктомъ пищеваренія азотистыхъ тѣлъ въ желудкѣ животныхъ.

Дѣйствительно, всѣ новѣйшія изслѣдованія все болѣе и болѣе убѣждаютъ, что въ жизни нѣтъ дуализма, что жизнь животнаго и жизнь растенія, подобно ихъ протопласмѣ, во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ тождественны.

Тождественность протопласмы въ животныхъ и въ растеніяхъ и отсутствіе проникающаго въ глубь различія между жизнями животнаго и растенія, едва ли не всего поразительнѣе обнаруживается тѣмъ, что растенія могутъ быть анестеризованы совершенно также, какъ и животныя. При вдыханіи человѣкомъ хлороформа или эфира, это вещество проникаетъ въ легкія, поглощается тамъ кровью и разносится кровообращеніемъ по всѣмъ тканямъ тѣла. Прежде всего оно дѣйствуетъ на нервный элементъ мозга, отчего теряется сознаніе. При дальнѣйшей анестеризаціи оно вліяетъ поочередно на всѣ ткани и раздражительность ихъ прекращается. Совершенно параллельныя явленія усматриваются также въ растеніяхъ. Мы обязаны Клоду Бернару рядомъ любопытныхъ и поучительныхъ опытовъ надъ дѣйствіемъ эѳира и хлороформа на растенія. Онъ подвергнулъ вліянію эѳира здоровый и сильный экземпляръ сенситивы (mimosa pudica), поставивъ ее подъ стеклянный колоколъ и положивъ предварительно туда же губку, напоенную эѳиромъ. Черезъ полчаса растеніе пришло въ анестезію; всѣ его листочки остались раскрытыми, но вовсе не сжимались, когда ихъ трогали. Освобожденное отъ вліянія эѳира растеніе постепенно пріобрѣло свою раздражительность и сдѣлалось по-прежнему чувствительнымъ къ прикосновенію. Очевидно, что въ этомъ случаѣ раздражительность протопласмы была пріостановлена анестеризаціей, такъ что растеніе лишилось возможности отзываться на дѣйствіе внѣшняго стимула.

Впрочемъ, анестеризація пріостанавливаетъ дѣятельность протопласмы не однихъ только двигательныхъ элементовъ растенія. Она дѣйствуетъ также на протопласму клѣточекъ, въ которыхъ совершается химическій синтезъ, какъ то обнаруживается въ явленіяхъ прозябенія сѣмени и, вообще, питанія. Клодъ Бернаръ

доказалъ, что подъ вліяніемъ эѳира или хлороформа прозябеніе прекращается. Сѣмена крессалата, такъ скоро пускающія ростки, были посѣены съ соблюденіемъ благопріятныхъ для ихъ прозябенія условій, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ подвергли вліянію паровъ эѳира. Оставаясь отъ 5 до 6 дней подъ этимъ вліяніемъ, сѣмена во все это время не обнаружили никакой наклонности къ прозябенію. Но они были не умерщвлены, а только усыплены, потому что, когда ихъ поставили въ чистомъ воздухѣ, безъ паровъ эѳира, прозябеніе немедленно началось и быстро пошло впередъ.

Подобнаго рода наблюденія дѣлали также надъ поглощеніемъ растеніями угольной кислоты и выдѣленіемъ изъ нихъ кислорода. Этотъ процессъ, какъ сказано выше, производится, подъ вліяніемъ свѣта, зеленою протопласмою или хлорофилломъ и, обыкновенно, означается ошибочнымъ названіемъ дыханія растеній. Для такихъ опытовъ всего пригоднѣе водяныя растенія. Если мы положимъ такое растеніе въ чашу воды, содержащей въ себѣ эѳиръ или растворъ хлороформа, и прикроемъ его стекляннымъ колоколомъ, то мы замѣтимъ, что оно перестаетъ поглощать угольную кислоту и выдѣлять изъ себя кислородъ. Растеніе остается, при этомъ, зеленымъ и здоровымъ; чтобы разбудить его, нужно перемѣстить его въ чистую воду безъ эѳира, послѣ чего оно, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, начинаетъ снова поглощать угольную кислоту и выдѣлять кислородъ.

Тотъ же великій физіологъ изслѣдовалъ вліяніе анестетическихъ веществъ на броженіе. Извѣстно, что спиртовое броженіе зависитъ отъ присутствія маленькаго дрожжеваго грибка, живая протопласма клѣточекъ котораго имѣетъ способность разлагать растворы сахара на алкоголь, остающійся въ жидкости, и угольную кислоту, улетучивающуюся въ воздухъ. Дрожжевой грибокъ, положенный вмѣстѣ съ сахаромъ въ воду съ примѣсью эѳира, не производитъ броженія. Онъ анестезированъ, и присутствіе сахара не побуждаетъ его къ обычному воздѣйствію. Если, вынувъ грибокъ, мы смоемъ съ него, на филтрѣ, всю воду съ примѣсью эѳира и опустимъ его въ другую чистую сахаристую жидкость, то дѣятельность его скоро возстановится, и онъ начнетъ разлагать сахаръ на алкоголь и угольную кислоту.

Клодъ Бернаръ обратилъ вниманіе на весьма знаменательный фактъ, усматриваемый въ этомъ опытѣ. Когда настоящее спиртовое броженіе совершенно уже пріостановилось, вслѣдствіе эѳиризаціи дрожжеваго грибка, въ сахарномъ растворѣ продол-

жаетъ совершаться любопытное химическое измѣненіе: тростниковый сахаръ раствора превращается въ виноградный, вещество тождественное съ тростниковымъ сахаромъ, по своему химическому составу, но отличное отъ него по молекулярному строенію. Изъ изслѣдованій Бертолета извѣстно, что таковое превращеніе тростниковаго сахара въ сахаръ виноградный зависитъ отъ особеннаго бродильнаго начала, содержащагося въ живомъ дрожжевомъ грибкѣ, растворимаго въ водѣ и лишеннаго жизни. Извѣстно, что въ естественномъ своемъ состояніи дрожжевой грибокъ не можетъ ассимилировать тростниковый сахаръ, который, чтобъ сдѣлаться пригоднымъ для питанія грибка, долженъ быть предварительно переваренъ и превращенъ въ виноградный сахаръ, точно также, какъ это совершается въ нашихъ пищеварительныхъ органахъ. По живописному описанію Клода Бернара—«дрожжевой грибокъ содержитъ въ своемъ бродильномъ началѣ какъ бы родъ прислужника, предназначеннаго природою для совершенія пищеваренія. Прислужникъ и есть это особое неорганическое бродильное начало. Оно растворимо, само по себѣ не растеніе, но неорганическое тѣло, которое не усыпляется дѣйствіемъ эѳира и потому продолжаетъ исполнять свое назначеніе».

Въ приведенномъ выше опытѣ надъ прозябеніемъ сѣменъ, любопытная сторона явленія не ограничивается пріостановкою органическихъ отправленій сѣмени, именно тѣхъ, которыя обнаруживаются въ развитіи корешка, перушка и другихъ органовъ молодаго растенія. Мы усматриваемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще другое чрезвычайно важное явленіе—анестезія не оказываетъ вліянія на совмѣстные химическіе процессы, обнаруживающіеся въ прозябающихъ сѣменахъ превращеніемъ крахмала въ сахаръ подъ вліяніемъ діастаза (растворимаго и неживаго бродильнаго начала, содержащагося въ сѣмени) и поглощеніемъ кислорода вмѣстѣ съ выдѣленіемъ угольной кислоты. Эти процессы совершаются обычнымъ порядкомъ, и дыханіе анестезированнаго сѣмени не прерывается, какъ то доказывается накопленіемъ угольной кислоты въ окружающемъ воздухѣ. Чтобъ удостовѣриться въ присутствіи угольной кислоты въ сосудѣ съ сѣменами, надъ которыми производился опытъ, клали растворъ барита, причемъ образовался осадокъ углекислаго барита въ такомъ же количествѣ, въ какомъ онъ появлялся при прозябеніи сѣменъ въ чистомъ воздухѣ безъ примѣси паровъ эѳира.

Равнымъ образомъ въ опытѣ, которымъ доказывается, что способность клѣточекъ съ хлорофилломъ поглощать угольную кис-

лоту и выпускать изъ себя кислородъ можетъ быть пріостановлена анестеризаціей, замѣчается, что анестезированное растеніе дышетъ, какъ животное, то-есть, поглощаетъ кислородъ и выдыхаетъ угольную кислоту. Это и есть то настоящее отправленіе дыханія, которое передъ тѣмъ было замаскировано преобладающимъ отправленіемъ ассимиляціи, составляющимъ назначеніе зеленыхъ растительныхъ клѣточекъ и обнаруживающимся поглощеніемъ угольной кислоты и испусканіемъ кислорода.

Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что дыханіе растеній совершенно независимо отъ жизни. Условія, сопоставляющія кислородъ воздуха и горючія вещества растенія въ такія соотношенія, которыя допускаютъ ихъ взаимодѣйствіе, не освобождаются отъ вліянія жизни, и мы должны заключить, что въ опытѣ Клода Бернара анестезія не была доведена до той степени, которая необходима для пріостановки этихъ свойствъ живыхъ тканей.

Новѣйшія изслѣдованія Шютценбергера, изучавшаго процессъ дыханія въ клѣточкѣ дрожжеваго грибка доказали, что жизненность дѣятельно участвуетъ въ этомъ процессѣ. Онъ доказалъ, что свѣжія дрожжи дышутъ въ водѣ, какъ водяное животное, выдѣляя угольную кислоту и уничтожая содержащійся въ водѣ кислородъ. Что это явленіе есть отправленіе живой клѣточки, доказывается слѣдующимъ фактомъ: если опускаютъ въ окисленную воду дрожжи, предварительно нагрѣтыя до 60° Цельсіуса, то количество кислорода въ водѣ не измѣняется, другими словами, дыханіе дрожжей прекращается.

Шютценбергъ указалъ также, что свѣтъ не имѣетъ вліянія на дыханіе дрожжевой клѣточки, что она одинаково поглощаетъ кислородъ какъ въ темнотѣ, такъ и при дневномъ свѣтѣ. Съ другой стороны, дѣйствіе температуры обозначается рѣзко: ниже +10° Цельсіуса дыханіе почти совершенно прекращается, при +40° бываетъ самое усиленное, а при +60° снова пріостанавливается. Все вмѣстѣ доказываетъ, что дыханіе живыхъ существъ тождественно у растеній и у животныхъ. Оно есть явленіе существенно разрушительное, въ той же степени какъ горѣніе угля въ воздухѣ и, подобно послѣднему, обозначается исчезновеніемъ кислорода и образованіемъ угольной кислоты. Важнѣйшіе результаты, добытые, въ послѣднее время, приложеніемъ опытнаго метода къ изслѣдованію жизненныхъ явленій въ растеніяхъ, приводятъ, такимъ образомъ, къ полному уничтоженію предполагавшагося до селѣ различія между дыханіемъ растеній и дыханіемъ животныхъ.

Мы старались представить въ главныхъ чертахъ изображеніе

природы и свойствъ особаго видоизмѣненія вещества, изученіе котораго чрезвычайно любопытно, и которое имѣетъ важное значеніе въ экономіи природы. Мы не коснулись многихъ подробностей, но сказаннаго достаточно для убѣжденія въ томъ, что протопласма представляетъ собою единственную форму вещества въ которой можетъ обнаруживаться жизнь, и что сверхъ внѣшнихъ жизненныхъ условій—тепла, воздуха, воды, пищи—необходима еще протопласма, чтобы воспользоваться ими и превратить энергію безжизненной природы въ безчисленное множество формъ животныхъ и растеній, живущихъ на поверхности земли и населяющихъ глубины морей.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ понятію о существенномъ единствѣ двухъ обширныхъ органическихъ царствъ природы. Единство строенія подтверждается тѣмъ фактомъ, что каждое живое существо имѣетъ протопласму, составляющую важнѣйшую часть каждаго живаго элемента его организма; а единство физіологическое обнаруживается всеобщимъ свойствомъ раздражительности, которое гнѣздится въ той же протопласмѣ и есть начальный двигатель всѣхъ жизненныхъ явленій.

Мы видѣли, какъ мало вліяетъ форма на существенныя свойства протопласмы. Отъ принятія формы клѣточекъ, отъ сочетанія клѣточекъ въ органы все болѣе и болѣе сложные, сила протопласмы возрастаетъ и, при помощи механизма организаціи, она приноравливается къ лучшему достиженію цѣли; но дѣятеля, предназначеннаго для созданія организма и преобразованія энергіи безжизненнаго вещества въ энергію живаго тѣла, мы должны искать въ голой, безвидной протопласмѣ, свободной отъ всѣхъ несущественныхъ усложненій.

Признавать, впрочемъ, всякую протопласму тождественною, когда, при нашихъ средствахъ изслѣдованія, мы не находимъ въ ней замѣтнаго различія, было бы ошибкою. Двѣ частицы протопласмы, въ которыхъ, при помощи сильнѣйшихъ микроскоповъ и пользуясь всѣми средствами лабораторій, мы не усматриваемъ никакого различія, развиваются одна въ слизняка, другая въ человѣка. Можно только заключить, что въ нѣдрѣ ихъ таится основное различіе, опредѣляющее ихъ неизбѣжную судьбу, намъ вполнѣ неизвѣстное и вѣроятно сокрытое въ ихъ молекулярномъ строеніи.

Молекулярное строеніе протопласмы, вѣроятно, столь же сложно, какъ органы наиболѣе развитыхъ высшихъ организмовъ; и между двумя неотличимыми одна отъ другой массами протопласмы, быть

можетъ, не менѣе разницы, чѣмъ въ формѣ и расположеніи органовъ животныхъ или растеній, стоящихъ на наиболѣе отдаленныхъ между собою ступеняхъ органическихъ царствъ природы. Въ этомъ сокрыта многосторонность протопласмы и заключается ея значеніе, какъ дѣятеля всѣхъ морфологическихъ проявленій, вмѣстѣ съ способностію приноровляться ко всѣмъ условіямъ, требуемымъ самыми сложными организмами.

Изъ совокупностн вышеизложенныхъ фактовъ истекаетъ лишь одно законное заключеніе, что жизнь есть свойство протопласмы. Въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы неожиданно удивить насъ. Основныя явленія живыхъ существъ не настолько далеки отъ явленій безжизненнаго вещества, чтобы невозможно было признать между ними аналогіи. Даже раздражительность, этотъ одинъ изъ главнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ всѣхъ живыхъ существъ, не труднѣе представить себѣ свойствомъ вещества, чѣмъ видѣть его же свойство въ физическихъ явленіяхъ энергіи, дѣйствующей изъ центра по радіусамъ.

Вполнѣ справедливо, что различіе между веществами безжизненнымъ и живымъ чрезвычайно велико, гораздо болѣе всякаго различія между самыми разнообразными проявленіями безжизненнаго вещества. Хотя усовершенствованному синтезу новѣйшей химіи удалось воспроизвести немногія изъ началъ, считавшихся доселѣ продуктомъ жизни, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что никто не смогъ сдѣлать частицы живаго вещества изъ безжизненныхъ элементовъ, что всякое живое существо, отъ низшихъ до самыхъ сложныхъ организмовъ, ведетъ свое начало отъ предшествовавшаго ему въ бытіи живаго вещества, что современная протопласма есть только продолженіе протопласмы минувшихъ вѣковъ, дошедшая до насъ черезъ необъятные и неопредѣленные періоды времени.

При всемъ томъ, какъ бы ни были велики различія, ничто не мѣшаетъ сравнивать свойство живаго вещества со свойствами вещества безжизненнаго. Поэтому, называя жизнь свойствомъ протопласмы, мы утверждать это имѣемъ право. Мы стоимъ тутъ на грани между жизнію въ ея собственномъ значеніи, какъ совокупности явленій, которымъ раздражительность служитъ общею связью, и другою обширною группою явленій, обозначаемою именемъ сознанія или мышленія, которая, не смотря на тѣсную связь съ жизненными явленіями, существенно отъ нихъ отлична.

Сердце, вынутое изъ тѣла недавно убитой лягушки и тронутое остріемъ иглы, начинаетъ биться подъ вліяніемъ раздраженія. Мы

приписываемъ такое сокращеніе волоконъ сердца раздражительности, содержащейся въ нихъ протопласмы, какъ причинѣ. Какъ ни замѣчательно это явленіе, мы, однако, усматриваемъ въ немъ несомнѣнную аналогію съ явленіями чисто физическими. Не труднѣе представить себѣ сокращаемость, какъ свойство протопласмы, чѣмъ принимать притяженіе за свойство магнита.

Новѣйшія изслѣдованія даютъ много поводовъ къ заключенію— что зарожденіе мысли въ нашей головѣ сопряжено съ нѣкимъ измѣненіемъ протопласмы мозговыхъ клѣточекъ. Можемъ-ли мы вслѣдствіе того считать мысль принадлежностію протопласмы этихъ клѣточекъ, въ томъ же смыслѣ, какъ мы признаемъ мышечное сокращеніе свойствомъ протопласмы мышцъ? или не есть-ли мысль принадлежность чего-то совершенно иного, но требующаго для своего проявленія дѣятельности мозговой протопласмы?

Еслибъ мы отыскали какую-либо аналогію между мыслію и какимъ либо извѣстнымъ явленіемъ вещества, то мы имѣли бы право допустить первое заключеніе, какъ простѣйшее и представляющее собою гипотезу, наиболѣе согласную съ пониманіемъ законовъ природы; но между мыслію и физическими явленіями вещества не только нѣтъ аналогіи, но и нельзя вообразить себѣ аналогіи; и прямой явственный путь, по которому мы переходили въ нашихъ разсужденіяхъ отъ явленій безжизненнаго вещества къ явленіямъ вещества живаго здѣсь, внезапно, прерывается. Черезъ глубокую пропасть, отдѣляющую безсознательную жизнь отъ мысли, нельзя перешагнуть, и нѣтъ такихъ переходныхъ явленій, которыя могли бы послужить намъ мостомъ, чтобъ перебраться черезъ нее. Даже раздражительность, съ которою сознаніе, при поверхностномъ взглядѣ, имѣетъ, повидимому, связь, столь же совершенно отъ нея отлична, какъ и всѣ обычныя явленія вещества.

Утверждали, что такъ какъ физіологическая дѣятельность свойственна каждой живой клѣточкѣ, то и психическая дѣятельность должна также быть ея принадлежностію; вслѣдствіе чего въ біологіи заговорили языкомъ метафизики и начали толковать о душѣ клѣточки, какъ о понятіи, неразлучномъ съ понятіемъ о жизни.

Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что психическія явленія, имѣющія существеннымъ отличительнымъ признакомъ сознаніе, не соприсущи, по необходимости, явленіямъ жизни. Многія дѣйствія, представляющіяся, судя по всему, результатомъ воли, очевидно, могутъ быть объяснены, какъ акты вполнѣ безсозна-

тельные. Когда мы видимъ, какъ подвижные споры поросли, плавая въ водѣ, избѣгаютъ столкновенія и, вертя въ обратную сторону своими усиками, пятятся назадъ отъ препятствія, встрѣченнаго ими на пути, нѣтъ почти сомнѣнія, что это актъ совершенно безсознательный. Это одинъ изъ случаевъ, въ которомъ выразился великій законъ принаровленія живыхъ существъ къ окружающимъ ихъ условіямъ. Раздражительность протопласмы спора съ усиками, отзываясь на возбужденіе извнѣ, приводитъ въ движеніе механизмъ, унаслѣдованый отъ предковъ и во всѣхъ частяхъ приспособленный къ общей для нихъ цѣли—къ сохраненію особи.

Но если мы даже допустимъ, что каждая живая клѣточка есть сознательное и мыслящее существо, имѣемъ ли мы право изъ этого заключить, что сознаніе, подобно раздражительности, есть свойство составляющаго ее вещества? Единственный доводъ, которымъ оправдываютъ такой взглядъ, есть аналогія. Изъ того, что жизненныя явленія, постоянно встрѣчаемыя въ клѣточкѣ, слѣдуетъ признать за свойства клѣточки, заключаютъ, что таковымъ же свойствомъ должно считать и сознаніе ихъ сопровождающее. Слабая сторона этого разсужденіи заключается въ томъ, что между сравниваемыми предметами нѣтъ никакой аналогіи; а такъ какъ выводъ основывается только на аналогіи, то онъ распадается въ прахъ.

Гукслей, въ своемъ трактатѣ о физической основѣ жизни, утверждаетъ, что какъ бы ни велика была разница между явленіями живаго вещества и явленіями безжизненныхъ составляющихъ его элементовъ, это не лишаетъ насъ права приписать протопласмѣ жизненныя явленія, какъ свойства ей присущія; такъ какъ мы знаемъ, что продуктъ химическаго соединенія можетъ имѣть физическія свойства, совершенно отличныя отъ свойствъ соединенныхъ въ немъ элементовъ; какъ, напримѣръ, физическія явленія воды вовсе несходны съ такими же явленіями составляющихъ ее элементовъ, кислорода и водорода. Такое разсужденіе убѣдительно, если оно относится только къ явленіямъ жизни въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; но оно теряетъ всю свою силу, когда оно обобщается и прилагается къ явленіямъ сознанія. Аналогія, вполнѣ законная въ первомъ случаѣ, исчезаетъ во второмъ. Свойства химическаго состава, равно какъ и свойства соединенныхъ въ немъ элементовъ, не перестаютъ быть свойствами физическими. Они всѣ принадлежатъ къ обширной области свойствъ, вообще приписываемыхъ веществу; между тѣмъ, какъ сознаніе относится къ совершенно иной области, въ которой мы

не можемъ отличить никакихъ слѣдовъ связи съ свойствами, считаемыми физиками отличительными признаками вещества. Такимъ образомъ, заключеніе рушится потому что сила его основана лишь на аналогіи, а здѣсь всякая аналогія изчезаетъ.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сознаніе обнаруживается лишь тамъ, гдѣ есть мозговое вещество или нѣчто ему подобное; но это отнюдь не значитъ, что сознаніе есть свойство такого вещества въ томъ же смыслѣ, какъ полярность есть свойство магнита, или раздражительность есть свойство протопласмы. Появленіе невидимыхъ лучей за фіолетовою полосою солнечнаго спектра нельзя считать свойствомъ среды, которая, измѣнивъ ихъ преломляемость, можетъ сдѣлать ихъ видимыми.

Конечно, есть особая прелесть въ такихъ широкихъ обобщеніяхъ, которыми весьма разнообразныя явленія приводятся къ одному общему началу. Но обольщаться такою прелестію опасно, и мы всячески должны остерегаться, чтобы она своимъ обояніемъ не затмила истины. Такъ въ прежнія времена вѣрованія, переходившія преданіями изъ поколѣнія въ поколѣніе, царили столь властно надъ умами, что лишь медленно и съ трудомъ удалось человѣку освободиться, наконецъ, отъ ихъ вліянія.

Можно спросить: подвинули-ли насъ всѣ эти изслѣдованія хотя на одинъ шагъ впередъ къ объясненію сознанія или къ открытію его источника? Конечно, нѣтъ. Возможность представить себѣ субстанцію, отличную отъ вещества лежитъ, какъ и прежде, за предѣлами человѣческаго разумѣнія; мы можемъ узнать что либо лишь о физическихъ или предметныхъ условіяхъ, сопричастныхъ мысли, и только ихъ изученіе полезно.

Д.

Причины созванія Свято-Андреевской скупштины и ея дѣятельность *).

II.

Согласно съ обѣщаніемъ, высказаннымъ въ нашей первой статьѣ, нашу настоящую статью посвящаемъ болѣе важнымъ событіямъ царствованія князя Александра Кара-Георгіевича, бывшимъ причиною къ созванію знаменитой своею дѣятельностью Свято-Андреевской скупштины.

Изгнаніе изъ Сербіи двухъ самыхъ важныхъ уставобранителей продолжалось только годъ. Благодаря происканъ и усиліямъ Порты, императоръ Николай допустилъ возвращеніе въ Сербію Вучича и Петроніевича. Возвращеніе ихъ было великимъ торжествомъ для ихъ партіи и для самаго князя Александра, который обязанъ былъ имъ своимъ избраніемъ. На встрѣчу имъ была отправлена депутація, привѣтствовавшая ихъ при возвращеніи въ отечество. Пиры и празднества въ честь возвратившихся продолжались нѣсколько дней. Немедленно послѣ этого, Вучичъ и Петроніевичъ вступили въ отправленіе своихъ прежнихъ должностей.

Князь Александръ, не имѣвшій ни блестящихъ способностей, ни образованія, притомъ слабохарактерный и не энергичный, вполнѣ подчинился вліянію Вучича и Петроніевича, а также и принадлежащихъ къ ихъ партіи родственниковъ своей жены, Ненадовичей. Они назначали чиновниковъ, освобождали изъ-подъ суда своихъ клевретовъ и настаивали на осужденіи лицъ, имъ ненавистныхъ. Вліяніе на князя Вучича, Петроніевича и Ненадовичей усиливалось еще болѣе, благодаря особенному расположенію князя къ сестрѣ его жены, извѣстной подъ именемъ Машеньки. Важнѣйшіе посты въ государствѣ занимались родственниками князя и принадлежащими къ партіи «уставобранителей», которые позволяли себѣ крайнее злоупотребленіе своею властью. Жалобы же противъ нихъ если и вызывали иногда справедливые приговоры суда, то всетаки не приводили ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ приговоры суда были уничтожаемы

*) Свято-Андреевская скупштина была созвана въ 1858 году 30 ноября.

княжескою властью. Всѣ лица, непріятныя родственникамъ князя и уставобранителямъ подвергались преслѣдованіямъ и наказаніямъ.

Князь Кара-Георгіевичъ, будучи оффиціально признанъ княземъ Сербіи, со стороны Россіи, считалъ теперь свое положеніе вполнѣ обезпеченнымъ и чувствовалъ себя довольно сильнымъ для борьбы съ приверженцами Обреновичей. Дружественныя отношенія къ Австріи усиливались съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, но на ряду съ этимъ также усиливались ропотъ и неудовольствіе народа и даже самаго Совѣта. Не довольствуясь попираніемъ закона и устава въ отдѣльныхъ случаяхъ и подчиняясь все болѣе и болѣе вліянію людей, не уважавшихъ народъ и его права, князь рѣшился посягнуть на исконный сербскій обычай, легшій въ основаніе сербской конституціи, а именно на обычай созыванія народныхъ представителей, составлявшихъ время отъ времени народныя собранія, такъ называемыя скупштины. Князь Александръ не созывалъ скупштины ни одного раза во все свое царствованіе. Не довольствуясь фактическимъ нарушеніемъ этого основнаго закона государственнаго устройства Сербіи, князь, подъ вліяніемъ своихъ клевретовъ, рѣшился воспользоваться дружескими отношеніями къ Портѣ для того, чтобы привести Уставъ въ соотвѣтствіе съ сдѣланными уже нарушеніями его, для чего и обратился съ ходатайствомъ къ Портѣ.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ уклоненіями отъ народныхъ правъ и потребностей во внутренней политикѣ Сербіи, устанавливались и ея внѣшнія, международныя отношенія. Во внѣшней политикѣ народные интересы и симпатіи приносились въ жертву личнымъ интересамъ и личнымъ симпатіямъ. Дружба князя и его клевретовъ къ пашамъ и австрійскимъ коммиссарамъ ставила Сербію въ зависимость отъ своекорыстной политики Турціи и Австріи,—мнимыхъ друзей ея, и отринула отъ дѣйствительной покровительницы ея—Россіи. Такая политика не могла не возбудить негодованія въ народѣ.

Князь хорошо зналъ, что въ народѣ съ каждымъ днемъ увеличивается недовольство и что оно можетъ повести за собою возмущеніе. Многіе изъ совѣтниковъ, бывшіе прежде приверженцами князя, стали теперь его противниками. Вучичъ старался о примиреніи народа и совѣтниковъ съ княземъ. Для предупрежденія же мятежей князь, съ согласія Совѣта, издалъ указъ, которымъ строго воспрещались политическія сходки и даже разговоры, угрожая нарушителямъ этого указа смертію. Жалобы противъ злоупотребленій чиновниковъ постоянно поступали въ Совѣтъ. Чиновники заботились только о своихъ личныхъ интересахъ и пользовались народнымъ имуществомъ противузаконнымъ образомъ.

Князь безцеремонно расточалъ народныя деньги и, не довольствуясь одними налогами, посягнулъ даже на кассу, оставшуюся послѣ князя Милоша, въ которой находилось 800 тысячъ дукатовъ, предназначенныхъ на крайнія нужды отечества. Князь Александръ безцеремонно бралъ изъ этой кассы деньги на содержаніе своихъ приверженцевъ и родственниковъ, на

подарки турецкимъ пашамъ и коммиссарамъ, находившимся въ Сербіи, а также и на подарки въ Константинополѣ визирямъ; изъ той же кассы князь уплачивалъ заблаговременно (за два, за три года впередъ) дань Портѣ. Такимъ образомъ, запасный народный фондъ былъ совершенно истощенъ.

Послѣ венгерской кампаніи, положеніе князя Александра становилось все болѣе и болѣе шаткимъ. Неудовольствія во всѣхъ сословіяхъ народа стали болѣе явными. Вездѣ были слышны ропотъ и требованіе созвать народную скупштину. Вліяніе Австріи было громадно. Высшія государственныя должности въ Сербіи занимали австрійцы и приверженцы Австріи, по требованію австрійскаго консула. Князь слѣпо повиновался его распоряженіямъ, что, конечно, усиливало народное недовольство и ненависть къ князю. Даже и турецкому правительству дѣйствія князя начали не нравиться.

Князь для своей безопасности, на случай бунта народа и враждебной партіи, имѣвшей своими вожаками многихъ изъ членовъ Совѣта, потребовалъ австрійскую военную помощь, екзекуцію, для чего Австрія двинула свое войско къ сербской границѣ и уже дѣлала приготовленія для перехода въ Сербію.

Между тѣмъ, начавшаяся Крымская война остановила неизбѣжную катастрофу въ Сербіи на нѣкоторое время. Сербія, во время этой войны, наблюдала строго нейтралитетъ, находясь подъ бдительнымъ контролемъ и наблюденіемъ Австріи.

Князья Милошъ и Михаилъ въ то время проживали въ Вѣнѣ, гдѣ они были обнадеживаемы ложными обѣщаніями австрійскихъ вельможъ. Симеонъ Протичъ говоритъ слѣдующее о князѣ Михаилѣ и о послѣдующихъ событіяхъ послѣ Крымской войны:

«Въ 1853 году, я ѣздилъ съ моимъ семействомъ въ Вѣну для совѣщанія съ профессоромъ Егеромъ относительно страданія глаза моего сына. Я воспользовался случаемъ и побывалъ у своего князя, котораго со времени моего возвращенія въ отечество, т.-е. по полученіи амнистіи отъ князя Александра въ 1843 году *), я не видѣлъ. Князь Михаилъ былъ очень радъ свиданію со мною и моимъ семействомъ. Онъ намъ объявилъ, что онъ женится на венгерской графинѣ Юліѣ Гуніади и что бракосочетаніе вскорѣ совершится въ церкви русскаго посольства. Я также получилъ приглашеніе на свадьбу, но долженъ былъ уѣхать въ обратный путь. Мнѣ извѣстно стало, что Австрія старалась держать въ рукахъ всѣхъ трехъ князей Сербіи, чтобы съ ними распоряжаться по своему усмотрѣнію. Женитьба князя Михаила на венгеркѣ и бывшей гоффрейлинѣ австрійской императрицы меня не очень радовала, тѣмъ болѣе, что сватовство исходило изъ вѣн-

*) По возвращеніи изъ Новаго Сада въ Бѣлградъ, первымъ долгомъ я считалъ пойдти на поклоненіе новому князю Александру и благодарить его за амнистію. Какъ меня удивили его вопросы, когда онъ меня увидѣлъ передъ собою, какъ напр: «Какъ васъ зовутъ? Какъ ваша фамилія и чѣмъ вы занимаетесь?» Получивъ отвѣты на всѣ вопросы, князь сказалъ: «Ахъ, да, припоминаю». Онъ пожаловалъ меня въ канцелисты Окружнаго Суда. (Канцелистъ значитъ помощникъ начальника отдѣленій).

скаго *Бурга*. Я былъ убѣжденъ, что народъ сербскій любитъ Михаила и что этимъ бракомъ любимецъ народа можетъ много потерять въ глазахъ народа. При прощальномъ визитѣ, я выразилъ князю желаніе и надежду, что въ скоромъ времени Сербія увидитъ своего князя Михаила и что дѣла и противузаконія князя Александра къ этому много способствуютъ. Князь Михаилъ поблагодарилъ за искреннее желаніе своего бывшаго вѣрнаго секретаря и просилъ не забывать князя Милоша его отца: «Я не желаю огорчать моего стараго отца, я хочу, чтобы народъ прежде меня возстановилъ его на престолѣ сербскомъ», сказалъ князь на прощаніе. Я пріѣхалъ въ Бѣлградъ и думалъ, что скоро будетъ назначено слѣдствіе надо мною, по случаю моего свиданія съ Михаиломъ. Я очень ошибся; мои предположенія оказались несправедливыми. Хотя князю хорошо извѣстно было мое свиданіе съ бывшимъ княземъ Михаиломъ, онъ, вмѣсто наказанія и преслѣдованія, пожаловалъ мнѣ мѣсто предсѣдателя Окружнаго Смедеревскаго Суда. Я отлично понялъ въ чемъ дѣло. Мѣсто предсѣдателя въ Смедеревѣ я занималъ до 1858 года, значитъ до созванія Свято-Андреевской скупштины. Этотъ періодъ времени я употребилъ на собираніе вѣрныхъ данныхъ о беззаконныхъ дѣйствіяхъ князя и Совѣта. Бывшій начальникъ округа въ Смедеревѣ, мой посаженный отецъ—кумъ—Станойо Петровичъ, повидимому, поддерживалъ меня и я ему довѣрялъ всѣ свои планы. Въ 1857 году, нѣкоторые совѣтники, бывшіе ярые приверженцы Кара-Георгіевича, видя его насилія и противузаконныя дѣйствія, составили противу князя заговоръ, съ намѣреніемъ убить его, а потомъ образовать новое правленіе. Ихъ намѣренію не были чужды Вучичъ, Гарашанинъ, и маіоръ Миша Анастасіевичъ, тесть Георгія Кара-Георгіевича, племянника царствующаго князя. Главные заговорщики, а именно, Стефанъ Стефановичъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ Совѣта, совѣтники Рая Дамяновичъ, зять Миши Анастасіевича, Паунъ Янковичъ Батья, Павелъ Станишичъ, предсѣдатель аппелляціоннаго суда Цвѣтко Раевичъ и Милошъ Мрцаиловичъ, подкупили нѣкоего Милисава, бѣглаго крестьянина изъ Крагуевацкаго округа, села Голочела, чтобы убить князя Александра. Этотъ Милисавъ получилъ въ награду половину обѣщанной суммы, а по совершеніи убійства долженъ былъ получить вторую половину. Князь, въ то время, находился въ Брестовацкой банѣ—на водахъ. Милисавъ отправился туда, но струсилъ и выдалъ весь заговоръ. Всѣ поименованные совѣтники были заарестованы полиціею. Секретное слѣдствіе производилось въ мѣстѣ заключенія арестованныхъ. Отвѣтовъ арестованныхъ совѣтниковъ, бывшій членъ слѣдственной коммиссіи Живадинъ Весовичъ, не хотѣлъ писать, а писалъ то, что ему диктовали изъ дворца—конака. Князь былъ, такимъ образомъ, потерпѣвшимъ и вмѣстѣ судьею подсудимыхъ. Совѣтники лишены были права имѣть своего защитника; приговоръ надъ ними писали члены суда во дворцѣ. Приговоръ надъ несчастными совѣтниками былъ опубликованъ. Судъ ихъ приговорилъ на вѣчное заточеніе въ Гургусовацкой тюрьмѣ. Маршрутъ назначенъ былъ черезъ Смедерево. Поступки князя сильно

огорчали всякаго правдолюбиваго человѣка. Я видѣлъ этихъ государственныхъ совѣтниковъ и преступниковъ въ Смедеревѣ. Видѣлъ, какъ командиръ конвоя, капитанъ кавалеріи звѣрски и непочеловѣчески обходился съ бывшими представителями народа, беззащитными узниками. Этого безбожника называли Тодоръ. Граждане сильно взволновались и хотѣли было освободить бѣдныхъ арестантовъ хоть отъ свирѣпаго Тодора, но начальникъ округовъ Станойло, энергично воспрепятствовалъ этому намѣренію, и обо всемъ сейчасъ донесъ князю въ Бѣлградъ. Изъ Смедерева конвоировали преступныхъ совѣтниковъ дальше до Гургусовацкой тюрьмы, гдѣ ихъ несчастныхъ похоронили заживо. Одинъ изъ нихъ, Рая Дамяновичъ, замученный Тодоромъ, умеръ въ этой грозной тюрьмѣ и навѣрно всѣ бы поплатились жизнью, если бы ихъ турецкое правительство не спасло отъ звѣрскаго Тодора и Гургусовацкой тюрьмы. Послѣ этого событія, Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Вучича, написалъ законъ, вопреки устава, которымъ гарантированы были совѣтники отъ преслѣдованія князя. Такимъ актомъ Совѣтъ призналъ незаконными судъ и приговоръ князя надъ сосланными совѣтниками.

«Совѣтъ, во имя Устава, требовалъ отъ князя созванія скупштины, но князь не соглашался, строго воспрещалъ повтореніе этого требованія, и даже уволилъ отъ службы неповиновавшихся его запрещенію Гарашанина, Вучича и многихъ другихъ совѣтниковъ, кромѣ родственниковъ княгини. Австрійскій консулъ Тея Радосавлевичъ совѣтовалъ ему энергично дѣйствовать. Этотъ консулъ, вообще, сдѣлался товарищемъ князя и вполнѣ управлялъ дѣлами княжества. Князь ему повиновался безусловно и онъ назначалъ чиновниковъ, арестовывалъ сербскихъ гражданъ и наказывалъ тѣлесно ихъ въ своемъ консульствѣ. Сербу нѣкому было больше жаловаться противъ подобнаго насилія. Въ томъ же году, въ мартѣ, пріѣхалъ турецкій комиссаръ Этемъ-паша для изслѣдованія дѣла обвиненныхъ совѣтниковъ и спора между княземъ и Совѣтомъ. Ожидали отъ Этемъ-паши строгаго суда, но подарки и деньги князя смягчили турка. Онъ старался какъ бы помирить князя съ Совѣтомъ, Гарашаниномъ и Вучичемъ, но ему это не удалось. Кара-Георгіевичъ самъ пригласилъ Гарашанина и Вучича къ себѣ, чтобы помириться съ ними и совѣтниками. Гарашанинъ опять былъ назначенъ попечителемъ внутреннихъ дѣлъ. Вучичъ—предсѣдателемъ Совѣта. Князь хотя сдѣлалъ уступки для примиренія съ партіей, но все таки настаивалъ, по наученію Австріи, на измѣненіи нѣкоторыхъ §§ Устава. Для этого рѣшенія нужно было народное согласіе и позволеніе скупштины. Вучичъ лично предлагалъ князю созваніе скупштины, его предложеніе поддерживала даже Турція и Англія.»

Въ 1858 году, въ іюнѣ, Протичъ опять поѣхалъ въ Вѣну на воды и опять имѣлъ свиданіе съ княземъ Михаиломъ. Князь ему говорилъ, что надежда есть, что князь согласится на созваніе скупштины, и что даже Россія сильно этого желаетъ. Но Австрія старается созваніе скупштины отклонить, такъ какъ оно можетъ быть причиною переворота въ Сербіи.

Въ заключеніе князь Михаилъ сказалъ: «Я надѣюсь что мы увидимся скоро въ Бѣлградѣ. Прошу передать моимъ приверженцамъ мой братскій поклонъ и совѣтъ придерживаться строго законныхъ правилъ и наблюдать за порядкомъ, а то враги наши назовутъ насъ мятежниками. Нигдѣ не произносите моего имени: мой отецъ еще живъ, его нужно возвратить своему народу».

«Я возвратился, продолжаетъ Симеонъ Протичъ, въ Бѣлградъ, 21 августа 1858 года, и, по правилу, долженъ былъ явиться во дворецъ князя. Тогда существовало правило, что каждый чиновникъ возвратившійся изъ-за границы, долженъ былъ являться князю. Князь принялъ меня любезно, разспрашивалъ, какъ я провелъ время на водахъ и т. под. Вдругъ онъ меня спросилъ: «А ты былъ въ Вѣнѣ, видѣлъ твоего любимаго князя Михайла: что онъ говоритъ, надѣется еще на возвращеніе въ Сербію? Я все знаю, Протичъ, не скрывай! Признайся, что ты любишь Михаила, и что ты бунтуешь народъ противъ меня! Мнѣ передавалъ твой кумъ Станойіе: ты будь остороженъ, а то я сошлю и тебя вслѣдъ за совѣтниками въ Гургусовацъ. Теперь иди и будь уменъ, я желаю тебѣ добра!»

«Выслушавши такія слова отъ князя, я сильно былъ озадаченъ и возмущенъ противъ начальника Станойія. Я боялся, что всѣ труды мои за общее дѣло будутъ потеряны. Въ тотъ же день я уѣхалъ въ Семендрію.»

Между тѣмъ, настойчивость князя уступила требованіямъ народа, Вучича и Порты. Князь назначилъ скупштину на 30 ноября, въ день праздника святаго Андрея Первозваннаго. Мѣстомъ для скупштины назначенъ былъ г. Бѣлградъ. Радость и торжество были замѣтны повсюду. Выборы депутатовъ начались и продолжались не безъ интригъ агентовъ князя и Австрійскаго консула. Наконецъ, выборы кончились удачно. Нужно сказать, что въ депутаты, числомъ всего 440, выбраны были граждане, крестьяне, духовные чины, протоіереи и монахи, предсѣдатели окружныхъ судовъ, окружные начальники, предсѣдатели аппеляціонаго и кассаціоннаго судовъ, градоначальникъ города Бѣлграда и предсѣдатель суда того же города. Всѣ окружные начальники, кромѣ немногихъ, принадлежащихъ къ партіи Вучича, преданы были попечителю внутреннихъ дѣлъ, Иліѣ Гарашанину. Партія Вучича состояла по преимуществу изъ депутатовъ Гружанскаго среза, партія же князя почти что не существовала. Самая обширная партія была народная, принадлежащая Обреновичамъ. Эта партія отлично знала всѣ планы Вучича, Гарашанина и Миши Анастасіевича. Каждый изъ нихъ имѣлъ свои личные интересы и цѣли. Богачъ Миша собиралъ посредствомъ подкуповъ партію для своего зятя, Георгія Кара-Георгіевича. Всѣ вмѣстѣ не хотѣли ни князя Александра, ни Обреновичей. Миша возненавидѣлъ князя Александра за своего зятя, Раю Дамяновича, умершаго въ Гургусовацкой тюрьмѣ. Можно было понимать двояко намѣренія этихъ трехъ господъ: или каждый изъ нихъ хранилъ въ тайнѣ надежду быть выбраннымъ княземъ Сербіи, или, въ случаѣ неудачи въ этомъ направленіи, они, опираясь на свои партіи въ скупштинѣ, намѣрены были

раздѣлить правленіе страною между собою. Народъ громко говорилъ вездѣ, что они хотятъ устроить *Каймакамство*. Вучичъ открыто высказывалъ свое убѣжденіе въ томъ, что европейскіе монархи никогда не допустятъ возвращенія Обреновичей на Сербскій престолъ. Но когда ему говорили пріятели и приверженцы его, что они бы очень рады были, если бы онъ, ихъ глава, принялъ бразды правленія, ибо онъ достоенъ уже давно быть княземъ Сербіи, то онъ отвѣчалъ имъ: «Какъ вамъ угодно, братья, но я старъ уже».

Между тѣмъ, избранные для скупштины депутаты изъ всѣхъ округовъ и городовъ Сербіи начали собираться въ Бѣлградѣ. Городъ былъ очень оживленъ. Депутаты разныхъ округовъ остановились въ разныхъ гостинницахъ. Вездѣ слышались разговоры о предстоящемъ засѣданіи скупштины и агенты разныхъ партій старались неутомимо узнавать мнѣнія депутатовъ. Депутаты Смедеревскаго округа съ своимъ протоіереемъ Милутиномъ Бантичемъ, начальникомъ Станойломъ Петровичемъ и предсѣдателемъ суда Симеономъ Протичемъ остановились въ одной гостиницѣ, гдѣ и имѣли свои постоянныя совѣщанія. Къ нимъ присоединились еще Пожаревацкій, Чачанскій и Ужицкій округа. Князь Александръ приглашалъ начальниковъ разныхъ округовъ, а также болѣе важныхъ депутатовъ, для свиданія и совѣщанія; но никто не хотѣлъ слѣдовать его призыву, кромѣ нѣсколькихъ дальнихъ родственниковъ князя. Всѣ начальники предпочли свои совѣщанія держать въ домѣ своего попечителя Гарашанина. Симеонъ Протичъ получилъ собственноручное письмо князя, въ которомъ напоминались старое побратимство и дружба, князь просилъ къ себѣ Протича, но онъ далъ короткій отвѣтъ князю, что ему теперь некогда, народныя дѣла не позволяютъ и время очень дорого. Предлагаемыя ему большія суммы денегъ тоже не подѣйствовали на истиннаго друга народа.

Насталъ знаменитый день въ Сербской Исторіи, праздникъ святаго Андрея Первозваннаго. Въ этотъ день, должна была открыться великая народная скупштина, которая не открывалась, въ продолженіе 16 лѣтъ и въ которой народъ видѣлъ единое ручательство въ лучшемъ будущемъ, счастіи и развитіи отечества, видѣлъ въ ней самаго безпристрастнаго судью и строгаго блюстителя законнаго порядка и точнаго исполненія Устава.

Съ колокольни бѣлградскаго собора звонъ возвѣстилъ начало богослуженія. Депутаты народной скупштины спѣшили къ богослуженію, которое долженъ былъ совершать митронолитъ Петръ. По окончаніи богослуженія депутаты пошли во дворецъ князя сдѣлать ему визитъ. Князь приготовилъ для народныхъ депутатовъ отличный постный обѣдъ, къ которому и пригласилъ всѣхъ депутатовъ; но, къ величайшему негодованію князя, очень немногіе приняли приглашеніе. За обѣдомъ были митрополитъ, попечители, архіереи, совѣтники. Изъ членовъ скупштины, было нѣсколько начальниковъ округовъ, протоіереевъ и приверженцевъ князя.

«Ми нисмо овамо дошли да се гостимо, но да прегледимо рачуне за 16 година, да видимо шта се радило за то време», *) такой отвѣтъ дали

*) Въ переводѣ на рус. языкъ: «Мы пришли сюда не для того, чтобы

народные депутаты на приглашеніе князя обѣдать. По разсказу дежурнаго адъютанта въ дворцѣ князя, въ тотъ день брошено болѣе 600 фунтовъ отлично приготовленой рыбы, такъ какъ никто не хотѣлъ придти къ обѣду.

Въ первомъ своемъ засѣданіи, скупштина выбрала Мишу Анастасіевича, бѣлградскаго депутата, предсѣдателемъ и подпредсѣдателемъ Стевчу Михаиловича, депутата города Ягодина. Въ секретари были назначены: Ефремъ Груичъ, секретарь совѣта и Іованъ Иличъ, профессоръ бѣлградскаго лицея, Андрей Стаменковичъ депутатъ и Милованъ Янковичъ депутатъ.

Нужно замѣтить, что Илія Гарашанинъ и Вучичъ не хотѣли присоединиться къ народной партіи; они остались съ совѣтомъ и княземъ. Сербское военное вѣдомство подчинялось попечителю внутреннихъ дѣлъ. Князь назначилъ начальникомъ бѣлградскаго войска — гарнизона—своего родственника Лукачевича.

Массы народа толпились вокругъ зданія, гдѣ засѣдала скупштина, желая знать, что̀ дѣлается тамъ. Весь городъ находился въ напряженномъ состояніи; всѣ узнали, что рѣчь князя была принята скупштиною очень холодно. Турецкій паша держалъ себя очень пассивно. Неизвѣстность сильно тревожила всѣхъ. Наконецъ, стало извѣстно, что депутаты Милованъ Янковичъ и Андрей Стаменковичъ предложили законъ о ежегодномъ созваніи скупштины, и что скупштина это предложеніе единогласно приняла и сформировала коммиссію, которая разсмотритъ это предложеніе. Въ скупштинской газетѣ былъ напечатанъ этотъ законъ, уже редактированный коммиссіею. Въ слѣдующемъ засѣданіи скупштины, Милованъ Янковичъ предложилъ скупштинѣ написать благодарственный адрессъ высокой Портѣ и всѣмъ державамъ поручительницамъ, что скупштина также единогласно приняла и рѣшила немедленно отправить адрессъ. Текстъ благодарственнаго адресса напечатанъ былъ въ тотъ же день въ скупштинской газетѣ. Тотъ же депутатъ предложилъ еще написать особенное благодарственное письмо высокой Портѣ, что̀ скупштиною было принято *).

По вечерамъ депутаты собирались для предварительныхъ совѣщаній. Миша Анастасіевичъ собиралъ у себя на чай всѣхъ болѣе важныхъ депутатовъ. Онъ зналъ, что его пріятель Міяило Барловацъ будетъ въ слѣдующемъ засѣданіи, т. е. 10 декабря, читать обвинительный актъ противъ князя и правительства. Ему былъ очень хорошо извѣстенъ текстъ этого акта. Миша зналъ еще и то̀, что Симеонъ Протичъ записался въ книгу желающихъ говорить, и что его очередь будетъ послѣ Барловаца. Ему очень хотѣлось узнать содержаніе рѣчи Протича, хотя онъ его и предугадывалъ и потому говорилъ, что послѣ низверженія Кара-Георгіевича, слѣдуетъ выбрать немедленно временное правительство изъ трехъ лицъ, а потомъ осторожно приступить къ выбору новаго князя. Онъ прямо

угощаться, но чтобы внимательно разсмотрѣть, что сдѣлано въ теченіи 16 лѣтъ».

*) Смотри сочиненіе профессора Нила Попова «Россія и Сербія» II часть стр. 412.

высказывался противу Обреновичей. Многіе изъ его гостей соглашались съ его мнѣніемъ; Протичъ молчалъ и, скрывая свое мнѣніе, хорошо зналъ намѣренія Миши. Илія Гарашанинъ собиралъ также въ своемъ домѣ своихъ окружныхъ начальниковъ. Они тоже имѣли свои совѣщанія и согласились на низверженіе Кара-Георгіевича и въ этомъ не сомнѣвались, потому что настроеніе скупштины они хорошо поняли. Гарашанинъ скрывалъ свои планы. Онъ не хотѣлъ, чтобы князь подписалъ отставку, и потому совѣтовалъ князю отправиться въ критическій моментъ къ нашѣ въ крѣпость, подъ покровительство султана. Онъ зналъ отлично, что скупштина тогда назоветъ князя измѣнникомъ народа и тогда ему, Гарашанину и Вучичу, имѣя войско въ своихъ рукахъ, и приверженцами окружныхъ начальниковъ и Гружанскихъ депутатовъ, легко будетъ вліять на скупштину и заставить признать каймакамство, что̀ было бы для Порты очень выгодно. Вучичъ собиралъ тоже свою партію у себя и всѣхъ совѣтниковъ, за малымъ исключеніемъ. Онъ такого же мнѣнія былъ, какъ и Гарашанинъ, 10-го декабря, читалъ въ засѣданіи скупштины обвинительный актъ противу князя и совѣта бѣлградскій депутатъ Міаило Барловацъ, въ миролюбивой и церемоніальной формѣ. Рѣчь Барноваца не имѣла большаго успѣха; скупштина ожидала болѣе ясныхъ и вѣскихъ фактовъ противъ обвиняемыхъ.

Пришла очередь Симеона Протича, который свой обвинительный актъ основалъ на болѣе важныхъ и болѣе вѣскихъ для скупштины фактахъ о злоупотребленіяхъ князя и Совѣта. Мы передаемъ этотъ обвинительный актъ Протича здѣсь въ вѣрномъ переводѣ съ сербскаго подлинника и во всей его цѣлости:

Православная, благоизбранная и великая скупштина!

Я хочу говорить теперь о чрезвычайно важномъ предметѣ, о попранномъ правѣ народа, этомъ нервѣ, самомъ чувствительномъ мѣстѣ народнаго тѣла. Приглашаю васъ, господа и братья мои, внимательно и терпѣливо выслушать меня отъ начала до конца. Рѣчь моя длинна и состоитъ изъ 23 параграфовъ, а потому прошу о дозволеніи сѣсть и говорить сидя.

Народъ сербскій своею кровью добылъ себѣ право имѣть собственное правительство въ лицѣ князя и земскаго совѣта *),—право избирать и ставить себѣ князя **). Отсюда несомнѣнно, что право князя и Совѣта проистекаютъ изъ права народа, а не наоборотъ—не право народа изъ права князя и Совѣта, и потому народъ—*господинъ* какъ своего права, такъ и права князя и совѣта. А когда такъ, то утверждаю, что народъ сербскій въ лицѣ своей славной скупштины имѣетъ полное право привлечь князя и совѣтъ къ отвѣту за нарушеніе народнаго права, ввѣреннаго ихъ

*) Совѣтъ земскій или «державный», по-русски: государственный, какъ въ то время, такъ и теперь состоитъ изъ 17 представителей 17-ти округовъ княжества.

**) Это право, предоставлено сербамъ по Аккерманской конвенціи, по настоянію русскаго Императора Николая I.

Ред.

охранѣ, за учиненное народу зло, за растраченное народное имущество *). А что все это на самомъ дѣлѣ такъ, вотъ тому доказательство:

1) Почему князь и Совѣтъ, безъ спроса народа, нещадно, безжалостно размотали и сгубили даже ту неприкосновенную народную кассу до 800 тысячъ дукатовъ австрійскихъ **), которую приняли изъ рукъ князя Милоша ***), сберегаемую на случай крайней нужды,—измотали на пропавшій для Сербіи Майданъ-Пекъ или на другія бездѣлицы, какъ напримѣръ: на излишнее чиновничество, на тайную, ни на что ненужную полицію, на царскихъ ****) коммиссаровъ, для Сербіи ненадобныхъ, на турецкіе ордена, на пополненіе того, что разворовано мошенниками-чиновниками и т. п.

2) Почему князь и Совѣтъ, безъ спроса и согласія народа, издали противный «Уставу» полицейскій законъ, въ силу котораго полицейскія власти имѣютъ право прежде тѣлесно наказать серба, а потомъ ужъ предоставить ему жаловаться и доказывать какъ обезчещена его невинность; тогда какъ Уставомъ учреждены три суда: примирительный, окружный и аппеляціонный, и узаконено, что сербъ можетъ быть осужденъ и казненъ только послѣ доказанной его неправоты.

3) Какое имѣли право князь и Совѣтъ издать тотъ кровавый указъ 1844 года, который грозитъ смертью каждому сербу за политическія сходки и рѣчи? Развѣ свободный, честный сербъ не можетъ сойтись съ своимъ братомъ и разсуждать о вредныхъ для народа и отечества дѣйствіяхъ правительства?

4) Почему князь и Совѣтъ допустили попечительству внутреннихъ дѣлъ издать кровавый циркуляръ 1852 года, сходный съ указомъ 1844 года?

5) Почему князь и Совѣтъ опредѣляютъ въ судъ чиновниковъ изъ другихъ вѣдомствъ, когда это имъ строго воспрещено Уставомъ?

6) Почему князь и Совѣтъ не исполнили фирмана о выселеніи турокъ изъ Сербіи, когда это имъ было такъ необходимо? Почему они не настаивали на этомъ? Что мѣшало имъ до сихъ поръ исполнить это, когда никто не могъ имъ въ томъ воспрепятствовать?

7) Почему князь и Совѣтъ дозволяютъ туркамъ селиться въ Сербіи? А ихъ поселилось около 200 домовъ вокругъ Сокола. Почему они дозволяютъ имъ пріобрѣтать недвижимое имущество вокругъ городовъ и укрѣпленій? Ужицкіе турки, напримѣръ, завладѣли всѣми землями вокругъ Ужицы къ страшному вреду и угнетенію ужицкихъ сербовъ и великому позору для народа и правительства Сербіи.

---

*) До этого мѣста рѣчь Симеона Протича была изложена въ талантливой статьѣ проф. Пила Попова въ 7 кн. «Бесѣды» за 1871 г. Въ настоящей статьѣ рѣчь эта представляется во всей цѣлости и въ точномъ переводѣ, сдѣланномъ сыномъ Симеона Протича, авторомъ настоящей статьи, которая основана на дневникѣ и другихъ документахъ Симеона Протича, хранящихся у автора.

Ред.

**) Дукатъ австрійскій=3 рубл. серебр. русск.

***) Конечно и изъ рукъ кн. Михаила во все время своего владычества эту резервную кассу не тронулъ и оставилъ послѣ себя во всей цѣлости.

****) Турецкихъ.

8) Почему князь и Совѣтъ равнодушно смотрятъ и допускаютъ, чтобы у бѣлградскихъ воротъ стояла двойная стража, два часовыхъ изъ турецкаго низама, а что еще лучше и самая полиція въ крѣпости изъ того же низама? Ничего подобнаго до паденія князя Милоша турки не осмѣливались дѣлать.

9) Почему князь и Совѣтъ терпятъ то, что сербы платятъ нишскую таможенную пошлину, тогда какъ въ силу фирмана Сербія выкупила ее за 50 тысячъ піастровъ по торговому курсу ежегодной дани? А эта пошлина причиняетъ огромный убытокъ сербской торговлѣ, что, очевидно, противорѣчитъ правамъ народа.

10) Почему князь менѣе виновныхъ и мягче осужденныхъ наказываетъ строже, чѣмъ болѣе виновныхъ и присужденныхъ къ бо́льшимъ наказаніямъ, и дѣлаетъ это подъ предлогомъ помилованія послѣднихъ? Я самъ, бывши членомъ слѣдственной коммиссіи, разслѣдовалъ преступленіе уѣзднаго начальника Марка Іелича и убѣдился, что онъ менѣе виновенъ, чѣмъ уѣздный начальникъ Спасойе Милосавьевичъ, котораго преступленія я же разбиралъ, какъ судья Смедеревскій. Преступленія обоихъ, я знаю хорошо. Первый навсегда уволенъ отъ службы, а другой путемъ помилованія сдѣланъ снова начальникомъ еще лучшаго округа. Или начальникъ округа Милое Тодоровичъ за весьма малый проступокъ потерялъ службу, а одинъ окружный начальникъ, приговоренный къ тяжелому наказанію за весьма важное преступленіе, былъ только перемѣщенъ въ другой округъ опять на должность начальника его. Этотъ г. окружный начальникъ находится среди насъ, братья *). Уставомъ опредѣлено, что князь можетъ прощать, смягчать наказанія или отмѣнять рѣшенія только на законномъ основаніи, а не по своему произволу, ненависти или благоволенію къ судившемуся лицу.

11) Почему кражи, совершенныя чиновниками во вредъ народной казнѣ, прощаются и притомъ болѣе значительныя, какъ напримѣръ растрата денегъ бывшимъ членомъ бѣлградскаго окружнаго суда Спасойемъ Миловановичемъ, который, управляя сиротскою кассою, похитилъ изъ нея 3,500 австрійскихъ золотыхъ дукатовъ и въ 500 изъ нихъ сознался. Весь украденный капиталъ заплатила народная казна, а имущество Спасойя не было продано на пополненіе такого дефицита и только потому, что вора считаютъ какимъ-то «*нашимъ человѣкомъ*». А что значатъ эти несчастные «нашъ» и «вашъ»,—то хорошо узнали мы съ 1839 года.

12) Зачѣмъ Совѣтъ далъ себѣ устройство не согласное съ земскимъ уставомъ? Какая была для него нужда устраиваться такъ, когда узаконено для него Уставомъ другое устройство? Какая *была бы ему нужда* ограждать себя отъ гоненій князя, если бы князь не поступилъ беззаконно и противъ Устава съ отрѣшенными совѣтниками?

13) По какому праву поступилъ князь съ отрѣшенными имъ чинов-

---

*) Радованъ или Ракица Петровичъ—приверженецъ Вучича.

никами такъ безчеловѣчно, тирански, въ противность уставнаго права, съ совѣтниками и государственными людьми, которые по Уставу—заступники народа? Они еще не совершили того дѣла, въ которомъ ихъ обвиняли, а всѣмъ извѣстно, что задуманное, но не исполненное дѣло осуждается и наказывается легче, чѣмъ совершенное. Они на позоръ и безчестіе всего народа унижены были до скота, поставлены даже ниже скота и ихъ раздѣтыхъ и прикрытыхъ только одѣялами, прогнали чрезъ всю сербскую землю по тирански. Такъ могъ поступать не христіанскій и уставный князь, а жестокій, кровавый мучитель сербскій Сулейманъ-Скопльвикъ паша. Ихъ мучилъ въ тюрьмѣ *) безбожный Тодоръ **) безпримѣрными, нарочно для того выдуманными муками; ихъ били, морили голодомъ, душили нечистотами и зараженнымъ воздухомъ и всѣми средствами, которыя могли только выдумать злобное сердце и безбожная душа Тодора. Они бы умерли подобно Райю Дамяновичу—этой жертвѣ личной ненависти князя, если бы ихъ не спасло турецкое правительство. Между тѣмъ такіе же, какъ и они, соучастники въ заговорѣ, Милисавъ и Никола Бѣлый, содержались на легкой работѣ въ Топчидерѣ. Предлагаю мое мнѣніе, чтобы привлекли къ отвѣту Тодора, а также и членовъ суда за то, что они при слѣдствіи не записывали отвѣтовъ судимыхъ совѣтниковъ, отвѣтовъ, которые могли бы послѣднимъ послужить въ защиту,—предлагаю привлечь къ отвѣтственности Живадина Весовича, который производилъ слѣдствіе и составлялъ приговоръ не въ судѣ, а въ конакѣ (дворцѣ) и составилъ его не по правдѣ и не въ мѣру преступленій обвиненныхъ, а по желанію князя, который, вопреки всякому праву, въ одномъ и томъ же дѣлѣ былъ и обвинителемъ и судьей.

14) Зачѣмъ князь и Совѣтъ назначили для заключенія должностныхъ лицъ Гургусовацкую ***) башню? Зачѣмъ намъ эти проклятыя башни, страшилище Сербіи, когда имѣются болѣе пристойныя мѣста заключенія. До 1844 г. мы не знали этой грозной, ужасной башни, этой башни печали, горя и бѣды для сербовъ, этого людоѣда, пожравшаго многихъ и самыхъ достойныхъ сыновъ Сербіи, башни позора нашего и стыда передъ цѣлой Европой и передъ цѣлымъ свѣтомъ, башни-тюрьмы, которую, по моему мнѣнію, необходимо немедленно разрушить.

Государство и правительство наказываютъ должностныхъ лицъ вѣчнымъ или временнымъ заключеніемъ, а не хоронятъ живыхъ въ башняхъ и подземныхъ ямахъ, не морятъ ихъ пытками, голодомъ и отвратительною пищею, какъ дѣлалъ безбожный Тодора. Заключеннымъ даютъ при-

---

*) Эта тюрьма-башня находилась близъ города Гургусовацъ, откуда и получила свое названіе. Она была разрушена до возвращенія Милоша въ Сербію въ январѣ 1859 года.

**) Теодоръ, бывшій при кн. Кара-Георгіевичѣ кавалерійскимъ капитаномъ, былъ назначенъ начальникомъ тюрьмы Гургусовацкой, когда въ нее были заключены совѣтники и получилъ особую инструкцію, какъ ихъ мучить.

***) По возвращеніи князя Милоша въ Сербію, городъ Гургусовацъ переименованъ въ Княжевацъ по собственному желанію князя.

личныя комнаты, пищу, одежду и приглашаютъ даже врачей въ случаѣ ихъ болѣзни. Почему же сербскихъ должностныхъ лицъ погребаютъ живыми въ заразительныхъ подземныхъ ямахъ, тогда какъ обыкновенныхъ, уголовныхъ преступниковъ содержатъ только на работахъ въ Топчидерѣ или Чупріи. Надо, братья, положить этому конецъ не медля ни минуты.

15) Почему князь государственныя мѣста и чины раздаетъ служащимъ не по правдѣ, не по способностямъ ихъ и годамъ службы, а по своему произволу? Вѣдь мѣста государственной службы не его собственность, а собственность народа, государства Сербіи. Почему младшіе чиновники и малоспособные предпочтены старшимъ и болѣе способнымъ? Такъ напримѣръ, князь предпочелъ Николу Тасича, предсѣдателя Карановацкаго суда, Стоичу Иванковичу, предсѣдателю Пожаревацкаго суда, и возвысилъ его, назначивъ на должность члена апелляціоннаго суда. Такимъ образомъ князь развращаетъ служащихъ ко вреду народа. Честный и почтенный чиновникъ оскорбленъ и огорченъ такою неправдою и невольно слабѣетъ его ревность по службѣ и онъ, чтобы добыть себѣ высшее назначеніе или званіе, дѣлается подлецомъ, льстецомъ князя. Настало время и такое положеніе дѣлъ у насъ, что честному человѣку нѣтъ болѣе охоты служить своему отечеству. При такомъ порядкѣ вещей какое значеніе имѣютъ послужные списки?

16) Зачѣмъ князь и совѣтники возвышаютъ исключительно почти только своихъ родственниковъ и близкихъ, а остальныхъ, честныхъ, способныхъ и любезныхъ народу и послужившихъ ему людей и знать не хотятъ и такимъ образомъ создали и продолжаютъ создавать изъ своей среды свое дворянство, какую-то формальную аристократію, чуждую для народа? Доказательствъ на это много. А по Уставу каждый сербъ имѣетъ право восходить по гражданской лѣстницѣ въ мѣру своихъ способностей, своей честности и своихъ заслугъ.

17) Почему князь и совѣтники не распредѣляютъ по всей Сербіи на должности молодыхъ сербовъ, стипендіатовъ народныхъ, получившихъ образованіе заграницей и возвратившихся на родину? Почему не шлютъ ихъ внутрь страны, чтобы они узнали народъ, на деньги котораго учились, чтобы они познакомились снова съ обычаями своей земли и стали способными править въ своей странѣ и писать для нея законы? Почему и по какому праву держатъ ихъ при центральномъ правленіи и быстро возвышаютъ въ обиду многихъ заслуженныхъ сербовъ, которые по 20 лѣтъ служатъ народу въ провинціи и только съ великимъ трудомъ получаютъ возможность перейти на службу въ Бѣлградъ.

18) Почему князь и Совѣтъ не назначили въ члены Совѣта по одному совѣтнику изъ каждаго округа, чтобы каждый округъ имѣлъ въ Совѣтѣ своего представителя? По Уставу каждый округъ имѣетъ право посылать въ члены Совѣта своего представителя и не лишенъ способныхъ на это, заслуженныхъ людей, могущихъ быть представителями въ Совѣтѣ, а всѣмъ извѣстно, что округи отличаются другъ отъ друга и обычаями, и

потребностями, и нуждами. А вотъ отъ 6 или 7 округовъ не имѣютъ въ Совѣтѣ представителей, а у нѣкоторыхъ по два.

19) Почему князь и Совѣтъ отказываютъ въ прогимназіи народу ужицкой епархіи, народу 4-хъ великихъ округовъ, когда она такъ ему нужна, когда онъ имѣетъ на нее полное право, когда народъ другихъ округовъ пользуется такимъ учрежденіемъ, когда, наконецъ, на правительствѣ лежитъ обязанность настаивать на томъ, чтобы народъ ужицкой епархіи, сосѣдній съ дикими арнаутами, албанцами и необразованными босняками, какъ можно болѣе училъ и образовывалъ своихъ сыновей? Почему запрещаютъ этому честному народу имѣть свою прогимназію, когда онъ наравнѣ съ прочими платитъ подати и вноситъ свою часть въ школьный фондъ? Я предлагаю немедленно дать прогимназію народу ужицкой епархіи, чтобы онъ удобнѣе и съ меньшими расходами могъ обучать и образовывать своихъ сыновей.

20) Зачѣмъ князь и совѣтъ въ теченіе послѣднихъ 2 или 3 лѣтъ допускаютъ австрійскаго консула властвовать въ Сербіи, управлять ея политикой, назначать на мѣста сербскихъ чиновниковъ, гонять почту (австрійскую), сербскихъ купцевъ ковать въ кандалы и ихъ держать подъ арестомъ въ австрійскомъ консульствѣ въ поруганіе сербскихъ правъ, законовъ и судовъ? Австрійскіе консулы для Сербіи не важнѣе остальныхъ царскихъ консуловъ. Такимъ попущеніемъ со стороны князя и Совѣта умалены наши права, унижена и оскорблена Сербія.

21) Пусть отвѣтитъ князь и совѣтъ, кто звалъ въ Сербію австрійскую военную экзекуцію? Сербія не подавала къ тому никакого повода. Всѣмъ намъ извѣстно, что Австрія угрожала намъ экзекуціею и дѣлала приготовленія на границѣ для перехода на нашу землю, а потомъ извинялась въ одномъ меморандумѣ, говоря, что такія приготовленія дѣлала она не по своему измышленію, а по желанію кого-то въ Сербіи, котораго она намѣревалась удержать у насъ противъ воли народа.

22) Почему князь и Совѣтъ держатъ сербскую газету (Новине) подъ страшно строгой цензурой и допускаютъ наказывать ея редактора за тѣ статьи, которыя онъ переводитъ изъ европейскихъ газетъ? Такимъ образомъ съ одной стороны они не даютъ народу сербскому разсуждать, писать о народныхъ нуждахъ и тягостяхъ, о средствѣ къ отвращенію послѣднихъ и удовлетворенію первыхъ, о непригодныхъ и вредныхъ для страны распоряженіяхъ правительства, а съ другой не дозволяютъ народу читать и узнавать что иностранцы дѣлаютъ и что говорятъ о себѣ и какъ думаютъ о немъ, народѣ сербскомъ. Общая польза требуетъ, чтобъ сербскія газеты были совершенно свободны, и я стою на этомъ.

23) Почему князь и Совѣтъ не охраняютъ правъ Сербскаго народа, имъ ввѣренныхъ? Это ихъ первая и святая обязанность. А они легкомысленно и эгоистично играютъ народными правами, какъ мячикомъ, или безжалостно урѣзываютъ ихъ и пренебрегаютъ ими.

Въ силу всего этого вотъ мое мнѣніе: слѣдуетъ за все, мною сказан-

ное, не медля ни минуты, привлечь къ отвѣтственности князя и Совѣтъ. Не долженъ сербскій народъ гибнуть съ своими правами и пропадать ради эгоизма, безпечности или глупости князя и Совѣта. Народъ сербскій долженъ стоять бдительно на стражѣ своихъ правъ, охраняя ихъ неприкосновенность и святыню. *)

Когда обвинитель Протичъ кончилъ свою рѣчь, скупштина единогласно объявила, что все высказанное имъ вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію и что такого князя народъ не долженъ и на будущее время терпѣть на сербскомъ престолѣ. Поэтому скупштина приняла рѣшеніе: князя сербскаго низвергнуть съ сербскаго престола и отъ него вытребовать письменное отреченіе. Вслѣдствіе этого рѣшенія скупштина немедленно назначила одну депутацію изъ 9 своихъ депутатовъ и въ числѣ ихъ и обвинителя, Протича. Составленъ былъ адрессъ князю и письменный актъ его отреченія. Въ адрессѣ скупштина просила князя Кара-Георгіевича миролюбивымъ образомъ отречься отъ сербскаго престола, и актъ отреченія приносился для подписанія князя **). Депутація отправилась во дворецъ въ тотъ же день 10 декабря. Князь принялъ депутацію, желая узнать, чья она и что требуетъ отъ него. Предводитель депутаціи Угричичъ предложилъ ему принять адресъ, изъ котораго онъ узнаетъ рѣшеніе скупштины; но князь настаивалъ на томъ, чтобы ему словами передали раньше содержаніе адресса. Депутатъ изъ Смедерева Мата Поповичъ и обвинитель Протичъ передали князю въ короткихъ словахъ волю скупштины и народа. Подумавши, князь строго отвѣтилъ: «Хорошо; если этого желаетъ народъ, то мнѣ нужно подумать и посовѣтоваться съ иностранными консулами и моимъ Совѣтомъ. Я только подъ однимъ условіемъ могу дать отреченіе отъ престола, если скупштина выберетъ княземъ Михаила Обреновича, самаго достойнаго, изъ чьихъ рукъ я и принялъ престолъ, а безъ того не отрекусь, ни живой ни мертвый. Я боюсь, братья, каймакамовъ; будьте на сторожѣ. Между тѣмъ, взволнованная княгиня Персида пришла въ комнату, громко совѣтывала князю не слушаться мошенниковъ, а сѣсть на лошадь, отправиться въ Крагуевацъ и явиться среди своего народа и войска. Князь упросилъ ее не вмѣшиваться въ народныя дѣла и покинуть комнату. Еще разъ депутація просила подписать отреченіе, но князь, разстегнувъ свой мундиръ, сказалъ: «Ево и убите ме, но я вамъ сад одма не могу подписати отставку. Чекайте до сутра 10 сати уютру.» Въ переводѣ на русскій языкъ: «Хоть убейте меня, но я не могу сегодня подписать отставку. Подождите до 10 ч. утра завтрашняго дня.» Послѣ этихъ словъ. депутація возвратилась въ скупштину и передала отвѣтъ князя. Скупштина, въ то же время, отправила свое принятое рѣшеніе и въ Совѣтъ. Совѣтъ далъ отвѣтъ, что онъ присоединяется къ народу. Скупштина про-

*) Рѣчь эта была введена въ протоколъ Свято-Андреевской скупштины подъ № 57.

**) II часть. 413 стр. сочиненія проф. Нила Попова «Россія и Сербія.»

должала свое засѣданіе и, не желая дожидаться отреченія князя до другаго дня, постановила еще разъ отправить депутацію къ князю во дворецъ. Вечеромъ депутація вторично пошла во дворецъ и получила такой же отвѣтъ. Вучичъ съ совѣтниками совѣтовалъ князю тоже удовлетворить народному желанію, но князь остался при своемъ рѣшеніи. Въ это время масса народа окружила дворецъ. Гарашанинъ остался у князя одинъ; всѣ остальные разошлись. Во дворцѣ все утихло, на улицахъ слышенъ былъ шумъ и крикъ народа. Наступила минута, когда Гарашанинъ могъ привести въ исполненіе свой планъ. Онъ уговорилъ князя удалиться въ крѣпость и самъ предложилъ сопровождать его въ своей коляскѣ для избѣжанія подозрѣнія и совѣтывалъ князю надѣть его штатское пальто. Пашѣ уже раньше заявлено было объ этомъ Гарашаниномъ. Около 11 часовъ ночи князь Кара-Георгіевичъ покинулъ свой дворецъ и сербскій престолъ и, въ сопровожденіи своего попечителя внутреннихъ дѣлъ, незамѣтно уѣхалъ въ крѣпость къ туркамъ.

На другой день, 11 декабря, стало извѣстно по всему городу, что князь Александръ покинулъ престолъ и убѣжалъ въ турецкую крѣпость. Скупштина открыла свое засѣданіе и Симеонъ Протичъ предложилъ ей: «Такъ какъ князь Александръ вѣроломно измѣнилъ своему отечеству, покинулъ престолъ и убѣжалъ къ туркамъ, то скупштинѣ не зачѣмъ и хлопотать объ его отреченіи». Для отечества и народа очень опасно оставаться безъ князя и даже самое короткое время; ибо могутъ въ странѣ, оставшейся безъ правительства, образоваться разныя партіи и появиться разные претенденты на престолъ сербскій, что можетъ привести къ гибельнымъ для отечества послѣдствіямъ. Поэтому я выскажу мое мнѣніе; быть можетъ, скупштина найдетъ его умѣстнымъ и приметъ его. Я предлагаю выбрать на мѣсто убѣжавшаго и землѣ, и престолу измѣнившаго князя, новаго князя. Не нужно долго его искать, и чужаго выбирать. Мы имѣемъ нашего стараго князя и избавителя Милоша Обреновича I и потому я предлагаю, не теряя времени, возвратить и возстановить его на престолѣ съ правомъ наслѣдства, назначивъ до пріѣзда князя Милоша временное правленіе.» Это предложеніе Протича было принято скупштиною съ одушевленіемъ. Милошъ былъ провозглашенъ княземъ Сербіи съ правомъ наслѣдства. Провозглашеніе и возстановленіе князя Милоша на сербскій престолъ скупштина объявила народу въ тотъ же день, въ своей прокламаціи. Совѣтъ, узнавъ объ этомъ важномъ актѣ скупштины, немедленно послалъ въ скупштину своего предсѣдателя Совѣта, Вучича и попечителя внутреннихъ дѣлъ Гарашанина, обоихъ извѣстныхъ враговъ Обреновичей, съ намѣреніемъ уговорить скупштину перемѣнить рѣшеніе относительно возстановленія Милоша Обреновича на престолѣ сербскомъ: Вучичъ и Гарашанинъ, пріѣхавши въ скупштину, сказали отъ имени совѣта, что скупштина неправильно дѣйствовала безъ предварительнаго согласія съ Совѣтомъ относительно возстановленія князя Милоша Обреновича, которому не позволятъ возвратиться въ Сербію европейскіе цари

и потому Совѣтъ предлагаетъ скупштинѣ отказаться отъ своего рѣшенія, и, по соглашеніи съ нимъ, назначить сперва временное правленіе, а потомъ приступить къ выбору князя. Пока эти разговоры продолжались, Симеонъ Протичъ, обращаясь къ скупштинѣ, сказалъ: «Братья! неужели мы возьмемъ обратно свое слово и будемъ порицать то, на что мы всѣ такъ радушно согласились? Не правда, что говорятъ, будто монархи не хотятъ позволить князю Милошу возвратиться въ Сербію. Я увѣренъ, что кого пожелаетъ народъ имѣть своимъ княземъ, того и цари захотятъ, потому что только народъ имѣетъ право выбрать себѣ княземъ кого онъ хочетъ, а не цари. Султанъ утвердитъ того, кого желаетъ народъ. Я повторяю опять: Живіо нашъ князь и господаръ Милошъ Обреновичъ»! Скупштина объявила рѣшительно Вучичу и Гарашанину, что она твердо останется при своемъ первомъ рѣшеніи и воскликнула: «Живіо нашъ князь Милошъ!» На это Вучичъ сказалъ: «Братья! если вашъ князь Милошъ пріѣдетъ и вы его увидите, то вы меня забросьте камнями», на что скупштина ему отвѣтила, что она его больше и слышать не хочетъ, и потому пусть уйдетъ сейчасъ изъ скупштины. Услышавъ это Вучичъ и Гарашанинъ простились съ скупштиною и ушли; но Вучичъ при уходѣ рассорился раньше съ подпредсѣдателѣмъ скупштины Стевчемъ Михаиловичемъ, а потомъ съ Симеономъ Протичемъ, сказавъ сердито: «Не ты быти Стевча што ты отѣшь, а ты Протичь, добро добро каятьешьсе што радишъ. Фала ти то ми іе благодарность отъ тебе.» По окончаніи этого важнаго и знаменитаго акта, скупштина приняла рѣшеніе о временномъ правленіи и назначила въ лицѣ Иліи Гарашанина, Стевчи Михаиловича и Ефтимія Угричича, предсѣдателя кассаціоннаго Суда. Передъ Рождествомъ того года Александръ Карагеоргіевичъ переѣхалъ на Австрійскомъ пароходѣ съ своимъ семействомъ въ Австрію. Скупштина, совѣтъ а также и народъ послали князю Милошу, проживавшему въ то время въ Букарештѣ, и князю Михаилу въ Вѣну, свои поздравленія. Скупштина назначила депутацію и отправила ее въ Букарештъ призвать князя Милоша въ свое отечество. Между тѣмъ, Милошъ приказалъ Стевчѣ Михаиловичу быть временнымъ правителемъ до его пріѣзда въ Сербію. Засѣданія скупштины продолжались до конца января 1859 года. Князь Милошъ пріѣхалъ въ январѣ и издалъ своему народу прокламацію, выражающую радость и благодарность народу и скупштинѣ. Скоро по пріѣздѣ Милоша, послѣдовалъ султанскій бератъ, утверждающій Милоша княземъ Сербіи, но безъ права престолонаслѣдія. Вопреки этому берату скупштина постановила возстановить князя Милоша на сербскомъ престолѣ съ правомъ наслѣдства.

Этими словами мы заканчиваемъ нашъ очеркъ о Свято-Андреевской скупштинѣ, давшей своему народу спокоиствіе и болѣе прочное положеніе въ Европѣ.

М. С. Протичъ

SUUM CUIQUE.

Увидалъ изъ-за тучи утесъ
Какъ въ долину сошла молодая
Дочка Солнца—Весна и, вздыхая,
Погрузился въ туманъ сладкихъ грёзъ.

* * *

Ему снится: съ Весной молодою,
Въ снѣжныхъ блесткахъ, идетъ онъ къ налою
И вѣнчаетъ его ледяною
Діадемою свѣтлый морозъ.

* * *

А Весна позабыла вершину
И за тучами льдистый утесъ;
По уступамъ сошла на долину
И забылась въ чаду сладкихъ грёзъ...

* * *

Снится ей: на зарѣ, за холмами,
Тамъ, гдѣ роща гремитъ соловьями,
Жаркій Май, съ золотыми кудрями,
Ей даритъ діадему изъ розъ.

Я. Полонскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ф. Мартенсъ. Восточная война и Брюссельская конференція 1874—78 года. Спб. 1879 года VIII+596+46.

Сочиненіе извѣстнаго профессора петербургскаго университета Ф. Мартенса интересно не только для лицъ, спеціально занимающихся изученіемъ политическихъ наукъ и для юристовъ вообще, но и для каждаго образованнаго русскаго читателя. Въ обширномъ изслѣдованіи г. Мартенса, представляющемъ богатѣйшее собраніе дипломатическихъ актовъ, мы встрѣчаемся съ первою серьезною попыткою анализа военнаго международнаго права въ его примѣненіи русскими и турецкими войсками и обоими правительствами во время недавно пережитой нами войны. Кто изъ образованныхъ русскихъ читателей не задавался вопросами о томъ: нарушалось-ли международное право во время послѣдней войны, въ чемъ именно заключались эти правонарушенія, которая изъ враждовавшихъ сторонъ болѣе повинна въ пренебреженіи и насилованіи добрыхъ законовъ и обычаевъ, выработанныхъ исторіею культуры для современныхъ цивилизованныхъ войнъ? Также необходимо было указать на постоянныя и случайныя причины, вызывавшія турецкое правительство и его арміи на постоянныя и грубыя нарушенія законовъ и обычаевъ войны. Почтенный авторъ даетъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ IX-ти главахъ своего труда, носящаго на себѣ, несомнѣнно, характеръ научно-полемическаго трактата. Въ первыхъ трехъ главахъ г. Мартенсъ пытается доказать необходимость и своевременность кодификаціи военнаго права. Разобравъ предварительно мнѣнія противниковъ войны, усматривающихъ въ оной нѣчто въ родѣ преступленія, позорящаго человѣчество (Гердеръ, Дж. Ст. Милль и Эмиль де Жирарденъ), а также мнѣнія ея защитниковъ, изъ среды которыхъ нѣкоторые увлекаются до какого-то нелѣпаго благоговѣнія передъ войною, до ея обоготворенія (Гераклитъ, Прудонъ и др.) онъ, авторъ, высказывается противъ обоихъ этихъ крайнихъ и несовмѣстимыхъ взглядовъ. Война существуетъ, какъ фактъ историческій, какъ неизбѣжная иногда необходимость; съ этимъ явленіемъ нужно считаться. Вся задача ученаго, цѣль международнаго права, разсматривающаго проекты вѣчнаго мира, какъ утопіи, заключается

въ томъ, чтобы ограничить, по возможности, ужасы и бѣдствія войны посредствомъ строгой международно-законодательной регламентаціи ея законовъ и обычаевъ, несомнѣнно существующихъ, какъ это признается даже самими военными писателями, выступившими въ недавнее время противниками кодификаціи военнаго права (генералы Гартманъ и фонъ Клаузевицъ). Лучшая попытка къ этой кодификаціи есть, по мнѣнію автора, проектъ брюссельской конференціи (1874 г.), созванной по иниціативѣ русскаго правительства. Россія, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Мартенсъ, издавна понимала свою роль въ международномъ союзѣ и въ сферѣ международныхъ отношеній. Роль Россіи, въ дѣлѣ смягченія бѣдствій войны, сказалась еще въ актѣ перваго вооруженнаго нейтралитета—великомъ твореніи графа Никиты Панина и Императрицы Екатерины II—и въ Спетерб. деклараціи (1868 г.) о неупотребленіи разрывныхъ снарядовъ вѣсомъ ниже 400 граммъ. Начала, вложенныя въ проектъ брюссельской конференціи, выражаютъ собою гуманную идею современной войны, стремящейся къ ограниченію жестокостей неумолимаго древне и средневѣковаго права войны по отношенію къ раненымъ, больнымъ воинамъ, къ жизни и имуществу непріятелей и къ нейтральнымъ. Неудача, постигшая брюссельскую конференцію, проектъ которой не получилъ юридической санкціи со стороны правительствъ, принимавшихъ черезъ своихъ уполномоченныхъ участіе въ засѣданіяхъ этой конференціи, объясняется почтеннымъ авторомъ различными «случайными политическими обстоятельствами и комбинаціями», интригами Англіи. Принципы, провозглашенные въ проектѣ брюссельской деклараціи, выражаютъ собою юридическое сознаніе просвѣщенной части рода человѣческаго (представляемой образованными членами междун. союза) о нормахъ права и началахъ политической нравственности, которыми должно руководиться въ отношеніяхъ между народами, порождаемыхъ войною. Съ точки зрѣнія этихъ-то началъ, провозглашенныхъ делегатами европейскихъ правительствъ на конференціи 1874 г., г. Мартенсъ и подвергаетъ критической оцѣнкѣ отношенія обоихъ правительствъ до и во время войны, поведеніе ихъ армій, а также пристрастное и недобросовѣстное отношеніе къ Россіи «нейтральной» Англіи, нарушавшей самымъ грубымъ образомъ обязанности, налагаемыя на нее положеніемъ нейтральнаго государства, не принимающаго (согласно современному междун. праву) прямаго и непосрественнаго участія въ вооруженномъ столкновеніи державъ, находящихся въ состояніи войны. Понятно, что этотъ критическій анализъ (главы V—IX) привелъ автора къ выводамъ безусловно благопріятнымъ для Россіи и къ сильному, даже рѣзкому, но вполнѣ справедливому осужденію грубыхъ и вопіющихъ нарушеній междунар. права и пренебреженія къ началамъ нравственности, *систематически* и *умышлено* допущенныхъ, какъ самимъ турецкимъ правительствомъ, такъ и его полчищами. При этомъ должно обратить особенное вниманіе на то, что г. Мартенсъ, впадая иногда въ полемическій, часто даже рѣзкій тонъ (особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ Англіи), все же остается до конца объективнымъ и научнымъ

въ пріемахъ критики, почему и выводы его, за рѣдкими исключеніями, правдивы и вѣрны. Дѣйствительно, авторъ, поставивъ себѣ задачу констатировать нарушенія международныхъ обычаевъ и законовъ со стороны турокъ, ссылается при этомъ на матеріалъ, заимствованный, по преимуществу, изъ англійскихъ «Blue books», донесеній военныхъ и консульскихъ агентовъ Англіи, корреспонденцій туркофильскихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ газетъ и журналовъ. Такимъ образомъ, не только добросовѣстный и спокойный читатель, но и самый отчаянный туркофилъ лишены возможности упрекнуть автора въ пристрастіи или въ неразборчивости при выборѣ матеріала; сами же окончательные выводы петерб. профессора получаютъ при подобной постановкѣ вопроса объ источникахъ, изъ которыхъ онъ черпалъ свои доводы, бо́льшее значеніе, бо́льшую силу и доказательность.

Признавая съ величайшимъ удовольствіемъ несомнѣнныя и бо́льшія достоинства сочиненія пр. Мартенса, которое мы рекомендуемъ всѣмъ читателямъ, интересующимся вопросомъ объ окончательныхъ итогахъ тяжелой и славной войны, нами недавно законченной, по отношенію къ междун. праву, мы укажемъ бѣгло и на нѣкоторые недостатки этой полезной книги. Прежде всего намъ кажется невѣрнымъ и недостаточно мотивированнымъ взглядъ почтеннаго профессора на войну, въ которой онъ склоненъ видѣть «столкновеніе непримиримыхъ и противоположныхъ интересовъ» (по крайней мѣрѣ, таковою война представляется, по его мнѣнію, какъ фактъ). Но «столкновеніе непримиримыхъ интересовъ» (т. е. «исключительныхъ интересовъ») есть только факторъ, мотивъ, вызывающій войну и нисколько не препятствуетъ самой войнѣ быть «споромъ о правѣ» или «вооруженнымъ столкновеніемъ государствъ изъ-за права», какъ полагаетъ почтенный авторъ. Онъ забываетъ, что самая кодификація законовъ и обычаевъ войны невозможна безъ признанія за ней характера «спора о правѣ», и что опредѣленіе, данное авторомъ, страдая растяжимостью и крайнею неопредѣленностью (оно стремится внести въ опредѣленіе многообразные и случайные мотивы и причины войны), является несовмѣстимымъ со всѣми доказательствами его въ пользу кодификаціи законовъ и обычаевъ войны; г. Мартенсъ, кажется намъ, тѣмъ самымъ ослабляетъ всѣ свои доводы, приводимые въ пользу полезности, силы и прочности началъ 1874 года, даетъ видимый поводъ и какъ бы право защищать нѣкоторыя дѣйствія турецкаго правительства, становившагося именно на точку зрѣнія «непримиримыхъ и несогласимыхъ интересовъ», рождающихъ войну, и не допускавшаго поэтому никакихъ ограниченій и смягченій жестокаго и неумолимаго «vae victis» (горе побѣжденнымъ) и «adversus hostem aeterna auctoritas esto» (противъ врага все дозволено) древняго міра. Не показались намъ также достаточно убѣдительными и доказательства, приводимыя авторомъ книги въ пользу своевременности и практической осуществимости кодификаціи всѣхъ или даже многихъ началъ военнаго права, принятыхъ брюссельскимъ проектомъ, принципы котораго

приняты г. Мартенсомъ, какъ руководящее начало его изслѣдованія. Большинство институтовъ военнаго междун. права еще не установились окончательно и очень спорны. Г. Мартенсъ, основательно сославшись на нѣсколько сотъ трактатовъ, служившихъ историческими прецедентами, подготовлявшихъ съ XVI вѣка женевскую конвенцію 1864 г. (регламентирующую положеніе и уходъ за ранеными и больными непріятельскими воинами, нейтрализацію госпиталей, прислуги и т. д.) и придавшихъ ей силу и прочность, былъ бы, вѣроятно, очень затрудненъ, если бы кто вздумалъ потребовать отъ него указаній на извѣстное (хотя бы небольшое) число междун. договоровъ, регламентирующихъ, такъ или иначе, занятіе непріятельской территоріи, спорные и важные вопросы о такъ называемыхъ вольныхъ стрѣлкахъ и ополченіи, о контрибуціяхъ, реквизиціяхъ, объ осадѣ и бомбардированіи, запутанные случаи о шпіонахъ, парламентерахъ, капитуляціяхъ и т. д. Относительно всѣхъ этихъ наиболѣе жгучихъ и запутанныхъ институтовъ нѣтъ достаточныхъ историческихъ прецедентовъ въ практикѣ, они спорны до-нельзя въ наукѣ, однимъ словомъ—не подготовлены еще къ междунар. законодательной кодификаціи ихъ, чѣмъ въ значительной степени и объясняется важный фактъ непринятія брюссельскаго проекта не одною только Англіею, но и другими державами (по преимуществу, средними и малыми). Вина этой неудачи, во всякомъ случаѣ, на столько же въ исторической неподготовленности и незаконченности процесса развитія этихъ институтовъ, на сколько и въ случайныхъ интригахъ (Англіи) и въ другихъ политическихъ комбинаціяхъ.

В. Даневскій.

F. Martens (professeur de droit international à l'Université impériale de St. Pétersbourg) «La Russie et l'Angleterre dans l'Asie centrale». (см. Revue de droit international et de législation comparée, tome XI, 1879. № III).

Эта небольшая работа обратила на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра, переведена на нѣмецкій языкъ и разошлась слишкомъ въ 30 т. экземпляровъ. Главная причина необыкновеннаго успѣха этой брошюры заключается въ томъ интересѣ, съ которымъ вся Европа, въ особенности же Англія, слѣдитъ за всякимъ словомъ, исходящимъ изъ компетентныхъ устъ, могущимъ пролить хоть нѣкоторый свѣтъ на затаенныя цѣли русской политики «поступательнаго движенія» въ Средней Азіи, разрѣшить хоть сколько-нибудь удовлетворительно жгучій вопросъ объ интересахъ, преслѣдуемыхъ Англіею и ея сильною соперницею въ средне-азіатской политикѣ. Не менѣе интереса представляетъ также для образованнаго читателя слово знатока науки международнаго права, близкаго нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, на счетъ возможности и желательности войны

съ нашею давнею соперницею и постояннымъ недругомъ, съ которымъ, такъ или иначе, намъ приходится считаться при всѣхъ попыткахъ къ разрѣшенію восточнаго вопроса.

Послѣ небольшаго предисловія, въ которомъ нашъ авторъ констатируетъ фактъ неестественнаго и враждебнаго отношенія англійскаго общества и правительства къ успѣхамъ русскаго оружія въ Средней Азіи, ревниваго и озлобленнаго отношенія ихъ ко всякому шагу впередъ, совершаемому нашимъ правительствомъ по необходимости самозащиты отъ вторженій и грабежей полудикихъ народовъ Средней Азіи, проф. Мартенсъ задается вопросомъ о примѣнимости началъ европейскаго междун. права къ сношеніямъ образованной державы съ полудикой націей. Въ главѣ I, авторъ обращается къ разрѣшенію этой первой задачи и приходитъ къ отрицательнымъ результатамъ. Принципы междун. права могутъ быть соблюдаемы во взаимныхъ сношеніяхъ только народами, стоящими на высокой ступени культуры, проникнутыми сознаніемъ солидарности началъ нравственности, однимъ міросозерцаніемъ. Солидарность интересовъ и постоянная кооперація народовъ для достиженія совмѣстными усиліями благъ-не достижимыхъ отдѣльными усиліями народовъ — вотъ основаніе современнаго междун. права, предполагающее идею *взаимности* въ признаніи извѣстныхъ правъ и вытекающихъ изъ нихъ обязанностей. Эти основные принципы, на которыхъ зиждется междун. право цивилизованныхъ націй, отсутствуютъ въ сношеніяхъ между дикими и полудикими племенами какъ между собою, такъ и съ народами высшаго культурнаго типа. Отсюда понятно, что европейскія державы не могутъ руководствоваться въ своихъ сношеніяхъ съ племенами и государствами низшей культуры началами междунар. права. Но вѣдь сношенія эти существуютъ и должны же быть регулируемы какими-нибудь общими правилами! По мнѣнію г. Мартенса, начала, на которыхъ слѣдуетъ основать отношенія европейцевъ къ тѣмъ народамъ, лежатъ въ такъ называемомъ естественномъ правѣ (jus naturale); послѣднее состоитъ изъ абстрактныхъ принциповъ, присущихъ всѣмъ человѣческимъ положеніямъ и сношеніямъ. Начала эти суть идеи *истиннаго*, *добра*, *прекраснаго* и *справедливаго*; они суть «первичные элементы мысли, свойственны каждому соціальному положенію, всякому человѣку, каждой націи и каждой исторической эпохѣ.» Оно, т. е. естественное право, «черпаетъ свои заключенія изъ разума и человѣческой природы.» Ясно, что все, сказанное почтеннымъ профессоромъ о естественномъ правѣ, добыто апріорнымъ, метафизическимъ путемъ. Метафизическій принципъ естественнаго права, на которомъ стояли еще Гуго-Гроцій, Пуффендорфъ и Бюнкершкъ, держался, къ сожалѣнію, и въ современной наукѣ межд. права, въ лицѣ многихъ нѣмецкихъ, особенно же франц. публицистовъ. По нашему мнѣнію, къ дикарямъ и полуобразованнымъ азіатскимъ и африканскимъ народамъ слѣдуетъ примѣнять тѣ же начала межд. права, которыя обязательны въ сношеніяхъ цивилизованныхъ государствъ, но съ исключеніями и видоизмѣненіями въ частностяхъ, вытекающими изъ особен-

ностей низшей, болѣе дикой культуры тѣхъ младенческихъ государствъ. Поступая иначе, мы рискуемъ оправдать и извинять всякій произволъ, даже жестокости, совершаемыя во имя пресловутаго естественнаго права, противъ тѣхъ народовъ. Взглядъ нашъ подкрѣпляется косвенно самимъ авторомъ, усматривающимъ въ роли европейскихъ державъ въ Азіи (въ частности Россіи и Англіи) миссію цивилизаторскую, просвѣтительную. Въ заключеніе этой главы нашъ почтенный ученый приводитъ выдержки изъ циркуляра государственнаго канцлера князя Горчакова (отъ 21 ноября 1864 г.), въ которомъ изложены мотивы, побуждающіе русское правительство къ походамъ и покоренію территорій различныхъ среднеазіатскихъ владѣльцевъ, сводящіеся къ понятному, естественному и обязательному стремленію для каждаго сильнаго и сознающаго свои обязанности предъ подданными государства къ обезопашенію своихъ границъ, жизни и торговли подданныхъ отъ постоянныхъ и трудно удержимыхъ набѣговъ кочующихъ среднеазіатскихъ племенъ.

Главы II, III и IV посвящены весьма обстоятельному изложенію и истолкованію цѣла горяда дипломатическихъ документовъ и переговоровъ, воспослѣдовавшихъ между Россіею и Англіею по поводу среднеазіатскихъ дѣлъ. Всѣ они, по справедливому мнѣнію г. Мартенса, проникнуты, съ одной стороны, крайнимъ и систематическимъ недовѣріемъ англійскаго кабинета и общества къ русской политикѣ и вынужденнымъ ходомъ самихъ вещей завоеваніямъ Россіи въ Средней Азіи, съ другой же стороны—прямотою, честностью и твердостью русской политики, *никогда не связывавшей* себя никакими обѣщаніями и договорами, которые могли бы отнять или ограничить право Россіи на пользованіе естественными средствами прочной самообороны, въ виду которой постоянное занятіе и завоеваніе нѣкоторыхъ территорій (Бухара, Хива, Коканъ, Ташкентъ, Самаркандъ), являлось существенно необходимымъ и неотвратимымъ. Ни противъ этой основной мысли автора, ни противъ аргументаціи и истолкованія документовъ, которыми онъ пользовался, нельзя представить никакихъ серьезныхъ возраженій. Но нельзя сказать того же относительно попытки автора, проходящей чрезъ всю интересную его работу, доказать, что Англія обязалась предъ Россіей *формально* къ признанію Авганистана нейтральною территоріею, лежащею внѣ сферы дѣйствій и политическихъ вліяній обѣихъ державъ. Мы готовы согласиться, что Англія нарушила принципы трактата, заключеннаго ею съ Авганистаномъ въ 1855 году (между Достъ-Магометъ-ханомъ и Индійскою компаніей), гарантирующаго полную неприкосновенность и свободу этого азіатскаго государства, и что нарушеніе этого междун. обязательства не имѣло никакихъ разумныхъ и справедливыхъ основаній, не оправдывается междунар. правомъ; не отрицаемъ мы также, вслѣдъ за проф. Мартенсомъ, что послѣдняя война Англіи съ Авганистаномъ вызвана завѣдомо интригами и своекорыстными цѣлями англійской политики, добившейся, вопреки договору 1855 г., почти полнаго подчиненія Авганистана, не нарушавшаго своихъ обязательствъ предъ

Англіею. Но мы утверждаемъ, вслѣдъ за англійскимъ ученымъ Уэстлекомъ, возражавшимъ на эту статью г. Мартенса въ № IV того же журнала, что всѣ переговоры Россіи съ Англіей, веденные первою съ цѣлью склонить Англію къ признанію нейтральности авганской территоріи, являются, съ международно-правовой точки зрѣнія, простымъ обмѣномъ мыслей, выраженіями желаній, условныхъ согласій, но что всѣ они отнюдь не были облечены въ строго юридическую форму трактата, обязательнаго для контрагентовъ. Никакого трактата т. е. формальнаго обязательства Англіею, въ этомъ смыслѣ, не было заключено, почему и съ *этой точки зрѣнія* нельзя никоимъ образомъ обвинять Англію въ вопросѣ о завоеваніи ею Авганистана.

Въ послѣдней V главѣ, г. Мартенсъ излагаетъ приблизительно слѣдующія мысли: Россіи нечего бояться завоеванія Англіею Авганистана, какъ Англіи нечего было страшиться естественнаго движенія впередъ со стороны Россіи въ той же Средней Азіи; страхъ и озлобленность Англіи противъ русской политики въ Азіи ни на чемъ не основаны. Съ завоеваніемъ Авганистана Великобританіею границы двухъ сильныхъ державъ сойдутся; приближеніе ихъ границъ дастъ возможность соперницамъ узнать другъ друга и убѣдиться въ томъ, что интересы обѣихъ державъ не только не различны, не исключительны, но существенно одинаковы. Цѣль политики ихъ—цивилизаторская миссія среди дикихъ племенъ Средней Азіи. Для достиженія этой высокой задачи оба государства должны идти рука объ руку. Пораженіе одной изъ нихъ, понесенное въ войнѣ съ соперницею, гибельно отразится и на послѣдней: возьметъ верхъ Россія, она въ концѣ концовъ не будетъ въ состояніи управиться съ народами Азіи, потеряетъ свой престижъ; тоже произойдетъ и съ Англіей, если бы послѣдняя одолѣла Россію. Наконецъ, Англіи нечего бояться похода въ Индію: онъ очень труденъ, есть плодъ фантазіи немногихъ людей. Мирное сосуществованіе народовъ —величайшая задача междун. права!

Отдавая дань полнѣйшаго уваженія миролюбивымъ и гуманнымъ мыслямъ почтеннаго ученаго, мы все же не можемъ признать въ его аргументаціи достаточной силы и убѣдительности, которыя могли бы разувѣрить насъ во мнѣніи, совершенно противномъ тому, которое высказано г. Мартенсомъ. Послѣдній прежде всего не доказалъ и даже не указалъ на тѣ *общіе интересы* Англіи и Россіи, могущіе привести ихъ отношенія въ Средней Азіи къ желаемому и ожидаемому пр. Мартенсомъ мирному исходу. Авторъ только упомянулъ о нихъ, но не доказалъ ничѣмъ ихъ существованія. Онъ упустилъ также изъ виду существенно различные интересы Англіи и Россіи на Востокѣ, находящіеся въ зависимости отъ существенныхъ, но эгоистичныхъ интересовъ Великобританіи, въ качествѣ великой морской и коммерческой державы, стремящейся захватить въ свои руки всѣ торговые морскіе пункты, съ другой же стороны, отъ роли и миссіи Россіи на Востокѣ въ качествѣ освободительницы и покровительницы турецкихъ славянъ, совершенно несовмѣстимыхъ (по край-

ней мѣрѣ, даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ) съ «исключительными интересами» Великобританіи. Это то существенное и непримиримое столкновеніе интересовъ почти неизбѣжно можетъ вовлечь насъ въ войну съ Англіей. Нанести же гибельный ударъ нашей эгоистичной соперницѣ мы можемъ только со стороны Индіи, путь въ которую намъ открывается съ завоеваніемъ Англіею Авганистана. Нашествіе русскихъ въ Индію равносильно возстанію индусовъ, ихъ вѣроятному отторженію отъ Англіи, паденію англійской экономической и политической силы, и слѣдов., прекращенію всякой дѣятельной и опасной для нашей исторической миссіи на Востокѣ роли ея. Мирное сосуществованіе народовъ, сознаніе ихъ цивилизаторской миссіи среди дикарей, безъ сомнѣнія, идеалъ высокогуманный, величайшее благо и цѣль междун. права и междун. сношеній. Это одинаково примѣнимо ко всѣмъ государствамъ цивилизованнаго междун. союза, а не къ одной Англіи и Россіи; но покуда эти пожеланія суть только мечты, сильно напоминающія проекты вѣчнаго мира и на нихъ, понятно, нельзя строить аргументовъ въ пользу мирнаго сосуществованія Россіи и Англіи въ Средней Азіи.

В. Даневскій.

Г. Евгеній де-Роберти. Соціологія. Спб. 1880 г.

Книга г. де-Роберти уже вызвала отзывы нашей печати и отзывы эти неблагопріятны сочиненію. Къ крайнему сожалѣнію, мы должны въ свою очередь недружелюбно привѣтствовать автора «Соціологіи». Первый упрекъ нашъ заключается въ томъ, что г. де-Роберти неясно опредѣлилъ себѣ, къ какому классу читателей онъ обращается. Для людей, знакомыхъ съ лучшими, по крайней мѣрѣ, сочиненіями западно-европейской литературы по общественной наукѣ, въ книгѣ г. де-Роберти много балласта. Для другихъ читателей въ «Соціологіи» много непонятнаго. Второй упрекъ относится къ растянутости и неточности изложенія. Въ книгѣ, посвященной, главнымъ образомъ, методологическимъ вопросамъ, каждое слово должно быть строго взвѣшено.

Во вступленіи къ сочиненію, г. де-Роберти говоритъ о задачѣ соціологіи, ея методахъ, о нравственности и правѣ, объ альтруизмѣ и о многомъ другомъ. Капитальнѣйшіе вопросы, здѣсь, задѣваются и перепутываются къ прямому вреду для читателей. «Что такое нравственность, или такъ называемыя всеобщія начала нравственности и проистекающее изъ нихъ право, какъ не своеобразный осадокъ сложныхъ общественныхъ процессовъ, какъ не болѣе или менѣе безсознательное отраженіе или отголосокъ сокровенныхъ законовъ общественной организаціи?» спрашиваетъ

г. де-Роберти (стр. 10). «Всякое нарушеніе такихъ законовъ, говорится далѣе на той же страницѣ, ощущается какъ нѣчто нравственно-непріятное или ненормальное: какъ дурной или безнравственный поступокъ, какъ несправедливость, наконецъ, какъ преступленіе. Все это—видоизмѣненія одного и того же основнаго явленія». «Право является здѣсь, какъ естественный продуктъ нравственности» (11). Въ дѣйствительности, дѣло вовсе не такъ просто, какъ кажется это г. де-Роберти, и его бѣглыя замѣчанія ни сколько не проливаютъ новаго свѣта на вопросы о происхожденіи и содержаніи нравственности и права; а потому лучше бы, по нашему мнѣнію, и не задавать этихъ вопросовъ.

Г. де-Роберти склоненъ, иногда, игнорировать чужія мысли. «Лучшимъ опредѣленіемъ нравственности едва-ли не будетъ назвать ее гигіеною общественнаго союза. Требованія нравственности разнятся отъ требованій гигіены только тѣмъ, что они обращены къ охраненію не индивида, а всего союза» (11—12). Докторъ Клавель уже давно и обстоятельно развилъ эту мысль. (Clavel: La morale positive, Paris, 1873, см., напримѣръ. 15, 93, 94 и многія другія страницы). Въ другой главѣ, г. де-Роберти толкуетъ о мѣстѣ психологіи въ ряду наукъ и высказываетъ, какъ оригинальный, взглядъ, уже давно нашедшій себѣ прекрасное выраженіе въ «Вопросахъ о жизни и духѣ» Льюиса (русскій переводъ, 1875, т. I, стр. стр. 161, 163, 164, 168 и др.).

Вторая глава сочиненія г. де-Роберти занята вопросомъ о методѣ въ соціологіи. Эта наука употребляетъ описаніе, какъ методъ научнаго изслѣдованія (29). Въ слѣдующей главѣ авторъ вступаетъ въ длинныя разсужденія объ абстрактныхъ и конкретныхъ наукахъ, доказывая неправильность отожествленія послѣднихъ съ науками описательными. «Конкретная наука есть наука синтетическая, задающаяся цѣлью возсоединить вновь то, что было предварительно разрознено науками аналитическими или отвлеченными; я говорю науками, а не наукою, потому что это различіе имѣетъ въ данномъ случаѣ огромное значеніе». Авторъ вступаетъ далѣе въ довольно наивную бесѣду съ читателемъ, задаваясь вопросомъ: «возможно-ли возстановить самое простое конкретное явленіе съ помощію одного, хотя бы и основнаго свойства вещества?» (46). Настоящій типъ конкретной науки представляетъ геологія. «Конкретныя науки, читаемъ мы далѣе, суть всегда исключительно науки *продуктовъ*, а не факторовъ или элементовъ, и только въ этомъ смыслѣ онѣ и могутъ называться синтетическими, въ противоположность наукамъ аналитическимъ или отвлеченнымъ» (49.)

Г. де-Роберти переходитъ потомъ къ опредѣленію мѣста соціологіи въ ряду другихъ наукъ и защищаетъ (старыми аргументами, главнымъ образомъ) Контовскую классификацію отъ нападенія Спенсера. Что касается до внутренняго дѣленія соціологіи, то здѣсь авторъ справедливо рекомендуетъ крайнюю осторожность. Самъ г. де-Роберти считаетъ цѣлесообразнымъ раздвоить науку объ обществѣ на естественную исторію (общества)

и естественную науку явленій (общественныхъ). Г. де-Роберти придаетъ этому раздвоенію соціологіи слишкомъ большое значеніе. Надобно замѣтить, что и въ настоящемъ случаѣ авторъ разбираемаго сочиненія нѣсколько запоздалъ съ своимъ взглядомъ (для русской публики, такъ какъ трудъ г. де-Роберти по-французски печатался ранѣе). Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ молодыхъ русскихъ ученыхъ, г. Ковалевскій, развилъ ту же мысль гораздо проще, яснѣе и короче въ своей брошюрѣ: «Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права», Москва, 1880.

Въ главахъ, посвященныхъ вопросу объ отношеніи соціологіи къ біологіи и психологіи, интересны только довольно основательныя нападенія на злоупотребленія, такъ называемою, реальною аналогіею. Мнѣнія Шеффле и другихъ ученыхъ, которые видятъ въ обществѣ организмъ въ буквальномъ смыслѣ, не безъ успѣха опровергаются г. де-Роберти. Мы не понимаемъ только ожесточенныхъ нападеній автора «Соціологіи» на монистическія ученія въ виду слѣдующей фразы г. де-Роберти: «психологическія явленія составляютъ только особое видоизмѣненіе отправленій жизни, отнюдь не обнаруживающее новаго свойства матеріи и не представляющее новаго осложненія въ естественномъ ряду явленій» (98). Мы не говоримъ уже о противорѣчіи этой мысли съ взглядами г. де-Роберти на психологію. Заключаемъ нашу замѣтку указаніемъ на то, что авторъ, какъ и многіе другіе позитивисты, съуживаетъ задачу философіи. «Ни по другому пути, чѣмъ наука, ни впереди ея—вотъ настоящій позитивизмъ». Смѣемъ думать, что это не совсѣмъ *настоящій* позитивизмъ, но о такомъ вопросѣ нельзя говорить въ библіографической замѣткѣ.

В. Гольцевъ.

Сборникъ Государственныхъ Знаній,

изданный подъ редакціею В. И. Безобразова. Т. VII.

Вышедшій осенью прошлаго 1879 г. VII томъ *Сборника Государственныхъ Знаній*, подобно предшествующимъ, представляется, по содержанію своему, весьма разнообразнымъ; въ немъ, кромѣ двухъ статей, служащихъ продолженіемъ уже напечатанныхъ въ прежнихъ книжкахъ Сборника, помѣщены другія весьма интересныя статьи по исторіи русскаго права, финансамъ и пр. Мы постараемся дать краткій обзоръ, по возможности, всѣхъ статей VII т. Сборника.

Прежде всего идетъ вторая глава статьи покойнаго С. М. Соловьева: *Начало русской земли*. Первая глава статьи С. М. Соловьева, посвященная изслѣдованію о природѣ страны, населенной славянами, и ихъ быта, напечатана была въ т. IV Сборника. Въ настоящей второй главѣ

С. М. Соловьевъ приступаетъ къ разсмотрѣнію извѣстій лѣтописца объ основаніи русскаго государства. Обращаясь къ первымъ извѣстіямъ лѣтописца о призваніи варяго-русскихъ князей изъ-за моря, С. М. Соловьевъ прежде всего въ живомъ очеркѣ возражаетъ защитникамъ славянскаго происхожденія первыхъ князей, признающимъ означенное сказаніе «баснею» и объясняющимъ его обычнымъ пріемомъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ—выводить народы изъ Скандинавіи; признавая вполнѣ правильнымъ указаніе лѣтописца о призваніи первыхъ князей, С. М. Соловьевъ ссылается на *историчность* встрѣчаемыхъ въ лѣтописи явленій,—ихъ тѣсную необходимую связь, послѣдовательность и вѣрность общимъ законамъ развитія при извѣстныхъ условіяхъ. Далѣе, разъяснивъ отношенія осѣдлаго славянина къ своему дому въ отличіе отъ быта постояннаго его врага, кочевника, С. М. Соловьевъ доказываетъ отсутствіе въ древней Россіи богатыхъ городовъ и сильной торговли, главнѣйшая причина котораго заключается въ слишкомъ малочисленномъ, сравнительно съ пространствомъ, народонаселеніи; въ свою очередь обширность страны, безпрепятственность движенія и просторъ способствовали дальнѣйшему разброду и безъ того рѣдкаго населенія, чему въ позднѣйшее время помогли и причины политическія. Но такой способъ распространенія предѣловъ Руси, ея колонизація, истощалъ и безъ того небольшое народонаселеніе, вслѣдствіе чего оставшимся на мѣстѣ становилось тяжело исполнять требованія государства, что, въ свою очередь, усиливало уходъ жителей, уменьшало средства народныя и государственныя, и производило замедленіе въ развитіи народной жизни. Направленіе движенія славянской колонизаціи было къ сѣверо-востоку, такъ какъ на югѣ и юго-востокѣ, въ степи, сосѣдство кочевниковъ сдѣлало невозможною жизнь на окраинахъ, не смотря на всѣ представляемыя мѣстностью удобства для осѣдлой жизни.—Таково содержаніе второй главы статьи С. М. Соловьева, не оконченной, къ несчастью, за кончиною славнаго автора.

Второю въ т. VII Сборника слѣдуетъ многосодержательная статья профессора спб. университета В. М. Сергѣевича: *Государство и право въ исторіи*. Въ первой главѣ «*исторія, ея факторы и законы*», проф. Сергѣевичъ прежде всего останавливается на неподлежащихъ сомнѣнію положеніяхъ о задачахъ и пріемахъ исторіи: сначала простаго разсказа о томъ, что было съ примѣсью созданій суевѣрнаго воображенія, а въ наше время—изслѣдованія и разъясненія законовъ человѣческихъ обществъ. Въ ходѣ историческихъ явленій есть извѣстная однообразность, слѣдовательно должны быть и законы, управляющіе ходомъ исторіи. Всѣ явленія общественной жизни каждаго народа, въ данное время, взаимно дѣйствуютъ одно на другое, вслѣдствіе чего, видоизмѣняясь сообразно вліянію, получаютъ характеръ, присущій состоянію всей совокупности явленій; при измѣненіи въ томъ или другомъ родѣ явленій (напр. экономическихъ) наступаютъ измѣненія и въ другихъ явленіяхъ (напр. умственнаго развитія, религіи, права и т. п.). Въ силу этой солидарности явленій данное общественное состояніе народа

всегда является результатомъ прошедшаго и причиной будущаго, сходство же перемѣнъ у разныхъ народовъ, не стоящихъ въ непосредственной связи между собою еще болѣе убѣждаетъ въ существованіи общихъ законовъ исторіи. На основаніи этихъ положеній профессоръ Сергѣевичъ опредѣляетъ задачу исторіи такъ: она состоитъ въ раскрытіи тѣхъ послѣдовательныхъ стадій, которыя проходилъ народъ и возсозданію гармоніи явленій въ предѣлахъ каждой стадіи.—Установивъ положенія о законосообразности явленій исторической жизни и переходя къ возникающему при этомъ вопросу о свободной волѣ человѣка, профессоръ Сергѣевичъ разрѣшаетъ вопросъ этотъ въ смыслѣ подчиненія всей дѣятельности человѣка общему закону достаточной причины; воля человѣка не свободна въ томъ смыслѣ что опредѣляется своими *предшествующими*, однимъ изъ коихъ является разумъ человѣка; «въ возможности (даваемой разумомъ) приспособлять свои дѣйствія къ требованіямъ приличій, полезности, права, нравственности и религіи или намѣренно дѣйствовать наперекоръ имъ, и заключается то, что можетъ называться человѣческой свободой». Но и этой свободой не въ одинаковой мѣрѣ пользуется каждый человѣкъ или каждый народъ: она есть преимущество извѣстнаго умственнаго развитія, обусловливается своими предшествующими.—Свобода человѣка сама есть плодъ историческаго развитія человѣка и, въ свою очередь, дѣлается факторомъ его дальнѣйшихъ успѣховъ. «Стремленія личной воли могутъ или совпадать съ общимъ ходомъ исторіи или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, человѣкъ, проводя свою личную волю, является вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ необходимости. Таковы всѣ великіе люди съ положительной стороны своей дѣятельности.» «Во второмъ случаѣ, личная дѣятельность, идя наперекоръ движенію исторіи, должна, очевидно, оказывать ему помѣху. Эта помѣха, будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше силы и вліянія сосредоточено въ рукахъ дѣйствующаго. Въ этомъ отношеніи особенно важна роль правительственныхъ органовъ.» «Но такъ какъ законы историческаго развитія обусловливаются природою и свойствами человѣка вообще, а не тѣми исключительными особенностями, которыми могутъ отличаться свойства извѣстнаго отдѣльнаго лица, какою бы онъ не обладалъ силою, то и въ этомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, совершится то, что̀ должно было совершиться.»

Далѣе другимъ факторомъ исторіи профессоръ Сергѣевичъ признаетъ еще одну силу, въ противоположность волѣ, слѣпую и неразумную; эта сила—случай. Здѣсь изложеніе проф. Сергѣевича становится неясно, хотя и можно вывести заключеніе, что онъ не разумѣлъ вовсе случая, какъ чего-то самопроизвольнаго; но понимаетъ подъ случаемъ вообще явленіе, происшедшее въ силу общихъ же міровыхъ законовъ, но отъ дѣйствія причинъ, не состоящихъ въ непосредственной связи съ данною средою.—Кромѣ природы человѣка, профессоръ Сергѣевичъ признаетъ вліяніе на историческое развитіе народовъ и внѣшней природы (климатъ, почва и проч.), и общественной среды (семья, родъ, племя, государство), при чемъ не совсѣмъ понятнымъ представляется непосредственный переходъ отъ *племени* къ

государству, и спрашивается невольно: куда же дѣвались *общины?* При современномъ состояніи историческихъ знаній, совершенно правильно замѣчаетъ г. Сергѣевичъ, нѣтъ возможности точно опредѣлить относительное значеніе этихъ факторовъ, и характеръ, учрежденія и весь ходъ исторіи народа нельзя выводить изъ свойствъ страны, хотя такія попытки и были дѣлаемы. Относя къ такимъ попыткамъ попытки Монтескье и Фримана, а затѣмъ и частные выводы Бокля и Спенсера, и, не соглашаясь съ ними, профессоръ Сергѣевичъ не совсѣмъ ясно и нѣсколько въ разбродъ группируетъ дѣлаемыя имъ возраженія, хотя въ концѣ концовъ и приходитъ къ совершенно правильному выводу, что «при всей неразработанности вопроса объ относительномъ значеніи разныхъ факторовъ, вліяющихъ на историческое развитіе народовъ, надо, однако, признать, что вліяніе природныхъ условій страны съ наибольшею силою обнаруживается на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, а затѣмъ уже ослабѣваетъ съ каждымъ новымъ успѣхомъ человѣческой культуры.» —Но наука, прежде чѣмъ пришла къ сознанію дѣйствія общихъ законовъ исторіи, почти исключительно останавливалась на явленіяхъ случая и личной воли человѣка; поворотъ произошелъ лишь вслѣдствіе наблюденія историческихъ явленій въ большіе промежутки времени и у разныхъ народовъ, благодаря сравнительной разработкѣ исторіи и антропологіи. Такимъ образомъ, профессоръ Сергѣевичъ логически переходитъ ко второй главѣ: *сравнительный методъ*. Она особенно у него любопытна.

Останавливаясь сперва на особенностяхъ сравнительнаго метода изученія явленій народнаго быта и привѣтствуя попытку Фримана указать на эти особенности и опредѣлить тѣ конечныя цѣли, къ которымъ могутъ вести сравненія, профессоръ Сергѣевичъ, относительно объясненія сходствъ, замѣчаемыхъ въ исторіи самыхъ удаленныхъ одинъ отъ другаго народовъ, не соглашается съ указанными Фриманомъ тремя причинами: 1) сходство, какъ результатъ прямой передачи учрежденій одного народа—другому; 2)—какъ результатъ дѣйствія общихъ причинъ и 3)—какъ результатъ происхожденія народовъ отъ одного общаго корня. Указывая на перѣшительность Фримана въ постановкѣ этихъ категорій, г. Сергѣевичъ совершенно логически оспариваетъ правильность такого дѣленія и признаетъ лишь двѣ категоріи причинъ: 1) прямая передача учрежденій и 2) дѣйствіе общихъ причинъ,—раздѣляя третью категорію Фримана между первой и второй въ виду того, что въ періодъ отдѣленія народовъ отъ общаго корня и до устройства каждымъ самостоятельнаго быта, съ одной стороны, оставались полученныя отъ общаго корня учрежденія, а съ другой—они измѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ условій. Для раскрытія причинъ нужны изслѣдованія съ цѣлью уясненія взаимныхъ отношеній народовъ; сравнительное изученіе исторіи становится вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіемъ природы человѣка и ея потребностей. Но чтобы наблюденіе сходствъ могло дать твердые результаты, область сравненій должна быть насколько возможно шире. Это заставляетъ профессора Сергѣевича такъ опредѣлить

конечную цѣль сравнительнаго метода: онъ не даетъ общаго права, а указываетъ только на сходства въ духѣ права, которыя могутъ идти рука объ руку съ значительными различіями догмы и совершеннымъ отсутствіемъ общихъ источниковъ.—Вопросъ о сравнительномъ методѣ прямо затрогиваетъ разсматриваемое въ главѣ III: *начало національности.* Г. Сергѣевичъ, не соглашаясь съ понятіемъ о національности, какъ совокупности свойствъ, искони заложенныхъ въ народный духъ и долженствующихъ навсегда отличать данный народъ отъ всѣхъ другихъ, доказываетъ неизбѣжность вліянія одной народности на другую и взаимныхъ ихъ позаимствованій; эти послѣднія, внося въ народный обликъ новыя черты, вовсе, однако, не уничтожаютъ народности. Переходя затѣмъ къ праву отдѣльныхъ народностей, входящихъ въ составъ чуждыхъ имъ государствъ, на самостоятельное бытіе, г. Сергѣевичъ нѣсколько скептически относится къ принципу самостоятельно-культурнаго развитія каждаго народа, полагая, что развитіе самобытной народной культуры не непремѣнно обезпечивается бытіемъ самостоятельнаго и даже весьма могучаго государства. «*Національный вопросъ*, заключаетъ г. Сергѣевичъ, *есть вопросъ народной воли; національная политика, есть политика согласная съ этою волею*»; съ этой точки зрѣнія, не имѣя ничего угрожающаго для разноплеменныхъ государствъ нашего времени, національный вопросъ требуетъ только справедливаго и гармоническаго соединенія разныхъ народностей въ одномъ политическомъ цѣломъ. Авторъ, къ сожалѣнію, не прилагаетъ своей теоріи къ дѣлу—не показывая, какимъ бы способомъ удобнѣе было бы примѣнить ее, напримѣръ, къ Австріи. Но въ томъ, что *національный вопросъ есть вопросъ народной воли*, онъ, конечно правъ. Это и широко и глубоко.

Въ четвертой главѣ профессоръ Сергѣевичъ разбираетъ понятіе *прогресса*, какъ постепеннаго и поступательнаго къ лучшему движенія историческаго развитія народовъ, и существующіе на этотъ вопросъ взгляды какъ вообще, такъ и относительно совершенствованія природы человѣка въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи. Но 1) всякое болѣе совершенное состояніе лишь при наличности извѣстныхъ благопріятныхъ условій можетъ вызывать слѣдующее еще лучшее; 2) разнообразные элементы общественной жизни развиваются неравномѣрно и не параллельно; развитіе однихъ идетъ нерѣдко на счетъ подавленія другихъ (элементы порядка—на счетъ элементовъ свободы и успѣховъ мысли); 3) прогрессивное движеніе распространяется не одинаково на все населеніе даннаго государства и не у всѣхъ народовъ съ равной силой; 4) съ другой стороны, прогрессъ безконеченъ, въ томъ смыслѣ, что умъ человѣка не въ состояніи указать никакихъ опредѣленныхъ границъ этимъ улучшеніямъ; 5) понятіе прогресса, какъ улучшенія, стоитъ въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ и слѣдовательно, въ примѣненіи къ оцѣнкѣ историческихъ явленій можетъ страдать неопредѣленностью. Поэтому у исторической науки имѣется еще особое понятіе развитія, заимствованное отъ органической природы: это движеніе къ обособленію и расчле-

ненію въ отдѣльные органы (напр. религія и нравственность, эпосъ и дальнѣйшее развитіе поэзіи и т. п.). Эта новая мѣра прогресса особенно полно примѣняется въ области права (патріархальный бытъ—власть отца семейства, въ дальнѣйшемъ развитіи—обособленіе отраслей права и власти и возникновеніе особыхъ органовъ для каждой изъ нихъ).

Представляя далѣе оцѣнку двухъ указанныхъ имъ мѣрокъ прогресса, (какъ улучшенія и какъ *расчлененія отправленій жизни*) профессоръ Сергѣевичъ отдаетъ предпочтеніе второй, какъ болѣе опредѣленной, болѣе объективной.—Таково содержаніе второй, третьей и четвертой главъ статьи г. Сергѣевича. Разъясняя въ нихъ принципы исторической науки, профессоръ Сергѣевичъ ничего особенно новаго не даетъ, но тѣмъ не менѣе главы эти имѣютъ весьма существенный интересъ въ смыслѣ попытки стройнаго изложенія этихъ принциповъ, особенно при, хотя и краткихъ, примѣрахъ и ссылкахъ профессора Сергѣевича на исторію Россіи.

Всѣ предыдущія главы служатъ какъ бы предисловіемъ къ пятой главѣ: *дѣленіе исторіи русскаго права на періоды*. Въ ней профессоръ Сергѣевичъ, указывая на различіе во взглядахъ, на основанія дѣленія исторіи на періоды, въ виду отсутствія у историковъ точной мѣрки историческаго развитія, повторяетъ уже вполнѣ признанное положеніе о неудовлетворительности дѣленія исторіи по чисто внѣшнимъ фактамъ и съ своей стороны становится на сторону дѣленія по внутреннимъ отличительнымъ свойствамъ періодовъ. Останавливаясь при этомъ на К. Д. Кавелинѣ, профессоръ Сергѣевичъ, на основаніи послѣдовательнаго изложенія его взглядовъ на русскую историческую жизнь, укладывая ея явленія въ слѣдующіе 4 періода: 1) періодъ семейнаго или родоваго быта, поглощающаго человѣческую личность; 2) періодъ господства вотчинныхъ началъ (удѣльная система); 3) періодъ уничтоженія удѣловъ (возникновеніе государства и начала личности) и 4) періодъ внутреннихъ преобразованій (съ XVIII в.), призванныхъ дать содержаніе личности. Профессоръ Сергѣевичъ признаетъ эти періоды несоизмѣримыми: первые два охарактеризованы Кавелинымъ внутренними признаками, третій же—появленіемъ государства, а четвертый—реформами—какъ чисто внѣшнимъ признакомъ; кромѣ того, дѣленіе Кавелина слишкомъ дробно: едва-ли возможно указать четырехкратное перехожденіе всѣхъ проявленій общественной жизни. Опредѣляя далѣе порядокъ преемственности общественныхъ союзовъ: семья, родъ, племя, государство, союзъ государствъ (но не излагая и не упоминая даже вовсе о другихъ существующихъ по этому вопросу теоріяхъ), профессоръ Сергѣевичъ слѣдующимъ образомъ выясняетъ основу дѣленія періодовъ: эти общественные союзы не составляютъ сами для себя цѣли, они существуютъ не для себя, а только какъ средство удовлетворенія потребностей человѣка; различныя отношенія начала личнаго (потребностей человѣческой природы) къ началу общаго (семья, родъ, государство, союзъ государствъ) и должны быть положены въ основаніе дѣленія исторіи права на періоды. Выходя изъ этого основанія, профессоръ Сергѣевичъ

даетъ слѣдующіе періоды: 1) *періодъ преобладанія частной личной воли и, соотвѣтственно этому, относительно слабости начала общаго, государственнаго*, профессоръ Сергѣевичъ характеризируетъ этотъ періодъ словами Д. Н. Чичерина, какъ періодъ безграничнаго господства личной свободы, благодаря которому элементы общественные были слишкомъ слабы и безсвязны. Чрезвычайно ловко и послѣдовательно подбирая далѣе факты изъ исторіи для оправданія указаннаго имъ ограниченія перваго періода, профессоръ Сергѣевичъ упорно забываетъ общину, какъ существенную форму ограниченія личности съ ея произволомъ. Между тѣмъ ее, выражаясь словами Самарина, не выкинешь изъ исторіи!

Хронологически первый періодъ профессора Сергѣевича обнимаетъ время до Московскаго государства (стр. 87), слѣдовательно заключаетъ въ себѣ первые два періода Кавелина; не входя въ болѣе подробный разборъ правильности дѣленія профессора Сергѣевича, обратимъ вниманіе лишь на то обстоятельство, что, излагая теорію Кавелина, профессоръ Сергѣевичъ самъ признавалъ внутреннія основанія дѣленія Кавелина первыхъ двухъ періодовъ, а слѣдовательно, допускалъ ихъ различіе по существу (различіе, прекрасно выясненное К. Д. Кавелинымъ въ упомянутомъ профессоромъ Сергѣевичемъ «взглядѣ»), между тѣмъ въ своей теоріи вмѣщаетъ ихъ оба въ одинъ первый періодъ, хотя, даже и съ основной точки дѣленія профессора Сергѣевича, между этими періодами имѣется существенное различіе.

Гораздо болѣе заслуживающимъ вниманіе и новымъ является установленіе профессоромъ Сергѣевичемъ слѣдующихъ періодовъ: періодъ второй опредѣляется какъ *періодъ преобладанія цѣлаго, періодъ подчиненія частной воли волѣ государственной*. Но и здѣсь теорія профессора Сергѣевича различается отъ теоріи Кавелина лишь въ томъ, что г. Сергѣевичъ считаетъ свой второй періодъ періодомъ подчиненія частной воли волѣ государственной; Кавелинъ же, признавая въ третьемъ періодѣ появленіе личнаго начала, объясняетъ, что въ этотъ періодъ личность отрицаетъ кровный союзъ и семью во имя идеи государства и ничинаетъ самостоятельную дѣятельность. По времени послѣдніе два періода Кавелина вмѣщаются во второмъ періодѣ г. Сергѣевича: онъ обнимаетъ Московское государство и Россійскую имперію.—Въ настоящее время періодъ этотъ не можетъ считаться окончательно исчерпаннымъ, хотя вмѣстѣ съ его формальнымъ завершеніемъ начинается появленіе признаковъ третьяго періода. Между первымъ и вторымъ періодами поставлены проф. Сергѣевичемъ, какъ границы ихъ, XIV и XV вѣка, время переходное, когда черты втораго періода уже выясняются и торжество ихъ можетъ быть предусматриваемо. Точно такъ XIX вѣкъ стоитъ на рубежѣ втораго и третьяго періодовъ: въ нынѣшній вѣкъ появляются уже признаки третьяго періода.—Профессоръ Сергѣевичъ не даетъ опредѣленія третьяго (будущаго) періода, но какъ надо полагать изъ слѣдующаго затѣмъ изложенія, основной идеей третьяго періода должна быть идея личной свободы: «Признаки извѣстнаго

періода не обречены на окончательное и непремѣнное вымираніе въ слѣдующемъ»; «къ такимъ постоянно видоизмѣняющимся, но никогда не вымирающимъ окончательно признакамъ принадлежитъ само начало личной свободы». Дѣятельность личности въ общественныхъ дѣлахъ, будучи призываема представителями власти на помощь въ разрѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, всегда, какъ въ древнѣйшія времена такъ и въ московскій періодъ исторіи Россіи, оправдывала возлагаемыя на нее надежды (вѣча, земскіе соборы), что едва ли однако же объяснимо одною *личностью* помимо *общины*. Идея личной свободы, какъ необходимаго элемента всякой благоустроенной государственной жизни, не вымерла и въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи. Формальныя преобразованія въ этомъ духѣ явно начинаются съ Петра Великаго (учрежденіе магистратовъ) и продолжаются его преемниками; въ особенности начало личности, начало представительства признаются прямо въ реформахъ и дѣлахъ Екатерины II (коммиссія для составленія уложенія) и Александра I (планъ общаго государств. устройства, учрежденіе гос. совѣта, дарованіе свободныхъ учрежденій Финляндіи, представительныя учрежденія Польши), хотя всѣ эти преобразованія, въ силу особыхъ историческихъ причинъ; не получаютъ своего лежащаго развитія и устройства. Реформами нынѣшняго царствованія вновь полагается начало развитію гражданской свободы въ Россіи.

За капитальною статьею проф. Сергѣевича въ Сборникѣ помѣщена весьма дѣльная статья *И. Т. Тарасова: полицейскій арестъ.*—Статья эта касается весьма мало разработаннаго вопроса о правѣ полиціи на личное задержаніе съ цѣлью безопастности и уже по одному этому заслуживаетъ полнаго вниманія.

Полиція подвергаетъ личному задержанію вслѣдствіе преступленія или проступка съ цѣлью передачи виновнаго въ вѣдѣніе органовъ юстиціи; это—предупредительный арестъ; но полиція подвергаетъ личному задержанію также и вполнѣ самостоятельно, исключительно только для цѣлей полицейскихъ, т. е. для безопастности, не вслѣдствіе преступленія или проступка и не ради, такъ сказать, сохраненія виновнаго для органовъ юстиціи; единственная причина этого ареста—опастность, единственная цѣль—безопасность; это—полицейскій арестъ. Такъ выясняетъ г. Тарасовъ понятіе полицейскаго ареста въ отличіе отъ всѣхъ смежныхъ съ нимъ понятій. Между двумя вышеуказанными арестами имѣются переходныя формы, весьма вредныя и опасныя для условій гражданской свободы; но которыя всетаки практикуются въ нѣкоторыхъ государствахъ. Формы эти слѣдующія: 1) арестъ подсудимыхъ (подслѣдственныхъ), оставленныхъ органами юстиціи на свободѣ; 2) арестъ оправданныхъ преступниковъ, если оправданіе послѣдовало за недостаткомъ юридическихъ доказательствъ, не уничтоживъ подозрѣнія; 3) арестъ преступниковъ, отбывшихъ свое наказаніе и 4) арестъ на основаніи постановленій полицейскихъ судовъ. Первыя двѣ формы мало разработаны въ литературѣ; третья—имѣетъ въ теоріи своихъ защитниковъ, замѣняется въ Англіи правомъ мироваго судьи требовать залога, въ случаѣ непредставленія котораго, преступникъ отбывшій наказаніе, можетъ быть подвергнутъ

личному задержанію; четвертая форма существуетъ во Франціи, гдѣ мэръ судитъ и караетъ за неисполненіе его предписаній.—Высказывясь противъ этихъ переходныхъ формъ, въ чемъ нельзя къ нему не присоединиться, г. Тарасовъ даетъ далѣе примѣры *полицейскаго* ареста въ собственномъ смыслѣ: задержаніе безпаспортнаго, подозрительныхъ лицъ и т. п; дѣйствительная жизнь представляетъ массу такихъ примѣровъ. Нужно вполнѣ согласиться съ г. Тарасовымъ, что анализъ всѣхъ ихъ необходимъ, дабы съ одной стороны, дать полиціи всѣ средства для защиты общественной безопастности и съ другой—оградить гражданъ отъ произвола полиціи.—Во всѣхъ случаяхъ арестъ полицейскій имѣетъ форму увода, продолжительность его опредѣляется степенью опастности (слѣд. можетъ быть и кратковременнымъ); предупредительный арестъ имѣетъ форму заключенія, и, по своимъ цѣлямъ, можетъ быть продолжительнымъ; кромѣ того отвѣтственность по полицейскому аресту должна быть только исковая (судебная), по предупредительному же аресту—можно только обжаловать дѣйствія полиціи, ибо въ противномъ случаѣ сдѣлалось бы невозможнымъ отправленіе правосудія. Хотя далѣе г. Тарасовъ и поясняетъ приведенное различіе примѣромъ (арестъ въ народныхъ бунтахъ и дракахъ); но поясненіе это, по нашему мнѣнію, весьма натянуто и нисколько не объясняетъ указаннаго г. Тарасовымъ различія отвѣтственности по полицейскому и предупредительному арестамъ,—различія непонятнаго само по себѣ.

Указывая далѣе, что въ континентальныхъ законадательствахъ нѣтъ прямаго признанія полицейскаго ареста и разбирая, англійскіе законы, затѣмъ снова возвращаясь къ формамъ, сроку и случаямъ (стр. 108) полицейскаго ареста и отвѣтственности по нему, г. Тарасовъ отдаетъ предпочтеніе, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, англо-американской системѣ (искъ общимъ судебнымъ порядкомъ), выгоды которой сводятся къ слѣдующему: а) контроль надъ дѣйствіями полиціи будетъ облегченъ для правительства содѣйствіемъ гражданъ; б) полиціи можно будетъ дать широкія полномочія, необходимыя для охраненія условій безопастности; в) въ дѣйствіяхъ ея устраненъ будетъ произволъ, вслѣдствіе чего, г) обезпечены будутъ условія гражданской (общей) безопастности; д) полиція рѣже будетъ встрѣчать сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ; е) личный персоналъ полиціи можетъ быть менѣе многочисленъ; ж) дѣйствія полиціи не будутъ имѣть характера чего-то скрытнаго, подпольнаго; з) полиція пріобрѣтетъ необходимое уваженіе; и) слово «полиція» перестанетъ быть синонимомъ произвола и угнетенія, но можетъ сдѣлаться синонимомъ законности. Съ этими выводами въ общемъ нельзя не согласиться.—Г. Тарасовъ, вообще весьма мало указавшій въ статьѣ своей на существующую по разбираемому вопросу литературу, заканчиваетъ статью разборомъ прусскаго закона 12 февраля 1850 г.

Не смотря однако на указанные, весьма небольшіе, недостатки, статья г. Тарасова написана весьма ясно и просто, безъ излишнихъ прикрасъ, чѣмъ значительно выигрываетъ.—

За статьею его, г. Тарасова, въ т. VII Сборника помѣщены еще статьи:

Военная организація и статистика полк. ген. штаба Я. А. Гребенщикова; а за тѣмъ продолженіе (статья 3) труда А. А. Головачева: *Желѣзныя дороги въ Россіи,—исторія постройки дорогъ*, написанная весьма живо, заключающая въ себѣ много весьма интересныхъ и многознаменательныхъ фактовъ; статья эта характеризуетъ существовавшіе въ дѣлѣ постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ порядки и тотъ духъ наживы во что бы то ни стало, который повсемѣстно царилъ въ кружкѣ спекулянтовъ, бросавшихся, безъ гроша въ карманѣ, на лакомые куски и устранявшихъ всѣми правдами и неправдами отъ дѣла людей солидныхъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. По всему этому, статья А. А. Головачева имѣетъ большой интересъ и значеніе, какъ повѣствующая о поучительныхъ примѣрахъ прошлаго. Послѣднею изъ капитальныхъ статей Сборника помѣщена статья И. И. Кауфмана: *бумажно-денежные проекты и экстраординарные финансы*, въ которой г. Кауфманъ, въ первой части, излагаетъ и разбираетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, проекты улучшенія нашего финансоваго хозяйства (Ламанскаго, Гольдмана, проф. Вагнера, Бунге и самого Кауфмана), высказывается самъ противъ обращенія государственнаго банка въ акціонерный банкъ, въ виду невозможности уравновѣсить выгодность операцій съ государственными соображеніями; затѣмъ во второй части, «новѣйшіе толки о бумажно-денежномъ вопросѣ и экстраординарные финансы» г. Кауфманъ полемизируетъ съ Моск. Вѣдомостями, указывая на тенденціозность намѣреній газеты, по вопросу о бумажныхъ деньгахъ, разбираетъ вообще готовность или неготовность къ войнѣ государствъ, (въ томъ числѣ и Россіи), въ смыслѣ возможности вести войну, не прибѣгая каждый разъ къ займамъ. При настоящемъ положеніи нашихъ дѣлъ, статья г. Кауфмана имѣетъ не мало значеніе и можетъ принести значительную пользу.

Если указать еще на весьма наставительную статью В. П. Безобразова: *о значеніи науки для образованія должностныхъ лицъ въ государственномъ управленіи*, и затѣмъ на обстоятельный отдѣлъ критики и библіографіи какъ по русской, такъ и по иностранной литературѣ,—то читатель получитъ болѣе или менѣе статочное понятіе о богатомъ содержаніи VII тома Сборника Государственныхъ знаній.

Д. Н.

Sociale Uebelstände zweier Confessionen.

Ein psychologisch-religiöses Zeitbild von Prof. J. J. Hoppe. Leipzig. 1879.

Соціальные недуги двухъ вѣроисповѣданій.

Психологически-религіозная характеристика времени. Проф. І. Гоппе.

Названная нами небольшая книжка проф. Гоппе, разумѣется, въ той только степени можетъ представлять для насъ живой и плодотворный интересъ, въ какой можетъ она служить для насъ поводомъ и руководствомъ для углубленія собственнаго нашего религіозно-общественнаго сознанія. Безъ этого обстоятельства она имѣла бы слишкомъ мѣстный характеръ и потому не представляла бы для насъ ничего особенно любопытнаго. Но слѣдя за аналитическою работой анатомическаго ножа, который не рѣшимся мы вонзить въ собственное живое тѣло, мы почти незамѣтно свыкаемся съ основными пріемами анализаторскаго труда и получаемъ возможность и въ собственномъ своемъ организмѣ яснѣе обнаружить недуги, хотя и иначе выражающіеся и отнюдь не тождественные, но во всякомъ случаѣ, значительно сходные съ тѣмъ патологическимъ состояніемъ, которое въ данномъ случаѣ прослѣживается на чуждомъ для насъ организмѣ.

І. Гоппе—авторъ, не лишенной достоинствъ и оригинальности построенія «логики», профессоръ одного изъ католическихъ университетовъ Германіи,—уже давно выступилъ въ качествѣ представителя довольно узкаго эмпиризма въ философіи. Кромѣ помянутаго нами выше систематическаго большаго труда и нѣкоторыхъ другихъ логическихъ изслѣдованій, онъ выпустилъ за послѣднее время въ свѣтъ нѣсколько небольшихъ сочиненій, посвященныхъ религіозно-нравственному вопросу и стоящихъ въ близкомъ соотношеніи съ разсматриваемою нами книжкой. Таковы его сочиненія «Gewissen» (Совѣсть) 1875, «Zurechnungsfähigkeit» 1876 (Вмѣняемость), «Zukunft» (Будущее) 1874 и Reden ueber die Erforschung der Gefühlebehufs der Begründung der Religion und Moral und der Cultus», 1875.

Первымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія религіозно-общественнаго организма представляется для нашего автора выдающееся отсутствіе готовности къ взаимному вспомоществованію (Die gegenseitige Hülfsleistung).

Авторъ соглашается, что въ протестантизмѣ стремленіе помогать другъ другу выражается сильнѣе и обильнѣе, но за то носитъ на себѣ въ извѣстной степени характеръ политическій, сектантскій. Протестантизмъ, по мнѣнію автора, представляетъ мало жизненныхъ интересовъ, помимо его борьбы съ католичествомъ, помимо отрицательнаго его отношенія къ этому послѣднему. Впрочемъ къ протестантизму относится нашъ авторъ вообще довольно мягко; онъ не отрицаетъ многихъ достоинствъ, выработавшихся въ

жизни его представителей, и всю силу своихъ обвиненій сосредоточиваетъ исключительно на католицизмѣ, такъ какъ только его исцѣленіе представляетъ для него живой, близко принимаемый къ сердцу интересъ.

«Католики помогаютъ другъ другу менѣе; протестанты и другіе противники католичества поддерживаютъ другъ другу охотнѣе и болѣе помогаютъ другъ другу» (стр. 11). Таковъ выводъ изъ искуснаго психологическаго анализа, которому подвергаетъ Гоппе выраженіе готовности вспомоществовать другъ другу въ обоихъ вѣроисповѣданіяхъ.

«Правда, что католическая церковь многихъ поддерживаетъ своими *учрежденіями*. Но, говоря о нравственной силѣ, мы должны оставить въ сторонѣ католическія учрежденія и ограничить свои наблюденія только отдѣльными католиками» (10).

«Теперь уже нѣтъ христіанскихъ общинъ, когда-то развивавшихся въ катакомбахъ.... Католики не сохранили братскаго общенія; съ возрастающею численностью, они все болѣе и болѣе утрачивали этотъ характеръ. Они выдѣлали изъ себя *общность* (eine Allgemeinheit), а не общеніе любви, не на любви построенную общину. Они составляютъ *идеальное* цѣлое, сдерживаемое мыслью, понятіемъ, а не цѣлое, дѣйствительное, живое. И это идеальное цѣлое продолжаетъ существовать, какъ ни несовершенно оно съ вида и въ дѣйствительности. Но никакая связь любви не обнимаетъ собою католиковъ; никакая связь любви не соединяетъ между собою христіанъ какого бы то ни было исповѣданія; никакая связь любви не соединяетъ между собою членовъ какой бы то ни было языческой религіи, и нѣтъ связи любви для всего человѣчества» (12)!

«Любовь людей другъ къ другу предоставлена вѣденію одного только *обычая*, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени; только нужда, потребность вспомоществованія служитъ поводомъ къ обоюдному пробужденію любви и благодарности. Духовныя стремленія человѣка не породили еще другихъ поводовъ къ возбужденію любви къ ближнимъ. Въ любви къ ближнимъ люди по истинѣ еще несвѣдущи и неопытны.»

«Вся *заботливость* церкви сосредоточивается *исключительно* на вѣрѣ; вѣра получила свой кодексъ, свою іерархію и свой надзоръ, и зорко слѣдятъ за нею очи всѣхъ. Любовь же плачетъ оставленною и со дня на день становится все болѣе и болѣе безпомощною и осиротѣлою, по мѣрѣ того какъ измѣняются и входятъ въ жизнь новыя условія и отношенія. Гдѣ же недостаетъ любви, тамъ вѣра является только *продуктомъ искусства*, ибо отсутствуютъ тогда тѣ основныя чувства и побужденія, изъ которыхъ заодно возникаютъ любовь и истинная вѣра. Если должно преуспѣвать христіанство, озаботьтесь возстановленіемъ любви, поддерживайте ее въ людяхъ и проповѣдуйте словомъ и дѣломъ людямъ любовь и не только людямъ одного какого-либо вѣроисповѣданія, но всѣмъ исповѣданіямъ и всѣмъ людямъ *вообще*, ибо *всѣмъ* болѣе всего недостаетъ именно любви къ ближнимъ, и она-то и есть наиболѣе оставленная, наиболѣе задушенная изъ всѣхъ духовныхъ способностей человѣка» (25).

«Мы католики представляемъ *цѣлое* по вѣрѣ, но мы не представляемъ *цѣлаго* по любви» (35).

Мы, разумѣется, приводимъ только существенные выводы и заключенія нашего автора, оставляя въ сторонѣ всю его мѣстами блестящую и глубокомысленную аналитическую работу.

Второй недугъ, замѣчаемый нашимъ авторомъ въ состояніи религіозно-общественнаго организма, составляетъ въ сущности только логическое послѣдствіе перваго, отраженіе его на такомъ отправленіи, которое само по себѣ представляло бы совершенно нормальную потребность организма. Такимъ недугомъ является наблюденіе за вѣрою ближняго. Что можетъ быть естественнѣе охраны вѣрованія ближнихъ своихъ, ревностной заботы о томъ, чтобы не уклонились они отъ истиннаго идеала? Но такого рода стремленіе пережило ту любовь, которая можетъ и должна служить ей единственнымъ корнемъ, единственнымъ основаніемъ. Естественное стремленіе любящаго и вѣрующаго, при такомъ ненормальномъ положеніи вещей, обратилося въ праздное любопытство, въ стѣсняющее и унижающее шпіонство, въ поводъ къ удовлетворенію самодовольства и гордыни въ противуположеніи себя уклонившемуся отъ теоретической истины брату.

Третій недугъ, стоящій опять въ непосредственной связи съ двумя вышеуказанными, какъ и всѣ вообще недуги какого бы то ни было организма, представляется для автора нашего въ отсутствіи, такъ сказать, внутренняго взгляда на все, касающееся религіи, нравственности и всего, относящагося къ духовной жизни нашей. Излагая догматы религіи, правила нравственности и т. п., мы не обращаемъ никакого вниманія на тѣ силы и потребности нашей души, которыя непосредственно ихъ вызываютъ, непосредственно нуждаются въ нихъ. Намъ не достаетъ взгляда внутрь самого себя и опознанія собственныхъ своихъ потребностей, законовъ собственнаго нашего внутренняго міра. Оттого-то и отправленія духовнаго міра нашего носятъ на себѣ чисто-внѣшній, холодный отпечатокъ, признакъ искусственности. Мы искусственно стараемся навязать себѣ и усвоить то, что и само по себѣ составляетъ естественное наше свойство, насущную нашу потребность. Религія наша не сдѣлалась душевною потребностью, не получила психологическаго характера, психологическаго основанія. Мы совершенно не знаемъ, какъ относится она къ другимъ потребностямъ и свойствамъ души нашей; она является зачастую какъ бы искусственно пристегнутою къ остальнымъ стремленіямъ духовнаго нашего міра и потому естественно не всегда стоитъ съ нами въ полной и совершенной гармоніи.

Отсутствіе истиннаго ученія о человѣческомъ духѣ, обнимающаго собою и религіозныя потребности его, истинной психологіи—вотъ въ чемъ, по мнѣнію профессора Гоппе, состоитъ основной недостатокъ религіозной жизни нашей, и вотъ причина тѣхъ недуговъ, которые онъ довольно мастерски раскрываетъ передъ нашими глазами. Но сознаніе этого недостатка уже само по себѣ даетъ возможность его восполненія, указываетъ на то средство, которымъ можетъ быть уврачевано болѣзненное состояніе «двухъ вѣроисповѣданій» и всего человѣчества.

Книжка профессора Гоппе весьма интересна по тѣмъ мыслямъ, на которыя она наводитъ всякаго мало-мальски мыслящаго читателя; но, не смотря на талантливый по временамъ анализъ, о которомъ мы уже говорили, ей вообще не достаетъ глубины и силы изложенія. Во всемъ слышится человѣкъ школы и притомъ школы довольно узкой, довольно мелкой. Этотъ недостатокъ всего сильнѣе сказывается именно въ послѣдней части труда, гдѣ авторъ говоритъ о всеспасающемъ значеніи психологіи. Въ сущности, основныя мысли нашего автора совершенно или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени вѣрны; но невольно представляется, что эта всеспасающая психологія не перестаетъ быть для него учебникомъ, хотя и написаннымъ по его собственной, новой методѣ.

Не смотря, однако, на этотъ существенно важный недостатокъ, книжка профессора Гоппе читается съ интересомъ и можетъ быть полезна, какъ возбуждающая и правильно постановляющая вопросы весьма важные и весьма животворные въ особенности въ наше время.

Н. А.

ЗЕМСТВО.

Земское обозрѣніе.

Ровно черезъ шестнадцать лѣтъ со времени обнародованія законодательнаго акта, положившаго первое начало русскому самоуправленію, приходится намъ начинать наше «земское обозрѣніе.» Приступая къ обзору того, что дѣлается въ земствѣ въ настоящее время, къ разсмотрѣнію тѣхъ вопросовъ, которые, будучи выдвинуты жизнью впередъ, останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе нашихъ общественныхъ дѣятелей, мы прежде всего должны бросить взглядъ назадъ, на тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ насъ отъ момента изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Промежутокъ этотъ, сравнительно весьма краткій, тѣмъ не менѣе, имѣетъ важное значеніе въ исторіи молодаго учрежденія, лишь недавно призваннаго къ жизни. Этого краткаго промежутка времени было достаточно для того, чтобы выяснить, насколько новый институтъ принесъ пользы обществу, какія условія споспѣшествовали или препятствовали его развитію, насколько глубоко пустилъ онъ корни въ русскомъ общественномъ строѣ. Полтора десятилѣтія, протекшія со времени введенія земскихъ учрежденій, были временемъ преимущественно организаціонной дѣятельности; земство въ это время складывалось, приводило въ извѣстность свои силы, выясняло свое положеніе и свои задачи. Много вопросовъ возникло въ средѣ земскихъ собраній, много честнаго, безкорыстнаго и упорнаго труда положено на служеніе обществу, много самоотверженія обнаружено земскими дѣятелями, много нуждъ и потребностей, дотолѣ остававшихся неизвѣстными, выступило на свѣтъ Божій и, такъ или иначе, получило удовлетвореніе. Но, рядомъ со свѣтлыми явленіями, земская дѣятельность обнаружила и много темныхъ сторонъ, рядомъ съ самоотверженіемъ однихъ дѣятелей проявилось узкое себялюбіе другихъ; рядомъ съ заботами о нуждахъ всего населенія выступили интересы отдѣльныхъ сословій и группъ, преслѣдованіе своекорыстныхъ цѣлей; эксплоатація слабыхъ сильными, расхищеніе общественной казны, полное равнодушіе къ общему благу и полнѣйшая бездѣятельность—все это встрѣчается въ пятнадцатилѣтней лѣтописи земскихъ учрежденій.

Велики были надежды, возлагавшіяся на земскія учрежденія въ моментъ ихъ первоначальнаго устроенія. Принципъ «самостоятельности», провозглашенный для новаго общественнаго органа Положеніемъ 1 января 1864 года, независимость отъ мѣстной администраціи, ему предоставлявшаяся, право ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, наконецъ, примѣненіе выборнаго начала и устраненіе сословныхъ дѣленій; все это не могло не привлечь симпатій къ новому учрежденію. Лучшіе земскіе люди, давно уже мечтавшіе о свободномъ развитіи общественныхъ силъ, съ вѣрой, надеждой и любовію бросились въ земскую дѣятельность, усматривая въ ней начало, зарю новаго, свѣтлаго, давно желаннаго и ожиданнаго будущаго. «Руководитесь вѣрою въ Того—говорилъ имъ Петербургскій генералъ-губернаторъ при открытіи Петербургскаго губернскаго собранія, 27 ноября 1865 года—Кто совершилъ освобожденіе крестьянъ, вводитъ судебную реформу и учреждаетъ земство, Кто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ даровалъ нашему отечеству мирнымъ путемъ послѣдовательныхъ преобразованій тѣ благодѣянія, которыхъ многія государства достигали годами тяжкихъ испытаній.» И земскіе люди вѣрили горячо и искренно. Имъ казалось, что въ всесословныхъ земскихъ собраніяхъ земля получаетъ возможность прямо и открыто высказываться о своихъ нуждахъ, что земскіе представители, находясь подъ постояннымъ контролемъ избравшаго ихъ общества и дѣйствуя на глазахъ его, являются выразителями истиннаго общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе этого земскія собранія на первыхъ-же порахъ поспѣшили выдвинуть на очередь много важныхъ вопросовъ, указать на недостатки нѣкоторыхъ устарѣлыхъ законовъ, на стѣсненія, установленныя въ прежнее время и при новыхъ условіяхъ сдѣлавшіяся ненужными. Въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ поспѣшили они заявить правительству свои желанія. Но, обсуждая вопросы широкіе, выходящіе изъ тѣснаго круга мѣстнаго самоуправленія, земскіе дѣятели не забыли и тѣхъ мѣстныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ составляло ихъ ближайшую обязанность; они сознавали, что на земскихъ учрежденіяхъ, говоря словами Петербургскаго генералъ-губернатора, «лежитъ великая нравственная отвѣтственность. Дѣла, переданныя земству, существенно касаются благосостоянія народнаго. Отъ первыхъ же представителей земства во многомъ зависитъ будущность земскаго дѣла въ Россіи. Въ дѣятельности общественной есть своего рода преемственность, а потому первые представители земства и должны поставить земскія учрежденія на высоту, которая соотвѣтствовала бы ихъ назначенію. Но, чтобы удовлетворить такой отвѣтственности, учрежденіямъ этимъ необходимо проникнуться благою мыслію, положенною въ ихъ основаніе; необходимо, чтобы представители земства, не взирая на различіе сословій, искренно соединили свои усилія для достиженія общей цѣли. Слияніе сословій въ одномъ общемъ дѣлѣ не роняетъ значенія ни одного изъ нихъ; напротивъ того, оно открываетъ для высшихъ сословій поприще, достойное ихъ истиннаго призванія; оно представляетъ

имъ возможность, дѣйствуя наравнѣ съ прочими сословіями, проявлять нравственное вліяніе, которое составляетъ законное преимущество опытности и образованія. На дворянствѣ и на другихъ просвѣщенныхъ сословіяхъ будетъ лежать святая обязанность руководить примѣромъ и словомъ крестьянское сословіе на совершенно еще новомъ для него общественномъ поприщѣ.» На первыхъ же порахъ своей дѣятельности, земство принялось за удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, въ особенности тѣхъ, на которыя до него не обращалось вниманія; оно возбудило вопросы объ устройствѣ народной школы, больницы, объ уравненіи повинностей, о приведеніи въ извѣстность мѣстныхъ платежныхъ силъ, объ установленіи соотвѣтствія между платежемъ и доходомъ.

Дѣло, хотя, конечно, и не вездѣ въ одинаковой степени, закипѣло, но скоро всѣ мечты, всѣ надежды должны были разсѣяться. Земскіе дѣятели должны были узнать, что они увлекались, что они невѣрно понимали свое положеніе. Они скоро узнали, что многіе затронутые ими вопросы выходятъ изъ ихъ компетенціи, что многія ихъ ходатайства, съ любовію ими обдуманныя и разработанныя, не только не получаютъ удовлетворенія, но и совсѣмъ не удостоиваются отвѣта, теряясь въ канцеляріяхъ подлежащихъ министерствъ. Оказалось даже, что земство не имѣетъ права касаться многихъ сторонъ народнаго быта и притомъ самыхъ важныхъ, именно такихъ, на которыхъ зиждется народное благосостояніе, что даже изслѣдованіе экономическаго положенія мѣстности выходитъ изъ круга его вѣдѣнія. Когда, въ 1874 году, Таврическое губернское земское собраніе постановило учредить коммиссію для изслѣдованія причинъ невыгодныхъ экономическихъ условій населенія мѣстностей, наименѣе обезпеченныхъ въ продовольственныхъ нуждахъ и представили правительству, что собраніе признаетъ полезнымъ участіе въ этой коммиссіи представителей отъ правительства, постановленіе это было пріостановлено министромъ внутреннихъ дѣлъ, признавшимъ, что «уѣзднымъ земскимъ управамъ предоставлено право производить ревизію и удостовѣренія на мѣстахъ, чрезъ своихъ членовъ, лишь для наблюденія за дѣйствіями сельскихъ сходовъ по дѣламъ продовольствія и никакихъ общихъ мѣстныхъ изслѣдованій объ экономическихъ нуждахъ населенія и о надѣлѣ онаго землею существующими узаконеніями земскимъ учрежденіямъ не предоставлено... (?!) Дѣла же о поземельномъ устройствѣ крестьянъ относятся къ вѣдѣнію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, а не земскихъ учрежденій, почему, за силою ст. 7 полож. з. у., надлежитъ войти съ ходатайствомъ чрезъ губернское начальство о тѣхъ мѣрахъ, какія, въ видахъ мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, представляются необходимыми, и затѣмъ уже отъ подлежащей правительственной власти зависитъ дальнѣйшее направленіе этихъ дѣлъ и потребныя по онымъ распоряженія и изслѣдованія» (Журн. Тавр. г. з. с., 1875 г., стр. 194). Земскіе люди узнали далѣе, что та «самостоятельность,» которая особенно привлекала ихъ къ земскому служенію, въ дѣйствительности далеко не соотвѣтствуетъ ихъ представленію, что независимое зем-

ство находится въ значительной зависимости отъ степени благорасположенія мѣстной администраціи. Борьба съ этой послѣдней, не вездѣ дружелюбно встрѣтившей новыя «общественныя» учрежденія, чуждыя ей и по началамъ, и по духу, и полагавшія предѣлъ ея полновластію, ознаменовала собою первые шаги дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ (напр. Херсонскаго). Земскимъ учрежденіямъ пришлось узнать и еще многое: имъ стало извѣстно, что лица, ими избираемыя въ должности, поставлены подъ контроль губернатора, который имѣетъ право, безъ объясненія причинъ, отказывать въ ихъ утвержденіи (рѣшеніе Правительствующаго Сената 16 декабря 1866 г., по дѣлу Зеленаго, утвержденное Государственнымъ Совѣтомъ); они сдѣлались свидѣтелями, что ихъ несмѣняемые представители должны были прекращать свою дѣятельность и безъ собственнаго на то желанія, и безъ судебнаго приговора. Мечты о свободѣ слова въ собраніяхъ, о широкой гласности земскаго дѣла были скоро разсѣяны двумя законами 13 іюня 1867 года: на слова гласнаго въ собраніи наложена цензура предсѣдателя, а на протоколы собранія—цензура губернатора. Опубликованіе однихъ земскихъ актовъ сдѣлалось возможнымъ лишь въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, для домашняго, такъ сказать, употребленія гласныхъ, а другіе, въ случаѣ наложенія на нихъ veto губернатора, обрекаются на полную неизвѣстность. Самая дѣятельность земскихъ собраній поставлена подъ двойной надзоръ—предводителя дворянства и губернатора; отъ перваго зависитъ снять съ очереди всякій вопросъ, признаваемый имъ неподлежащимъ обсужденію, а отъ послѣдняго—пріостановить исполненіе всякаго постановленія, признаннаго имъ за «противное законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ.» Но не одни указанныя ограниченія постигли земство; оно, вскорѣ по введеніи его въ дѣйствіе, подверглось тяжкой карѣ: 13 января 1867 г. послѣдовало распоряженіе о распущеніи одного изъ губернскихъ земскихъ собраній, о закрытіи въ губерніи губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, о пріостановленіи въ ней, впредь до дальнѣйшаго повелѣнія, дѣйствія Положенія 1 января 1864 г. и дополнительныхъ къ нему узаконеній. Дѣла и суммы управъ были переданы въ вѣдѣніе установленій, завѣдывавшихъ ими до введенія земскихъ учрежденій, предсѣдателя губернской управы повелѣно считать отрѣшеннымъ, а всѣхъ прочихъ членовъ управъ—уволенными отъ должностей. Такая строгая карательная мѣра была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что подвергшееся распущенію «земское собраніе, съ самаго открытія своихъ засѣданій, дѣйствуетъ несогласно съ закономъ и, вмѣсто того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться Высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земскохозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству».... (Сѣв. Почта, 1867 г. № 13). Мы считаемъ неумѣстнымъ входить здѣсь въ под-

робное разсмотрѣніе поводовъ, вызвавшихъ приведенную крайнюю мѣру и ограничиваемся простымъ упоминаніемъ факта. Фактъ этотъ былъ единственный и, къ счастію, нигдѣ болѣе не повторялся.

Всѣмъ изложеннымъ не ограничились разочарованія земскихъ дѣятелей. Однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній лучшихъ изъ нихъ было установленіе правильныхъ и уравнительныхъ основаній раскладки; стремились къ введенію такого порядка, при которомъ каждый обыватель участвовалъ бы въ отправленіи земскихъ повинностей соразмѣрно своему достатку, соразмѣрно доходу, приносимому недвижимостью, торгомъ или промысломъ. Земство горячо взялось за это дѣло; были наряжены особыя коммиссіи; предвидѣлась возможность, съ помощью привлеченія къ обложенію всѣхъ доходовъ, достаточно развить земскія средства и приступить къ болѣе или менѣе широкому удовлетворенію мѣстныхъ потребностей; началось переложеніе натуральныхъ повинностей на денежныя, возбудились такіе вопросы, какъ вопросъ о введеніи дароваго и обязательнаго обученія и т. д. и т. д. Но скоро пришлось разстаться съ этими мечтами. Законъ 21 ноября 1866 года положилъ предѣлъ земскимъ предположеніямъ о подоходномъ обложеніи; онъ ограничилъ права земства по обложенію торговли и промышленности и, говоря словами одной изъ коммиссій Московскаго губернскаго земства, «напередъ все оцѣнилъ и опредѣлилъ,» такъ что дальнѣйшіе труды земства въ этомъ направленіи оказались излишними. Средства земства, благодаря этой новой мѣрѣ, значительно сократились; многія благія начинанія должны были остаться безъ дальнѣйшаго движенія вслѣдствіе «недостатка средствъ». Ссылка на этотъ «недостатокъ» вслѣдствіе частаго повторенія сдѣлавшаяся избитой, имѣетъ однако основаніе. Съ ограниченіемъ обложенія торговли и промышленности, земству пришлось удовлетворять свои потребности почти исключительно сборами съ земли, а эта послѣдняя, и именно крестьянская, будучи обременена разными, поглощающими весь приносимый ею доходъ, сборами, не можетъ выносить высокаго обложенія. За трехлѣтіе напр. 1875—1877 г. земскіе сборы, по свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, распредѣлялись такимъ образомъ:

	1875.	1876.	1877.
всего сбора	24.885.345. рубл.	26.551.285. рубл.	26.693.049. рубл.
съ торговыхъ докум.	3.159.867. (12,7%)	3.306.849. (12,4%)	3.324.985. (12.4%)
» земель вообще . .	18.642.342. (74,9 »)	19.791.173. (74,5 »)	19.747.860. (73,9 »)
» » крестьянскихъ.	10.319.380. (41,4 »)	10.736.619. (40,4 »)	11.231.884. (42,7 »)
» съ недвижимыхъ имущ., въ гор. и уѣзд.	3.083.125. (12,3 »)	3.453.263. (13,0 »)	3.620.404. (13,6 »)

Въ среднемъ выводѣ по 32—33 губерніямъ, торговля и промышленность несутъ лишь $^1/_8$ земскихъ налоговъ, а крестьянскія земли—немного менѣе половины—40—42,7%. Еще рельефнѣе выступитъ неравномѣрное обложеніе торговли и промышленности, если мы обратимся къ одной изъ самыхъ промышленныхъ губерній, напр. къ Московской. Въ этой послѣдней, по свѣдѣніямъ г. Матисена («Атласъ мануфактурной промышленности

въ Московской губ.»), въ 1871 г. считалось 2,516 фабрикъ и заводовъ, съ годовымъ оборотомъ въ 167½ мил. рублей; между тѣмъ земскихъ сборовъ въ 1879 году падало на:

торговые документы	350.432 р.	(34,4%)	56%
фабрики и заводы	220.763 «	(21,6 «)	
земли	377.810 «	(37,1 «)	
въ томъ числѣ крестьянскія	230.570 «	(22,6 «)	
жилые дома	69.038 «	(6,8 «)	

Если принять въ соображеніе, что изъ 350.432 р., взимаемыхъ съ торговыхъ документовъ, 184.896 р. падаютъ на патенты на продажу питей, то окажется, что вся промышленность и торговля губерніи, кромѣ питейной, уплачиваютъ земскаго сбора 386.299 р. противъ 230 т., уплачиваемыхъ крестьянскими землями, на которыхъ, при доходности, по земской оцѣнкѣ, въ 2.635.612 р., лежитъ, по свѣдѣніямъ земскаго «Сборника статистическихъ свѣдѣній», разныхъ сборовъ—казенныхъ, земскихъ и общественныхъ—5.108.817, 5 руб., или 193,8% доходности.

Такая раскладка, конечно, уравнительной назваться не можетъ, и главная причина ея неуравнительности лежитъ въ законѣ 21 ноября 1866 г. Законъ этотъ, по словамъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 февраля 1867 г., «во многихъ мѣстахъ былъ понимаемъ, какъ односторонняя правительственная мѣра, направленная къ огражденію интересовъ купеческаго сословія и промышленныхъ заведеній въ ущербъ интересамъ поземельной собственности. Въ немъ усматривалось препятствіе къ развитію общеполезной дѣятельности земскихъ учрежденій. Предполагалось, что установленіе предѣльной нормы обложенія для торговыхъ свидѣтельствъ и промышленныхъ заведеній неминуемо вызываетъ установленіе такой же «таксы» для землевладѣнія. Наконецъ, указывалось на антагонизмъ, будтобы возбуждаемый въ средѣ земства покровительствомъ зажиточнѣйшимъ классамъ народа передъ прочими.» Не смотря на то, что эти нареканія вызвали, кромѣ ряда статей, помѣщенныхъ въ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и «имѣвшихъ цѣлью возстановленіе вопроса въ томъ видѣ и въ тѣхъ предѣлахъ, которыми обусловлено его правильное разрѣшеніе», еще министерскій циркуляръ съ оффиціальнымъ изложеніемъ мотивовъ, земскія собранія остались при убѣжденіи, что законъ 21 ноября стѣснилъ земскую дѣятельность. Во всякомъ случаѣ, законъ этотъ привелъ къ слѣдующимъ результатамъ: во первыхъ, онъ сократилъ средства земства, а во вторыхъ—далъ поводъ всякую бездѣятельность, всякое уклоненіе отъ полезныхъ мѣропріятій оправдывать «недостаткомъ средствъ». Имъ же, наконецъ, обусловливается мнѣніе, въ послѣднее время высказываемое въ нашей журналистикѣ (напр. «Земская медицина» Ленскаго. «Слово» 1879 г. № 11), что чѣмъ меньше дѣлаетъ земство, тѣмъ менѣе оно приноситъ вреда, такъ какъ всякое усиленіе его дѣятельности доставляетъ народу только лишнее обремененіе, не принося въ то же время осязательной пользы. Какъ ни парадоксально такое мнѣніе, оно тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ нѣ-

которую долю справедливости, ибо чѣмъ болѣе развивается земское дѣло, чѣмъ болѣе возрастаютъ расходы, тѣмъ въ большей степени обременяется главный земскій плательщикъ — крестьянство, и безъ того изнемогающее подъ тяжестью непосильныхъ налоговъ, на торговлѣ же и промышленности это возрастаніе расходовъ не отражается.

Ограниченіе источниковъ земскаго дохода тѣмъ неблагопріятнѣе должно было отразиться на положеніи земскаго хозяйства, что значительная часть скудныхъ средствъ земства поглощается, такъ называемыми, обязательными расходами, на покрытіе которыхъ идетъ обыкновенно около половины, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и болѣе, земскаго бюджета. Такъ, за три трехлѣтія—1869 по 1877 г. расходы этого рода находились къ общей суммѣ расходовъ въ такомъ отношеніи:

		всего расходовъ.	обязательныхъ.	% обязат.	
1869 г.	(28 губ.)	16.324.810 р.	6.117.824 р.	37,5	
1870	(28 «)	17.345.243 «	6.630.774 «	38,2	39,5
1871	(31 «)	18.119.759 «	7.736.042 «	42,7	
1872		22.205.148 «	10.095.384 «	54,5	
1873	(32 губ.)	22.712.058 «	10.945.055 «	51,8	47,8
1874		25.875.588 «	12.806.892 «	50,5	
1875		27.786.420 «	13.642.811 «	48,7	
1876	(33 «)	29.501.461 «	13.865.662 «	46,9	46,8
1877	(32 «)	30.254.060 «	13.542.740 «	40,4	

Такимъ образомъ, почти половина расходовъ земства употребляется на удовлетвореніе потребностей государственныхъ—содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія, учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, повинности подводную и постойную и т. д.; затѣмъ, въ распоряженіи земства остается немного средствъ, которыя могли бы быть употреблены на нужды мѣстныя. Всякое увеличеніе расходовъ необязательныхъ неминуемо влечетъ за собою повышеніе обложенія; и, дѣйствительно, сравнивая два послѣднія трехлѣтія—1872—1877 г., изъ которыхъ въ послѣднемъ процентъ обязательныхъ расходовъ понизился, мы найдемъ, что въ это время поземельное обложеніе съ 7,9 к., приходившихся на десятину въ первомъ трехлѣтіи, возросло до 9,3 к. во второмъ, причемъ въ 1872 г. оно составляло 7,6 к., а въ 1877 г. уже 9,6 к. Такимъ образомъ, пониженіе процента обязательныхъ расходовъ, въ общей суммѣ, на 2% повлекло за собою повышеніе поземельнаго обложенія на 18,2%. При такихъ условіяхъ весьма естественно, что земства воздерживаются отъ многихъ полезныхъ расходовъ изъ боязни чрезмѣрнаго обремененія налогомъ поземельной собственности.

Расходы, по закону для земства необязательные, относятся между тѣмъ къ самымъ важнымъ отраслямъ земскаго хозяйства, именно къ тѣмъ, въ которыхъ до 1864 года было сдѣлано очень мало или даже ничего, и гдѣ поэтому земство могло бы принести особенную пользу мѣстному населенію. Въ числѣ этихъ отраслей мы находимъ и народное образованіе, и народное здравіе, и попеченіе о развитіи торговли и промышленности

и т. д. На эти важные предметы, а въ особенности на распространеніе образованія среди темной, неграмотной массы народа, земство не могло не обратить вниманія. Большая часть земствъ взялись за это дѣло, но и здѣсь ихъ ждало горькое разочарованіе: они скоро узнали, что въ отношеніи къ народной школѣ земству достается роль, болѣе, чѣмъ скромная, что его дѣятельность должна ограничиваться хозяйственной частью, отпускомъ денегъ, безъ права вмѣшательства въ учебную часть, безъ права надзора за ходомъ этой послѣдней. Мало того, всѣ заботы, всѣ старанія, всѣ, сравнительно, громадныя затраты земства, создавшаго и народную школу, и учительскую семинарію, какъ бы забылись, и въ 1873 году, когда потребовалось обезпечить отъ всякаго колебанія «положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія», къ исполненію этой важной обязанности было призвано не всесословное земство, а одно дворянство: оно должно было «стать на стражѣ народной школы» и помочь правительству «бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній». Земство этимъ актомъ признано неспособнымъ вести то дѣло, которое ему одному обязано своимъ началомъ и движеніемъ. Цѣлый рядъ послѣдующихъ мѣръ, общихъ и частныхъ, постепенно все болѣе и болѣе отдаляетъ земство отъ этого дѣла; скорбная исторія нескончаемыхъ пререканій съ учебнымъ вѣдомствомъ по поводу учрежденныхъ земствомъ учительскихъ семинарій и среднеучебныхъ заведеній наполняетъ собою страницы земской лѣтописи и результатомъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, является передача этихъ заведеній въ полное вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и совершенное устраненіе земства отъ участія въ завѣдываніи ими.

Всѣ изложенныя обстоятельства не могли не произвести охлаждающаго дѣйствія на тѣхъ изъ земскихъ дѣятелей, которые вѣрили въ «самостоятельность» земства, въ возможность оживленія общественной дѣятельности. Какъ институтъ мировыхъ посредниковъ, въ первое время соединившій въ себѣ лучшія русскія силы, по мѣрѣ утраты самостоятельности, лишился своихъ наиболѣе выдающихся дѣятелей и наполнился людьми, проникнутыми иными воззрѣніями и иными цѣлями, такъ и составъ земскихъ собраній, подъ вліяніемъ разочарованія, началъ измѣняться. Мѣсто дѣятелей, стремившихся къ развитію общественной самодѣятельности, ставившихъ себѣ единственною задачею народное благо, стали занимать другіе, преслѣдующіе другія, болѣе личныя цѣли. Безгласность земской дѣятельности, устраняющая возможность общественнаго контроля и руководства, дала поводъ къ многимъ дѣяніямъ, которыхъ будетъ стыдиться русское общество: на сцену выступили элементы, въ моментъ общественнаго оживленія скрывшіеся было на дно и не рѣшавшіеся показываться на свѣтъ Божій; сословные интересы выступили на сцену въ всесословномъ земствѣ и положили свой отпечатокъ на его дѣятельность: состоятельные классы поспѣшили переложить большую часть земскихъ налоговъ на старое тяглое сословіе—

крестьянство, обложивъ его земли сборами, вдвое бо́льшими противъ владѣльческихъ *), а за собою сохранили управленіе земскимъ хозяйствомъ.

	земли крестьянскія			земли личныхъ владѣльцевъ и вѣдомствъ.		
	колич. десят.	сборъ	на десят.	колич. дес.	сборъ	на десят.
1875 г.	71.061.320	10.319.380 р.	14,5 к.	132.552.497	8.322.972 р.	6,2 к.
1876 «	77.117.019	10.736.619 «	13,9 «	133.578.286	8.535.210 «	6,3 «
1877 «	75.834.602	11.231.884 «	14,8 «	129.348.687	8.515.776 «	6.5 «

(Правит. Вѣстн. 1878 г., № 209).

Власть въ земствѣ очень часто стала сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ вліятельныхъ лицъ, которыя пользуются ею для замѣщенія должностей своими клевретами, для направленія дѣла въ своихъ личныхъ видахъ. При такихъ условіяхъ, контроль собраній сдѣлался фиктивнымъ, а это вызвало многочисленныя растраты земскихъ суммъ... Интересъ къ земскому дѣлу началъ ослабѣвать, собранія пустѣютъ, многіе гласные считаютъ излишнимъ исполнять принятыя на себя обязанности общественныхъ представителей, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ не считаетъ нужнымъ посѣщать засѣданія собраній. Въ послѣдней очередной сессіи Тверскаго губернскаго земскаго собранія, напр., участвовало, по словамъ мѣстнаго «Вѣстника», среднимъ числомъ по 44 гласныхъ, т. е. ровно половина полнаго числа ихъ. Такъ же малъ былъ наличный составъ собранія и въ очередную сессію 1878 года (41 гл.), но, говоритъ «Вѣстникъ», въ первые годы существованія земства собиралось губернскихъ гласныхъ до двухъ третей полнаго числа и даже болѣе; особенно много являлось ихъ въ тѣ года, когда происходили выборы должностныхъ лицъ на новое трехлѣтіе. И дѣйствительно, изъ приведенныхъ въ подтвержденіе сказаннаго цифръ, оказывается, что въ первое трехлѣтіе среднее число гласныхъ, посѣщавшихъ собраніе, равнялось 49. а въ послѣдующія колебалось между 44 и 38; если же исключить сессіи, въ которыя производились выборы, то число ихъ значительно понизится, колеблясь между 36 и 38. Тоже самое встрѣчается и въ другихъ губерніяхъ. Въ Новгородскомъ губернскомъ собраніи отсутствовавшіе гласные въ первое трехлѣтіе составляли, среднимъ числомъ, 50,7%, а въ три слѣдующія—51,2—54,9%. Въ Воронежской губерніи, въ теченіе перваго десятилѣтія было 12 созывовъ губернскаго собранія, изъ которыхъ въ разрѣшенные сроки засѣданія открыты только три раза—въ 1865, 1868 и 1870 годахъ, остальныя же, за исключеніемъ чрезвычайныхъ, открывавшихся своевременно, были открываемы на 2—3 дня позже разрѣшенныхъ сроковъ. При полномъ числѣ 89 гласныхъ, собраніе ни разу не было открыто, а всегда при меньшемъ числѣ, а именно: одинъ разъ при 50, одинъ разъ при 48, одинъ разъ при 40 и девять разъ при 28 гласныхъ, т. е. при томъ наименьшемъ числѣ, при которымъ собраніе можетъ быть открыто. Упрекъ въ равнодушіи и апатіи, такъ часто дѣлаемый земству, такимъ

*) Въ трехлѣтіе 1875—1877 гг. поземельный земскій налогъ распредѣлялся такъ:

образомъ, оправдывается. Земская дѣятельность затихла, сессіи многихъ земскихъ собраній проходятъ вяло, безжизненно, ограничивая свою дѣятельность утвержденіемъ смѣтъ и отпускомъ денегъ на покрытіе преимущественно обязательныхъ расходовъ.

Но среди наступившаго затишья бывали и моменты оживленія, когда въ земской средѣ вновь воскресали прежнія надежды и проявлялась потребность иной жизни. Въ эти моменты обычная апатія сбрасывалась, земство вновь принималось за работу. Однимъ изъ такихъ памятныхъ моментовъ былъ 1871 годъ, когда земскія собранія были призваны къ обсужденію податнаго вопроса. Призывъ къ участію въ разработкѣ такого важнаго государственнаго дѣла поднялъ духъ земскихъ людей; оставивъ въ сторонѣ сословные интересы, они поспѣшили высказать задушевныя мысли, общія всему русскому обществу: почти всѣ земства въ одинъ голосъ заявили, что время податныхъ изъятій и привиллегій миновало, что въ несеніи государственныхъ налоговъ должны участвовать всѣ сословія безъ изъятія, что пора облегчить неимущихъ и привлечь къ податной тягости состоятельные классы. Высказавъ свое мнѣніе по вопросу, переданному на ихъ обсужденіе, нѣкоторыя земства заявили готовность потрудиться и надъ дальнѣйшею его разработкою. Въ то же время, работая надъ общею задачей, земство ощутило потребность работы совокупной; возникло желаніе, чтобы труды разрозненныхъ земствъ получили объединеніе, чтобы опытъ однихъ не пропадалъ безслѣдно для другихъ, чтобы земское дѣло, на пользу народа, получило повсемѣстно единообразное направленіе. Земство Владимірской губерніи, въ 1872 году, заявило объ этой потребности и ходатайствовало объ «установленіи въ каждой губерніи при губернской управѣ съѣздовъ представителей земствъ и общихъ центральныхъ въ столицахъ» *), но ходатайство это комитетомъ министровъ было признано неподлежащимъ удовлетворенію на томъ основаніи, что кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій, образованныхъ для ближайшаго участія въ завѣдываніи дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, ограничивается предѣлами губерніи и уѣзда, каждому изъ этихъ учрежденій подвѣдомственныхъ, и что «земскія учрежденія, по самому характеру своему, суть учрежденія мѣстныя, и что обсужденіе и установленіе общихъ началъ, имѣющихъ связь съ пользами и нуждами земства всѣхъ мѣстностей, гдѣ введены земскія учрежденія, должно исключительно принадлежать правительству, которое, когда признаетъ это нужнымъ, само призываетъ земскія учрежденія къ обсужденію подобныхъ предметовъ» **). Не смотря на такой категорическій отказъ, сознаніе необходимости сношеній между земствами продолжало существовать, и ходатайства о дозволеніи такихъ сно-

*) «Владимірскій Земскій Сборникъ» 1873 г. обращающійся въ продажѣ, № 2, стр. 191

**) Тамъ-же, № 5, стр. 54.

шеній неоднократно восходили на усмотрѣніе правительства: въ 1875 г. объ этомъ ходатайствовало Харьковское губернское земское собраніе, а въ 1879 году новый поводъ къ такимъ ходатайствамъ дало появленіе эпидеміи въ Астраханской губерніи. Обсуждая мѣры противъ распространенія чумной заразы, земскія собранія не могли не придти къ убѣжденію, что въ такомъ дѣлѣ, касающемся не одной какой-либо губерніи, необходимы совокупныя дѣйствія всего земства, и вотъ возбудились новыя ходатайства: Рязанское земство ходатайствовало о созывѣ въ Москвѣ представителей земствъ разныхъ губерній для совѣщанія о тѣхъ мѣрахъ, которыя можно было бы земскимъ собраніямъ принять сообща въ этихъ губерніяхъ противъ грозящей эпидеміи. О такомъ же ходатайствѣ былъ возбужденъ вопросъ и въ Московскомъ губернскомъ собраніи. «Не полагаю, говорилъ по этому поводу гл. кн. А. А. Щербатовъ, что мы можемъ сдѣлать что-нибудь, заявляя такое ходатайство; едва-ли оно повело бы къ практическому результату; тѣмъ не менѣе, полагаю необходимымъ ходатайствовать, чтобы было извѣстно то, что говорится въ кругу, болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ, такъ какъ тутъ нѣтъ ничего противозаконнаго и вреднаго. Полагаю, что мы дѣйствительно часто слышимъ нареканія на земство, что оно не оправдываетъ ожиданій правительства и общества; не спорю, что большой процентъ нареканій само земство заслуживаетъ, но всецѣло возводить обвиненіе на земство нельзя; не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія того обстоятельства, что земство поставлено такъ, что не можетъ идти въ уровень съ жизнью, и это—вслѣдствіе отсутствія возможности сноситься съ другими земствами. Полагаю, что такое ограниченіе существуетъ совсѣмъ на для того, чтобъ дѣятельность земства была менѣе плодотворна; эту мысль я считаю невозможною. Въ виду приведенныхъ соображеній, полагаю необходимымъ ходатайствовать о разрѣшеніи сношеній съ другими земствами, чтобы дѣятельность ихъ была болѣе плодотворна и однообразна съ требованіями правительства»... Ту же мысль развивалъ и другой гласный—Д. Ѳ. Самаринъ. «Пора же, наконецъ, говорилъ онъ, обратить вниманіе на то стѣсненіе, которое наложено на земство именно относительно сношеній съ другими земствами. Эта же мѣра, крайне стѣснительная, выказываетъ только недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ, которое отнюдь не оправдывается ни дѣятельностью земства, ни самимъ дѣломъ. Земство выказало себя консервативнымъ органомъ; таково оно было съ основанія; поэтому налагать такія стѣсненія, которыя препятствуютъ развитію его дѣятельности, представляется нецѣлесообразнымъ и несоотвѣтствующимъ характеру, который земство проявило»... Какъ ни убѣдительны эти соображенія, но новыя ходатайства, какъ и прежнія, остались безъ удовлетворенія и надежды на возможность общей земской работы не оправдались. Точно также не оправдались, какъ извѣстно, и тѣ надежды, которыя возлагались земствомъ, а съ нимъ и всей Россіей, на скорую замѣну прежней податной системы новыми, болѣе совершенными и справедливыми способами государственнаго обложенія. Почти десять лѣтъ прошло со времени разработки земскими собраніями податнаго вопроса, а не-

ремѣны въ желанномъ направленіи не совершилось; только труды податной коммиссіи обогатились новымъ томомъ, содержащимъ въ себѣ заключенія земствъ по этому вопросу.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣдовала новая эпоха оживленія, надеждъ и ожиданій. Борьба славянъ Балканскаго полуострова за освобожденіе возбудила у насъ подъемъ народнаго духа; во всѣхъ углахъ нашего отечества раздался и встрѣтилъ сочувствіе призывъ на помощь единоплеменникамъ; всѣ классы общества спѣшили принести посильную помощь борцамъ за свободу. Манифестъ 17 апрѣля 1877 года усилилъ энтузіазмъ еще болѣе; стала нужна помощь своимъ, русскимъ воинамъ, проливающимъ кровь за братьевъ. И наше общество показало себя достойнымъ своей задачи: оно съумѣло организовать эту помощь, съумѣло найти и средства, и силы для облегченія страданій нашихъ раненыхъ. Общее возбужденіе отразилось и на земскихъ учрежденіяхъ: они тоже трудились надъ общей задачей, устраивали госпитали, призрѣвали семейства призванныхъ на службу воиновъ. Кипучая дѣятельность того времени ободрялась сознаніемъ великой задачи, выполненіе которой приняла на себя Россія; она почерпала новыя силы въ твердой вѣрѣ, что за освобожденіемъ балканскихъ славянъ послѣдуетъ и обновленіе нашей внутренней жизни. Надежды и упованія были велики, но и на этотъ разъ имъ не суждено было сбыться... Борьба съ внѣшнимъ врагомъ, оконченная побѣдоносно, смѣнилась борьбой новой — съ врагомъ внутреннимъ: цѣлый рядъ политическихъ преступленій, совершенныхъ въ короткій промежутокъ времени, потребовалъ чрезвычайныхъ мѣръ для искорененія крамолы. Правительство рѣшилось «оградить общественную, частную жизнь и право собственности отъ тѣхъ правонарушеній, которыя, по ихъ зловредному и преступному свойству, задерживаютъ спокойное и правомѣрное развитіе государственной жизни и правильное исполненіе разнородными органами управленія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей «и для этого» съ неуклонною твердостію и строгостію» преслѣдовать злоумышленниковъ. На помощь себѣ въ этомъ дѣлѣ правительство признало нужнымъ призвать и общество. «Какъ ни были бы тверды и стойки дѣйствія правительства—сказано въ «правительственномъ сообщеніи», напечатанномъ 20 августа 1878 г. въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* — какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ-бы презрѣніемъ и гражданскимъ мужествомъ ни относились правительственныя власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ, правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ, и потому считаемъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло,опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій». Откликнуться на этотъ призывъ нѣкоторыя земскія собранія признали своимъ долгомъ, тѣмъ болѣе, что къ этому приглашали ихъ и нѣкоторые предста-

вители правительства (напр. Полтавскій губернаторъ при открытіи губернскаго собранія). Собранія Черниговское и Полтавское назначили коммиссіи для обсужденія отвѣта на правительственное воззваніе, но результаты работъ этихъ коммиссій остались неизвѣстными, ибо прочтеніе изготовленныхъ ими докладовъ не было допущено предсѣдателями собраній. Два другія земства—Орловское уѣздное и Харьковское губернское, успѣли высказать свои мысли: первое поставило вопросъ на экономическую почву и указало нѣкоторыя мѣры для подъема народнаго благосостоянія, а послѣднее — представило на усмотрѣніе правительства подробное изложеніе своихъ мнѣній. «Земское собраніе, сказано въ напечатанномъ въ журналахъ Харьковскаго губ. земск. собр. за 1878 г. «извлеченіи изъ отзыва правительству на его сообщеніе о преступной пропагандѣ» —торжественно и единодушно признаетъ, что въ земской средѣ нѣтъ мѣста для преступныхъ пропагандистовъ. Земство готово искоренить этого внутренняго врага, гдѣ бы онъ ни былъ, и въ какомъ-бы видѣ ни представлялись его преступныя дѣйствія. Собраніе вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе правительства, что однѣ внѣшнія карательныя мѣры недостаточны для искорененія зла: онѣ могутъ лишь уничтожить наружное проявленіе болѣзни, но самая болѣзнь скроется внутрь организма и сдѣлается болѣе упорною, хроническою: уничтожая злодѣевъ, онѣ не уничтожаютъ зла, но, *стѣсняя неповинныхъ гражданъ, увеличатъ массу недовольныхъ* (курсивъ въ подлинникѣ)». По мнѣнію собранія, зло родилось не на русской почвѣ, и пропагандисты совершенно чужды земству. Земство готово соединить всѣ свои силы, чтобы противостоять общему внутреннему врагу, но средствъ для этого не имѣетъ: «наши земства разрознены, предметы ихъ вѣдѣнія не выходятъ за предѣлы уѣзда или губерніи; не разсуждая о дѣлахъ и нуждахъ государства, они должны вѣдать лишь дѣла хозяйственныя, мѣстныя. Земство, въ настоящемъ случаѣ, могло-бы оказать содѣйствіе правительству своимъ общественнымъ мнѣніемъ, но оно не имѣетъ органа для выраженія своихъ мнѣній и должно оставаться нѣмымъ; другихъ орудій у него нѣтъ, или оно не можетъ ими пользоваться. Изъ такихъ разрозненныхъ, безорудныхъ, разсыпчатыхъ, подобно песку, элементовъ нельзя сплотить той силы, которая могла-бы быть опорою государству и противостоять его врагамъ». Лучшее противоядіе лженіямъ можно найти въ здравой и безпристрастной системѣ образованія молодаго поколѣнія, которая сдѣлала-бы ненужными «тѣ крайнія мѣры, которыми стѣсняется дѣятельность мирныхъ гражданъ и самая ихъ мысль»; но въ этомъ отношеніи земство безсильно: оно, «хотя не щадитъ издержекъ на содержаніе народныхъ школъ, но лишь вѣдаетъ хозяйственную часть и устранено отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ»...

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производитъ эта земская исповѣдь; она указываетъ на существующее въ земской средѣ сознаніе своего безсилія, сознаніе, не могущее, конечно, служить побужденіемъ къ живой, энергической дѣятельности. Такое сознаніе можетъ вызывать лишь застой, апатію. Мрачная картина, изображенная Харьковскимъ земствомъ, можетъ казаться не совсѣмъ вѣрной дѣйствительности, его жалобы могутъ казаться преувели-

ченными: но если внимательно вглядѣться въ современное положеніе земскихъ учрежденій, то нельзя не признать справедливости того, что̀ изложено въ «отзывѣ». Земства оказываются совершеннно разрозненными, лишенными всякой возможности къ совокупной и единообразной дѣятельности; гласности и общественнаго контроля не существуетъ, общественное мнѣніе вынуждено безмолвствовать; независимость и самостоятельность земскихъ учрежденій, въ дѣйствительности, ничтожны, а со времени изданія закона 19 августа 1879 года, и совершенно упразднены, вслѣдствіе полнаго подчиненія земства губернатору; матеріяльныя средства недостаточны, обязательные расходы громадны. При такихъ условіяхъ отъ земскихъ учрежденій едва ли можно требовать слишкомъ многаго; едва ли справедливо ставить имъ въ вину, что они не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагались: надежды эти были преувеличены и, при данныхъ условіяхъ, не могли осуществиться....

Какъ ни неблагопріятны условія, при которыхъ приходится дѣйствовать русскимъ земскимъ учрежденіямъ, какъ ни значительны стѣсненія, которымъ они подвергаются, земская дѣятельность, тѣмъ не менѣе, представляетъ у насъ единственное поприще для проявленія общественной жизни; земскія собранія и городскія думы являются единственными органами, черезъ посредство которыхъ земля, такъ или иначе, можетъ высказывать свои мнѣнія, хотя и не всегда открыто и откровенно. Не смотря на строгость тяготѣющей надъ земскимъ словомъ цензуры, земская мысль иногда проявляется, земскія нужды иногда громко заявляются; въ происходящихъ въ земскихъ собраніяхъ преніяхъ, на ряду съ празднымъ, самоуслаждающимся витійствомъ, нерѣдко слышится голосъ и простаго русскаго человѣка, хотя и робко заявляющаго о томъ, чего не достаетъ ему для благополучнаго существованія. Слѣдить за всѣми этими проявленіями общественной жизни и дѣятельности, извлекать изъ массы матеріала указанія на дѣйствительныя нужды страны, изучать тѣ мѣры, которыя принимаются земствомъ для ихъ удовлетворенія — вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается задача обозрѣвателя земской жизни. Открывая земскій отдѣлъ на страницахъ нашего журнала, мы будемъ стараться слѣдить за всѣми выдающимися явленіями въ жизни органовъ русскаго самоуправленія, знакомить нашихъ читателей съ тѣми вопросами, которые выдвигаются на очередь и съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое дается имъ разными земствами. Мы надѣемся, что, исполняя поставленную себѣ задачу, мы, по мѣрѣ силъ, будемъ содѣйствовать объединенію земской дѣятельности, знакомить земскихъ дѣятелей съ тѣмъ, что дѣлается ихъ товарищами. Если непосредственныя сношенія между земствами невозможны, если живой обмѣнъ мыслей между ихъ представителями не можетъ, въ силу современныхъ условій, имѣть мѣста, то на обязанности печати лежитъ восполненіе этого пробѣла и оказаніе земскимъ дѣятелямъ помощи въ взаимномъ ознакомленіи. Смотря съ такой точки зрѣнія на свою задачу, мы будемъ заносить на страницы своей лѣтописи только тѣ явленія, которыя, по той или другой причинѣ, имѣютъ дѣйствительное значеніе, устраняя все, что имѣетъ характеръ исключительно личный, чуждый интересамъ дѣла.

Но изученіемъ явленій текущей земской жизни не исчерпывается поставленная нами задача: на ряду съ разсмотрѣніемъ современныхъ вопросовъ, мы считаемъ необходимымъ представлять и обозрѣніе дѣятельности прошлой, обозрѣніе того, какъ постепенно зрѣла и складывалась земская мысль, какъ доходила она до своего современнаго состоянія. Исторія земства за первыя полтора десятилѣтія его существованія глубоко поучительна; она знакомитъ насъ съ процессомъ борьбы стараго съ новымъ, прежнихъ, воспитанныхъ на крѣпостномъ правѣ традицій съ новыми, современными воззрѣніями. Къ сожалѣнію, приняться за полную исторію земства мы не имѣемъ возможности, а потому будемъ ограничиваться монографіями по исторіи отдѣльныхъ земствъ—губернскихъ или уѣздныхъ, и преимущественно земствъ типичныхъ. Одну изъ такихъ монографій читатели найдутъ въ настоящей книжкѣ «Русской мысли».

Мы начинаемъ нашу работу въ трудное переходное время. Современное положеніе, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, надолго сохранить-ся не можетъ: въ недалекомъ будущемъ оно должно будетъ уступить мѣсто другому, болѣе прочному, болѣе постоянному. Каково будетъ это новое положеніе, какая участь ожидаетъ наше общественное развитіе, какую роль предоставитъ оно нашему «самоуправленію», мы, конечно, не знаемъ, но считаемъ себя вправѣ смѣло смотрѣть впередъ; ручательствомъ за лучшее будущее служитъ желаніе Царя видѣть Россію «счастливою и развивающеюся мирно».

Одно изъ земствъ Приволжскаго края.

ОЧЕРКЪ.

Въ сентябрѣ и октябрѣ прошлаго, 1879 года, происходили пятнадцатыя, по счету, очередныя уѣздныя земскія собранія, послѣ которыхъ земскія учрежденія вступили въ пятнадцатый годъ своего существованія.

Если взять вмѣстѣ всю дѣятельность и сложить всѣ расходы земствъ, дѣйствовавшихъ въ этотъ періодъ времени, то много окажется денегъ истраченныхъ, трудовъ понесенныхъ, полезныхъ и неполезныхъ дѣлъ выполненныхъ и, рядомъ съ ними, дѣлъ не удавшихся, предположеній не осуществившихся....

Многое сдѣлано, но еще болѣе остается сдѣлать. И вотъ, ради этой чреватой потребностями, надеждами и ожиданіями, будущей дѣятельности русскаго земства, желательно, чтобы пятнадцатилѣтній, во многомъ горькій и дорого стоющій опытъ не пропалъ безслѣдно въ архивной пыли земскихъ канцелярій, а освѣтилъ бы путь земскимъ дѣятелямъ, служилъ бы имъ руководствомъ и указаніемъ.

Разнообразно направленіе дѣятельности многочисленныхъ земствъ земли русской. Разнообразны ихъ средства и мѣстныя условія, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Есть земства щедрыя и даже мотоватыя и въ противовѣсъ имъ—экономныя и скупыя. Есть земства бѣдныя, борящіяся со скудной природой сѣвера и такія, которыя ведутъ свое хозяйство въ плодородной мѣстности юга, но бичуемой засухами, саранчой, жуками и т. п. напастями. Къ тѣмъ и другимъ надлежитъ относиться снисходительно,—принять во вниманіе ихъ бѣдность и неблагопріятныя условія, въ которыя они поставлены. Но есть земства богатыя, не вѣдающія никакихъ бѣдъ и притомъ щедрыя. Примѣромъ такихъ земствъ можетъ служить земство Карсунскаго уѣзда: 700 тыс. десятинъ въ хлѣбородной части Приволжскаго края; 100 тыс. жителей; отсутствіе неурожаевъ и общій итогъ уѣздныхъ земскихъ расходовъ, со времени введенія въ дѣйствіе земскаго Положенія, почти въ 900 тыс. рублей.

Отъ такого земства можно требовать многаго, ибо дано ему много. Взявъ его типомъ земствъ, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятныя ус-

ловія, и основываясь на отчетахъ и докладахъ его Управы, на журналахъ и постановленіяхъ собранія и трудахъ его коммиссій, очертимъ его дѣятельность *).

I.

Мѣстныя экономическія условія. Земскіе финансы.

Карсунскій уѣздъ лежитъ въ центрѣ Симбирской губерніи, между Волгой, отъ которой отстоитъ на 70 верстъ, и Сурой, захватывающей одинъ изъ его угловъ. Граница уѣзда подходитъ къ самой околицѣ извѣстнаго своею хлѣбной торговлей села Промзина. Конкуррирующее съ Промзиномъ село Березники принадлежитъ къ Карсунскому уѣзду и, благодаря прекрасной пристани на Сурѣ и своему положенію въ хлѣбородной мѣстности, перетягиваетъ хлѣбную торговлю изъ Алатырскаго уѣзда въ предѣлы Карсунскаго. На Березенской пристани каждую весну грузится отъ 50 до 60-ти большихъ баржъ. Весь уѣздъ пересѣкаетъ богатая водой рѣка Барышъ. На ней и ея притокахъ работаютъ 288 мукомольныхъ мельницъ, большая часть которыхъ зимою занята помоломъ для Петербургскихъ торговыхъ фирмъ, закупающихъ хлѣбъ въ Промзинѣ и Березникахъ. Хотя южная часть уѣзда значительно отдалена отъ Суры, но за то въ 40 верстахъ отъ него проходитъ Моршанско-Сызранская желѣзная дорога. Въ уѣздѣ насчитываютъ около 1000 фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, въ числѣ которыхъ четыре большихъ суконныхъ фабрики, семь винокуренныхъ заводовъ, двѣ паровыхъ мукомольныхъ мельницы и два довольно значительныхъ стеклянныхъ завода. Площадь, занимаемая уѣздомъ, заключаетъ въ себѣ 700 тыс. десятинъ; ее населяютъ около 100 тыс. жителей м. п. Изъ этихъ 700 тыс. тинъ 400 тыс. заняты пашнями и лугами, а 300 тыс. находятся подъ лѣсомъ. По принадлежности своей, вся эта земельная собственность распредѣлена такъ:

Принадлежитъ:	Земли:	Лѣсу:	Всего:
	Десятинъ:		
Землевладѣльцамъ . . .	130.000	150.000	280.000
Сельскимъ обществамъ .	250.000	1.000	251.000
Удѣльному вѣдомству. .	18.000	149.000	167.000
Городу	2.000	»	2.000

Всѣхъ землевладѣльцевъ въ уѣздѣ 442. Самое крупное владѣніе состоитъ изъ 10 тыс. десятинъ земли и лѣсу. Сельскихъ обществъ 382.

Главнѣйшій источникъ благосостоянія мѣстныхъ жителей — сельское хозяйство. Земли въ большей части уѣзда хороши, а пятая часть ихъ

---

*) Данныя, на основаніи которыхъ составлены наши настоящіе очерки, добыты нами изъ подлинныхъ дѣлъ Карс. Земск. Управы и изданій этого Земства, печатаемыхъ имъ, начиная съ 1872 г.

можетъ быть отнесена къ превосходнымъ землямъ. Большинство пашенъ еще не унаваживается. Климатъ удовлетворительный. Засухъ нѣтъ. Годъ, когда рожь родится самъ-шестъ, считается плохимъ, неурожайнымъ годомъ. Бѣдствія, постигающія степныя мѣстности, здѣсь невѣдомы. Въ рабочихъ рукахъ недостатка не ощущается и онѣ дешевы: годовой рабочій—отъ 40 до 60 рублей, лѣтній — отъ 25 до 35; обработка десятины съ уборкой хлѣба обходится отъ 5 до 8 рублей. Главнѣйшіе продукты: рожь овесъ, гречиха. Сбытъ ихъ обезпеченъ, но цѣны сильно колеблящіяся: пудъ ржи продается отъ 40 до 80 к.—Хозяйство ведется первобытнымъ способомъ не только крестьянами, но и землевладѣльцами; за весьма малыми исключеніями, во всемъ уѣздѣ трехпольная система сѣвооборота, и орудіемъ обработки служитъ соха. Скотоводство не сильно развито. Рабочихъ лошадей достаточно, и онѣ породы хорошей. Падежи бываютъ, но не часто и не слишкомъ значительные.

Вотъ, мѣстныя экономическія условія, при которыхъ, Карсунскому уѣздному земству, въ концѣ 1865 года, пришлось основать свою дѣятельность и съ тѣхъ поръ вести свои дѣла.

Денежные расходы этого земства на уѣздныя земскія потребности, со дня его основанія по настоящее время и съ ассигнованіемъ на текущій 1880 годъ, составляютъ 848 тыс. рублей, которые по годамъ распредѣляются такъ:

1866 годъ	6 тыс.	1871 годъ	66 тыс.	1876 годъ	72 тысячи.
1867 —	14 —	1872 —	63 —	1877 —	83 —
1868 —	16 —	1873 —	55 —	1878 —	91 —
1869 —	41 —	1874 —	63 —	1879 —	89 —
1870 —	34 —	1875 —	66 —	1880 —	89 —

Предметы расходовъ, по степени значительности издержанной на нихъ суммы, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Народное здравіе	212.000
Мировыя судебныя учрежденія	163.000
Управленіе дѣлами земства	122.000
Подводная повинность	115.000
Народное образованіе	48.000
Содержаніе гражданскаго управленія	46.000
Пособіе семействамъ воинскихъ чиновъ	37.000
Пути сообщенія	28.000
Мѣры къ развитію сельскаго хозяйства, торговли и сношеній	21.000
Земскія зданія	16.000
Благоустройство селеній и мѣры отъ пожаровъ	15.000
Квартирная повинность	10.000
Устройство и содержаніе мѣстъ заключеній	6.000
Земская почта	5.000
Ветеринарная часть	2.500

Пособіе сельскимъ обществамъ по отправкѣ лицъ, ссылаемыхъ въ Сибирь 800
Благотворительность 700

Натурой отправлялись: дорожная повинность съ 1866 по 1871 годъ и подводная въ 1866, 67 и 68 годахъ. Съ 1871 года оставалась одна только натуральная повинность—исправленіе бичевника рѣки Суры; очередное земское собраніе 1877 года и ее переложило на деньги, и съ тѣхъ поръ въ Карсунскомъ уѣздѣ земскихъ повинностей, отправляемыхъ натурою, болѣе не существуетъ.

Земскій сборъ взимается съ купеческихъ свидѣтельствъ, патентовъ и свидѣтельствъ на торгъ, въ полномъ узаконенномъ размѣрѣ съ рубля платимыхъ въ казну пошлинъ, съ прочихъ же предметовъ обложенія сколько придется по разверсткѣ съ каждаго рубля ихъ нормальной доходности. Предметами обложенія служатъ:

400 т. десятинъ земли	525 т.	единицъ обложенія.
300 т. десятинъ лѣсу.	60 т.	
Фабрики, заводы, промышленныя и торговыя заведенія.	130 т.	»
Недвижимыя городскія имущества	5 т.	»
Всего . . .	720 т.	»

До 1878 года нормальная доходность земли опредѣлялась такъ: каждое владѣніе дѣлилось на три разряда; къ первому изъ нихъ, съ доходностью десятины въ 2 р. 70 к. были относимы $^1/_{10}$ часть каждаго землевладѣльческаго имѣнія и одна десятина каждаго душеваго надѣла; во второмъ разрядѣ считались $^1/_4$ часть землевладѣльческаго имѣнія и $^1/_3$ душеваго надѣла, при доходности въ 1 р. 35 к.; остальная земля отнесена была къ третьему разряду, съ доходностью въ 67 к.—Неправильность этой системы очевидна. Не смотря на разнообразіе качествъ земли и мѣстныхъ условій того или другаго имѣнія, всѣ они платили земскій сборъ въ одинаковомъ размѣрѣ. Разница существовала только между землями помѣщиковъ и надѣлами крестьянъ, такъ какъ, при вышеуказанномъ распредѣленіи, средняя нормальная доходность одной десятины первыхъ составляла 1 р. 38 к., а вторыхъ 1 р. 49 к. Кромѣ того, повышеніе или пониженіе послѣдней цифры, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, зависѣло отъ большаго или меньшаго размѣра душеваго надѣла. Такъ, при надѣлѣ въ $1^3/_4$ десятины, на каждую изъ нихъ падало 2 р., а при надѣлѣ въ 5 десятинъ (всѣ удѣльные крестьяне получили такой надѣлъ), приходилось всего по 1 р. 28 к. Все это прямо противорѣчило основнымъ началамъ вычисленія нормальной доходности, всегда долженствующимъ стремиться къ возможно большему сближенію ея съ доходностью дѣйствительной. По почину Симбирскаго губернскаго земскаго собранія, всѣ уѣздныя земства Симбирской губерніи, въ 1875 году, принялись за выработку новыхъ основаній для опредѣленія нормальной доходности земель. Выполненіе этой задачи Карсунское земское собраніе поручило спеціально для этого составленной имъ

коммиссіи. Коммиссія прежде всего раздѣлила земли на *усадебныя* и *пахотныя съ луговыми*. Доходность первыхъ она опредѣлила для всего уѣзда въ 8 рублей съ десятины. Вторую категорію земель коммиссія раздѣлила на пять разрядовъ и, принявъ въ соображеніе, что арендныя цѣны на земли въ разныхъ мѣстахъ уѣзда колеблятся между 75 коп. и 3½ рублями за десятину, она опредѣлила доходность каждаго изъ пяти разрядовъ въ такомъ размѣрѣ: первый разрядъ 3 р. 50 к., второй 2 р. 50 к., третій 2 р., четвертый 1 р. 25 и пятый 75 к. Къ тому или другому разряду имѣнія и общественные надѣлы относились каждый цѣликомъ, въ полномъ своемъ составѣ, за исключеніемъ усадебъ и лѣсовъ,—смотря по качеству земли и другимъ мѣстнымъ условіямъ и удобствамъ. Всѣмъ землевладѣльцамъ и сельскимъ обществамъ были разосланы печатные труды коммиссіи, и предоставленъ годовой срокъ для заявленій о неправильномъ отнесеніи ихъ владѣній къ тому или другому разряду. Заявленія эти разсматривались коммиссіей, и ею были сдѣланы по нимъ значительныя измѣненія. Въ концѣ концевъ, получилось слѣдующее распредѣленіе земель:

	Землевладѣльцевъ:	Сельск. обществъ:	Удѣла:	Города:	Всего:
Усадебной:	2 тысячи.	14 тысячъ.	«	«	16 тыс.
I разрядъ.	20 —	8 —	«	1	29 —
II —	30 —	88 —	6 т.	«	124 —
III —	31 —	86 —	6	«	123 —
IV —	34 —	38 —	4	«	76 —
V —	17 —	11 —	2	«	30 —

Всего 398 т. десятинъ удобной земли съ нормальной доходностью въ 900 т. рублей, т. е. на 375 т. рублей болѣе прежней. Но въ то время, когда, такимъ образомъ, доходность земли повышалась болѣе, чѣмъ на 70%, прочіе предметы обложенія оставались при прежней своей весьма низко и неправильно опредѣленной доходности, послѣдствіемъ чего, несомнѣнно, было бы излишнее и вполнѣ несправедливое обремененіе земель къ вящей выгодѣ владѣльцевъ лѣсовъ, фабрикъ и заводовъ, и безъ того платящихъ мало. Невыгода всею своею тяжестью пала бы на сельскія общества, которыя ни лѣсовъ, ни фабрикъ не имѣютъ. Во избѣжаніе этого, земское собраніе, примѣнивъ къ раскладкѣ земскаго сбора на 1879 годъ, основанія, выработанныя коммиссіей, понизило общій итогъ доходности земель съ 900 т. до прежней цифры 525 т. р., при томъ условіи, чтобы пропорціонально такому пониженію былъ бы пониженъ размѣръ доходности каждаго разряда. Въ результатѣ получились слѣдующія нормы: усадебная земля—4 р. 64 к., перваго разряда—2 р. 3 к., втораго—1 р. 45 к., третьяго—1 р. 16 к., четвертаго—73 к., пятаго—43 к. По сему разсчету, и при распредѣленіи земель, произведенномъ коммиссіей, средняя для всего уѣзда доходность десятины земли, принадлежащей помѣщикамъ равняется 1 р. 23 к., а принадлежащей сельскимъ обществамъ—1 р. 37 к. Такая, невыгодная для крестьянъ, разница происходитъ отъ того, что у нихъ пропорціональ-

ное отношеніе высокооцѣненной усадебной земли къ остальному владѣнію значительно болѣе, чѣмъ у землевладѣльцевъ. На каждую десятину крестьянской пахотной земли приходится усадебной 0,06 десятины, а у землевладѣльцевъ только 0,01.

Вообще падающія на землю 525 т. единицъ обложенія распредѣлены такъ:

на земляхъ	землевладѣльцевъ	161	тысяча.
—	сельскихъ обществъ	343	—
—	удѣльнаго вѣдомства	19	—
—	города.	2	—

Сдѣланное собраніемъ пониженіе, по одной только раскладкѣ 1879 года, сняло съ земель 7 т. рублей земскаго сбора. За то на лѣса легло лишнихъ 3 т. рублей. Всего невыгоднѣй мѣра эта оказалась для удѣла, какъ для самаго крупнаго лѣсовладѣльца. Въ одномъ только 79 году она обошлась ему въ 2 т. рублей. Сельскія же общества уплатили $4^1/_2$ т. менѣе чѣмъ имъ пришлось бы уплатить при нормахъ, принятыхъ коммиссіей.

Само собой разумѣется, что такая мѣра можетъ быть только мѣрой временной. Если есть основаніе считать доходъ съ земель въ 900 т., то въ такой суммѣ онъ и долженъ быть исчисляемъ, и всякое произвольное пониженіе его можетъ быть допускаемо и оправдываемо только до тѣхъ поръ, пока не будутъ оцѣнены, какъ слѣдуетъ, прочіе предметы обложенія. Изъ нихъ, по суммѣ доходности, первое, послѣ земель, мѣсто занимаютъ фабрики, заводы, промышленныя и торговыя заведенія. Въ раскладкѣ на 1880 доходность ихъ исчислена въ 130 т. рублей, изъ коихъ 83 т. приходятся на долю землевладѣльцевъ; 26 т.—лицъ крестьянскаго сословія и мелкихъ собственниковъ, 16 т. падаетъ на удѣлъ и 5 т. на городъ. Главную часть суммы доходности фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній, принадлежащихъ землевладѣльцамъ, составляетъ доходность четырехъ суконныхъ фабрикъ, исчисленная въ 40 т. рублей и 110 мукомольныхъ мельницъ, равняющаяся 29 т. Доходность первыхъ опредѣлена по числу дѣйствующихъ аппаратовъ,—вторыхъ по размѣру камней. Но какъ бы она ни опредѣлялась, существующее опредѣленіе не вѣрно: доходъ одной Румянцовской фабрики, въ дѣйствительности, достигаетъ 60 т. въ годъ, а всѣ вмѣстѣ суконныя фабрики Карсунскаго уѣзда дѣлаютъ милліонный оборотъ, и владѣльцы ихъ были бы крайне смущены, заработавъ только 40 т. въ теченіе годоваго производства. Также точно и дѣйствительный доходъ нѣсколькихъ лучшихъ помѣщичьихъ мельницъ далеко оставляетъ за собою скудную цифру нормальной доходности всѣхъ 110, въ числѣ которыхъ двѣ паровыхъ, десяти-поставныхъ, легко въ зиму могущихъ заработать каждая по 10 т. рублей. У крестьянъ и другихъ мелкихъ собственниковъ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ,—одни только мелкія, еле-еле перебивающіяся заведенія и производства,—питейные, маслобойни, кузницы, вѣтряныя мельницы и т. п. Всѣ они пріурочены къ одинаковымъ условіямъ и нормамъ съ заводами и фабриками

и сравнительно платятъ много. Казалось бы, что нельзя равнять камень паровой мельницы, стоящей у хлѣбной пристани, съ камнемъ какой-либо убогой, почти всегда безъ работы и вдали отъ всякаго жилья стоящей, раструсной мельницы, а, между тѣмъ, такое несправедливое уравненіе существуетъ. Механическое заведеніе владѣльца суконной фабрики земскимъ сборомъ не облагается подъ тѣмъ предлогомъ, что оно служитъ для фабрики, хотя всѣмъ извѣстно, что на немъ принимаются и исполняются сторонніе заказы, и рядомъ съ этимъ, весьма тщательно розыскиваются и вносятся въ окладныя книги избы синильщиковъ, которымъ Управа придаетъ громкое названіе *синильныхъ заводовъ*. На все это не разъ указывали нѣкоторые гласные и требовали новой оцѣнки. Долго заявленія ихъ оставлялись безъ вниманія, наконецъ, когда въ 1878 году пришлось вводить новое опредѣленіе доходности земель, собраніе уяснило себѣ необходимость правильной оцѣнки прочихъ предметовъ обложенія и поручило особо избранной на то коммиссіи переоцѣнку фабрикъ, заводовъ и прочихъ имуществъ этой категоріи. Въ послѣднюю сессію свою, земское собраніе составило инструкцію для дѣйствій этой коммиссіи и назначило будущую свою очередную сессію срокомъ для окончанія ея работъ. Наскоро составленная инструкція даетъ только нѣсколько указаній о способахъ собиранія свѣдѣній и вовсе не касается системы оцѣнки. Что сдѣлаетъ коммиссія, и къ чему приведутъ ея труды, въ настоящее время, предугадать трудно и говорить о томъ преждевременно.

Еще неправильнѣе, еще произвольнѣе опредѣлена нормальная доходность лѣсныхъ дачъ. Она опредѣлена огуломъ въ 20 коп. съ десятины. Самое однообразіе этой цифры, не соотвѣтствующее различію условій сбыта, въ которыя поставлены лѣсопромышленность и лѣсовладѣніе, въ той или другой мѣстности уѣзда, не соотвѣтствующее различію породъ и сортовъ лѣса,—указываетъ на то, что норма эта взята на-обумъ, безъ всякаго основанія, а потому и не можетъ быть правильной. Хвойный лѣсъ, растущій въ нѣкоторыхъ частяхъ уѣзда, продается по 800 рублей за десятину, а въ другихъ мѣстахъ, въ особенности лѣсъ лиственный не имѣетъ почти никакого сбыта. Это только одна сторона дѣла,—игнорированіе, такъ сказать, внутренняго разнообразія доходности одного и того же предмета обложенія; если же взять общую сумму доходности 300 т. десятинъ лѣса, въ 60 т. рублей и капитализировать ее изъ 5%, то получится стоимость всѣхъ лѣсовъ Карсунскаго уѣзда въ 1.200.000, что составляетъ 4 рубля за десятину. По такой цѣнѣ въ Карсунскомъ уѣздѣ нельзя купить не только лѣса, но даже поруба. Отсюда слѣдуетъ, что между другими предметами обложенія, лѣса занимаютъ не подобающее имъ мѣсто и вслѣдствіе своей низко опредѣленной нормальной доходности обременяютъ земскими налогами другіе предметы обложенія,—всего болѣе землю. При этомъ надо имѣть въ виду, во-первыхъ, что не всѣ владѣющіе землей или другимъ имуществомъ имѣютъ лѣса, что хотя бы нѣсколько уравновѣшивало, въ данномъ случаѣ, распредѣленіе бремени земскихъ пла-

тежей; а во-вторыхъ, что не всѣ владѣющіе землей и лѣсомъ имѣютъ ихъ въ одинаковой пропорціи. Половина всѣхъ лѣсныхъ дачъ принадлежитъ землевладѣльцамъ (150 т. десят. лѣса при 130 т. десят. земли),— другая половина—удѣлу (149 т. лѣса при 18 т. д. земли) и только 1 т. д. лѣса находится во владѣніи у сельскихъ обществъ, при 250 т. д. земли. Лѣса, принадлежащіе землевладѣльцамъ распредѣлены такъ:

40 т. д. находятся во владѣніи у восьмерыхъ наиболѣе крупныхъ лѣсовладѣльцевъ, имѣющихъ пахатной земли всего 18 тыс. десятинъ;

110 т. д. у прочихъ 253 лѣсовладѣльцевъ.

Лѣсами, и то вырубленными, владѣютъ всего 11 сельскихъ обществъ. Самое большое общественное лѣсовладѣніе равняется 220 десятинамъ. Городъ, 189 землевладѣльцевъ и 371 сельское общество лѣсовъ вовсе не имѣютъ. Изъ этого слѣдуетъ, что существующее опредѣленіе нормальной доходности лѣсныхъ дачъ очень выгодно для удѣла [1]) и для 8 крупныхъ лѣсовладѣльцевъ, имѣющихъ по двѣ десятины лѣса на десятину пашни и столь же невыгодно для всѣхъ остальныхъ земскихъ плательщиковъ, у которыхъ на десятину земли лѣса приходится только по 0,3 десятины [2]).

Отсутствіе правильнаго лѣснаго хозяйства упрочивало странное понятіе о лѣсахъ, какъ объ имуществѣ бездоходномъ, а трудность и сложность оцѣночной работы отымали у собранія охоту приступить къ ея выполненію. Наконецъ, въ 1878 году, вслѣдствіе настойчиваго требованія нѣкоторыхъ гласныхъ, собраніе составило коммиссію для выработки новой системы оцѣнки лѣсовъ. Съ тѣхъ поръ дѣло это находится въ полнѣйшемъ застоѣ. Прошло болѣе года, а коммиссія еще не приступала къ выполненію возложеннаго на нее порученія. Земское собраніе само какъ будто забыло объ этомъ дѣлѣ: по крайней мѣрѣ, въ послѣднюю его сессію объ лѣсахъ не упоминалось. Два мѣстныхъ землемѣра представили въ коммиссію проекты таксаціи лѣсовъ, требующіе такихъ затратъ, произвести которыхъ земство не въ состояніи. Существуетъ проектъ, болѣе удобопримѣнимый, не требующій ни значительныхъ затратъ, ни особенно сложныхъ и долгихъ работъ. Онъ дѣлитъ уѣздъ на нѣсколько группъ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ сбыта лѣснаго матеріала, а самый лѣсъ на хвойный и лиственный съ подраздѣленіемъ послѣдняго на подѣлочный и дровяной. Основаніемъ оцѣнки служатъ годовой приростъ, выражаемый оборотомъ рубки, различнымъ для каждаго изъ этихъ сортовъ, и мѣстныя продажныя цѣны, различныя для каждой группы. Проектъ этотъ не попалъ еще ни въ коммиссію, которая не открываетъ своихъ дѣйствій, ни въ Управу, отстраняющую себя отъ дѣла, порученнаго коммиссіи,

---

[1]) Такъ какъ вѣдомство это имѣетъ по 8 д. лѣсу на каждую десятину пахатной земли.

[2]) Пропорція лѣса еще болѣе уменьшится, если взять одни только сельскія общества: они на десятину полевой земли лѣсу имѣютъ 0,003 десятины.

ни въ собраніе, старающееся проходить мимо этого щекотливаго дѣла. Полагаютъ, что въ будущую сессію земское собраніе вынуждено будетъ заняться лѣснымъ вопросомъ и, такъ или иначе, вывести его изъ настоящаго положенія, несоотвѣтствующаго пользѣ и нуждамъ земства. Удѣльное вѣдомство не будетъ препятствовать правильному обложенію лѣсовъ. Изъ 8 крупныхъ лѣсовладѣльцевъ только трое принимаютъ участіе въ собраніи, остальные, въ качествѣ гласныхъ, никогда не появляются. Надѣемся, что большинство гласныхъ потрудится, наконецъ, основательно ознакомиться съ этимъ дѣломъ и тогда повѣритъ болѣе ариѳметикѣ, чѣмъ нѣсколькимъ лицамъ, поддерживающимъ въ ущербъ интересамъ общественнымъ, свои мелкіе, личные интересы. Надѣемся также, что собраніе убѣдится, наконецъ, что, основавъ систему своихъ раскладокъ на опредѣленіи нормальной доходности предметовъ обложенія, оно не можетъ устроить, какъ слѣдуетъ, финансовыхъ дѣлъ своего земства до тѣхъ поръ, пока доходность эта не будетъ исчисляема возможно ближе къ доходности дѣйствительной, на точныхъ и разумныхъ началахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что удачно-выполненная переоцѣнка увеличитъ, по крайней мѣрѣ, на 100 % общую сумму единицъ обложенія, доведетъ ее до $1^1/_2$ милліона и тѣмъ значительно понизитъ размѣръ обложенія, достигшій въ 1879 году запугивающей цифры, 15-ти коп. съ рубля, одного только уѣзднаго сбора. Вотъ его размѣръ за все время существованія земства:

1866 } 1867 }	4,5 к.	1870	4 к.	1874	6,5 к.	1878	12,12 к.
		1871	8 к.	1875	7,5 к.	1879	15 к.
1868	3,5 к.	1872	8 к.	1876	8,5 к.	1880	8 к. з)
1869	4,75 к.	1873	7,25 к.	1877	8,5 к.		

Рядомъ съ возрастаніемъ земскихъ налоговъ идетъ накопленіе ихъ недоимки. Этотъ хроническій недугъ всѣхъ земствъ одолѣваетъ и Карсунское.

Къ 1 января 1873 года окладныхъ земскихъ сборовъ въ недоимкѣ состояло:

			15.000	рублей.
къ 1	января	1874 г.	20.000	»
»		1875 »	25.000	»
»		1876 »	23.000	»
»		1877 »	25.000	»
»		1878 »	31.000	»
»		1879 »	32.000	»

Изъ этого видно, что въ теченіе шести лѣтъ недоимка болѣе чѣмъ удвоилась, а въ теченіе одного 1877 года она возросла на 25 %. Въ

з) Обложеніе на 1880 г. понизилось вслѣдствіе зачета остатковъ отъ смѣтнаго назначенія 1878 г. 15 т. рублей и 12 т. предполагаемыхъ остатковъ отъ 79 года.

томъ году, въ депозитъ уѣзднаго земства должно было поступить окладныхъ земскихъ суммъ, считая и недоимку прежнихъ лѣтъ, 104 т. р.,—поступило 73 т. остальная часть осталась въ недоимкѣ и легла на платежи 1878-го года.

Хуже всѣхъ платятъ землевладѣльцы. Въ 1877 году, они должны были уплатить со своихъ земель, лѣсовъ, фабрикъ и заводовъ 38 т. р.,—уплатили 23 т., что составляетъ 60 к. на рубль. Сельскія общества со своихъ земель и лица крестьянскаго сословія, владѣющія промышленными и торговыми заведеніями, изъ числа 51 т. слѣдуемыхъ съ нихъ платежей внесли 36 т., т. е. по 71 к. на рубль. Къ 1879 году недоимки на однихъ только земляхъ помѣщиковъ (130 т. д.) осталось 11 т. рублей,—на земляхъ, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ (250 т. д.)—8 т. р. Первая изъ этихъ недоимокъ ложится 8½ к., вторая 3⅕ к. на каждую десятину. И это при значительной, благопріятной для землевладѣльцевъ разницѣ средней нормальной доходности ихъ земель (1 р. 23 к. д.), сравнительно съ доходностью общественныхъ надѣловъ (1 р. 37 к.) *).

Значительную долю слѣдуемыхъ съ землевладѣльцевъ платежей управа получила черезъ посредство Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и другихъ земельныхъ банковъ, которые удерживали эти деньги при залогѣ имѣній. Не совершайся этихъ залоговъ, недоимка, лежащая на землевладѣльцахъ, была-бы вдвое болѣе. Не помогаетъ и установленіе пени по 1% въ мѣсяцъ. Между тѣмъ, неаккуратность плательщиковъ нерѣдко ставитъ управу въ весьма затруднительное положеніе. Поступаютъ требованія кредиторовъ земства и его контрагентовъ, а въ казначействѣ, въ депозитѣ уѣзднаго земства нѣтъ ни копѣйки. Приходится вынимать изъ банка хранящіеся тамъ изъ процентовъ земскіе капиталы. Но изсякаетъ и этотъ источникъ, и тогда по цѣлымъ недѣлямъ подрядчики, пунктосодержатели и другіе получатели земскихъ денегъ обиваютъ пороги управы и казначейства, нетерпѣливо поджидая поступленія земскихъ суммъ.

Возростаніе недоимокъ многіе приписываютъ увеличенію земскихъ расходовъ и налоговъ, которое въ послѣдніе годы вызвано будто-бы войной. Но если первая половина этого указанія до извѣстной степени вѣрна, то вторая его часть относительно Карсунскаго уѣзда вполнѣ неосновательна.

Расходъ, по случаю войны выпашвій на долю Карсунскаго земства, исчерпывается исключительно одной только обязательной выдачей пособій семействамъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на службу. Расходъ этотъ значителенъ: онъ равняется 37 т. р. Но, если бы его даже вовсе не было, то и тогда бы расходы Карсунскаго земства съ года на годъ возрастали. Это доказывается цифрами:

---

*) Такъ что въ 1879 году, при обложеніи въ 15 к. съ рубля, десятина помѣщичьей земли должна была уплатить текущаго сбора 18,45 к. и недоимки 8½ к., всего 26,95 к., а десятина крестьянскаго надѣла—20,55 к. окладныхъ и 3⅕ к. недоимки, всего 23,75 к.

расходъ въ 1875 году . . . . 67 т. р.
» въ 1876 году . . . . 71 т. р. } войны не было.

Расходъ за исключеніемъ пособій семействамъ воинскихъ чиновъ:

въ 1877 г. . . . 75 т. р.
» 1878 » . . . 73 т. р.
» 1879 » . . . 83 т. р.
предположено на 1880 » . . . 83 т. р.

Но, быть можетъ, война вредно повліяла на мѣстныя экономическія условія и тѣмъ, хотя временно, подорвала благосостояніе земскихъ плательщиковъ?

Въ Карс. уѣздѣ это благосостояніе обусловливается по преимуществу урожаемъ хлѣбовъ и цѣнами на нихъ. Урожай отъ войны не зависитъ, а притомъ урожаи 76,77 годовъ были посредственные, а урожаи 78 и 79 годовъ—превосходные. Цѣны же, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, въ Промзинѣ (Карсунская хлѣбная биржа) за пудъ ржи были слѣдующія:

въ 1875 г. . . . . 45 к.
» 1876 » . . . 45 к.
» 1877 » . . . . . 75 к.
» 1878 » . . . . . 60 к.

въ нынѣшнемъ же $18^{79}/_{80}$ году цѣны на хлѣбъ небывалыя: за пудъ ржи платятъ 80 к. До 1875 г. цѣна на этотъ хлѣбъ никогда не привышала 50 к. Слѣдовательно, на войну Карсунскому земству сѣтовать нечего.

Вопросъ о неисправномъ поступленіи земскаго сбора, повидимому, сильно заботитъ Симбирскую губернскую земскую управу. Она обратилась къ уѣзднымъ земствамъ съ предложеніемъ обсудить вопросъ о составленіи запаснаго капитала, изъ котораго управы могли бы черпать нужныя имъ денежныя средства, до времени наполненія земскихъ кассъ запоздалымъ сборомъ. Карсунская управа, представляя этотъ вопросъ на обсужденіе уѣзднаго собранія (сессія 1879 г.), оспаривала разумность этой мѣры, указывая, что капиталъ этотъ составится изъ взносовъ тѣхъ же плательщиковъ, и что, такимъ образомъ, исправные изъ нихъ за неисправность прочихъ будутъ обременены еще новымъ налогомъ, къ тому же весьма значительнымъ, ибо только при этомъ послѣднемъ условіи предлагаемая мѣра можетъ оказать управамъ дѣйствительную помощь. Не смотря на столь убѣдительные доводы, собраніе постановило обратить въ запасный земскій капиталъ въ 14 т. р., собранный для предполагавшагося и неразрѣшеннаго правительствомъ Карсунскаго сельско-хозяйственнаго ссуднаго банка. Постановленіе это собраніе ничѣмъ не мотивировало, и оно опротестовано губернаторомъ, находящимъ его преждевременнымъ, такъ какъ губернская управа требовала только обсужденія вопроса, предварительно внесенія его въ губернское собраніе, а отнюдь не ассигнованія первой попавшейся суммы, безъ всякихъ предварительныхъ разсчетовъ и достаточно выработанныхъ соображеній. Въ своемъ докладѣ по этому дѣлу, уѣздная земская управа, между

прочимъ, указываетъ на то, что мѣстныя условія пока еще не требуютъ предлагаемой губернской управой мѣры и съ полной откровенностью сознается, что накопленіе недоимки всего болѣе произошло отъ того, что она, управа, недостаточно усердно пользовалась предоставленными закономъ средствами и мѣрами для взысканія земскаго сбора съ лицъ, неисправно его вносящихъ. Если, съ одной стороны, такое прямодушное указаніе на свои собственныя дѣйствія вполнѣ похвально и можетъ служить добрымъ примѣромъ того, какъ можно и должно въ земскихъ дѣлахъ избѣгать изворотливыхъ и путающихъ эти дѣла лжетолкованій, то, съ другой стороны, нельзя найти правильными дѣйствія этой управы въ отношеніи поступленія земскаго сбора. Въ данномъ случаѣ, управа оказала земству плохую услугу. Управѣ должно быть извѣстно, что будетъ ли она требовать отъ полиціи или не будетъ взысканія недоимокъ съ сельскихъ обществъ, полиція, понуждаемая своимъ начальствомъ, заботящимся о томъ, чтобы сельскія общества не накопляли недоимокъ, взысканіе это произведетъ, по возможности, исправно. Не то по отношенію къ землевладѣльцамъ: тутъ нѣтъ правительственной опеки, и каждому землевладѣльцу предоставлена полнѣйшая свобода или вести свои дѣла исправно, или неаккуратностью своихъ платежей запутывать ихъ въ конецъ; безъ требованія управы, становые не будутъ дѣйствовать очень рьяно, они всегда рады избавиться отъ непріятныхъ столкновеній съ мѣстными, часто вліятельными лицами, въ большинствѣ случаевъ, смотрящими на всякое взысканіе съ нихъ, какъ на личное оскорбленіе. Стало быть, поблажка, дѣлаемая управой будто бы и всѣмъ плательщикамъ, въ дѣйствительности, дѣлается только одной части ихъ, и именно той, которая, по всей справедливости, должна быть исправнѣе другихъ. Вотъ простое и, благодаря сознанію самой управы, вѣрное объясненіе причинъ накопленія столь значительной недоимки земскаго сбора мѣстными землевладѣльцами.

Резюмируемъ: въ Карсунскомъ уѣздѣ всѣ натуральныя земскія повинности переложены въ денежныя. Единицей обложенія служитъ рубль нормальной доходности. Система опредѣленія этой доходности еще неокончательно выработана. Расходы земства и недоимка земскаго сбора возрастаютъ.

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ Карсунскому земству за уничтоженіе имъ у себя натуральныхъ повинностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуетъ пожелать ему возможно успѣшнѣй привести къ окончанію трудную и сложную работу по переоцѣнкѣ нормальной доходности лѣсовъ, фабрикъ и заводовъ. Это крайне необходимо для правильнаго установленія финансовой части его дѣлъ. Накопленіе недоимокъ земскаго сбора сельскими обществами, несомнѣнно, находится въ тѣсной зависимости отъ нынѣ дѣйствующей государственной податной системы, отъ слишкомъ фундаментальнаго значенія питейнаго дѣла въ бюджетѣ нашихъ государственныхъ доходовъ и истекающаго изъ всего этого неблагопріятнаго экономическаго положенія крестьянскаго сословія вообще, а потому, какъ вопросъ далеко вы-

ходитъ за предѣлы нашихъ очерковъ. Накопленіе сравнительно съ сельскими обществами вдвое большей недоимки землевладѣльцами, никакими другими повинностями и податями необременными, въ Карсунскомъ уѣздѣ, объясняется излишней снисходительностью къ нимъ земской управы и полиціи. Что-же касается возрастанія земскихъ расходовъ, то этому горю помочь нечѣмъ. Да и горе-ли это? Расходы вызываются потребностями, а пора сродниться съ мыслію, что потребности какъ частныхъ лицъ, такъ и общества растутъ и развиваются. Жизнь и ея требованія назадъ не идутъ, и нѣтъ причины расчитывать, чтобы потребности земствъ оставались въ одномъ положеніи или, неизвѣстно почему, шли вспять и вымирали. Удовлетвореніе ихъ обязательно, по мѣрѣ силъ и возможности, а расширеніе этой возможности лежитъ въ развитіи мѣстнаго экономическаго благосостоянія, находящагося въ рукахъ самого земства и долженствующаго составлять его главнѣйшую задачу, его насущную заботу. Каждая земская копѣйка, на дѣло, съ толкомъ истраченная, принесетъ пользу, и жалѣть ее нечего; но не слѣдуетъ рядомъ съ ней кидать рубли на-обумъ или для цѣлей, ничего общаго съ пользой земства не имѣющихъ. И если гласные земскихъ собраній будутъ охранять свои смѣты отъ проскальзованія въ нихъ непроизводительныхъ расходовъ, то пусть итоги такихъ смѣтъ растутъ, ибо съ ними будутъ расти и польза дѣлъ, земскимъ учрежденіямъ ввѣренныхъ, и производительныя силы элементовъ, земство составляющихъ и ихъ платежная способность.

Это—азбука земскихъ дѣлъ, но, къ сожалѣнію, руководители ихъ плохо ее усвоиваютъ.

Какъ бы то ни было, уѣздныя земскія учрежденія взяли съ Карсунскаго уѣзда безъ малаго 900 т. рублей. Мы видѣли куда, на какіе предметы расходовъ эти деньги пошли;—посмотримъ, что именно на нихъ сдѣлано.

Б. Н. Н.

Внутреннее обозрѣніе.

Прошло двадцать пять лѣтъ съ начала нынѣшняго царствованія. Рядъ великихъ преобразованій всколебалъ Россію, разбилъ позорныя цѣпи крѣпостнаго безправія, создалъ судъ правый и милостивый, гласный и независимый, призвалъ къ жизни земство и города. Обновленная Россія вступила, руководимая Державнымъ Вождемъ, на вѣрную дорогу, съ которой не столкнутъ ее никакія темныя силы. «Мы уже не тѣ люди, говоритъ извѣстный писатель, какими были тридцать лѣтъ тому назадъ». Насъ ждутъ, быть можетъ, новыя и не легкія испытанія, но къ намъ возвращается уже свѣтлая надежда на счастливое будущее родины: свободное слово донесетъ до престола выраженіе нашихъ нуждъ и нашихъ ожиданій, а въ союзѣ съ властью русской землѣ нечего и некого страшиться.

Въ жизни великаго народа двадцатъ пять лѣтъ представляютъ незначительный промежутокъ времени; но истекающая четверть вѣка такъ богата событіями, что положила рѣзкую, неизгладимую грань въ русской исторіи. Вѣчно славный день 19 февраля 1861 года сдѣлалъ невозможнымъ поворотъ назадъ, и потому-то

Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни.

Тяжелый годъ остался за нами. Голодъ, нравственныя и физическія эпидеміи посѣтили Россію. Дифтеритъ унесъ нѣсколько десятковъ тысячъ дѣтей, и этотъ послѣдній бичъ все растетъ. Въ 1876 году дифтеритомъ заболѣло 25,786 дѣтей, изъ которыхъ умерло 8,563. (36 %); въ 1877 г. заболѣвшихъ было уже 46,136 ч., умершихъ — 18,698 (40 %); въ 1878 г. изъ 54,600 малютокъ, схваченныхъ роковою болѣзнью, выздоровѣло только 56 %, (умерло 23,409, то есть, 44 %). Дифтеритъ, слѣ-

довательно, не только расширяетъ область своей опустошительной дѣятельности, но становится все болѣе и болѣе смертельною болѣзнью. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (въ Екатеринославской губерніи) процентъ смертности достигъ ужасающей цифры: изъ 1059 заболѣвшихъ умерло 637 ч., то есть, болѣе 60 %.

Правительство и земство энергически принялись за борьбу съ безпощаднымъ врагомъ, и мы надѣемся, что ихъ совокупнымъ усиліямъ удастся достигнуть вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Но дифтеритъ только новое воплощеніе нашего стародавняго зла: убогой бѣдности и невѣжества. Одолѣютъ дифтеритъ, — явится другая эпидемическая болѣзнь. Необходимо обратиться къ излѣченію двухъ основныхъ причинъ нашего народнаго горя.

Въ январскомъ обозрѣніи мы выразили надежду, что вопросъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ недалекъ отъ благопріятнаго разрѣшенія, что къ устраненію одной изъ причинъ бѣдности сельскаго населенія, малоземелья, возможно приступить немедленно. Говоря такъ, мы разумѣли ближайшимъ образомъ московское губернское земство, на разсмотрѣніе котораго поступило ходатайство московскаго уѣзднаго земства объ учрежденіи земской кассы поземельнаго кредита. Событія не оправдали нашей надежды. Большинство гласныхъ московскаго губернскаго земства, отнеслось къ этому ходатайству несочувственно, но то же большинство признало общее положеніе сельскаго хозяйства въ губерніи въ высшей степени неудовлетворительнымъ. Какія-же мѣры приняты собраніемъ для улучшенія экономическаго быта?

Создана комиссія для изслѣдованія вопроса самымъ многостороннимъ и самымъ продолжительнымъ образомъ. Нѣсколько тысячъ рублей ассигновано для производства опыта, въ двухъ или трехъ селеніяхъ, подъема общиннаго хозяйства съ трехпольной системы на многопольную. Мы ничего не имѣемъ противъ подобнаго опыта, во всякомъ случаѣ интереснаго. Насъ смущаетъ одно обстоятельство. Гласный, предложившій упомянутый сельско-хозяйственный экспериментъ, указывалъ, что земельный кредитъ принесетъ пользу крестьянскому населенію только въ будущемъ; а зло необходимо сократить, по крайней мѣрѣ, если не искоренить, теперь, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Неужели благодѣтельныя послѣдствія, даже вполнѣ удачнаго, опыта немедленно обнаружатся на крестьянскомъ хозяйствѣ всей московской губерніи? Неужели добрый примѣръ чудодѣйственно создастъ и средства, нужныя для слѣдованія ему?

Другое наше народное бѣдствіе,—глубокое невѣжество, также подвергалось обсужденію на московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Но въ этомъ случаѣ одинъ изъ ораторовъ, — nomina sunt odiosa, — выступилъ съ теоріею, въ которой нравственно-религіозное воспитаніе *противополагалось* почтеннымъ гласнымъ грамотности и образованію. Статистическими данными доказывалось, что въ Германіи умственное развитіе вызывало нравственный упадокъ населенія, увеличеніе числа преступленій

и т. п. Ораторъ впалъ въ крупную логическую ошибку, утверждая, что post hoc,—ergo propter hoc. Въ химическомъ опытѣ, когда удалены всѣ посторонніе элементы, когда дѣйствуютъ только напередъ извѣстныя силы, результатъ опыта, конечно, будетъ слѣдствіемъ именно этихъ причинъ. Не то въ общественныхъ явленіяхъ. Здѣсь царитъ безконечная сложность, многообразная зависимость одного событія отъ всѣхъ предъидущихъ; здѣсь дѣйствующія силы такъ перепутываются, что ни одинъ гласный въ мірѣ не долженъ категорически заявлять, что такое-то слѣдствіе *а* было вызвано исключительно причиною *в*. Неправда, что распространеніе образованія среди населенія Германіи вызвало появленіе огромнаго числа негодяевъ и злодѣевъ. Безнравственный поступокъ и преступленіе есть результатъ цѣлаго ряда причинъ, и среди этихъ причинъ не можетъ находиться наука. Чтобы разсказъ изъ отечественной исторіи, чтобы знакомство съ движеніемъ земли, влекли за собою развратъ и преступленіе—это такая прискорбная мысль, которую всего пріятнѣе объяснить обмолвкой.

Вопреки почтенному гласному, мы съ сердечною радостью привѣтствуемъ каждый успѣхъ нашей народной школы, памятуя о мужикѣ Ломоносовѣ. Мы утверждаемъ, что одной грамотности мало, что эта грамотность (какъ было уже сказано нами въ январскомъ обозрѣніи) не окажетъ никакого вліянія на умственный и нравственный подъемъ народа, если она будетъ не средствомъ, а цѣлью. Отъ души привѣтствуемъ поэтому новосильское уѣздное земство, которое заботится о разумномъ расширеніи школьнаго преподаванія. У насъ въ рукахъ «Отчетъ новосильскому уѣздному земскому собранію о состояніи училищъ уѣзда на (?) 1878—1879 г.» Изъ отчета члена училищнаго совѣта отъ земства, г. Шатилова, мы узнаемъ, что въ троицкомъ народномъ училищѣ была пройдена русская исторія до Петра Великаго включительно. Въ корсаковскомъ училищѣ отечественная исторія пройдена до нынѣшняго царствованія, а въ моховскомъ даже до нашихъ дней. Въ нѣкоторыхъ школахъ мальчики и дѣвочки знаютъ до 25 стихотвореній нашихъ лучшихъ поэтовъ. Элементарныя свѣдѣнія изъ географіи также не рѣдкость. Правда, дѣло не всегда идетъ хорошо. Существуютъ въ новосильскомъ уѣздѣ школы, въ которыхъ знакомятъ съ событіями русской исторіи только до крещенія Руси (отчего бы и не до Рюрика?).

Въ нѣкоторыхъ другихъ училищахъ, по отчету, произошло ухудшеніе преподаванія и ослабленіе успѣховъ; но такихъ училищъ, къ счастью, немного. Члены училищнаго совѣта справедливо указываютъ въ концѣ своего труда на неотложную необходимость увеличить земскіе расходы по народному образованію.

Понятно безъ объясненій, что для правильнаго хода народнаго образованія необходимо существованіе благопріятныхъ условій для жизни образованнаго меньшинства. Къ сожалѣнію, многихъ изъ этихъ условій намъ не достаетъ до послѣдняго времени. Періодическая печать составляетъ

могущественное орудіе общественнаго развитія. Изломать это орудіе, отнять его уже невозможно, ибо невозможно обратить Россію въ азіатское государство. Какія же серіозныя побужденія вызываютъ мѣры, подобныя мѣрѣ сибирскаго начальства, которое пріостановило газету «*Сибирь*» на неопредѣленное время за то, что редакція отказалась выдать цензору имена авторовъ статей? И какихъ статей? Если уже напечатанныхъ, то ихъ, стало быть, разрѣшила сама цензура; если еще не напечатанныхъ, то къ чему подобная любознательность? Высшее правительство имѣетъ на повременную печать иные взгляды, доказательствомъ чему служитъ возобновленіе изданія «*Голоса*» на четыре мѣсяца раньше срока административной кары и пропускъ декабрской книги «*Вѣстника Европы*», гдѣ помѣщено превосходное объясненіе редакціи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Другимъ вѣскимъ доказательствомъ признанія властью необходимости яркаго свѣта въ общественной и государственной жизни являются многочисленныя правительственныя изданія. Въ числѣ послѣднихъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ занимаетъ отчетъ государственнаго контроля. Этотъ документъ на столько важенъ, что мы остановимъ на немъ вниманіе читателей довольно продолжительное время.

Въ государственномъ казначействѣ скопляются такія громадныя суммы, распредѣленіе этихъ суммъ по отдѣльнымъ статьямъ между различными вѣдомствами такая сложная вещь, что необходимость самаго строгаго надзора за всѣми операціями подобнаго рода не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Даже наполеоновская Франція старалась достигнуть правильной постановки государственнаго контроля; но административныя улучшенія мало помогали дѣлу. Дѣйствительно, за суммою, полученною въ счетъ податей отъ какой-либо деревушки или отдѣльнаго лица, можно было слѣдить до самой вершины правительственной іерархіи. Но затѣмъ начинались такія усложненія, такая неопредѣленность, что въ отдѣлахъ расходовъ приходилось довольствоваться лишь болѣе или менѣе крупными итогами. При Наполеонѣ III законодательный контроль надъ финансами принадлежалъ государственному совѣту и законодательному корпусу. Но изъ вѣстно, что контроль этотъ былъ призрачнымъ, чѣмъ и объясняется колоссальный безпорядокъ во французскомъ государственномъ хозяйствѣ, вскрытый войною 1870—1871 гг. Судебный контроль находился въ рукахъ счетной палаты и представлялъ довольно надежное обезпеченіе законосообразности въ дѣйствіяхъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства.

Къ «Отчету государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за смѣтный періодъ 1878 года» присоединена объяснительная записка. Мы узнаемъ изъ послѣдней, что планъ и составъ отчета остались тѣ же самые, какъ и въ предшествовавшій годъ. Отчетъ распадается на три составныя части: 1) отчетъ объ исполненіи росписи доходовъ, 2) отчетъ объ исполненіи росписи расходовъ и 3) общій балансовый сводъ заключенной росписи 1878 года. По смѣтѣ, доходовъ въ 1878 году ожидалось 572,902,717 рублей, а расходы были исчислены въ

600,398,425 рублей. Предполагался такимъ образомъ дефицитъ въ 27,495,708 р. Въ дѣйствительности доходовъ поступило въ государственное казначейство 625,972,735 рублей, болѣе противъ смѣтнаго предположенія на 67,723,727 рублей. Финансовый годъ, такимъ образомъ, заключился блистательно: вмѣсто значительнаго дефицита получился не малый остатокъ. Но разборъ нѣкоторыхъ данныхъ, приводимыхъ въ отчетѣ государственнаго контроля, возбуждаетъ далеко не радостныя мысли.

Любопытно прежде всего знать, по какимъ статьямъ дѣйствительное поступленіе податей превысило смѣтныя предположенія?

Питейнаго дохода по росписи 1878 года назначено было 192,985,300 рублей, дѣйствительно поступило 213,000,954 рубля, болѣе на 20,015,654 р. Отъ этихъ цифръ можно придти не въ свѣтлое настроеніе, а въ ужасъ. Болѣе трети всѣхъ доходовъ имперіи получается съ питейнаго акциза,— это составляетъ неопровержимое доказательство коренной ненормальности нашего государственнаго хозяйства. Ни одна страна въ мірѣ не можетъ быть близко поставлена къ Россіи въ этомъ отношеніи. Увеличеніе питейнаго дохода на двадцать милліоновъ объясняется, конечно, увеличеніемъ акциза, но возросло и потребленіе. Констатируемъ, слѣдовательно, печальный фактъ: фискальный успѣхъ въ данномъ случаѣ достигнутъ тяжелою для народнаго благосостоянія и нравственности цѣною.

Таможенный доходъ, по смѣтѣ, исчисленъ былъ въ 55,484,000 рублей, въ дѣйствительности поступило 79,279,245 рублей, излишекъ, стало быть, еще болѣе значителенъ, чѣмъ отъ питейнаго дохода: 23,795,245 рублей. Но и этому результату нѣтъ особенной причины радоваться. Увеличеніе таможенныхъ сборовъ объясняется усиленіемъ привоза, которое объясняется отчасти, конечно, усиленіемъ нашего отпуска, и отпускаемъ мы за границу, главнымъ образомъ, хлѣбъ. Было бы очень хорошо, если-бъ мы продавали иностранцамъ остатокъ, за покрытіемъ, вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ, потребностей нашего внутренняго рынка. Но этого, къ сожалѣнію, не происходитъ. То, что вывозится въ иностранныя государства, составляетъ излишекъ въ частномъ, а не въ общественномъ хозяйствѣ.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи крестьяне и вообще рабочій людъ питаются плохо, далеко не доброкачественнымъ хлѣбомъ. Было бы поэтому лучше, если-бъ нѣкоторая, по крайней мѣрѣ, часть отпускаемаго за границу хлѣба осталась дома и усилила внутреннее потребленіе.

Гербовой доходъ поднялся вмѣсто смѣтныхъ 9,100,000 до 10,162,080 рублей. Этотъ излишекъ въ 1,062,080 рублей, не возбуждая особенной радости, не возбуждаетъ и тревоги. Крѣпостныя и канцелярскія пошлины дали на 490,398 рублей (мы всегда отбрасываемъ копѣйки) болѣе предположеннаго: 7,735,398 рублей вмѣсто 7,245,000. Съ паспортовъ получено не 2,532,000 р., по смѣтѣ, а 2,777,658 р., болѣе на 245,658 рублей. Такой излишекъ опять не даетъ повода радоваться, такъ какъ самый паспортный сборъ принадлежитъ къ числу худшихъ видовъ налога.

Идемъ далѣе. Почтовый доходъ превысилъ смѣтную сумму (12,261,293 р.) на 1,132,847 рублей (13,394,140); телеграфный на 1,278,798 р. (вмѣсто 5,695,500 р. поступило 6,974,298 р.) Надобно замѣтить, что размѣръ почтоваго и телеграфнаго сбора за отчетный годъ оставался безъ измѣненія, слѣдовательно, увеличеніе суммы этого сбора представляетъ въ высшей степени утѣшительное явленіе. Количество писемъ и депешъ возросло, стало быть, увеличились экономическія сношенія, окрѣпла живая нравственная связь между жителями разныхъ мѣстностей. Понятно, знакомство съ содержаніемъ посланныхъ по почтѣ писемъ, какъ и съ содержаніемъ телеграммъ, навело бы, можетъ быть, моралиста и на грустныя размышленія; но даже моралистъ по профессіи порадовался бы усиленію обмѣна мыслей и желаній.

Монетная регалія дала государству 4,873,689 рублей вмѣсто предположенныхъ 3,742,055 (переборъ въ 1,131,634 р.); отъ казенныхъ лѣсовъ получено 11,264,961 р. (по смѣтѣ исчислено было только 9,608,252 р.); этотъ значительный доходъ (1,656,709) также пріятное явленіе въ области нашего государственнаго хозяйства; сказанное относится и къ увеличенію дохода съ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ на очень крупную цифру.— на 1,748,329 рублей (5,896,079 вмѣсто смѣтныхъ 4,147,750 рублей). Отъ продажи предметовъ казеннаго хозяйства выручено было 6,245,647 р., а предполагалось 2,035,036 р. Затѣмъ нѣсколько милліоновъ болѣе смѣтнаго дали принадлежащія правительству процентныя бумаги, возвратъ ссудъ и т. п.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ статей государственныхъ доходовъ, которыя доставили менѣе смѣтныхъ предположеній.

Соляной налогъ далъ вмѣсто ожидаемыхъ 12,067,550 рублей только 10,057,287 р.; недоборъ, такимъ образомъ, равняется относительно огромной цифрѣ—2,010,262 р. Объяснить это явленіе можно или сокращеніемъ потребленія соли, или развитіемъ контрабандной ея продажи. Утверждать послѣднее нѣтъ никакихъ основаній; слѣдовательно, можно съ полною увѣренностью сказать, что сократилось потребленіе. Въ нашей литературѣ уже достаточно разъяснены гибельныя послѣдствія существованія налога на соль. Уменьшеніе ея потребленія наноситъ тяжелый, трудно поправимый ударъ народному здоровью, народному благосостоянію; оно составляетъ одинъ изъ наиболѣе тревожныхъ признаковъ разстройства нашего государственнаго хозяйства. На ряду съ солянымъ налогомъ не далъ предположенной по смѣтѣ суммы и акцизъ съ свеклосахарнаго производства; (вмѣсто 5,822,800 р. получено только 5,094,819 р., менѣе смѣтнаго на 727,980 р.) Упадокъ, этого относительно новаго въ Россіи, производства представляетъ весьма печальное явленіе. Акцизъ съ табаку доставилъ только 11,925,812 р. (вмѣсто предположенныхъ 13,022,500 р.) Опять грустный фактъ. Табаководство на нашемъ югѣ имѣетъ огромное значеніе для народнаго благосостоянія. Уменьшилась и доходность сборовъ съ судоходства на небольшую, правда, сумму, на 31,262 р., но и всѣ сборы

невелики: предполагалось 714,300 р., въ дѣйствительности поступило 683,037 р. Поступленія на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ сократились противъ смѣтнаго исчисленія на 430,499 р. (вмѣсто 18,254,686 рублей—17,824,186 р.) Наконецъ, не достигли смѣтной величины и нѣкоторые другіе (немногіе) сборы. Всего недобора по разнымъ статьямъ государственныхъ доходовъ оказалось 4,775,533 рубля, излишка по другимъ статьямъ—72,499,261 р.

Кромѣ доходовъ и расходовъ обыкновенныхъ, 1878 годъ вызвалъ и чрезвычайные. Военныя издержки обошлись намъ въ 408 милліоновъ, на покрытіе которыхъ пришлось заключить займы (внѣшній и два внутреннихъ) и выпустить на 100 почти милліоновъ бумажныхъ денегъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ нельзя не придти къ заключенію, что ни экономическое положеніе страны, ни состояніе государственнаго хозяйства не позволяютъ русскимъ людямъ впадать въ оптимистическое настроеніе.

Обращаемся къ «Приложеніямъ къ отчету государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за смѣтный періодъ 1878 года». Въ концѣ этихъ приложеній помѣщенъ очень любопытный документъ: «сводъ доходовъ и расходовъ по мѣстностямъ ихъ поступленія и производства» (за 1878 годъ). Изъ 73 губерній и областей Россійской имперіи въ 51 доходъ превышаетъ произведенный въ губерніи или области расходъ; въ 22 произошло обратное. Расходы превысили доходъ въ слѣдующихъ губерніяхъ и областяхъ:

1) Въ С.-Петербургской губ. (расходы. . . 325,415,458 р.,
доходы—101,289,391 р., разница. . . . 224,126,066 р.)
2) въ Тифлисской губ. (расходы . . . . . 57,681,913 р.,
доходы—6,597,802 р., разница . . . . 51,084,111 р.)
3) въ Московской губ. (расходы . . . . . 51,894,872 р.,
доходы—37,724,215 р., разница . . . . 14,170,657 р.)
4) въ Варшавской губ. (расходы . . . . . 28,190,220 р.,
доходы—17,909,503 р., разница . . . . 10,280,717 р.)
5) въ Туркестанскомъ краѣ (расходы . . . 12,540,036 р.,
доходы—3,835,800 р., разница. . . . . 8,704,235 р.)
6) въ Херсонской губ. (расходы . . . . . 28,885,349 р.,
доходы—20,461,168 р., разница . . . . 8,424,181 р.)
7) въ Казанской губ. (расходы. . . . . 14,760,110 р.,
доходы—8,530,586 р., разница. . . . . 6,229,523 р.)
8) въ Ставропольской губ. (расходы . . . 12,703,579 р.,
доходы—6,963.135 р., разница. . . . . 5,740,444 р.)
9) въ Бакинской губ. (расходы. . . . . 8,687,819 р.,
доходы—3,164,549 р., разница. . . . . 5,523,269 р.)
10) въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ
(расходы . . . . . 4,889,463 р.,
походы—237,221 р., разница . . . . . 4.652,242 р.)

11) въ Бессарабской обл. (расходы . . . . 10,124,018 р.,
доходы—5,988,483 р., разница. . . . . 4,135,535 р.)
12) въ Виленской губ. (расходы. . . . . 7,627,753 р.,
доходы—4,763,648 р., разница. . . . . 2,864,104 р.)
13) въ Приморской области (расходы . . . 2,870.503 р.,
доходы—387,228 р., разница . . . . . 2,483,274 р.)
14) въ Таврической губ. (расходы. . . . . 9,499,999 р.,
доходы—7,306,438 р., разница. . . . . 2,193,561 р.)
15) въ Иркутской губ. (расходы. . . . . 5,209,132 р.,
доходы—3,070,094 р., разница. . . . . 2,139,038 р.)

Перевѣсъ расходовъ надъ доходами болѣе милліона мы встрѣчаемъ въ Витебской губерніи и въ Амурской области, менѣе милліона въ Олонецкой, Симбирской и Люблинской губерніяхъ, а также въ Забайкальской области. Перевѣсъ этотъ колеблется въ послѣднемъ случаѣ отъ 275,000 р. до 969 тысячъ. Наконецъ, въ Плоцкой губерніи расходовъ произведено на 62,854 рубля болѣе, чѣмъ получено доходовъ.

Изъ этой таблицы ясно видно, что государство тратитъ деньги преимущественно въ столицахъ и на окраинахъ. На Петербургъ и Тифлисъ съ государства собирается свыше 275 милліоновъ рублей. Съ какихъ же областей и губерній получаются эти деньги? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ слѣдующая таблица. Доходы превышаютъ расходъ:

1) въ Саратовской губер. на . . . 10,396,340 р.
2) « Тамбовской « « . . 7,243,647 «
3) « Подольской « « . . . 7,199,809 «
4) « Самарской « « . . . 7,184,949 «
5) « Лифляндской « « . . . 6,603,513 «
6) « Екатеринослав. « « . . . 6,592,582 «
7) « Харьковской « « . . . 6,466,377 «
8) « Курской « « . . . 6,452,395 «
9) « Орловской « « . . . 6,162,618 «
10) « Воронежской « « . . . 5,618,698 «
11) « Нижегородской « « . . . 5,157,150 «
12) « Рязанской « « . . . 5,031,702 «

Въ 28 губерніяхъ перевѣсъ доходовъ надъ расходами колеблется отъ 1 до 5 милліоновъ; въ 10 губерніяхъ онъ ниже милліона, отъ 113,775 р. (Оренбургская губернія) до 954,082 (Земля Войска Донскаго); наконецъ, Якутская область даетъ государству 19,313 р.

Интересно сопоставить съ цифрами государственной росписи 1878 года соотвѣтствующія цифры росписи на 1880 годъ. Доходы въ этомъ послѣднемъ году исчислены въ 666,452,434 р., расходы въ 666,256,500 руб., *превышеніе въ доходахъ—195,934 р.* Государственные доходы берутся, за весьма небольшими исключеніями, съ народа. Финансовая наука и здравый смыслъ требуютъ, чтобы съ народа бралась только извѣстная часть

чистаго дохода. Вмѣсто 625 милліоновъ, какъ это было въ 1878 году, государство надѣется получить въ 1880 г. 666 милліоновъ. Разница, т. е. 41 милліонъ, должна бы, при нормальныхъ условіяхъ, показывать на сколько въ два года увеличился народный капиталъ. Допустимъ, что государство возьметъ въ свою пользу 20%, слѣдовательно, пятую часть чистаго дохода гражданъ; 205 милліоновъ, въ такомъ случаѣ, представили бы приростъ ежегоднаго чистаго дохода населенія Россійской имперіи по сравненію съ доходомъ 1878 года. Читатель, конечно, улыбается при этой выкладкѣ.

Сильное увеличеніе ожидается въ 1880 году, разумѣется, въ питейномъ доходѣ, самомъ способномъ къ возрастанію. Сравнительно съ 1879 годомъ, г. министръ финансовъ надѣется получить болѣе на 12,863,900 р. Предполагается, что почти на такую же сумму поднимутся и таможенные сборы; увеличится доходъ съ паспортовъ, отъ частныхъ воспитанниковъ казенныхъ учебныхъ заведеній; принесутъ болѣе, чѣмъ въ прошломъ году, почта, телеграфъ, лѣса, горные промыслы. Уменьшеніе дохода ожидается отъ акциза съ свеклосахарнаго производства. А соляной доходъ? Онъ не поименованъ ни въ спискѣ статей дохода, по которымъ предполагается увеличеніе, ни въ тѣхъ видахъ податей, гдѣ произойдетъ сокращеніе доходности.

Государственныя недоимки возросли по слѣдующимъ статьямъ (сравнительно съ росписью 1879 г.):

1) Платежи по государственному долгу: на 14,959,975 р. (платежи по займамъ—130,710,360 р., платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ—40,827,141 р.).

2) Военные расходы:

на 8,103,774 р., не считая оборотныхъ (189,669,862 р.).

3) Морское министерство: на 2,315,412 р. (28,546,994 р.).

4) Министерство внутреннихъ дѣлъ: на 2,220,948 р. главнымъ образомъ, на усиленіе полиціи (58,967,190 р.).

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія увеличился на незначительную цифру, на 530,260 р. и составляетъ всего только 16,760,376 р. Расходы министерства путей сообщенія возросли на 401,965 р. (11,474,328 р.).

Такимъ образомъ, оказывается, что растутъ, преимущественно, непроизводительные расходы и такіе доходы, возвышеніе которыхъ нежелательно ни съ нравственной, ни съ экономической точки зрѣнія.

Въ отчаяніе приходить не слѣдуетъ, руки опускать не должно. Намъ больше, чѣмъ когда-либо, нужна въ настоящее время энергія. Ея не хватаетъ у русскаго человѣка даже для успѣшной борьбы съ волкомъ и для предупрежденія пожаровъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, въ послѣднія шесть лѣтъ огонь истребилъ въ имперіи имущества на 400,000,000 рублей. Страшно подумать, какую массу раззоренія и горя произвели эти пожары. Но земля наша велика и обильна; только бы окрѣпнуть русской мысли, только бы

подняться сознанію личнаго достоинства.... Ужаснѣе волка и пожара, гибельнѣе чумы и дифтерита наша нравственная распущенность, наше неуваженіе къ человѣку. За образчикомъ незачѣмъ ходить далеко. Въ одной изъ вліятельныхъ русскихъ газетъ, издаваемой бывшимъ профессоромъ, появилось циническое нападеніе на одного изъ лучшихъ русскихъ писателей, на одно изъ самыхъ свѣтлыхъ русскихъ именъ. «*Московскія Вѣдомости*» не постыдились обвинить Ивана Сергѣевича Тургенева въ низкопоклонствѣ, въ кувырканіи передъ нигилистами. Высокій гуманизмъ автора «Записокъ охотника» и «Дворянскаго Гнѣзда» воспиталъ и долго будетъ воспитывать цѣлыя поколѣнія. Горькая пора, когда было возможно ставить сапоги выше Шекспира и называть шутомъ Тургенева, близится къ концу. Исчезнутъ нигилисты-охранители и нигилисты-разрушители, забудутся злобныя нападенія на все то, что̀ дорого каждому честному человѣку, пропадетъ воспоминаніе о публицистѣ, когда-то принадлежавшемъ къ дружескому кружку Грановскаго, Бѣлинскаго.... Никто не перечтетъ ядовитыхъ статей, оффиціозно будившихъ всѣ скверные инстинкты русскаго общества, только присяжный историкъ заглянетъ въ пріютившую ихъ газету; но имя Ивана Сергѣевича Тургенева по-прежнему будетъ дорогимъ для каждаго образованнаго русскаго именемъ. Надъ эпилогомъ «*Дворянскаго Гнѣзда*» прольется еще много слезъ, на многое доброе подымутъ поэтическія страницы въ «*Наканунѣ*,» въ «*Асѣ*,» въ *Вешнихъ водахъ*.» Авторъ «*Рудина*» вѣрно замѣтилъ, что современная русская молодежь идетъ ему на встрѣчу. Раздражаемая и оскорбляемая лже-охранителями, молодежь эта сбилась было съ пути. Еслибъ въ „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*“ и имъ подобныхъ газетахъ писали не гг. Катковъ и Любимовъ, а люди, похожіе на Грановскаго, отъ какого зла было бы избавлено русское общество, сколько молодыхъ, свѣжихъ силъ не было-бы раздражено и не сгинуло понапрасну! Вліять на увлекающуюся, чуткую молодежь не можетъ человѣкъ, который привѣтствуетъ отвратительное ужасное побоище, шлетъ дикую толпу мясниковъ на воспитавшій его университетъ.

Этотъ университетъ торжественно отпраздновалъ свою сто двадцать пятую годовщину. Со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, какъ и въ прошлые годы, только въ большемъ еще числѣ, были присланы привѣтственныя телеграммы. Бывшіе и настоящіе воспитанники университета дружно выражали свою глубокую преданность великому учрежденію. Читатели знаютъ изъ газетъ многія знаменательныя подробности торжества. Мы приведемъ только нѣсколько выдержекъ изъ «*Обзора*» въ виду того, что эта газета мало распространена за предѣлами Кавказа.

12 января 1880 года было отпраздновано и въ Тифлисѣ, въ многочисленномъ и одушевленномъ собраніи. Произнесено много рѣчей гг. Ломизе, Кайдановымъ, кн. Аматуни и др. Тифлисскій городской голова, г. Матиновъ, пожелалъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ университетѣ, побольше вліянія, въ особенности на учащуюся молодежь, «*положеніе ко-*

торой, по истинѣ, заслуживаетъ симпатіи и поддержки». Магистръ московскаго университета, г. Гамбаровъ, говорилъ «*о томъ гнетущемъ впечатлѣніи, которое произведено на всѣхъ питомцевъ университетовъ предположеніемъ измѣнить университетскій уставъ въ смыслѣ уничтоженія самоуправленія и независимости университетовъ*». (Обзоръ, 14 янв. 1880 г. № 390). Рѣчь г. Гамбарова вызвала всеобщее сочувствіе. Докторъ Кючаріанцъ назвалъ наши университеты «храмомъ бѣдныхъ людей». Этотъ храмъ долженъ быть неприкосновеннымъ. О тяжеломъ, во многихъ отношеніяхъ, положеніи студентовъ говорилъ г. Николадзе. На обѣдѣ собрано 743 рубля въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета.

Хорошее, ободряющее впечатлѣніе производитъ это празднованіе «*татьянина дня*» на далекой окраинѣ государства. Разноплеменные участники обѣда сошлись въ желаніяхъ и сочувствіяхъ, въ горѣ и радостяхъ. Чтобъ окраины могли прочно прирости къ центру, для этого необходимо существованіе духовной связи между ними. Русскіе университеты, а не учрежденія инаго порядка, могутъ сослужить эту службу государству. Съ Кавказа, спѣшимъ прибавить, къ намъ нерѣдко доходятъ отрадныя вѣсти. Въ № 393 того же «*Обзора*» мы читаемъ, что г. Марковъ, директоръ *классической гимназіи*, вовсе не держитъ семью въ сильномъ подозрѣніи. 13 января въ библіотечной залѣ гимназіи, по приглашенію г. директора, второй разъ въ нынѣшнюю зиму, собирались родители воспитанниковъ «*для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ совмѣстно съ начальникомъ гимназіи*». Большая часть московскихъ отцовъ и матерей позавидуетъ отцамъ и матерямъ тифлисскимъ.

Представимъ въ заключеніе перечень важнѣйшихъ правительственныхъ мѣръ со второй половины декабря прошлаго года.

— Въ № 289 *Правительственнаго Вѣстника* напечатано Высочайшее повеленіе «объ основныхъ положеніяхъ, имѣющихъ служить руководствомъ при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ». Взамѣнъ существующихъ наказаній должны быть установлены на будущее время: a) ссылка на каторгу *безъ срока* и на срокъ; b) заключеніе въ исправительномъ домѣ на время до шести лѣтъ; c) заключеніе въ тюрьмѣ на время до одного года и d) арестъ до трехъ мѣсяцевъ.

— Городу Кишиневу разрѣшено взимать денежный сборъ съ лошадей и экипажей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, съ тѣмъ, чтобы высшій размѣръ этого сбора не превышалъ двухъ рублей съ каждой лошади и трехъ рублей съ каждаго экипажа въ годъ. Освобождаются отъ платежа: 1) извощики и содержатели почтовыхъ станцій, если тѣ и другіе уплачиваютъ въ пользу города особые сборы и 2) телѣги, дроги и сани. (Прав. Вѣстникъ, 1880 г., № 6).

— Высочайшимъ повелѣніемъ измѣненъ § 51 устава императорскаго дерптскаго университета. Отнынѣ «всѣ преподаватели университета и

другія служащія въ немъ лица, пользующіяся относительно пенсіи правами учебной службы (уст. § 87), по выслугѣ установленнаго для полученія полной пенсіи двадцатипятилѣтняго срока, могутъ быть утверждаемы въ должностяхъ вновь на пять лѣтъ, если совѣтъ или правленіе университета, по принадлежности, новымъ избраніемъ засвидѣтельствуетъ способность этихъ лицъ къ продолженію службы». Избраніе можетъ повторяться неопредѣленное число разъ (по пятилѣтіямъ). (Прав. Вѣстникъ, № 8).

— Городу Одессѣ разрѣшено установить сборъ съ лошадей частныхъ лицъ не свыше десяти рублей въ годъ съ каждой лошади. (Пр. Вѣстникъ, № 15).

— Въ Николаевѣ, Таганрогѣ, Маріуполѣ, Бердянскѣ и Севастополѣ разрѣшено установить, для улучшенія портовыхъ сооруженій и устройства мостовыхъ, временный сборъ съ отвозимыхъ за-границу товаровъ не свыше полукопѣйки съ пуда. (ibid.)

— Установлена нормальная оцѣнка гуртоваго скота на трехлѣтіе съ 1 января 1880 г. (ibid.)

Судебные уставы, въ ихъ *полномъ объемѣ*, вводятся въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, въ теченіе первой половины нынѣшняго года. Такимъ образомъ, благодѣянія новаго суда, скораго, праваго и милостиваго, распространяются на обширныя области имперіи. На содержаніе судебныхъ установленій въ трехъ названныхъ губерніяхъ назначено, по Высочайшему повелѣнію, 775,850 рублей.

Въ № 20 «*Правительственнаго Вѣстника*» напечатано Высочайшее повелѣніе «о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ въ неразмежеванныхъ дачахъ общаго нѣсколькихъ лицъ владѣнія.» Если надѣлъ, выкупаемый крестьянами, и въ неразмежеванной дачѣ, не имѣетъ точныхъ границъ, то къ выкупному договору или объявленію о выкупѣ помѣщикъ, взамѣнъ требуемыхъ 75 и 86 ст. пол. о вык. описанія границъ или плана крестьянскаго надѣла, долженъ приложить особое заявленіе съ показаніемъ въ немъ: какъ велико количество десятинъ въ дачѣ общаго владѣнія, изъ которой выкупается крестьянскій надѣлъ, какимъ способомъ крестьяне пользуются надѣломъ, и какъ велика доля ихъ пользованія, сравнительно съ долями остальныхъ участниковъ, въ пользованіи общею дачею. Непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія обязанъ провѣрить заявленіе помѣщика опросомъ и осмотромъ и потомъ, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, составить разсчетъ. При размежеваніи надѣла изъ общей дачи, крестьяне участвуютъ наравнѣ съ прочими совладѣльцами, при чемъ соблюдаются требованія ст. 71 мѣстн. великор. и ст. 63 мѣстн. малор. полож. 19 февраля 1861 г. Для бо́льшаго (вящшаго) огражденія интересовъ крестьянъ и казны, выдавшей имъ выкупную ссуду, къ размежеванію приглашается непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и межевое дѣло, до окончательнаго утвержденія, разсматривается губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ.

— По Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, «выборы въ должность предсѣдателя С.-Петербургскаго коммерческаго суда, а также въ должности предсѣдателя и товарища предсѣдателя московскаго коммерческаго суда производятся порядкомъ, опредѣленнымъ въ примѣчаніи 2-мъ къ статьѣ 1, 274 устава торговаго (по продолж. 1876 года). Въ томъ же № 2 «*Правительственнаго Вѣстника*» напечатано мнѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденное, «*о порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности чиновъ полиціи за неисполненіе обязанностей по производству дѣлъ у мировыхъ судей*»: мировой судья въ подобномъ случаѣ сообщаетъ прокурору или товарищу прокурора окружнаго суда, который даетъ дальнѣйшее направленіе дѣлу въ порядкѣ, опредѣленномъ статьею 485 устава уголовнаго судопроизводства.

— Институтъ инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I подвергся преобразованію: съ 1880 г. прекращенъ пріемъ учащихся на первый курсъ, а съ 1881 года такой пріемъ прекратится и на второй курсъ. Въ 1882 году останутся только три высшіе курса. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаются соотвѣтственно образовательныя требованія отъ лицъ, желающихъ поступить въ это учебное заведеніе. Какимъ именно образомъ возвышаются требованія для поступленія въ институтъ, не сказано, но воспитанникамъ реальныхъ училищъ преграждается доступъ и въ это высшее учебное заведеніе.

Политическое Обозрѣніе.

Европа въ 1880 году.

До второй половины текущаго столѣтія, большинство европейскихъ государственныхъ дѣятелей не признавало значенія принципа «національностей». Преслѣдуя династическіе и государственные интересы, правительства рѣдко принимали въ разсчетъ стремленіе народныхъ желаній и народной воли и не ставили условіемъ могущества государства единство народностей, входящихъ въ его составъ. Вотъ почему такъ часто приходится видѣть въ исторіи, что несвязанныя національнымъ единствомъ обширныя монархіи, искусственно созданныя геніемъ одного или нѣсколькихъ лицъ, легко распадались.

Сознаніе необходимости руководствоваться принципомъ «національностей» при рѣшеніи судебъ народовъ, начало проникать въ общество еще въ прошедшемъ столѣтіи, но потребовались десятки лѣтъ прежде, чѣмъ значеніе его признали правительства. Тѣмъ не менѣе и теперь многія государства, не смотря на уроки исторіи, считаютъ не только возможнымъ, но даже полезнымъ нарушить этотъ принципъ и, по всей вѣроятности, пройдутъ еще годы прежде, чѣмъ государственные люди Европы убѣдятся въ несостоятельности подобной политики.

Признавъ основательность желанія каждаго народа соединиться въ одно цѣлое (въ какой бы формѣ это соединеніе не произошло—федеративной или какой другой) и de jure право всякой націи располагать своею судьбою, Европа установила бы принципъ, обезпечивающій дальнѣйшее развитіе человѣчества. Но не далека еще отъ насъ та эпоха и живы еще современники ея, когда націи раздроблялись или насильственно соединялись въ интересахъ, совершенно чуждыхъ для нихъ государствъ; державы, прибѣгавшія къ подобнымъ насиліямъ, не понимали, что дѣйствуютъ въ ущербъ своимъ собственнымъ выгодамъ и спокойствію Европы.—Вѣнскій конгрессъ можетъ служить этому однимъ изъ лучшихъ примѣровъ.

Политическое раздѣленіе Европы, установленное этимъ конгрессомъ, не существуетъ, и можно удивляться только, какъ искусственное зданіе, построенное въ 1815 году, могло продержаться почти полстолѣтія. Только

страху, внушенному континентальнымъ правительствамъ французскою революціею, видѣвшимъ задатки ея во всякой перемѣнѣ политическаго строя, обязанъ этотъ трактатъ своимъ продолжительнымъ существованіемъ. Первая французская революція сдѣлала европейскія правительства болѣе консервативными, чѣмъ того требовали ихъ собственные интересы.

Съ возшествіемъ на престолъ Наполеона III, дальнѣйшее поддержаніе Вѣнскаго трактата оказалось немыслимымъ.—Италіянская война и Цюрихскій договоръ разрушили одну изъ его существенныхъ частей; слѣдовавшій за Цюрихскимъ Пражскій, Франкфуртскій и Берлинскій договоры совершенно измѣнили карту Европы; но должно отдать справедливость первому изъ нихъ, что онъ составленъ несравненно раціональнѣе трехъ остальныхъ, такъ какъ въ основаніе его, дѣйствительно, положенъ принципъ «національностей», и при заключеніи его сообразовались съ народною волею. Политическое раздѣленіе Европы, установленное послѣдними тремя трактатами не долговѣчно, тогда какъ созданная Цюрихскимъ *) договоромъ Италія всегда останется сильнымъ и вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ.

Въ настоящее время, какъ внѣшняя, такъ и отчасти внутренняя жизнь европейскихъ государствъ находится въ зависимости отъ того положенія, которое создано, заключенными въ послѣдніе 20 лѣтъ, четырьмя трактатами. Поэтому-то, чтобы вполнѣ уяснить себѣ общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, необходимо прослѣдить тѣ явленія, которыя, болѣе или менѣе, обусловливались этими трактатами какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни народовъ.

Послѣ понесеннаго Австріею въ 1859 г. пораженія, объединеніе Италіи стало вопросомъ времени, и всѣ усилія итальянскаго народа были направлены къ скорѣйшему достиженію этого объединенія.—Осенью 1859 г., избранныя всеобщею подачею голосовъ палаты представителей въ Моденѣ, Пармѣ и Флоренціи постановляютъ соединеніе герцогствъ съ Сардиніею и низложеніе царствовавшихъ домовъ. Весною 1860 г., Піемонтъ скрѣпляетъ рѣшеніе этихъ палатъ. Вслѣдъ за тѣмъ Гарибальди безъ боя овладѣваетъ Неаполемъ. Часть Папской области переходитъ въ руки патріотовъ. Плебисцитъ, къ которому обращается сардинское правительство, ярко свидѣтельствуетъ, что сознаніе необходимости объединенія, именно въ данныхъ условіяхъ, уже глубоко проникло въ итальянскій народъ. Вся южная Италія почти единогласно высказалась за соединеніе съ Піемонтомъ.

Мы видимъ за это время полное сближеніе между политическими партіями и искреннюю преданность народа главѣ государства. Викторъ Эммануилъ, Кавуръ и Гарибальди были самые популярные люди въ Италіи.

Занятые созданіемъ государства, итальянцы уклоняются отъ всякой активной роли въ возбуждающихся въ Европѣ политическихъ вопросахъ. Во внутренней же жизни молодаго королевства также замѣтно, за этотъ

*) Ст. 3.

періодъ времени, спокойствіе,—всѣ партіи сблизились въ виду необходимости главной цѣли—объединенія отечества.

Франція, первая подавшая помощь Италіи, могла приготовить въ ней себѣ серьезнаго и вѣрнаго союзника, но Наполеону не удалось извлечь выгоды изъ Итальянской компаніи.

Извѣстно, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на итальянцевъ принятое въ 1859 г. Наполеономъ, остановленнымъ на границахъ Венеціанской области готовившеюся противъ него коалиціею, рѣшеніе оставить эту область во власти Австрійцевъ. Не удивительно, слѣдовательно, что предложеніе германскаго канцлера, заключить наступательный и оборонительный союзъ, сочувственно было встрѣчено правительствомъ Виктора Эммануила. Но насколько еще слаба была въ то время Италія, свидѣтельствуютъ результаты войны 1866 г. Разбитые при Кустоццѣ, итальянцы были вынуждены принять Венецію изъ рукъ Наполеона. Подчиненіе подобному униженію объясняется только страстнымъ, хотя и вполнѣ естественнымъ, желаніемъ итальянцевъ объединенія и слабостію молодаго государства.

Съ 1866 до 1870 года въ жизни Италіи нельзя не замѣтить нѣкоторой перемѣны. Уклоняясь по-прежнему въ вопросахъ иностранной политики отъ всякой выдающейся роли въ Европѣ, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ Италія начинаетъ выказывать большое оживленіе. Разъединеніе партій выступаетъ все ярче и ярче. Обезпечивъ свое существованіе и мало тревожимые внѣшними политическими вопросами, итальянцы начали обращать большее вниманіе на внутреннія дѣла. Въ виду общаго дѣла, смолкли всѣ раздоры; но прошли тяжелые дни и потребовалось свести домашніе счеты.—Въ общемъ же съ 1866 г. замѣчается почти постоянное движеніе въ Италіи *справа налѣво*.

Впрочемъ, до Франко-Прусской войны Италія была стѣснена еще сохранившеюся въ Римѣ свѣтскою властію папы. Папскій престолъ ставилъ ее въ весьма щекотливое положеніе по отношенію къ нѣкоторымъ католическимъ державамъ и, въ особенности, къ Франціи, поддерживавшей свѣтскую власть намѣстника Петра. Такой политики Наполеона было послѣдствіемъ отчужденіе Италіи отъ Франціи, облегчившее Пруссіи достиженіе ея цѣлей. Передъ войною 1870 г., общественное мнѣніе въ Италіи было, въ значительной степени, возбуждено противъ французскаго правительства. Могъ-ли же Викторъ Эммануилъ оказать поддержку своему союзнику 1859 г., когда, только благодаря усиленію протестантской державы—Пруссіи, Римъ сдѣлался столицею Италіи?

Съ паденіемъ свѣтской власти папы, вопросъ объ объединеніи Италіи можно считать почти окончательно рѣшеннымъ. Съ этого времени всѣ усилія италіянцевъ могутъ быть направлены къ улучшенію внутренняго строя государства и пріобрѣтенію вліянія въ Европѣ.

Но именно послѣ того, какъ достигнута была главная цѣль, во внутренней жизни Италіи началъ сильно проявляться индифферентизмъ. Индифферентизмъ въ народѣ,—индифферентизмъ и въ палатѣ, гдѣ одна треть

представителей народа постоянно отсутствуетъ. Въ этомъ явленіи нельзя однако усматривать признакъ упадка націи. Исторія показываетъ намъ въ жизни народовъ много примѣровъ, когда послѣ чрезмѣрнаго возбужденія и напряженія наступаетъ періодъ какой-то апатіи. Въ данномъ же случаѣ, апатичное отношеніе итальянцевъ къ своимъ дѣламъ отчасти обусловливается и тѣмъ, что созданное ими себѣ положеніе еще слишкомъ ново для народа и мало людей, серьезно подготовленныхъ къ той дѣятельности, для которой открывается теперь широкое поле. Кромѣ того, неблагопріятнымъ условіемъ для Италіи служитъ малое пониманіе парламентской жизни во многихъ округахъ этого молодаго государства и вообще низкій уровень образованія народа.

Тѣмъ не менѣе едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ непродолжительномъ времени Италія снова выкажетъ свои жизненныя силы, такъ какъ нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы отнести итальянцевъ къ отжившимъ народностямъ.

Самая слабая сторона Италіи—это ея финансовое положеніе, и забота объ устраненіи финансовыхъ затрудненій отчасти отодвигаетъ всѣ другіе внутренніе вопросы на второй планъ. Долгъ итальянскаго королевства первоначально не превышалъ двухъ слишкомъ милліардовъ лиръ, но за послѣдніе двадцать лѣтъ увеличился въ нѣсколько разъ.

Выдающуюся роль, при возростаніи долга, игралъ хроническій дефицитъ итальянскаго бюджета. Въ настоящее время Италія платитъ ежегодно по своимъ долгамъ около восьмисотъ милліоновъ лиръ процентовъ. Естественно, что возростаніе государственнаго долга тяжело ложится на массу населенія. Налоги въ Италіи значительно возросли, но и источники доходовъ также увеличились *). Увеличеніе расходовъ объясняется, впрочемъ тѣми условіями, въ которыхъ прошло для Италіи послѣднее десятилѣтіе. Содержаніе многочисленной арміи особенно обременяетъ государственный бюджетъ; но политическія обстоятельства Европы заставляютъ итальянское правительство держать ее въ ущербъ существеннымъ экономическимъ потребностямъ страны. Изъ 1400 милліоновъ ежегоднаго государственнаго дохода Италіи до 200 мил. ежегодно уходятъ на содержаніе войска; а, между тѣмъ, правительство не въ силахъ отмѣнить крайне непопулярный въ народѣ налогъ на помолъ, доставляющій не болѣе 60 милліоновъ лиръ, и лотереи, представляющія такое же, если не большее, зло въ итальянскомъ государственномъ бюджетѣ, какъ въ русскомъ акцизъ на вино.

Вообще экономическое положеніе Италіи оставляетъ многаго желать, но отвѣтственность за неудовлетворительность этого экономическаго

---

*) Въ 1866 году доходъ Италіи достигалъ 911 мил. лиръ. Ввозилось товаровъ на 770 мил., вывозилось на 451 мил. Въ 1876 г. доходъ возросъ до 1429 мил. Ввозная торговля—до 1327 мил., вывозная до 1216, т. е. увеличилась въ три раза.

положенія ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать на политическія перемѣны послѣднихъ лѣтъ; напротивъ, благодаря этимъ перемѣнамъ, государство спаслось отъ окончательнаго раззоренія, такъ какъ при усиленныхъ вооруженіяхъ, начавшихся повсемѣстно въ Европѣ съ конца пятидесятыхъ годовъ и продолжающихся до настоящей минуты—при прежней своей раздробленности—итальянцы должны бы были принести за этотъ періодъ времени несравненно большія жертвы.

Насколько же дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ народа положеніе, созданное Италіи событіями, слѣдовавшими за войною 1859 г., свидѣтельствуетъ составъ итальянскаго парламента, въ которомъ мы не видимъ того раздѣленія на мелкія фракціи, которое замѣчается въ другихъ странахъ. Въ Италіи нѣтъ партій, тормазящихъ государственную жизнь народа. Итальянскій парламентъ строго можно раздѣлить только на умѣренныхъ либераловъ (Селла, Ланца) и либераловъ (Депретисъ и Кайроли).

Къ сожалѣнію, въ Италіи глубоко вкоренилось другое зло,—это соединеніе личныхъ вопросовъ съ вопросами государственными: руководители партій враждуютъ не изъ-за принциповъ, а изъ-за портфелей. Зло это сильно мѣшаетъ дальнѣйшему развитію Италіи, но, несомнѣнно, явленіе это временное и, при лучшемъ пониманіи народомъ политической жизни, должно будетъ исчезнуть.

Въ международныхъ вопросахъ Италія выступаетъ самостоятельно только со времени герцеговинскаго возстанія, хотя до настоящей минуты правительство короля Гумберта, повидимому, не вполнѣ еще опредѣлило тотъ путь, которому оно должно слѣдовать въ этомъ вопросѣ, и агенты итальянскаго министерства то поддерживаютъ политику Англіи,то склоняются на сторону Россіи.

Единственное рѣшеніе восточнаго вопроса, съ которымъ Италія не могла бы помириться—это, послѣдствіями котораго было бы предоставленіе сильнаго вліянія на Средиземномъ морѣ которой-нибудь изъ великихъ державъ. Албанія, Триполисъ, Тунисъ—все это для нея второстепенные вопросы.—Распредѣленіе вліянія на Балканскомъ полуостровѣ между Россіею, Англіею и Австріею также не имѣетъ для Италіи громаднаго значенія, и ко всѣмъ этимъ вопросамъ итальянцы относятся лишь съ точки зрѣнія поддержанія политическаго равновѣсія.

По отношенію къ другимъ великимъ державамъ итальянское правительство держитъ себя съ крайнею осторожностію и уклоняется отъ прямаго вмѣшательства въ вопросы, не затрогивающіе непосредственно его личные интересы. Поэтому-то, каждая изъ державъ считаетъ возможнымъ привлечь ее, со временемъ, на свою сторону; но едва-ли которой-либо изъ нихъ слѣдуетъ серьёзно разсчитывать на содѣйствіе Италіи. Послѣдняя не рѣшится ни на какой союзъ, могущій стѣснить ея свободу дѣйствій, если только не усмотритъ возможность извлечь изъ него прямыя для себя выгоды, а такого союза пока еще не можетъ предложить ей ни одно государство.

Какъ Виллафранкскій и Цюрихскій договоры обезпечили объединеніе

Италіи, такъ Пражскій трактатъ послужилъ основаніемъ объединенія Германіи; но условія, при которыхъ совершились эти, повидимому, однородныя явленія, значительно разнятся между собою, и поэтому-то полученные результаты во многомъ несходны.

На Аппенинскомъ полуостровѣ Піемонтъ соединился съ Италіею; въ Германіи-же Пруссія подчинила себѣ нѣмецкія государства. Естественно, что между правительствомъ и народомъ не могло установиться той связи, какую мы видимъ въ Италіи. Пруссія подавляла Германію.

Стремленіе къ объединенію давно уже проявлялось въ германскомъ народѣ и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ непродолжительномъ времени онъ достигъ-бы своей цѣли. Но Бисмаркъ прервалъ естественное теченіе событій, насильственно подчинивъ Германію прусской коронѣ. Дѣйствуя какъ бы въ интересахъ народа, т. е. способствуя германскому объединенію, кн. Бисмаркъ, въ дѣйствительности, насиловалъ его волю, и поэтому-то невольно возникаетъ сомнѣніе въ прочности построеннаго имъ зданія. Основаніе положено было невѣрно,—поэтому и все зданіе должно было выйти неправильнымъ. То тяжелое положеніе, въ которомъ находится теперь Германія, есть не болѣе какъ слѣдствіе ложнаго шага сдѣланнаго въ 1866 г.

Никогда еще нарушеніе народныхъ правъ и воспрепятствованіе народнымъ стремленіямъ не проходило безнаказанно.

Въ то время, какъ въ Италіи сами независимыя государства присоединились къ Піемонту, въ Германіи для объединенія потребовалась Садовая.

Но не смотря на Садовую, въ нѣмцахъ такъ сильно было отвращеніе къ Гогенцоллернской монархіи, что Бисмарку удалось подчинить Пруссіи лишь сѣверную часть Германіи. Какъ ни глубоко проникло въ народѣ сознаніе необходимости взаимнаго сближенія, но громадное большинство нѣмцевъ, за исключеніемъ, конечно, пруссаковъ, предпочитало остаться еще на нѣкоторое время разъединенными. Многіе выдающіеся нѣмецкіе дѣятели и ученые открыто заявляли, что подчиненіе Германіи Пруссіи будетъ имѣть для первой гибельныя послѣдствія. Хотя и не сбылись еще ихъ предсказанія, но важно и то, что будущность Прусско-Германской имперіи, не смотря на побѣды, до настоящей минуты далеко не обезпечена, тогда какъ Италія, сформировавшаяся при другихъ условіяхъ, настолько сплотилась, что сепаратистскія стремленія тамъ сдѣлались немыслимыми.

Четвертой статьею Пражскаго трактата *) Австрія исключается изъ

*) Artikel VI. Seine Majestät der Kaiser von Oesterreich erkennt die Auflösung der bisherigen Deutschen Bundes an und giebt seine Zustimmung zu einer neuen Gestaltung Deutschlands ohne Betheiligung des Oesterreichischen Kaiserstaates. Eben so verspricht Seine Majestät das engere Bundesverhältniss anzuerkennen, welches Seine Majestät der König von Preussen nördlich von der Linie des Mains begründen

Германскаго союза; статья эта, несомнѣнно, имѣетъ громадное историческое значеніе, и дальнѣйшая судьба Германіи и Австріи въ значительной степени обусловливается ею. Первая съ этого времени получила возможность обратить все свое вниманіе исключительно на интересы германскаго народа, вторая-же вынуждена создавать себѣ въ Европѣ новое положеніе. Пока, впрочемъ, ни одно изъ этихъ государствъ не достигло положительныхъ результатовъ.

Послѣ раздѣленія Германіи на Сѣверный и Южный союзы, прусское правительство начало заботиться объ упроченіи внутренняго могущества и подчиненіи враждебныхъ ему элементовъ.—Въ Германіи, прежде единодушно высказывавшейся за объединеніе, явилось столько противниковъ Пруссіи, что въ Берлинѣ серьезно были озабочены борьбою съ сепаратистами.

16 апрѣля 1869 г., Бисмаркъ былъ вынужденъ откровенно признаться передъ рейхстагомъ, что «на югѣ необходимость единенія *) такъ мало чувствуется, что тамъ явно заискиваютъ за границею».

Дѣйствительно, нежеланіе видѣть Германію подъ гегемоніею Пруссіи открыто высказывали въ Баваріи и Виртембергѣ. Въ тотъ самый день, какъ Бисмаркъ заявлялъ рейхстагу о несочувствіи южногерманскихъ государствъ къ Пруссіи, т. е. 16 апрѣля, въ Штутгартѣ многочисленное собраніе постановило слѣдующую резолюцію: «Независимость различныхъ государствъ служитъ единственною надеждою возстановленія отечества, болѣе чѣмъ когда либо внутренно разъединеннаго, вслѣдствіе системы насильственныхъ завоеваній, прилагаемой пруссаками къ своимъ соотечественникамъ. Независимость же служитъ намъ лучшей гарантіей противъ иностранцевъ.»

«Она одна даетъ возможность противодѣйствовать тому ложному объединенію, которое, подъ предлогомъ обезпеченія величія и чести Германіи, служитъ орудіемъ къ преобладанію въ рукахъ честолюбивой державы. Если мы не можемъ добиться отъ самихъ правительствъ, чтобы они организовали союзъ южныхъ государствъ, который, опираясь на общій парламентъ и народную милицію, положилъ бы начало возрожденія Германіи, то приглашаемъ, по крайнѣй мѣрѣ, членовъ демократической партіи соединиться въ общемъ усиліи для установленія свободы. Только одна свобода доставитъ намъ истинное счастіе.“

Еще ранѣе этого, одинъ изъ бывшихъ баварскихъ министровъ прямо заявилъ въ мюнхенскомъ парламентѣ министру-президенту Гогенлое,

---

wird, und erklärt Sich damit einverstanden, dass die südlich von dieser Linie gelegenen Deutschen Staaten in einen Verein zusammen treten, dessen nationale Verbindung mit dem Norddeutschen Bunde der näheren Verständigung zwischen beiden vorbehalten bleibt und der eine internationale unabhängige Existenz haben wird.

*) Въ прусскомъ смыслѣ.

«что Сѣверо-Германскій союзъ опирается на ненавистный актъ, котораго Баварія не должна быть сообщникомъ. Всякій, кто принадлежитъ къ этому союзу, будетъ нести свою долю проклятія, т. е. будетъ увлеченъ въ прусскій цезаризмъ и милитаризмъ.»—Министерство Гогенлое, нѣсколько симпатизирующее Пруссіи, вынуждено было выйти въ отставку.

Понятно, что, при подобныхъ условіяхъ, принятая кн. Бисмаркомъ на себя задача объединенія Германіи оказывалась далеко не легкой. Но откладывать рѣшеніе этой задачи канцлеръ не могъ. Отчужденіе отъ Пруссіи постоянно усиливалось на югѣ, и приближался моментъ, когда надо было снова обратиться къ парламенту за разрѣшеніемъ военнаго бюджета. Поэтому-то Бисмаркъ такъ-же горячо желалъ войны съ Франціею, какъ Наполеонъ III—войны съ Германіею. Политическое положеніе Французской *имперіи* и Прусскаго *королевства* вызывало необходимость столкновенія. Всѣ средства были пущены въ ходъ съ обѣихъ сторонъ, чтобы убѣдить французовъ и нѣмцевъ въ необходимости войны, но цѣль далеко не была достигнута. Во Франціи уже въ 1870 г. никто почти не сомнѣвался, что война была вызвана государственными или точнѣе династическими соображеніями. Въ Германіи-же только позднѣе начали убѣждаться, что народные интересы вовсе не требовали ея.

Послѣдствія этой войны долго будутъ отражаться какъ на внутренней жизни Германіи, такъ и на внѣшней политикѣ ея. Однимъ изъ ея важнѣйшихъ послѣдствій было возникновеніе Прусско-Германской имперіи. «Мы и наши наслѣдники,» заявилъ императоръ Вильгельмъ въ манифестѣ, обнародованномъ въ Версали въ 1871 г., «будемъ носить *связанный* съ прусскою короною императорскій титулъ.» Слова этого манифеста вполнѣ опредѣляютъ, какъ политику Бисмарка, такъ и характеръ объединенія Германіи. Императорскій титулъ становится принадлежностію прусской короны.

Побѣды, одержанныя во Франціи, дали возможность желѣзному канцлеру съ успѣхомъ бороться съ сепаратистами, которые не могли помириться съ мыслію видѣть Германію прусской.

Благодаря этимъ побѣдамъ, большинство нѣмцевъ, опьяненное успѣхами, охотно подчинилось Берлину, видя въ могуществѣ прусскаго короля торжество германскаго народа. Какъ геніальный государственный человѣкъ, кн. Бисмаркъ сумѣлъ воспользоваться всеобщимъ энтузіазмомъ и сломилъ сепаратизмъ въ южно-германскихъ государствахъ. Все время, отъ самаго заключенія французскаго мира до прошедшаго года, между канцлеромъ и сепаратистами продолжалась борьба съ перемѣннымъ счастіемъ. Въ настоящее же время, полное подчиненіе Пруссіи южно-германскихъ государствъ можно считать совершившимся фактомъ. Тѣмъ не менѣе, правительство все-таки не можетъ считать себя прочнымъ и вынуждено прибѣгать къ искусственному отвлеченію общественнаго вниманія отъ вопросовъ, могущихъ поколебать существующій строй.

Знаменитый Kultur-Kampf, исходъ котораго далеко не можетъ удовлетворить кн. Бисмарка, былъ однимъ изъ его первыхъ политическихъ про-

маховъ, но такъ какъ борьба съ клерикалами была въ тоже время отчасти и борьбою съ сепаратистами, то результаты ея едва-ли могутъ быть оцѣнены одними прямыми послѣдствіями. Kultur-Kampf принесла Бисмарку и косвенныя выгоды. Все вниманіе германскаго народа долгое время было сосредоточено на этой борьбѣ, и, благодаря ей, другіе внутренніе вопросы, грозившіе вызвать серьезныя затрудненія, были отодвинуты на второй планъ. Кромѣ того, многіе противники кн. Бисмарка стали его приверженцами вслѣдствіе начатой имъ борьбы съ клерикалами. Прусско-нѣмецкая партія націоналъ-либераловъ сдѣлалась преобладающею въ имперскомъ парламентѣ. Считая себя руководительницею Германіи на пути прогресса и внутренняго развитія, она, въ дѣйствительности, была лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ желѣзнаго канцлера, пользовавшагося ею для проведенія своихъ личныхъ взглядовъ. Естественно, что подобная партія должна была утрачивать мало-по-малу свое значеніе и свой «raison d'être.»

Въ прошедшемъ году, Бисмаркъ отвернулся отъ вѣрно служившихъ ему націоналъ-либераловъ и составилъ большинство изъ консерваторовъ, въ рядахъ которыхъ онъ началъ свою политическую карьеру, и партіи центра, т. е. клерикаловъ, съ которыми такъ еще недавно велъ ожесточенную борьбу; часть націоналъ-либераловъ также присоединилась къ этому большинству.

Подобный политическій скачекъ со стороны всякаго другаго государственнаго дѣятеля показался-бы недобросовѣстнымъ, но Бисмарка никто, кромѣ самихъ націоналъ-либераловъ, не упрекнулъ за измѣну. Германскій канцлеръ стоитъ внѣ всякихъ политическихъ партій, такъ какъ преслѣдуетъ извѣстныя задачи, для достиженія которыхъ онъ готовъ заключить союзъ со всякой политическою партіею; для него главное—достиженіе цѣли. Изъ сношеній его съ Лассалемъ видно, что онъ одно время не прочь былъ даже воспользоваться соціалистами. Политическая партія, наиболѣе подходящая для него, конечно, націоналъ-либеральная, поэтому-то онъ такъ долго и держался ея; но партія эта, будучи національной, т. е. настолько-же прусско-германской, насколько германо-прусской, и въ тоже время либеральной, т. е. безусловно оппозиціонной всякимъ крайне реакціоннымъ мѣрамъ, не можетъ во всѣхъ случаяхъ удовлетворить германскаго канцлера. Тѣмъ не менѣе, союзъ его съ консерваторами и клерикалами не долговѣченъ и несомнѣнно, что со временемъ послѣдуетъ новое соглашеніе между Бисмаркомъ и реорганизованной націоналъ-либеральной партіею.

Благодаря своему политическому маневру, имперскому канцлеру удалось провести протекціонный проектъ таможеннаго тарифа въ Германіи, которому кн. Бисмаркъ придаетъ громадное значеніе. Но оправдаетъ-ли этотъ тарифъ его надежды, пока еще вопросъ. Въ запискѣ, приложенной къ проекту таможеннаго тарифа, кн. Бисмаркъ объясняетъ его необходимостію увеличить косвенные налоги, чтобы имѣть возможность со временемъ облегчить прямые, и также неудовлетворительнымъ состояніемъ въ Германіи промышленности, требующей для успѣшнаго ея развитія покровительственныхъ пошлинъ.

Для достиженія этой цѣли онъ предложилъ обложить всѣ ввозные предметы, не подлежавшіе оплатѣ пошлинъ 5% съ ихъ цѣнности, что, по его разсчету, должно будетъ дать ежегодно 70 милліоновъ марокъ.

Съ нѣкотораго времени въ Германіи замѣтно возростаетъ нелюбовь въ народѣ къ желѣзному канцлеру. Таможенный законъ еще болѣе усилитъ всеобщее нерасположеніе къ нему и, не смотря на всѣ его громадныя и безспорныя заслуги Пруссіи, положеніе Бисмарка можетъ быть серьезно поколеблено. Канцлеръ хорошо понимаетъ, какъ къ нему относится масса и знаетъ объ истинныхъ чувствахъ германскаго народа; но, если-бы недовольство его образомъ дѣйствій было даже значительнѣе теперешняго, онъ все-же продолжалъ-бы слѣдовать по избранному и начерченному имъ пути. Бисмарку не разъ уже приходилось быть самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ Германіи, но враги его впослѣдствіи всегда преклонялись передъ нимъ, а слава и популярность канцлера все возрастала, хотя успѣхи его обусловливаются преимущественно его политическими, а не государственными соображеніями.

Въ чемъ же заключалась политическая дѣятельность желѣзнаго канцлера за послѣдніе годы?

Послѣ Франкфуртскаго договора единственнымъ серьезнымъ союзникомъ Пруссіи-Германіи оставалась Россія. Отношенія между обѣими державами были настолько дружественны, что между ними казалось не можетъ возникнуть недоразумѣній. Послѣднія событія, однако, доказали противное. Австрія, поставленная послѣ пораженія Франціи въ весьма затруднительное положеніе, начала съ 1871 г. явно заискивать въ Пруссіи. Не имѣя опоры на западѣ и сознавая несостоятельность союза съ Россіею, она была вынуждена обратиться къ своему побѣдителю при Садовой. Въ Берлинѣ Австрію приняли съ распростертыми объятіями. При посредствѣ «честнаго маклера» состоялось сближеніе между Петербургомъ и Вѣною, и Австрія была включена въ союзъ императоровъ.—Всѣ выгоды въ этомъ союзѣ оказались на сторонѣ Германіи и Австріи,—за дружеское расположеніе императоровъ, Вильгельма и Франца Іосифа, которое впослѣдствіи оказалось далеко не прочно, мы временно отреклись отъ нашей традиціонной политики. Политическій маневръ, употребленный кн. Бисмаркомъ при созданіи союза трехъ императоровъ нельзя не признать за очень искусный. Россія не могла болѣе, безъ ущерба своимъ собственнымъ интересамъ, способствовать достиженію цѣлей германскаго канцлера. Поэтому Бисмарку необходимо было стѣснить намъ свободу дѣйствій и подготовить себѣ новаго союзника, который, въ случаѣ надобности, могъ бы принесть ему пользу. — Подобнымъ союзникомъ могла быть Австро-Венгрія, и онъ не ошибся въ своихъ соображеніяхъ. Недоразумѣнія, возникшія между Берлиномъ и Петербургомъ по поводу намѣреній Германіи начать въ 1875 г. новую войну съ Франціею, свидѣтельствуютъ о дальновидности германскаго канцлера. Война эта нарушила-бы интересы Европы, и Россія не могла, слѣдовательно, ея допустить; но такъ какъ, съ точки зрѣнія кн. Бис-

марка, она была необходима для Германіи, то дальнѣйшее сближеніе съ Россіею, интересы которой не совпадали съ германскими, оказывалось не желательнымъ. Въ томъ же 1875 г. возникъ и другой вопросъ, въ которомъ не мы уже не могли идти всѣстѣ съ Германіею, а она не была солидарна съ Россіею. Это восточный или славянскій вопросъ, такъ какъ съ восточнымъ вопросомъ связано и рѣшеніе участи азіятскихъ провинцій Турціи. Для Германіи-же, съ точки зрѣнія кн. Бисмарка, серьезное политическое значеніе можетъ имѣть только будущность Балканскаго полуострова. Дѣятельность всѣхъ великихъ державъ, во время народнаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ, а въ томъ числѣ и Германіи, очерчена въ прошедшей хроникѣ (янв. кн.) Съ самаго начала герцеговинскаго возстанія, мы нигдѣ не встрѣчали поддержки германскаго правительства, хотя надо признать, что открыто оно никогда не было противъ Россіи.

Берлинскій конгрессъ показалъ до какой степени неосновательно было полагаться на дружбу Германіи. Въ настоящій моментъ наши отношенія къ Германской имперіи продолжаютъ быть дружественными, но странно бы было утверждать, что они за послѣдніе годы не измѣнились. Только въ личныхъ отношеніяхъ монарховъ не произошло ни малѣйшей перемѣны. Но такъ какъ союзы между государствами обусловливаются главнымъ образомъ ихъ интересами, то естественно, что кн. Бисмаркъ не считаетъ возможнымъ оставаться по отношенію къ Россіи тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Руководствуясь активною политикою, онъ долженъ былъ, для предоставленія себѣ свободы дѣйствій, дать намъ понять свои намѣренія и, нельзя не сознаться, достигъ этого.

До послѣдняго времени въ Россіи и вообще въ Епровѣ полагали, что интересы Германіи нисколько не затрогиваются восточнымъ вопросомъ; теперь-же оказывается, что это мнѣніе ошибочно, если и не абсолютно, то съ точки зрѣнія политики германскаго канцлера. Основательно-ли же поступаетъ онъ, отыскивая интересы Германіи тамъ, гдѣ существованіе ихъ очень сомнительно, это вопросъ еще? Взгляды, высказываемые по этому вопросу однимъ изъ выдающихся органовъ германской печати, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ для разъясненія будущей германской политики.

Берлинская National - Zeitung, заявляя о полной несостоятельности настоящаго политическаго строя Оттоманской имперіи, утверждаетъ, что въ Турціи надо ожидать въ непродолжительномъ времени всеобщаго возстанія. Въ виду подобнаго-то возстанія, газета высказываетъ слѣдующія соображенія: «Повсюду въ Турціи обѣдненіе, раззореніе и склонность къ отпаденію; называютъ уже по имени мѣстности, гдѣ слѣдуетъ ожидать открытаго возстанія. Во всякомъ случаѣ, о возстановленіи спокойствія не можетъ быть и рѣчи;— населеніе окончательно извѣрилось въ возможность дальнѣйшаго существованія нынѣшняго порядка вещей. Вотъ почему со стороны Германіи и Австріи было бы дѣломъ благоразумія серьезно подумать о будущемъ. Развѣ недостаточно очевидно, что, при предстоящемъ

переустройствѣ смежныхъ съ Австріей обширныхъ и весьма способныхъ къ дальнѣйшему культурному развитію земель, оба государства могутъ много выиграть, но и много потерять? То, что утрачено за послѣднее время султаномъ, представляетъ собою пространство, равное по величинѣ прусскому государству, съ населеніемъ отъ 10 до 11 милліоновъ жителей; а это, между тѣмъ, было лишь началомъ переворота. Изъ этого пространства можно достигнуть сухимъ и отчасти также морскимъ путемъ до остальныхъ турецкихъ владѣній по кратчайшей линіи, и неужели все это не должно побуждать насъ къ бдительности и наблюденію и внушать намъ принять заблаговременно нѣкоторыя мѣры и приступить къ дѣйствію? Неужели мы должны предоставить земли, которыя находятся въ столь недалекомъ разстояніи отъ насъ, и которыя такъ щедро надѣлены природою, отдаленнымъ западнымъ державамъ или Россіи? Государство можетъ становиться слабѣе и клониться къ упадку, не утрачивая при этомъ, хотя-бы одной квадратной мили своей территоріи; это можетъ и должно съ нимъ непремѣнно случиться, когда другія государства, его соперники, ростутъ и пріобрѣтаютъ, въ то время когда на его долю ничего не перепадаетъ, ибо мѣриломъ могущества, силы и безопастности всякаго государства служитъ положеніе окружающихъ его государствъ и ихъ могущество. Вѣдь могущество и сила—понятія относительныя.»

«Поэтому мы должны либо извлечь себѣ пользу изъ распаденія Турецкой имперіи и держаться въ этомъ вопросѣ на одинаковой высотѣ съ другими государствами, либо перестать занимать то положеніе, которое мы занимаемъ въ настоящее время и упасть ниже. Какъ это несомнѣнно, такъ справедливо и то, что всегда слѣдуетъ дѣйствовать, не теряя времени и не колеблясь, сообразно наступающимъ обстоятельствамъ, если не желаемъ упускать случаевъ, необходимыхъ для нашего благосостоянія и предоставить ихъ въ чужія руки. Теперь Австріи и Германіи предстоитъ задача войти въ сношеніе съ бывшими сѣверными окраинами Турціи путемъ торговли, сообщеній и также переселенія, создать себѣ тамъ положеніе и принять въ руки дѣло прогресса. Цѣль эта не можетъ быть достигнута исключительно и вполнѣ вывозомъ товаровъ и пріобрѣтеніемъ сырья; необходимо, кромѣ того, чтобы мы вносили въ эти страны экономическое движеніе, просвѣщеніе, науку, промышленность, духъ предпріимчивости».

«Что подобная дѣятельность послужитъ намъ самымъ благодѣтельнымъ толчкомъ и поощреніемъ, что она сдѣлаетъ насъ зажиточнѣе и подвижнѣе, обострить нашъ торговый, промышленный, государственный и свѣтскій взглядъ, доставитъ, такъ или иначе, пропитаніе извѣстной части нашего населенія, — не требуетъ, конечно, доказательствъ. Вопросъ можно сводить лишь къ тому, какимъ образомъ преодолѣть встрѣчающіяся затрудненія. Въ этомъ отношеніи первенствующимъ условіемъ является возможно большее облегченіе сношеній между Германіей и Австріей; всякій, имѣющій въ виду при заключеніи торговыхъ договоровъ благосостояніе народовъ, согласится съ этимъ. Для Австріи, какъ государства, было-

бы, очевидно, выгодно, если-бъ въ тѣхъ странахъ вступили въ дѣйствіе нѣмецкія силы; какъ силы отдѣльныхъ личностей, онѣ никогда не могли-бы подавать повода австрійскому государству къ зависти, а напротивъ, послужили-бы къ упроченію его вліянія. Если для Германіи преобразованіе юго-востока имѣетъ важное значеніе, то еще большее значеніе имѣетъ оно для Австріи; но, дѣйствуя согласно и совмѣстно, оба государства могутъ охранять каждое свои собственные интересы».

Въ Германіи усматриваютъ, слѣдовательно, весьма существенные для нея торговые интересы на Балканскомъ полуостровѣ. Но какимъ способомъ добиться обезпеченія ихъ, газета не говоритъ. Впрочемъ, способъ этотъ такъ ясенъ, что не трудно прочесть его между строкъ. Для достиженія цѣли Германіи надо подчинить Балканскій полуостровъ Австро-Венгерской монархіи, которая уже будетъ служить ей орудіемъ для обезпеченія вліянія.

Планъ простъ и разуменъ. Проектирована даже сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая, связавъ Германію съ Балканскимъ полуостровомъ, должна доставить послѣдней тамъ преобладающее торговое значеніе. Чрезъ Кроацію, Боснію и Македонію Германія была-бы соединена съ Салониками, а чрезъ австрійскія линіи Бѣлградъ и Нишъ съ Константинополемъ. Подобнымъ намѣреніямъ Австріи и Германіи едва-ли будетъ противодѣйствовать Англія, если только первыя согласятся предоставить ей свободу дѣйствій въ Малой Азіи и опредѣленное положеніе въ Константинополѣ. Пріобрѣтеніе Австрійскою компаніею Рущуко-Варнской желѣзной дороги есть одинъ изъ первыхъ шаговъ къ достиженію завѣтной цѣли, такъ откровенно высказанной «National-Zeitung».

Но при разсчетахъ, сдѣланныхъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, не принятъ, повидимому, во вниманіе принципъ «національностей», играющій громадную, если не первенствующую роль въ судьбахъ народовъ. А, между тѣмъ, благодаря этому принципу, Германія и Австрія могутъ очутиться въ весьма затруднительномъ положеніи. Ненавидимая Франціею и разъединенная съ Россіею, первая естественно ищетъ поддержки въ Австріи, но Австрія сама не имѣетъ прочнаго положенія и выступить ей съ какимъ—нибудь опредѣленнымъ знаменемъ среди народовъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, далеко не легкая задача; въ особенности-же, когда по сосѣдству съ Балканскими славянами находится могущественная славянская Россія. Князь Бисмаркъ, конечно, не можетъ не понимать этого. Поэтому-то онъ, ни въ какомъ случаѣ, не приступитъ теперь-же къ выполненію задачи: «Drang nach Osten». Какъ необходимо было подготовить почву для организаціи Сѣверо-Германскаго союза, какъ потребовалась предварительная подготовка для объединенія Германіи, такъ и теперь для «Drang nach Osten» требуется подготовка. Но одно пріобрѣтеніе торговаго вліянія едва-ли можетъ настолько плѣнять нѣмецкихъ государственныхъ людей, чтобы прибѣгать для него къ рѣшительнымъ средствамъ. Есть условія, которыя могутъ сильнѣе побудить слѣдовать подобной политикѣ,—

это желаніе пріобрѣсть нѣмецкія провинціи Австріи. Что рано или поздно австрійскіе нѣмцы сольются со своимъ Vaterland, не подлежитъ сомнѣнію; но можетъ еще пройти много времени, прежде чѣмъ это случится. Успѣхъ обусловливается тѣмъ, будетъ-ли отодвинута Австрія на юго-востокъ. Существеннымъ препятствіемъ успѣху подобныхъ, какъ торговыхъ, такъ и политическихъ соображеній является Россія. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго, если въ германскомъ канцлерѣ можетъ зародиться мысль о необходимости лишить насъ возможности препятствовать достиженію національныхъ цѣлей. Насколько дѣйствительно кн. Бисмаркъ намѣренъ противодѣйствовать, теперь невозможно сказать, но, что въ германской политикѣ начинаетъ выясняться мало-по-малу новое направленіе, это вполнѣ очевидно. Поѣздка желѣзнаго канцлера прошедшею весною въ Вѣну и его переговоры съ гр. Андраши свидѣтельствуютъ, что онъ имѣетъ какіе-то серьезные планы; въ чемъ-же именно они заключаются, можно только сдѣлать болѣе или менѣе основательныя предположенія. Что новое сближеніе Германіи съ Австріей не направлено противъ Франціи—это ясно для всякаго, хотя нѣсколько знакомаго съ политическимъ положеніемъ Европы и отношеніями Австріи къ Франціи. Что оно также не можетъ быть въ ущербъ интересамъ Англіи или Италіи, тоже не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ интересы двухъ послѣднихъ государствъ ни въ чемъ существенномъ не сталкиваются съ интересами Германіи на юго-востокѣ Европы. Единственно о чемъ могъ трактовать, слѣдовательно, кн. Бисмаркъ съ гр. Андраши это объ отношеніяхъ къ Россіи.

Активная политика германскаго правительства вызывается также и внутренними дѣлами. Положеніе кн. Бисмарка становится, теперь, почти также затруднительнымъ, какъ передъ Австрійскою и Франко-Прусскою войнами. Тѣмъ не менѣе, серьезно опасаться *теперь-же* какихъ нибудь недоразумѣній съ Германіей едва-ли возможно. Кромѣ политическаго положенія Европы, мало благопріятствующаго всякимъ новымъ замѣшательствамъ, есть и во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи съ Германіей такія условія, которыя будутъ препятствовать всѣмъ существеннымъ размолвкамъ;—хотя исторія свидѣтельствуетъ намъ, что нерѣдко событія совершаются несравненно быстрѣе, чѣмъ можно предполагать.

Во всякомъ случаѣ, со стороны Россіи не только не послѣдуетъ вызова, но мы будемъ, по возможности, уклоняться отъ всякихъ недоразумѣній съ кн. Бисмаркомъ. Объ агрессивной политикѣ не только по отношенію къ Германіи, но и относительно Австріи думать невозможно, хотя намѣренія послѣдней — упрочить свое положеніе на Балканскомъ полуостровѣ и вытѣснить оттуда наше вліяніе для всѣхъ очевидно.

Послѣ Пражскаго мира имперія Габсбурговъ нѣкоторое время надѣялась еще возвратить себѣ въ Германіи положеніе, утраченное при Садовой. Временно упрочивши внутренній строй возстановленіемъ Венгерскаго королевства и конституціей 1867 г., австрійское правительство выжидало благопріятной минуты, чтобъ отмстить Пруссіи. Непримиримый врагъ по-

слѣдней—графъ Бейстъ—сталъ во главѣ Австро-Венгріи. Пока онъ оставался руководителемъ австрійской политики, никакое серьезное сближеніе между Берлиномъ и Вѣною было немыслимо. Легко примирившись съ утратою вліянія въ Италіи, Австрійцы до Франфуртскаго мира не допускали мысли, что роль ихъ и въ Германіи кончилась. Чтобы возвратить Австріи прежнее положеніе, гр. Бейстъ былъ готовъ даже сдѣлать большія уступки въ восточномъ вопросѣ. Тройственный союзъ Австріи, Франціи и Россіи сильно занималъ одно время бывшаго австрійскаго канцлера. Въ концѣ 1866 г., онъ откровенно признался, что Австрія не прочь способствовать развитію самостоятельности между турецкими христіанами и учрежденію самоуправленія, ограниченнаго вассальными обязательствами по отношенію къ Турціи. Въ нотѣ отъ 1 Января 1867 г. кн. Меттерниху Бейстъ даже заявилъ о готовности приступить къ пересмотру Парижскаго трактата и выразилъ желаніе сдѣлать въ немъ измѣненія въ интересахъ Россіи. Заигрывая съ Россіей, онъ въ тоже время поддерживалъ дружественныя отношенія съ Наполеономъ, который утратилъ въ то время довѣріе къ Пруссіи. Но не смотря на готовность австрійцевъ оказать намъ поддержку въ восточныхъ дѣлахъ, Петербургскій кабинетъ считалъ болѣе выгоднымъ остаться союзникомъ Пруссіи. Русско-Франко-Австрійскій союзъ оказался положительно неосуществимымъ, и Бейсту пришлось ограничиться союзомъ съ Наполеономъ, хотя до самаго начала Франко-Прусской войны онъ, повидимому, не терялъ надеждъ разъединить Россію съ Пруссіей. Имѣя задачей—снова поставить Австрію во главѣ Германской имперіи, гр. Бейстъ былъ готовъ сдѣлать уступки и австрійскимъ славянамъ, лишь-бы найти въ нихъ опору своимъ германскимъ стремленіямъ. Коалиціонное министерство Потоцкаго и федеративное гр. Гогенварта отчасти обусловливались этимъ направленіемъ австрійской политики. Война 1867 г. и Франкфуртскій миръ лишили австро-нѣмецкую партію всякой надежды снова занять въ Германіи прежнее положеніе. Политическія задачи гр. Бейста оказались невыполнимыми.

Вскорѣ послѣ назначенія австрійскимъ канцлеромъ гр. Андраши, обнаружилось стремленіе въ Вѣнѣ возстановить дружественныя отношенія съ Пруско-Германской имперіею. Естественнымъ условіемъ подобнаго сближенія должно было быть отреченіе имперіи Габсбурговъ отъ всякихъ намѣреній вступить въ германскій союзъ. Только подъ этимъ условіемъ кн. Бисмаркъ считалъ возможнымъ поддерживать Австрію. Съ этого времени и до настоящей минуты, отношенія между Германіей и Австро-Венгріей постоянно все болѣе и болѣе упрочиваются, и обѣ державы успѣли уже извлечь изъ союза существенныя выгоды.

Вслѣдствіе политики Германіи, результатъ второй восточной войны оказался далеко не удовлетворительнымъ для Россіи. Этимъ успѣхомъ Германія въ значительной степени обязана русофобской политикѣ Австріи, за что послѣдняя и получила въ награду Боснію и Герцеговину. Въ настоящее время, нельзя не понять, что мы не имѣемъ съ Германіею об-

щихъ интересовъ. Можетъ-ли же такой *реалистъ*, какъ канцлеръ Германской имперіи, заботиться о поддержаніи съ нами дружественныхъ отношеній? Въ Вѣнѣ не сомнѣваются поэтому въ искренности дружбы Германіи. Значительная партія въ Австріи считаетъ даже необходимымъ идти по указываемому Габсбургамъ изъ Берлина пути. Теперь почти оффиціально признается возможнымъ создать на юго-востокѣ Европы Нѣмецко-Мадьяро-Славянскую имперію; но если-бы Австріи дѣйствительно удалось это преобразованіе, то несомнѣнно, она быстро-бы превратилась въ Мадьяро-Славянское государство. Мысль о созданіи изъ Австріи юго-восточной имперіи была еще высказываема сыномъ Маріи—Терезіи въ прошедшемъ столѣтіи, но что возможно было тогда, въ настоящее время неосуществимо. Вопервыхъ, историческое прошлое Австріи не можетъ не препятствовать подобному превращенію, во-вторыхъ-же, мадьярскій элементъ несовмѣстимъ съ славянскимъ.

Хотя гибельные для Габсбурговъ результаты подобной политики вполнѣ сознаются нѣкоторыми государственными дѣятелями Австро-Венгріи, но необходимость имѣть точку опоры заставляетъ искать ее даже на юго-востокѣ. Берлинскій трактатъ, доставившій Австрійцамъ Герцеговину и Боснію опредѣлилъ будущую политику австрійскаго правительства. Оно, теперь, поневолѣ должно обратить все свое вниманіе на наслѣдіе Турціи. До Берлинскаго конгресса Австрія могла еще оставаться искусственно соединеннымъ конгломератомъ различныхъ народностей; въ настоящее же время, вступивъ на путь пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ, она неизбѣжно должна мало-по-малу преобразовываться въ юго-восточное государство. Но, утративъ свое прежнее положеніе на западѣ, пріобрѣтетъ-ли она прочное на востокѣ? И теперь уже слишкомъ 45 % *) всего населенія Австро-Венгріи составляютъ славяне (не считая босняковъ и герцеговинцевъ); можно ли же увеличить славянскій элементъ въ имперіи не предоставивъ ему равныхъ съ другими двумя главными народностями правъ? Сдѣлавшись же самостоятельными, вопросъ еще: пожелаютъ-ли славяне остаться частью преобразованной Австрійской имперіи.

Сознаніе необходимости сдѣлать уступки славянамъ настолько уже созрѣло въ Австріи, что, въ виду невозможности поддерживать долѣе централистскую систему, которой руководствовалось правительство почти съ момента назначенія канцлеромъ гр. Андраши, признано необходимымъ удовлетворить нѣкоторыя требованія цислейтанскихъ славянъ. Съ Франкфуртскаго мира въ Австріи господствуетъ централистская партія. Предоставивъ, послѣ преобразованія Габсбургской имперіи въ Австро-Венгрію, мадьярамъ преобладающую роль въ Транслейтаніи, нѣмцы остались въ Цислейтаніи полными хозяевами. Ни одна изъ народностей, входящихъ въ составъ послѣдней, не получила національной политической автономіи;

*) Фиккеръ 1876 г. Въ Австріи 20 милліоновъ нѣмцевъ мадьяръ и др. и 17 м. славянъ.

имъ было предоставлено лишь областное управленіе. Конституція 1867 г. вполнѣ обезпечила господство за нѣмцами. Этимъ остались тогда недовольны поляки и чехи. Министерства Потоцкаго и Гогенварта одно время возбудили было надежду, что законныя требованія славянъ будутъ удовлетворены, но эти надежды, впрочемъ, быстро разсѣялись. Вполнѣ нѣмецко-централистское министерство Ауэрсперга не считало даже возможнымъ входить въ переговоры съ чехами. Удовлетворивъ отчасти поляковъ, нѣмецкая партія обезпечила себѣ преобладающее вліяніе въ палатахъ, и только послѣ прошлогднихъ выборовъ въ австрійскій рейхстагъ правительсто убѣдилось, что дальнѣйшее поддержаніе въ Цислейтаніи прежней системы не удовлетворяетъ большинство населенія. Потребовалось преобразованіе кабинета. Новое министерство графа Таафе ведетъ уже переговоры о соглашеніи съ чехами, и въ числѣ членовъ его кабинета есть нѣсколько лицъ, не принадлежащихъ къ централисткой партіи. Во внутренней политики Австріи, слѣдовательно, также произошелъ нѣкоторой переворотъ и тоже благопріятный для австрійскихъ славянъ. Возможно, впрочемъ, что и здѣсь не обошлось безъ нѣкотораго вліянія Берлина. Хотя цислейтанскій министръ-президентъ и самъ принадлежитъ отчасти къ нѣмецкой централисткой партіи, т. е. вѣренъ конституціи 1867 г., но, тѣмъ не менѣе, во многомъ онъ расходится съ Шмерингомъ и Гербстомъ, ультра-централистами. Назначеніе Таафе главой кабинета есть только первый шагъ по пути расширенія автономіи отдѣльныхъ народностей, но несомнѣнно, что въ непродолжительномъ времени почувствуется необходимость въ сформированіи министерства, еще болѣе чуждаго централистамъ. Благодаря послѣднимъ выборамъ, эта партія не располагаетъ теперь большинствомъ въ палатѣ, и едва ли когда либо ей снова удастся занять прежнее положеніе. Быть можетъ, еще будетъ сдѣлано нѣсколько попытокъ снова вернуться къ дуализму, который былъ девизомъ Австро-Венгріи, но измѣнившіяся обстоятельства не позволятъ упрочиться этой системѣ; время ея отжито, и никакія усилія не воскресятъ ее.

Событія, совершавшіяся въ Италіи, Германіи и Австріи, косвенно отражались и на политикѣ Франціи. Послѣ Франкфуртскаго мира она въ девять лѣтъ съумѣла возстановить свое благосостояніе. Но, не смотря на благопріятные для нея результаты мирной политики, нельзя сомнѣваться, что при первой же возможности, Франція нарушитъ тяжелый и угнетательный для нея договоръ и постарается возвратить себѣ прежнія границы. Только то министерство и можетъ быть популярно во Франціи, которое подговтовляетъ средства для достиженія этой цѣли.

Наполеонъ, оказавъ существенную и важную услугу Италіи, благодаря своей колебательной политикѣ, въ нѣсколько лѣтъ сумѣлъ возстановить противъ себя итальянцевъ. Улучшивъ послѣ Парижскаго трактата отношенія съ Россіей, онъ во время послѣдняго польскаго возстанія вызвалъ ея неудовольствіе и навсегда оттолкнулъ отъ себя Петербургскій каби-

нетъ, который былъ вынужденъ искать себѣ другаго союзника. Признавая принципъ «національностей» и руководствуясь имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Наполеонъ такъ часто грубо нарушалъ его, что его образъ дѣйствій невольно возбуждаетъ во многихъ удивленіе. Во имя этого принципа способствовавъ объединенію Италіи и допустивъ объединеніе Германіи, онъ въ тоже время намѣревался захватить Люксембургъ, часть прирейнской Пруссіи и даже часть Палатина. Единственно, чѣмъ возможно объяснить подобную политику, это—желаніемъ тѣшить самолюбіе своихъ подданныхъ и тѣмъ обезпечить за своей династіей французскій престолъ.

Слишкомъ тяжелыя условія, наложенныя кн. Бисмаркомъ, соединили всѣхъ французовъ въ одномъ чувствѣ ненависти къ Пруссіи и желаніи скорѣй возвратить утраченное. Тотъ путь, который вѣрнѣе ведетъ къ этой цѣли, естественно, привлекаетъ къ себѣ французовъ, и такое значеніе для нихъ имѣетъ республиканское правленіе.—Представляя большее число данныхъ для упроченія могущества Франціи, оно заставляетъ и умѣренныхъ консерваторовъ мало-по-малу переходить въ лагерь республиканцевъ. Съ тѣхъ поръ какъ Тьеръ провозгласилъ во Франціи республиканскій образъ правленія, недовѣріе въ прочность порядка, установленнаго республикой, постоянно ослабѣваетъ. Вмѣстѣ съ этимъ, надежды на возстановленіе одной изъ царствовавшихъ во Франціи династій также слабѣютъ, и, въ настоящее время, ни одна изъ монархическихъ партій не можетъ разсчитывать провести своего кандидата. Но если республика окажется несостоятельной выполнить ту задачу, которая именно многихъ французовъ и заставила примкнуть къ ней, — то, по всей вѣроятности, мы еще разъ увидимъ Францію монархической. — Возстановленіе величія отечества имѣетъ громадное значеніе для массы населенія, и увлечь ее надеждами достичь этой цѣли, будетъ неособенно трудно, если только республика не приведетъ къ ней Францію. Но всѣ данныя заставляютъ предполагать, что республиканская Франція восторжествуетъ надъ внутренними и внѣшними врагами. Удивительный тактъ, выказанный республиканской партіей за послѣднее время, свидѣтельствуетъ, что она хорошо подготовлена къ политической жизни.

Съ момента паденія Тьера, когда будущности республики грозила опасность, и до настоящей минуты республиканская Франція держала себя не только умно, но и осторожно. Рѣдкое единодушіе, проявившееся за это время въ республиканцахъ всѣхъ оттѣнковъ, доставило имъ такую силу, что, не смотря на тормазъ, въ родѣ септенатовъ и реакціонныхъ министровъ, Фурту и Брольи, республика восторжествовала. Постоянно уменьшавшееся число консервативныхъ депутатовъ въ палатѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ несочувственно относится къ маневрамъ консерваторовъ французскій народъ. Если внимательно слѣдить за происходившими во Франціи перемѣнами, то нельзя не замѣтить, что сознаніе необходимости упрочить республику слагалось въ народѣ мало-по-малу по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался въ возможности не только существо-

ванія при республиканскомъ правленіи, но и процвѣтанія государства. Избирая первоначально весьма умѣренныхъ республиканцевъ, почти консерваторовъ, французы съ каждымъ годомъ начали посылать въ палату все большее и большее число лицъ, вполнѣ преданныхъ республикѣ, и сами умѣренные консерваторы присоединялись къ либеральной республикѣ. Почти конституціонное министерство Дюфора замѣнилось умѣренно-либеральнымъ Ваддингтона; послѣдній же долженъ былъ уступить свой портфель Фрейсине, подъ именемъ котораго управляетъ Гамбетта. Болѣе крайняго министерства нельзя ожидать теперь во Франціи. Республиканской партіи, стоящей во главѣ французскаго правительства, предстоитъ нынѣ воспользоватся тѣми средствами, которыя подготовлены въ странѣ и возстановить политическое значеніе Франціи въ Европѣ. До настоящей минуты роль, которую съ 1871 г. предоставляли послѣдней играть въ международныхъ вопросахъ, была весьма незавидна. Даже въ такомъ существенномъ вопросѣ, какъ восточный, она не имѣла рѣшающаго голоса, а шла какъ-то колеблясь на буксирѣ за другими державами. Понятно, что французы, такъ много заботящіеся о славѣ своего отечества, не могутъ удовлетвориться этою ролью, и своей безцвѣтной политикѣ министерства Ваддингтона, отчасти обязано паденіемъ.

Новое французское министерство успѣло уже дать понять, что не желаетъ въ политическихъ вопросахъ быть орудіемъ другихъ великихъ державъ. Сдѣланное имъ заявленіе, что оно не считаетъ основательнымъ связывать вопросы о признаніи независимости Румыніи съ вопросомъ о выкупѣ румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, къ которому присоединилась и Англія, свидѣтельствуетъ о намѣреніи Франціи de facto занять принадлежащее ей по праву мѣсто въ европейскомъ ареопагѣ. Въ Берлинѣ это заявленіе произвело, повидимому, неблагопріятное впечатлѣніе и, по всей вѣроятности, отвлечетъ нѣсколько вниманіе кн. Бисмарка на западъ.— Россія же можетъ только сочувствовать происшедшей съ Франціей перемѣнѣ, такъ какъ не въ нашихъ интересахъ, чтобы вниманіе Германіи было сосредоточено исключительно на насъ.

Если же настоящее министерство упрочится во Франціи, то быть можетъ, въ непродолжительномъ времени наступитъ моментъ, когда въ Германіи вспомнятъ поданный въ 1871 г. ей Россіей совѣтъ—не слишкомъ тѣснить французовъ. Какъ ни остроуменъ извѣстный отвѣтъ кн. Бисмарка, что лишившись одной провинціи, французы настолько возненавидятъ Германію, что сильнѣе нельзя ненавидить, и поэтому онъ предпочитаетъ отнять у нихъ и другую; но на этотъ разъ желѣзный канцлеръ едва-ли не ошибся въ разсчетѣ. Чѣмъ болѣе значительный органъ парализованъ, тѣмъ сильнѣе чувствуется необходимость снова владѣть имъ.

Перемѣны, происшедшія за послѣднія двадцать лѣтъ въ политической жизни Италіи, Германіи, Австріи и Франціи, вызванныя проникающимъ въ массы сознаніемъ принципа «національностей» не обезпечили, однако, Европѣ спокойствія. Причины этого явленія обусловливаются, главнымъ образомъ,

либо, и, подобно Вѣнскому, со временемъ должны будутъ подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ.

Изъ сдѣланнаго выше краткаго очерка жизни Германіи за послѣдніе годы видно, что результаты объединенія неудовлетворительны, и для поддержанія созданнаго порядка постоянно приходится слѣдовать агрессивной политикѣ. Хотя, при поверхностномъ взглядѣ, успѣхи нѣмцевъ кажутся болѣе значительными, чѣмъ итальянцевъ; но послѣдніе, если когда-либо и вынуждены будутъ слѣдовать агрессивной политикѣ, то ни въ какомъ случаѣ не для поддержанія status quo, подобно Германіи, а лишь для удовлетворенія стремленія своихъ соотечественниковъ, остающихся еще подъ чужеземнымъ владычествомъ и выражающихъ желаніе соединиться съ Италіей.

Впрочемъ, какія бы ни были сдѣланы *ошибки* государственными дѣятелями, объединеніе каждой народности должно рано или поздно произойти. Германскій народъ тоже составитъ одно цѣлое; но это объединеніе совершится при другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ мечтаетъ канцлеръ Германіи. Въ виду лишь этихъ-то соображеній, а никакъ не дѣятельности Пруссіи за послѣдніе годы, будущность Германіи можно считать вполнѣ обезпеченной;—вопросъ только, когда цѣль будетъ достигнута.

Въ совершенно другихъ условіяхъ поставлена Австрія, которая сильна именно тѣмъ, что принципъ «національности»,—de jure признанный почти всѣми, de facto не примѣняется. Но чѣмъ болѣе будетъ распространяться въ народѣ этотъ принципъ, тѣмъ положеніе Австріи будетъ усложняться. Пражскій трактатъ также мало принесетъ Австріи пользы, какъ и Пруссіи; выдѣляя изъ Германіи часть ея, онъ можетъ имѣть значеніе только временнаго компромиса. Когда же послѣдуетъ дѣйствительное объединеніе послѣдней, то никакіе трактаты не въ силахъ будутъ удержать естественное стремленіе народа.

Подъ давленіемъ народной воли, подвергнется измѣненіямъ и Франкфуртскій договоръ. Искусственное напряженіе силъ и лихорадочность въ политической жизни Германіи и Франціи свидѣтельствуютъ, что, при составленіи его, руководились не дѣйствительными потребностями народа, а чисто государственными соображеніями. Какъ не сильна Германія въ военномъ отношеніи, но Европа сильнѣе ея; раздавить Францію ее не допустятъ; а пока законныя требованія народа не будутъ удовлетворены, не могутъ быть возстановлены и дружественныя отношенія между французами и нѣмцами.

Есть, слѣдовательно, достаточно основаній для того, чтобы сомнѣваться въ прочности Пражскаго и Франкфуртскаго трактатовъ, хотя, при составленіи того и другаго, провозглашался принципъ «національностей». Третій же нежданный трактатъ послѣдняго двадцатилѣтія—Берлинскій—признается самими составителями его неудовлетворительнымъ.

недобросовѣстнымъ отношеніемъ большинства правительствъ къ этому принципу, пропагандируя который они постоянно дѣйствовали вопреки интересамъ народа, не сознавая, что этимъ готовятъ лишь новыя затрудненія въ будущемъ и отсрочиваютъ рѣшеніе самыхъ существенныхъ для нихъ вопросовъ. Изъ четырехъ трактатовъ, заключенныхъ съ 1860 г., три служатъ этому лучшимъ доказательствомъ.

Только одинъ Цюрихскій договоръ, положившій основаніе объединенію Италіи, можно признать отраднымъ явленіемъ среди массы политическихъ интригъ и соглашеній, вызывавшихъ и вызывающихъ искусственное напряженіе силъ въ государствахъ и безполезныя жертвы. Хотя нѣкоторыя второстепенныя статьи Цюрихскаго трактата также нарушаютъ принципы «національностей», но такъ какъ онѣ приняты были только «par courtoisie», то едвали это можетъ отражаться на его политическомъ значеніи. Благодаря толчку, данному въ Цюрихѣ, Италія достигла положенія великой державы. Въ настоящее время, не смотря на свои финансовыя затрудненія и недостаточную подготовку народа къ самоуправленію, общее положеніе дѣлъ въ Италіи, съ политической точки зрѣнія, нельзя не признать болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Держава эта такъ прочно организовалась, что не имѣетъ политическихъ вопросовъ, которые грозили бы ей серьезной опасностью въ будущемъ. Сформировавшись на основаніяхъ принципа «національностей», и не нарушивъ его, Италія можетъ быть спокойна относительно прочности своего положенія.

Пражскій, Франкфуртскій и Берлинскій договоры, хотя и слѣдовали за Цюрихскимъ, и, при заключеніи ихъ, также провозглашался принципъ національностей, но правительства, въ дѣйствительности, не руководствовались имъ. Мыслимо ли, что для выполненія воли народа надо нарушать конституцію и прибѣгать къ вооруженной силѣ противъ того же самаго народа, который желаютъ облагодѣтельствовать, какъ сдѣлалъ кн. Бисмаркъ? Приступая къ объединенію Германіи, онъ пренебрегъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій, необходимыхъ, при примѣненіи принципа «національности» — желаніемъ народа, и вся дальнѣйшая его политическая дѣятельность есть не болѣе, какъ рядъ самыхъ грубыхъ нарушеній этого принципа. Но такъ какъ уклоненіе отъ законовъ природы никогда не остается безнаказаннымъ, то, не смотря на блестящій успѣхъ, положеніе Германской имперіи, въ дѣйствительности, далеко не прочно. Со времени побѣды при Садовой и до настоящей минуты, Германія не жила спокойною жизнью, и правительство было вынуждено постоянно вести борьбу съ внутренними и внѣшними врагами. А, между тѣмъ, число этихъ враговъ почти не уменьшалось. Подобный результатъ Бисмарковской политики лучше всего характеризуетъ значеніе ея. Трактаты Пражскій и Франкфуртскій, считающіеся одними изъ лучшихъ доказательствъ благодѣяній оказанныхъ желѣзнымъ канцлеромъ Германіи, пока еще не доставили ей тѣхъ выгодъ, на какія-бы можно было расчитывать, да едва ли и доставятъ когда

Англія, какъ почти не принимавшая непосредственнаго участія въ событіяхъ, вызвавшихъ Цюрихскій, Пражскій и Франкфуртскій договоры, не могла войдти въ настоящее обозрѣніе и какъ происходившія въ ней въ послѣдніе годы перемѣны, такъ и теперешнее ея политическое положеніе, будутъ предметомъ отдѣльнаго очерка.

Влад—овъ.

ЗАМѢТКА.

Печатаемое здѣсь нами письмо почтеннаго автора, сочувствующаго направленію нашего журнала, было получено нами, когда февральская книжка была уже совсѣмъ набрана и болѣе половины ея было напечатано. Авторъ проситъ разъясненія вопросовъ и сомнѣній, возбужденныхъ въ немъ нѣкоторыми краткими выраженіями во вступительной статьѣ къ внутреннему обозрѣнію январской книжки «Русской Мысли». Эти сомнѣнія и нѣкоторыя возраженія автора касаются тѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, о которыхъ мы будемъ трактовать in extenso въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала. Но ради необходимости немедленно предупредить тѣ сомнѣнія и возраженія, которыя могутъ возникнуть въ умѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо, передаваемое нами здѣсь гласности, мы намѣреваемся дать ясный отвѣтъ на него въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала.

Письмо къ Редактору отъ А. И. Кошелева.

Съ особеннымъ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ, прочелъ я многія статьи, помѣщенныя въ № 1-мъ издаваемаго Вами журнала, и въ особенности прекрасную статью г. О. Миллера (Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ),—и душевно порадовался, что, наконецъ, опять появилось у насъ, въ Москвѣ, повременное изданіе, одушевленное желаніемъ и руководимое цѣлью—сблизить, соединить нашу интеллигенцію съ народомъ, содѣйствовать ей къ узнанію его свойствъ, потребностей и желаній, и чрезъ то уничтожить существующій между ними разрывъ и направить совокупныя ихъ усилія къ исполненію великой задачи, предлежащей нашему племени и въ особенности нашему народу.

Чѣмъ эти мои чувства были живѣе и глубже, тѣмъ тяжче отозвались во мнѣ нѣкоторыя мысли и слова, высказанныя въ введеніи къ внутреннему обозрѣнію. Не хочу таить въ душѣ эти впечатлѣнія, въ надеждѣ,

даже въ увѣренности, что разногласіе наше происходитъ отъ какихъ-либо недоразумѣній, а не отъ дѣйствительнаго разномыслія по одному изъ самыхъ существенныхъ нашихъ бытовыхъ вопросовъ.

На страницахъ 88 и 89 внутренняго обозрѣнія сказано: «Надо поднять въ русскомъ народѣ *уваженіе къ личности, поглощенной теперь косною средою.* Защищая общину «Русская Мысль» будетъ стоять *за ея постепенное превращеніе въ свободный союзъ на основѣ общиннаго землевладѣнія;* выдвигая артельное начало, наше изданіе *выше всего* поставитъ честный *личный трудъ....* Содѣйствовать *живому и плодотворному росту личности* и отстаивать наше самоуправленіе—*вотъ*, слѣдовательно, *главныя задачи*, поставленныя для внутренняго обозрѣнія «Русской Мысли».

Личность въ человѣкѣ, кажется, достаточно, и даже черезъ-чуръ сильно развита на Западѣ. Въ этомъ отношеніи, едва-ли человѣчеству предстоитъ какое-либо дальнѣйшее развитіе. Личная собственность, личная свобода, личное участіе въ самоуправленіи, тамъ, особенно въ нѣкоторыхъ странахъ, едва-ли законами могутъ быть болѣе обезпечены и ограждены; а, между тѣмъ, довольства въ народѣ тамъ мало, и очевиднымъ тому доказательствомъ служитъ все болѣе и болѣе распространяющійся и утверждающійся соціализмъ-коммунизмъ. Главною причиною такого положенія—злѣйшею, его разъѣдающею язвою, есть то, что, въ тамошнихъ людяхъ—страшный недостатокъ въ соціальномъ или общинномъ духѣ, или, просто говоря, въ любви къ ближнему. Эгоизмъ, въ настоящее время, въ цивилизованной Европѣ, достигъ, кажется, геркулесовыхъ столбовъ. Правда, устраиваются тамъ больницы, богадѣльни, школы и пр., устанавливаются налоги въ пользу бѣдныхъ, издаются законы въ видахъ уравненія всѣхъ гражданъ въ пользованіи всякими гражданскими правами и пр.; но все это дѣлается по необходимости, ради успокоенія, умиротворенія бѣдствующаго люда и сохраненія за властвующими и богачами ими владѣемаго, а вовсе не изъ любви къ ближнему,—вовсе не по внутреннему влеченію законодательствующихъ и распоряжающихся. Настоящаго общиннаго духа въ цивилизованной Европѣ нѣтъ, и это именно готовитъ ей въ будущемъ еще много волненій, кризисовъ и революцій. Къ счастью, у насъ сохранился этотъ духъ, и имъ-то мы должны всего болѣе дорожить. А что онъ и до настоящаго времени на Руси пребываетъ, это доказывается не только сохраненіемъ общиннаго устройства въ крестьянствѣ, но даже въ насъ, въ интеллигенціи, совершеніемъ при нашемъ участіи и съ ущербомъ нашимъ интересамъ. освобожденія крестьянъ, единогласнымъ всѣхъ земствъ отзывамъ, о распространенія податныхъ обязанностей на всѣ сословія, и живымъ участіемъ, принятымъ нами въ борьбѣ единоплеменниковъ и единовѣрцовъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ за освобожденіе ихъ отъ турецкаго ига. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, не корысть, не тщеславіе заставляло насъ дѣйствовать, а сознательно или безсознательно одушевляло, руководило нами желаніе, внутренняя потребность помочь ближнему. Гдѣ въ цивилизованной Европѣ такія

дѣянія совершались? Гдѣ страданія Славянъ возбуждали подобныя чувства? На нашихъ глазахъ почти всѣ—англійская, французская и нѣмецкая—журналистики высказывали сочувствіе Туркамъ—угнетающимъ, а не угнетеннымъ Славянамъ. И все это отъ чего? Отъ того, что тамъ личность, ея требованія и стремленія до нельзя развиты, что эгоизмъ тамъ преобладалъ, и что до другихъ людей тамъ никому нѣтъ никакого дѣла.

Впрочемъ, мы вовсе не противъ личной дѣятельности, личной свободы, личной самостоятельности; напротивъ того, мы глубоко убѣждены, что безъ нихъ не можетъ быть и общинной дѣятельности, свободы и самостоятельности; но первыя существуютъ и развиваются въ человѣкѣ сами собою, а послѣднія, хотя человѣку и прирожденны, но лично въ немъ подавляются какъ внѣшними обстоятельствами, такъ и собственными его себялюбивыми влеченіями. Къ великому счастію Россіи, община, общинное устройство, общинное землевладѣніе и пуще всего общинный духъ сохранились у насъ въ крестьянствѣ; долго наша интеллигенція и не хотѣла ихъ знать, а потому и не могла ихъ цѣнить; даже она считала ихъ остатками варварства, препятствіями къ нашему развитію и преуспѣянію и всячески старалась, слава Богу, безуспѣшно, имъ противодѣйствовать и ихъ искоренять. Теперь въ дѣятельности нашей интеллигенціи происходитъ поворотъ: она ищетъ узнать общину, чувствуетъ къ ней любовь и уваженіе, и желаетъ содѣйствовать ея усовершенствованію. Но это дѣло не легкое: изучая общину по внѣшнимъ ея явленіямъ и смотря на нее въ свои еще иноземныя или искусственно изготовленныя очки, интеллигенція видитъ факты, отдѣльныя достоинства и недостатки общины, но никакъ не можетъ проникнуться ея духомъ. А это главнѣйше происходитъ отъ того, что наше общинное устройство хотя въ существѣ своемъ совершенно просто, но въ примѣненіяхъ къ дѣлу чрезвычайно разнообразно, что оно вовсе не заключается въ томъ или другомъ видѣ *) и что одно въ немъ существенное есть духъ, его одушевляющій—духъ братства, покорности власти и глубокой преданности церкви Христовой. Къ сожалѣнію, этого именно и не сознаютъ многіе изъ говорящихъ и пишущихъ объ общинѣ, и даже изъ людей душевно и умственно къ ней расположенныхъ.

---

*) Для уясненія высказаннаго позволимъ себѣ присовокупить: крестьянскіе міры, на сходахъ, дѣлятъ землю, разлагаютъ сборы и повинности и устанавливаютъ разные внутренніе порядки, вполнѣ своеобразно и вовсе не по одному какому-либо шаблону; смежныя общества, въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ часто такъ, какъ будто тысячи верстъ ихъ раздѣляютъ. Для крестьянъ главное установить свои дѣла такъ, какъ для нихъ уравнительнѣе, удобнѣе и справедливѣе; и они вовсе не заботятся объ однообразіи и приглядности ихъ порядковъ, и о томъ, чтобы они были угодны постороннимъ. Правда, теперь, по милости волостныхъ писарей и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, вводится бюрократизмъ и въ крестьянскомъ самоуправленіи; правда, теперь, въ

Интеллигенція, въ настоящее время, особенно хлопочетъ объ освобожденіи личности отъ общиннаго гнета; но существуетъ ли этотъ гнетъ, и не болѣе ли онъ воображаемый, чѣмъ дѣйствительный? И тамъ, гдѣ онъ на дѣлѣ и имѣется, исходитъ ли онъ изъ существа общины или изъ злоупотребленій въ нее вкравшихся? Вотъ вопросы, хотя и подлежащіе рѣшенію прежде другихъ, но до сихъ поръ они не изслѣдованы и едва были поставлены. Развѣ въ конституціонныхъ монархіяхъ и республикахъ не бываетъ гнета, тиранніи однихъ надъ другими, и развѣ можно, ради этихъ случайныхъ обстоятельствъ, осуждать эти образы правленія и приписывать имъ то, что вовсе изъ ихъ существа не истекаетъ? Кто знаетъ русскую общину не изъ книгъ и газетъ, а на дѣлѣ, и не въ одной какой-либо мѣстности, тотъ не усомнится положительно отвѣтить, что въ существѣ нашей общины вовсе не заключается гнета надъ личностями, а напротивъ того, въ ней имѣется не только полная ихъ независимость, но и полная ихъ самостоятельность, безъ чего и сама община хирѣетъ и ослабѣваетъ. Конечно, на мірскихъ сходахъ, бываютъ міроѣды и горланы, но они исходятъ вовсе не изъ существа общины. Эти самовольщики возможны только потому, что нашъ народъ пригнутъ нуждою, безграмотенъ, и что сперва и долгое время крѣпостнымъ правомъ, потомъ посредниками, а теперь исправниками и непремѣнными членами, онъ пріученъ ко всевозможнымъ самоуправствамъ и нарушеніямъ справедливости. Угодите попасть на настоящую крестьянскую сходку, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, и вы удивитесь, какъ тамъ рѣшаются дѣла просто, разумно и согласно съ личною волею лучшихъ людей общества. Замѣчательно, какъ на этихъ сходахъ своекорыстіе и злоба мало-по-малу уходятъ назадъ, стушевываются, а справедливость и благодушіе остаются впереди и всегда одерживаютъ верхъ. Случалось мнѣ присутствовать при сужденіяхъ крестьянъ и по дѣламъ, подлежавшимъ рѣшенію по совѣсти, и по дѣламъ, гдѣ выгода и удобство имѣли главное значеніе. По первымъ рѣшенія были скорыя и почти единогласныя; по послѣднимъ дольше спорили, иногда откладывали постановленіе приговора до другаго дня, но всетаки рѣшали умно и согласно желаніямъ большинства. Правда, крестьяне не охотно употребляютъ на сходахъ орѣшки (такъ они называютъ балотировальные шары) и открыто высказываютъ свои мнѣнія; большинство же высказывается тѣмъ, что меньшинство или умолкаетъ или уходитъ домой. Конечно, бываютъ рѣшенія и несправедливыя и нелѣпыя; но развѣ парламенты, совѣты, собранія и коммиссіи въ этомъ отношеніи безупречны и непогрѣшимы?

Не преобразовывать, не регламентировать нужно общинныя учрежденія или устройства, не превращать ихъ во что-то иное; но необходимо намъ

угоду начальства, по требованіямъ старшинъ, составляются странные, часто нелѣпые приговоры; но тутъ община не при чемъ. Сила солому ломитъ. Сила—уму могила.

ихъ изучать и проникаться ихъ духомъ. Они, конечно, должны развиваться и совершенствоваться, но сами собою и изъ своего собственнаго существа. Они вовсе не страдаютъ косностью: по мѣстнымъ и временнымъ требованіямъ они измѣняются; въ ихъ обычаѣ только нѣтъ погони за единообразіемъ и за регулированіемъ будущаго. Мы, конечно, не должны оставаться безучастными въ этомъ дѣлѣ: какъ люди болѣе развитые, болѣе властные и болѣе достаточные, мы обязаны помогать нашимъ «меньшимъ братьямъ» и совѣтомъ и дѣломъ; но прежде всего намъ необходимо оставить за порогомъ наше высокомѣріе и высокомудріе, пріобщаться того духа, которымъ живетъ община, и тогда, но только тогда, мы получимъ возможность дѣйствовать не во вредъ, а въ пользу общины, ея устройства и основанныхъ на ней учрежденій.

Въ словахъ, приведенныхъ въ нашей замѣткѣ, изъ внутренняго обозрѣнія «Русской Мысли», высказывается мысль о постепенномъ превращеніи общины въ свободный союзъ на основаніи общиннаго землевладѣнія. Этого мы хорошо и не понимаемъ. Какъ государства не составляются на основаніи contrat social Руссо, а образуются сами собою, не произвольно, а подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, такъ и наши общины существуютъ въ силу прежнихъ, нынѣ отъ нихъ независящихъ обстоятельствъ. Должны имѣть право выхода изъ общины всѣ тѣ, которые не желаютъ въ ней долѣе оставаться, но она не можетъ не быть обязательною и становиться свободнымъ союзомъ. Это тѣмъ невозможнѣе, что, въ вышеупомянутомъ опредѣленіи, сказано вольный союзъ на основаніи общиннаго землевладѣнія. Землю подѣлить по дворамъ—нетрудно, хотя, конечно нежелательно; но имѣть свободный союзъ людей на основаніи общиннаго землевладѣнія, котораго лучшее и важнѣйшее свойство заключается въ неотчуждаемости земли, и которое служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ прочности и незыблимости общины—это, просто, непонятно. Земля остается общинною, а люди могутъ разойтись по сторонамъ; или община можетъ всегда свою землю продать и разбрестись;— едва-ли такой порядокъ желателенъ и въ государственномъ, и въ общественномъ, и въ частномъ отношеніи. Такая община была бы собраніемъ — товариществомъ случайно и произвольно состоявшимся и ежечасно могущимъ разойтись,—зданіемъ на пескѣ выстроеннымъ. Думаемъ, что тутъ или мы не поняли г. В. Г., или онъ неточно выразился.

Въ «Русской Мысли», вслѣдъ за постепеннымъ превращеніемъ общины въ свободный союзъ, говорится: «выдвигая впередъ артельное начало, наше изданіе выше всего поставитъ честный личный трудъ». Мы вполнѣ сочувствуемъ условію честности труда, и думаемъ что всякій трудъ личный, артельный и общинный, если онъ честенъ, заслуживаетъ полнаго и равнаго уваженія; но мы не понимаемъ, почему личный трудъ поставленъ особнякомъ и выше всякаго другаго труда. Если крестьяне на сходѣ рѣшатъ выкопать прудъ или устроить плотину, или соорудить какое-либо зданіе или городьбу, то почему такой общій трудъ долженъ считаться

ниже личнаго? Тутъ опять должно быть недоразумѣніе между нами и г. В. Г.

Рождается у насъ также сомнѣніе: вслѣдъ за превращеніемъ общины въ вольный союзъ, говорится о выдвиганіи впередъ артельнаго начала; нѣтъ ли тутъ предположенія превратить общинное начало въ артельное? Артель есть вполнѣ свободный союзъ, въ который люди входятъ и изъ котораго они выходятъ совершенно по своему произволу. Неужели и община должна превратиться въ такой временный произвольный союзъ? Въ общинѣ люди родятся, ростутъ и имѣютъ свою осѣдлость, своихъ родныхъ и общіе съ ними связи и обычаи. Въ артель люди сходятся; артелью производятъ они извѣстныя работы, получаютъ условленныя деньги, дѣлятъ ихъ и расходятся по своимъ домамъ. Конечно, имѣются и постоянныя артели; но, во всякомъ случаѣ, они суть товарищества для труда и полученія заработанныхъ денегъ, а не бытовыя общества. Общинное и артельное начала совершенно различны; они, конечно, другъ друга не исключаютъ; напротивъ того, первое подготовляетъ, воспитываетъ людей для послѣдняго; но вовсе не желательно, чтобы общинное начало превратилось въ артельное. Тогда, что станетъ съ крестьянскою устойчивостью? Гдѣ государству и народу обрѣсти основы для своей самобытности и твердости? Не русская ли община удерживала и удерживаетъ нашу состоятельность?

Въ заключеніе г. В. Г. говоритъ, что содѣйствовать живому и плодотворному росту личности на Руси—есть одна изъ главныхъ задачъ «Русской Мысли». Думаемъ, что личность ростетъ у насъ успѣшно во всѣхъ состояніяхъ и безъ содѣйствія новаго журнала. Даже ужъ не черезъ-чуръ ли она развилась и развивается на Руси и по образцамъ иноземнымъ, и по собственнымъ измышленіямъ вслѣдствіе разныхъ подавляющихъ ее общественныхъ недуговъ? Мы нуждаемся, сильно нуждаемся въ оживленіи, упорядоченіи и укрѣпленіи нашей общественной дѣятельности. Еще болѣе нуждаемся мы въ возстановленіи и улучшеніи нашей нравственности, сильно потрясенной вообще и почти вовсе разложившейся въ интеллигентныхъ слояхъ нашего общества. Весьма желательно, совершенно необходимо наше обновленіе и оживотвореніе въ нравственномъ нашемъ бытѣ и въ этомъ отношеніи добрымъ и надежнымъ пособіемъ можетъ быть безотлагательное и по возможности, полное перенесеніе и водвореніе въ нашъ бытъ того общиннаго или общнаго духа, который сохранился въ крестьянствѣ, и который проявляется у насъ вообще въ великія эпохи нашей народной жизни. Стремленіе, содѣйствіе къ разрѣшенію такой задачи, думаемъ, и вполнѣ настоятельно и вполнѣ достойно такого изданія, какъ «Русская Мысль».

А. Кошелевъ.

Издатель **В. Лавровъ.**
Редакторъ **С. Юрьевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Л. ВАСИЛЬЕВА

Страстной бульваръ, домъ гр. Мусина-Пушкина.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Крестовскій, В. Псевдонимъ. Баритонъ. Романъ Спб. 1879. ц. 1 р. 50 к.

Курціусъ Эрнстъ. Исторія Греціи. т. III. пер. М. Корсакъ. М. 1880 ц. 4 р.

Илинскій, П. А. Русская женщина въ войну 1877—1878 г. Очеркъ дѣятельности сестеръ милосердія, фельдшерицъ и женщинъ-врачей. Спб. 1879. ц. 1 р. 75 к.—2 р.

Забылинъ, М. Русскій народъ. Его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія. М. 1880. ц. 2 р. 50 к.

Львовичъ-Кострица, Н. Права и обязанности присяжныхъ засѣдателей и необходимыя свѣдѣнія для нихъ по уголовному судопроизводству. М. 1880. ц. 20 к.

Ковалевскій, М. Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права. М. 1880. ц. 75 к.

Его же. Общинное землевладѣніе. Причины, ходъ и послѣдствія его раздѣленія. г. 1. М. 1879. ц. 2 р.

Его же. Англійская конституція и ея историкъ. М. 1880. ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А. Наши забавники. Юмористическіе разсказы. Спб. 1879. ц. 1 р. 50 к.

Его же. Неунывающіе Россіяне. Разсказы и картины съ натуры. Спб. 1879. ц. 1 р. 50 к.

Его же. Ради потѣхи. Юмористическія шалости пера. Спб. 1879. ц. 1 р. 50 к.

Его же. Шуты гороховые. Картины съ натуры. Спб. 1879. ц. 1 р. 50 к.

Его же. Саврасы безъ узды. Юмористическіе разсказы. Спб. 1880. ц. 1 р. 50 к.

Коломнинъ, Влад. Противъ скуки. Разсказы, сцены, картинки, наброски. М. 1880. ц. 60 к.

Маркевичъ, Б. М. Четверть вѣка назадъ. Правдивая исторія.—2 ч. М. 1879. ц. 3 р. 50 к.—4 р.

Кн. Мещерскій, В. Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ. Фантастическій этюдъ. 5 к.—Спб. 1879. ц. 5 р.

Модестовъ, В. И. Школьный вопросъ. Письмо къ редактору «Голоса» Спб. 1880. ц. 60 к.

Грове. Холодный Кавказъ. Спб. 1879. ц. 1 р.

Тренчъ Тоуншендъ, Ф. Флорида и Куба. Спб. 1879. ц. 1 р.

Де-Компьень маркизъ. Экваторіальная Африка. Спб. 1879. ц. 1 р.

Легуве, Э. Чтеніе, какъ искусство. пер. съ фр. М. 1879 ц. 80 к.

Забѣлинъ Иванъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. 2 ч. М. 1876—1879. ц. 7 р. 25 к.

Вешняковъ, В. Сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Спб. 1879. ц. 3 р.

Арнольдъ, Ѳ. К. Хозяйство въ русскихъ лѣсахъ. Спб. 1880. ц. 2 р.

Аксаковъ, С. Т. Семейная хроника и воспоминанія. Изд. 5-е, пополненное разсказомъ «Встрѣча съ Мартинистами» и портретомъ автора. М. 1879. ц. 2 р. 50 к.

Гете. Собраніе сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. И. В. Гербеля, т. 10. «Поэзія и правда моей жизни». Спб. 1880. ц. за 10 том. 14 р.

Мансветовъ, Ив. Новозавѣтное ученіе о церкви. М. 1879. ц. 1 р.

Тэнъ, И. Парижскіе нравы. Жизнь и размышленія Фридриха Томаса Грендоржа. М. 1880. ц. 1 р. 50 к.

Добродушный юмористъ. Проказники. Юмористическіе очерки, сценки, картинки и фотографическіе снимки съ натуры. М. 1880. ц. 1 р.

Фортунатовъ, Ст. Исторія политическихъ ученій въ Соединенныхъ Штатахъ. ч. 1. **Федералистъ** и трактаты Кальгуна. М. 1870 ц. 1 р.

Подлинные акты, относящіеся къ Иверской иконѣ Божіей Матери М. 1879. ц. 50 к.

Ренненкампфъ, Н. К. Очерки юридической энциклопедіи. Изд. 2-е, Кіевъ 1880 ц. 2 р. 50 к.

Безобразовъ, В. П. подъ ред.—Сборникъ государственныхъ знаній. т. VII. Спб. 1879. ц. 3 р.

Полевой, П. Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Вып. 1. Спб. ц. 3 р.

Карновичъ, Евг. Любовь и корона. Историч. Романъ. Спб. 1879. ц. 2 р.

Уоллэсъ, А. Р. Естественный подборъ. Пер. подъ ред. Н. Вагнера. Спб. 1878. ц. 3 р.

Алексѣевъ, А. С. Макіавелли, какъ политическій мыслитель. М. 1880. ц. 2 р. 50 к.

Воскресенскій гр. Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. М. 1879. ц. 1 р. 25 к.

Ауэрбахъ, Берт. Ландолинъ изъ Рейтерсгофена. Разсказъ. Спб. 1879. ц. 1 р.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣніе о немъ Е. Віолле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. Критическій обзоръ. М. 1879. ц. 1 р.

Гамбаровъ. Ю. С. Добровольная и безвозмездная дѣятельность въ чужомъ интересѣ внѣ договорнаго отношенія и не по предписанію закона. Вып. 1. М. 1879. ц. 1 р. 50 к.

Чтенія. въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, изд. подъ ред. В. Иконникова. кн. 1. (1873—1877 гг.). Кіевъ. 1879. ц. 2 р.

Кочубинскій, А. Мы и они (1711—1878). Очерки исторіи и политики Славянъ. Одесса. 1878. ц. 1 р. 50 к.

Михневичъ, Вл. Въ Петербургскомъ омутѣ. Романъ—фельетонъ изъ временъ войны 1877 года. Изд. 2 Спб. 1879. ц. 1 р. 25 к.

Ксавье де-Монтепэнъ. Докторъ умалишенныхъ Женщинъ. Романъ. 5 ч. въ 2 тома. Спб. 1878. ц. 4 р. 50 к.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. т. 29. М. 1879 ц. 2 р.

Успенскій, Глѣбъ (Г. Ивановъ). Люди и нравы современной деревни. М. 1880. 1 р. 25 к.

Салтыковъ М. Е. (Щедринъ). Убѣжище Монрепо. Спб. 1880. ц. 1 р.

Тургеневъ И. С. Записки охотник. 1 стеретипное изданіе. Спб. 1880 ц. 2 р.

Шведовъ И. Г. Записки сибирскаго Немврода. Охотничьи разсказы. Спб. 1880. 2 р. 50 к.

Телефоновъ, К. (псевдонимъ). Въ мутной водѣ. Ориг. романъ пр. послѣднихъ событій Спб. 1879. ц. 1 р. 50 к.

Пассекъ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія, т. II. Спб. 1879 ц. 2 р.

Прибыль д—ръ. Домашнее и заводское птицеводство. Пер. съ нѣм. Н. Ольгина. Спб. 1879. ц. 1 р. 25 к.

Хлюдзинскій, В. Основы заводскаго искусства въ примѣненіи къ разведенію крупнаго рогатаго скота. Спб. 1879 ц. 2 р. 50 к.

Регель, Э. д—ръ. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. г. II. Спб. 1879 ц. 4 р.

ОПЕЧАТКИ

1-й книги въ стихотвореніи Фейдипидъ А. П. Аксакова:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
37	13 сверху	Но Персы въ Суніонъ отплыли	Но Персы Суніонъ оплыли
36	23 «	Да сжалься,	О, сжалься,

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 322 742 188